

Карл фон Дитмар

Поездки и пребывание в Камчатке в 1851--1855 гг.

Дитмар, К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851--1855 гг.: Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. -- Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания "Новая книга", 2009.

(Б-ка "Новой книги". Серия "Камчатка в описаниях путешественников").

Текст труда Карла фон Дитмара печатается по изданию: Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851--1855 гг.: Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. -- СПб., 1901.

Содержание:

От издательства

Предисловие (К. ф. Дитмар)

Отдел I

Путешествие от Петербурга до Петропавловска (Камчатка).

Отдел II

Поездка по Камчатке осенью 1851 и зимою 1852 гг.

1. Поездка к горячим ключам (Паратунским) в сентябре 1851 г.
2. Объезд Авачинской губы в сентябре 1851 г.
3. Поездка к Авачинской сопке в октябре 1851 г.
4. Зимняя поездка в Нижнекамчатск в январе 1852 г.

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1851-1852 гг.

Отдел III

Путешествие вдоль восточного берега Камчатки от Петропавловска до Нижнекамчатска и возвращение обратно долиною реки Камчатки (летом 1852 г.)

1. Путешествие в лодке от Петропавловска к устью реки Камчатки
2. Обратное путешествие в Петропавловск через долину реки Камчатки

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1852--1853 гг.

Отдел IV

Поездки по Камчатке. Путешествие в Ижигинск и на полуостров Тайгонос летом 1853 г.

1. Плавание от Петропавловска в Ижигинск
2. Поездка по полуострову Тайгоносу
3. Плавание из Ижигинска в Тигиль
4. Поездки по западному берегу Камчатки

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1853-1854 гг.

Отдел V

Поездки по Камчатке летом 1854 г.

1. Экскурсия на Авачинский залив и к реке Калахтырке
 2. Экскурсия к Паратунке и ее окрестностям
 3. Экскурсия на Авачинскую сопку, к Баккенингу и к вулканам восточного ряда
- Прибавление.* Пребывание в Петропавловске зимой 1854--1855 гг.

Отдел VI

Морское путешествие от Камчатки до Амурского края и возвращение оттуда в С.-Петербург

1. Плавание от Камчатки до Амурского края (залива Де-Кастри)
 2. Обратный путь из Николаевска вверх по р. Амуру и чрез Нерчинск и Иркутск в С.-Петербург
-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вследствие милостивого ходатайства Его Императорского Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергского мне было поручено осенью 1850 года отправиться в Камчатку для исследования ее в географическом и, преимущественно, геологическом отношениях.

С этой целью я был причислен к тогдашнему военному губернатору Камчатки, капитану флота (позже адмиралу) Завойко, в качестве чиновника особых поручений по горной части.

Особых научных инструкций для путешествия я не получил, но со стороны Восточно-Сибирской администрации мне было наистрожайше приказано обратить особенное внимание на нахождение металлов, каменного угля и других более ценных продуктов минерального царства.

В означенном положении я провел пять лет (1851--1855) отчасти в Петропавловске и, главным образом, в разъездах по Камчатке и имел при этом возможность ближе ознакомиться с этой страной как вдоль по обоим побережьям, так и внутри ее. Вследствие сложившихся неблагоприятно обстоятельств осталась, к сожалению, не посещенной мною лишь самая южная оконечность полуострова, почему и на прилагаемой карте она лишена географических подробностей. Но зато по направлению к северу мои поездки простирались вплоть до обширной моховой тундры, пересекающей Срединный камчатский хребет и соединяющей полуостров с материком и тундрами по побережью Ледовитого океана. Так, мне даже удалось посетить доселе лишь мало известный полуостров Тайгонос, расположенный в самой Северной части Охотского моря.

Лишь немногие данные из этих поездок опубликованы до настоящего времени, я разумею следующие статьи, помещенные мною в Известиях Императорской Академии Наук в С.-Петербурге (*Bulletin phys.-math.*, T. XI, XIII, XIV, resp. *Melanges phys. et chim.*, T. I, II et *Mel. russes*, T. III): "Ueber die Eismulden in ostlichen Sibirien" (1852), "Ein paar erläuternde Worte zur geognostischen Karte Kamtschatka's, mit einer Karte" (1855) и "Ueber die Korjaken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen, mit einer ethnographischen Karte Kamtschatka" (1855).

Стесненные обстоятельства принудили меня тотчас же по моему возвращению из путешествия (1856 г.) оставить начатые научные работы и всецело посвятить себя чуждой мне до того времени практической сельскохозяйственной деятельности. Среди глубокого одиночества деревенской жизни я чувствовал недостаток и в научных коллекциях, и в литературных источниках, а также в каком-либо побуждающем общении с представителями науки, вследствие чего я не мог и думать о дальнейшей обработке моих путевых материалов и сведений. Однако тщательно мной веденные и вполне сохранившиеся дневники постоянно напоминали мне о долге, все еще не выполненном

по отношению к стране, которую я объездил, изучил и успел полюбить. К этому присоединялись воспоминания о друзьях, побуждавшие меня опубликовать хотя бы эти путевые дневники и заметки. Но главной причиной этого желания было то полное затишье в исследовании Камчатки, которое наступило за последние десятилетия.

Около половины прошлого столетия (1740) Штеллер и Крашенинников объездили Камчатку и описали ее в обстоятельных трудах, которые хотя и устарели теперь, но в историческом и этнографическом отношении имеют неоцененные достоинства. Ничего подобного никем не было сделано впоследствии. Лессепс (1787), Добелл (1812), Киттлиц (1826) совершали более или менее беглые поездки по одной какой-либо части страны. Эрман (1829), пройдя из Тигиля на другой берег, достиг долиной реки Камчатки Петропавловска и своим путешествием сделал, бесспорно, самый крупный вклад в научное познание страны. По большей же части Камчатку описывали только мореплаватели, посещавшие ее отдельные береговые пункты. Так, например, к берегам Камчатки, и в особенности к Петропавловску, приставали обыкновенно русские моряки, отправлявшиеся в кругосветное плавание или в прежние русские колонии в Северной Америке.

Но вот в 50-х и 60-х годах Россия приобрела Приамурский край, и вместо Петропавловска главной гаванью на Тихом океане сделались сначала Николаевск при устье Амура, а позднее Владивосток. В то же время американские колонии России отошли к Североамериканским Соединенным Штатам, а вместе с тем прекратились даже прежние, случайные, посещения Камчатки. С тех пор целью почти всех научных путешествий, предпринимавшихся со стороны русских, явились Амурский и Уссурийский края, включая сюда и Сахалин, а позднее страны, пограничные со среднеазиатскими владениями. Камчатка же оказалась почти в полном забвении.

Из сказанного легко понять причины, побудившие меня уже в позднем возрасте и почти тридцать лет спустя после своего путешествия приняться за составление его общего обзора на основании путевых дневников. К тому же академик Л. фон Шренк взялся представить мою работу Академии наук, приняв ее для помещения в "Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches". Это случилось 1 ноября 1888 г. Подобно тому, как некогда полтора столетия тому назад командировкой Штеллера и Крашенинникова Академия положила основание изучению Камчатки, так и настоящий труд был вызван ею к жизни с тою же самою целью, причем она предоставила необходимые средства для изготовления относящихся сюда карт, таблиц и полиטיפажей, главным же образом для напечатания всего сочинения. Г. фон Шренк был так любезен, что взял на себя редактирование и корректуру издания. Считаю приятной для себя обязанностью выразить здесь свою глубокую благодарность как ему, так и Академии наук.

В заключение мне остается прибавить, что прилагаемая карта Камчатки, относительно береговых очертаний, составлена почти сплошь по картам гидрографического департамента и генерального штаба; что же касается положения горных хребтов, вулканов, горячих ключей, рек и озер, то она снабжена многочисленными поправками и дополнениями по моим собственным наблюдениям. То же самое следует сказать и о нанесенных на карте границах распространения некоторых племен, животных и растений Камчатки.

К. ф. Дитмар

Дерпт, февраль 1890 г.

Отдел I

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКА (КАМЧАТКА)

2 мая 1851 г. я отправился из Петербурга через Москву и Пермь, в Екатеринбург, куда из-за остановок в названных городах прибыл лишь 23 мая.

От Екатеринбурга, а, стало быть, от восточного склона лесного Уральского хребта поверхность круто понижается к Барабинской степи, которую прорезывает система Оби с ее громадными реками -- неживописная, ровная, но в южных своих частях большею частью плодородная местность. Всюду -- на водных путях и сухопутных дорогах, между большими и малыми городами -- здесь часто встречаются большие, богатые села, образующие сеть заселенных линий в пустынном степном пространстве Западной Сибири. В Екатеринбург я, оставив почтовый тракт, направляющийся большой дугой к северу через Тюмень, Тобольск и более значительные города, отправился ближайшим, но не менее оживленным путем, проходящим более в восточном направлении. В Сибири проселочные дороги для проезжающего нередко оказываются выгоднее почтового тракта. На них нет, правда, почтовых станций, но зато крестьяне возят скоро, хорошо и очень дешево, причем ямщик в ближайшей деревне передает пассажира своему приятелю, который везет до следующей станции и т. д. Таким образом часто обходятся большие излучины почтового тракта.

Избранный мною путь и представлял такой частный крестьянский почтовый тракт, который шел сперва через городок Шадринск, затем у богатой Абацкой слободы, через Ишим, разливающийся здесь наподобие озера; далее дорога шла через городок Тюкалинск, потом через весьма быстротечный Иртыш у большой деревни Серебряной, через городки Каинск и Колывань, наконец через Обь у деревни Дубровиной, похожей на город. За Обью приходится проехать еще лишь через несколько русских деревень, а затем начинаются поселения томских татар, которые от русских деревень отличаются только заменой церкви мечетью. 3 июня я переправился через широкую Томь, проехал через построенный на ее высоком берегу богатый Томск и достиг утром 6 июня реки Чулыма, на береговых холмах которой живописно раскинулся городок Ачинск. Чулым -- последняя из принадлежащих к системе Оби река и, вместе с тем, граница между Восточной и Западной Сибирью.

Степь теперь осталась позади. От Екатеринбурга лес быстро убывает, особенно скоро исчезает хвойный. Местность быстро понижается к Барабинской степи, которая простирается собственно от Тюкалинска до Колывани и между этими двумя пунктами в ширину имеет с лишком 900 верст. Здесь, в необозримом роскошном море лугов, как раз теперь покрытом бесчисленными цветущими растениями, лишь местами рассеяны одиночные тощие березки и осины или небольшие группы этих деревьев. Через волнующийся зеленый ковер степи змеею вьется черная дорога. Местами виднеются небольшие и неглубокие скопления воды или голые, белые, блестящие пятна, образуемые выцветанием соли. Эта грунтовая дорога, глубоко врезающаяся в черноземную почву степи и, по-видимому, редко, да и то неудовлетворительно ремонтируемая, уставлена по обеим сторонам, примерно через каждые 5 шагов, высокими жердями; последние указывают путь во время страшных зимних вьюг и не дают путешественнику сбиться на север или на юг, в безлюдную степь. Своеобразный вид представляет эта необозримая аллея высоких жердей в степи! Все пустынно и мертво, лишь изредка взлетит спугнутая хищная птица. Один только раз я заметил вдали от дороги войлочные юрты кочевых киргизов да местами палатки цыган, торгующих лошадьми.

Лишь с приближением к деревне путешественник опять встречает стада лошадей, коров и овец, напоминающие ему, что среди этой плодородной пустыни живут в довольстве люди. Деревни выстроены большею частью хорошо и просторно, нередко с красивыми церквями. Постройки -- деревянные; материалом для них, за недостатком хвойного, служит лиственный лес. Расстояние между деревнями колеблется от 20 до 35 верст. В каждой деревне много лошадей, потому что извоз составляет главный промысел

сибирского крестьянина. Крестьяне часто перевозят товары на весьма большие расстояния, и таким образом значительное количество европейских продуктов попадает в сибирские торговые города, а полученные в обмен на эти продукты драгоценные меха и чай тем же путем идут назад, на всемирные рынки -- в Ирбит и Нижний Новгород. Всякий проезжавший по Сибири знает эти ежедневно встречаемые, особенно зимою, многочисленные обозы и имеет, следовательно, представление о важности извоза для сибирского крестьянина. Только такие ценные товары, как меха и чай, окупают столь дорогую и дальнюю перевозку сухим путем. Не то с хлебом и продуктами скотоводства, которые, при громадных расстояниях, до того возросли бы в цене, что не нашли бы себе покупателей.

Таким образом, с крестьянской почтой путешественник пролетает сотни верст и, выехав из деревни, опять погружается в полнейшее безлюдье роскошной степной природы.

Наконец, немного не доезжая Колывани, подъем поверхности указывает путешественнику приближение восточного края степи. За Обью лиственный лес становится разнообразнее, в нем часто начинает встречаться примесь лиственницы и ели, а также увеличиваются красота и разнообразие цветущих растений. Одновременно с увеличением разнообразия растительной жизни лес начинает оглашаться пением птиц. За Томском изменяется и характер поверхности: она становится волнистою, и, начиная отсюда, впечатления степи забываются. От Исети у Екатеринбурга до Чулыма у Ачинска 2500 верст; и здесь, следовательно, по наибольшей ширине системы Оби тянется водный путь по всей Западной Сибири. Указанная ширина вместе со значительной длиною той же системы примерно от Семипалатинска до устья Оби определяет протяжение обширной степной страны. Эта страна ныне изборозжена судоходными реками, а некогда, именно в один из новейших геологических периодов, представляла, быть может, дно внутреннего моря, которое, соединяясь с Ледовитым океаном, глубоко врезывалось в Киргизскую степь и своими волнами одновременно омывало предгорья Урала и Алтая.

Южная часть этой громадной низменности по климату и плодородию представляет страну как нельзя более благоприятную для земледелия и скотоводства, а, следовательно, и для технических производств; страну, которая могла бы сделаться богатой житницей для негостеприимного севера и для суровых горных стран Восточной Сибири. Если когда-нибудь правильное пароходное сообщение откроет доступ во все части обширной области и, следовательно, при возрастании народонаселения, облегчит обмен произведений различных поясов, прорезываемых Обью; если хорошие дороги, быть может, даже рельсовые пути, свяжут рассматриваемую часть Сибири с востоком и западом, доставив возможность вывоза богатых произведений страны; если когда-нибудь совершится все это, то последствия, вероятно, не преминут подтвердить основательность только что высказанных предположений.

У Ачинска путешественник вступает в Восточную Сибирь, и, начиная отсюда, дороги содержатся в несколько большем порядке. Страна приобретает заметно более волнистый характер. Дорога к Красноярску идет через цепь холмов в широкую долину Енисея, окаймленную умеренными высотами. Скоро показывается и сам богатый и красивый Красноярск. Эта резиденция богатых золотопромышленников живописно расположена на берегу второй из громадных сибирских рек и, вместе с тем, у подошвы кряжа, предгорья которого, состоящие из красного песчаника, подходят к самой реке и, вероятно, дали городу имя "Красного Яра". Верстах в 20 ниже Красноярска, у деревни Березовки, я на пароме переправился через величественный, быстрый Енисей и затем почтовым трактом, через городки Канск и Нижнеудинск направился в Иркутск, куда и прибыл 13 июня.

Эта часть дороги идет по холмистой стране то березовым или лиственничным лесом, то цветущими лугами, то плодородными полями, чередующимися с богатыми селами. За

60 верст до Иркутска приходится проехать через большое фабричное поселение Тельминскую, затем открывается Ангара, и, следуя вдоль этой красивой реки, достигают главного города Восточной Сибири. Не много не доезжая Иркутска находится большой мужской монастырь Вознесенский, у которого я переправился через Ангару и через каменные триумфальные ворота въехал в город. Иркутск правильно и просторно выстроен у самого берега реки, с широкими, прямыми, но немощеными улицами, со многими, большею частью очень красивыми, каменными постройками, между прочим, большими церквями и присутственными местами, с несколькими площадями, с обширными торговыми рядами, театром, клубом, гимназией и другими школами, с естественно-историческим музеем и со множеством садов. Все вместе производит впечатление большого богатого города. Особенное значение, сравнительно с другими сибирскими городами, придает Иркутску его положение как административного центра для всего беспредельного пространства Восточной Сибири, а равно и обширная торговля. В то же время сношения с соседними племенами, каковы буряты, монголы и другие, сообщают Иркутску заметно азиатский отпечаток. Эти инородцы особенно многочисленны на базаре, где они, часто с лошадьми и верблюдами, шатаются в своих пестрых одеждах или выставляют на продажу свои оригинальные товары.

В Иркутске скрещиваются все торговые пути Восточной Сибири. Отсюда во все стороны распространяются товары и сюда же возвращаются, полученные в обмен. По всей системе Енисея с Байкалом и Селенгой совершается оживленное торговое движение. Из Кяхты приходят ценные транспорты чая. К востоку открывается многообещающий торговый путь -- через Амур к Тихому океану. С севера всего 300 верст до системы Лены, по водным путям которой направляется обширная торговля пушным товаром. Наконец, вся Восточная Сибирь шлет сюда сокровища своих золотых приисков. Единственно, чего недостаточно краю, -- хороших путей сообщения. Не будь этого недостатка, торговля в короткое время поднялась бы чрезвычайно. Большие реки Сибири текут, правда, в негостеприимный Ледовитый океан, но в области умеренного климата системы их настолько расширяются от запада к востоку и так между собою сближаются, что немногих и сравнительно очень коротких каналов достаточно было бы для образования непрерывного водного пути от Петербурга до Тихого океана. Системы Волги, Оби, Енисея и Амура делают возможным такое соединение путем устройства трех систем каналов, из которых, вероятно, ни одна не достигала бы длины 100 верст: от Камы до Исети, от Чулыма до Енисея и от Селенги до Ингоды. 300 верст каналов, постройка которых, быть может, лишь местами представила бы некоторые затруднения и, следовательно, лишь местами обошлась бы дорого, -- эти 300 верст дали бы водный путь в 9--10 тысяч верст!

В Иркутске я тотчас же получил средства для дальнейшего путешествия и сделал необходимые приготовления. Счастливый случай свел меня с попутчиком, хорошо знавшим условия путешествия по Лене, и мы уговорились отправиться вечером 20 июня. Первую часть пути, 380 верст до Лены, приходилось сделать в экипаже; затем 2350 верст по Лене предполагалось проплыть в удобной лодке моего попутчика, иркутского купца Четкова.

К полудню 20 июня у Четкова все уже было готово к отъезду и по-старинному сибирскому обычаю началось угощение, длившееся без малого до вечера. Затем последовало богослужение перед фамильным образом; лишь к 9 часам вечера мы распростились с обществом и отправились в сопровождении семейства моего спутника. Перед воротами города стоит старый каменный крест. Здесь мы остановились и, выпив еще, простились с семейством. Нас окружили ночь и пустыня.

В течение ночи мы ехали по однообразной бурятской степи, но зато уже утром были вознаграждены очень красивым видом окружавшей нас местности. Путь шел то широкими, плодородными и отчасти возделанными долинами, то поднимался на плоские

холмы, то опять вился вниз, в зеленые долины. Чем более мы приближались к Лене, тем волнистее становилась поверхность.

Около полудня мы доехали до Манзурки, ручья, впадающего в Лену и протекающего в узкой, глубокой долине, склоны которой, во многих местах каменистые, придают чрезвычайно романтический вид местности. Наконец к вечеру у Качуги мы впервые достигли берега Лены, которая здесь еще невелика и носит характер совершенно горной реки.

От Иркутска до Лены вся местность, особенно бурятская степь, населена бурятами, наездническим и пастушеским племенем, которое живет главным образом в степях к югу от Байкала. Рогатый скот, лошади и стада овец -- вот их богатства, с которыми они кочуют от летних к зимним жильям и обратно, перенося с собою свои войлочные шатры. Сверх того буряты издревле занимаются охотой, а в последнее время стали перенимать понемногу и земледелие. Южные буряты -- ламаиты имеют в своем роде образованных жрецов и, благодаря китайской цивилизации, отличаются более мягкими нравами; северные -- грубый, преданный шаманству народ. Но те и другие говорят одним языком, употребляют одну и ту же неудовлетворительную пищу, носят одинаковое кожаное платье, украшенное бусами, блестящими кусочками жести и другими безделушками; точно так же одинаково распространены между бурятами к северу и югу от Байкала многие другие привычки и обычаи, из которых упомяну лишь о многоженстве.

Начиная от Качуги, на протяжении около 1500 верст вниз, Лена по берегам населена исключительно русскими, которые живут в больших селах; к востоку же и западу от реки единственное население составляют кочующие и охотничьи племена тунгусов.

Богатое, большое, чисто построенное село Качуга, первое по Лене на этом важном торговом пути, расположено в том месте, где исполинская река впервые становится судоходной, хотя лишь на короткое время года. Иркутские купцы зимою привозят сюда по тракту в 240 верст свои товары и складывают их в магазины, что бы с весенним половодьем отправить на больших лодках к северным рынкам. В течение всего лишь нескольких дней весною байкальские горы доставляют столько воды реке, что по ней, вниз от Качуги, могут плавать более крупные суда; затем быстро совершается спад вод, и во все остальное время года Лена остается несудоходной у названного села и еще на 100 верст ниже. Кто из купцов пропустит подходящее время, тот потеряет торговый год, если не отправит свои товары гужем вниз по реке, а такой провоз обходится дорого. Мы тоже не могли уже воспользоваться выгодами водного пути от Качуги и вынуждены были проехать на лошадях еще не менее 100 верст плохой дороги вниз по Лене. С наступлением темноты мы оставили село и въехали в долину Лены, чудный вид которой, к сожалению, омрачался начавшимся сильным дождем. В своей верхней части Лена протекает в узкой и разорванной долине среди холмистой местности, которую можно считать северным отрогом байкальских гор. Красный, ясно слоистый и сильно расщепленный песчаник то образует крутые обрывы, то в самых причудливых формах выдается из богатой растительности. Так, недалеко от Качуги, на высоком краю скалистого обрыва, подобно грозящему привидению, поднимается естественная колонна из плитняка, так называемый Шаманский камень, пользующийся, как и все необычайное, особым почетом среди народа. За дождливой ночью последовал прекрасный день, и путь наш шел самыми красивыми и романтическими местами берега. Дорога, суженная высоким отвесным боком долины и рекой, то немного поднимается, то опять спускается к самой воде. Нередко стена красного песчаника как крышей закрывает дорогу и затем снова вертикально поднимается до 100 и более футов высоты. Верхний край стены увенчан довольно высокими деревьями и кустами, между тем как из щелей и трещин выглядывают таволга, шиповник и лилии.

В открытых частях долины мы нередко проезжали через большие, хорошо выстроенные и заселенные зажиточным народом села, с лугами и небольшими полями, где это допускала почва. Поздно вечером мы заехали к одному богатому крестьянину,

приятелю Четкова, и должны были провести всю ночь напролет за угощениями. Я был поражен обилием яств, которым этот крестьянин проявлял свое чисто сибирское гостеприимство, -- гостеприимство, нередко оказывающееся весьма благодетельным после утомительных странствований по диким пустыням Сибири.

23 июня, очень рано утром, мы, наконец, закончили наше сухопутное путешествие у богатой деревни Жигаловской. Здесь нас ожидала просторная крытая лодка Четкова. Тарантас живо опорожнили, всю кладь перенесли в лодку, и к 6 часам утра мы могли начать плавание вниз по Лене. Проехав в тряском экипаже 380 верст от Иркутска, а всего от Петербурга и целых 6400, я считал для себя истинным благодеянием возможность в дальнейшем такой удобной и, вместе с тем, скорой езды.

На лодке устроена была настоящая комната с окнами и дверьми, в которых стекла по старинному сибирскому обычаю заменены были большими слюдяными пластинками. У боковых стен этой каюты находились 4 широкие деревянные лавки, из коих 2 служили нам кроватями, а другие 2 помещением для нашей клади и съестных припасов. Лосиная шкура, привезенная мною из Лифляндии, уже здесь начала свою верную многолетнюю службу в качестве постели и с первого же раза оказалась самым практичным ложем для путешествий по Восточной Сибири и Камчатке. Мы сейчас же устроились, и Четков, взявший на себя роль повара, начал применять свой кулинарный талант; я был поражен при этом массой всевозможных припасов, взятых им в тарантас. Не было недостатка и в кухонной посуде. Мой хозяин ухитрился даже поместить в тарантас самовар, эту неотъемлемую принадлежность русского купеческого комфорта. Наша кухня, как принято у плавающих по Лене, помещалась в передней части лодки и состояла из простого очага на фундаменте из глины и камня. Четков был человек без всякого образования и в своих деловых сношениях нередко обнаруживал бессердечие, грубость и суеверие, но по отношению ко мне он проявлял лишь лучшие стороны своей натуры: был любезен, даже услужлив, обнаруживал много добродушия, кое-какие сведения и очень много опытности как путешественник. Интимным беседам на этой лодке я обязан знанием некоторых практических приемов для путешествия в здешних местах, а также и некоторым представлением о сущности сибирской торговли.

Экипаж нашей лодки во все время плаванья состоял из 4 гребцов и одного рулевого, которые оплачивались как три почтовые лошади. Когда мы приближались к станции, т. е. к деревне, то гребцы поднимали страшный крик, чтобы дать знать жителям станционной деревни о приходе почтовой лодки и вызвать на берег свежих гребцов.

Начиная от Жигаловской, Лена становится шире, но сперва еще встречаются кое-где мели, так что здесь из осторожности не допускается быстрая езда. Бока долины здесь менее скалисты, но зато ближе подходят к берегу горные хребты, представляющие закругленные вершины или сильно разорванные, густо поросшие лиственницей, березой и сосной. С концом сухопутной дороги земледелие отступает на второй план, полей не видно, да и прибрежные деревни становятся реже. В живописной пустыне царствует глубокая тишина, нарушаемая лишь плеском весел одинокой лодки да журчанием ручья. Недалеко от станционной деревни Тарасовской я заметил на правом берегу реки большую ледяную массу, спускавшуюся, подобно колоссальной сосульке, от верхнего края долины почти до уровня воды. Такой зимний феномен производит впечатление чего-то неожиданного среди зелени лесистых склонов долины. По словам моих спутников, зимою здесь со склонов долины из незамерзающих ключей постоянно стекает вода и, замерзая, образует эту громадную сосульку, которая затем благодаря своей величине не может вполне растаять.

Лишь близ городка Киренска, которого мы достигли вечером 27 июня, опять встречается больше деревень и даже немного полей. Киренск, чистенький деревянный городок, расположен на левом берегу Лены, против устья р. Киренги. Несмотря на свои небольшие размеры и кажущуюся незначительность, он представляет одно из важнейших мест для торговли по Лене. Отстоя на 1000 верст от Иркутска и на 1600 от

Якутска, этот город стоит как бы на середине торгового пути. Зажиточное киренское купечество производит обширную меновую торговлю, распространяющуюся отсюда далеко в глубь страны, с кочующими и охотничьими тунгусами, а также поддерживает деятельное сообщение с Иркутском и Якутском.

Красный песчаник, начиная от Качуги, являлся в виде горизонтальной, ясно слоистой породы, из которой одной только и состоял берег Лены. Немного ниже Киренска песчаник подстилается также слоистым белым известняком, теряет горизонтальность и часто приподнимается известняком или, вернее говоря, другой горной породой, поднимающей известняк, но не выступающей наружу. Сейчас же у Киренска я заметил два значительных поднятия известняка, между которыми красный песчаник заключен как бы в котловине. Далее вниз по реке также еще выступает местами песчаник, но все более и более подчиняясь известняку, пока, наконец, последний не получает окончательного преобладания. В нижних своих отделах известняк явственно слоист, а в верхних -- представляет множество трещин и носит характер массивной породы, образуя вместе с тем чрезвычайно красивые и высокие скалистые участки, а также отдельные утесы самой причудливой формы.

На некотором протяжении за Киренском береговые высоты более отходят от реки и образуют широкую долину, по дну которой, состоящему из низких наносов, большими изгибами протекает Лена. Затем снова подходят к берегу мощные образования красного песчаника, в свою очередь вытесняемые известняком над станцией Иванушковской. Здесь известняк опять приближается к берегу в виде живописных скалистых участков. Все плавающие по Лене знают одинокую высокую скалу известняка, стоящую у самого берега близ названной станции и известную в народе под именем Ивана-Богатыря. Этот богатырь, по словам предания, странствовал вдоль берегов Лены, мучая и убивая русских, пока, наконец, Бог в защиту православных не прекратил этих разбойничьих подвигов, обратив богатыря в береговую скалу.

От ближайшей станции Частинской до следующей Дубровской берега особенно хороши благодаря необыкновенно живописным скалам. Крутые скалистые стены, высота которых значительно более 100 футов, с обеих сторон близко подходят к берегу, образуя как бы узкие ворота, через которые теснится быстрая, многоводная река. Своею неподвижностью желтовато белые каменные крутизны, увенчанные роскошной зеленью леса, составляют оригинальный контраст с быстро текущей темной массой воды, которая местами пенится, наскакивая на подводные камни. Интересное строение скал также само по себе обуславливает дикий характер здешней природы. Слои известняка здесь весьма разнообразно нарушены и почти перепутаны между собою, то получая вид истрескавшейся массивной породы, то снова обнаруживая более явственную слоистость. Но всего интереснее колоссальные складки, образуемые слоями этих береговых скал. Под углом 60° к горизонту слои поднимаются от уровня воды до самого верха мощной скалистой стены и затем так же круто падают вниз, сейчас же образуя вторую, столь же крутую складку. Мощный переворот оставил здесь свои следы!

"Щеки" -- таково название, придаваемое русскими в Сибири всем подобным прорывам рек; "быками" же зовутся у жителей берегов Лены опасные для судоходства каменные мысы, о которые, на что намекает и название, разбиваются наскочившие на них лодки. Так и здесь имеется весьма опасный мыс, о который несколько лет тому назад разбилось большое судно с водкой и который с тех пор зовется Пьяным быком. Этим шутливым названием увековечена память о досадном происшествии, лишившем северных жителей самого драгоценного товара и насильственно принудившем их к продолжительной воздержанности. У станции Дубровской мы в числе гребцов в первый раз имели одного тунгуса. Многие тунгусы летом работают на жалованье у русских, но зимой возвращаются к охоте за пушным зверем и кочуют по пустыне. Вышеупомянутый тунгус рассказывал мне, что с древнейших времен вся страна у них разделена на участки, так что каждый род охотится в пределах своего района и никогда не переступает этих

исстари установленных границ. Как должна быть интересна эта политическая география тунгусов!

Рано утром 30 июня мы доехали до Витимска, одного из наибольших и богатейших торговых сел по Лене, и недалеко от села прошли мимо устья Витима, значительного притока, начинающегося в горах к югу от Байкала, следовательно, в непосредственном соседстве системы Амура. Богатый охотничий район и далеко простирающаяся по этой реке торговля с тунгусами создали благосостояние села. Витимск приобрел также известность благодаря торговле слюдой, которая прежде, по всей Сибири, служила для окон и лишь в последнее время стала вытесняться стеклом. Верстах в 250 вверх по Витиму, а равно по его притоку Маме (вероятно, в очень грубозернистом граните) распространена, как говорят, прекрасная крупнопластинчатая слюда. Еще и теперь платят 1 р. 50 коп. за фунт очень больших прозрачных слюдяных пластинок.

Проехав еще одну станцию от Витимска, мы среди гребцов опять встретили новинку -- на этот раз якута. Его чисто монгольские черты лица очень напоминали виденных за последние дни тунгусов и бурят, но вся его фигура представлялась более коренастой, особенно по сравнению с тунгусами. Затем волосы у якута не были заплетены в косу, а просто острижены, за исключением нескольких более длинных прядей близ ушей.

Выше Витимска берега становятся ниже, и некоторые станции за этой деревней расположены так низко, что обширные пространства между ними представляются бесплодными песчаными дюнами и болотами с чахлой растительностью. Река становится все более и более широкой и многоводной, но, соответственно этому, уменьшается ее падение. Наши гребцы должны были уже прилагать большие усилия для ускорения хода лодки несмотря на то, что мы плыли по течению. Река здесь поистине Лена, лентяйка, и невольно напрашивается словопроизводство "Лена" от "леность, лень".

У деревни Жербинской, примерно в 350 верстах от Витимска, берега снова повышаются благодаря вторичному выступанию известковых скал. Они также покрыты мощной растительностью и потому представляют некоторое разнообразие. Сама Жербинская отличается не столько своим живописным, сколько географическим положением: здесь граница Иркутской губернии и Якутской области.

С напряженным интересом путешественник ступает на рубеж самой обширной и отдаленной губернии, этой громадной полярной области, которая, начинаясь системой Лены, тянется почти на 80° по долготе до Берингова пролива и большею частью проходит севернее 60-го градуса широты. Здесь начинается район сравнительно безлюдный, особенно если принять во внимание обширность его протяжения, но все же населенный многочисленными племенами, большею частью еще мало известными; район, где естествоиспытателю открывается безграничное поле для исследований. Мне пришлось лишь очень бегло познакомиться с краем, потому что, преследуя в своем путешествии совершенно определенные цели и располагая крайне ограниченным временем, я принужден был промчаться лишь через более южную и самую малую часть Якутской области.

Местность, ближайшая к Жербинской, не лишена некоторого значения и для коммерческого мира, потому что у следующей станции, Каменской, достигают пункта, весьма знаменательного по отношению к торговому движению по Лене, а именно скалы, означающей середину пути между Якутском и Киренском и называемой "Ура". Это название выражает радость по поводу побежденных трудностей и придумано судовыми рабочими, которые ежегодно с большим трудом тянут бечевой вверх по реке -- от Якутска к Киренску -- лодки с грузом пушного товара. Утес Ура представляет большую слоистую массу известняка, отделенную ручьем от скалистого берегового массива, и производит почти впечатление обломка, свалившегося с береговой стены. Далее вниз по реке белый береговой известняк выступает еще лишь на протяжении между несколькими станциями и у Березовской опять заменяется красным песчаником: последний сплошь до Якутска образует берега реки, лишь все более и более разрыхляясь и становясь все

богаче глиной. Красный песчаник первоначально имел, вероятно, громадное распространение, т. е. от Качуги до Якутска, а может быть и еще далее, но затем, на расстоянии от Киренска без малого до Витимска, был нарушен известняком, получившим главный толчок у Дубровской и уничтожившим, вероятно, благодаря той же катастрофе, покрывавший его красный песчаник. Я нигде не мог найти породы, собственно нарушившей напластование и так мощно подействовавшей на слои известняка, но, во всяком случае, эта порода всего ближе подошла к поверхности у Дубровской. Мне также, к сожалению, не удалось найти окаменелостей ни в песчанике, ни в известняке, почему я лишен возможности судить сколько-нибудь определенно о геологическом возрасте этих отложений.

Начиная от Березовской, Лена опять становится такой широкой и течет так тихо, что производит впечатление озера. При этом число островов и рукавов между ними так увеличивается, что проезжающий по главному руслу видит по обеим сторонам лишь в значительном отдалении более высокие, каменистые берега реки, красноватые, лесистые склоны которых выступают из-за низких песчаных островов, поросших ивовыми кустами и высокой травой. Все перечисленные особенности Лены -- большая ширина при малом падении и обилие островов -- характеризуют нижнее течение реки, а между тем, мы едва только проехали верхнюю треть всего протяжения Лены.

Утром 3 июля мы через бесчисленное множество рукавов приблизились к левому берегу и около полудня высадились у городка Олекминска. Этот невзрачный городок состоял в то время из нескольких плохих домов, расположенных у самой Лены, но впоследствии он более разросся, благодаря найденным по Олекме золотым приискам. Но и во время моего проезда олекминская торговля была довольно значительна. Олекма, начинающаяся на дальнем Юге, именно в горах Нерчинского края, впадает с правой стороны в Лену немного ниже Олекминска, и ее длинное течение составляет путь для оживленной торговли с тунгусами, именно для торговли пушным товаром, распространяющейся до Амурского края.

Жители Олекминска, за исключением нескольких русских купцов, -- якуты, которые, начиная уже от Жербинской, часто населяют деревни, а от Олекминска составляют главное население Приленского края. Замечательно, что этот умный народ занимает господствующее положение уже здесь, на границах области своего обитания: якутский язык, якутские обычаи, даже якутская одежда настолько вытесняют все прочее, что немногие живущие здесь русские кажутся почти вполне обьякутившимися, -- факт, говорящий не в пользу здешних русских, ибо едва ли можно заимствовать что-нибудь хорошее от скрытных, нечестных и корыстолюбивых якутов.

Вскоре после того как мы проехали Олекминск, нас догнал курьер, направлявшийся в Камчатку. Он советовал мне спешить и уверял, что сейчас же по прибытии его в Аян оттуда уйдет судно в Камчатку. Эта встреча заставила меня еще сильнее торрпиться в моем путешествии, тем более, что, как я и сам знал, осенью из Аяна в Камчатку отходит одно только судно, следовательно, при недостаточной поспешности мне пришлось бы зазимовать в Аяне. Я поэтому избегал всякого промедления и прилагал все усилия к возможному ускорению путешествия. Для этой цели мы главным образом пользовались парусами, которые, как и ранее, при попутном ветре сооружались из платья, одеял и простынь и нередко оказывали нам большую услугу.

Одну из наибольших задержек для путешествующих по Сибири представляют низшие почтовые чиновники, живущие в некоторых почтовых деревнях и надзирающие за целым рядом казенных станций. Корыстолюбивые, совершенно необразованные, грубые и недобросовестные, они подстерегают проезжающего, как добычу. Почтовые писаря большею частью не осмеливаются подвергать вымогательствам чиновника, путешествующего под охраной своей подорожной, и разве причиняют ему неприятности. Но раз попадет в их руки купец или другое частное лицо, не имеющее такого рода документа, то писаря распоряжаются совершенно противозаконно и

самовольно, словом, как вздумается этим маленьким диктаторам. Они по своему усмотрению назначают размер платы за проезд, и, если проезжающий не согласится уплатить затребованной суммы, то будет сидеть на месте. Понятно поэтому, что купцы стараются находить себе попутчиков-чиновников, чтобы защититься от такого грабежа. Между прочим, и Четков присоединился ко мне из таких же соображений. Всякий чиновник имеет право везти по своей подорожной еще одного провожатого, и, таким образом, мой документ защищал нас от вымогательств, но не избавлял от ежедневных мелких придилок, очень замедлявших путешествие.

Несколько дней тому назад вода стала прибывать, вероятно, благодаря обильным осадкам, выпавшим в горных истоках реки, но лишь теперь мы обратили на это особенное внимание, так как вследствие очень сильной прибыли воды течение -- к великому нашему удовольствию -- значительно усилилось. Вода, дотоле чистая и пригодная для питья, стала мутною, с большим содержанием песка и землистых частиц. Могучий поток залил часть низких берегов и более низменные острова, представляя теперь необозримую водную поверхность, все более и более покрывавшуюся различным плавучим лесом. Быстрый подъем воды смыл с берегов разного рода плавучий материал, вследствие чего вся поверхность реки покрылась деревьями, корнями и древесными обломками. Река разом стала оживленнее благодаря большому движущимся массам, которые то оставались позади, то, напротив, попадая в более быстрое течение, опережали нас.

Речные острова состоят из явственных, совершенно горизонтальных, тонких слоев песка, отлагаемых один за другим после каждой прибыли воды в реке и, таким образом, постепенно образующих целые острова. Если река более или менее продолжительное время не изменяет своего течения, то образовавшиеся острова порастают, смотря по своему возрасту, травой или даже кустами. Если же, напротив, течение реки изменяется или уровень воды значительно повышается, то многие из существующих уже островов отчасти или вполне разрушаются и смываются. Материал же, составлявший их, уносится в виде мути далее; пока понижение уровня воды и, следовательно, более тихое течение не дадут возможности отложить новый остров в каком-нибудь подходящем месте. Таким образом песок и щебень из верховьев Лены постоянно передвигаются вниз по реке, образуя по временам острова, затем снова начинают движение и продолжают свое далекое странствие до тех пор, пока не достигнут многочисленных устьев исполинской реки. Здесь, отброшенный яростью северных волн, принесенный рекой материал вынужден остановиться, содействуя дальнейшему росту громадных дельт.

Спешно едущий путешественник должен воспользоваться выгодами высокого стояния воды, и мы поэтому всякий раз по оставлении станции тотчас же старались приблизиться к кучам плавучего леса, чтобы плыть по быстрому течению.

С приближением к Якутску берега становятся все более низкими и менее живописными, но тем шире расступаются, доставляя больше простора речному архипелагу. Лишь в немногих местах берега привлекают внимание путешественника. Так, у станции Батамайской открывается чрезвычайно красивый вид на правый, более высокий берег. Части берега, ближайшие к воде, закруглены в виде не очень высокого вала и покрыты густым хвойным лесом, тогда как на хребте самых отдаленных береговых гор, над древесными вершинами покрывающего их темно-зеленого леса возвышаются красновато-желтые скалы в виде столбов и пирамид, напоминающих зубцы и башни старинных замков. У деревни Порковской (на левом берегу Лены), от которой остается лишь несколько станций до Якутска, мы утром 6 июля опять достигли сухопутной дороги, хотя и плохой, но скорее приводящей к городу, нежели очень излучистый водный путь. Поэтому я решил отправиться отсюда сухим путем, между тем как багаж мой следовал с Четковым водой. Мне рисовалась надежда, быть может, еще сегодня же добыть лошадей для поездки в Аян.

Решение мое оказалось очень неожиданным и нежелательным для порковских якутов, потому что здесь лишь редко ездят на телегах, которые, равно как и упряжь, содержатся поэтому в величайшем беспорядке, а часто и совсем отсутствуют. После долгих переговоров один якут решился взять на себя роль кучера и, действительно, после продолжительных поисков добыл очень простую телегу, упряжь и пару необъезженных степных лошадей. Наконец мы отправились в путь. Лошади стремительно вынесли нас из деревни на равнину, где глубоко врезавшиеся колеи указывали путь. Сдерживать лошадей нечего было и думать: у ямщика было довольно хлопот и с тем, чтобы заставить свою дикую пару держаться должной дороги. А тем временем я принужден был напрягать все свои силы, чтобы не вывалиться из маленькой, неуклюжей посуды, которая здесь называется телегой. Так мы ехали преимущественно по равнинам, кое-где лесом до ближайшей станции. Отсюда, запасшись свежими, но несколько не лучшими лошадьми и переменяя телегу, мы таким же образом отправились далее. Второй перегон пролегал по холмистой местности, поросшей смешанным лесом и очень роскошной растительностью; ландшафт столь же живописный, сколько и неожиданный в этом северном крае. Третий перегон, последний до Якутска, идет, напротив, однообразною степью. Внешность деревень представляет здесь особенно странный характер благодаря нескольким русским избам, раскинутым среди якутских юрт, косые стены которых так контрастируют с плоскими крышами, усыпанными землей и навозом. Около изб и юрт редко попадаются огороды, а еще реже небольшие поля.

Оригинальны якутские могилы. Они всегда расположены уединенно, вдали от жилья, по возможности на высотах. Вместо намогильного кургана могила отмечается ящиком, сколоченным из коротких бревен. Несмотря на то, что все якуты крещены, крест на могилах составляет редкость.

Якутск лежит на левом берегу Лены, среди безграничной степи, поэтому еще на очень большом расстоянии от города я мог увидеть его башни. Никогда ни один город не производил на меня такого мрачного впечатления, как этот главный центр северно-сибирской торговли пушным товаром. Обширная безлесная равнина, юрты, представляющиеся почти подземными жилищами, странные одежды и непривычные нравы -- все это напоминает о далеко выдвинутом на север положении города. На местности лежит отпечаток уединенности, замкнутости, пустынности и негостеприимства. Немного не доезжая Якутска, я встретил толпу якутов, которые на своих оригинальных телегах возвращались из города к своим юртам. Эти неуклюжие, длинные и узкие телеги поставлены на очень низкие колеса, скорее даже на маленькие, короткие деревянные вальки. Каждая телега запряжена парой волов, на одном из которых сидит верхом погонщик. Въезжая через некоторое подобие деревянных ворот на немощные улицы Якутска, я встретил обоз из десятка с лишним таких телег, медленно продвигавшихся при громких понуканиях возниц.

Я прибыл в Якутск 6 июля около 10 часов вечера. Солнце только что скрылось за горизонтом, и началась светлая северная летняя ночь, но все в домах и на улицах было уже мертво и тихо. Гостиниц здесь нет, а потому по сибирскому обычаю я через полицию сейчас же получил частную квартиру у здешнего купца Андрея Алексеева Сахарова, человека пожилого и очень любезного. С большим прискорбием узнал я, что шансы немедленного продолжения путешествия весьма невелики, так как немногие почтовые лошади на большом протяжении пути заняты курьером. Но зато Сахаров делал по отношению ко мне все от него зависевшее: угостил меня с чисто сибирским гостеприимством и поместил очень хорошо в просторной комнате. На следующий день все мои усилия добыть лошадей в Аян остались безуспешными, дело даже все более запутывалось.

Почтовая дорога к Охотскому морю шла на Охотск, откуда, по новым планам правительства, отменялось направление судов в Камчатку. Аян, следовательно, оставался единственным портом Сибири, из которого поддерживалось сообщение с

Петропавловском, а на пути от Якутска к этому единственному пункту сообщения с Камчаткой не было казенных почтовых станций!

Все хлопоты у властей были бесплодны: здесь мне только рекомендовали бесцельное путешествие в Охотск. Я начал поэтому частным образом разыскивать лошадей. Дорога от Якутска к Аяну или, правильнее, сообщение между этими пунктами -- в действительности дорог здесь никаких не было -- поддерживалось на частные средства именно Российско-Американской Компании. Для перевозки корреспонденции эта Компания содержала в разных местах летом 5 лошадей, зимою же почта перевозилась на собаках и оленях. Эта почта отправлялась только раз в месяц, в остальное же время якутский комиссионер Компании, при возможности, любезно предоставлял перевозочные средства Компании проезжавшим в Аян. Так, вчера он дал лошадей курьеру и обещал также дать их мне через две недели.

Все, чего я мог добиться в этот очень тревожный для меня день, заключалось в немногом: во-первых, в мое распоряжение немедленно предоставлен был казак, прикомандированный для сопровождения меня в Аян, и, во-вторых, я заказал сумки и выючные седла, нужные для дальнейшего путешествия. Дело в том, что для защиты вещей от сырости и для правильного распределения груза на выючных лошадях (а в Аян отправляются только верхом, багаж же идет выюком), весь багаж складывается в особо для того сделанные кожаные мешки и узкие ящики, также обтянутые кожей.

Мой новый попутчик, казак Матвей Решетников, был самый подходящий человек для таких заказов и сборов, и впоследствии мне часто еще приходилось удивляться его практичности, развившейся у него благодаря многолетним странствиям по негостеприимным странам Восточной Сибири.

Вынужденный остаться в Якутске, я не хотел упустить случая осмотреть Шергинскую шахту, приобретшую такую известность благодаря геотермическим наблюдениям А. Ф. Миддендорфа. Мне хотелось посмотреть, в каком виде содержится для дальнейших наблюдений это научное сокровище. Я направился к дому Российско-Американской Компании, где в дворовом помещении через мерзлую почву долины Лены опущена до значительной глубины 384 футов эта замечательная шахта. Наблюдения Миддендорфа показали, что закон Рейха, по которому температура почвы на каждые 100 глубины повышается приблизительно на 1 °R, вполне приложимо и к мерзлой почве. В то время как на 7 глубины температура почвы равнялась 8,94°, на глубине 382 средняя годовая температура составляла уже только 2,40°.

К моему большому огорчению оказалось, что инструкция для охранения шахты не соблюдалась. Шахта часто оставалась неприкрытою, как это оказалось и при моем посещении, и нередко в нее опускались любопытные. Не располагая, к сожалению, временем для производства порученных мне дальнейших геотермических наблюдений, я только распорядился хорошенько прикрыть шахту и внушил обитателям дома, чтобы они не снимали крышки. Вечно мерзлая почва Якутска, летом оттаивающая лишь на несколько футов, не допускает рытья колодцев, поэтому жители принуждены или пить речную воду, слишком часто грязную, или добывать нужный им ежедневный запас воды растаиванием льда. Этот весьма чувствительный недостаток побудил купца Шергина, несмотря на все затруднения, приняться все-таки за устройство колодца. Работа начата была в 1828 году и оставлена в 1837 на глубине 384, потому что при этой глубине все еще не вышли из пределов мерзлой земли. Колодца не удалось устроить, зато дорого стоившая работа доставила, благодаря вышеупомянутым наблюдениям, результаты более важные, чем те, которые входили в расчеты Шергина.

Второй день пребывания моего в Якутске пришелся на воскресенье, так что во всех делах наступило затишье. Жители торопятся в церковь, отправляются друг к другу в гости или же расхаживают по улицам, щеголяя своими нарядами. Более богатые катаются напроказ в петербургских дрожках с хорошей запряжкой и часто заезжают к приятелям, у которых непременно заготовлен завтрак с водкой. Якуты и русские

уроженцы Сибири, первые -- в своей оригинальной национальной одежде, последние -- в старомодном, давно уже забытом европейском платье, проходят по улицам пестрой вереницей. К этому присоединяются запряженные волами телеги и чуждые звуки якутского языка, здесь вполне господствующего. Все вместе производит впечатление скорее большого маскарада, чем разряженной воскресной толпы.

Но не во всякое время года наблюдается в Якутске эта пестрая жизнь. Июль -- месяц ярмарки, привлекающий торговцев пушным товаром даже из самых отдаленных мест севера. Иркутские купцы, как уже упомянуто, привозят вниз по Лене массу своих товаров, чтобы оптом закупать накапливаемые за год меха. Точно так же прибывают сюда меха из Удского, Охотска, Ижигинска, Камчатки, Нижне-Колымска, вместе со всем выторгованным у чукчей; и здесь все эти меха вымениваются на другие товары. Купцы, торгующие в названных местах, рассылают зимою своих приказчиков, которые бесстрашно проникают до самых отдаленных участков пустыни, развозя товары по кочевникам. Таким образом эти купцы стараются доставить на якутский рынок как можно больше самых дорогих мехов, чтобы за счет большей выручки еще расширить сферу своих действий и добыть средства для еще более смелых разъездов и предприятий. Поэтому в Якутск, во время чрезвычайно важной июльской ярмарки, стекается годовая добыча охотников с необъятного пространства. Сюда доставляют свои меха берега Охотского моря, Камчатка, Чукотская земля, а через ее посредство, отчасти, и северо-запад Америки, далее -- бассейны Лены до Амурского края, Яны, Индигирки и Колымы. Сперва этот драгоценный товар выменивается мелкими, но удалыми торговцами в отдаленнейших областях, затем переходит все к более и более крупным скупщикам, пока, наконец, сконцентрированный в руках иркутских купцов, не пойдет большими массами в Иркутск, а оттуда -- в Кяхту или Нижний.

Простой крепкий листовой табак, железо, хлопчатобумажный товар и бусы -- вот, по-видимому, главные предметы, на которые русские купцы Восточной Сибири выменивают соболей, лисиц, медведей, белок, а через посредство чукчей -- еще американского бобра и куницу. Водка и порох ценятся кочевниками не менее табака, но получают гораздо труднее или даже запрещены правительством, а потому играют более второстепенную роль в этой торговле. Напротив, табак составляет, бесспорно, самый главный предмет обмена и приобретает в весьма большом количестве кочевниками, особенно чукчами. Но высокую цену имеет только крепкий русский листовой табак, между тем как американские сорта, нередко продаваемые китобоями в приморских местах, берутся только в тех случаях, когда нет другого. Самые крупные сделки на якутской ярмарке совершаются в частных домах, а потому труднодоступны для постороннего наблюдателя, не имеющего знакомых купцов. Я мог несколько познакомиться с этой торговлей благодаря моему попутчику Четкову, который, принадлежа еще и не к самым крупным купцам, однако в одну неделю накупил на 100 000 руб. пушного товара, между прочим, великолепных соболей и черно-бурых лисиц.

Более оживления вносит в город мелкая торговля, концентрирующаяся только в гостином дворе и на базаре. Гостиный двор -- учреждение, редко отсутствующее в русских городах, -- представляет здесь большое четырехугольное каменное здание, состоящее исключительно из лавок, расположенных вокруг внутреннего двора. Здесь жители Якутска и отдаленнейших мест северо-восточной Сибири запасаются колониальным и красным товарами, а равно и разной мелочью, необходимой в домашнем быту. Базар состоит из нескольких рядов досчатых лавчонок, тянувшихся по берегу Лены, и представляет, в сущности, воскресный рынок, на котором приезжающие из деревень якуты торгуют разной провизией и мелочью.

В городе несколько очень хороших каменных церквей; все остальные постройки, за исключением одного частного дома, -- деревянные. Улицы широки, довольно правильны, не мощены и во многих частях города состоят лишь из очень небольшого числа домов. Зато длинные, очень прочные заборы, ограничивающие земельные участки

отдельных владельцев, часто тянутся по всей длине улицы, защищая добро обывателей от покушений вороватых якутов. Нередко встречаются здесь и якутские юрты. Дома большею частью не крашены, даже без всякой обшивки, с потемневшими под влиянием атмосферы бревенчатыми стенами. К тому же они лишены всякого стиля и большею частью имеют очень маленькие окна, которые, для защиты от холода, закрываются неуклюжими, тяжелыми, обшитыми кожей ставнями. Наконец, в садах совсем нет деревьев; самое большее, что в них встречается, -- грядки для овощей. Благодаря всему этому Якутск производит впечатление негостеприимства, пустынности и холода. Во время моего пребывания в Якутске там было несколько казенных зданий, клуб и школа, отличавшиеся весьма выгодно от остальных домов, и помещалось окружное правление. Но и тогда уже много говорилось о проекте, действительно скоро осуществившемся, -- именно о переименовании Якутского округа в самостоятельную губернию, а самого Якутска -- в губернский город, следовательно, в резиденцию губернатора.

Интересным историческим памятником представляются развалины старинной крепости, сооруженной в 1665 году казаками-завоевателями Сибири для защиты от нападений якутов. Крепость эта вся деревянная, но построена из таких превосходных бревен, что и теперь, 200 лет спустя, сохранилось пять высоких башен, а между башнями -- местами еще стены с амбразурами, окружающие обширную четырехугольную площадь. Над приветливой равниной перед городом, где пасутся теперь городские стада, высится полусгнивший, почерневший от непогод, остов старой крепости, без окон и дверей, этот свидетель кровавой борьбы, этот тиран всего востока Сибири -- гордая резиденция тех воевод, которые своими смелыми походами покоряли самые дальние племена и затем железной рукой удерживали завоеванные земли.

Население Якутска, кроме немногих чиновников из Европейской России, состоит почти исключительно из русских уроженцев Сибири и якутов, да еще из очень немногих метисов, происшедших от смешанных браков русских с якутами. К метисам принадлежит часть мещан, главным же образом казаки стоящего здесь якутского полка. Большая часть казачьего войска стоит в самом Якутске, и только что сказанное относится лишь к этой именно части. Многочисленные же мелкие партии, распределенные в Удском, Аяне, Охотске, Ижигинске, Колымске и других северных местностях, породнились с окружающими их племенами. Единственный род собственно военной службы, отправляемый здесь этими казаками, заключается в содержании караулов у казенных магазинов. Незаменимыми по своей расторопности и опытности являются казаки в качестве провожатых для путешественников и для товарных транспортов.

Русские уроженцы Сибири, если только они не чиновники, почти все купцы. Они строго придерживаются русской старины и до последних мелочей -- обрядов своей религии, этого священного завета их предков, выходцев из Европейской России. Самый поразительный контраст с этой приверженностью к древней национальной старине составляет французско-европейский покрой одежды, совершенно вытеснивший старорусское платье.

Русская речь по всей Сибири отличается от русской речи Европейской России лишь немногими провинциализмами и вообще составляет единственный разговорный язык сибирского купечества, которому, однако, небызвестны также языки инородцев. Здешние купцы большей частью даже свободно объясняются на этих языках. Среди инородцев русский язык из года в год получает все большее распространение, исключение из этого правила, как мне говорили, составляют только якуты. В Якутске и во всем якутском крае якутский язык преобладает до такой степени, что нередко в русских домах и чисто русском обществе родной язык заменяется якутским. Во многих кругах здешнего общества говорить по-якутски составляет даже нечто вроде требования хорошего тона. Странное впечатление производит вид по-европейски одетых купцов,

говорящих между собою по-якутски и при этом в каждом жесте и во всем существе проявляющих старорусские нравы.

Якуты, -- несомненно, одно из самых интеллигентных и энергичных инородческих племен Сибири, -- находятся в самых многообразных отношениях к русским. Из среды якутов выходят самые искусные ремесленники Якутска, самые выносливые его рабочие и вся разнородная мужская и женская прислуга. Обладая большими стадами рогатого скота, они не только снабжают город мясом, маслом, а равно и кожей, необходимой для упаковки отправляемых отсюда товаров, но и отправляют еще довольно большое количество этих продуктов на далекие расстояния. Владея множеством хороших лошадей, якуты могут брать на себя пере возку купеческих и казенных транспортов в самые отдаленные места севера и востока и сумели, таким образом, стать необходимыми для торгового сословия.

Народ этот главным образом концентрируется на значительном протяжении вокруг Якутска, но встречается также разбросанным и в очень отдаленных отсюда местах. От Олекминска до устья Лены, затем по притоку Лены -- Вилую, где во время завоевания Сибири русские впервые столкнулись с якутами, далее -- по низовьям системы Алдана, весь край -- чисто якутский. Кроме того, якуты со своими стадами скота и табунами лошадей занимают также системы Яны и Индигирки, отчасти вытеснив оттуда юкагиров. Они встречаются даже до Колымска, хотя и перемешаны здесь с юкагирами и тунгусами. Сильно развитая склонность к странствующей жизни заносит их еще далеко за эти дальние пределы: якутов, пользующихся особенно славой хороших плотников, не редко нанимают для построек в Охотск, Аян, Петропавловск и даже на Ситху.

Наконец 10 июля, когда я уже почти потерял всякую надежду попасть в Аян, шансы мои опять улучшились. Мой старый хозяин, купец Сахаров, по-видимому, дожидался того момента, когда я потеряю всякую надежду достать лошадей, чтобы тем вернее затребовать с меня большую сумму за них. Сахаров, очень хорошо зная, как важно для меня было вовремя попасть в Аян, и что я соглашусь для этого на всякие условия, вызвался доставить мне лошадей, но только через несколько дней. Мне нужно было 10 лошадей, из которых три предназначались для меня, казака и проводника, пять -- для багажа и провизии и две свободные -- про запас. За это я до Аяна, т. е. за расстояние в 1200 верст, должен был заплатить 260 р., не принимая на себя, однако, ответственности за животных. В такого рода сделки всегда вводится этот последний пункт, потому что при здешних, крайне тяжелых путешествиях падает обыкновенно несколько лошадей. Оставшиеся в живых лошади должны были вернуться с казаком и проводником. Сахаров сделал при этом недурную аферу, потому что при знании местных условий и при случае можно, как я узнал впоследствии, без труда приобрести у якутов лошадей по 10--15 руб. Хозяин мой, как истый сибиряк, был безгранично гостеприимен и счел бы величайшим оскорблением с моей стороны, если бы я осмелился предложить ему денег за квартиру и обильный стол. Но в деловых сношениях уже считалось позволительным пользоваться всякой выгодой, даже в ущерб собственному гостю, вполне находившемуся в руках своего хозяина.

Первоначально предполагалось отправиться в путь 14 июля. Моя палатка, а равно и все другие путевые принадлежности были уже изготовлены и находились в моем распоряжении. Я был вполне готов и с нетерпением ждал дня отъезда.

Тем временем, я часто получал приглашения от купцов, которые из гостеприимства считали долгом оказывать такое внимание приезжему. Меня часто занимали их рассказы о смелых торговых поездках в самые дальние местности и к совершенно неведомым племенам, -- поездки без всяких дорог, прямо через пустыни. Тут же составлялись и обсуждались планы новых поездок в какую-нибудь дальнюю речную долину или проектировались переходы через какой-нибудь горный кряж в лежащий за ним охотничий район. Правда, во всех разговорах проглядывало менее человечности, чем практического смысла; при этом меня постепенно поражали выносливость и бесстрашие,

с которыми они предпринимают свои ежегодные, необыкновенно утомительные путешествия.

Как раз во время моего пребывания в Якутске туда вернулся из дальних странствий -- к берегам Ледовитого океана, к устьям Лены и Яны -- один местный купец. Путешествие это доставило обильный материал для разговоров. Помянутый купец, запасшись множеством вьючных лошадей и в сопровождении нескольких спутников, отправился на поиски за мамонтовыми черепами и для сбора больших мамонтовых бивней, -- промысел, весьма распространенный и доставляющий массу ископаемой слоновой кости на рынок. Без преувеличения можно сказать, что средним числом в год с берегов, и преимущественно с островов Ледовитого океана, приходит 200 пудов мамонтовых зубов. В течение многих десятков лет производится этот промысел, и ежегодно промышленники возвращаются со сбором. Собиратели слоновой кости выбирают наилучшие и наилучше сохранившиеся бивни, отрезают непригодные -- пустые и выветрившиеся -- части, распиливают остальное на куски, удобные для перевозки на вьючных лошадях, и таким образом, начав сбор с отдаленнейшего пункта, постепенно приближаются к своему дому.

Если принять во внимание, что, как выше сказано, промышленники забирают лишь пригодные части зубов, единственно имеющие ценность в торговле; что, следовательно, может быть, добрая половина бивней за непригодностью оставляется на месте; наконец, что промысел этот производится уже много лет, то поистине невероятным покажется число ископаемых слонов, погребенных на северных берегах Сибири и на островах у этих берегов.

Если считать, что с каждой пары бивней, соответствующих одному животному, получается 4 пуда хорошей, т. е. идущей в продажу, кости, то ежегодная добыча, равная 200 пудам, соответствует 50 животным. В десять лет это составит 500, а в 50 -- 2500 мамонтов!

Возвращаясь с Ледовитого океана, купец по пути приобрел также и немного пушного товара, между прочим, шкуру красного волка, по-видимому, *Canis alpinus Pall.*, возбуждавшую, как большая редкость, особенное внимание торговцев. Животное было убито на нижней Лене. Точно так же всеобщий интерес возбудила шкура совершенно снежно-белого волка из той же местности. К числу привезенных диких животных принадлежало еще несколько зубов нарвала, найденных на берегах Колымы и, как мне казалось, ископаемых. Последние были неизвестны купцам, по словам которых их иногда находят на севере, главным образом в бассейне Колымы. Наконец, привезены были еще очень хорошо сохранившиеся рога носорога, имевшие около 3 в длину и также добытые на берегах Колымы. Замечательно это совместное нахождение остатков морского животного -- нарвала -- с многочисленными остатками носорога и мамонта. Можно было бы, пожалуй, подумать, что многочисленные трупы колоссальных наземных животных, снесенные водами к северу, отложены были на дне моря, населенного нарвалами, но такому предположению противоречат хорошо сохранившиеся кости, полные скелеты и заключенные во льду целые трупы.

Дни проходили очень однообразно. Небольшие экскурсии в пустынные, мертвенные окрестности города, лишенные всякой древесной растительности, представляли мало интереса и еще затруднялись невыносимым жаром. Термометр показывал днем 20 -- 25° тепла по Реомюру, между тем как ночью воздух охлаждался до 6 -- 7°. Тем временем наступил день, назначенный для отправления из Якутска, как вдруг Сахаров, к величайшей моей досаде, еще раз отсрочил отъезд на несколько дней.

Наконец утром 16 июля на дворе моего хозяина были собраны десять лошадей, и один старый якут по имени Дмитрий отрекомендовался мне как проводник и попутчик. Сахаров не упустил пригласить священника, чтобы религиозными церемониями оградить лошадей от опасностей пути. Лошади были окроплены святой водой, причем одна из них сильно ляглась, и на спине каждой дегтем нарисован был крест. Затем

священник и гости уселись за обильно уснащенный спиртными напитками завтрак. Хозяин же внушил Дмитрию, чтобы он хорошо смотрел за лошадьми, с которыми и отправил его вперед. Против Якутска, на правом берегу Лены, образующей здесь обширный архипелаг, лежит первая станция Российско-Американской Компании Боролор, состоящая из нескольких якутских юрт. От Боролора начинается сухопутная дорога, а до него идет водяной путь. Переправить лошадей через Лену в этом ближайшем направлении нельзя было, и им пришлось сделать далекий обход к северу, до места, где река уже и можно безопасно переплыть ее. По этой причине лошади ушли в тот же день, между тем как я со всем своим багажом и казаком должен был последовать за ними лишь на следующий.

Рано утром 17 июля я отдал еще последние распоряжения, сделал и принял некоторые прощальные визиты и затем препроводил багаж на большую лодку, уже ждавшую у берега. Мой старый хозяин собирался проводить меня до другого берега и все по-видимому уже было готово к отправлению. Но не доставало еще самого важного для сибиряка -- прощальной закуски. По правилам гостеприимства требуется, чтобы гость уезжал от хозяина не иначе, как досыта поевши. Так и сегодня поставлен был обильный яствами стол, за который мне пришлось сесть с приглашенными гостями. Со всех сторон сыпались пожелания счастливого пути и добрые советы. Наконец подано было последнее блюдо, и хозяин дал знак подниматься. Но обед очень затянулся, так что мы могли войти в лодку и отчалить лишь около двух часов пополудни. Переезд длился 2 $\frac{1}{2}$ часа. Мы должны были переехать через множество протоков реки и объезжать нередко весьма большие острова, заключенные между ними. Гребцам приходилось то работать веслами, спускаясь по течению или пересекая проток, то опять тянуться вверх по реке вдоль берегового кустарника, пока, наконец, мы не закончили утомительного переезда, достигнув Боролора.

Дмитрий с лошадьми явился лишь несколькими часами позже нас, почему дальнейшее движение или собственно начало сухопутного путешествия пришлось отложить до следующего утра. В первый раз была разбита в этот день моя палатка, именно близ якутской станционной юрты. Мой казак Решетников возился у приветливого огня, приготавливая чай и жаривая стерлядь, между тем как Дмитрий расседлал лошадей и отвел их на близкое пастбище. Затем весь багаж был осмотрен и распределен так, как завтра должны были повезти его лошади. Для каждой лошади связан был вьюк весом в 5 пудов и такой формы, что мог удобно и равномерно свешиваться с вьючного седла по обеим сторонам животного, не затрудняя его при ходьбе. Только провиант и нужные в дороге вещи ради удобства были сложены вместе. Когда все было готово, когда в тюках выбрано было место для палатки, для шкур, служивших нам подстилкой при спанье, наконец, даже для таких мелочей, как топор, котлы и прочее, мы, по здешнему дорожному обычаю, вместе поужинали, закрыли палатку и предались сну, который должен был подкрепить нас для предстоявшего утомительного путешествия.

18 июля в нашем лагере движение началось уже около 4 часов утра. Седлали и вьючили лошадей, складывали палатку, наконец, привязывали друг к другу навьюченных и запасных лошадей -- заднюю к хвосту передней. Дмитрий, держа в поводу первую вьючную лошадь, поехал впереди, а Решетников замыкал караван.

Я простился с Сахаровым, сел на лошадь и последовал за караваном, который при громких криках Дмитрия "гот, гот" поднялся на несколько более возвышенный песчаный берег и скрылся в на ходившемся там лесу. Вскоре я нагнал Дмитрия, остановившегося под старой лиственницей, и застал своего якута вырывающим волосы из грив и хвостов лошадей и привязывающим эти волосы к ветвям, уже и без того обвешанным такими же приношениями. Дмитрий был крещен, а потому смутился, неожиданно увидев меня, но, впрочем, живо оправился и стал уверять, что и крещенным не мешает приносить в пути умиловительные жертвы лесным духом. Затем он вскочил в седло и молча поехал вперед с вьючными лошадьми.

Мы въехали в жалкий, чахлый лиственничный лес, который тянулся по невысокому кряжу. Дорога была узка, но повсюду ясно заметна. На ней даже видны были глубокие колеи от телег, на которых обыватели Амгинской Слободы, находящейся в 200 верстах от Якутска, проезжают до этого города. Вскоре лес остался позади нас, и дорога пошла через более или менее обширные, очень неглубокие котловины, разделенные и окруженные лесистыми высотами. В каждой котловине находилось по одному или по два небольших озера, посередине которых нередко поднимались холмы, образуя собою островки. Этот оригинальный орографический характер местности, как сообщали мои проводники, наблюдается также далеко к северу по Колымской дороге. Выходов коренной породы я нигде не видал, напротив, вся страна от берегов Лены до Амгинска сплошь покрыта наносами, а именно: высоты состоят из песка, а низины заняты болотистым грунтом. Котловины в большом числе следовали друг за другом и нередко соединялись в более или менее длинные мультяшные долины. Это становилось все чаще по мере приближения к слободе, и наконец на второй половине пути дорога к Амгинску пошла далеко протянутыми долинами.

Все эти котловины и долины покрыты богатейшими лугами, которыми пользуются якуты. Всюду видны были мужчины и женщины, косившие чудную высокую траву, переворачивавшие уже скошенную или убравшие ее в высокие стога. Заготовление сена -- самая важная работа в году для этого пастушеского племени, потому что все хозяйство зависит здесь от урожая сена и возможности прокормить стада зимой. Скотоводство и коневодство, а зимой -- и охота, кормят все население. Признаков садоводства и земледелия я нигде на пути не видал, если не считать нескольких крошечных огородов близ Амгинска. Мука и крупа охотно потребляются, но считаются более предметом роскоши. Пища якутов, главным образом, чисто животная: говядина, конина, молоко, масло. К этому присоединяются ягоды, да кое-какие съедобные корни и стебли. Средства для приобретения муки, табака, железного и красного товаров, наконец, пороха и водки доставляются охотой, извозом и продажей масла. Вот почему роскошные луга описываемой местности привлекли такое множество якутов, что едва ли хоть одна большая долина остается здесь незаселенной.

Пять из этих якутских поселений, между Якутском и Амгинском, именно Боролор на Лене, Бигири, Урхалах, Конхойху и Крестах, служили станциями Российско-Американской Компании, для каковой цели здесь содержалось несколько почтовых лошадей.

Большинство виденных мною на пути юрт обнаруживало благосостояние своих хозяев. Недалеко от Урхалаха, в якутском поселении Арлах, я видел даже небольшую деревянную православную церковь, выстроенную богатым якутом на собственные средства. Его старуха-вдова, Дарья, встретила меня особенно гостеприимно, снабдила провизией и на прощание подарила свою табачную трубку и снаряд для отмахивания комаров -- конский хвост с металлической рукояткой, -- две вещи, редко отсутствующие у якутов, мужчин и женщин.

Как в Арлахе, так и далее в пути я, чтобы легче доставать провизию, всегда старался, где было возможно, располагаться на ночлег поближе к юртам. Молоко, масло, мясо можно было покупать всюду, и это составляло важное подспорье для наших путевых запасов, которые нужно было беречь для дальнейшего безлюдного участка дороги. Особенно благодетельным для нас напитком было кислое молоко, так как вода здесь, исключительно прудовая или озерная, имеет такой противный вкус, что даже лошади не хотели ее пить.

Днем стояла сильная жара, часто до 20 °R и более, что привлекало целые тучи комаров, невыносимо мучивших людей и животных. После таких дней прохладные, нередко даже холодные вечера и ночи доставляли нам истинное наслаждение. Особенно наслаждались отдыхом бедные лошади, которые, освободившись от комаров, вьюков и всадников,

паслись на роскошных, обильно смоченных росой пастбищах, набираясь сил для трудов и мучений ближайшего дня.

Рано утром 22 июля мы приехали в Амгинск. Несколько русских домов и якутских юрт составляют этот небольшой поселок, занятый совершенно опустившимся смешанным русско-якутским населением. Это -- восточная граница Якутского края и вместе с тем последнее более крупное поселение до Аяна. Отсюда начинается простирающаяся на 1000 верст безлюдная пустыня, где только на больших расстояниях друг от друга встречаются совершенно одинокие дома или юрты -- станции Российско-Американской Компании. Затем вся эта обширная лесная область лишена населения, если не считать кочующих тунгусов, проходящих здесь кое-где со своими оленями. Когда названная Компания перенесла свою факторию из Охотска в Аян, представляющий более удобную гавань, и таким образом, можно сказать, заново создала этот порт, то предполагалось также проложить между Аяном и Якутском проезжую дорогу и превратить станционные юрты в очень людные поселения. К сожалению, эта мысль никогда не была приведена в исполнение, только редкие просеки и помосты из жердей свидетельствуют о существовавших когда-то проектах такого рода.

От Амгинска мой якут Дмитрий не знал пути через пустыню, где большей частью совсем нет дорог, поэтому для дальнейшего путешествия потребовалось нанять проводника, и мне скоро удалось найти весьма подходящего для такой роли человека в лице одного старого тунгуса. Но так как тунгусу надо было сделать еще кое-какие приготовления для дальнего путешествия, то он предполагал догнать нас в 16 верстах от Амгинска на Амге, притоке Алдана. Заблаговременно, около полудня, мы верхом переправились через неглубокую Амгу и расположились на берегу, где нам пришлось остаться ночевать, потому что проводник прибыл лишь вечером. Долина Амги представляет очень привлекательный ландшафт: луга, покрытые высокими цветущими травами и перемежающиеся с очень живописно расположенными лиственными деревьями и группами кустов, а на самих берегах местами выступает голый камень -- мелкозернистый конгломерат с включенными крупными кусками кварца и серного колчедана.

Теперь наш караван состоял из 4 человек и 10 лошадей, которые еще были в полной силе, и потому часто причиняли нам много хлопот своей неукротимостью и дикостью, особенно по утрам, когда их собирали и седлали. Так и сегодня (23 июля) мы опять потеряли много времени при выступлении, и потому в течение дня проехали не более 35 верст, достигнув вечером станционной юрты Учугай-Муран. Дорога шла большей частью совершенно ровной, широкой длиной, где целый день нам пришлось идти по болотам и трясинам, по кустам и высокой траве, нередко встречая препятствия со стороны корней и камней. Все время выючным лошадям угрожала опасность провалиться в глубокий ил. Неоднократно мы пересекали небольшие ручьи или обходили скопления воды.

То же повторялось и в следующие дни, только бездорожье все увеличивалось. Мы проезжали большей частью очень широкой, совершенно ровной долиной, ограниченной небольшими лесистыми высотами. Нередко дорога на значительном протяжении шла лесной чащей, затем пересекала ручьи, которые выходили из боковых долин, представлявших большей частью следы страшнейшего размыва от дождей и весенних вод. Мягкая глинистая почва была снесена вниз наподобие потоков лавы или нередко в виде больших комьев, увлекая с собой целые вывороченные с корнями деревья, которые теперь беспорядочно разбросаны были по долине. Так подвигался наш маленький караван по самой дикой глуши, то карабкаясь по свалившимся деревьям и корням, то топором прокладывая дорогу через частый лес и кустарник, то переходя вброд ручьи, но почти всюду по зыбкому грунту. То падает верховая лошадь, то проваливается в болото выючная, увлекая за собой несколько других. Приходилось быстро развьючивать лошадей, чтобы помочь им выбиться, так как глубокий вязкий грунт не давал им опоры.

Пока высвобождали лошадей, глубоко увязали в иле снятые с них ящики, которые опять с большим трудом приходилось вытаскивать и переносить на сухое место. Чуть трогались -- опять повторение той же сцены. И люди, и животные к вечеру выбивались из сил, а следующий день приносил те же мучения. С большим трудом можно было выискивать подходящее местечко для палатки. Весной, в половодье, эта долина должна походить, вероятно, на большую реку. Во время же нашего похода, при спаде вод в боковых ручьях, она представлялась лишь топким, зыбким болотом с множеством небольших луж.

Лошади едва ли выдержали бы это утомительное путешествие, если бы оно не совпало со временем самого роскошного роста луговых трав, так что постоянно хороший и обильный корм возвращал силы нашим животным.

Лес на пути нашем состоял главным образом из лиственниц и березы с примесью сосны, ивы, ольхи и рябины. При такой растительности тем резче бросается в глаза бедность животной жизни. Кроме бесчисленного множества комаров, весь день мучивших людей и животных и в большую жару еще усиливавших тягости путешествия, мы встретили еще только несколько медвежьих следов, побудивших нас к большей бдительности, особенно по ночам. Для защиты пасшихся вблизи лошадей мы всегда раскладывали большие сторожевые огни, причем нередко зажигали целые деревья. От времени до времени мы также стреляли, чтобы распугать лесных животных.

Таким образом, до крайности утомленные, мы достигли наконец вечером 26 июля станции Монтумул, хозяин которой, тунгусский староста, очень радушно принял и угостил нас. Влиятельные лица из среды кочевников нередко получают в дар от правительства почетный, расшитый золотым галуном кафтан со шпагой; такое отличие весьма поощряет их к содействию администрации. Почтенные таким даром, инородцы принимают также крещение и получают русское имя. Наш хозяин назывался теперь Алексеем Поповым и немало гордился своим русским именем и высоким постом, считая себя в своем мундире чиновником. Он не преминул также представиться мне в своем блестящем официальном облачении и обещал свое содействие для дальнейшего нашего следования. Попов при своей юрте производил небольшие опыты земледелия и с торжеством показал мне несколько грядок с рожью, ячменем и картофелем. Вечером он также поднес мне несколько картофелин. Рано утром 27 июля Попов проводил меня за 15 верст до поселения, находящегося при впадении Май в Алдан, чтобы, собрав там своих земляков, пособить мне в переправе через Алдан, а в случае возможности помочь еще подняться несколько вверх по Мае.

Дорога к широкому и красивому Алдану вела сегодня по твердому грунту и восхитительной местности, именно берегом Хатергана -- небольшой речки, впадающей в Алдан. Алдан течет в не очень высоких песчаных берегах, большей частью поросших частым лиственным лесом, и имеет здесь около $\frac{3}{4}$ версты ширины. С некоторым усилием только привыкаешь к мысли, что эта большая река составляет лишь приток другой, еще более многоводной, колоссальной реки. Высоким берегом Алдана и все в виду этой прекрасной реки мы проехали еще несколько верст до того места, где на противоположном берегу явственно выделялось широкое устье Май, впадающей в Алдан с востока, и остановились у поселения Усть-Май.

Здесь, на высоте крутого песчаного берега живописного широкого Алдана, мы увидели прочно и хорошо выстроенный русский дом. Перед нами распахнулись широкие ворота, и наши лошади вошли на просторный двор. Против ворот виднелись хлева, в которых находились коровы, лошади, овцы, свиньи и даже куры. Просторное жилое помещение ограничивало двор сбоку у ворот. За двором и жилым домом тянулся большой, окруженный крепким досчатым забором огород с массой разных овощей, как картофель, капуста, горох, репа, редька, горчица, свекла, огурцы. При доме был и маленький цветочный сад. Наконец за огородом и сбоку весь поселок окружен был довольно большим хорошим полем с рожью, ячменем и овсом, а также небольшим количеством

льна и конопля. Все это после только что пройденной ужасной пустыни казалось мне чем-то волшебным и составляло плод упорного семилетнего труда трех сосланных сюда хороших, благочестивых людей, которые вели здесь теперь самую мирную и счастливую трудовую жизнь. Один мужчина и две женщины, чуждые друг другу и не связанные родством, но принадлежащие к одной и той же строго запрещенной секте, стали жертвой своих религиозных убеждений и были сосланы в описываемое место. Мужчина по имени Сорокин -- человек в полном расцвете сил, был прежде матросом и родом из Тобольска. Молодая женщина, около 30 лет, родилась в Иркутске, а другая, теперь почти 90-летняя старуха, -- в Смоленске. Семь лет тому назад привезли их в пустыню, построили им избушку, снабдили нужной утварью и несколькими домашними животными и затем предоставили собственной судьбе. В это короткое время небольшим силам поселенцев удалось завести такое благоустроенное хозяйство.

Недалеко от этой интересной колонии виднелись развалины другого большого здания, где много лет тому назад также поселено было довольно большое число преступников, препровожденных сюда для постройки дороги. Благодаря плохому содержанию все эти несчастные унесены были скорбутом, и постройка дороги остановилась. Вот судьба казенного предприятия! Кроме трех вышепоименованных лиц, здесь жил еще казак, представитель интересов Российско-Американской Компании.

Пока хозяева нас радушно встречали и угощали, тунгус Попов распорядился насчет дальнейшего нашего путешествия. Предполагалось обоим моим слугам, Дмитрию и тунгусу-проводнику, со всеми лошадьми и багажом переправиться через Алдан на живо сколоченном плоту, а затем одним поехать обыкновенной сухопутной дорогой до станции Гандекан, находившейся на Мае, примерно в 200 верстах отсюда. Я же с казаком Решетниковым и с легким багажом должен был нагнать Дмитрия у той же станции, до которой мы добрались бы в двух небольших лодках вверх по реке. Я охотно согласился на этот план, как более выгодный и для лошадей, и для меня: лошади, освобожденные от двух седоков и части багажа, при равномерном распределении остального груза, понесли бы меньше тяжестей и, следовательно, легче прошли бы дорогу. Я же избег бы утомительной верховой езды и достиг бы цели, путешествуя с большим комфортом в лодке.

Итак, мы деятельно приступили к необходимым приготовлениям. Прежде всего, для переправы тяжелого багажа через Алдан, требовалось изготовить плот из совершенно сухого, следовательно, очень плавучего леса, потому что здесь не было других лодок, кроме очень небольших, так называемых веток, состоящих из весьма легкого, обтянутого берестой корпуса и не поднимающих тяжелого груза. Когда к вечеру плот был готов, и лошади отдохнули, то их на длинных веревках привязали к веткам, шедшим на веслах впереди, и согнали в воду; багаж же лежал на плоту. Так тронулся в путь наш караван. Лошади должны были переплыть широкий и быстрый Алдан: другого выбора не было, хотя я очень опасался за жизнь столь необходимых мне животных. Но все шло хорошо, и Дмитрий расположился на ночлег на другом берегу реки среди роскошного жирного пастбища, чтобы на следующий день возможно раньше двинуться в Гандекан. Я остался ночевать в доме Сорокина и любовался благоустроенным хозяйством этих людей. Всюду меня водили, все я должен был осмотреть, всего отведать. Хозяева производили чрезвычайно приятное впечатление. Столь необыкновенного успеха поселенцы достигли благодаря своему трудолюбию, любви к порядку и честности, которые проглядывали во всем. Здесь можно было убедиться, что даже самые отдаленные от населенных центров пустыни способны к культуре, если человек действует с благоразумным расчетом и с неутомимым трудолюбием. Сорокин снабдил меня в дорогу запасами всевозможной провизии: картофелем, прекрасными крупными огурцами, мясом и несколькими стерлядями, которыми изобилует Алдан. Я же со своей стороны старался отблагодарить тем, что оставил поселенцам кое-какие полезные в их быту вещи.

После хорошего отдыха рано утром 28 июля мы уже были готовы в дорогу. Исполненные искренней благодарности к Сорокину и Попову и напутствуемые всякими добрыми пожеланиями, мы вошли в наши утлые берестяные лодчонки, в которых гребцами были тунгусы, и с быстротой стрелы перенеслись через Алдан в широкое устье Май.

От Якутска до устья Май мы проезжали по местности, которая самое большое что может назваться волнистой равниной и состоит преимущественно из аллювиальных образований. Начиная же с области Май и далее на восток ландшафт приобретает, напротив, все более и более горный характер.

Первоначально Мая протекает еще в плоских, но покрытых прекрасным лесом берегах. Вскоре, однако, высоты подходят ближе к реке и показываются также голые каменные массы. Очень крепкий песчанистый яснослоистый известняк образует даже береговые высоты, достигающие до 100 футов. Но в русле этот известняк изобильно перемешивался с кварцами, халцедонами и агатами, а, кроме того, еще с галечником, состоявшим из обломков сланца, порфира и очень пористой трахитовой породы. Растительность здесь могуча и красива; нередко встречаются громадные деревья. Береза, сосна, лиственница, ива -- вот преобладающие лесные породы. Но лиственница здесь заметно отходит на второй план, уступая место сосне. Часто попадаются также ольха и рябина, а равно и орешник, которого я ранее не встречал в Сибири. Наконец, я должен упомянуть о двух ягодных кустах, здесь впервые мною увиденных. Один растет на низких местах, имеет крупные листья, похожие на листья смородины, и крупные темные сине-лиловые ягоды, расположенные гроздьями и отличающиеся весьма приятным, напоминающим крыжовник и освежающим вкусом. Русские и якуты называют этот куст охтой. Другой куст, *Lonicera coerulea*, с очень ароматическими, продолговатыми, крупными темно-синими ягодами, попарно свешивающимися на стебельках, у русских называется жимолостью. Животная жизнь тут представлялась очень слабой, а потому упомянуть здесь приходится о немногом, именно о небольшом полосатом грызуне, похожем на белку, но меньше ее (бурундук у русских, *Tamias striatus* L.), о желтой трясогузке и о стерляди. Последняя, казалось мне, отличается от волжской очень широкой головой. Кроме осетровых рыб, не редких, как кажется, по всей системе Алдана (и Лены), никаких других я здесь не встречал. Меня также очень поразило полное отсутствие водяных птиц и земноводных. Точно так же отсутствовали и насекомые, кроме нескольких диких пчел и неизбежных комаров. Ландшафт в высшей степени живописен и дико романтичен. Мая, чисто горная и чрезвычайно быстрая река, вьется в многочисленных изгибах, большею частью среди высоких каменистых берегов. Бури и половодья всюду оставили следы жесточайших опустошений на скалах и в лесу, так что нередко даже дорогу приходилось прокладывать топором. Вообще наше плавание доставляло нам много труда: приходилось то грести, то тянуть бечевой, то в мелких местах идти на шестах или тянуться за береговые кусты. Лишь изредка, в более открытых частях реки, удавалось нам пользоваться палаткой как парусом.

Дни стояли невыносимо жаркие и заключались большею частью сильными грозами и проливными дождями, за которыми следовали очень холодные ночи. Близкие лесные пожары, ночью грозно и вместе с тем великолепно озарявшие береговые горы, причиняли нам мучения массами дыма, которые наполняли воздух, но зато освобождали нас от другого мучения -- от комаров. 31 июля мы проехали мимо устья Юдомы, текущей с севера, и следовали далее по гораздо менее многоводной Мае, которая здесь еще более принимает характер небольшого горного ручья. Юдома, по которой идет дорога в Охотск, во всяком случае более крупная из обеих этих рек. Дальнейшее плавание на лодках стало еще труднее, и лишь 1 августа, в четыре часа пополудни, достигли мы Гандекана.

Несколько юрт расположено здесь на ровном лугу у Май, долина которой расширяется тут в виде котла и окружена высокими крутыми скалами. Дмитрия с лошадьми я еще не

застал, гребцы же желали немедленно возвратиться восвояси. Щедро одарив этих добрых людей, я отпустил их, и обе легкие лодки, с быстротой стрелы спускаясь вниз по течению, сейчас же исчезли за изгибом реки. Едва мы успели разбить палатки, вскипятить воду в котле и заняться рассматриванием оленей, пригнанных к станции каким-то кочевником, как внезапно из ближайшего леса показался во главе каравана Дмитрий, громко погонявший наших лошадей. Все у него оказалось благополучно, только животные нуждались в отдыхе, и потому продолжение путешествия было отложено до следующего утра.

Вечером к нашей палатке подошел оленный тунгус, рассказавший нам всякие ужасы про невероятно скверную дорогу в Аян, а также о дерзких нападениях медведей, задравших и в это лето много лошадей из купеческих караванов. Все это представляло мало утешительного и заставило нас быть еще осторожнее на ближайшем пустынном и безлюдном участке пути до станции Анелкана, который считается приблизительно в 300 верст.

Утром 2 августа лошади наши, частью вплавь, частью вброд, перешли на правый берег Май. Мы же с багажом переправились опять на небольшом, живо сколоченном плоту. Здесь наш караван опять быстро собрался и пошел в гору маленькой, едва приметной верховой дорогой. Сперва приходилось перебираться через лесистый, не особенно высокий горный кряж, и верстах в 30 от станции мы достигли долины ручья Гандекана, впадающего в Май недалеко от станции Гандекан. Дорога была пустынная, ужасная. Лес на целые версты был опустошен пожаром и бурями. Обломки скал, корни деревьев, полуобугленные стволы в диком беспорядке навалены были среди оголенной мертвой местности, так что приходилось искать проход. Местами деревья еще дымились и выделяли пар. Все было мертво, не было заметно никакой жизни. Лишь поздно вечером добрались мы до зеленеющего леса с лужайками, на которых могли покормиться наши бедные, измученные лошади.

3 августа мы с раннего утра следовали в северо-восточном направлении вверх по речке Гандекан, причем приходилось бороться со всеми препятствиями, какие только может представить каравану всадников самая дикая пустыня. Частый высокий лес со свалившимися деревьями и вывороченными корнями перемежается с открытыми местами, вязкий, болотистый грунт которых пересекается большими каменными баррикадами. Нередко виднелись павшие лошади или их скелеты и побелевшие кости, отмечающие этот караванный путь к Великому океану. Стыд и позор для Российско-Американской торговой Компании, которая, владея громадными богатствами и снабженная столь обширными, почти державными правами, при всем том находила возможным целые годы равнодушно терпеть такое безобразие без всяких попыток к серьезному улучшению дела! Ежегодно здесь проходили миллионные грузы драгоценнейших мехов и разных меновых товаров, а Компания из своих громадных прибылей не находила возможным уделять хоть сколько-нибудь для уменьшения невероятнейших тягостей, которые приходилось терпеть людям и животным. Поистине можно считать счастьем для всех стран, бывших в ведении Компании, ликвидацию дел этого общества! Ни в Америке, ни в Азии, ни на промежуточных островах Компания не только не содействовала развитию страны, а прямо тормозила его.

В 2 часа пополудни мы достигли истоков Гандекана у подножия довольно высокого горного кряжа, который простирается от юга к северу и, отделяя долину реки Гандекан от долины реки Турахтах, вместе с тем составляет водораздел между этими притоками Май.

С обеих сторон местность довольно круто поднимается в виде узкого гребня, обильно поросшего кедровым стланцем, кустами ольхи, старыми березами, рябиной, ивой и сосной. Но высота подъема не особенно велика, и поэтому здесь не только нигде не видно было следов снега или льда, но, напротив, характер растительности указывал, что снег здесь остается не долее, чем вообще свойственно этой части Сибири. С высоты

гребня к юго-востоку открывается долина Турахтаха, по которой протекает ручей того же наименования. Долина эта сперва образует узкую, глубокую, с крутыми боками рытвину, по дну которой мчится маловодный ручей. Пятью-шестью верстами ниже долина, однако, становится шире, и вместе с тем падение дна ее значительно уменьшается. Над гребнем живописных лесистых боков долины местами виднеются голые каменные массы, часто поднимающиеся конусами, а то представляющиеся в виде развалин. Формация массивной породы, образующей конусообразные горы, осталась для меня невыясненной. Галечник в ручье состоял преимущественно из плотного, очень крепкого, песчанистого светлоокрашенного известняка с примесью обломков какой-то темной серо-бурой порфировой породы, содержавшей вкрапленные мелкие светлые кристаллы полевого шпата. Порода эта встречалась нам в дальнейшем пути все в большем и большем количестве по мере того, как конусообразные горы, также все учащавшиеся, надвигались все ближе и ближе.

Чем далее мы продвигались, тем более уменьшался наклон почвы. Турахтах оставался еще маловодным до того места, где в него с левой стороны впадает очень многоводный источник. Смотри отсюда вниз по долине, я видел сквозь деревья просвечивающую из глубины большую, синеватую, сильно блестящую поверхность, и мой тунгус-проводник объяснил мне, что перед нами большая, никогда не оттаивающая вполне масса льда, постоянно уменьшающаяся с мая до конца августа, с сентября же опять возрастающая.

Проехав еще полверсты, мы вышли из пределов леса к обширному, лишенному деревьев лугу. Характер долины здесь вполне изменился. Бока ее гораздо более пологи, но по-прежнему сплошь покрыты лесом. Сама долина в ширину имеет более 200 саженей, дно ее с весьма слабым падением: ручей, обогатившись водою впадающего в него ключа, расширяется, получает сравнительно слабое течение и, не образуя настоящего русла, разбивается на множество рукавов, прорезывающих зеленый луг. К середине луг становится все менее и менее роскошным и окружает голый галечник, в свою очередь образующий узкую кайму вокруг мощной ледяной массы. По словам тунгуса, посещавшего на своих охотничьих экскурсиях эту долину во все времена года, только что упомянутый источник, после весьма короткого течения, верстах в двух от льда впадает в Турахтах. Он никогда не замерзает, одинаково многоводен как зимой, так и летом, и течет по льду, особенно зимой и весной. При нашем посещении вода текла частью подо льдом, частью по глубоким бороздам во льду. Эти борозды на льду почти все без исключения были выстланы галькой. Нередко галька собрана в большие валы, так что производит впечатление морен. Эти валы, благодаря постоянным изменениям в течении воды, в свою очередь прорваны, сдвинуты и сбиты в более или менее объемистые кучи.

Лед часто бывает плотно набит галькой, так что образуется конгломерат, в котором лед сам же играет роль цемента. В других местах я встречал настоящую, ледяную брекчию, т. е. массу угловатых или несколько закругленных обломков льда, мутных, снежно белых или загрязненных примесью песка и вмерзших в совершенно прозрачный лед. Нередко конгломерат и брекчия являются смешанными друг с другом. Величина галек изменяется от величины мельчайших песчинок до размеров головы и более. Но всего чаще встречается совершенно чистый, прозрачный лед, представляющий в глубоких щелях тот же чудный синий цвет, какой встречается только на швейцарских глетчерах. Лед необыкновенно плотен и тверд, лишь редко содержит немного пузырьков и показывает на 1 фут глубины под поверхностью -1°R . Вечером температура воздуха равнялась $+8^{\circ}\text{R}$, между тем как в полдень мы на высоте наблюдали $+17^{\circ}\text{R}$, а на следующий день утром -2°R . В двух щелях, приблизительно в середине ледяной массы, я нашел еще теперь, т. е. к концу лета, мощность, равную 8--10, при этом лед покрывал дно долины на протяжении 60 саженей, при ширине, приблизительно, в 25 саженей. Мощность льда равномерно уменьшалась к краям его; только та часть, откуда вытекала вода, представляла некоторые особенности. В этом месте лед стоял всего сильнее, что

обнаруживалось гораздо более широким здесь поясом галечника. Большая поверхность, покрытая галечником, ясно обнаруживала, как велико было в начале лета продольное и поперечное протяжение льда, который, несомненно, покрывал тогда всю эту площадь голого камня и, следовательно, занимал, по крайней мере, вдвое больше места.

На следующий день, 4 августа, мы шли тою же долиною далее вниз по реке. За полого опускающимися лесистыми боками долины опять часто стали выступать конусообразные горы, вместе с тем учащалась и темная порфиновая галька в русле реки. Ландшафт -- дикий и красивый. В расстоянии не более полуверсты от только что описанной массы мне особенно бросилось в глаза, что ручей снова более сосредоточился в одном ложе, а вместе с тем падение его стало круче, и течение значительно ускорилося. Вскоре мы опять въехали в кустарник, состоявший главным образом из малорослой березы (*Betula nana*), над которым возвышались лишь немногие лиственницы с посохшими верхушками. На протяжении 3 верст ехали мы через этот кустарник, всюду обнаруживавший следы высоких внешних вод, и затем опять достигли луга, также окружавшего мощную массу льда. Долина здесь значительно расширяется, и бока ее, покрытые густым лесом, очень полого понижаются ко дну, которое опять становится почти совершенно горизонтальным. И здесь ручей принимает в себя многоводный ключ; соединившись с последним и разбившись на множество рукавов, он медленно течет далее по поверхности льда. Все повторяется здесь совершенно так же, как и на прежде виденном нами льду, но только в гораздо большем масштабе: здесь ледяная масса имела 80 сажень в длину и 35 в ширину. Тунгус уверял, что видел здесь еще в конце июня лед длиною в версту и шириной в $\frac{1}{4}$ версты. Слова его подтверждались, по видимому, голый, лишенный всякой растительности, площадью галечника. Я желал бы обратить внимание лишь на одну особенность этой ледяной массы, -- особенность, не столь ясно выраженную в вышеописанном скоплении льда: на конце этой массы находилось такое большое количество галечника и песку, что оно в значительной мере могло содействовать застаиванию воды в ручье, а, следовательно, и более скорому возрастанию массы льда зимою.

Тунгус сообщил мне, что вниз по течению реки в долине имеются еще два подобных же ледяных образования, так же никогда вполне не стаивающих. Но этих масс я сам не мог наблюдать, потому что долина здесь поворачивает к югу, наша же дорога шла к юго-востоку, по направлению к одному горному кряжу. Только с высоты кряжа я мог видеть в большом отдалении третью массу льда. Это место оказалось для меня вдвойне интересным, потому что одновременно с последней сверкали из глубины долины и окружавшей их зелени и обе ранее виденные нами массы льда. Три больших, блестящих на солнце пятна, окруженных чудной зеленью и разделенных лесом и кустарником, ясно отмечают те части дна долины, которые лишены склона или даже мультобразно углублены и представляются в виде блестящих белых ступеней колоссального крыльца.

5 августа мы снова вошли в настоящую пустыню, и опять начались все прежние трудности. Мы ехали поперек многочисленных узких долин, крутой склон которых обнаруживался быстрым течением стремящихся по ним ручьев, соответственно этому, нигде не заметно было ни следа льда или снега, а напротив, снизу доверху -- долины и горы -- все покрыто было роскошнейшею растительностью. Прекрасный густой сосновый и лиственничный лес, кое-где с примесью березы и ольхи, часто представлял следы жестоких опустошений, причиненных бурями и водой. Бока долин были большею частью круты и каменисты, а дно так болотисто, что в нем можно было увязнуть. Весьма часто встречались павшие лошади или их кости. Нередко также виднелись следы медведей, лакомившихся у падали. Однако до настоящего времени нас хранила судьба, хотя наш маленький караван и был сильно истощен. Поэтому мы решили, несмотря на раннюю пору, доехать сегодня только до станционной юрты Иллэб, чтобы дать лошадям хорошенько отдохнуть и покормиться на богатых лугах этой местности.

Лишь за версту до Иллэба мы оставили лес и въехали в широкую плоскую долину, среди которой находилось совершенно лишенное растительности и покрытое галечником место. Мы уже здесь не застали льда, но, как нам говорили, он лежал тут еще до середины июля. Для объяснения столь раннего исчезновения льда я могу привести лишь тот факт, что при нашем посещении ручей долины оказался очень маловодным, а также и то, что падение дна ее сильнее, чем в долине Турахтаха. Естественно, следовательно, что зимою здесь образовалось менее льда, который и подвергся скорее действию солнечных лучей.

У юрты Иллэб я застал большое оживление. Здесь постепенно собралось несколько товарных караванов, чтобы воспользоваться прекрасным пастбищем и дать необходимый отдых людям и животным. Некоторые караваны, лошади которых особенно истомились, стояли здесь уже несколько дней. Очень счастливый для нас случай привел сюда также кочевника-тунгуса с небольшим стадом оленей, так что куплей и меной в лагере можно было приобрести достаточное количество оленины. Всюду виднелись сторожевые огни и палатки, а кругом на обширном пространстве паслись усталые лошади. Множество якутов, тунгусов и казаков ходило по лагерю. Всюду жарили и варили, ели и пили чай. При этом обменивались рассказами о пережитом, и у всякого было более чем довольно материала на тему о перенесенных невзгодах. Некоторые караваны совсем лишились лошадей, частью павших от утомления, частью задранных медведями. Между прочим, здесь давно уже лежал годовой запас аптекарских товаров, назначенный для Камчатки, а значительная убыль в лошадях оставляла очень мало надежды на скорую отправку этого запаса, отсутствие которого, конечно, было весьма чувствительно на месте его назначения. Бедные лошади, хотя и коренастые, очень крепкие, необыкновенно выносливые и неприхотливые, все-таки гибнут в большом числе от тягостей пути. Нигде нет для них зернового корма, а часто им приходится довольствоваться самым тощим пастбищем.

С наступлением ночи мы опять любовались великолепным и в то же время страшным видом: на дальних высотах загорелся лес, и весь горизонт к северо-востоку озарился красным светом.

Мы тронулись в путь рано утром 6 августа, и уже в этот и следующие дни опять должны были бороться с неоднократно упомянутыми трудностями. Но здесь к ним прибавилась еще новая невзгода: лесной пожар распространился на громадную площадь. Нам несколько раз приходилось поспешно пробиваться через тлевшие еще участки и удушливый дым, потому что впереди и позади нам грозила опасность от огня. Лишь 8 августа мы оставили эту местность и вошли в долину ручья Лекки, также притока Май. Долина эта широка, с очень умеренным склоном и всюду покрыта свежей растительностью вплоть до середины, где из весьма скудной травы проглядывало несколько более щебня, и в то же время выступала масса засохших лиственниц, единственных встреченных в долине. Некоторые из деревьев имели до 8 дюймов толщины, что соответствует довольно значительному возрасту. Но все они высохли, потому что до позднего лета корни и стволы их оставались покрыты льдом до высоты 7 - 8 футов, как ясно было видно по измененному цвету коры. В этом году лед также лежал тут еще приблизительно до конца июня. Условия для образования льда явились здесь, следовательно, лишь в позднейшее время, между тем как до того прошло много лет, в течение которых не было этого образования, а, напротив, существовали условия, благоприятствовавшие росту деревьев.

Здесь, достигнув крайнего предела распространения этих оригинальных образований, я уклонюсь немного от описания путешествия, чтобы сделать еще несколько замечаний о том же предмете.

Весной 1829 г. Эрман совершил путешествие в Охотск и пишет в своей "Reise um die Erde" (Bd. I, Abth. 2, p. 376) от 10 мая: "Путешественник с удивлением опять останавливается у нового обрыва и видит далеко под собою круглую белую равнину, со

всех сторон замкнутую скалистыми обрывами... Мы спустились к равнине и нашли, что она круглого очертания, около 2-х верст в диаметре и представляет замечательно горизонтальную поверхность. Вся равнина была покрыта прочно смерзшимся снегом этого года. Но под этим покровом лежит мощный слой льда, никогда не оттаивающий и летом... Тунгусы называют его Капитанским озером".

В том же сочинении (стр. 392) Эрман пишет от 12 мая: "Дно этих безводных долин очень сильно наклонено, но мы нашли в них несколько горизонтальных уступов... На одной из этих высоких равнин мы нашли озеро, окрестности которого очень напоминают ледяное поле у Капитанского Засака".

В июле 1848 г. та же дорога пройдена штабс-капитаном Лорчем, служившим в Камчатке и любезно предоставившим мне нижеследующие заметки из своего дневника:

- 1) В долине реки Белой в некоторых открытых местах находятся ледяные массы.
- 2) 14-го июля мы прошли ледяное поле в долине р. Анчи.
- 3) 15-го июля мы прошли еще большее ледяное поле в той же долине. Лед был прекрасного синего цвета, покрыт множеством крупных камней и заключал полости.
- 4) В долине Анчи мы 16-го июля прошли ледяное поле еще большее, чем предшествовавшие. Из льда выдавались деревья, к середине поля -- высохшие, далее к краям -- еще зеленевшие.
- 5) 17-го июля я в долине Кинчена пересек необозримое поле льда. Вода протекала в глубоких бороздах по льду. Встречались щели, имевшие до 7' глубины. Ледяное поле было окружено зеленым лесом.

По словам тунгусов и казаков, такие ледяные массы нередки в окрестностях Колымска, что сообщает также и Врангель в описании своего путешествия.

В 1852 г. я отправил в Петербург письмо с извлечением из моих дневников, содержащее почти совершенно тождественные с вышеприведенными замечания и соображения. Письмо это было напечатано в I томе *Melanges physiques et chimiques* С.-Петербургской Академии и снабжено добавлением д-ра А. Ф. Миддендорфа. Я назвал тогда эти ледяные массы "Eismulden" именно на том основании, что по всем моим наблюдениям и собранным сведениям мультяшное дно долин составляет главное условие для таких образований.

Если бы я даже знал отчет о путешествии г. Миддендорфа, представленный им Академии в 1844 г., то и в таком случае затруднился бы воспользоваться его термином "обледелые долины" (Eisthaler) в приложении к тем ледяным образованиям, которые я сам наблюдал или о которых узнал от других, потому что мне, во всяком случае, встречались не долины, наполненные льдом, а совершенно разрозненные массы льда среди зеленых долин. Да и теперь, познакомившись с грандиозными обледелыми долинами, которые наблюдал А. Ф. Миддендорф, я очень склонен думать, что и эти настоящие (в смысле Миддендорфа) обледелые долины Станового хребта своим возникновением первоначально также обязаны лишь обледелым мультям. При благоприятных условиях поверхности, при обилии воды и снега, мульты, в особенно холодные зимы соединялись все в большем числе друг с другом, пока, наконец, целые долины на протяжении многих миль не наполнялись льдом. Само собой разумеется, что чем более возрастали, в особенно благоприятную для того зиму, массы льда, тем более увеличивалась их способность противодействия солнечным лучам. Но и в таком случае главный определяющий момент все же оставался бы за образованием обледелых мульт. Они давали бы первый толчок к возникновению и служили бы началом всех описанных ледяных образований на дне долин, бока которых покрыты растительностью и которые, следовательно, не представляют собою глетчеров.

Обращение к первоначальной причине, к происхождению и началу каких-либо новых явлений кажется мне не лишенным значения при выборе названия для таких явлений. Ведь большая обледелая долина не могла образоваться внезапно. При наблюдении необходимо обратиться к первым поводам, давшим начало подобному крупному

образованию. И в данном случае мне представляется вполне естественным допустить, что обледенелая мульда дала первый толчок к образованию обледенелой долины.

На мульдообразном или совершенно плоском дне долины может легко возникнуть или исчезнуть обледенелая мульда, часто благодаря ничтожнейшим вначале причинам. Сильный напор внешних вод легко может вырыть глубокое русло для реки и таким образом открыть книзу нижнюю часть мульды. В таком случае, имеющаяся там обледенелость должна была бы сейчас же исчезнуть, так как вода не могла бы более застаиваться, а напротив, легко и быстро стекала бы, следовательно, устранилась бы причина накопления льда. В другом случае, напротив, при соответственном образовании дна долины, накопление щебня и леса могло бы дать начало новым плотинам или значительно повысить конечные валы имеющихся уже обледенелых мульд. Тогда в снежные и холодные зимы должны были бы образоваться новые ледяные массы или значительно возрасти старые. Если мы представим себе непрерывное повторение таких зим в течение целого ряда лет, то может случиться, что соседние мульды соединятся между собою и образуют большие скопления льда. С дальнейшим ходом того же явления лед наполнит бы целые долины, и образовались бы вполне выраженные обледенелые долины. Восточная Сибирь, чрезвычайно обильная атмосферными осадками, гористая и холодная, как нельзя более благоприятствует таким процессам. Раз только утвердилось в каком-либо месте ледяная масса, она начнет понижать температуру ближайших к ней мест, и размер этого понижения будет увеличиваться с ростом массы льда. Действие солнечной теплоты все будет ослабляться, действие же зимнего холода, напротив, усиливаться.

Можно было бы пойти далее и задать себе вопрос: не может ли процесс, благодаря которому обледенелые мульды, увеличиваясь и многократно сливаясь, должны, наконец, образовать большие обледенелые долины, -- не может ли этот процесс пойти еще далее? Не могут ли наполниться общим ледяным покровом также соседние, параллельные, разделенные низкими водоразделами долины, при особенно благоприятных для того условиях, как то: при подходящем образовании поверхности, обилии осадков, очень холодных зимах, при понижении летней температуры вследствие усилившегося накопления ледяных масс? Не могут ли, таким образом, возникнуть небольшие обледенелые страны, "частичные ледниковые периоды"? Увеличение масс льда, в свою очередь, должно было бы вызвать еще более быстрое дальнейшее их возрастание, и таким образом создались бы, наконец, условия, подобные современным гренландским.

Основываясь на вышеприведенных путевых наблюдениях, мы можем следующим образом выразить условия, необходимые для образования обледенелых мульд:

1) Обледенелые мульды образуются лишь в тех местах долин, которые или ясно мульдовидны, или, по крайней мере, совершенно горизонтальны.

2) Выше мульдовидного или горизонтального дна долины должен изливаться многоводный источник, температура которого настолько высока, что он не замерзает даже зимой. Вообще требуется постоянный приток достаточного количества воды.

3) Холодная и снежная зима много содействует увеличению обледенелых мульд.

Если все эти условия вполне проявятся в одном месте, то необходимым последствием их будет возникновение и дальнейшее существование мощной, никогда не оттаивающей обледенелой мульды. Наоборот, где эти условия имеются налицо не все или лишь в слабой степени, там, хотя также образуется обледенелая мульда, но она, соответственно степени благоприятных или неблагоприятных для нее данных, исчезает под влиянием солнечных лучей в мае, июне, июле или августе. Если оставить в стороне постоянные мульды, то временные, по месяцам их исчезновения, можно бы назвать майскими, июньскими, июльскими и августовскими. Иногда, по-видимому, случается также, что в местах, где прежде не было условий для образования обледенелых мульд, они внезапно появляются, например, вследствие образования запруд из свалившихся деревьев или из различных нанесенных водою предметов и щебня. На такое внезапное появление

указывают вмерзшие в лед деревья. Наконец, существующие в какой-либо местности условия могут на несколько лет усилиться или ослабеть, так что, например, июньская мульда превращается в постоянную или, наоборот, постоянная во временную. Последние случаи представляют, однако, лишь исключения; обыкновенно же, как сообщают тунгусы, всякая мульда имеет свои периоды прироста и убыли.

Остается сказать еще несколько слов об отличии обледенелой мульды от глетчера. Оба образования не имеют между собою ничего сходного, кроме общих физических свойств льда. Всего нагляднее выступает различие между обледенелыми мульдами и глетчерами, если сопоставить их свойства в виде таблицы.

<p style="text-align: center;">Глетчер</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Долина глетчера большею частью узка, бока круты, склон дна значительный. 2) Растительность на высоте боков долины отсутствует. 3) Глетчеры образуются в самых высоких поясах снежных гор, растут и движутся оттуда благодаря давлению фирна, в узкие поперечные долины, открывающиеся вниз. 4) Продукт глетчера -- ручей. 5) Морены образуются частью благодаря тому обстоятельству, что глетчеры, подвигаясь вниз и производя давление на бока долины, открывают куски горных пород, образующих эти бока; частью же морены возникают вследствие накопления обломков рыхлых, выветрившихся пород, которые падают на лед с крутых боков долины. В обоих случаях глетчер несет упавший на него материал, располагающийся в виде боковых и срединных морен, вниз, где накопившиеся массы обломков откладываются в виде валообразной конечной морены. 6) Конечная морена возникает и возрастает лишь благодаря поступательному движению глетчера, но со своей стороны никогда не содействует увеличению ледяной массы. 	<p style="text-align: center;">Обледенелая мульда</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Долина обыкновенно широка, с пологими боками, дно непременно мульдovidное или горизонтальное. 2) Растительность, начиная ото льда, становится обыкновенно богаче по мере подъема на бока долины. 3) Обледенелые мульды возрастают благодаря натекающей на них воде, замерзающей на месте. Вода же большею частью берется из лесистых боков долины. 4) Обледенелая мульда -- продукт ручья. 5) Гальки, находящиеся на обледенелых мульдах, механически уносятся водою из более высоких частей долины и без всякого порядка откладываются на гладком льду. Здесь гальки остаются в полной зависимости от воды, пока, наконец, сильнее разогреваясь от солнца, не внедрятся в лед или же, передвигаемые далее водой по гладкой поверхности, не задержатся на более неровном грунте у конца обледенелой мульды, образуя здесь земляные и каменные глыбы. 6) Если конечный вал обледенелой мульды высок, то он в значительной мере должен содействовать увеличению количества льда. Конечный вал образуется не через поступательное движение ледяной массы, а только лишь благодаря переносящей силе воды. Таким образом, конечный вал обуславливает увеличение ледяной мульды, а не мульда -- увеличение вала.
--	---

Итак, обледенелые мульды по своему особенному характеру и частоте также, кажется, заслуживают отдельного места в группе ледяных образований, хотя по массе, протяжению и распространению никогда не могут соперничать с глетчерами, ледяными полями полярных стран, заключенными в земле слоями льда и плавучим льдом арктических морей.

9 августа мы также шли еще по весьма болотистому участку пути и только 10 прибыли наконец в сухую холмистую местность. Затем, следуя довольно заметную тропинкой, уже в три часа пополудни благополучно достигли станции Анелкан. Эта станция лежит среди весьма привлекательного горного ландшафта на Мае, у впадения в нее речки Анелкана. Здесь соединяются также долины обеих рек, образуя более просторную котловину. Таким образом, мы опять добрались до Маи, образующей многочисленные крупные извилины по горной стране Алдана. У Анелкана Мая уже стала меньше и приняла характер чисто горной реки, стремительно вырываясь в северо-восточном направлении из гор близ Охотска. Восемь домов русской постройки свидетельствовали о существовании здесь прежде более обширного поселения Российско-Американской Компании. Теперь же дома эти были в большом упадке, магазины пусты и заселены лишь жалким тунгусским отребьем. Старый комиссионер Компании Мордавский жил еще здесь в большой нужде, с женой и двумя дочерьми, занимая наилучше сохранившийся дом. Он принял меня настолько радушно, насколько то допускала его бедность.

И сегодня также главную тему разговоров составляли трудности пути по невообразимо скверной дороге до Аяна, до которого от Анелкана считается еще 202 версты. Это было известно с полной точностью, потому что достойная Компания измерила дорогу и разметила версты красными столбами, но для улучшения пути не нашла средств! Точно также очень живо рассказывалось о дерзких нападениях медведей. Во всю дорогу наш караван нисколько не терпел от медведей; мы даже их ни разу не встречали, а только кое-где видали их следы. Я склонен думать, что хотя, бесспорно, иная из пропавших лошадей и достается медведю, но, по крайней мере, столько же случаев пропажи объясняется почти невероятной обжорливостью, пристрастием к конине и плутоватостью якутов. Во всяком случае, плохая дорога благородной Компании убивает больше лошадей, чем медведи и якуты вместе. наших бедных лошадей тоже трудно было узнать -- столько они натерпелись!

Утром 11 августа мы тщательно осмотрели своих лошадей и двух наиболее истощенных и совершенно непригодных для дальнейшего пути оставили в Анелкане. Двух других, также очень слабых, я с некоторой приплатой променял у одного якута на пару более крепких. Приготовившись таким образом, мы, всего с 8 лошадьми, оставили станцию в 12 часов дня, переправились на левый берег Маи и опять поехали по ужасной дороге Компании. Мы прошли только 15 верст, а одна лошадь уже так увязла в болоте, что пришлось заночевать здесь для спасения животного, что нам удалось лишь после тяжелых усилий.

В следующие дни -- 12, 13 и 14 августа -- мы продолжали путь, терпя все те же невзгоды и борясь с величайшими трудностями. Началось с того, что мы потеряли лошадь. Несчастное животное до того измучилось, что дальнейшее движение, даже без выюков, стало для него совершенно невозможным, поэтому мы застрелили его, чтобы избавить, по крайней мере, от мучительной смерти -- растерзания заживо медведями. Затем провалилась моя верховая лошадь, и лишь с трудом удалось нам вытащить ее из болота. Повсюду валялись транспорты, казенные и компанейские, которых невозможно было перевезти далее из-за полного истощения лошадей. Очень часто стали встречаться трупы лошадей, павших жертвой беспечности достопочтенной Компании.

В восточном направлении мы стали уже приближаться к высотам и отдельным конусовидным горам, наивысшие из которых были лишены растительности, но не покрыты снегом. Настоящих снеговых гор здесь, по-видимому, нет, хотя несколько пиков белело, вероятно от только что выпавшего снега. Дожди, застигшие нас, выпали на высотах уже в виде снега. На пути лежали гальки из плотного, прочного известняка, принявшего здесь особую скорлуповатую структуру. Они были перемешаны с темными кусками порфира и зеленокаменной породы. Но особенно бросились мне в глаза

одиноким, совершенно пористым, окатанным обломкам какой-то темной трахитовой породы (лавы).

15 августа мы сперва проехали лишь несколько верст по твердому грунту до станции Эллашин, населенной якутами и расположенной на стремительной горной речке того же наименования, среди очень живописного горного ландшафта. Здесь же середина пути от Анелкана до Аяна, отсюда начинается подъем в Джугджурские горы. Никогда я здесь не слышал названия "Становой", а всегда только "Джугджур". Речка Эллашин вытекает далеко из глубины ущелий этих гор и впадает в Маю, как последняя река системы Лены. Горы здесь уже очень высоки и вершины их в последние дни покрылись свежим снегом. При постепенном подъеме мы все держались Эллашина и следовали в горы по этому перевалу. Возле нас бешено неслась пенная река по беспорядочно наваленным валунам. Растительность заметно убывала, и таким образом все уменьшалось количество корма для лошадей. Так как мы не могли сегодня проехать через весь кряж, то, поднявшись уже довольно высоко, мы расположились на ночлег в одном расширении долины, служившей нам перевалом. Здесь, в несколько более защищенном месте, росло еще немного травы, и потому наши бедные животные остались хоть не совсем без подкрепления. Ночью мимо нас проехали казаки, посланные из Аяна для содействия дальнейшему препровождению всюду валявшихся товарных транспортов. Для исполнения возложенного на них поручения эти казаки сгоняли всех попадавшихся им якутов, ехавших со свободными лошадьми из Аяна домой. Якуты же, щадя своих лошадей, старались ускользнуть побочными путями. Это часто вело, конечно, к крайне неприглядным сценам и порождало много неприятностей. Утром 16 августа мелкие лужи у нашего лагеря оказались замерзшими, при температуре в $1\frac{1}{2}$ °R. После морозной ночи огонь и чай показались нам очень приятными. Отсюда, следуя постоянно вдоль ручья Эллашин и по Эллашинскому перевалу, мы поднимались все в более высокие и более дикие горные участки. Ручей с оглушительным шумом неся, пенясь, по громадным каменным глыбам. Всюду в беспорядке валялись свалившиеся исполинские скалы, среди которых приходилось отыскивать дорогу. Скалы состояли из светло-зеленого сланца с обильным содержанием кремнекислоты, часто с перемежающимися темными и светлыми полосами (быть может, то был диоритовый или другой сланец, метаморфизированный действием изверженной массивной породы). По обеим сторонам перевала поднимались изорванные конусы, состоявшие, по-видимому, из массивных пород. Растительность почти совершенно исчезла, только мох да кедровый стланец, последний в виде очень низкого кустарника, доходили почти до вершины гор. Затем прекратился и мох, так что мы ехали по голому галечнику, а на коротком протяжении даже по свежеснеговому снегу, имевшему 4 дюйма глубины. Здесь, в этой безжизненной пустыне, мы встретили страшно измученную лошадь, предоставленную бессердечными якутами голодной смерти. Животное едва двигалось, выстрелом в сердце мы прекратили его страдания. Постепенно поднимаясь на протяжении приблизительно 30 верст от станции Эллашин, мы достигли наконец высшей точки перевала. Что за вид открывался впереди и позади нас! Что за величественная горная панорама окружала нас! Позади, постепенно понижаясь, тянулась долина Эллашина, окруженная конусообразными, отчасти разорванными горами; над нею далеко на севере высился мощный высокий конус. Впереди -- узкая, круто падающая, высокая горная долина, направляющая свои воды уже к Алдаме, следовательно, к Охотскому морю, и замкнутая скалистыми горными вершинами, теперь белыми от рано выпавшего снега. Вокруг нас -- лабиринт гор, скал, ущелий, а на самой высшей точке перевала, по обеим сторонам упомянутой крутой долины Алдамы, поднимались еще две конусовидные горы -- как бы ворота, открывающие дорогу к морю. Здесь, на высоте, находился светлый, ясно слоистый гнейс, по-видимому, преобладающий на восточном склоне Джугджура.

Путь наш теперь стал спускаться к Алдаме. Крутая дорога зигзагами вилась вниз, сперва по гнейсовой гальке, затем опять появились мхи, затем кедр, лиственница, ольха

и береза, наконец, в расширяющейся к юго-востоку долине опять пошла богатая растительность из лесных деревьев и трав. И здесь часто встречалась пихта, а равно стройные ивы, тополи и шиповник. Галечник остался преимущественно гнейсовый, с примесью красной и темной порфировой породы.

И в этой долине, по которой мы спускались к востоку, пенясь, пробегал неглубокий ручей, который нам пришлось перейти несколько раз: мы ехали то правым, то левым берегом, то на значительном протяжении руслом самой реки, пробираясь через острые камни. Так наконец мы достигли роскошного луга, где расположились на ночлег, имея в тылу Джугджурский хребет, ширина которого от станции Эллашин в этом месте составляет около 50 верст.

17 августа нам пришлось лишь немного податься вперед, так как, чтобы не лишиться окончательно лошадей, мы должны были до крайности щадить их. Большею частью острые камни на дороге, особенно в русле Алдамы, покрытом лишь неглубокой водой, по которой нам опять пришлось пробродить на порядочном расстоянии, очень разбили неподкованные копыта наших лошадей. Наконец, в 38 верстах от Аяна, у станции Алдамы, мы в последний раз переправились через реку и расположились на ночлег. Здесь опять нам пришлось оставить одну из наших лошадей, окончательно заморенную, так что мы теперь располагали всего только шестью. Чтобы, по крайней мере, довести хоть наш багаж, пришлось навьючить всех лошадей, и мы, кавалеристы, превратились в пехотинцев. Здесь в первый раз получили мы на станции морскую рыбу, именно одного лосося (по-здешнему -- кета), -- блюдо, которое в последующие годы успело мне надоесть. Мой казак, прежде долгое время живший в Охотске, так обрадовался старому знакомцу -- лосою, -- что только перекрестился и немедленно приступил к стряпне. Спелые ягоды *Lonicera coerulea*, по-видимому, здесь не редкость и составили освежающий десерт к нашей трапезе.

18 августа путь наш сперва шел по прочному грунту, лугами и лесом. Затем мы перевалили через последний низкий, покрытый бедной растительностью кряж и, чтобы дать отдохнуть нашим смертельно измученным лошадям, опять расположились на ночлег в 22 верстах от Аяна: мы надеялись, что прекрасное пастбище придаст нашим лошадям силы для последнего напряжения, предстоявшего на следующий день.

Немного не доходя до упомянутого кряжа, мы сегодня имели необыкновенную встречу, которую я не могу пройти молчанием. Мы проезжали частым лесом, как вдруг из глубины его, к северу от нас, послышался собачий лай, по-видимому, все приближавшийся. Мы приостановились, чтобы узнать в чем дело, и немного погодя к нам прибежали несколько собак, а следом за ними -- караван оленей с их кочующими хозяевами. То были два семейства тунгусов, которые рыбачили на Алдаме, а теперь, пренебрегая всяким созданным цивилизацией путем, шли прямо через пустыню, далеко на юг, на границу Манджурии -- к Удскому. Оригинальная жизнь: нигде у них нет собственной земли и в то же время вся земля как бы в их владении. Так всю жизни бродят они, стар и млад, через чащи лесов, через ужаснейшие пустыни, не представляющие, по-видимому, ничего отталкивающего для тунгуса. Встретившиеся нам тунгусы, при которых было всего 50 оленей, составляли только одну партию перекочевывавшей группы, большая часть которой со своими стадами уже ушла вперед. Из оленей некоторые были очень велики, частью белого, частью бурого цвета, с очень крупными, сильно разветвленными рогами. На самых больших оленях сидели верхом мужчины и женщины, точно так же помещались на оленях и дети, даже самые маленькие. Все были в кожаных рейтузах и живописной национальной одежде. Совсем маленькие дети, в том числе один грудной ребенок, были привязаны к особому рода седлам из шкур и со всех сторон окружены подпорками из дощечек. Впереди -- громко кричащие женщины и дети, за ними -- стадо и вооруженные мужчины: в таком виде внезапно вынырнул из леса караван, чтобы опять в нем скрыться. Как подобает истым сынам пустыни, их первый вопрос касался того, не встретили ли мы медведя, который

теперь уж так крупен и с прекрасной черной шерстью? Они непременно хотели добыть его!

19 августа мы поднялись очень рано, и на этот раз дорога нам особенно благоприятствовала. По мере приближения к морю местность все более возвышалась. Опять появились горы, а в пяти верстах от цели нашего путешествия показались даже крутые скалы на берегу моря, которое мы теперь впервые увидели вдали. Около двух часов пополудни мы, спустившись с пологой холмистой местности, прибыли, наконец, в Аян.

Здесь я встретил радушный прием в доме приветливых земляков. В Аяне, в качестве врача Российско-Американской Компании, жил уже несколько лет с женой и детьми д-р Тилинг. Мы встречались и вели знакомство в Дерпте, в университете, и теперь судьба нас опять свела на Дальнем Востоке. Первое, очень для меня радостное известие заключалось в том, что судно еще не ушло в Камчатку, но что со дня на день ждут оттуда корабля, который затем снова должен туда вернуться. Сюда постепенно наехало множество чиновников и офицеров, отправлявшихся на службу в Камчатку и с нетерпением ждавших возможности переезда на место своего назначения. Аян представлялся теперь весьма оживленным. Обыкновенно здесь жил только местный начальник, т. е. управляющий компанейской факторией -- большею частью какой-нибудь из высших флотских офицеров, затем бухгалтер Компании, врач и священник, кроме того, несколько казаков, слуг и рабочих. Аян не считался городом, но здесь была очень хорошенькая маленькая православная церковь, пять домов для служащих Компании, несколько казарм для рабочих и 2 -- 3 товарных сарая. Теперь всюду разместились приезжие, заняв даже пустой сарай; кроме того, разбито было еще множество палаток. К сожалению, густой туман так окутывал всю местность, что я не мог ее рассмотреть. К тому же после перенесенных трудностей путешествия мной овладело такое утомление, а радушие моих хозяев действовало на меня так благотворно, что мне даже не хотелось сегодня же оставить теплый, уютный дом. Я только позаботился приискать помещение и для своего казака Решетникова, купил для лошадей два больших мешка муки и после этого сытного корма отпустил их пока с якутом Дмитрием на ближнее хорошее пастбище.

20 августа я проснулся поздно после продолжительного и благодетельного сна. Гостеприимная хозяйка угостила меня прекрасным кофе, и после долгого перерыва я досыта наговорился на милом сердцу, родном немецком языке (последний раз я слышал немецкую речь в Петербурге). Затем д-р Тилинг хотел показать мне Аян, причем предполагалось сделать несколько нужных визитов.

Небольшое поселение окружено высокими горами, из которых некоторые, именно на северной стороне, в виде крутых скал спускаются к морю и состоят из очень твердых, богатых кремнекислотой сланцев розового и зеленого цвета, нарушенных массивными породами, быть может, из группы зеленокаменных или мелафиров. Только со стороны небольшой гавани, с востока совершенно открытой и не защищенной, местность также совершенно открыта. Все дома расположены недалеко от морского берега, в один ряд, заканчивающийся церковью. Несколько очень жалких огородов окружают их. Теперешний губернатор Камчатки, флота капитан Завойко, - основатель и устроитель Аяна. Вместе с тем, он перевел сюда факторию Компании из Охотска. Завойко прежде тоже был на службе Компании в Охотске и предложил эту замену, потому что в Охотске совсем нет гавани и, следовательно, стоящие там на рейде суда постоянно подвергаются опасности. Мелкие суда могли еще, пожалуй, входить в устье Охоты, но для крупных это было невозможно вследствие недостаточной глубины на бере. Таким образом возник Аян после розысков более удобной гавани, производившихся на протяжении всего берега Охотского моря до Шантарских островов.

Между прочим, я сделал визит начальнику поселения, капитан-лейтенанту Кашеварову. Он принял меня очень покровительственно и обещал позаботиться о том,

чтобы я еще этой же осенью попал в Камчатку. Это был человек с весьма ограниченным образованием, но с большим запасом грубости, с громадным тщеславием и с некоторым внешним лоском, что производило иногда несколько комичное впечатление.

21 августа подан был сигнал, что в виду гавани большое судно, и несколько часов спустя в нее вошел прекрасный военный корвет "Оливуца" под командой капитана Сушова. Конечно, радость была всеобщая, так как для всех, наконец, представилась возможность достигнуть своей конечной цели.

В Аяне нет улиц, а имеется только очень длинная, поросшая травой площадь, лежащая между рядом домов и морем. Теперь по ней сновала очень пестрая толпа: среди офицеров и чиновников, прибывших из России и дожидавшихся переезда в Камчатку, появились офицеры и матросы с корвета. Затем, в числе рабочих Компании, виднелись тунгусы, якуты, алеуты-рыболовы с их кожаными байдарками, колоши из Ситхи и, наконец, даже несколько гиляков с Амура, только что прибывших на "Оливуце".

Вид Авачинской губы с Петропавловском и Коряжской сопкой

24 августа у Кашеварова состоялся общий прощальный обед, и в 6 часов вечера мы все перебрались на корвет. После этого судно, оставаясь еще в виду Аяна, стало медленно маневрировать перед гаванью, подвигаясь в открытое море.

Ранним утром 25 августа перед нами открылся красивый вид с судна на Аян, его гавань и изрезанный утесистый берег, но вскоре эта картина скрылась из наших глаз. Попутный ветер надул паруса, и изящное судно пошло в юго-восточном направлении со скоростью 6 узлов.

Только теперь нам сообщили, что корабль держит курс не непосредственно на Камчатку, а сначала пойдет к южному берегу Охотского моря близ устья Амура. Здесь правительством основано было новое поселение -- Петровское с целью перенесения его, при первой возможности, на самый Амур для занятия всей области устьев этой важной исполинской реки. Говорили, что и теперь уже в Петровском расположена в нескольких домах небольшая команда под начальством флота капитана Невельского и что даже на самом берегу Амура, верстах в 30 от устья, устраивается поселение, названное Николаевским. Довольно удобная для всадника дорога, длиною верст в 50, ведет, как передавали, из Петровского прямо на юг, до Николаевска. Наконец, с помощью подарков и уговариваний, постарались приобрести расположение гиляков, населяющих страну от устьев вверх по Амуру на 200 с лишним верст. Затем от них добились того, чтобы они не беспокоили новых пришельцев, а, напротив, вступили с ними в мирные и дружественные отношения. Все это было нам объявлено под величайшим секретом, особенно же настаивали на том, чтобы никто не упоминал об этом в своих письмах в Европу.

Все офицеры корвета, начиная с капитана и до мичмана, были люди образованные, обходительные и любезные, так что время в кают-компании, за вкусной едой и в приятельской беседе, проходило не только приятно, но и с пользою. Благодаря непринужденному и вместе с тем вполне приличному обращению, а также тому, что научные интересы стояли на первом плане, между нами очень скоро завязались самые дружеские отношения. С особенной благодарностью должен я упомянуть о капитане Суцове и лейтенантах Лихачеве, Корпелоне, Шлиппенбахе и Савине.

26 августа увидали мы скалистые Шантарские острова и встретили несколько китов, выбрасывавших свои фонтаны высоко над поверхностью моря. Погода стояла прекрасная, воздух был почти летний, но, к сожалению, ветер был слаб и большею частью не попутный, так что мы могли подвигаться только лавируя.

27 и 28 августа продолжалось то же самое, но нам приходилось больше придерживаться более восточного направления, а 28-го уже показалась высокая северная оконечность Сахалина.

Наконец, 29 августа мы бросили якорь на открытом рейде, в виду Петровского, верстах в пяти от материка. 30 и 31-е мы провели в бездействии на судне, потому что свежий ветер делал невозможным переезд на берег в лодке. Этим же сильным ветром решена была, к сожалению печально, участь компанейского судна "Шелихов". За несколько дней до этого оно при густом тумане попало на песчаную банку в непосредственном соседстве с Петровским. Все усилия снять его с мели остались безуспешны, и хотя удалось спасти главный груз, но самое судно в последнюю ночь дало такую огромную течь, что пришлось его оставить. Команда и командир должны были пойти с нами на корвете в Камчатку.

1 сентября ветер совершенно стих и температура воздуха сильно понизилась. На корвете работали над выгрузкой припасов, привезенных для Петровского, и я получил разрешение отправиться с одной из больших лодок на берег. Мы въехали в маленький залив, так называемый "Залив Счастья", образуемый двумя низкими и длинными песчаными островами -- Уддом и Лангром -- вместе с плоским полуостровом, также состоящим из песку и дресвы. Острова и полуостров отделяют этот залив от моря. Здесь мы пристали у трех домов Петровского, построенных на внутренней стороне

полуострова близ моря. Новое поселение расположено в западной части залива там, где он весь окружен материком, тогда как восточная часть, лежащая между горою Меньшикова и островом Лангр, открывается в лиман Амура. Маленькая речонка Иска впадает в этот залив близ Петровского и открывает путь к Амуру. Путь этот идет первоначально долиною Иски, затем через невысокий кряж в маленькую долину, которая оканчивается у нового поселения -- Николаевска. Поздно вечером, при чудном лунном свете, вернулся я снова на корвет вместе с командой.

В Петровском я видел много гиляков. Это -- здоровое, крепкое племя, несколько дикое и совершенно не тронутое цивилизацией. Черты лица у них чисто монгольские, борода небольшая и редкая, волосы заплетены в длинную косу. Платье, отчасти в китайско-манджурском вкусе, изготавливается из кожи рыб и из медвежьих, тюленьих и собачьих шкур. Пища состоит главным образом из рыбы и ягод. Медведь и огонь играют важную роль в их религиозных представлениях. Их шаманы представляют собою род жрецов и врачей вместе. Рыбная ловля, охота и торговля -- главные занятия гиляков. Оружие состоит из луков, больших ножей и копий. Гиляки якобы обязаны платить дань манджурам, т. е. не правительству, а странствующим манджурским торговцам, которые разъезжают на своих лодках по всему Амурскому краю и везде грабят гиляков, отнимая плоды их охоты в обмен на ничего не стоящие товары и облагая их контрибуцией. Сверх того гиляки находятся в небольших торговых сношениях с тунгусами и японцами. Их жилища представляют собою просторные четырехугольные деревянные здания с обыкновенной кровлей, но без потолка; у стен широкие нары, под которыми проходят дымовые ходы.

Со 2 до 4 сентября снова дул сильный ветер, сопровождаемый холодом и туманом, вследствие чего мы не могли оставить судна. Лишь 5 сентября получил я возможность отправиться на берег, откуда вернулся только 6-го. Я сделал визит Невельскому, который жил здесь со своей молодой женой. Этот оригинальный, рассеянный и слишком богатый планами человек тотчас предложил мне исследовать близлежащую залежь торфа, которая, по его мнению, представляла огромную важность для Амурского края.

Пока доставали лошадей, на которых, в сопровождении одного тунгуса, я собирался ехать верхом к торфяной залежи, пришла грустная весть об окончательной гибели "Шелихова". Эта весть произвела крайне удручающее впечатление.

Мы быстро продвигались вперед к торфяной залежи. Дорога шла мимо двух гиляцких хижин, которые обе были одинаково грязны, противны и населены людьми по степени развития действительно зверообразными. Видели мы очень много собак, употребляемых для езды и составляющих здесь единственное домашнее животное. Встречались у гиляков также живые медведи и орлы; первые, как говорят, сохраняются для религиозных торжеств, а вторых охотно покупают японцы. При этих жилищах находилось еще нечто вроде кладбища, где в большом ящике, сколоченном из бревен и снабженном маленькой крышей, сохраняется пепел сожженных мертвецов со всеми предметами, служившими им при жизни, как то: оружием, трубкой, ложкой, деревянной чашкой и пр. Сверх того, эти места были украшены надетыми на жерди черепами дельфинов.

Залежь состояла из морского или озерного торфа мощностью около 3 футов и столь недавнего происхождения, что его гораздо основательнее можно было бы назвать скоплением полусгнивших болотных и морских растений. Торф лежит на плотном щебне, из которого состоят все берега Залива Счастья. Вечером я рано вернулся в Петровское и остался к чаю и на ночь у Невельского. Мой хозяин был неутомим в своих рассказах и проектах. В самое короткое время он присоединил и цивилизовал бы весь Амурский край, да еще чуть не завоевал всего Китая.

7 сентября в 6 часов вечера были подняты якоря, и курс норд-норд-ост показал, что теперь-то мы идем к Камчатке. Дул крепкий южный ветер, вскоре перешедший в шторм. 8, 9 и 10 сентября продолжался штормовой юго-западный ветер, порядком швырявший

судно из стороны в сторону. Ветер свирепствовал с различной силой, то ослабевая, то снова усиливаясь, но все время сохранял благоприятное для нас направление, так что мы в течение этих дней прошли большую часть Охотского моря. Нередко огромная волна обрушивалась на палубу; то нас подкидывало на громадную высоту, то мы стремглав летели вниз в пропасть между волн. Стоять или ходить без опоры -- нечего было и думать. За все эти беды мы были вознаграждены вечером и ночью таким свечением моря, которое по великолепию превосходит все, что можно себе вообразить.

11 сентября постепенно стало стихать, и признаком нашего приближения к Курильским островам послужил прилет на судно нескольких наземных птиц, именно овсянок. 12-го мы увидели островной вулкан Алаид, но из-за пасмурной погоды нельзя было разглядеть, дымит он или нет. К вечеру ветер, к сожалению, изменился, и мы опять удалились от островов.

Рано утром 13 сентября небо и горизонт были ясны, и солнце сияло, но ни одного из Курильских островов уже более не было видно. Незадолго до 10 часов ветер снова изменился в нашу пользу, и мы могли взять курс прямо на острова. Около часу пополудни увидели мы сначала справа Маканруш, затем Онекотан, а несколько позже и слева Ширинки и южную оконечность Парамушира. Особенно близко проходили мы у Маканруша и Онекотана -- двух высоких островов из разорванных скал, но без ясно выраженных конусов. Ширинки, напротив, представился нам в виде вполне выраженного усеченного конуса. Мы летели к океану через четвертый пролив Курильских островов со скоростью 10 узлов при покойном ходе судна, прекраснейшей погоде и благоприятнейшем ветре. В каюте, за стаканом вина, все весело приветствовали этот необыкновенно удачный переход в величайший океан.

14-го дул тот же благоприятный для нас свежий ветер, судно несло все паруса и шло спокойно, но быстро. Матросам было мало дела, и они предавались различным забавам. Пели, танцевали и разыгрывали разные шутки в лицах. Дошла очередь и до якутов, ехавших в качестве пассажиров на Ситху: они также должны были внести свою долю в общее веселье. Флегматично и спокойно появились они, в числе около 10 человек, стали в круг, взяли за руки и начали медленно кружиться, сильно раскачиваясь из стороны в сторону и издавая *tremolando* низкие однообразные гортанные звуки. Громкий хохот вскоре покрыл это комичное веселье апатичной группы, которая поспешила исчезнуть со сцены. Теперь выступила прямая противоположность якутам. Пять колошей, которых мы везли из Аяна на их родину, пестро размалевали себя, по-своему индейскому обычаю, красной и черной краской, надели головной убор из перьев, навесили на себя пестрые одеяла и всякого рода погремушки. В таком виде с криком и воем стремительно и энергично бросились они на первый план и со своеобразным темпом исполнили свою дикую военную пляску. Пальма первенства в этот день досталась им.

Утром 15 сентября, при прекрасной погоде, мы в первый раз увидели часть камчатского берега. Эта была вершина Кошелевой сопки, показавшейся вдали на горизонте. Около часу показался в неясных очертаниях остров Уташут, и затем в течение целого дня, с небольшими лишь перерывами, мы видели в отдалении различные части берега. Вечером мы взяли курс прямо на Авачинский залив.

16 сентября день был дождливый. В четыре часа утра мы увидели уже вдали огонек маяка, на который теперь прямо и держали. Слева показался острый конус Вилучинской сопки и остров Старичков, а справа -- великолепный вулканический трезубец: Коряка, Авача и Козел. Вскоре появился и тесный, окруженный высокими отвесными скалами вход в Авачинскую губу. Здесь приветствовал нас кит со своим брызжущим фонтаном. Затем мы вошли в своего рода Дарданеллы, образуемые входом в бухту, имея по бокам выступающие из воды, отделившиеся от берега каменные колоссы -- слева Бабушкин камень, справа Три Брата. Наконец, в 7 часов мы вошли в прекрасный, обширный Авачинский залив и в 8 часов утра бросили якорь в маленькой бухте Св. Петра и Павла.

Цель моего путешествия лежала предо мной, страна, в которой я должен был начать свои многолетние исследования, была достигнута.

Отдел II

ПОЕЗДКА ПО КАМЧАТКЕ ОСЕНЬЮ 1851 И ЗИМОЮ 1852 гг.

- 1) Поездка к горячим ключам (Паратунским) в сентябре 1851 г.*
- 2) Объезд Авачинской губы в сентябре 1851 г.*
- 3) Экскурсия на Авачинскую сопку в октябре 1851 г.*
- 4) Зимняя поездка в Нижнекамчатск в январе 1852 г. Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1851 -- 1852 гг.*

1) Поездка к горячим ключам (Паратунским) в сентябре 1851 г.

16 сентября 1851 г., в день моего прибытия в Камчатку, стояла мрачная и дождливая погода, все кругом было окутано густым туманом.

Утомленный физически и нравственно, я весь первый день провел на корвете и лишь на следующий сделал визит военному губернатору Камчатки Василию Ивановичу Завойко, отныне моему начальнику. Я был принят в высшей степени приветливо как им, так и его супругой Юлией Егоровной, урожденной баронессой Врангель. Их приветливость и любезность произвели на меня чрезвычайно благодетельное впечатление, заставив забыть все тяжелое в моем положении. Так завязались между нами отношения, о которых я вспоминаю с глубочайшей признательностью и которые без всякого диссонанса продолжались в течение всего моего пребывания в Камчатке и на Амуре.

Я встретил также самую любезную предупредительность со стороны многих других лиц, так что сейчас же мог ориентироваться и освоиться на новом месте. Единственный неприятный пункт составлял квартирный вопрос. Временно, до приискания и устройства нужных квартир, многие из новопривывших, в том числе и я, были помещены в довольно ветхом здании с сильно протекавшей крышей. Но я сам не бездействовал и условился с одним старым унтер-офицером об устройстве для меня одной комнатки в его доме. Для этого, однако, нужна была еще кое-какая работа, так что мое помещение могло быть готово и занято лишь через несколько недель.

Губернатор со своей стороны делал все, что было в его силах, для исполнения своих обязанностей по размещению всех вновь прибывших офицеров, чиновников и команды.

Камчатка стала титуловаться губернией лишь с 1850 г., т. е. со времени назначения на губернаторский пост Завойко. Это громкое название было придумано в Иркутске у генерал-губернатора и впоследствии получило утверждение. За зеленым столом, по шаблону великорусских губерний, назначили в Камчатку целую армию чиновников и офицеров, не имея ни малейшего представления об этой безлюдной стране, ее особенностях и обуславливаемых этим насущных потребностях. Имелось в виду поднять край, сделать его во всех отношениях полезным для империи. Надеялись этим повышением в ранге и этими бесполезными внешними мерами, да еще выкроенными по самому общему шаблону, цивилизовать страну и довести ее до процветания. На самом же деле чиновники различных ведомств и министерств, одинаково подчиненные губернатору, все предъявляли различные требования и вместо взаимной помощи для совместной работы, напротив, часто противодействовали друг другу. В то же время

были ассигнованы немалые денежные средства, но и они, по образцам Европейской России, не были предоставлены в бесконтрольное распоряжение местных властей. Сама Камчатка ничего еще не производила, поэтому нельзя было делать на месте никаких покупок. Напротив, все и вся из бесчисленных предметов ежедневного потребления, съестные припасы и всякого рода материалы -- все приходилось привозить из очень далеких мест, выписывая и заказывая это нередко за много месяцев вперед.

На губернатора возложено было, по возможности, развить в стране земледелие и скотоводство, создать пути сообщения, как посредством устройства сухопутных дорог, так и постройкой новых транспортных и береговых судов, чтобы этими мерами сделать доступными отдаленные части края. Петропавловск должен был сделаться полезной станцией для военного флота, равно как для торговых судов и китобоев. Для этого, однако, не доставало рабочих и ремесленников, равно как мастерских и складов корабельных принадлежностей, да и самые строительные материалы для домов доставались с большим трудом, так как во всей южной части полуострова растет только лиственный лес.

С повышением Камчатки в ранг губернии в ней значительно возросло число военных и чиновников, но все это были господа, взятые непосредственно от зеленого стола и фронта, не имевшие ни малейшего понятия о потребностях практической, созидательной деятельности, и потому не способные оказывать Завойко никакой помощи. А между тем, на нем лежала обязанность заготавливать для всех этих новых пришельцев дома, казармы, амбары, мастерские и пр., а в особенности же немалое количество всевозможного провианта. Эта была нелегкая задача, и справиться с нею мог только такой умелый человек, каким был Завойко. В течение немногих лет возник небольшой городок на том месте, где до того стояло только несколько жалких домишек. Правда, губернатор требовал зато от всех своих чиновников и офицеров строжайшей исполнительности в работе и усиленных трудов, хотя бы даже и вне сферы специальных занятий, что, в свою очередь, порождало взаимное неудовольствие и натянутость отношений.

В то же время Завойко и его жена постоянно стремились к всевозможному облегчению для всего общества способов приобретения предметов ежедневной необходимости, старались даже доставлять ему развлечения и удовольствия. Дом их отличался крайним гостеприимством и всегда был открыт для гостей.

К числу таких удовольствий принадлежали также небольшие поездки к различным живописным местам окрестностей, особенно же привлекали близлежащие горячие ключи. На 19 сентября Завойко тоже проектировал такую прогулку, чтобы показать капитану Суцову эти интересные источники, причем к участию были приглашены некоторые чиновники, в том числе и я.

Рано утром в назначенный день собралось наше небольшое общество, чтобы переправиться в двух лодках на противоположный берег большой Авачинской губы. Надо было сделать 17 верст морем. При хорошей тихой погоде мы их быстро прошли на веслах и пристали к низкому песчаному берегу в передней части большой придаточной бухты -- Таринской губы.

Отсюда, после завтрака, отправились мы пешком через неглубокую долину, занятую лугом с рассеянными по нему березами. Маленькая тропинка, извивающаяся в высокой траве, вела к длинному озеру, называемому "Ближним" и лежащему в расстоянии около версты от места высадки. Здесь мы сели в приготовленные лодки, в которых пересекли озеро по всей его длине до другого конца, где расположено небольшое якутское поселение Озеро. Употребительные здесь лодки (однодеревки) представляют собою просто выдолбленный ствол тополя, слегка заостренный на обоих концах. Благодаря полному отсутствию киля эти лодки очень легко опрокидываются. Поэтому их часто связывают жердями по две, в результате чего получается, с одной стороны, значительное уменьшение валкости и даже полная невозможность опрокидывания, с другой же, -- подъем значительно большего груза. Эти соединенные лодки, называемые паромами,

весьма употребительны по всей Камчатке на тихих озерах или в поездках вниз по течению реки, тогда как для подъема против течения они совершенно не годятся.

Пересеченное нами озеро составляло часть той же долины, на которую мы ступили, высадившись на берег, и дно которой глубоко опустилось для озера. От поселка Озеро дорога идет широкой долиной Паратунки, -- реки, вытекающей из южных гор и впадающей в Авачинскую губу; от него всего остается только несколько верст до горячих источников, называемых Ключи. Здесь долина, направляющаяся к югу в горы, несколько суживается, хотя все еще остается довольно широкою. С запада и востока она окаймлена далеко разошедшимися скалистыми стенами; дно ее -- аллювиальное и усеяно высокими травами и разбросанными березами, тополями и ольхой. Виднеющиеся с востока скалистые горы сильно разорваны и могут быть уже причислены к тянувшимся на север предгорьям Вилючинской сопки. В середине этой долины находится маленький бассейн, имеющий при равномерной глубине в 4 -- 4 $\frac{1}{2}$ фута, поперечник в 20 -- 25 футов и наполненный теплой водой (34 °R). На северном крае бассейна, где глубина всего в 2 фута, выходит источник, совсем не образующий сильно бьющей струи и имеющий температуру в 41 °R; вода распространяет слабый запах сернистого водорода. Температура воздуха во время нашего посещения равнялась всего 8 °R. Короткий ручеек несет все еще тепловатую воду в Паратунку.

Чтобы здесь можно было принимать ванны, Завойко выстроил на самом берегу бассейна просторный дом с лестницей, ведущей прямо в воду. Мы вошли в этот дом, и все общество тотчас же воспользовалось теплым купанием. Затем, при прекрасном настроении и веселых шутках всей компании, последовал большой обед. Наконец после приятно проведенного дня мы расположились на ночлег на просторном ложе из сена.

Утром 20 сентября мы рано встали, искупались еще раз, и, позавтракав, отправились в обратный путь. Вчерашней дорогой мы скоро вернулись к нашим лодкам на море и, пользуясь благоприятной погодой и ветром, возвратились в Петропавловск. Пройденная нами местность оказалась восхитительной, и, хотя время уже было довольно осеннее, мы могли еще любоваться очень роскошной растительностью. Все ручьи были переполнены большими лососями, продолжавшими свое путешествие вверх по рекам. Переезжая через Авачинскую губу, мы имели перед глазами необыкновенно величественную панораму. На северо-востоке видны были высокие, крутые и скалистые берега большого залива, а над ними выступали великолепные формы Коряцкой и Авачинской сопки, вместе с дополнением последней -- Козельской. На юго-западе возвышалась Вилючинская сопка, и также над скалистыми берегами, высота, крутизна и разорванность которых еще увеличивалась к юго-востоку, т. е. к входу из океана в Авачинскую губу. На северо-западе низкие дельты рек Паратунки и Авачи соединяются в далеко протянувшуюся долину. Авачинская сопка слегка дымилась, Коряцкая же и Вилючинская казались совершенно недейтельными.

Ближайшие дни я посвятил устройству своих дел и ознакомлению с местностью. Мне еще предстояло объехать всю Авачинскую губу, специальную карту которой я теперь изучал.

23 сентября я должен был еще провести в нашей маленькой резиденции, так как капитан Суцов пригласил всех на корвет для празднования годовщины отплытия этого судна из Кронштадта. Многочисленное общество собралось к роскошному завтраку. Тосты следовали за тостами под гром пушечных выстрелов. Наконец мы разошлись, чтобы приготовиться к балу по приглашению губернатора.

Вечером на корвете и на берегу внезапно началась зловещая суэта. Суцов вздумал проехать под парусом по заливу в небольшой шлюпке, как вдруг неожиданным и сильным порывом ветра опрокинуло его маленькую лодку, и на наших глазах она затонула со всеми пассажирами. Тотчас же все лодки были на месте несчастья. Два американских китобоя также отправили свои быстроходные вельботы, но, к несчастью, удалось спасти только двух матросов. Капитан Суцов с тремя матросами пошли ко дну,

и их невозможно было отыскать, несмотря на поиски всякими способами, длившиеся до поздней ночи. Лодку удалось вытащить, но пустую. Все усилия и труды, все старания найти утонувших остались тщетны. Таким образом, день радости неожиданно обратился в день печали. Достоинейший человек, прекрасный моряк лежал теперь в холодной, сырой могиле со своими тремя спутниками.

И в следующие дни не прекращались поиски, чтобы, по крайней мере, найти и похоронить трупы, но также безуспешно. Наконец, 26 сентября, когда окончательно пришлось отказаться от всякой надежды, вдоль берега потянулась длинная траурная процессия с духовенством во главе и остановилась против места ужасной катастрофы, чтобы хоть отсюда отдать последний долг погибшим.

2) Обезд Авачинской губы в сентябре 1851 г.

Завойко дал мне вельбот с пятью матросами для обезда Авачинской губы, и я выехал ранним утром 27 сентября, чтобы вернуться лишь ночью 30-го.

Обращаясь теперь к описанию этого великолепного залива, я в чисто географическом отношении руководствуюсь картами Гидрографического Департамента Морского Министерства; для возможно же большей полноты я пользовался также всеми относящимися сюда заметками из моих дневников за позднейшие годы.

Географическое положение Авачинской губы лучше всего определяется положением Петропавловска, который лежит на $158^{\circ} 30'$ в. д. (от Гринвича) и 53° с несколькими минутами с. ш., следовательно, почти на одной широте с устьем Амура, Иркутском, Орлом, Бременом, Ливерпулем и островом королевы Шарлоты.

Если мы обратимся к размерам Авачи, то увидим, что наибольшие ее протяжения почти совпадают с двумя линиями: одной, идущей с севера на юг, и другой -- с востока на запад. Разделив этими линиями весь залив, мы вместе с тем делим и берег на 4 части: северо-восточную, северо-западную, юго-восточную и юго-западную. При этом линия, идущая от самого северного пункта -- села Авача -- до самого крайнего, южного, конца Таринской губы, имеет $18 \frac{1}{2}$ верст длины. Линия же, проведенная от крайнего восточного конца Раковой губы до устья Паратунки, т. е. до самого западного пункта, равна 20 верстам. Этому делению я придаю здесь лишь географическое значение -- не более.

1) Северо-восточный берег, от деревни Авачи до самого внутреннего конца Раковой губы, на протяжении 16 верст по прямой линии представляет волнистое очертание и состоит из длинного ряда небольших бухт, разделенных невысокими, но крутыми, скалистыми мысами. Эти бухточки, отличающиеся песчаным или состоящим из гравия грунтом и низкими берегами, очень мало вдаются в сушу и всегда составляют конечные пункты небольших долин, в которых находятся ручьи или небольшие водные бассейны.

Направляясь к югу от деревни Авачи, расположенной на низкой, состоящей из гравия косе между одним из рукавов р. Авачи и большим заливом, мы находим сперва Моховую губу, затем идет бухта Сероглазка с небольшим озером и ручьем, вытекающим у подошвы Авачинской сопки и образующим, следовательно, проход к этой горе. За Сероглазкой идет бухта Верхнего озера; последнее доходит вплоть до самого Петропавловска, который оно ограничивает с севера. От самой же Авачи озеро отделено только низкими, состоящими из грубого песку дюнами, через которые и проложило себе короткий сток. За этим рядом неглубоких извилин, как раз посередине северо-восточного берега Авачи, лежит высоко интересный Петропавловский залив. За ним, к югу, до самого дальнего конца Раковой губы, идут опять такие же неглубоко вдающиеся маленькие бухточки, разделенные между собой небольшими, обыкновенно низкими, скалистыми мысами. Отправляясь с севера на юг, мы встречаем здесь следующие

местности, заслуживающие особого внимания потому, что часто посещаются и упоминаются местными жителями: Поганку с кладбищем Петропавловска, Красный Яр, Гремучку, Солёный мыс, Медвежью губу, Богородскую губу и Стрелку, от которой, собственно, и начинается Раковая губа.

Всем этим небольшим заливам соответствуют долины, которые вдаются более или менее далеко внутрь страны в высокие береговые горы и по дну которых стекают небольшие береговые ручьи. На небольших скалистых мысах эти высоты подходят, напротив, ближе к берегу.

Береговые горы, покрытые роскошной травой, кустарником и даже кое-где деревьями, тянутся в виде более или менее широкой цепи с закругленными большею частью вершинами, параллельно северо-восточному берегу Авачи. На востоке горы быстро и довольно круто понижаются к равнине, которая от моря постепенно поднимается к Авачинской сопке. Близ сопки равнина переходит в холмистую местность, соединяется с ранее упомянутым кряжем и образует предгорья этого чудного вулкана. У самой подошвы северо-восточного склона береговых гор протекает Калахтырка. Это береговая речка, приходящая с вулканов. На пути своем она образует продолговатое озеро и, наконец, пройдя через него, впадает в море.

Петропавловск своим необыкновенно защищенным, даже укрепленным положением обязан исключительно совместному существованию двух особенных условий. Замечательная маленькая бухта Петропавловска производит впечатление происшедшей не как другие бухты -- через наступание воды на сушу, а возникшей, благодаря образованию особых скал в бассейне большого залива. Дело в том, что в направлении, приблизительно параллельном береговой цепи, и в очень недалеком от нее расстоянии, из моря круто поднимается скалистый кряж вышиною около 200 и длиною около 1000 сажень. Только на северном своем конце, наиболее высоком, он соединяется посредством очень незначительного подъема суши с берегом, а остальными тремя четвертями своей длины вдаётся на юг в море и образует, таким образом, совместно с параллельным берегом маленькую, глубокую придаточную бухту. Этот своеобразный кряж разделяется глубокой впадиной, находящейся почти на середине его длины, на две длинных скалистых массы, из которых северная, Никольская гора, выше и в ширину имеет около 170 сажень, между тем как южная -- Сигнальный мыс -- ниже и в ширину не более 100. Описываемые скалы круто падают к Авачинскому заливу. Сторона же их, обращенная к материку, образует пологий склон, поросший травой и кустарником. На северном конце, следовательно с Никольской горы, скалы также круто падают к небольшому озеру, ограничивающему Петропавловск с севера; между крутой стеной, образуемой ими, и озером остается лишь место для очень узкой дороги к деревне Аваче. Впадина, длина которой равна приблизительно 50 саженьям, представляет невысокую лужайку, украшенную колонной в память Лаперуза. В довершение ко всем прочим своим достоинствам описываемая естественная гавань имеет еще как бы хорошо выстроенный мол: от прочного матерого берега отходит узкая коса, состоящая на поверхности из плотного щебня и поднимающаяся всего лишь на несколько футов над уровнем воды. Длина косы, почти совершенно лишенной растительности, равна 260 саженьям, ширина же от 6 до 15. Эта так называемая Кошка идет к северо-западу навстречу Сигнальному мысу, так что между ними обоими остается проход, имеющий в глубину 60 и достаточный для самых больших судов. Таким образом, оба эти образования -- Сигнальный мыс и Кошка -- отрезают от Авачи небольшой, почти треугольной формы бассейн. Самая длинная сторона его, обращенная к материку, имеет 400 сажень, две же другие -- по 320 и 300 сажень в длину. Эта гавань занимает поверхность приблизительно в 40 000 кв. сажень и представляет глубину в 6, 7 и 8 сажень, а в самом проходе и до 9. К югу от Кошки образуется еще безопасный рейд благодаря простирающемуся в этом направлении Сигнальному мысу.

2) Северо-западный берег Авачинской губы, от деревни Авачи до большого устья Паратунки, по прямой линии имеет 12 верст длины и представляет низменность, образуемую дельтами рр. Авачи и Паратунки. Только в нескольких верстах от берега низменность эта делится на две долины, которые обе идут в горы, а именно одна с р. Авачей на северо-запад, другая с р. Паратункой на юго-запад.

По выходе из деревни Авачи мы, прежде всего, доходим до устьев р. Авачи. Первое из них находится сейчас же за деревней, на той же низкой косе, состоящей из гравия. Это так называемый Залив, т. е. болото, образуемое медленно текущей Гузномойкой. Затем идут одно за другим Большое устье реки, так называемое Второе устье, и, наконец, Хламовитка. Сверх перечисленных устьев существует еще несколько небольших водных каналов, например, отделяющих от дельты низкий болотистый остров Никиткин. От всех этих устьев тянется длинная, узкая мель, называемая Лайдой и отчасти обсыхающая при отливе.

Сейчас же за устьями Авачи следуют устья Паратунки, из которых только два имеют особые значения. Это так называемое "Прямое устье" и совсем уже в конце этого обширного, низкого участка берега -- "Большое устье". Между этими обоими более крупными рукавами есть еще масса мелких, не имеющих, однако, особенных названий.

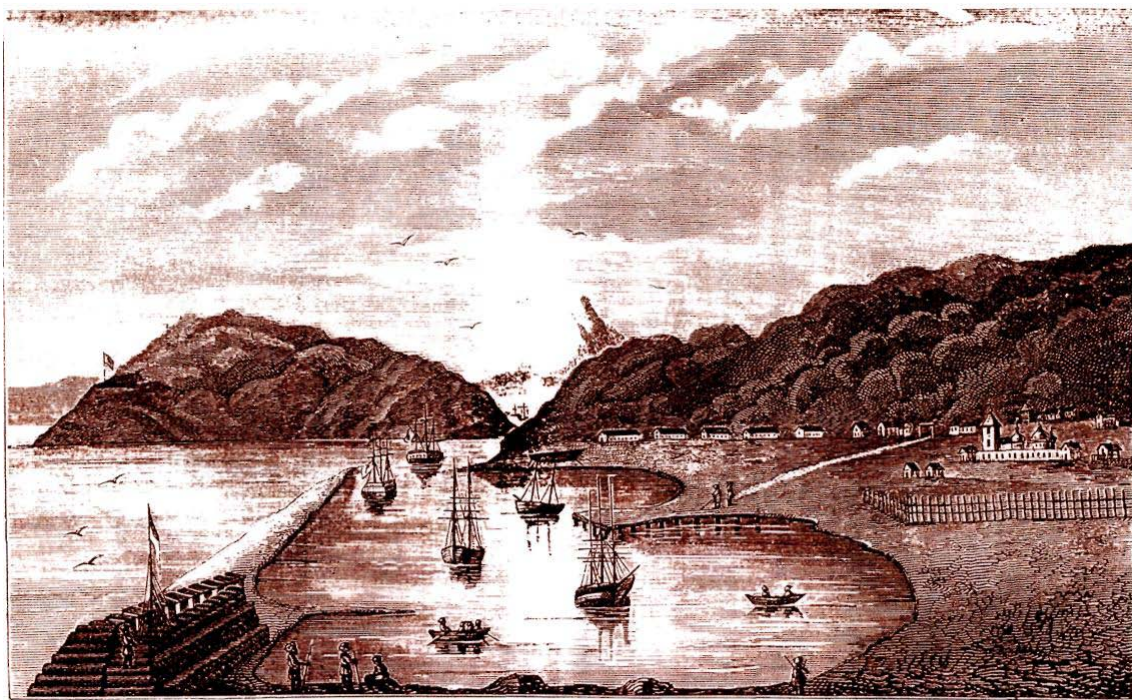
3) Юго-западный берег от Большого устья Паратунки до самого внутреннего конца Таринской губы по прямому направлению тянется на 14 верст. Вся эта часть берега также отличается резко скалистым и гористым характером и состоит, собственно, только всего из двух полуостровов, ограничивающих и образующих Таринскую губу, самую большую из вторичных бухт Авачи. Сейчас же у Большого устья Паратунки отходит от берега, с запада на восток, небольшая горная масса, вдающаяся версты на 4 в Авачинский залив и кончающаяся между двумя мысами -- Калаушем и Козаком, между которыми заключена небольшая Турпанная губа. Эта небольшая горная область ограничивает с севера Таринскую бухту, которая, начиная отсюда, имеет в ширину 3 версты и тянется на 11 верст по направлению к юго-востоку, т. е. к берегу открытого моря. Форма же Таринской бухты главным образом обуславливается тем обстоятельством, что навстречу к мысу Козак с юго-востока на северо-запад проходит коса длиной в $6\frac{1}{2}$ и шириной в 1--2 версты, которая и кончается в $3\frac{1}{2}$ верстах от названного мыса мысом Артушкиным. Оба мыса -- Козак с севера и Артушкин с юга -- ограничивают широкий вход в Таринскую бухту. Перед мысом Козак лежит громадный камень того же имени. Это квадратный, сверху плоский обломок скалистой стены, отделенный от нее промежутком в несколько саженей шириной и имеющий в высоту футов 30. Весь рассматриваемый участок берега носит тот же характер, что и северо-восточный: и здесь неглубокие небольшие бухты с ручейками и маленькими озерами перемежаются с небольшими крутыми мысами; и здесь весь задний фон занят горной страной с ясно выраженными закругленными вершинами, поросшей травами и деревьями.

Прямо против входа в Таринскую губу находится место, на котором мы высадились 19 сентября, чтобы отсюда добраться до горячих ключей Паратунки. Немного южнее находится мыс Кутха, затем, врезавшаяся довольно глубоко на запад, Сельдовая губа; против последней, посередине Таринской, находится высоко интересный в геологическом отношении небольшой скалистый островок -- Хлебалкин. Далее, к концу этой большой придаточной бухты, идут уже лишь небольшие изгибы берега, не имеющие особых названий.

4) Юго-восточный берег Авачинского залива от конца Таринской и до конца Раковой губы по прямой линии имеет $12\frac{1}{2}$ верст и из всех береговых участков Авачи представляется наиболее разорванным, скалистым и высоким. Сюда принадлежит проход из Великого океана, и, по моему мнению, сюда же относятся оба больших полуострова, отделяющие Таринскую и Раковую от Авачи, потому что оба эти полуострова отходят от описываемого берегового участка.

Отправляясь от длинного полуострова, позади которого находится Таринская губа, т. е. идя от его самого западного конечного мыса Артушкина к востоку, мы опять встречаем по обеим сторонам несколько небольших бухт и невысокие скалистые обрывы. Таков характер берега до самого узкого и низкого места этого полуострова, где небольшое озеро, находящееся посередине сужения, почти превращает косу в остров. Непосредственно сюда примыкает Богатыровская бухта, начиная от которой берега быстро повышаются и становятся очень скалистыми, так что на ближайшем мысе Бабушкином береговые утесы поднимаются уже на 300 и более. В расстоянии около 200 сажень от этого мыса, имеющего сигнальный пост, с подводного рифа поднимается Бабушкин камень - громадная одинокая скала, по высоте только немного уступающая береговым высотам. Плоский сверху и поросший травой, этот камень представляет удобное место для гнездования птиц. С ним мы достигаем входа в Авачинский залив.

Самый вход представляет узкий пролив, ограниченный с обеих сторон высокими крутыми скалами и тянущийся с юга из открытого моря почти прямо к северу, в Авачинский залив. Обращаясь теперь от мыса Бабушкина к югу и следуя вдоль западного берега рассматриваемого пролива, мы сперва встречаем мыс Станицкий, затем Куймовскую бухту и мыс Суцов {Не находя на картах названий ни для этого мыса, ни для м[ыса] Завойко, я назвал их в честь обоих заслуженных деятелей.}. За Суцовым следует большая Ягодная губа, конец которой отделен от Таринской перешейком в 3 $\frac{1}{2}$ версты ширины, не очень высоким, лесистым и составляющим удобную пешеходную дорогу. Наконец, у конца прохода, за Ягодной, следует высокий мыс Завойко (см. примечание с. 81), от которого берег поворачивает к юго-востоку и, следовательно, вполне сливается уже с берегом открытого моря.

Вид Петропавловска
Середина XIX века

Порт Петра и Павла
Старинная гравюра

Берег открытого моря в общем направлен от юго-запада к северо-востоку и у мыса Завойко прерван входом в Авачинский залив на протяжении $5\frac{1}{2}$ верст. К северу от входа в залив, против мыса Завойко и, следовательно, к северо-востоку от него же, берег, начиная с мыса Маячного, продолжается в виде отвесных скал, достигающих почти 1000 высоты, и вместе с тем сворачивает к северо-северо-западу, в тот же вход. Здесь, в углу поворота, на величавой и недостижимой крутизне стоит маяк, распространяющий свой свет далеко в океан и указывающий судам вход в Авачинский залив.

Внизу, у подножия этих скалистых стен, над прибрежными рифами и обломками скал, всюду у берега пенится и ревет прибой, среди которого, примерно в $\frac{1}{2}$ версты от берега, поднимаются три чудные, высокие, скалистые колонны -- Три Брата. Чтобы дать наглядное представление об узкости прохода в Авачинский залив, приведу еще некоторые расстояния от Маячного мыса: наибольшая ширина прохода, приходящаяся сейчас же у входа с моря, между мысами Маячным и Завойко, не превосходит $5\frac{1}{2}$ верст; к мысу Суцову считается $4\frac{1}{2}$ версты, а к Станицкому -- 3 версты. Но эти измерения взяты с береговых пунктов, собственно же фарватер значительно уже, потому что со многих из этих мысов вдаются далеко в пролив рифы и мели.

Обращаясь от Маячного мыса к северу и все следуя высоким скалистым берегом входа, мы приходим к крутому, высокому мысу Лагерному, отстоящему от противоположных мысов -- Бабушкина и Станицкого -- на $2\frac{1}{2}$ версты и обозначающему наиболее узкое место входа.

Затем следует тянувшаяся на 3 версты Изменная губа, кончающаяся к северу мысом Изменным, впереди которого с длинного рифа в свою очередь поднимается мощная одинокая скала -- Изменный Камень. Этот мыс отстоит версты на 3 от противоположного мыса Бабушкина.

В Изменной губе, именно на той части берега, которая и поныне носит название Соловарной, в прежнее время делали попытки добывать соль из морской воды. Но этот промысел был скоро оставлен за невыгодностью.

На пути от мыса Изменного приходится пройти две небольшие губы -- Черёмовскую и Узовскую, затем, минуя крутой, высокий мыс Раков Маяк и держась высоких береговых скал, достигаем мыса Липунского. Это самый северный мыс и вместе с тем конец большого полуострова, отделяющего от Авачинской губы Раковую, -- вторую по

величине из придаточных бухт. От мыса Изменного до Липунского тянется лесистый кряж, имеющий несколько более трех верст в длину и образующий как бы широкий свободный конец полуострова, к основанию, напротив, сильно суженного благодаря сближению Изменной губы с губой Раковой и с ее придаточными заливчиками -- Кожевинской губой и Бабьей пристанью.

В самом внутреннем углу Раковой открывается через посредство небольшого канала длинное озеро, имеющее также выход и к юго-востоку -- в открытое море. Жители Петропавловска охотно пользуются этой глубокой впадиной среди горной местности как дорогою к богатому птичьими яйцами скалистому острову Топоркову. Последний круто поднимается в нескольких сотнях саженей от берега, приблизительно на полпути от мыса Маячного до устья Калахтырки.

В описываемой местности из моря выходят более или менее крупные изолированные скалистые массы. К числу их принадлежит и остров Старичков, выдающийся из пенистого буруна к югу от мыса Завойко в нескольких верстах от берега и, подобно всем дико разорванным скалам, населенный тысячами морских птиц. Остров этот, имеющий в вышину футов 800, покрыт высокой густой травой. Он очень просторен и, по-видимому, в старину был населен камчадалами: и теперь еще совершенно ясно заметные ямы, скопления раковин и обломки костей указывают положение землянок прежних поселенцев. Кругом море усеяно рифами и дико набросанными обломками скал, среди которых наподобие башни одиноко стоит живописный утес -- Часовой.

Мне остается еще упомянуть, что у входа в Раковую от мыса Липунского и от противолежащего ему мыса Бабушкина проходят параллельно между собой в северо-западном направлении подводные рифы и мели. Они тянутся на несколько верст в Авачу и еще более удлиняют собою и без того длинный входной пролив. Таким образом, здесь образуется проход, похожий на Дарданеллы, средняя ширина которого равна 3 верстам при длине в 10 -- 12 верст -- проход, через который при надлежащем вооружении многочисленных высоких мысов, лежащих по обеим сторонам его, никакой неприятель не мог бы проникнуть в эту чудную бухту. Если бы это вооружение существовало и в 1854 году, то непрошеным гостям из Англии и Франции не понадобилось бы давать кровавый урок с убогих батарей, ввиду опасности наскоро возведенных перед Петропавловском.

Едва ли на всем земном шаре найдется много морских заливов, которые по всевозможным удобствам превзошли бы Авачу или даже только сравнились бы с нею.

Авача по своему естественному положению, по своему образованию, по своей укрепленности и защищенности как бы создана для владычества над морем. Узкий, длинный вход, ограниченный высокими крутыми скалами, пригодными для возведения на них самых сильных укреплений, ведет в колоссальный бассейн бухты, которая, в свою очередь, кругом защищена от бурь высокими горами, -- бассейн, водная поверхность которого составляет более 30 квадратных миль и который мог бы доставить верное убежище всем флотам земного шара одновременно. При этом от бухты отделяются еще три больших надежных придаточных залива, со своей стороны доставляющих дальнейшую защиту судам и всюду представляющих при достаточной глубине весьма хороший якорный грунт. Средняя глубина большого залива равна 9--13 саженям, а местами доходит даже до 16; Таринской и Раковой -- от 9 до 12; Петропавловской, которой естественная укрепленность уже блестяще подтверждена опытом, -- от 6 до 9 саженей, наконец, входных Дарданелл -- от 7 до 12.

Следует еще упомянуть, что у входа стоят три маяка или сигнальные вышки, сейчас же передающие сигналами друг другу и в Петропавловск обо всем замеченном на море. Эти маяки и посты находятся на трех вышеупомянутых мысах: на Маячном, на противолежащем мысу Бабушкином и, наконец, на Раковом Маяке. Настоящий полный маяк имеется лишь на первом, причем задача его и заключается в указании пути

приходящим судам. Оба же других заняты лишь вахтенными постами, посредством сигналов передающими далее полученные известия.

Горы кругом Авачи, хотя и довольно значительной высоты, нигде, однако, не являются вполне лишенными растительности. Напротив, она встречается здесь всюду и часто бывает поразительно роскошна. Только самые высокие вершины покрыты простым ковром травы. За исключением лишь северо-западного берега, где дельты рр. Авачи и Паратунки образуют низкую, большею частью болотистую местность, покрытую высокими болотными растениями и перепутанными ивовыми кустами, -- за исключением лишь этого берега, вся окружность губы поросла деревьями, кустами и чудными травами. Многочисленные мелкие долины, проходящие с высоты береговых гор к бухте, на дне своем, увлажненном небольшими ручьями, поросли ивовым кустарником, к которому нередко присоединяются частые поросли шаламайника (*Spiraea kamtschatica*), баранника (*Senecio cannabifolius*), сладкой травы (*Heracleum dulce*) и других красивых, высокорослых трав. Выше, уже на более сухой почве, следует хорошенький негустой березовый лесок из *Betula Ermani*, по виду напоминающей дуб. Деревья, нередко достигающие крупных размеров, разбросаны среди высокой, чрезвычайно роскошной травы и сопровождаются одиночными кустами боярышника (*Crataegus*), жимолости (*Lonicera*), роз и чернотальника (темноцветной, круглолистной ивы). Этот подлесок, состоящий из прекрасных кустов, особенно учащается там, где лес становится реже или даже прерывается лесными лугами. На таких местах сейчас же заметнее выступают красивые цветущие травы, как *Epilobium*, *Cacalia*, *Aconitum*, *Artemisia*, *Pulmonaria* и *Geranium*.

Этот чудный березовый лес со своим подлеском довольно высоко восходит на горы, но на высоте становится менее привлекателен. Деревья далеко не достигают здесь нормального роста, а в качестве подлеска является рябина (*Pyrus sambucifolius*), растущая в виде кустарника. Еще ступенью выше и лес исчезает, заменяясь сперва ползучим кедром (*Pinus cembra*), а еще выше -- ползучей рябиной и, наконец, ползучей ольхой (*Alnus incana*). Перечисленные породы, особенно же ольха, восходящая более высоко, образует здесь так называемый стланец: кедровый, рябиновый и, наконец, ольховый. Стланец состоит из своеобразно перепутанных и переплетенных между собою ветвей, корней и стволов, живых и мертвых, так что пролагать путь через него возможно лишь при помощи топора, и то с величайшим трудом. В Камчатке не боятся трудностей: ни воды и болот, ни гор и скал, ни снегу и льду, даже голод и жажда -- и те преодолеваются. Но, наткнувшись на стланец, камчадал охотнее сворачивает с пути, предпочитая поиски другой дороги, хотя бы с громадным обходом, попытке пробиться через эту непроходимую чащу.

Вероятно, резкие ветры наибольших высот заставляют ползать по земле эти деревья и кусты, а громадные массы снега затем окончательно все придавливают. Где стланец разрежается или даже совсем исчезает, нередко встречаются красивый светло-желтый *Rhododendron chrysanthum*, достигающий до 2 футов высоты и имеющий темно-зеленую блестящую листву, или же *Rhododendron kamtschaticum*, отличающийся красными цветами и очень низким ростом.

Выше, над областью стланца, встречаются лишь низкие травы, и только в очень защищенных ущельях поднимается еще роскошный кустарник и попадаются даже деревья.

Позволю себе сделать здесь еще несколько общих замечок о животном населении Авачинского залива и его береговых гор. Прежде всего, всякий посетитель этих берегов поражается несчетным количеством всякого рода морских птиц, населяющих высокие, часто неприступные скалы перед входом и внутри его. Тысячами сидят они на краях скал или плавают по воде. Встревоженные чем-нибудь, эти громадные стаи внезапно взлетают с оглушительным криком, беспорядочно снуют, кружатся некоторое время и опять возвращаются к своим гнездам. Все это сопровождается бесконечным криком и

карканьем. То здесь, то там какая-нибудь стая поднимается со скалы или несется на недостижимой высоте к скалистым гребням, между тем, как другие птицы плавают и ныряют за добычей.

Здесь видны целые ряды черных бакланов (урил, *Phalacrocorax pelagicus*), занимающих в оригинальной стоячей позе самый высокий край скалы и с любопытством смотрящих вниз. Там, в такой же позе, стоят не меньшие стаи топорков (*Lunda arctica*), также темного цвета со светлоокрашенным клювом, напоминающим клюв попугая, и со свешивающейся кзади косичкой. Рядом находятся бесчисленные чайки разнообразнейших видов со светлым и белым оперением, а далее -- старички (*Uria senicula*) и большие стаи всякого рода уток.

В то время как скалы и обрывы, поверхность воды, а временами и воздух наполнены этим пестрым, вечно шумящим населением, из глубины океана в бухту и во впадающие в нее реки тянется немая армия несметного количества рыб. Это стаи лососей и сельдей, с невероятной правильностью и пунктуальностью посещающих все реки и бухты Камчатки. Теперь, поздней осенью, шел еще последний и, вместе с тем, пожалуй, важнейший для камчадала вид лосося. Важнейший, -- потому что время его хода продолжительно и распространяется на осень. Этот вид -- кизуч (*Salmo sanguinolentus*), в это время года принимающий ярко-красный цвет, часто встречается даже в самых небольших и неглубоких ручьях: нередко можно видеть, как он пробирается по каменистому дну, лишь наполовину покрытый водою, стараясь подняться еще далее вверх по реке. Как говорят, ярко-красный цвет появляется у кизуча всегда только осенью после долгого, утомительного пути.

Названные стаи рыб часто сопровождаются тюленями, особенно большим лахтаком (*Phoca nautica*). Нередко в Авачу входит также, пуская свои фонтаны и величаво ныряя и всплывая, кит. Как о более редком явлении, встречающемся на рифах и скалах входа, можно еще упомянуть о морском льве или сивуче (*Phoca leonina*). На остальных берегах губы встречаются более разрозненные, небольшие общества уток, гагар и чаек; леса и кустарники также заселены лишь немногочисленными птицами.

О наземных млекопитающих приходится говорить менее, ибо они, как, например, соболь, лисица, заяц и другие встречаются лишь одиночными особями. Но особенно и с благодарностью всякому путешественнику по Камчатке следует упомянуть о медведе, прокладывающем здесь отличные дороги. Медвежьи тропы не составляют редкости, особенно в более удаленных от Петропавловска местах. Самих животных в столь позднее время года уже не было видно, потому что в поисках за логовищем они ушли в более высокие части страны.

Камчатские охотники считают непреложной истиной, что медведь уходит в берлогу 14 сентября и оставляет ее не ранее 25 марта. "Это им срок", -- категорически заявляют здешние охотники.

Эти замечательные дороги всего вернее ведут к удобным перевалам через горы и к самым неглубоким местам рек, обходят крутые мысы и скалы, а также непроходимейшие чащи кедрового и ольхового стланцев, болота и вообще всякого рода неудобные для прохода участки. Напротив, медвежьи тропы наверняка приводят к самым рыбным рекам и озерам, а также к самым ягодным местам. Весь полуостров Камчатка, от севера к югу и от востока к западу, прорезан во всех направлениях такими хорошими и вполне утоптанными дорожками. Ни один человек не мог бы лучше проложить и утоптать их. Нередко встречаются тропинки, очевидно с незапамятных времен служившие путями сообщения для этих умных животных: хорошо утрамбованные, почти в два фута шириной, очищенные от травы, проходят они по стране, обходя все, могущее затруднить путника. Новичок, внезапно попав из чащи травы и кустарника на такую дорожку, подумает, что перед ним дорога, ведущая к людным деревням. А на самом деле перед ним сооружение этих необыкновенных четвероногих инженеров, избегающих всякого человеческого жилья. Если только

направление медвежьих троп соответствует цели путешествия, то им можно совершенно слепо следовать, потому что они проложены с удивительным знанием места, всегда, однако, сообразно практическим целям самого устроителя пути.

Теперь обращаюсь к весьма интересным геологическим особенностям Авачинского залива.

Что вулканические силы и вулканические процессы играли главную роль при образовании береговых пород, что, вероятно, даже возникновение всей бухты сводится к вулканической деятельности, -- такого рода предположения являются сами собою, когда речь идет о местности, принадлежащей к Камчатке. Только на северо-западном берегу вулканические образования появляются далее от моря, в долинах рек Авачи и Паратунки, а область их устьев, как уже выше сказано, занята продуктами выветривания, которые приносятся этими реками. Все же остальные берега и береговые горы вполне вулканического происхождения или, по крайней мере, были подвержены самому интенсивному воздействию вулканических сил.

В северо-восточной части побережья Авачи поднимается на трещине, идущей с северо-запада на юго-восток, величественный, далеко видный вулкан Коряка. Рядом же с Корякой стоит постоянно дымящаяся Авачинская сопка с придаточной вершиной -- Козельской сопкой {Козельская сопка не представляет самостоятельного вулкана, а только значительно подтянутый старый край кратера; отношение ее к Аваче можно сравнить с отношением Соммы к Везувия.}. Подошва сопки, постепенно понижаясь, доходит до моря, где образует обширный, плоский берег, простирающийся между устьем Калахтырки и далеко вдающимся в море каменистым мысом Шипунским. Параллельно этому чудному ряду вулканов тянутся, как уже упомянуто, отделенные от него понижением почвы горы северо-восточного берега Авачинского залива. Горы эти, большею частью с закругленными вершинами, подходят в виде небольших мысов к воде и обнаруживают образующие их горные породы.

Здесь были отложены слоистые осадочные образования, ныне нарушенные, перепутанные, во многих случаях совершенно разрушенные и до такой степени измененные и метаморфизированные действием изверженной массивной породы, что определить их возраст невозможно. Эти метаморфизированные образования, то варьирующие от светло- до темно-зеленоватого цвета, то красноватые, доходящие по богатству кремнеземом до яшмовидности, местами приобретают даже характер хлоритового сланца или серпентина. Слоистость почти всегда явственна, но сами слои сильно нарушены и мощность их колеблется между 5 и 70 сантиметрами.

Своеобразная группа, образуемая Никольской горой вместе с Сигнальным мысом и как бы выдвинутая из Авачинской губы для отделения от нее Петропавловской бухты, всего яснее обнаруживает описываемые породы. Сами слои полого падают на восток к этой маленькой бухте, между тем как головы их образуют крутые утесы со стороны Авачинской губы. Против Никольской, с восточной стороны порта, полого поднимается длинный, покрытый растительностью горный кряж -- Шестаковская Падь, у которой расположен городок Петропавловск. Последние ряды городских домов располагаются уже по косоугору. Далее к северу появляются горы с закругленными вершинами и, прежде всего, -- Меженная гора, отделенная только глубокой седловиной от Шестаковской Пади. Над этой седловиной между названными горами как бы в красивых зеленых воротах выступает издали чудная коническая фигура Коряцкой сопки, теперь уже в полном зимнем облачении. В то время как вершина вулкана представляется уже ослепительно белой, на более низких его частях из снега выдаются еще черные продольные гребни. Безжизненно поднимается этот колосс в виду города, тогда как не уступающий ему по размерам и всегда дымящийся сосед его -- Авачинская сопка -- скрыт от взоров Шестаковской Пади.

Почти конусообразная Меженная гора, а равно и примыкающие к ней с севера также конусообразные горы представляют, по-видимому, изверженную андезитовую массу.

Как у Меженной, так и к северу от нее, у подошвы таких же конических гор, я находил коренные месторождения массивной породы с плотной, мелкозернистой, светло-серой основной массой и с вкрапленными бесчисленными блестящими черными иглообразными кристаллами роговой обманки, а местами -- с яснокристаллическими зернышками стекловатого полевого шпата. Местами основная масса приобретает красноватый цвет и вместе с тем становится более богата стекловатым полевым шпатом.

В конце небольшой бухты Сероглазки эта порода представляется в виде громадного лавового потока, спускающегося с высоты в виде сильно истрескавшейся массы. Конец потока, близко подходящий к морю, состоит из беспорядочно наваленных обломков той же породы. Представляет ли эта похожая на поток лавы андезитовая или трахитовая масса продукт самых древних извержений Авачинского вулкана, -- остается, конечно, открытым вопросом, во всяком случае, она очень близко подходит к подошве этого вулкана.

За исключением андезитовых высот Меженной, вершина которой образуется красноватой и даже несколько пористой породой, берега от деревни Авачи до внутренних частей Раковой губы состоят большею частью из вышеназванных, богатых кремнеземом слоистых пород, многократно нарушенных, почти все зеленоватых и варьирующих от яшмы до хлоритового сланца. На Шестаковской, напротив, выходит плотный, совершенно темно-серый, глинистый сланец, прорезанный многочисленными прожилками белого кварца. Еще далее по этой горе, описываемая порода становится все более тонкосланцеватой, но остается с теми же кварцевыми прожилками. Местами отделяются тонкие плитки, имеющие 3 -- 4 фута поверхности, но большею частью согнутые и сжатые с боков. На поверхности плиток часто замечается бурая окраска от окиси железа.

Главное направление падения этих слоев можно определить SSW 20°. Слои же Никольской и Сигнального мыса, напротив, падают почти в противоположном направлении, и я очень склонен думать, что как пласты глинистого сланца на Шестаковской Пади, так и зеленые, проникнутые кремнеземом и метаморфизированные слои Никольской первоначально составляли одно целое и лежали здесь горизонтально. Далее я предполагаю, что благодаря какой-то катастрофе эти горизонтальные слои посередине треснули и опустились, дав начало обращенным друг к другу пологим склонам, из которых на восточном теперь расположен город. Средняя же впадина залита не большой, но глубокой Петропавловской бухтой. Итак, здесь образовалась долина с пологими боками, середина которой занята не большим, но глубоким заливом; в то же время головы слоев, образующих Шестаковскую Падь и ныне изолированную Никольскую гору, круто поднялись у первых -- на восток, у вторых -- на запад. Далее, быть может, не лишено основания предположение, что главный толчок имел место ближе к Никольской. Такое предположение основывается на том, что на более удаленной Шестаковской глинистые сланцы остались менее измененными и только прониклись многочисленными кварцевыми прожилками, между тем как слои Никольской вполне метаморфизированы: кварцевые массы инфильтрировали здесь всю породу, сообщив ей, быть может, благодаря принесенным окислам меди, зеленый цвет и, дико перепутав слои, оставили лишь едва узнаваемую слоистость. Вся внешность этих слоев, а равно и близлежащие извержения андезита, образующие Меженную гору, более чем ясно указывают на такую катастрофу. Точно так же напрашивается предположение, что естественный мол (Кошка), лишь на несколько футов поднимающийся над водой и замыкающий Петропавловскую бухту с юга, представляет дайк, образовавшийся во время той же катастрофы. Благодаря большей прочности составлявшей его породы, этот дайк, немало содействовавший метаморфозе целого, мог противостоять последующим опустошительным процессам успешнее, чем разрушенные, легче выветривающиеся слои, прорезанные им.

Направляясь к югу от Петропавловска, мы встречаем выход слоистой, богатой кремнеземом породы, затем приобретающей более массивный характер. Можно сказать, что это конгломерат, состоящий из богатой кремнеземом породы. Далее следуют сильно нарушенные и перепутанные слои красноватой, стекловатой яшмовидной породы, а еще далее эта порода становится совершенно светло-серой, проникается белыми кварцевыми жилами и обнаруживает на зальбандах зеленый налет окиси меди. У Соленого озера находится совершенно та же порода, что и у Сигнального мыса. Затем у Медвежьей наблюдается местами тонкий, местами грубый конгломерат, который состоит из красноватых, буроватых и разного рода серых, светло пятнистых обломков, сцементированных серым и желтоватым, похожим на песчаник, туфом.

На Богородской наблюдается совершенно разрушенная порода, представляющая то более похожей на хлоритовую, то на серпентинную, но, во всяком случае, весьма богатая кварцем и окремнелая. Рядом с этой породой находится другая -- черная, также весьма богатая кремнеземом и испещренная белыми точками; последняя большею частью выветрилась и распалась.

Берег у Стрелки состоит из той же слоистой, совершенно проникнутой кремнеземом зеленоватой породы, как и на Никольской. Еще далее, простираясь в глубь Раковой губы, встречаются лишь конгломераты, образуемые самым разнообразным материалом из числа уже переименованных пород.

Эти совершенно разрушенные массы составляют здесь границу участка, в котором древневулканические извержения действовали на ранее здесь находившуюся осадочную формацию, метаморфизировав последнюю до неузнаваемости ее возраста. Начиная отсюда, по всему юго-восточному и юго-западному берегу Авачи непрерывно проходят следы воздействия друг на друга различных, более старых и новых вулканических пород: в самом диком беспорядке здесь появляются вертикальные жилы, изверженные массивы, особенно же громадные скопления всякого рода продуктов разрушения, начиная с самых тонкозернистых конгломератов и брекчий и кончая самыми грубыми. Мы встречаем то тонкий, даже слоистый песчаник из вулканического пепла, то включенные в этот песчаник закругленные и угловатые обломки всякой величины, даже целые глыбы. Твердые, плотные базальтовые и трахитовые массы перемежаются здесь с выветрившимися и распавшимися. Реже встречаются пористые или образовавшиеся из застывших потоков массы. Все последние, однако, представляют, по-видимому, самые новые из изверженных образований и большею частью не отличаются от лав.

Эта интенсивность вулканических процессов не могла не вызвать сильной разорванности всего берега. Обе высокие, большие скалистые массы, отделяющие Раковую и Таринскую губы от Авачи и первоначально, при образовании последней, несомненно, составлявшие два острова, ныне, соединившись при помощи обломочного материала с берегом, превратились в полуострова. Скалистый остров у Таринской губы соединился с берегом посредством очень низкого, состоящего из дресвы перешейка, среди которого осталось еще маленькое озерко; скалистая же масса, выходящая из моря у Раковой губы, примкнула к берегу в том месте, где теперь наиболее сближаются губы Кожевинская, идущая с востока, и Изменная, идущая с запада. В настоящее время между ними обеими на песчаном и щебневом грунте находится не очень высокая ягодная тундра, с обеих сторон ограниченная высокими, крутыми скалами. Особенно крутой утес выступает к северу, т. е. со стороны прежде бывшего здесь острова. Этот утес состоит из очень прочной, богатой кремнеземом, массивной породы темно-буро-серого цвета со светлыми точками -- породы, играющей, по-видимому, очень важную роль во всех здешних конгломератах.

Но еще сильнее проявляется разорванность берегов в самом входе в Авачинскую губу. Быть может, трещина, образовавшаяся в высоких скалах благодаря землетрясению, благоприятствовала первоначально вторжению воды и дала, таким образом, первый толчок к образованию этих Дарданел. А раз проложена была дорога, то напор волн

должен был в скором времени образовать пролив. Оба берега представляют одни и те же горные породы и каменистые образования, но как бы оторванные друг от друга: с обеих сторон мы находим многочисленные высокие и крутые скалистые мысы, направляющиеся навстречу друг другу. Множество одиноко выходящих из моря скал -- обломков разрушенной и размытой суши -- красноречиво свидетельствуют о борьбе вулканических сил сперва между собою, а затем -- с водой. Таковы Три Брата, Изменный камень, Бабушкин камень и возле него утес, образуемый конгломератом и имеющий форму гриба, далее скалы у островов Старичкова и Топоркова, наконец, выдающиеся из моря рядом с последним настоящие каменные ворота.

Объезжая вокруг Ракового полуострова, горы которого отличаются совершенно явственными коническими или закругленными формами, я встретил друг за другом месторождения следующих пород. В самом конце Раковой губы наблюдался тонкий конгломерат, в котором выделились гнезда блестящей водной окиси железа. Рядом выступала туфообразная, темная, похожая на песчаник порода с небольшим падением на север; среди явственных ее слоев замечались шаровые, концентрически-скорлупчатые отдельности. Затем на обширном протяжении следовали грубые конгломераты. На небольшом скалистом выступе я наблюдал массивную, темную, базальтовидную породу, а на самом конце его -- красноватую, несколько пористую породу с прожилками кварца. При входе в Кожевинскую находится большое скопление конгломерата, а в самом конце бухты -- изверженная массивная порода, образующая частые, несколько изогнутые столбчатые отдельности и отличающаяся светло-бурым цветом и землистым изломом. От мыса Липунского до Ракового Маяка берег опять состоит только из конгломератов, если не считать включенных в них горизонтальных слоев того же туфового песчаника, о котором уже шла речь выше. При этом песчаник и здесь, внутри слоев, содержит концентрически-скорлуповатые отдельности. Особенный интерес представляют здесь находимые в небольшом количестве отпечатки листьев, принадлежащих двусемяннодольным растениям. Эти разрозненные слои темной обломочной породы проходят совершенно горизонтально среди следов страшного разрушения, произведенного изверженными массами, а местами содержат даже, как сказано, довольно явственные отпечатки листьев. Все это наводит на двоякого рода предположения: или подводные извержения отлагали здесь самые тонкие продукты разрушения, или в воду падал густой дождь пепла. Во всяком случае, действие вулканических сил не могло заставить в этом месте горизонтальных слоев какой-нибудь осадочной формации, иначе в этом хаосе слои не могли бы остаться горизонтальными.

На мысе Усовском выступает в виде толстых узловатых столбов массивная изверженная порода. Столбы разделены горизонтальными поверхностями так, что при этих поверхностях вертикальные очертания столбов представляют перехваты. Описываемая порода, по-видимому, базальтовая, почти черного цвета, необыкновенно прочна и во всей рассматриваемой местности играет весьма важную роль. Так, эта порода тянется по всему берегу до маяка и затем, со стороны открытого моря, до устья Калахтырки, являясь то в виде масс, то в виде жил самой различной мощности. Почти всюду она покрыта грубыми и тонкими конгломератами, которые кое-где прорезывает или нарушает. Даже в тех местах, где колоссальные скалистые стены состоят из конгломератов и из новых пород, сцементированных из обломков, -- даже и в таких местах описываемая черная прочная порода все-таки выступает в самом низу, у моря, или образует простирающиеся в воду рифы и утесы.

Мысы Черёмовский и Изменный оба состоят из конгломератов, нередко похожих на швейцарский Nagelfluе. В обоих местах конгломераты прорезаны мощными жилами базальта, а местами встречаются и здесь небольшие горизонтальные слои уже упоминавшегося более или менее прочного темного туфового песчаника.

На мысе Изменном базальт часто принимает несколько ступенчатый вид, благодаря массам, отделяющимся перпендикулярно направлению базальтовых стен, особенно при

наклонном направлении последних. Таков характер берега до мыса Лагерного, многочисленные рифы которого простираются навстречу рифам противоположной стороны, идущим от мыса Бабушкина, и опять, таким образом, более чем ясно указывают на прежнюю связь обоих берегов. Здесь показывается тонкослоистая порода, слои которой стоят на головах и очень похожи на красноватую обожженную глину, а под этой породой, равно как и на морских рифах, опять выступает базальт. От мыса Лагерного до отдаленного маяка тянутся в полном беспорядке конгломераты, туфы, разбитые слои разных обожженных глинистых сланцев, выветрившиеся и распавшиеся массы. Все это прорезано многочисленными, почти вертикальными дайками базальта, достигающими мощности 4 -- 5 саженей. На самих скалах маяка такой отвесный колоссальный дайка прорезывает массы конгломерата; здесь наблюдаются также следы красноватой пористой лавы. Среди выветрившихся пород в описываемой местности нередко встречались халцедоны и следы цеолитов. Поверхность базальта нередко представляется выветрившейся и имеет вид очень тонкого светло-бурого слоя. Внутренние же части породы очень темного серого цвета, тверды и прочны.

Утесы Три Брата с их рифами и камнями направляются навстречу рифам и камням противолежащего мыса Станицкого, что, несомненно, свидетельствует о прежнем соединении обоих мысов. Рифы обеих сторон настолько сближаются, что между ними остается лишь очень узкий фарватер.

Весь противоположный берег прохода в Авачу представляет то же строение, почему я могу не повторять здесь перечня пород. Здесь все встречаются те же конгломераты, туфы и те же грандиозные базальтовые дайки. Я желал бы только обратить внимание в особенности на тот факт, что на мысе Бабушкином в одном месте опять показывается красноватая пористая лава. Утесистый и гористый полуостров, отделяющий Таринскую губу от Авачи, состоит также из весьма сходной породы. Только мыс Артушкин, т. е. самый конец этого полуострова, представляет более сходства с противолежащими мысами Козаком и Кутхой, к рассмотрению которых я и перехожу теперь.

Здесь можно сопоставить все, касающееся небольшого полуострова, который находится между Таринской бухтой и устьем Паратунки.

Полуостров этот состоит из гор с закругленными вершинами и со стороны его, обращенной к Таринской губе, на не особенно высоких береговых скалах наблюдается выход весьма прочной, черной и блестящей породы. Она до того переполнена продолговатыми или многоугольными кристалликами светлого серо-желтого стекловатого полевого шпата, что темная основная масса и светлые кристаллики являются почти в одинаковом количестве, и порода издали кажется серою. Вблизи она представляется темной и порфиоровидной и при ударе раскалывается подобно стеклу. Описываемая порода выходит массивами и извержена, по-видимому, под большим напором и с большою силою как бы из узкой щели в виде тесно стоящих столбов. Столбы имеют от 1 до 6' в поперечнике и разбиты горизонтальными поверхностями, находящимися в неравном расстоянии друг от друга. Некоторые выветрившиеся части образуют почти плитовидные отдельности, в других -- из черной основной массы яснее выступают кристаллы авгита и роговой обманки. Идя от Таринской губы к мысу Козаку, мы сперва встречаем эту, по-видимому, трахитовую породу. Затем, приблизительно на середине пути и на протяжении около ста саженей, порода эта подостлана конгломератом и является, таким образом, в виде покрова, сохраняя, однако, при этом столбчатый характер. Еще далее -- конгломерат приобретает все большую мощность и, наконец, занимает всю высоту берега, образуя его затем до Паратунки. Большой, одиноко выходящий из моря утес Козак-Камень, стоящий перед мысом того же наименования и имеющий в высоту до 50', также составляет громадную глыбу конгломерата, теперь сильно размытую прибоем волн. Главную роль среди этих продуктов разрушения играют пористые красноватые лавы. Более тонкие продукты их распада составляют

вместе с тем цемент для более крупных, заключенных в конгломерате обломков и глыб; при этом, чем крупнее обломки, тем рыхлее становится весь конгломерат.

На всех прочих берегах, со включением мыса Артушкина, встречаются более или менее все те же породы, продукты разрушения которых, главным образом, и образуют эти берега. Мне остается только обратить внимание еще на два пункта, представляющие некоторые особенности.

Во-первых, следует упомянуть о мысе Кутха, находящемся в Таринской губе, против мыса Артушкина, и имеющем до 60' высоты. Здесь выходит в виде массивов изверженная красно-бурая, несколько пористая вулканическая порода, переполненная мелкими кристаллами авгита и покрытая конгломератом из обломков все той же породы. Эта вулканическая порода прорезана почти совершенно вертикальными жилами, мощность которых равна 6 -- 10 футам. Жилы состоят из темно-серой, очень прочной, трудно разбивающейся породы, истрескавшейся перпендикулярно к зальбандам, где она принимает буроватый цвет. Темно-серая, мелкозернистая основная масса переполнена мелкими, белыми, блестящими зернышками цеолитов, достигающими величины горошины и в этих случаях приобретающими характер шпата. На буроватых выветрившихся частях эти зернышки становятся матовыми и желтоватыми.

Наконец, остается еще рассмотреть небольшой, но интересный островок Хлебалкин, находящийся в Таринской губе между мысами Кутхой и Артушкиным. Этот скалистый островок тянется с востока на запад и в этом направлении имеет не менее $\frac{1}{4}$ версты в длину; ширина его приблизительно вдвое меньше и наибольшая высота над уровнем воды не более 20 -- 25'. Почти со всех сторон Хлебалкин окружен рифами и мелями, состоящими из очень крупного галечника. Особенного внимания заслуживает низкая коса, состоящая из щебня и песка и направляющаяся к западу -- в сторону материка. Подводное продолжение ее населено бесчисленными раковинами *Mytilus*, иглокожими и ракообразными. Более значительная глубина у берега, именно сажень 10--12, встречается только с юга, со стороны Таринской губы. В более высоких своих частях остров отчасти порос хорошей травой и одинокими березами. Хлебалкин -- чисто нововулканического происхождения. Юго-западный его край в том месте, где он так круто падает в глубину моря, состоит из беспорядочно наваленных обломков прочной и очень мелкозернистой породы шоколадного цвета. Однако чем более проникаем мы в глубь этого хаоса, тем рассматриваемая порода становится цельнее и, наконец, представляет сплошное, хотя покрытое трещинами, образование. Основная масса ее переполнена почти микроскопическими блестками какого-то, похожего на серный колчедан, минерала. Северо-западная часть острова состоит из весьма пористых красных и серых застывших лавовых потоков. При этом часто одни из больших темных каменных валунов как бы залиты в красную массу, другие же представляются лишь с поверхности покрасневшими. Эта лава выдавлена изнутри, по-видимому, со страшной силой и в виде густой жидкости через сравнительно очень узкие отверстия. На такое предположение наводит множество длинных кусков лавы, имеющих до $\frac{1}{2}$ фута в поперечнике и даже завитых наподобие веревки или спирально. Куски эти лежат свободно разбросанные или же наполовину выдавленные из породы, выдаваясь оттуда только своими концами.

Быть может, не лишено вероятия и то, что извержение, поднявшее и образовавшее остров, имело место под водой. Выступавшая в жидком виде лава (допущение этого состояния агрегации имеет за себя достаточно данных), по-видимому, очень быстро, под влиянием охлаждения, приняла консистенцию густой жидкости. Без этого сгущения было бы трудно себе представить образование более или менее стойких форм вышеописанного рода. В пользу того же предположения о подводном извержении говорит еще и то обстоятельство, что покрасневшая лава преимущественно встречается на поверхности, и этот, часто яркий, цвет может быть приписан быстрому окислению частичек железа, содержавшихся в лаве, под влиянием внезапного соприкосновения их с водою. Как бы то ни было, остров Хлебалкин представляет единственное место в Аваче,

где, несомненно, имело место вулканическое извержение с потоками лавы. Эти новейшие вулканические извержения оставили затем многочисленные следы на мысе Кутха и, наконец, весьма слабые -- в Раковой губе, у Дальнего маяка и у мыса Бабушкина. Но в этих местах никаких следов протекания лавы, за исключением разве пористого характера породы, не наблюдается. На Хлебалкином, напротив, мы встречаем настоящие застывшие потоки лавы, и здесь, следовательно, совершилось настоящее извержение.

Итак, обзор распространения и взаимного отношения горных пород по всей Аваче в главных чертах может считаться законченным. Мы видим здесь громадное поле разрушительной деятельности вулканических сил: созидалось здесь мало, а, напротив, много ниспровергалось, изменялось. Вообще, вся Авача вполне производит на меня впечатление одного кратера обвала. Базальты, андезиты и трахиты действовали здесь разрушающим и разрыхляющим образом -- частью на осадочные породы, частью друг на друга. Наконец, оставив за собою изорванные и опустошенные берега, они большими массами погрузились в глубину, откуда навстречу им выступили на дневную поверхность немногочисленные рассеянные излияния лавы.

На северо-востоке поднимаются в недалеком расстоянии мощные вулканы Коряка и Авача, на юго-западе -- также мощная и близкая Вилучинская сопка. Посередине этой группы вулканов лежит Авачинская губа. Следовательно, не было бы ничего удивительного в том, что поблизости от таких сильных вулканов произошли более или менее обширные провалы. В самой Камчатке можно было бы, пожалуй, привести еще несколько явлений такого рода. Курильское и Кроноцкое озера, оба также окруженные высокими и значительными вулканами, представляют, вероятно, подобные же провалы, но только еще гораздо больших размеров. Так, Кроноцкое озеро по меньшей мере вдвое больше Авачинского залива. Таково же, вероятно, происхождение некоторых других меньших озер, находящихся среди вулканических конусов, например Харчинского.

Эти три больших кратера обвала лежат приблизительно в равных расстояниях друг от друга, среди многочисленных погасших и деятельных вулканов, проходящих по всей Камчатке от северо-востока на юго-запад, следовательно, по направлению общей главной вулканической трещины.

Старинная камчатская легенда, быть может, не без основания приводит в связь возникновение двух из этих озер с образованием новых вулканов. По этой легенде Шивелюч поднимался прежде там, где теперь волнуется Кроноцкое озеро. Точно так же вулкан, образующий ныне вулканический остров Алаид, прежде действовал в Курильском озере, а затем, оставив здесь свое сердце, перешел на новое место в море. Это сердце вулкана -- и теперь еще одиноко стоящий в озере утес -- воспевается в легенде и составляет, быть может, образование, аналогичное острову Хлебалкину в Авачинской губе.

Если допустить такие провалы и понижения рядом и одновременно с вулканическими поднятиями, то в настоящем случае, быть может, уместно также предположить, что поднятие более древних, теперь погасших вулканов, Коряки и Вилучинской, состоялось одновременно с образованием андезитов, базальтов и трахитов Авачинской губы. Окончательный же провал и, следовательно, образование самой теперешней губы, сопровождавшееся извержениями лавы, главным образом у Хлебалкина и в ближайших к нему местах, вероятно, находится в прямой связи с поднятием еще и ныне деятельной Авачинской сопки.

3) Экскурсия на Авачинскую сопку в октябре 1851 г.

30 сентября, уже поздно ночью, я вернулся из своего плавания вокруг Авачи и на следующий день узнал, что утром 1 октября в губернаторском саду откроется всеобщая выставка овощей.

Погода была очень хорошая, и с раннего утра стали съезжаться из деревень камчадалы со своими запасами овощей. В Петропавловске также замечалось большое оживление среди обывателей: всякий старался выбрать наилучшие продукты своего огорода, чтобы явиться с ними на состязание. Это была первая выставка такого рода в Камчатке, а потому жителей влекло любопытство, к которому примешивалась жажда наживы: Завойко объявил, что за лучшие овощи будет выдаваться премия в размере 5 рублей. Еще прошлой зимой из Петербурга были присланы хорошие семена для посева, щедро всем раздававшиеся, причем по желанию можно было получить и всякого рода практические наставления. Таким образом, обыватели уже несколько месяцев готовились к этой выставке и сеяли, и сажали в ожидании ее. Тем понятнее нетерпение, с которым население ждало окончательного результата всех этих работ.

Многочисленная толпа окружала место выставки, заваленное действительно прекрасными овощами, когда, наконец, явился в качестве председателя жюри Завойко, и началась оценка выставленных предметов. Мерилом достоинства экспонатов служили мера и вес продуктов. Эксперты с весами в руках выискивали наилучшие овощи, из которых награждены были пятирублевыми премиями нижеследующие:

Хрен -- 14 фунт. 24 золот. (1 $\frac{1}{2}$ фута длины, 5 дюймов наибольшей толщины).

То же -- 12 " (2 фута длины, 3 дюйма в самом толстом месте).

Кочан капусты -- 7 "

Репа -- 7 " 20 золот.

Кольраби -- 11 " 48 "

Морковь -- 4 " 41 "

Свекла -- -- " 90 "

Картофель -- 1 " 3 "

Очевидно, насколько важно развитие огородничества в стране, где население пользуется лишь в очень скудной мере растительною пищей, так полезной для здоровья, и меры, принятые в этом направлении Завойко, дали немаловажные результаты. Решено было отныне устраивать выставку овощей ежегодно 1 октября, а также, по возможности, распространять по всей Камчатке необходимые для посевов материалы. Обыватели были очень довольны своими успехами, и все задавались благими намерениями на будущее время. Особенно хорошо уродились овощи в Петропавловске, где сделаны были такие запасы, что мы положительно роскошествовали всю зиму. Капуста, картофель и всякого рода корнеплодные растения, по-видимому, произрастали здесь особенно хорошо. Напротив, все стручковые растения, как горох, бобы, чечевица, совершенно не принимались даже на образцовых огородах губернатора.

Мне кажется, что главная причина этой неудачи заключается в бедности здешней почвы известью. Еще прежде мне бросилось в глаза, что даже морской горох (*Pisum maritimum*) в Камчатке встречается редко, да и то лишь там, где волны случайно выбросили на берег более или менее значительное количество морских раковин, которые, распахившись и измельчившись от многолетнего действия воды, как бы обратились в одну из составных частей почвы. Ввиду таких соображений, в эту осень собрано было большое количество раковин, истолченных затем в порошок и в таком виде употребленных для удобрения почвы на нескольких грядках губернаторского огорода, причем предполагалось в следующую весну повторить опыт с горохом и бобами. Результат вышел поразительный: на следующий год, можно сказать, получился настоящий урожай этих растений. Как кажется, известь совершенно не участвует в

геологическом строении Камчатки, по крайней мере мне нигде не удалось найти известковых пород.

На следующий день, т. е. 2 октября, я имел удовольствие занять свою новую квартиру. Эта была отдельно расположенная комната в доме матроса Белокопытова, из которой открывался чудный вид на бухту и на Вилучинскую сопку, находящуюся по другую сторону губы и далеко выдающуюся над всеми береговыми горами. Наконец-то у меня был свой угол, которым я мог пользоваться один! Наконец-то я избавился от так надоевшей мне совместной жизни и получил возможность без помехи заниматься своим делом! Я устроился очень быстро, потому что имел в виду еще этой же осенью совершить восхождение на Авачинскую сопку, следовательно, нельзя было терять времени. Но отсутствие подходящего случая и затруднение найти хороших спутников задержали меня, к сожалению, настолько, что я мог уехать лишь 5 октября.

В этот день рано утром выпал первый снег, очень скоро, однако, растаявший на солнце, поэтому я все-таки отправился в путь, хотя и беспокоился насчет путешествия в более высоких частях вулкана.

Рано утром я с казаком Томским отправился в лодке в деревню Авачу, куда мы и прибыли уже около 10 часов. Это поселение расположено очень близко от берега бухты, между морем и маленьким лиманом, в который впадает один из рукавов р. Авачи, на так называемой кошке, т. е. на прибрежном образовании, весьма частом при устьях камчатских рек. Кошки, в сущности, представляют очень низкие береговые дюны, состоящие из щебня и песка, которые наносятся реками, а затем действием волн выбрасываются и сбиваются в плотные образования. Таким образом возникают низкие, большею частью совершенно лишенные растительности дюны, тянущиеся впереди устьев рек и озер. Авача не составляет старокамчадальской деревни, а основана только в конце прошлого века для поселения ссыльных. Она состоит из немного запущенных, беспорядочно разбросанных домов, без деревьев и тени. Множество голодных собак бродят вокруг довольно многочисленных вешал для сушки рыб, а в воздухе стоит отвратительное зловоние от их гниющих остатков. Вся деревня, заселенная смешанным населением, носит на себе отпечаток бедности и запущения. Собственно старокамчадальская деревня Авача сокращенно называется теперь Старым Острогом и лежит 25 верстами выше на р. Авача.

Для поездки к этому Старому Острогу можно было достать только двух лошадей, которыми я и воспользовался. Дорога к цели нашего путешествия идет через 15 небольших возвышенностей, состоящих из глубокого слоя перегноя и в теплое время года покрытых роскошной растительностью. При нашем же проезде почва была усеяна лишь частыми засохшими остатками этой растительности, которые, в свою очередь, служили материалом для новых слоев плодородной земли. Кроме того, эти более возвышенные места сплошь поросли березой (*Betula Ermani*), здесь корявой и образующей лишь редкий лес. Местами виден был подсед, но уже безлистный. Из составляющих его пород особенно бросался в глаза кедровник (ползучий кедр). Каждое из поросших березой возвышений прорезано было небольшим ручьем. Все ручьи начинаются у подошвы Авачинской сопки и впадают в реку Авачу. По берегам этих ручьев, большею частью несколько болотистым, рос ветловник -- красивый высокоствольный вид вербы, который вместе с камчатским тополем, чащами шаламайника, выше человеческого роста сладкой травой и т. п. часто составляет украшение речных берегов в Камчатке.

Фауна тут, по-видимому, очень бедная: единственное живое существо, встреченное нами, была большая птица из куриных, очень похожая на глухаря и носящая здесь это название, но только несколько меньших размеров, чем ее родич в России.

Дорога шла параллельно р. Аваче, но в нескольких верстах от нее. Выехав же из леса, мы внезапно очутились в виду реки и Старого Острога, лежащего на противоположном

берегу ее. Здесь мы переправились поздно вечером на лодках, лошади же плыли за нами. В Остроге мы встретили радушный прием в доме тойона Машигина.

Старик Машигин был очень опытный знаток местности и охоты в восточных горах, и к нему поэтому часто обращались в тех случаях, когда приходилось путешествовать в этой части страны. Но еще в Петропавловске меня предупредили, что я должен очень осторожно изложить ему свои планы, а особенно же ни единым словом не касаться истории его молодости, иначе он неумолим. Дело в том, что, желая избавиться от податей и других повинностей, он, еще молодым человеком, вместе со своей молодой женою бежал с места своей родины и, пропав для всех, жил в горах охотой и рыбной ловлей. Один только человек из родни беглеца, на молчаливость которого вполне можно было положиться, знал место проживания Машигина и служил ему поставщиком припасов, а также скупщиком охотничьей добычи. Наскучив, наконец, такой жизнью, Машигин спустя 10 лет опять появился, уплатил числившуюся за ним недоимку, получил прощение от губернатора и вскоре был избран своими односельцами в тойоны (старосты). Но воспоминание о бегстве на всю жизнь осталось для него больным местом. За очень обильным ужином, состоявшим из жареных уток, лососины и картофеля, старик подсел ко мне и старался разузнать, куда, собственно, я направляю свое путешествие. Я принужден был высказаться и тотчас же заметил, что старый охотник стал несловоохотлив, а затем, после некоторой паузы, он формально выбралил меня за то, что я думаю еще о восхождении на вулкан в это время года. Такое путешествие можно предпринять в июле, самое позднее -- в августе, теперь же оно невозможно; да к тому же все лошади на дальнем пастбище, где только еще и можно достать корму, поэтому на следующий день и думать нечего о путешествии. После долгих переговоров и некоторых обещаний мне удалось, наконец, уговорить старика. Решено было, что он, насколько возможно, будет сопровождать меня 7 октября, пока же мы расстались до утра.

6 октября стоял очень хороший день. Когда рассеялся утренний туман, на северо-восточной стороне горизонта открылся величественный горный ландшафт. Зубчатый кряж, казавшийся почти как ряд старых, не очень высоких кратеров, тянется с северо-запада на юго-восток, начинаясь далеко внутри местности, известной здесь под именем сердца Камчатки, т. е. области истоков рек Авачи, Камчатки и Быстрой. В том же направлении, вплотную прилегая к этому кряжу, возвышается Коряцкая сопка, а рядом с нею -- Авача со своей дополнительной вершиной -- Козельской сопкой; последняя, в свою очередь, как менее высокая, представляется старым краем кратера Авачи и, замыкая этот ряд гор, опускается к морю.

Коряцкая, или Стрелочная, сопка -- прекрасный, немного лишь притуплённый конус в 11500' вышиной. Он опускается на северо-запад по направлению к зубчатому кряжу несколько круче, чем со стороны Авачи. Но верхний край кратера, как кажется, опускается немного ниже с этой стороны. Особенно великолепный вид представляют колоссальные продольные ребра Коряцкой сопки, спускающиеся очень правильно по всем сторонам от верхнего края к подошве горы. Эти мощные острые ребра представлялись в виде больших, направленных к вершине горы, подпор и казались почти черными на белом фоне сопки, уже несколько покрытой снегом. За все время своего наблюдения я ни разу не замечал каких бы то ни было следов деятельности описываемого вулкана. Я не мог также найти указаний об этом у других путешественников. Но старик Машигин, напротив, уверял меня, что от времени до времени из кратера выходит немного дыма.

Авачинская сопка поднимается с несравненно более широкого основания и достигает высоты лишь 8700'. Она испытала, по-видимому, не менее двух больших катастроф. В первый раз эта гора, также отчасти ребристая в своих нижних отделах, вследствие провала уменьшилась почти до половины первоначальной высоты, оставив лишь обширный кратер с очень высоким краем -- Козельскую (высота более 5000'). Затем в

этом обширном кратере обвала гора снова восстановилась за счет потоков лавы и изверженных масс, но новообразование шло преимущественно с северо-запада, часть же старого кратера (Козельская) осталась далеко к юго-востоку. После того произошел второй провал; вулканическая деятельность опять повела к образованию конуса в этом втором, гораздо меньшем, кратере обвала. При основании обе сопки совершенно сливаются в одну гору; только на высоте Козельская, этот старый обломок прежнего кратерного края, поднимается в виде отдельного образования, что и подало повод к ошибочному взгляду, будто она представляет самостоятельный вулкан.

Если по линиям падения самых древних оснований частей Авачи реставрировать весь древний конус, каким он являлся, вероятно, первоначально, то получается горный исполин, далеко превышающий высоту Коряцкой сопки. С этим вполне согласуются также показания старика Машигина. Он рассказал мне о страшном происшествии, имевшем место приблизительно 25 лет тому назад. Авачинская сопка, прежде гораздо более высокая, чем Коряцкая, внезапно провалилась при страшнейшем треске и сильных подземных толчках. Солнце затмилось, на обширном пространстве выпал сильнейший дождь пепла, образовавший такие мощные слои, что всю траву засыпало, кусты пригнуло к земле, а ветви деревьев сломались. Огненные столбы поднимались высоко к небу и изливались колоссальные потоки лавы. Это извержение совпадает, по-видимому, с тем, которое произошло в 1828 г. и о котором сообщают Китлиц {F. H. v. Kittlitz, *Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka*, Gotha, 1858.} и Эрман {Adolph Erman, *Reise um die Erde*. Bd. 3, Berlin, 1848.}. Эрман (т. 3, стр. 76) приводит даже метеорологический журнал бывшего губернатора Камчатки Станицкого, в котором буквально сказано: "17-го апреля (нов. ст.) 1828 г., в 8 часов утра, при слабом юго-западном ветре земля покрылась сажей и пеплом; около 10 часов 30 минут утра вся юго-западная часть горизонта была так темна как в полночь, а воздух наполнился сильно пахучими серными парами". Далее: "12-го июня (нов. ст.), в 7 часов утра, слышен был шум, подобный грому, и вскоре затем распространился невыносимый серный запах, откуда я и заключил, что Авачинская сопка лопнула".

Машигин утверждал, что Козельская существовала уже до этого извержения, очевидцем которого ему пришлось быть, поэтому нужно допустить, что вышеупомянутый второй провал последовал в 1828 г. Образование же Козельской относится к первой, гораздо более древней катастрофе. Точно также следует считать с 1828 г. начало постепенного восстановления теперешнего конуса, выдающегося над остатками старого кратера.

Далее Машигин сообщил мне, что до последнего извержения, еще будучи высокой горой, Авача действовала очень слабо, выпуская только небольшие облака пара. После же извержения, напротив, вулкан постоянно обнаруживал более интенсивную работу, отчего и заслужил у местных жителей название Горелой сопки.

Я сам тоже никогда не видал этой горы недействительной. Напротив, мне нередко приходилось наблюдать очень большие клубы пара, выходившие из кратера. Между прочим, и сегодня усиленная деятельность вулкана обнаруживалась значительным выделением пара.

Машигин с сожалением рассказывал о том, как сильно изменилась гора после описанной катастрофы. Особенно чувствительно было полное уничтожение участков, где прежде была прекрасная охота на диких баранов (*Ovis argall*). Все богатые пастбища с обильной и мощной альпийской растительностью пропали, животные, понятно, ушли. Бараны, соболи, сурки и дикие олени прежде водились там в изобилии, и всякая охота за ними доставляла богатую добычу. Теперь все мертво, и даже сам рассказчик не может ориентироваться как следует в этом хаосе новообразований. Исполинские глыбы, мощные слои пепла, глубокие трещины и обширные потоки лавы занимают в настоящее время места, где прежде были мягкие ковры из сочных трав. Охота теперь возможна

лишь на Коряцкой сопке, которая не была тронута катастрофой, но и здесь она стала гораздо менее добычливой благодаря обильному выпадению пепла. В настоящее время охотник, желающий добыть баранов, должен отправиться к сердцу Камчатки (Камчатская Вершина), т. е. к истокам рек Авачи и Камчатки и к Ганальским Вострякам, -- туда ушло большое количество благородной дичи.

Как и в других местах Камчатки, охота и рыбная ловля сосредоточивают на себе все интересы здешних жителей. Это вполне объясняется тем, что земледелие представляется здесь почти невозможным, и что, следовательно, населению остается прибегать, главным образом, к названным промыслам. Побочное и, как мы видели в Петропавловске, небезуспешное занятие жителей заключается в огородничестве. Остается еще пожелать, чтобы скотоводство достигло здесь большего процветания, потому что эта отрасль хозяйства обещает, по-видимому, очень много для будущего всей страны.

Старый Острог расположен очень хорошо, на удачно выбранном месте, и к тому же лежит очень живописно на красивой реке. Рыбная ловля здесь весьма обильна, а близлежащие охотничьи участки изобилуют дичью. Четыре дома, составляющих поселение, заняты почти исключительно семейством Машигина, потому что его три сына со своими семьями живут здесь же. Все, по-видимому, процветает под патриархальным управлением опытного старика. В домах, хорошо содержимых, бросаются в глаза порядок и чистота. Все производит впечатление полного благосостояния и гостеприимства. Так, за едой меня угощали всевозможными вкусными яствами, и я мог убедиться таким образом, что обитатели острога не только разумно пользуются дарами природы, но и еще не пренебрегают скотоводством и огородничеством. В числе подававшихся блюд было, между прочим, и одно чисто камчатское, с которым мне более чем хорошо пришлось познакомиться впоследствии: клубни *Fritillaria Sarana* в вареном и печеном виде, напоминающие картофель, только, пожалуй, послаще.

Благодаря камчадальской флегматичности мы были готовы к путешествию лишь около 8 часов утра 7 октября. Опять переправившись в лодках через реку, мы нашли на левом берегу ее четырех лошадей, на которых и поехали верхом (Машигин взял еще с собой помощника). Дорога пошла редким березовым лесом в восточном и северо-восточном направлении среди высокой, но уже засохшей травы, по местности, большей частью совершенно плоской и постепенно поднимающейся в гору. Нередко мы пользовались здесь медвежьими тропами, которые составляют наилучшую дорогу через труднопроходимые места и, следовательно, прямую противоположность знаменитого торгового пути Американской Компании между Якутском и Аяном. Мы переправились вброд через несколько небольших горных ручьев, текущих с сопки и принадлежащих к системе р. Авачи. Сперва мы перешли через Первую Мутную, впадающую прямо в Авачу. Затем, продолжая ехать лесом, который по мере подъема в гору становился все мельче и слабее, мы должны были пересечь несколько ручьев, впадающих в Пиничеву, довольно значительный левый приток Авачи, который, начинаясь на Коряцкой сопке, течением своим образует большую дугу. Эти ручьи были: Вторая Мутная, Кирилкина и Светлый Ключ. Здесь, по берегу последнего, тянется высокоствольный тополевый лес, который рубят зимою и затем сплавляют по Аваче для построек в Петропавловске. Здесь же была выстроена юрта для защиты рабочих от зимних вьюг. Для построек в этой местности пользуются высокими, стройными стволами тополя и ивы (ветловины) и даже более прямыми стволами березы (*B. Ermani*). Такой выбор обуславливается тем обстоятельством, что во всей южной части Камчатки, за исключением ползучего кедра, нет никакой породы хвойного леса. Точно так же здесь нет и европейской березы (*B. alba*). Как и хвойный лес, она встречается лишь в долине р. Камчатки и в густых лесах имеет прекрасные прямые стволы.

Теперь на воде нередко стал попадаться лед, а на суше начали встречаться места, покрытые снегом. На снегу охотники тотчас же распознали следы выдры, соболя и даже медведя. В березовом лесу опять очень часто стали встречаться глухари и бесчисленные норы мыши-экономки. Этот прилежный зверек уже собрал свои обильные зимние запасы под высокими слоями высохшей травы и мха. Нора его состоит из небольших ходов, через посредство которых нередко соединяется с соседними норами и содержит от одного до двух литров корней, среди которых первое место принадлежит саране. Все корни и клубни сложены в величайшем порядке и хорошо очищены. Обиранье этих нор, составляющее не маловажный источник добывания жизненных припасов у камчадалов, совершается очень разумно и осмотрительно: никогда не забирается весь запас и выборка его не производится слишком поздней осенью. Таким образом, если вынута слишком много, у зверьков все-таки остается еще время снова пополнить запасы.

Начиная от юрты у Светлого Ключа, подъем поверхности становится очень заметен, причем древесная растительность впервые заменяется здесь кедровником. Ландшафт приобретал все более и более зимний вид. Массы снега увеличивались, небольшое озеро совершенно замерзло, температура воздуха упала до одного градуса ниже 0. Мы еще шли вперед, поднимаясь все выше и выше, чтобы добраться, по крайней мере, до Пинечевой. Но для меня уже ясна была невозможность достигнуть самой цели моего путешествия. Мы подошли еще только к подошве сопки, и то уже местами должны были бороться со снегами. Небо стало пасмурным, вдаль ничего не видно, уже чувствовались отдельные зловещие порывы ветра. Машигин торжествовал и настоятельно советовал, так как день был уже на закате, остановиться у холма, который защитил бы нас немного от непогоды. Я тоже больше не противоречил. В самом деле, скоро поднялся сильный ветер, наносивший на нас целые тучи снега и града. Лишь с большим трудом, при помощи ремней и веревок, удавалось нам удерживать от падения защищавшую нас палатку. Огонь скоро задуло и нам пришлось провести холодную ночь.

Так как сверх того нельзя было достать более корму для лошадей, то на следующий же день, еще до рассвета, мы поспешно снялись в обратный путь. Движение вниз шло легче и скорее, хотя мы продвигались по глубокому снегу и при сильной вьюге. Вскоре мы опять достигли юрты, где согрелись чаем. Затем, все еще преследуемый вьюгой, наш караван поспешно двинулся к Старому Острогу, куда, наконец, мы благополучно прибыли около 3 часов пополудни и поместились здесь в теплом, уютном доме. В Остроге вместо снега шел, вернее сказать, дождь. В горах же продолжалась метель. Итак, я впервые испытал камчатскую пургу. Но главное приобретение в эту экспедицию, к сожалению, совершенно неудачную, заключалось в том, что я заручился дружбой старика Машигина, благодаря чему я впоследствии получил от него некоторые важные для меня сведения и пользовался его услугами как проводника при позднейшем восхождении на сопку.

9 октября в Остроге все еще не прекращался дождь, между тем как в горах продолжала свирепствовать вьюга. Тем не менее, Машигин сопровождал меня в лодке вниз по р. Аваче, берега которой, исключительно наносного образования, не представляли ничего интересного. Дождь и град сверху и брызги волн снизу промочили нас до костей. Так мы прибыли в Авачу, где старик остался. Я же с казаком Томским в темную ночь пешком отправились в Петропавловск.

С 10 октября начинается моя первая зимовка в Петропавловске. Окрестные горы уже облачились в ослепительно белый зимний покров, все более и более спускавшийся в нижние долины. Самый Петропавловск, берега Авачинской губы и ближайшие более низкие места были еще вполне свободны от снега. Он, правда, выпадал уже несколько раз, но затем стаивал в несколько часов. Температура воздуха также едва падала ниже нуля, так что вся губа оставалась свободна ото льда. Только местами, на небольших лужах, по утрам замечались следы его. Гавань оставалась еще оживленной. Наш чудный корвет "Оливуца" стоял еще здесь, но был готов к отплытию на Ситху, где должен был

зимовать. Кроме того, на днях пришло несколько китобоев, в том числе один французский. Этот китобой и экипаж его находились в самом жалком состоянии.

Упомянутое судно, после долгого и весьма малоуспешного плавания в Ледовитом океане, с недостаточным провиантом и страшно поврежденное бурями, искало пристанища и помощи в тихой Авачинской губе. Капитан и более половины экипажа лежали в тяжелом скорбуге, представляя картину полного бедствия. Судно же требовало крупного ремонта. Завойко по мере сил старался о помощи и прежде всего распорядился об уходе за несчастными моряками. Судно же пришлось подправить лишь настолько, чтобы дать ему возможность для более основательной починки, совершить, хотя бы с некоторым риском, переход к Гонолулу.

В подобных случаях Завойко находился в крайне затруднительном положении. Петропавловск представлял единственный порт на много тысяч миль во всей северной части Тихого океана, -- порт, в котором моряки, после невзгод и опасностей плавания по полярному морю, должны были рассчитывать на возможность добыть провиант и еще более -- отремонтировать суда и снабдить их хотя бы самыми необходимыми принадлежностями, каковы веревки, якоря, паруса, реи и т. п. К сожалению, Адмиралтейство так мало заботилось обо всем этом, что здесь едва хватало запасных частей для собственных судов. Точно так же здесь не было никаких мастерских, имелись только небольшие, весьма примитивные приспособления для производства самых необходимых работ.

Уже одни соображения гуманности требовали обильного и целесообразного снабжения разными припасами портовых складов в месте, удаленном от путей всемирной торговли и, сравнительно с изолированностью своего положения, все-таки посещаемом довольно многочисленными судами, особенно же китоловами, которые регулярно приходят сюда весною, на пути к северу, и осенью, нередко по испытании аварий, на обратном пути -- к югу. То обстоятельство, что в Петропавловске развевались большею частью лишь иностранные флаги, едва ли могло оправдать такой недостаток и такую беспечность в гавани, все же принадлежащей цивилизованному народу. Напротив, было бы во всех отношениях полезно путем самого предусмотрительного пополнения судового материала развить и собственное судоходство, чтобы таким образом все богатство северных морей не уходило в чуждые страны, а оставалось дома.

Как легко было бы из доходов от китоловства, тюленьего боя и рыболовства привлекать на рынки Гонолулу, Шанхая и С. Франциско все необходимые для Камчатки товары и таким образом очень дешево удовлетворять всевозможным потребностям населения. На самом же деле необходимые припасы доставляются теперь двумя нашими транспортными судами из Аяна, куда все товары (например мука, крупа, соль и пр.) перевозятся на тысячеверстные расстояния из-под Иркутска по непроходимейшим местам, при невыносимейших страданиях людей и лошадей. Как легка и дешева была бы вся доставка провианта и припасов на судах из южных гаваней Тихого океана, особенно при уплате за них не деньгами, а местными продуктами. А эти продукты были и есть чрезвычайно ценимые всюду товары -- рыба, меха и моржовые зубы.

Действительность далеко не соответствовала желательному и возможному. Завойко приходилось поэтому всеми средствами добывать необходимое. Довольно большой прирост команд и чиновников требовал гораздо больших припасов, значительного количества строительных материалов и всякого рода инструментов. Наконец, для ремонта судов необходимы были несчетные судовые принадлежности. Поэтому нередко приходилось покупать по случаю разные припасы с приходящих судов. Наконец, и корвет, ушедший 14 октября на Ситху, в ближайшую весну также должен был привезти оттуда необходимые товары.

17 октября привело сюда шумное общество -- ездовых собак. На лето их отпускают свободно бродить по стране, предоставляя им кормиться собственной охотой и рыбной ловлей. Осенью, когда природа становится менее щедрой и прекращается ход рыбы в

реках, их опять собирают или они сами приходят. Затем собак собирают в подходящих местах и отводят домой, где и держат их всю зиму на привязи близ хозяйского жилья. Здесь они остаются при всякой погоде под открытым небом и кормятся юколой, т. е. лососиной, нарочно для этой цели высушенной в летнее время. По всей Камчатке юкола представляет важнейший жизненный вопрос в хозяйстве туземца. У всякого поселения в Камчатке видны длинные ряды деревянных вешал, отчасти прикрытых крышами. На этих вешалах, именно на жердях, развешаны предварительно выпотрошенные рыбы. Всякая рыба надрезывается сбоку под жабрами, затем разрезывается вдоль параллельно позвоночнику почти до хвостового плавника и вешается таким образом, что голова с позвоночником остается на одной половине, между тем как другая содержит только мясистые боковые части. Так висят по всей стране миллионы лососей. Что не сгнивает и не съедается с самого начала червями, то высыхает и служит запасом на зиму. Лучшие экземпляры подвергаются более тщательной обработке и приберегаются для людей. Остальное именно и идет на корм собакам, этому наиболее важному домашнему животному камчадалов. Только привычка со временем младенчества может притупить чувство отвращения к невообразимому зловонию, царящему в местах сушки рыб. Менее трудно привыкнуть к пронзительному вою собак, во всякое время дня и ночи заводящих свой страшный концерт. Сперва отдельные собаки начинают издавать протяжные жалобные звуки, затем подхватывает все большее и большее число участников, пока наконец не разразится весь громадный хор. Благодаря прибытию приблизительно 300 собак Петропавловск по внешности стал похож на все камчадалские поселения.

20 октября к общей радости пришло из Аяна одно из здешних транспортных судов "Иртыш", нагруженное всякого рода жизненными припасами, главным образом мукой и крупой. Но приход этот вместе с тем разбил надежды многих, ожидавших вестей из дому: почта, привезенная судном, была очень невелика. Оставалось только вооружиться терпением, потому что ближайшую почту можно было ждать не ранее февраля или марта. 21 октября нас обрадовал новый пришелец, на сей раз судно американского торгового дома Кнокс, ведущего торговлю с Петропавловском. Судно это пришло с полным грузом различнейших товаров, выбранных как нельзя более практично соответственно нашим потребностям. Названная американская фирма начала свои дела здесь несколько лет тому назад присылкой *commis-voyageur*, которому поручено было разузнать об общей сумме всех платимых здесь казной содержаний, затем о других источниках здешних доходов и, наконец, о потребностях различных слоев населения. Затем этот *commis* купил в Петропавловске дом с земельным участком и приспособил его для торговых целей. Тотчас же после этого с величайшей регулярностью началась ежегодная доставка на судне из Бостона товаров в богатом и чрезвычайно практичном выборе. Результат, конечно, получился самый блестящий, потому что постоянные покупатели были на месте. Хороший, сравнительно дешевый товар, состоявший исключительно из крайне необходимых предметов, быстро раскупался и доставлял солидный барыш продавцам.

Полный контраст с таким ведением дела, которое процветало благодаря близкому знакомству руководителей его с краем, представляли другие коммерческие предприятия в Петропавловске.

На первом месте здесь следует упомянуть, конечно, Российско-Американскую Компанию, которая также вела здесь торговлю, но далеко не достигла такого оборота.

Директора этой компании надменно царствовали на Ситхе. Управление их скорее напоминало министерство или казенный департамент, чем торговое общество. По издавна заведенному порядку производилась здесь обширная торговля мехами. Раз достигнув известных успехов, администрация ни о чем больше не думала. Никто, по-видимому, не заботился ни о расширении торговых интересов, ни о судьбе разбросанных на обширном пространстве факторий. Компании принадлежали неизмеримые пространства на материке Америки, вся цепь Алеутских островов, Курильские острова и

Аян. Правительство предоставило ей всевозможные привилегии и льготы. Она могла пользоваться неисчерпаемыми сокровищами и завести самую оживленную торговлю с южными портами Тихого океана. Но ничего подобного не вышло. Все застыло на исстари заведенной меховой торговле и, создав себе крупные капиталы, компания на этом остановилась. Она прозябала или напоминала роскошную и очень знатную мумию. В ней не замечалось никакого стремления к прогрессу, никакой жизни. Но могло ли быть иначе, если во главе предприятия не было настоящих деловых людей, понимающих торговое дело? На главные должности назначались высшие офицеры или чиновники, которым имелось в виду оказать благодеяние, так как считалось совершенно непреложным правилом, что на Ситхе в несколько лет можно нажить состояние. В свою очередь, низшие служащие выбирались на подобных же началах. Таким образом, все продолжало идти по старому, а весьма основательные надежды правительства не оправдывались.

Вместо радостной поддержки новых потребностей населения со стороны Компании раздавался ропот. Так, я сам слышал от одного из служащих: "Просто ужас, алеутов научили есть хлеб, теперь подвози им муку" и т. д. Раз, самое большее -- два раза в году на Ситху приходили из Петропавловска суда с товарами. Более же отдаленные станции на севере и на островах посещались, самое большее, раз в году. Могло ли при такой вялости и беспечности процветать дело!

Соответственный результат не преминул наступить. Компания прекратила свое существование. Обширные, богатые владения ее были уступлены Соединенным Штатам и в скором времени, конечно, расцветут, потому что уже слышно о заведенном там оживленном судоходстве, об исследовании страны до самых внутренних частей ее, о прокладке телеграфов и об устройстве множества новых торговых станций.

Просуществовав, таким образом, почти целое столетие, Компания, одаренная чрезвычайными привилегиями и обладавшая громадными богатствами, не принесла государству ни малейшей пользы, а, напротив, своими упущениями заставила его нести многомиллионные убытки.

Собственно русские купцы, число которых колебалось здесь между пятью и восемью, в Петропавловске не могли иметь никакого дела. Весь центр тяжести их торговли лежал в ежегодных зимних путешествиях по стране, т. е. в торговых поездках, которые, несмотря на строгий надзор губернатора, более походили на разбойничьи набеги, чем на разъезды купцов. Эти молодчики, грубые и корыстолюбивые, выписывали по самому дорогому пути, через всю Сибирь, невероятнейший хлам, и за этот хлам они норовили получить всю, часто очень дорогостоящую, добычу камчатских охотников: соболей, черных лисиц, морских бобров и пр. Не оправдывались расчеты кулаков, начинались жалобы на Завойко за то, что он не давал им грабить камчадалов и являлся защитником этого бедного народа.

Весь октябрь простояли прекрасные светлые дни при преобладавшем западном ветре. Только с переходом ветра на восток, юго-восток и юг шел дождь, иногда падал снег, и погода становилась бурною. Так было 5-го, когда выпал первый снег, затем от 8-го до 10-го и от 26-го до 28-го. С 18-го до 21-го чисто северный ветер настолько понизил температуру, что небольшое озерко к северу от Петропавловска покрылось даже тонкой коркой льда. Самые обильные атмосферные осадки выпадают на восточном берегу Камчатки и именно при юго-восточном ветре, от которого Петропавловск совсем не защищен. Приходя с обширного океана, набравшись водяных паров в более теплых областях, юго-восточный ветер осаждает всю эту массу воды на восточном берегу полуострова. При юго-западных, западных, северо-западных и северных ветрах, напротив, почти всегда стояли чудные ясные дни. Вместе с тем, северный и северо-западный ветры производили наибольшее охлаждение. На западном берегу Камчатки, у Охотского моря, наблюдается противное. Высокие горы, проходящие вдоль середины

полуострова, защищают восточный берег от западных и западный -- от восточных ветров.

В самые последние дни месяца температура опять настолько понизилась, что показался лед, но снег исчез весь, и только вулканы да дальние горы поднимались в своем белом одеянии навстречу безоблачному голубому небу.

Так как воздух в это время обыкновенно был прозрачен, то мне казалось весьма соблазнительным посетить ближайшие к Петропавловску бесснежные горы с целью полюбоваться открывающейся с них великолепной панорамой. Самой подходящей для этого мне казалась Меженная гора по ее несколько более изолированному положению как раз на север от Петропавловска и по ее конусообразной форме. В солнечный день я поднялся через низкий кустарник и высокую траву на вершину ее. Открывшийся передо мной величественный и обширный вид поразил и вполне вознаградил меня за трудности подъема.

На восток перед зрителем выступают от подошвы до вершины во всей своей красе величавые Коряцкая и Авачинская сопки, последняя -- с Козельской. Ослепительно белые, покрытые свежим снегом, эти горные колоссы поднимаются над темной, еще бесснежной равниной, омываемой вдали на юго-востоке темно-синим океаном. На севере громоздятся массивы камчатского Срединного хребта, также блестящие от снега и льда. На западе и юге совсем близко подступает обширная Авачинская губа со своей синей поверхностью и дает возможность свободно обозреть окружающие ее бесчисленные мысы и бухты. Далеко на юге виднеется узкий изорванный вход с моря, ограниченный высокими скалами, а на западе, значительно превышая береговые горы Авачинской губы, выступают вершины и зубцы южных гор, теперь уже покрытые снегом и как бы составляющие пьедестал для Вилучинской сопки, выдающейся над всеми этими высотами. Как раз к югу и, начиная от самой подошвы Меженной горы, тянется короткая долина между Шестаковской Пады и Никольской горою. Посреди долины лежит небольшой городок Петропавловск и его чудная маленькая бухта. При рассматривании с вершины горы, ряды домов городка представляются почти у ног зрителя и обнаруживают самым ясным образом план расположения местечка. Дно упомянутой небольшой долины начинается прямо у подошвы Меженной горы таким сильным вдавлением, что здесь образовалось небольшое озеро; затем это дно поднимается, образуя умеренно высокое плато, на котором выстроена официальная часть города, и, наконец, в самой южной своей части быстро и круто падает до уровня моря, покрываясь небольшой бухтой Петропавловского порта. На упомянутом плато, между бухтой и озером, расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящие очень просторно. Число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до 40. Посередине, на свободной площади, помещается православная церковь. Далее -- большой губернаторский дом, окруженный садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здания Российско-Американской Компании. К этой, лучше выстроенной казенной части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. Начиная от самой воды и распространяясь на одну треть высоты Шестаковской Пады, постепенно поднимаются дома с их небольшими огородами. Домов здесь всего 116. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причем все частные дома крыты тростником и длинной травой, казенные же -- железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских. Девять маленьких ключевых ручьев текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья. Из этих ручьев семь впадают в бухточку, два -- в озеро. На всех местах пересечения ими улиц находятся

простенькие мостики. По переписи 1852 г. весь описываемый городок имел всего 1593 жителя (1178 мужского и 416 женского пола). Если считать особо двух священников при православной церкви, несколько американцев, небольшой персонал Российско-Американской Компании и русских купцов, то в противоположность этой вольной части населения вся остальная была на казенной службе и состояла из матросов, нескольких казаков, чиновников и офицеров с их семействами. Последние принадлежали к лучшему обществу, принятому также в доме губернатора и всего состоявшему из 80 человек обоего пола. Главными центрами, где собиралось общество, были дом губернатора, затем семейства агента Российско-Американской Компании Б. и флотского офицера Г. У прочих семейных служащих редко когда собирались. Значительное большинство чиновников представляло холостой народ и среди них господствовало самое живое общение. Редко проходил день или вечер, когда бы ни собирался больший или меньший кружок. К сожалению, из-за отсутствия других интересов здесь очень процветала карточная игра.

Большинство чиновников и офицеров были обходительные, иногда даже очень симпатичные личности, о которых я вспоминаю с благодарностью и удовольствием. Тесное общение между собой и отрезанность от всего прочего мира придавали всему обществу большую сплоченность и интимность, причем, однако, вполне соблюдалось взаимное уважение и учтивость. Вообще господствовали полная веселость и довольство, развлечения были весьма незатейливы. Всякий, желавший отдохнуть и освежиться от дневной работы, находил вечером открытые двери и сердечный, радушный прием у своих знакомых. Подобно большой семье, прожили мы зимние месяцы, деля радость и горе, всячески друг друга поддерживая и развлекая. Большие празднества устраивались лишь у губернатора, потому что это было возможно при его средствах и просторном помещении. Кроме того, во всех домах охотно справлялись именины, причем собиралось более или менее значительное число гостей. В семейных домах такие собрания сопровождались танцами, у холостяков -- пуншем.

Такого рода большой танцевальный вечер, именно бал у губернатора, предстоял в скором времени. Особенную деятельность проявляли дамы, заранее приготавливая себе туалеты.

Но до того, именно 1 ноября, Завойко собрал все мужское население для прокладки проезжей дороги, первой в Камчатке, от главного города, т. е. от Петропавловска, и до Авачи в 12 верстах расстояния от него. Вся команда, имея во главе офицеров и чиновников, с песнями и в отличнейшем настроении отправилась на работу, вооруженные топорами, лопатами и граблями. Команда была разбита на маленькие партии, из которых каждая получила участок пути. Сам Завойко шел во главе всех, выбирая наилучшую местность и размечая весь путь. Были приняты также должные меры насчет обильной пищи и питья. Ко времени трапез по всей линии разгорались огни, а вскоре закипали и котлы. Все вместе скорее напоминало сельский праздник, чем тяжелую работу. Отдельные партии соперничали друг с другом в работе, всякая старалась первой покончить свой урок. Так провели мы очень весело три дня, а 3 ноября работа была кончена. Таким образом возникла первая настоящая проезжая дорога в Камчатке.

Ноябрь начался прекраснейшими, чрезвычайно ясными днями. На небе почти не видно было ни облачка. Ветер дул все с запада, и температура почти не падала ниже нуля. Местами виднелись следы льда, вообще же поверхностные слои земли едва замерзли. Но в ночь на 6-е ветер внезапно задул с юго-востока, и поднялась сильная вьюга (пурга). Снегу выпала масса, и он уже более не стаивал. Санний путь окончательно установился, началась настоящая зима. Для южной части Камчатки весьма характерно то обстоятельство, что снег здесь падает большею частью на непромерзшую почву и притом всегда громадными массами, что имеет, конечно, немаловажное значение для растительности. В течение всего ноября мы могли наблюдать самые резкие контрасты в

погоде. Характернейшие особенности ее заключались в том, что при западных ветрах стояли ясные дни со все усиливавшимся холодом, причем, однако, мороз не доходил до 10 °R. Вперемежку налетали внезапные, очень сильные вьюги всегда с юго-восточным ветром и с ослаблением стужи. Так было 6, 13, 15, 21 и 22 ноября.

Декабрь был холоднее, но снег совсем не выпадал, так что у нас почти непрерывно стояли ясные, холодные дни. Самое большее, что наблюдалось -- небольшая пасмурность в атмосфере. В течение декабря температура также не падала ниже 10 °R. Небольшая Петропавловская бухта уже в последние дни ноября покрылась слоем льда, достигшим теперь толщины 5 дюймов. В середине декабря замерзли те части большой Авачинской губы, которые более защищены от волнения. Только середина этого большого бассейна и выход в море были и оставались все время свободны ото льда.

Многочисленные ясные и светлые дни, особенно частые в начале описываемой осени, нередко доставляли нам удобный случай наблюдать великолепные вулканы, окружающие губу. Коряцкая и Вилучинская сопки по-прежнему оставались совершенно безжизненными. Они обе далеко выдавались над ближайшими горами, представляясь в виде совершеннейших конусов с самым легким притуплением на верхнем конце. Зимнее облачение этих гигантов заметно выделяло их среди окружающего ландшафта. В то время как все горы сверкали сплошной белизной свежего снега, сильные бури неоднократно сдували его с громадных, продольных гребней вулканов и обнажали темный камень, так что оба конуса представляли более или менее ясную полосатость от вершины до подошвы.

На Авачинской сопке, напротив, началось значительно большее возбуждение. Я никогда не видал этой горы иначе, как выделявшею немного пара, большую частью светлого и часто весьма мало заметного. 25 ноября, к вечеру, мы были испуганы горизонтальным толчком, распространявшимся с северо-востока на юго-запад, а на следующий день с горы поднимались очень большие, темные облака дыма. Связь обоих явлений была слишком очевидна. Подземный шум с Авачинской сопки подходил все ближе и ближе, становясь в то же время все громче и громче. Впечатление получалось подобное тому, как если бы по твердому грунту бешено несли по направлению к нам большой табун лошадей. Внезапно затрещали все балки в доме, закачались висевшие по стенам предметы, а подземный гул пошел далее к юго-западу. Это явление миновало с такою же быстротой, как и явилось. В несколько секунд все прошло и успокоилось. Усиленная деятельность горы продолжалась еще до середины февраля 1852 г., до извержения, однако, не дошло. За это время из горы неоднократно поднимались темные облака пара, а матросы, рубившие лес поближе к подошве ее, несколько раз попадали под дождь пепла и даже наблюдали огонь на вершине вулкана. Происходило ли излияние лавы -- это трудно было видеть, во всяком случае, если оно и происходило, то лишь в очень слабом размере, потому что гора оставалась белой, покрытой снегом. Только на самой верхней части конуса снег как будто бы стоял, и там выступил темный камень, но это могло произойти и от действия одного горячего пара. Старый край кратера, Козельская, относящийся к Аваче, как Сомма к Везувию, оставался при всех описываемых явлениях совершенно спокойным.

Но и к юго-западу, немного влево от Вилучинской сопки, хотя и далеко за нею, из Петропавловска нередко был виден пар, поднимавшийся над дальними горами. То была Асачинская сопка (52° и несколько минут сев. шир.), находящаяся на восточном берегу полуострова у губы того же наименования и отстоящая от Петропавловска приблизительно на 55 минут. По словам здешних обывателей, этот вулкан в сентябре 1848 г. провалился во время сильного извержения, причем в Петропавловске ощущалось довольно значительное землетрясение. Спустя несколько месяцев вулканические силы успокоились, и лишь теперь вулкан опять пробудился. Приблизительно с 5 ноября темные массы пара значительно увеличились, а в марте 1852 г. вулканическая деятельность достигла, по-видимому, наибольшего напряжения. 26 марта я видел вполне

сформированный, темный столб дыма и пара, имевший известную форму пинии. С боку из столба выпадал, гонимый ветром, сильный черноватый дождь пепла. С большими промежутками поднимались колоссальные, почти черные клубы пара, вверху принимавшие форму пинии. Сбросив вниз свой пепел, они уступали место новым клубам.

Извержение Асачи в 1848 г., сопровождавшееся одновременным землетрясением в Петропавловске, и затем теперешнее извержение того же вулкана, опять сопровождавшееся одновременным возбуждением Авачинской сопки и подземными толчками, которые распространялись в Петропавловске от Авачи к Асаче, -- все это заставляет предполагать некоторую подземную связь между этими большими вулканическими очагами. Далее это направление с северо-востока на юго-запад совпадает также с направлением всего обширного ряда вулканов Камчатки, Курильских островов и Японии, и по этой линии неоднократно наблюдались, по крайней мере к северу от Авачи, отдельные очаги усиленной вулканической деятельности. Так, 19 марта 1852 г. показался сильный огонь на высочайшем вулкане Камчатки -- Ключевской сопке. А 29 марта произошло извержение Семячика {Семячик -- название, принадлежащее двум небольшим вулканам на восточном берегу, из которых один Малый, другой -- Большой Семячик. Какой из двух имелся здесь в виду, мне не удалось узнать. Оба лежат близко друг от друга у большой Кроноцкой губы, приблизительно на середине расстояния между мысами Шипунским и Кроноцким.}, рассыпавшего свой пепел далеко за долину реки Камчатки, как удостоверляли люди, пришедшие из деревни Милковой. Ко всему этому присоединились еще горизонтальные подземные толчки, которые все распространялись в том же направлении. Так, 5 февраля мы испытали 3 весьма сильных толчка, затем они повторялись 5 и 9 апреля, наконец, 4 мая 1852 г.

В заключение здесь будет уместно упомянуть еще об одном весьма своеобразном явлении, которое мне пришлось наблюдать 27 ноября на льду небольшой бухты. Спустя два дня после подземных толчков мне случайно пришлось проходить по льду бухты, имевшем в то время толщину около 4 дюймов. При этом я заметил на нем множество небольших, имевших около фута в высоту, конических возвышений, из коих одни имели наверху круглое отверстие, другие -- кончались острием. Все вместе производит впечатление такого рода, как будто здесь произошли небольшие взрывы газов, и само собою напрашивалась мысль, что это подводное истечение газов стояло в связи с подземными толчками.

Как уже упомянуто, 6 ноября установился прекрасный зимний путь, и у меня сейчас же явилось желание как можно скорее обзавестись ездовыми собаками -- желание, которому суждено было сбыться скорее, чем я мог надеяться. Во время моего пребывания в Остроге я сообщил Машигину о своем намерении и просил его помощи в этом деле. 10 ноября он внезапно явился с полной запряжкой и предоставил в мое распоряжение собак с саними, лыжами и пр. Запряжка состояла из восьми прекрасных, крупных, совершенно черных собак и столь же крупной рыжей передовой. Последняя отличалась особенными достоинствами и понятливостью, что чрезвычайно важно при езде на собаках. Соответственно этому она и стоила гораздо дороже: за нее одну я заплатил 25 руб., между тем как за всех остальных вместе 40 руб. Наконец за сани, упряжь и все остальное с меня спрашивали еще 40 руб. Торг живо кончился, а за табак и чай получен был еще нужный запас юколы. Машигин оказал мне особое покровительство, выразившееся в том, что, во первых, он очень дешево приобрел для меня собак, и, во-вторых, выбрал не только сильных, но и еще, по здешним взглядам, очень красивых животных. Большею частью ездовые собаки бывают серого цвета с темными пятнами. Одноцветные особи, особенно совсем черные или рыжие, встречаются здесь гораздо реже. Обыкновенная величина их -- 2 фута высоты до спины, мои же собаки имели, пожалуй, около 2 ¹/₂ футов. По внешности все настоящие ездовые

собаки сходны с овчарками, т. е. у них острая морда, стоячие острые уши, загнутый на спину довольно косматый хвост, высокие, крепкие ноги и очень частая, длинная шерсть.

Сани имеют в длину 7 футов, в ширину (между полозьями) -- 4 фута. Полозья при возможности делаются несколько гибкие и снизу обкладываются китовым усом для большей гладкости, но на обыкновенных санях этой обложки нет. На этих двух полозьях поднимается по две стойки, поддерживающие корзину в 9 дюймов шириной и в 3 фута длиной. Боковые ее края загнуты сверху дюйма на 4, а перед и зад доходят по пояс седоку. Высота сидения (корзины) равна обыкновенной высоте стула, оно покрывается медвежьей шкурой. Лыжи, когда ими не пользуются, прикрепляются с боков саней -- к стойкам. Сани без дышла, а собаки запрягаются в упряжь, состоящую из ремней, притом таким образом, что очень прочный главный ремень проходит от саней до передовой собаки. Прочие собаки припрягаются попарно к главному ремню позади передовой. Каждая собака постоянно носит прочный кожаный ошейник с висящим на нем крючком. Конец же каждого упряжного ремня переходит в широкую и свободную петлю, сквозь которую пропущены голова и одна передняя нога собаки. Крючок ошейника соединяется с крючком петли. Таким образом, собаки тянут грудь и затылком, т. е. наиболее выгодным для развития силы способом. Управляют ими только голосом. Выдрессированные собаки необыкновенно хорошо понимают командные слова и тотчас слушаются их. Слова эти, заимствованные из камчадалского языка, вообще всюду одни и те же: "ках, ках" -- право; "хуг, хуг" -- лево; "нэ, нэ" -- стой; "ха, ха" -- прямо или вперед. Случается, что умные передовые собаки с величайшей злостью бросаются на запряженных с ними собак, если последние медлят в исполнении команды, и, только хорошенько проучив непослушных, продолжают движение. Мне неоднократно приходилось любоваться тем, как моя рыжая Краска хорошо и умно правила своими товарищами.

Ездок сидит верхом на санях, но, приобрев навык, и с боку их. Привычные камчадалы часто ездят даже стоя, поставив левую ногу на полоз, а правую -- на лыжу, которая тащится возле полоза и параллельно ему. Поводов совсем нет, поэтому всякий ездок держит в руке, безусловно, необходимый оштол. Это немного согнутая вниз палка, почти в человеческий рост длиною, обитая крепким заостренным железом и снабженная на верхнем конце множеством металлических погремушек и небольших бубенчиков. Оштол -- чрезвычайно важная принадлежность: ездок совершенно лишен возможности править, выронив его из рук. Он служит для останавливания саней и для замедления их движения при езде под гору, чтобы они с разгона не наскочили на собак. Для этого оштол втыкается впереди одной из стоек в снег, причем железное острие палки, более или менее глубоко погружаясь в него, совершенно останавливает или только замедляет движение.

Вьючные сани (нарты) очень низки и вместо корзины снабжены прочной деревянной рамой, на которую нагружается кладь. Мне оставалось только добыть необходимый коряцко-камчадалский костюм, весьма удобный для езды на собаках и вообще для здешних условий. Это было нетрудно, потому что русские купцы держат его обыкновенно в запасе. Упомянутый костюм, -- куклянка и торбасы -- приготавливаются из оленьих шкур. Куклянка -- громадная, доходящая до колен меховая рубашка, с очень широкими, удобными рукавами. Она впереди не имеет разреза, а лишь на верхнем конце снабжена отверстием, через которое при надевании проходит голова, сейчас же затем входящая в капюшон, так пригнанный к отверстию, что открытым остается одно лицо. Этот капюшон может, впрочем, сниматься с головы, свешиваясь в таком случае на спину. Впереди под лицом висит большой меховой клапан, который может подниматься вверх и составляет прекрасную защиту от холодного ветра. Куклянка сшита из двойных шкур, так что волос на ней и вовнутрь, и снаружи. Вокруг талии надевается кожаный пояс: таким образом, куклянка плотно обхватывает тело и вместе с тем сидит настолько высоко, что своею длиною не мешает при ходьбе или езде. Эта длина, в свою очередь,

полезна при бивуачной жизни на открытом воздухе. Торбасы -- длинные, очень удобные меховые сапоги, мягкая подошва которых сделана из медвежьей шерсти, волосом внутрь.

По окончании всех приготовлений я предполагал сделать первую поездку для упражнения, а такое упражнение необходимо для приобретения хоть некоторого навыка. Без преувеличения можно сказать, что езде в камчатских санях выучишься не раньше, чем опрокинувшись в них по крайней мере по одному разу для всяких новых условий дороги. Но благодаря мягкости снега такие приключения всегда кончаются благополучно. Гораздо хуже бывает, если седок при этом вывалится, а собаки в карьер унесут опустевшие сани. В таких случаях нередко рискуешь пройти пешком не одну версту и страшно истомиться, если только какой-нибудь случайный встречный ездок не задержит животных, или если опрокинутые сани не зацепятся сами о какой-нибудь куст. Как только это случится, путешественник, с трудом плетущийся по глубокому снегу в своей тяжелой шубе, может быть уверен, что сейчас придет конец его невольной прогулке: собаки, заметив, что наскочили на препятствие, мгновенно все садятся перед санями и начинают жалобно выть. Хорошие собаки послушны и в точности выполняют команду, но при этом всегда имеют умысел при первой же возможности сыграть какую-нибудь злую шутку с возницей. Поэтому необходимо не упускать их из виду и при первом замеченном беспорядке предостеречь угрожающим возгласом. В противном случае можно наверняка ждать какой-нибудь неприятности. Забавно видеть, как собаки на бегу постоянно озираются на возницу, чтобы воспользоваться каким-нибудь мигом его невнимания для своих проделок. Внезапно и быстро свернуть с дороги, броситься в кусты или на камни, завести драку между собой -- все это доставляет им большое удовольствие. Но всего неукротимее они становятся, заметив какую-либо дичь, например зайца или птицу. В таких случаях требуется воткнуть оштол глубоко в снег, чтобы сдерживать их охотничий пыл. Даже самый опытный ездок должен порядком помучиться с новыми собаками, потому что, получив нового или неумелого возницу, животные прибегают к всевозможным ухищрениям, чтобы сбросить его в снег. Только убедившись в том, что ездок сумеет с ними справиться, они начинают хорошо везти и становятся послушны. Конечно, все сказанное относится к хорошо содержимым собакам, а не к тем несчастным, часто безжалостно загнанным экземплярам, которые находятся в непрестанной тяжелой работе, как перевозка бревен, дров и т. п.

В ясные дни по прекрасной дороге почти ежедневно устраивались поездки. Смеху и шуток было более чем довольно при упражнениях такого множества новичков в камчадалском искусстве. Сильный и здоровый моцион на свежем воздухе поддерживал прекрасное настроение и возбуждал охоту ко всякого рода затеям и развлечениям. Таким образом, последние недели перед Рождеством и первые -- после него прошли в сплошном веселье.

Завойко решил совершить в половине января 1852 г. объезд с целью обревизовать вверенный ему край и распространить свой объезд до Ижигинска. Предполагалось хорошенько повеселиться в течение нескольких недель, остававшихся до этой поездки. Ряд увеселений должен был начаться с лотереи, которую жена губернатора желала разыграть в пользу училища для девочек, устраивавшегося в Петропавловске. Дамы пожертвовали для лотереи множество разных работ, и при общем участии розданы были выигрышные билеты.

21 ноября, в 5 часов вечера, в доме губернатора должен был состояться розыгрыш. Было разослано множество приглашений к участию в этом. Самый акт розыгрыша был непродолжителен, но сопровождался многочисленными шутками. Фортуна щедро одарила приглашенных. Между прочим, и я не был обижен ею. Но более выигрышей меня обрадовало сообщение Завойко о том, что он выбрал меня спутником и секретарем для путешествия и что я должен готовиться к этой миссии. Для меня представлялось очень заманчивым познакомиться с такой обширной частью полуострова также зимою.

И хотя с самого начала решено было, что путешествие будет совершено очень, очень скоро, я все же мог хоть мельком увидеть все новое и получить предварительную ориентировку.

Пока шли наши переговоры, гости угощались чаем. Вдруг раздались звуки танцев, -- это играл здешний оркестр. Общество было очень невзыскательное и веселое, охотно пользовавшееся всяким случаем повеселиться. Таким образом, и этот оркестр -- три скрипки, треугольник и турецкий барабан -- сперва вызвавший улыбку изумления, тем не менее, сейчас же вовлек все общество, по крайней мере 80 человек, в самые оживленные танцы. Завойко и его жена не переставали поощрять гостей к деятельному участию, так что собравшиеся в губернаторском доме, непринужденно и без претензий на бальные туалеты, протанцевали до трех часов утра. Танцы были общеевропейские, за исключением одного нового и специально камчатского: это -- восьмерка, род кадрили, с бесчисленными фигурами, но вместе с тем настолько веселый, что таким юнцам, какими мы тогда были, доставил полное удовольствие.

В то время как залы дома Завойко были залиты светом и оживлены веселыми лицами, на улице разразилась настоящая непогода. Поднялась сильнейшая пурга, навевавшая целые горы снега. Теперь возник вопрос: как дамам вернуться домой? Вопрос этот разрешен был почти так же скоро, как и возник. Кавалеры вернулись к себе, надели куклянки и торбасы, запрягли собак в сани, усадили в них старательно закутанных дам и, в бурю и вьюгу, развезли их по домам. Итак, первый танцевальный вечер в Петропавловске закончился чисто камчадальской жанровой картиной.

В этом случае собаки сослужили нам службу по поводу веселья, но в скором времени их услуги потребовались в грустном деле. 24 ноября у Завойко родилась дочь, умершая сейчас же после поспешного крещения. 26 ноября маленький труп отправлен был на место последнего успокоения. Это печальное происшествие прекратило на время собрания в губернаторском доме, но, тем не менее, небольшие кружки продолжали собираться на квартирах холостяков.

Как раз в это же время началась усиленная деятельность у всех, имевших какие-либо сношения с Европой: требовалось подать о себе признаки жизни, и всюду засели за письма. От почтовой конторы получено было уведомление, что обычная зимняя почта отправится 11 декабря и что письма могут подаваться лишь до 10-го. Отход почты, возможность лишний раз снестись с дорогой родиной -- все это возбуждало у нас совершенно особенное радостное оживление. Ординарная почта отправлялась только дважды в год: зимою сухим путем через Ижигинск, следовательно, вокруг Охотского моря, и летом -- водой на Аян. Для каждой из них всякий раз особо устанавливались дни отхода; постоянных же сроков не было. Иногда, правда, летом уходило еще одно судно или зимою, по какому-нибудь особенному поводу, отправлялся курьер, захватывавший с собою и письма. Но на такие случайности, конечно, никогда нельзя было заранее рассчитывать. Для этих двух или трех отходящих и стольких же приходящих почт казна содержала не только почтмейстера, но и еще и помощника почтмейстера. Это были какие-то очень темные личности, при обыкновенных обстоятельствах не видные и не слышные. Известно только было, что они отличались очень забавными странностями и жили в крайней бедности в одном из самых далеких домиков города. Но теперь, когда почта стала готовиться к уходу, эти господа внезапно сделались средоточием общего интереса. Они чаще стали появляться на улице и величественно раскланиваться с обывателями. В своем домике они убрали в сторону скудную мебель и, выставив почтовые аппараты, придали комнате вид почтовой конторы. Для приема писем был устроен прилавок, по стенам развешаны карты, пистолеты и сабли, на полу лежали почтовые чемоданы. Посреди комнаты стоял крытый зеленым сукном стол с зеркалом и уставами.

Когда 10 декабря я явился в эту почтовую контору, чтобы сдать очень объемистую корреспонденцию, то застал обоих господ, едва ответивших на мой поклон, сидящими в

форме за зеленым столом и проникнутыми сознанием всей важности своего положения. Помощник, как состоящий в несколько низшем ранге, поднялся наконец с места и принял мои письма для передачи своему начальнику. Последний, в свою очередь, принял и, осмотрев их, предложил мне и своему помощнику несколько праздных вопросов: велел подать то то, то другое, записал что-то и через полчаса милостиво отпустил меня. Этим двум чудакам приходилось не более двух раз в году пребывать на высоте своего положения. Немудрено, что они старались, по возможности, протянуть такое время, чтобы не впасть сразу в прежнее ничтожество.

Описываемая почтовая контора представляла одно из многих шаблонных учреждений, совершенно напрасно обременявших государственный бюджет. Кто знал страну, не обинуясь, сказал бы, что почтовая контора с одним, а тем более с двумя чиновниками является совершенно излишним учреждением. Канцелярия губернатора могла бы так же исправно упаковывать и отправлять обыкновенную почту, как ей это постоянно приходилось делать при отсылке с нарочно отправляемыми курьерами. В таких случаях почтовым чиновникам не было никакого дела до писем, а их отправлялось никак не менее чем с обыкновенной почтой.

Впоследствии нам пришлось видеть еще более забавные вещи. По всей России было сделано распоряжение, чтобы общеизвестные теперь почтовые ящики были вывешены по улицам городов, что доставило немалое удобство публике. Петропавловск также носил название города, даже губернского. Это название, а конечно не место, требовало почтовой конторы, контора -- почтмейстера; почтмейстер, в свою очередь, уже нуждался в помощнике. Наконец вышло предписание, чтобы перед дверьми всякой почтовой конторы висел почтовый ящик. И вот из Петербурга посылается такой выкрашенный в серый цвет деревянный ящик в Петропавловск, за 13000 верст, -- присылается, конечно, чтобы остаться осужденным на вечную пустоту. И в самом деле, какому глупцу -- при такой невероятно редкой возможности подавать о себе вести -- пришло бы в голову бросать в ящик письма за месяцы, недели или даже часы до отправления почты? Только при полном незнакомстве со страной и ее потребностями мыслимы были такие вещи! Вместо того чтобы идти навстречу самым элементарным потребностям населения, здесь следовали гораздо более дорогостоящему русскому шаблону. Если бы вместо таких бесполезных, можно сказать смешных, расходов употребили те же суммы для отправки одной-другой лишней почты, то это, несомненно, принесло бы больше пользы краю!

Несколько дней тому назад Завойко задумал поездку к горячим ключам Паратунки, куда я должен был сопровождать его. Губернатор предполагал осмотреть там лес, из которого в эту зиму доставлялся строевой материал в Петропавловск. Мы отправились рано утром 15 декабря при отличной погоде. Дорога шла сперва на север к деревне Аваче, затем по низменности, покрытой кустарником, до реки Авачи, через которую переправились по льду. Отсюда, обогнув Авачинскую губу, мы направились по тундре, поросшей кустарником, на запад до р. Тихой. Эта река, еще не замерзшая, начинается в недалгих и небольших ключевых озерах (Батуринские ключи) и вскоре впадает в Паратунку. Таким образом, добравшись до Тихой, мы достигли уже системы Паратунки. Прежде Тихая впадала в Авачинскую губу самостоятельным устьем, исчезнувшим, однако, вследствие занесения его песком, после того она впадала в Паратунку близ ее устья. Здесь, на Паратунке, в начале нынешнего столетия стояла большая деревня с церковью, населенная преимущественно ссыльными якутами и их потомством. С течением времени это население вымерло, место опустело, а немногие оставшиеся в живых основали недалеко отсюда небольшую деревню Орлову, состоявшую всего из двух домов. Едучи дальше по низменной, поросшей кустарником тундре, мы вскоре достигли р. Быстрой, также впадающей с левой стороны в Паратунку. Эта река, отличающаяся быстрым течением и также еще не замерзшая, начинается далеко в западных горах, в местности близ Начики. У истоков ее удобный перевал ведет в бассейн р. Большой. С Быстрой мы посетили лес, прорезанный обоими названными

притоками Паратунки. Это чисто лиственный лес, состоящий из здешнего высокоствольного, стройного тополя и столь же красивой, высокой ивы -- ветловины. Оба дерева часто сопровождают в Камчатке берега рек. Оба они также доставляют очень хороший строевой лес и в большом количестве рубятся здесь для отправки в Петропавловск. После небольшой экскурсии в лес мы проследовали вверх по Быстрой еще версты две и достигли широкой просеки в лесу, выведшей нас на Микижину, третий, совсем уже небольшой приток Паратунки. Вскоре мы достигли и самой Паратунки, по которой проехали только несколько верст, а затем, следуя возвышенной местностью по очень широкой долине этой реки, отправились к горячим ключам, уже знакомым нам по поездке 19 сентября. Было уже 5 часов, так что, поев, мы расположились на ночлег в теплой комнате здешней купальни. Вечером мы приняли еще ванну в большом бассейне горячих ключей, в котором температура воды, при 11° мороза на дворе, равнялась 33° тепла. На другое утро я нашел у начала ключа, где 19 сентября термометр показывал 41° тепла, лишь 39°. Правда температура воздуха равнялась теперь --19°, между тем как в Петропавловске -- замечательный факт -- в это же время было только --4°. Петропавловск лежит прямо у моря. Расстояние же от горячих ключей до Авачинской губы по прямой линии равно, самое большее, 4 -- 5 верстам, и при всем том разница в температуре воздуха обоих мест равнялась 15°.

На речке Микижиной много лет тому назад существовала частичка европейской цивилизации, намеренно уничтоженная грубой рукой. Еще и теперь, на берегах небольшой хорошенькой речки, в очень живописной обстановке виднелись развалины запущенных построек.

В 1825 -- 1835 гг. Камчаткой управлял генерал Голенищев, о котором до сих пор жители вспоминают с любовью и уважением. Он выстроил себе прекрасную дачу на берегу Микижиной, окружил ее садами, огородами, теплицами, служившими не только для украшения, но и для пользы окрестностей, завел довольно обширное скотоводство и птичий двор -- словом, жил в восхитительной местности, совершенно отдавшись прелестям сельской жизни. Этот небольшой культурный уголок должен был также давать всему населению наглядное представление о всевозможных полезных занятиях и служить образцом для подражания, принося пользу всей стране и поощряя жителей хорошим примером. Удобная дорога с мостами и паромными переправами на реках, просеками через лес (к числу последних принадлежит и та, через которую мы сегодня проехали), даже с верстовыми столбами, вела из Петропавловска через деревню Авачу сюда и далее -- к горячим ключам Паратунки. Гостеприимный дом губернатора был всегда полон гостей, и по всей стране распространялись отсюда полезные сведения о садоводстве, полеводстве и скотоводстве. Но вдруг Голенищева отозвали в Петербург. Отъезд должен был состояться поспешно, и в твердой надежде вернуться через несколько месяцев обратно владелец оставил дачу как она была, со всей ее обстановкой. Он распорядился лишь втащить в сени свою небольшую лодку, засветил по русскому обычаю лампадку перед образом, помолился, запер дверь и уехал с ключом в кармане. Но надежды его не оправдались. Голенищев не вернулся в Камчатку, а на его место был назначен флота капитан Шахов, грубый, совершенно необразованный человек. Вскоре по приезде в Петропавловск он отправился на Микижину и под тем предлогом, что лодка составляет казенную собственность, велел взломать двери дачи. Прекрасный гостеприимный дом остался открыт, остававшееся в нем понемногу было раскрадено, сам он стал приходить в упадок и, наконец, превратился в кучу развалин. Отличный парк зарос диким кустарником и роскошной, очень высокой травой. Только местами заметны были еще слабые следы прежней культуры. Так грубый произвол невежественного человека в самое короткое время разрушил учреждение, которое могло бы доставить неисчислимые услуги стране!

Рано утром 16 декабря мы опять тронулись в путь, следуя прежней дорогой, но в обратном направлении, и в 2 часа пополудни вернулись в Петропавловск, где Завойко, к сожалению, встретили очень неприятные жалобы.

Уже несколько недель тому назад камчадалы, пришедшие с севера, распространили слух, что ижигинский исправник позволяет себе неслыханные притеснения и вымогательство по отношению к кочующим в его округе корякам. Жалобы становились все громче и громче и достигли, наконец, самого Завойко. Последний поэтому счел нужным командировать чиновника для исследования и устранения злоупотребления, и 19 декабря отсюда отправился один из членов здешнего суда.

Праздник Рождества был уже очень близок, и всюду шли самые деятельные приготовления к разнообразным увеселениям. Предполагалось протянуть праздничное веселье далеко за новый год. Благодаря же общим стараниям оно так и вышло.

Прекрасный германский обычай, -- встречать сочельник при сиянии ярко освещенной елки -- укоренился также во многих русских семьях, так что и в Петропавловске из окон многих домов по снегу далеко отражался свет зажженных на елках свечей. Я имел удовольствие провести этот вечер в доме губернатора и видеть неописуемый восторг его многочисленных детей. Все напоминало о чудном празднике на родине, только форма дерева представлялась несколько чуждой. Сосна и ель отсутствуют на всем юге Камчатки, а потому приходилось готовить искусственную елку, а именно -- прилаживая друг к другу и связывая искривленные и изогнутые во всех направлениях ветви ползучего кедра, единственного здесь представителя хвойных. Но дети, выросшие здесь и никогда не видевшие настоящей елки, находили и такую подделку великолепным деревом. Может быть, даже в более зрелые годы, уже будучи в Европе, они скучали по родному кедровнику, с которым для них связаны воспоминания золотого детства.

Утром в первый день праздника состоялось торжественное богослужение в православной церкви, затем пошли бесконечные визиты -- сначала к губернатору, потом друг к другу, так что мы все, хорошо знакомые между собой, в течение дня встретились и обменялись поздравлениями почти столько же раз, сколько домов в городе. Только большой обед у Завойко, за которым опять собралось все здешнее общество, положил конец этому рвению поздравителей. 26-го состоялся большой танцевальный вечер у семейного офицера Г., 27-го все общество опять собралось на балу у Завойко. Все были необыкновенно веселы и опять главным образом танцевали восьмерку. Затем, 28-го, в казарме происходило театральное представление, на которое матросы пригласили свое начальство. Давались ими различные сцены из народной жизни, причем главная пьеса заключалась в исполнении любимой песни о Волге; -- пение сопровождалось пантомимой. Представление закончилось общими танцами, при которых мы оставались еще некоторое время в качестве зрителей.

По сибирскому обычаю во всех городах и деревнях от Рождества до Нового года ходят ряженые. Так было и в Петропавловске, где улицы оживились разгуливавшими участниками маскарада. Маскам разрешалось поодиночке или группами заходить в любой дом, протанцевать что-нибудь или разыграть какую-нибудь шутку и затем отправляться дальше. Лица из высших классов общества также не брезгали участием в этих импровизированных танцах. Так, 30-го в дом Завойко явилась костюмированная компания, удалившаяся лишь после нескольких часов самой веселой пляски. Гости не прочь были остаться по-здешнему обыкновению хоть до утра, но нам предстояли еще два бала, и оба у хлебосольного губернатора. 31 должна была состояться у него встреча Нового года в обществе многочисленных гостей, и все, вообще бывавшие у Завойко, собрались по этому случаю. В 12 часов ночи танцы прерваны были барабаном и шампанским. Посыпались поздравления, а затем мы начали Новый год самыми веселыми танцами.

1 января, после богослужения, опять сделаны были все обязательные визиты, а вечером все общество снова собралось у Завойко. На этот раз состоялся поистине очень

удачный маскарадный бал, для которого костюмы изготавливались еще за несколько недель до того. Фигурировали преимущественно восточные народы: виднелись китайцы, японцы, тунгусы, камчадалы, чукчи, но не отсутствовали и турки, тирольцы, испанцы и греки. Для Петропавловска общество было очень блестящее. Приходилось даже изумляться тому, как можно иметь здесь такие разнообразные и роскошные туалеты. Наскучив, наконец, бесконечными танцами последних дней, мы, для разнообразия, затеяли 2 января большой пикник в окрестности. Около 30 саней, больших и малых, запряженных 5 -- 9 собаками, пронеслись по главной улице к небольшой прибрежной речке Калахтырке, протекающей к северу от города. Здесь, в открытом поле, мы закусили привезенной провизией. Тут же, на берегу реки, протекающей по роскошным и обширным лугам, находился портовый коровий хлев, где за коровами присматривали три старых матроса. Последние ежедневно доставляли молоко в губернаторский дом, откуда оно распределялось по самым большим семьям. И не одна мать от всего сердца была благодарна губернатору за такое благодетельное учреждение.

Повеселившись в компании и вдоволь посмеявшись (особенно много смеху возбуждали камчатские торбасы и куклянки, надетые как дамами, так и кавалерами), мы вперегонку направились домой, причем не обошлось без опрокидывания саней, очень забавлявших все общество. Дома мы были с наступлением темноты.

Утром, 3 января, опять тронулся длинный ряд саней из Петропавловска к деревне Аваче. Но это были не легкие сани с веселыми седоками, как вчера, а исключительно тяжело нагруженные товарами нарты: общество русских купцов отправилось в сопровождении прикомандированного к ним чиновника в объезд по Камчатке. Караван представлял как бы передвижную ярмарку, ежегодно зимой обходившую полуостров и нередко проникавшую до самого крайнего севера. Уже выше я упоминал об этих торговых объездах, здесь же мне только остается подтвердить ранее сказанное.

Прошло несколько дней необходимого отдыха, после чего можно было приступить со свежими силами к предстоявшим еще увеселениям. Неженатые молодые чиновники и офицеры считали себя обязанными задать и со своей стороны бал и пригласить на него губернатора с супругой, а также всех дам и вообще семейства, в которых были приняты. Устроители торжества распорядились освободить и вычистить большую казарму, а затем богато и со вкусом украсили ее флагами. Задолго до самого торжества начались приготовления и наконец последовали приглашения на 6 января. Более 80 человек в изящных туалетах наполнили по-праздничному разубранные и освещенные комнаты. Опять танцевали до утра. Приглашенных угощали самыми изысканными кушаньями и тонкими лакомствами.

Но и это большое собрание не было последним, потому что после него последовали приглашения на большой танцевальный вечер. Г. Больман, родом из Ревеля, комиссионер Российско-Американской Компании, и его чрезвычайно приветливая жена пригласили к себе все общество на 8 января.

После гостеприимного губернатора Завойко г. Больман и г. Губарев прилагали наибольшее старание усладить жизнь обывателям Петропавловска, этого почти герметически замкнутого от прочего мира уголка. Так и 8 января прошло очень оживленно и весело, тем более, что, как все хорошо знали, это был последний вечер в длинном ряду увеселений. В ближайшие затем дни губернатор собирался отправиться в объезд, в котором и я должен был сопровождать его. Предстояло, следовательно, множество сборов.

4) Зимняя поездка в Нижнекамчатск в январе 1852 г.

Отъезд был назначен на 15 января. Еще 14-го наши большие крытые дорожные сани (повозки) со всем багажом были отправлены в Старый Острог. До Острога предполагалось ехать в небольших санях, которыми мы правили сами. Поездка эта должна была состояться в довольно большом обществе, потому что многие чиновники желали проводить губернатора. Итак, около 7 часов утра тронулся обоз из 14 саней, прибывший уже около 11 часов в Старый Острог по известному пути через деревню Авачу. Пока нагружались повозки, мы в доме старика Машигина обильно закусили на прощание. Повозка представляет большие низкие сани с верхом и впереди с фартуком, так что ее можно вполне замкнуть. Повозка длинна, узка и рассчитана всего на одного ездока, который притом помещается лежа. Она состоит, собственно говоря, из прочной нарты, на которой установлен длинный закрытый ящик. В описываемые сани, смотря по состоянию пути, запрягается от 15 до 21 собаки, которыми управляет один или, при более трудных горных поездках, два человека (по-камчатски -- каюры). Последние сидят по обеим сторонам на козлах или стоят на полозьях.

После веселого завтрака, приправленного многими тостами и добрыми пожеланиями, мы, наконец, выехали около 4 часов и прибыли в 9 часов вечера в Коряку. Дорога шла большею частью прекрасным березовым лесом (*B. Ermani*), по крутому подъему, в не особенно большом расстоянии от р. Коряки, впадающей в Авачу с правой стороны. Дом тойона, т. е. старосты по-камчадалски, был чист и содержался в порядке. К чаю, который мы здесь пили, нам подали самовар и богатый, красивый сервиз. Камчадалы -- большие любители чая, а так как эта драгоценная трава не всегда у них бывает, то они более чем охотно присосеживаются к проезжающим, заваривающим свой собственный чай. По прочно установившемуся обычаю, все обитатели острога {Русское название "острог" означает собственно укрепление и происходит со времени первого завоевания страны. Теперь же в Камчатке так называют всякое поселение камчадалов, хотя здесь нет ни одного действительно укрепленного места.} допускаются в таком случае к угощению. А потому для путешествующего здесь чрезвычайно важно запастись в дорогу большим количеством чая. Угощение этим напитком или даже оставление небольших количеств чаю, табаку и водки, по очень распространенному здесь обычаю, заменяет давание денег "на чай". То же угощение или подарки заменяют также вознаграждение за полученную еду или оказанные услуги. Деньги принимаются гораздо менее охотно. Только за собак расплачиваются наличными, причем по закону за пять собак платится как за одну лошадь. Как на спутника губернатора, на меня возложена была обязанность производить все платежи и выдавать вознаграждения, поэтому у меня на руках находились все, очень крупные, дорожные запасы и суммы. Завойко дал мне инструкцию не скупиться, а напротив, раздавать щедрые подарки. Для этой надобности имелась особая богато нагруженная нарта, а чтобы и того не оказалось мало, заранее были отправлены далеко вперед еще некоторые запасы.

В Коряке я в первый раз увидел приспособление, которое впоследствии встречал часто, и тем чаще, чем более продвигался к северу. Дело в том, что оконные стекла, благодаря дальней перевозке, здесь очень дороги, а, следовательно, и очень редки. Народ заменяет поэтому стекло медвежьими кишками, особенным образом приготовленными и сшитыми. Такие кишки, конечно, не прозрачны, а только просвечивают, так что комнаты довольно светлы, но наружу ничего не видно. Чтобы устранить этот недостаток, в окна вставляются еще небольшие (дюйма в два-три) прозрачные пластинки слюды.

Мы выехали из Коряки в 11 часов вечера и около 3 часов утра 16 января прибыли в Начику. На этой части пути мы также совершили порядочный подъем. Опять пришлось ехать длинным березовым лесом (*B. Ermani*), пока, наконец, мы не прибыли в высоко лежащую горную долину, окруженную довольно высокими, несколько отдаленными вершинами. В этой долине находится весьма жалкое поселение Начика, один из наиболее высоко лежащих острогов всей Камчатки.

После непродолжительной остановки мы опять немного спустились вниз по долине, всюду ограниченной горами, и направились далее к Малке, куда и прибыли около 10 часов утра. Как близ Малки, так и близ Начики имеются горячие ключи, которых я, однако, к сожалению, не мог видеть, потому что нужно было торопиться далее. Этот острог больше Начики и очень живописно расположен в обширной котловине, окруженной горами. Тойон сообщил нам об очень удачном урожае овощей: уродились капуста, репа и хрен, а с посаженных 5 пудов картофеля наш рассказчик собрал 60. До Малки мы следовали преимущественно в западном направлении. Отсюда же наш путь шел к северу, и опять стало заметно ясное повышение поверхности. Сперва мы ехали очень широкой долиной, все понемногу в гору. Вскоре с восточной стороны горы подошли к нам ближе. То были Ганальские Востряки, отделяющие только что упомянутую долину от долины верховья р. Авачи и составляющие настоящее эльдорадо для охотников. В эти дикие горы, пересеченные множеством потоков и ущелий, отваживаются проникать только наилучшие ходоки, к тому же хорошо знающие местность. С запада горы еще оставались в отдалении. Так, дорога довела нас до Ганала, куда мы прибыли в 4 часа пополудни. Ганал -- бедное поселение, находившееся в самом плачевном состоянии, благодаря массе больных во всех домах. Страшнейший бич страны -- болезнь, распространенная среди жителей, род наследственной венерии, являющейся во всевозможных ужасных формах, и часто даже имеющая последствием проказу. Эта болезнь существовала еще до завоевания Камчатки и так косит население, что в недалеком будущем, если только не примут скорых и энергичных мер против нее, вся страна опустеет. Но во время нашего посещения ровно ничего не делалось для борьбы со злом.

Хотя нам предстоял очень длинный и трудный переезд, мы все же как можно скорее тронулись в дальнейший путь, чтобы уйти из зараженной атмосферы. До ближайшего острога считается около 60 верст. На этом длинном пути поставлены две юрты, чтобы во время частых и опасных вьюг предоставить пристанище путешественникам, проезжающим по этой очень высокой местности. Между Ганалом и Пущиной находится водораздел: с одной стороны -- Камчатки, текущей отсюда к северу, и с другой -- р. Быстрой, идущей на юг и составляющей главный приток р. Большой, по широкой долине которой мы и подвигались теперь к северу. На пути от Ганала сперва проезжают порядочное расстояние по местности, носящей характер тундры и лишь немного поросшей кустарником. Так достигают первой из только что упомянутых юрт -- Ганальской. Отсюда долина, поросшая березовым лесом (*B. Ermani*), заметно начинает повышаться. Горы с обеих сторон подходят ближе, и р. Быстрая прорезывает себе на дне долины несколько более глубокое русло. Так, дорога, идущая редким лесом, ведет все выше и выше, между тем как горы, находящиеся по обеим сторонам ее, быстро понижаются. Лес состоит большею частью из *B. Ermani* -- главного дерева лесов южной Камчатки, но местами начинает уже показываться *B. alba*, которая вскоре затем становится все более и более частой и в системе р. Камчатки встречается уже в большом количестве. Так мы доехали до низкого, закругленного гребня, представляющего, собственно, простое возвышение поверхности, тянущееся поперек долины и как бы соединяющее между собой низкие горы правой и левой стороны. С этим возвышением достигают собственно водораздела, Камчатской Вершины и сейчас же за нею к северу -- второй юрты, Пущиной. Отсюда долина открывается к северу, причем быстро расширяется и опять заметно понижается. Здесь по бокам долины в горах лежат истоки р. Камчатки. Горы по обеим сторонам опять быстро повышаются, и вместе с тем разделяющее их расстояние быстро возрастает, так что заключенная между ними долина все более и более расширяется. Только западные горы, Срединный хребет с его зубчатыми вершинами, остаются еще некоторое время вблизи.

Холод стал здесь довольно чувствителен, спиртовой термометр при небольшом ветре показывал --29°. Сверх того, к северу от водораздела массы снега оказались гораздо более значительными, а дорога, к сожалению, много труднее.

От Пущиной юрты считается 25 верст до острога Пущиной, причем дорога непрерывно шла здесь редким березовым лесом, состоящим из обоих видов -- *B. alba* и *B. Ermani*. Наконец, утомленные долгой ездой, мы в 5 часов утра 17 января прибыли в Пушину и с большим удовольствием принялись за вкусное жаркое из мяса дикого барана и за горячий чай, поданные нам тойоном. Но уже в 7 часов мы двинулись дальше, а около 12 прибыли в Шарому. Снег здесь всюду был очень глубок, а долина настолько расширилась, что горы едва были видны издалека. Исключительно лиственный лес, главным образом состоявший из *B. alba*, совершенно заполнял также и эту часть широкой плоской долины. Шарома имеет часовню и больше Пущиной, но принадлежит к числу не самых больших, хотя и более благоустроенных острогов. Тойон Мерлин принадлежал к старому камчадальскому роду, ведущему свое происхождение еще с древнейшего героического периода Камчатки. Далее дорога шла такою же местностью, как и до Шаромы, в Верхнекамчатск, куда мы прибыли в 6 часов, незадолго до того переехав в лодках через Камчатку, которая здесь уже представляет очень порядочную реку, и, несмотря на 22° мороза, еще не замерзла. Множество лебедей и других водяных птиц оживляли открытую воду. По рассказам, они нередко остаются здесь всю зиму. Верхнекамчатск, некогда главный город страны, теперь опустился до роли ничтожного маленького острога и не представляет ничего замечательного. Завойко торопился дальше, в очень близкую отсюда большую русскую деревню Милкову, куда мы и прибыли в 8 часов вечера. Радушно и с почетом, подобающим начальнику края, были мы приняты в опрятном и просторном доме старосты. Нас угостили обильной трапезой, причем, конечно, не обошлось без жаркого из дикого барана.

Обитатели Милковой называют свое поселение русской деревней, а не камчадальским острогом. Нисколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку, ни в каком другом отношении, они, тем не менее, очень напирают на свое чисто русское происхождение. Сообразно с тем в Милковой жил не тойон, а деревенский староста. Русский язык был здесь только очень немногим более чист, чем у камчадалов. Благодаря самому тесному общению в течение десятка лет со своими соседями и частым смешанным бракам, русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности и привычки. Таким образом здесь возникла своеобразная помесь, занимающая как бы середину между обоими племенами. Склад лица лишь в редких случаях представляется здесь европейским. В этом именно отношении одерживает верх камчатский элемент. С другой стороны, камчадалы, особенно с того времени, как они сменили свои землянки на дома, построенные по русскому образцу, переняли множество русских обычаев и приемов, сохранив лишь кое-что из старокамчадальского быта, главным образом содержание собак и рыболовство, а также все находящееся в связи с этим, благодаря чему развились некоторые весьма заметные контрасты между обеими народностями. Русские крестьяне, -- и в этом, быть может, главное отличие обоих племен, -- более искренне и несколько более разумно следуют правилам церкви, между тем как камчадалы, несмотря на поголовное крещение, усвоили себе только внешность православия и считают его особым, ныне прочно установленным родом шаманства. В результате у них возникает невообразимая путаница из смеси древнего языческого суеверия и внешних обрядов православной церкви. Милкова была основана в начале нынешнего или конце прошлого века, для чего сюда были переселены крестьяне из Сибири. Составляющие ее теперь 27 домов, прочно и аккуратно выстроенные, стояли двумя длинными рядами, окруженные хлевами, сараями и обширными огородами. Среди деревни возвышается красивая деревянная церковь, где служит священник, живущий здесь же. Население, несколько более 200 душ обоего пола, непрестанно поощряемое правительством, более или менее удачно пыталось заниматься

земледелием. В их стойлах имеется несколько лошадей и немного рогатого скота, так что Милкова по крайней мере по внешности похожа на русскую деревню. Чтобы усилить еще этот национальный характер, Завойко распорядился об устройстве в так называемых русских деревнях Камчатки ткацких школ. Одна из таких школ была устроена и в Милковой. Так как лен и конопля здесь не родились, то жители собирали местную, очень высокую крапиву, обрабатывали ее для получения волокна, как лен, и затем пряли и ткали из обработанного таким образом материала очень хорошее полотно, которое с выгодой можно было употреблять на белье. Один старый матрос, знавший ткацкое дело еще из России, объезжал по распоряжению губернатора деревни и обучал женщин и девушек нужным для этого дела приемам. Все предприятие увенчалось большим успехом и принесло немало выгоды населению: при нашем посещении мы видели немало очень удачных образчиков крапивного полотна, а двум девушкам даже вручили премии, присланные С.-Петербургским Экономическим Обществом. Для одной из них назначена была брошка, для другой -- серьги; и брошка, и серьги -- золотые с гранатами. К нашему удивлению, обе отказались от подарков, мотивируя свой отказ тем, что весь их костюм не вяжется с такими богатыми украшениями.

18 января, в 10 часов утра, мы отправились в дальнейший путь, а в 3 часа прибыли в Кырганик, настоящее камчадалское поселение. В доме тойона, где нас, как и в других местах, приняли чрезвычайно радушно, царили чистота и порядок. От Петропавловска почти до Кырганика, за исключением ползучего кедра и отдельных кустов можжевельника, не встречались хвойные породы, тем более бросилась мне в глаза при приближении к этому острогу лиственница, рассеянная среди лиственного леса. Первые встреченные мною лиственничные деревья были низкорослы и чахлы, но вскоре показались и очень крупные экземпляры. На дальнейшем пути к Машуре, куда мы прибыли в 8 часов вечера, хвойный лес был уже чаще, а лиственный стал отступать на второй план. Кроме того, у названного острога я встретил еще одну хвойную породу -- пихту, которая близ Машуры и за нею уже образовала более или менее обширные рощи. Начиная от Кырганика, все виденные мною дома в острогах были уже построены из хвойного леса. Машура -- довольно большое поселение с часовней, живописно расположенное на реке и выгодно отличающееся от других острогов здоровым видом жителей и большим порядком. Долина р. Камчатки здесь очень широка, так что горы с запада и востока виднеются в большом удалении.

19 января мы в 2 часа утра и при 30° мороза прибыли в Чапину, где согрелись чаем и неизбежным жарким из дикого барана. В конце прошлой осени и зимою камчадалы очень удачно охотились за горным бараном и напасли большое количество его мяса, которым щедро угощали своих гостей, и, нужно отдать справедливость, это мясо действительно очень вкусно. В 9 часов утра мы достигли Толбачи, острога, находящегося верстах в 30 от реки Камчатки и расположенного на р. Толбаче -- правом притоке Камчатки. На пути к Толбаче мы опять приблизились к восточным горам, так что очень ясно видели Толбачинскую сопку. Гора эта, представляющая громадный кратер обвала, высоко поднималась в своем снежном покрове над соседними вершинами. Всего более возвышался северный край кратера. С южной же стороны, менее высокой, поднимался мощный столб дыма и пара. По словам толбачинского тойона, на вершине нередко наблюдался и огонь, а также выпадали и дожди пепла. В Толбаче постоянное однообразие нашей пищи было несколько нарушено одной новинкой. На небольшом поле созрел ячмень, уцелевший от ночных морозов. Тойон приготовил из него кашу и угостил губернатора этим продуктом своего хозяйства. Картофель тоже хорошо уродился, так что посаженные 90 пудов дали 900 пудов сбора. Вкусная каша доставила хорошие результаты для обывателей острога, так как Завойко щедро наградил их.

В 8 часов мы достигли Козыревска, расположенного на самой р. Камчатке. К сожалению, острог этот стоит на таком низком месте, что часто терпит от наводнений.

Уже три раза жители острога переносили свои дома, но всякий раз так неосмотрительно, что улучшения от того не последовало. В прошлом году, не говоря о других опустошениях, здесь утонули три лошади, что составляет в Камчатке почти невознаградимую потерю. Из Козыревска также открывался величественный вид на восток. Самый высокий и самый красивый из вулканов Камчатки, Ключевская сопка, достигающая высоты около 16000', ясно обрисовывался на чистом небе, окруженный несколькими конусами различной высоты. Сверху донизу, окутанные белым снегом и освещенные сиянием луны, эти великолепные горные исполины явственно выделялись на темно-голубом ночном небе. Обильные облака дыма и пара выделялись из самой верхней оконечности сопки, которая в виде белого конуса, вся от подошвы до наивысшей своей точки, выступала перед зрителем. К сожалению, быстро набежавшее облако очень скоро скрыло от наших глаз эту чудную картину и принесло снег, сильно затруднивший дальнейшее путешествие. Мы медленно подвигались по глубокому рыхлому снегу, так что в Ушки прибыли лишь в 5 часов утра 20 января, а в Кресты -- в час дня того же числа. Снег прошел, и опять открылся перед нами, при ясном небе, обширный вид. Опять выступила великолепная Ключевская сопка во всей своей красе, но теперь она виднелась к юго-востоку, на севере же мы в первый раз увидели Шивелюч. Последний представлялся в виде колоссальной изолированной горной массы, вытянутой и на вершине сильно разорванной. От Ключевской сопки он отделялся лишь широкою долиной р. Камчатки. Гора казалась мне недействительной, но, по словам жителей, из кратера изредка выделяются пары. Далее к востоку от этого вулкана, ближе к морскому берегу, на горизонте еще выступала изолированная вытянутая группа -- Тимаска, состоящая из низких, закругленных на вершине гор.

Жители Ушков пророчили, что в эту весну очень долго пролежит снег. Основанием для такого пророчества служило отсутствие дождей пепла. Понятно, что снег, посыпанный пеплом, гораздо скорее поддается действию солнечных лучей, а потому и стаивает ранее. Это простое наблюдение имеет немалое значение по отношению к экономическому развитию Камчатки, потому что с более или менее скорым исчезновением снега, которое обуславливается выпадением дождей пепла, очень тесно связан вопрос о возможности хлебопашества в Камчатке. Но разрешение этого вопроса не трудно. Если посыпанный пеплом снег исчезает очень рано, то запашка и посев также могут быть закончены соответственно рано, и зерно поспеет еще до ночных морозов, наступающих весьма скоро. В противном случае работа может начаться лишь очень поздно и весь растительный период задерживается настолько, что морозы наступают до созревания зерна и, конечно, все всходы погибают. Почва здесь необыкновенно плодородна, и если только колоссальная масса снега скоро стает и место хоть немного защищено от ночных морозов, то всякий раз, без сомнения, можно рассчитывать на богатую жатву. Но дожди пепла совсем не поддаются расчету и, вообще говоря, скорее составляют исключение, чем правило. Для появления их требуется, во-первых, деятельность вулкана и, во-вторых, одновременно с нею благоприятное направление ветра, который перенес бы пепел на должное место. Ясно, что земледелие, основанное на таких неблагоприятных и ненадежных факторах, никогда не прокормит страну.

Мы продолжали свой путь все еще по льду р. Камчатки, и в 8 часов вечера прибыли в большую русскую деревню Ключи, где остановились в просторной и чистой избе деревенского старосты Ушакова. Сейчас же стол покрылся блюдами, и мы за чаем, в теплой комнате, уютно провели вечер в обществе деревенского священника, явившегося засвидетельствовать почтение губернатору. Нам сообщили, между прочим, что Ключевская сопка всего лишь пять дней тому назад, т. е. приблизительно с 15 января, стала выделять довольно большие столбы пара, но огня при этом еще не замечалось. Далее мы узнали, что извержение сопки случилось в 1840 г. Точно так же очень сильное извержение произошло в 1848 г., причем лава доходила до р. Камчатки. Но, начиная с

1848 г., гора не проявляла более усиленной деятельности. Шивелюч лишь изредка выделяет немного пара и дыма, большею же частью остается совершенно недейтельным.

Деревня Ключи основана одновременно с Милковой и заселена русскими или сибирскими крестьянами. В ней довольно большая деревянная церковь и 45 хорошо выстроенных домов со службами. Дома расположены в 2 ряда вдоль длинной улицы, параллельной реке. Ряды домов стоят очень близко к воде, так что большие огороды все располагаются со стороны горы. Отсюда поверхность быстро поднимается, образуя как бы громадный цоколь для высоко поднимающегося к небу белого вулкана. Он представляется здесь зрителю во всей своей колоссальной величине, от подошвы до вершины, -- зрелище поистине подавляющего величия! К тому же, облако дыма, гонимое ветром в сторону, растянулось в длину, раз в шесть большую высоты вулкана.

И здесь практиковалось тканье из крапивы, но достигнутые результаты были менее удовлетворительны, чем в Милковой, так что ключевские ткачи навлекли на себя замечания со стороны губернатора. Староста был не без некоторого образования: в комнате его видны были разные книги сельскохозяйственного содержания и несколько им самим набитых птиц, внешность которых, однако, очень заметно обнаруживала малую опытность художника.

Утром 21 января Завойко произвел ревизию хлебного магазина деревни, в котором оказался еще довольно большой запас ячменя с прежних лет. В прошлом году урожай был весьма неудовлетворительным: сам-3 для хлеба и сам-2 для картофеля. Крестьяне добросовестно делали свое дело, полевые работы были тщательно ведены, но вулканы не дали пепла, и ячмень отчасти пропал.

В 9 часов утра Завойко тронулся уже в дальнейший путь. Сильный снег так затруднял движение, что лишь в 3 часа мы прибыли в жалкий острог Комаку. По такому же глубокому снегу поехали мы далее, пока, наконец, в 10 часов вечера, совершенно выбившись из сил, не прибыли в Нижнекамчатск. У последней станции мы прошли Жоковские щеки, утесистую, очень романтическую теснину р. Камчатки. Горы с обеих сторон близко подходят здесь к реке и большею частью крутыми утесами падают к воде, часто едва оставляя узкий проход на берегу. Лишь близ Нижнекамчатска долина снова расширяется, но все еще остается ограниченной близко подступающими довольно высокими горами.

Нижнекамчатск, некогда главный город Камчатки, очень живописно расположен на берегу реки Камчатки, вплотную у воды. Здесь сохранилась еще старая церковь со старинными образами, оставшимися от давно прошедшего лучшего времени. Теперь Нижнекамчатск совершенно утратил прежнее свое значение и уступает даже Ключам и Милковой, а еще более, конечно, Петропавловску. 20 домов, составляющих поселение и окруженных огородами, разбросаны довольно неправильно. Старые укрепления и ворота давно исчезли, торговли более нет, нет более прежнего достатка. Мы остановились всего лишь на несколько часов у старика-городничего Кузнецова, человека, с большим равнодушием переносящего довольно жестокую судьбу. Много лет тому назад он был богатым купцом, но затем потерял свое состояние -- около 200 тысяч рублей -- и теперь стал простым крестьянином.

В 12 часов ночи мы, в снег и ветер, тронулись в дальнейший путь и после очень утомительного переезда при 22° мороза прибыли, наконец, в 5 часов утра 22 января к устью р. Камчатки.

Небольшое поселение состоит из 12 -- 13 домов, большею частью принадлежащих казне и занимаемых расквартированными здесь казаками и матросами. Корабельный инженер заведовал постройкой небольших береговых судов, а именно шхуны и небольшой палубной лодки. Завойко желал ознакомиться также с ходом этой работы. Все дома расположены очень близко к устью, а следовательно, и к морю. Тем не менее, нам не пришлось увидеть моря, хотя шум волн, чуть что не заглушавший бурю, совершенно явственно доносился до нас. Вьюга была ужасная, так что за десять шагов

ничего не было видно. Высоты начали быстро понижаться уже вскоре за Нижнекамчатском, и мы выехали на совершенно открытую местность, тянущуюся до моря. Здесь, ничем не защищенное, лежит маленькое поселение, терпя от непрерывных, со всех сторон налетающих бурь. Но если это обстоятельство представлялось неблагоприятным для жителей его, то, с другой стороны, они имели и немало важных выгод. Вся область устья р. Камчатки представляет чрезвычайно богатый охотничий участок. Всякая охота дает здесь богатую добычу и обильное вознаграждение за труд. Немного выше устья в реку Камчатку открывается с севера большое Нерпичье озеро. По величине оно приблизительно равно Авачинской губе. На нем расположено несколько островов, и в него же впадают небольшие речки и ручьи. Берега озера частью горные и каменистые. При истоке его, посредством широкой и очень короткой реки Озерной, остается много открытой воды, которая постоянно, зимою и летом, оживлена массой водяных птиц, в том числе множеством гусей, уток и лебедей. Так как эти обширные скопления воды сверх того еще богаты рыбой, то сюда входит с моря множество тюленей и сивучей, которые значительно увеличивают собою число промысловых животных. Доказательства богатой охоты видны были в домах здешних обывателей: здесь не только накоплены были многочисленные тюленьи шкуры, но и еще, в качестве съестных припасов, имелось большое количество мороженных гусей и лебедей.

В ночь на 23 января погода несколько улучшилась. В 9 часов утра мы уже тронулись в путь и поехали обратно в Нижнекамчатск, куда и добрались по глубокому снегу и при 30° мороза в два часа дня.

Еще в Ключах до сведения Завойко дошло, что ограбление коряков в Ижигинске {Об этом ограблении речь была выше (стр. 126); для расследования дела губернатор еще течение Рождества командировал чиновника в Ижигинск.} происходило в гораздо более крупных размерах, чем сообщалось вначале; далее -- что коряки очень возмущены и настойчиво требуют возмещения своих потерь. Требование это было вполне справедливо, и губернатор охотно соглашался удовлетворить его, потому что бедные номады были просто ограблены и в некоторой степени лишились единственного средства к существованию -- своих оленей. Но однако при самом тщательном просмотре товаров, захваченных нами в дорогу, как то: табаку, чая, бус, мелких железных изделий, хлопчатобумажных тканей, пороха, водки и пр., оказалось, что все вместе взятое далеко не составило бы вознаграждения, равного их потерям. Сверх того, Завойко, посетив коряков в качестве губернатора, т. е. официально, должен был бы за всякие услуги расплачиваться очень щедро и делать еще подарки. Явиться с пустыми руками и утешить пострадавших обещанием позднейшей высылки вещей также не годилось, а потому Завойко решил вернуться в Петропавловск и на этот раз совсем отказаться от дальнейшей поездки к укинцам и олюторцам {В дальнейшем описании путешествий неоднократно придется говорить об этих народах. Теперь довольно будет упомянуть, что коряки разделяются на 5 групп:

- 1) Бродячие коряки.
- 2) Каменцы, на западном берегу Камчатки
- 3) Палланцы, на западном берегу Камчатки
- 4) Укинцы, на восточном берегу Камчатки
- 5) Олюторцы, на восточном берегу Камчатки

Последние 4 группы -- коряки, перешедшие к оседлой жизни.}, а особенно в Ижигинск к кочевым корякам, потерпевшим от притеснений. Еще в Нижнекамчатске шла речь о поездке к названным инородцам, потому что оттуда уже возможно направиться на север -- к укинцам. Но частые и очень сильные вьюги намели такие колоссальные массы снега, что такая поездка представлялась рискованным предприятием, тем более что первая часть пути шла бы по совершенно безлюдной местности. Поэтому было решено вернуться пока в Ключи, чтобы там выработать окончательное решение. Дело в том, что

от Ключей идет к северу уже настоящая, проторенная дорога, вдоль которой гораздо чаще встречаются поселения.

Пробиваясь по глубокому снегу, без всякого следа дороги, при постоянно возрастающей стуже (уже вечером мороз дошел до 32°), мы 24 января, в 2 часа утра, прибыли в Камаку и затем в ужасный холод, почти при 41° мороза, ехали в течение всей ночи в Ключи. К счастью, ветер совершенно стих и небо прояснилось. Когда мы смотрели на луну, вся атмосфера представлялась нам наполненной тонкими, длинными кристаллами льда, весьма медленно опускавшимися и производившими при прикосновении к коже ощущение легкого щекотания. Но этим и ограничивалось все впечатление холода, потому что благодаря здешней превосходной зимней одежде, именно подбитому лебяжьими шкурками полукафтанию и куклянке сверх него, путешественник вполне защищен от стужи. Немного не доезжая Ключей, мы проехали через небольшой, почти совершенно вымерший острог Каменки, которого не посетили при первом нашем проезде, а затем, в 10 часов утра, были уже в теплой комнате старосты Ушакова в Ключах.

И здесь, выслушав все подробности дела, Завойко не мог принять другого решения, как вернуться домой. Но все, что мы могли сберечь из перечисленных выше товаров, было заново упаковано и передано укинскому тойону с приказанием тотчас же отправиться в Ижигинск и раздать это корякам в виде подарка от губернатора. Собственно уплату за понесенные убытки предстояло отправить туда летом на судне. Укинский тойон был вызван сюда в качестве человека, знающего весь север и хорошо говорящего по-коряцки. Теперь же он уехал один с подарками. Пути в Ижигинск, предложенные им на выбор Завойко, были следующие: 1) от Ключей через Харчину и Еловку, пересекая Срединный хребет, к Седанке и Тигилю на западном берегу Камчатки; оттуда, вдоль этого берега, через остроги палланцев (Воямполка, Кахтана, Паллан, Кинкил, Лесная, Подкагерная, Пусторецк) к северу; затем вокруг Пенжинской губы через поселения каменцев на реках Таловке, Каменной, Паренской в Ижигинск; или 2) путь, при котором не пришлось бы пересечь Срединный хребет, следовательно, более целесообразный при такой массе снега. Он идет сперва вдоль восточного берега по направлению к северу до места, где Срединный хребет становится очень низким, даже прямо переходит в небольшой кряж, и где Камчатка, по крайней мере, вдвое менее широка. Здесь нужно переехать на западный берег к Лесной, Подкагерной или Пусторецку и затем, по вышеописанному пути, доехать до Ижигинска. При этом пути не ездят от Еловки через горы к Седанке, а направляются либо на северо-восток к Укинскому берегу, проезжают все укинские остроги (Озерная, Ука, Холюла, Ивашка, Дранка, Карага) и затем переезжают от одного из двух последних, т. е. Дранки или Караги, к Лесной, Подкагерной или Пусторецку; либо по восточному берегу доезжают еще до первого острога олюторцев -- Кичиги, и только от него до Пусторецка. Горы здесь уже едва встречаются, середина страны занята только высокой моховой тундрой, тянувшейся почти до системы Анадыря, -- это так называемый Парапольский дол -- бесконечная, бездревесная, покрытая мхом равнина.

Покончив наконец с этим неприятным делом, мы 25 января, в 6 часов утра отправились в дорогу, в 12 часов дня были опять в Крестах, а в 6 часов вечера -- в Ушках. Горы Срединного хребта, при рассматривании их от Ушков к западу, представляют широкую столбовидную форму, которая, быть может, позволяет заключить об образовании их из осадочных пород. Особенно интересно небольшое озеро недалеко от Ушков, которое, по словам местных жителей, никогда не замерзает. Так, между прочим, и охотники, вернувшиеся сегодня оттуда, нашли озеро свободным ото льда, несмотря на то что мороз, по нашим наблюдениям, доходил до -26° . Вероятно, в озеро открываются горячие ключи. Ближе его исследовать мне, к сожалению, не пришлось, потому что Завойко очень торопился продолжать наше путешествие.

26 января, благодаря несколько лучшей дороге и хорошим собакам мы проехали довольно большой участок пути, так что в 2 часа пополудни прибыли в Козыревск, в 10 часов утра -- в Толбачу, а затем прекрасным хвойным лесом поехали в Чапину, куда и прибыли в 4 часа пополудни. К сожалению, горы были окутаны сильным туманом, так что контуры их представлялись неясно. Вечером мы опять тронулись в путь и 27-го, в 3 часа пополудни, были в Машуре, а в 8 часов утра уже в Кырганике. Стужа опять дошла до -36° , так что коньяк, находившийся в дорожной фляге, превратился в очень густую жидкость. В час дня мы во второй раз въехали в Милкову, где нам приготовили обед. В течение всей осени, а также и теперь в Кырганике, Милковой и Верхнекамчатске нередко выпадал вулканический пепел. В сентябре 1851 г. дошло даже до того, что скотина отказывалась есть траву, совершенно покрытую пеплом. Вместе с тем, нам сообщили, что к югу от Милковой, т. е. на пути к Петропавловску, после нашего первого проезда сюда были очень сильные вьюги. Завойко решил оставить тяжелые повозки в Милковой, а взамен их взял легкие сани, на которых и предполагалось проехать оставшиеся до Петропавловска 312 верст, причем править собаками предполагали мы сами. Решение это было очень практично в смысле более легкого переезда, но никак нельзя было бы назвать такой способ передвижения более удобным. Во всяком случае, мы тронулись так в дорогу. В 4 часа мы прибыли в Верхнекамчатск, опять переправились через незамерзшую р. Камчатку и в 8 часов вечера были в Шароме, где и переночевали, потому что опять поднялась сильная вьюга. На следующий день мы проехали только одну станцию и лишь с величайшим трудом прибыли в Пущину, где опять должны были ночевать. Снег выпал такою огромною массою, что при величайшем напряжении собаки едва подвигались вперед. К тому же жители Пущиной самым настойчивым образом отсоветовали нам совершать при такой погоде переезд через водораздел к Ганалу: они отказывались от всякой ответственности за возможные случайности и утверждали, что результат поездки, во всяком случае, был бы очень плох. Водораздел лежит высоко, погода там теперь ужасная, путь длинен; ни люди, ни собаки не смогут найти дороги -- вот доводы, приведенные против немедленного продолжения путешествия. Как ни мало привлекательным представлялось оставаться в Пущине -- среди населения, сплошь зараженного отвратительнейшею болезнью, но выбора не было: мы были как бы в плену. У здешнего тойона я видел превосходную одежду -- шубу для очень сильных холодов, так называемую гагаглю. Это, собственно говоря, та же куклянка, но сделанная не из летней шкуры оленя, а из зимней дикого барана; кроме того, шуба эта еще опушена длинной медвежьей шерстью.

29 января, уже в 2 часа утра, мы тронулись в путь и лишь в 4 часа пополудни прибыли в Ганал. Дороги не было и следа. Всюду лежали массы глубокого, мягкого снега, постоянно увеличивавшиеся еще выпадением свежего; термометр показывал -27° . Несмотря на то, что впереди шли на лыжах два человека, утаптывавшие дорогу, собаки едва пробивались, постоянно останавливались и начинали выть. Почти каждые полчаса приходилось останавливаться, чтобы дать роздых людям и животным, хотя караван шел только шагом. Наконец мы достигли цели, но несмотря на нашу сильную усталость Завойко стремился далее вперед -- в Малку, чтобы избежать страшных, зараженных болезнями домов Ганала. Таким образом, в 5 часов мы опять тронулись в путь. Это был, вероятно, самый рискованный, самый утомительный переезд, какой мне приходилось когда-либо делать. В темень, в метель, по глубокому снегу, местами наваянному в целые горы, -- вот как пришлось нам ехать. Люди на лыжах так же мало подавались вперед, как и собаки. Бесчисленное множество раз мы опрокидывались. Завойко то и дело вываливался из саней в снег. К тому же мы потеряли дорогу и попали таким образом в еще большие снежные кучи и сугробы, в которых наши проводники вязли до того, что пропадали из виду. И такие сугробы наполняли долину во всех направлениях! Только справимся с одним -- опять застреваем на другом. Собаки запутывались в своей длинной ременной упряжи, -- приходилось распутывать их и шагать по глубокому снегу,

проваливаясь почти до пояса. Коротко сказать, наше положение было весьма неприятно. Наконец, смертельно измученные, мы в час ночи прибыли в Малку, где очень обрадовались, найдя, наконец, кров, и остались уже на ночлег в уютной, теплой избе тойона. Обширная, широкая долина р. Камчатки образует, собственно, ядро всего полуострова и тянется с севера на юг. К области истоков самых больших рек страны эта долина быстро суживается и повышается. Затем, перейдя через водораздел, она опять открывается к югу, образуя долину р. Быстрой, и лишь в 15 верстах к югу от Малки делится на юго-западную и юго-восточную долины. По юго-западной долине р. Быстрая течет в Охотское море, между тем как более высокая и узкая юго-восточная долина открывается к Начике. Здесь-то, в очень близком расстоянии от р. Быстрой, в котловинообразном расширении долины расположена Малка, а в нескольких верстах к востоку от этого острога находятся горячие ключи, у которых в прежнее время стояли купальня и госпиталь. 30 января, в хорошую погоду, мы отправились в Начику, куда и прибыли в 12 часов дня. По дороге от Ганала через Малку к Начике со всех сторон открываются горные пейзажи; особенно живописные долины, окруженные горами и скалами, приходится проезжать на пути от Малки до Начики. Только немного не доезжая Начики, долина несколько расширяется, а в версте расстояния отсюда, немного в сторону -- к востоку, находятся горячие ключи. Само поселение расположено на реке того же наименования, которая, протекая к западу, у Большерецка соединяется с р. Быстрою и, начиная отсюда, носит название Большой. Истоки этой реки находятся далеко к югу, близ истоков Паратунки. В той же области лежат еще истоки двух больших притоков р. Начики, именно Банной и Карымчиной, которые, направляясь с юга, впадают в Начику близ острога Апахи.

От Начики путешественник поднимается по небольшой боковой долине к северу и через небольшой перевал, окруженный высокими горами, проникает в длинную долину, поросшую частым березовым лесом (*B. Ermani*) и ведущую все под гору до Коряки. В долине протекает ручей Коряка, принадлежащий к системе Авачи. Окружающий пейзаж опять очень живописен, очертания гор круты и зубчаты. В одном месте, по правую сторону долины, я заметил ясную слоистость. Слои были нарушены и падали к северу. Недалеко отсюда, а также близ Малки, встречается прекрасная, совершенно белая глина (каолин), которую местные жители белят свои комнаты. Такая же глина, как говорят, встречается и в других местах страны и служит для той же цели.

На свежем снегу виднелось множество следов соболей, лисиц и зайцев. Мы проехали мимо двух юрт, выстроенных с целью дать путешественникам и охотникам возможность укрыться от вьюги, и рано вечером прибыли в Коряку. Утомление от вчерашнего дня еще давало себя так сильно чувствовать, что мы решили расположиться здесь на ночлег. По местному обычаю дома, где останавливаются почетные лица, окуриваются в честь высоких гостей можжевельником. Здесь эта почесть воздана была Завойко в такой мере, что несмотря на продолжительное проветривание комнат мы утром 31 января все-таки встали с головной болью, а потому пораньше отправились в дальнейший путь. Дорога шла длинным, невысоким проходом с двумя крутыми спусками и все время не выходила из прекрасного березового леса. Таким образом, в 9 часов утра мы приехали в Старый Острог, к старику Машигину, а оттуда в 12 часов -- в Авачу и в 2 часа -- в Петропавловск, где наш приезд был совершенной неожиданностью.

После благополучного возвращения воспоминание обращается к пережитому во время путешествия, а потому я еще раз вкратце резюмирую свои впечатления. Сообщить я могу лишь немного, потому что путешествие совершено было зимою и очень спешно, а к тому еще большею частью при крайне неблагоприятной погоде. В 17 дней мы проехали в оба конца 1500 верст, причем многие из этих дней пропали в борьбе со снегами и бурями. К северу от истоков р. Камчатки (Камчатская Вершина) мы почти непрерывно встречали очень низкую температуру: мороз был не менее -22° , но нередко

стужа доходила до --30° и даже гораздо более. Мне казалось также, что снежные массы к северу от Вершины были более обильны, чем к югу от нее.

О растительном царстве приходится сказать немного, потому что все живое погребено было под глубоким снегом. Скажу только о древесных породах, что, начиная с Петропавловска и почти до Пузиной, *Betula Ermani* составляет преобладающую древесную породу среди сухих лесов. Низменности же, а особенно берега рек, порастают высокими тополями и высокоствольными ивами (ветловником). *B. alba* встречается уже на Вершине, но здесь играет второстепенную роль, а к северу становится чаще. Между Милковой и Кыргаником путешественник, направляющийся к северу, впервые встречает хвойные породы, а именно лиственницу. Сперва попадаются только одиночные деревья, мелкие и разбросанные среди лиственного леса, но вскоре они увеличиваются в числе и приобретают больший рост, так что между Кыргаником и Машурой видны уже очень хорошие стволы. У Машуры впервые появляется и пихта, образующая у Чапиной и Толбачи целые леса. Так эти обе породы к северу доходят до Еловки, где и проходит северная граница хвойного леса. На юге и западе Камчатки его совсем нет. Он исчезает точно также к северу от Еловки и опять встречается лишь на дальнем севере, на Анадыре, следовательно, далеко вне пределов Камчатки. Хвойного леса нет и на востоке, если не считать маленького, совершенно изолированного пихтового леска на р. Семячик. Таким образом, в долине Камчатки наблюдается как бы большой остров хвойного леса, заключенный среди лиственного. Остров этот ограничен с юга Кыргаником, с севера -- Еловкой, с запада -- Срединным хребтом, с востока -- большим рядом вулканов.

Относительно животного населения также могу сообщить немного. В Верхнекамчатске нам говорили, что здесь перезимовывают лебеди. В самом деле, на незамерзшей реке мы видели множество этих птиц вместе с разными видами уток. О том же нам сообщили и при устье р. Камчатки, где сверх того показываются тюлени и сивучи, а иногда даже моржи. Судя по тому, как часто нас угощали почти во всех острогах превосходным жарким, нужно думать, что горы Камчатки еще изобилуют дикими баранами и дикими северными оленями. Далее вообще довольно значительная охотничья добыча местных жителей в этом году была особенно богата соболями и лисицами, следы которых, вместе с заячьими, мы часто замечали в большом количестве на свежем снегу. Сверх того, нередко, особенно в березовых лесах, встречался особый вид глухаря, и всюду во множестве попадались белые куропатки. Горы представляют вообще закругленные или изорванные формы, так что нептунические формации играют здесь, должно быть, очень второстепенную роль или разрушены и дислоцированы.

Из вулканов большая Толбача и Ключевская сопка проявляли свою деятельность выбрасыванием столбов пара. Явление это было особенно величественно на Ключевской сопке. Крестовская и Ушкинская сопки, которые обе поднимаются очень близко от Ключевской, казались совершенно безжизненными. Таким же безжизненным казался мне и Шивелюч, хотя местные жители уверяли, будто видели пары, выходившие из его кратера. О Кроноцкой и Жупановской сопках я не получил никаких сведений. Зато Семячик с осени 1851 г. проявлял очень оживленную деятельность, судя по тому, что пепел, обильно выпадавший у Кырганика, Милковой и Верхнекамчатска, происходил, по словам жителей, из этого вулкана.

Горячие ключи были мне указаны у Начики и у Малки. Кроме того, я узнал еще об одном таком же ключе на Банной и одном на Сику (и Банная, и Сику впадают в Начику с юга). Наконец, к тому же роду явлений принадлежат, вероятно, и те озера и участки рек, которые не замерзают даже при 30° мороза, как, например, озеро у Ушков, река у Верхнекамчатска и рукав реки близ Ключей, изобилующий ключами и потому давший имя этой деревне.

Из 22 небольших поселений, которые мы проехали на своем пути, 8 имеют русское или, по крайней мере, не исключительно камчадальское население. Перечень этих 8

поселений, по их величине, следующий: Ключи с 50 дворами, Милкова с 27 и Нижнекамчатск с 20, поселение у устья Камчатки с 15, Авача с 6, Верхнекамчатск с 10, Старый Острог с 8 и Кресты с 5. Остальные 14 острогов все более или менее камчадалского происхождения. Некоторые из них, как Начика, Ганал, Пущина и Каменный, находятся в самом плачевном состоянии и, по-видимому, вымирают, причиной чему страшная болезнь (сифилис), часто заканчивающаяся ужаснейшими накожными страданиями. В этих несчастных местах нередко работа на все население возложена на одного-двух еще сколько-нибудь пощаженных болезнью лиц: они рыбачат и охотятся, чтобы достать средства прокормления для острога, возят дрова и т. д. В нищете и беспомощности эти несчастные ждут своего печального конца.

Прочие остроги производят впечатление большего порядка и зажиточности. Особенно это заметно там, где национальный элемент является еще вполне преобладающим и слышна камчадалская речь, Кырганике, Машуре, Чапиной, Толбаче и Козыревске. Весьма важное приобретение для страны и ее населения -- это повсеместная замена старинных земляных юрт русскими домами. Во всех перечисленных поселениях я встречал только хорошо выстроенные теплые избы, очень ценимые местными жителями.

Все камчадалы -- православные. В Милковой, Нижнекамчатске и Ключах есть церкви. Сверх того, во многих острогах имеются часовни, в которых от времени до времени совершают службу приезжающие сюда священники.

Огородничество и скотоводство в небольшой мере распространены здесь повсюду. Всего же более они развиты в двух больших деревнях -- Милковой и Ключах. Луга тут великолепные, с роскошной травой и допускают весьма значительное развитие скотоводства. К сожалению, именно на скотоводство обращено слишком мало внимания: развитию его не содействуют ни поощрением, ни примером. Немалой помехой скотоводству является также бесчисленное множество хищников, производящих большие опустошения. Из них, прежде всего, должно упомянуть о медведях, с весны до осени и в невероятном множестве бродящих по стране во всех направлениях. Затем очень опасны ездовые собаки, особенно для молодых домашних животных и в свободное от езды время, т. е. все лето. Наконец, в некоторых местах, например, на западном берегу полуострова, нужно опасаться волков. Лошадей держат немного, куры редки, овец и свиней совсем нет. Из овощей, пожалуй, всюду родится картофель, капуста и разные сорта репы. Возделывание же хлебных растений встречает очень серьезное препятствие в ранних ночных морозах. Поэтому, несмотря на превосходную, плодородную почву, земледелие никогда не даст здесь хороших результатов и никогда не прокормит всей страны, особенно если население станет гуще. Наряду с огородничеством и скотоводством, -- двумя факторами, имеющими серьезное значение для края, -- Камчатку кормят охота и рыболовство. Рыбная ловля (в реках -- лососи, в море -- сельди) доставляет главные пищевые средства. Продукты же охоты (на баранов, северных оленей, медведей, тюленей и различных птиц) не только доставляют очень здоровую перемену в пищу, но и еще массу предметов, необходимых в домашнем хозяйстве и во всем быту камчадалов: шкуры, кожу, ремни, постель (медвежьи шкуры). Добыча более ценного пушного зверя (соболя, лисицы, выдры) доставляет в дом предметы роскоши.

Белка, столь важный для всей Сибири зверек, доставляющий наилучшие доходы как охотнику, так и торговцу пушным товаром, -- белка совершенно отсутствует в Камчатке. Это -- чисто лесное животное. Но так как север Камчатки вполне безлесен и отделен от лесов Сибири беспредельной моховой тундрой, а юг страны как бы образует остров леса, совершенно отделенный от лесов остального материка, то белка не могла достигнуть лесов Камчатки и распространиться в них. Я неоднократно, но, к сожалению, всегда безуспешно предлагал наловить в Аяне или Охотске большую партию этих зверьков, перевезти их живьем в Камчатку и акклиматизировать там. Весь полуостров, от берега моря до значительной высоты в горах, порос кедровником, в шишках которого созревает

очень питательный орешек. Он-то и доставил бы белке достаточную пищу, а камчадалы, таким образом, получили бы дар, который составил бы здесь источник нового, весьма прибыльного промысла.

Но первый и самый священный долг правительства, как мне кажется, заключается в оказании помощи бедным, несчастным камчадалам в смысле улучшения их санитарного состояния. Вышеупомянутая болезнь занесена в страну русским завоеванием, а потому делом совести является теперь искоренение этого страшного бича. Второе обстоятельство неоспоримой важности заключается в том, чтобы Камчаткой правили знающие и благожелательные начальники, притом правили бы на неизменных, незыблемых началах, выведенных исключительно путем серьезного и добросовестного изучения нужд страны и ее жителей.

Но таким началам никогда не следовали. Губернаторы оставались здесь обыкновенно не более пяти лет, и каждый из них вводил свою собственную, самым составленную систему. Все сделанное предшественником, хорошее и дурное, -- безразлично, упразднялось. Одна только новая система могла принести счастье краю. Конечно, народ сбивался с толку, потому что никакие порядки не могли при таких условиях упрочиться, а еще менее -- дать плодотворные результаты. Камчадалы очень послушны, можно даже сказать беспредельно покорны. Всякое приказание, даже самое нелепое, безусловно выполняется ими. При этом они очень хорошо знают, что уже ближайший по очереди начальник все повернет вверх дном. Они очень толково оценивают различные мероприятия и заранее знают, что для улучшения их положения не последует никаких практических результатов. Камчадалы действительно не в состоянии постичь, чего же, наконец, от них требуют, и что с ними будет. Последний пункт, впрочем, стал для них уже совершенно безразличным. Все они достоверно знают только одно: начальник имеет неограниченную власть над бедными камчадалами, его приказания должны безусловно исполняться, а через пять лет, с приездом нового начальника, последуют другие распоряжения, долженствующие, вероятно, снова перевернуть все, до той поры сделанное. Местные старожилы, пережившие уже многих начальников, с юмором отчаяния рассказывали мне, что здесь делалось в этом роде.

Чиновники, большинство которых приезжают сюда из-за тридевяти земель, никогда не стараются изучить по существу страну и ее население. Они приступают к делу с совершенно чуждыми стране взглядами и затевают соответственные этим взглядам преобразования. Нисколько не подготовленные к административной деятельности, без всякого политико-экономического образования, они хотят привить чуждые ростки на совершенно не подходящей для того почве. Естественно, что такой режим не может не терпеть постоянных неудач. Это же, отчасти, составляет причину того, почему такие страны, как Сибирь и Камчатка, не идут по пути правильного развития.

Истинная задача благомыслящих, дельных чиновников, желающих содействовать улучшению народной жизни, заключается в том, чтобы помогать и способствовать самобытному развитию вверенного им населения, а не управлять по шаблонам, взятым издалека, выработанным при совершенно других условиях жизни. Они не должны также считать все существующее подлежащим упразднению единственно потому, что оно им незнакомо и непонятно, и находить подходящим для всякой страны только то, что они знали у себя на родине. Когда власть в руках таких людей, они все гнут в дугу. Для них главное -- доклад высшим властям о произведенных реформах. Доклад должен выставить в розовом свете все великие нововведения и иметь в результате повышение в чине, получение ордена и денежные награды. Такой человек поступает на службу не для блага страны или народа, а исключительно только ради собственных интересов. Служба в отдаленных окраинах связана с большими выгодами. Чиновник быстро выслуживается и затем преследует свои личные, честолюбивые и своекорыстные цели, нисколько не заботясь о пользе края, а, следовательно, и государства.

Придерживаясь постоянно хронологического порядка в своих описаниях, я выше (стр. 108--130) уже говорил о первой половине моего пребывания в Петропавловске зимою 1851 -- 1852 гг., т. е. о времени, предшествовавшем моей поездке в Нижнекамчатск, хотя по недосмотру и не пометил этого описания особым заголовком. Теперь мне остается только в последующих строках описать вторую половину того же периода, начавшуюся после возвращения из упомянутой поездки.

Прибыв в Петропавловск, я едва узнал этот уголок: так много выпало за это время снега. Некоторые из маленьких домов почти совершенно исчезли под снегом, и улицы так поднялись, что из окон нужно было буквально смотреть вверх, чтобы увидеть прохожих. Одновременно с этим температура была постоянно умеренная, именно maximum мороза был 7--8° и только один единственный раз дошло до --12°.

Утро 1 февраля принесло нам большую радость, потому что ночью прибыл из Иркутска курьер с множеством писем и газет. Одновременно с тем пришло много наград и производств для чиновников. Между прочим, я получил письмо от моей матери, которое, как и все другие, писанные этой дорогой рукой, было полно заботливости обо мне. Я упоминаю здесь об этом письме и особенно об одном известии в нем потому, что оно имело последствием такое позднее появление настоящего отчета о моем путешествии. Заботясь об обеспечении моей будущности, мать купила довольно большое имение в Лифляндии и в письме сообщала мне об этом. Она достигла цели в большей мере, чем можно было предполагать, и сама еще успела пожать богатые плоды своего посева. Упоминая об этом с полнейшей и искренней благодарностью, я должен, однако, заметить, что приобретение имения совершенно отклонило меня от первоначально избранной научной карьеры.

17 февраля курьер отправился обратно, и, таким образом, я имел случай послать матери выражение горячей благодарности за ее любовь и внимание.

Следующие месяцы моего пребывания в Петропавловске перед первой летней поездкой представляют, в общем, так мало достопримечательного, что я относительно всего этого времени могу ограничиться лишь самым кратким очерком.

Февральские дни были большею частью очень хороши, и солнце уже начинало понемногу пригревать. В половине месяца уже появилась маленькая белая птичка, похожая на воробья, которую не было видно зимою. Только пять дней, именно 6, 10, 22, 23 и 25-го были вьюги при южном и юго-восточном ветрах. Они принесли такие ужасные массы снега, что 24-го, например, пришлось созвать всю команду для очистки домов хоть настолько, чтобы высвободить двери, окна и трубы и избавить крыши от громадной тяжести. Температура в феврале была большею частью 4--6° мороза, maximum мороза равнялся --8°.

Вся наша общественная жизнь потекла просто и тихо, чему, конечно, способствовал начавшийся 11-го пост. Вообще, здешние обыватели, а особенно семья губернатора, строго соблюдали все церковные постановления. От времени до времени еще устраивались поездки и небольшие собрания, но все очень скромные.

Первая половина марта также принесла с собой довольно сильные вьюги. Они свирепствовали 2-го и 3-го числа, затем ежедневно от 8-го до 12-го и, наконец, 14-го. Напротив, всю вторую половину месяца стояла прекрасная погода. Самый большой мороз достигал --5°, а на солнце термометр часто показывал несколько градусов тепла. Нередко встречались уже прилетные птички, и среди них опять одна небольшая, беленькая с желтой головкой. На большой Авачинской губе уже слышны были громкие голоса разных водяных птиц и часто виднелись большие стаи их, то взлетающие, то опять садившиеся. 15 марта ветром выгнало последний лед из большой губы в море, так что только маленькая бухта еще оставалась покрытою льдом. В последние мартовские

дни снеговые массы заметно уменьшились, т. е. сильно осели; местами выступала обнаженная земля. В саду у Завойко также шла оживленная деятельность, так что 25 марта за обедом мы были неожиданно обрадованы свежим салатом и редиской, выращенными в губернаторских парниках.

2 марта в Петропавловск явились в высшей степени замечательные гости. В первый раз сюда пришли ламуты. Четверо мужчин этого племени приехали утром прямо к Завойко, чтобы спросить у него, где бы всего выгоднее продать им свою охотничью добычу. Ламуты -- тунгусское племя, кочующее по западному берегу Охотского моря, приблизительно между Аяном и Ижигинском. Побуждаемые, вероятно, теснотою родного места, многие из них собрались всей семьей, пробрались через Пенжинский край, заселенный коряками, и заняли обширные, безлюдные части Камчатки, главным же образом Срединный хребет и западный берег. Здесь пришельцы нашли огромные пастбища для своих оленей, очень рыбные реки и богатую охоту. За первыми колонистами последовали многие другие их соплеменники, так что всего (правда, по их собственному показанию) в Камчатке было теперь 35 мужчин и 37 женщин ламутского племени. Сначала (полагают, что впервые они здесь появились лет 9--10 тому назад) ламуты избегали встречи с чуждыми людьми и всяких заселенных мест из опасения, что они будут прогнаны как самовольные пришельцы и даже, пожалуй, подвергнутся наказанию. Потом, однако, случайно встречаясь с камчадалами-охотниками, они убедились, что ни камчадалы, ни власти их не преследуют. Тогда они стали смелее, оставили свои дальние притоны, начали посещать некоторые камчадальские остроги и по вызову местного начальства стали являться к уплате податей (ясака). Наконец, теперь они решились обратиться к самому губернатору. Завойко прикомандировал к ним чиновника, и вот ламуты, в высшей степени довольные, отправились с массой своих товаров по купцам. Взамен привезенных соболей и лисиц они получили охотничьи припасы, табак, бусы, кое-какие железные изделия, котлы, некоторые материи. Ламуты рассказывали, что они поселились в окрестностях Большерецка, купили собак, устроили нарты и очень довольны своей новой родиной -- Камчаткой. Очень интересным и важным представляется теперь вопрос: не послужат ли эти крепкие, здоровые и деятельные кочевники к тому, чтобы постепенно заменить все более вымирающих камчадалов и снова заселить безлюдную Камчатку?

7 марта оживился и порт. Началось снаряжение судов и починка лодок. С транспорта "Иртыш" стали выгружать жернова, привезенные на нем из Аяна. Я был очень удивлен, увидев давно знакомый мне финляндский рапакиви -- гранит, имеющий такое разнообразное применение в больших монументальных постройках Петербурга. При этом я узнал, что камни действительно привозятся в Аян вокруг света на судах. Это было так наивно-глупо, что я просто своим глазам и ушам не хотел верить! Здесь, в стране прекрасных лав и трахитов, превосходящих своею добротностью французские и рейнские жернова, эти породы остаются без употребления, и в то же время сюда привозятся из чрезвычайно отдаленных мест каменные массы, негодные даже для жерновов по своей мягкости. Сколько другого груза, действительно крайне ценного для этой бедной страны, можно было бы привезти вместо ненужных каменных глыб!

В этот же день сюда прибыла ordinaria зимняя почта из Аяна через Ижигинск и снова доставила письма и известия в наш страшно отрезанный от мира уголок. Никаких особенных новостей, однако, не оказалось. Некоторое внимание возбудило лишь то обстоятельство, что Камчатка получила новый, утвержденный Императором, герб: три заостренных действующих вулкана среди серебряного поля.

С середины марта в Петропавловске почти ежедневно появлялись камчадалы, чтобы здесь, в центре торговли, променять свою добычу. Отсюда они возвращались домой, обильно нагруженные желанным товаром. Завойко приучил их к такому способу торговли, чтобы по возможности оградить этих бедняков от алчности странствующих торгашей. Эти торговые поездки камчадалов из году в год все больше распространялись,

и в настоящем году уже появились жители более отдаленного севера. В числе новых пришельцев были также и члены вышеупомянутой (стр. 129) подвижной ярмарки, которая вернулась с сопровождавшим ее чиновником и, по-видимому, также доставила прекрасные результаты участникам. Март здесь самый подходящий месяц для разъездов. Чувствительное уже действие солнечного тепла днем, сменяемое морозами ночью, ведет к образованию прочного слоя льда на снегу, благодаря чему езда очень облегчается: можно ездить напрямик через всякие препятствия, не ища никаких дорог. В это время года все места в Камчатке как бы сближаются между собой, так как расстояния между ними быстрее проезжаются.

Все дома в Петропавловске были теперь переполнены приезжими, так как каждый камчадал имеет здесь своих знакомых, гостеприимством которых и пользуется. По здешним понятиям считается совершенно в порядке вещей запросто приезжать к хозяину и жить у него на хлебах. Так уж принято повсеместно во всей Камчатке. Домовладелец прямо щеголяет числом своих гостей, а полное их отсутствие считается неприличным.

Благодаря множеству приезжих можно было узнать также кое-какие новости изнутри страны. На Ключевской сопке в феврале и начале марта виден был огонь; то же наблюдали проезжие и на Авачинской сопке. Один старик из Милковой, Кокшарев, сообщал как о чем-то несомненном, что дождь пепла в Милковой пришел с Семячика, притом с Большого, который отнюдь не следует смешивать с Малым Семячиком, -- вулканом, высящимся недалеко от первого. Итак, в сентябре 1851 г. Большой Семячик был в полной деятельности. Кокшарев благодаря своим охотничьим странствованиям был очень известен в той местности и передавал это известие как не подлежащее ни малейшему сомнению.

Купцы довели свою зимнюю поездку этого года до северных олюторцев и навезли всевозможные сокровища. Сверх дорогих пушных зверей они приобрели большое количество оленьих шкур, идущих на шубы, выделку кожи и другие надобности. Эти шкуры носят в торговле различные названия, смотря по возрасту доставившего их животного. Соответственно этому они также получают различное применение и представляют неодинаковую ценность. Олени телятся в феврале, марте, а также еще в апреле. Самые молодые животные доставляют наилучшие и наиболее ценные шкуры. Животные, зарезанные в апреле и мае, доставляют самые дорогие шкуры, так называемые выпоротки; шкуры убитых в июле -- пыжики; сентябрьские -- недоросли; шкуры старых оленей -- постели. Сверх того в торговлю идут еще два сорта оленьей кожи, высоко ценимые во всяком хозяйстве: во первых, дымлянка, т. е. прокопченная и потому крайне прочная, долговечная кожа; во-вторых, ровдуга -- сорт, приготовляемый вроде замши. Большинство оленьих шкур приходит от чукчей и коряков. Последние готовят также куклянки, которые и доставляют в торговлю. Почти все без исключения куклянки, употреблявшиеся в Петропавловске, были коряцкой работы, которая легко узнается по красоте широкой узорчатой обшивки.

Олюторцы -- оседлые коряки, не имеющие оленей. В этом году несчастных постиг голод. В реках местности, обитаемой ими, совсем нет лосося или есть очень мало, так что олюторцы принуждены для своих запасов ловить разную мелкую морскую рыбу. Главным образом это уики, род сельди в 2 -- 3 дюйма длиной, и (по-олюторски) хакельча (*Gasterosteus cataphractus* Pall). Прошлым летом и осенью они не имели счастья в лове, запасы приходили к концу, и они с нетерпением и впроголодь дожидались весны, а с нею -- и нового лова.

В самом начале марта уже показались первые сельди близ морских берегов. Здешние сельди, по меньшей мере, так же хороши и вкусны, как лучшие голландские, которым не уступают даже в величине; только приготовление их оставляет желать еще многого. Всюду у берегов стала уже пробуждаться жизнь морских животных. Это замечалось везде, где только была открытая вода. В небольшой бухте, вокруг судов, зимовавших

там, всю зиму поддерживалось широкое, свободное ото льда пространство. Уже около середины марта можно было наблюдать в этом пространстве большое оживление. Вода здесь была совершенно наполнена тысячами маленьких ребровиков, имевших от 1 миллиметра до 4 сантиметров в поперечнике и весьма живо двигавшихся. Чем меньше были животные, тем оживленнее было их движение и проще форма. Они были бесцветны, прозрачны, как стекло, и с красными нитями; большие особи представлялись скорее молочно-белыми. По форме ребровики походили на опрокинутые тюльпаны или овальные колокола. По бокам у них заметно было 4 ребра, из коих каждое усажено было парными темными бородавочками. На каждой из последних сидело множество почти микроскопических ресничек, быстрое движение которых вызывало чудную игру цветов. Посреди колокола были прикреплены длинные красные нити, глубоко вдававшиеся в тело и, по-видимому, кончавшиеся в центре его красным пятном. Тело самых маленьких животных походило на стеклянную бусу с красным центральным пятном, от которого отходили нитевидные придатки. У больших и средней величины экземпляров эти нити, числом две у каждой особи, были громадной длины сравнительно со всею длиной тела. Животное могло по произволу производить различные движения этими нитями, притом обеими одновременно или каждой порознь: то они вытягивались, то чрезвычайно быстро свертывались в спираль и подтягивались к телу. От каждой из больших нитей в свою очередь отходило бесчисленное множество чрезвычайно тонких придаточных нитей, которые могли спирально обвиваться вокруг главной. Таким образом, непрерывно вытягивалось и свертывалось бесчисленное множество нитей, причем и сами животные проявляли большую подвижность. Пойманные экземпляры распадались очень быстро как в воде, так и в спирту.

30 марта мы праздновали Светлое Воскресенье. После торжественного богослужения в церкви, при котором обязательно было всем присутствовать и которое продолжалось от полуночи до 2 -- 3 часов утра, все прямо из церкви отправились для поздравления в дом губернатора, где для собравшихся на длинных столах выставлено было обильное угощение. Мы закончили пост за столами, ломившимися под тяжестью разных мясных, яичных и молочных блюд. После этого угощения, продолжавшегося почти до 6 часов утра, начался обмен визитами. В ближайшие затем дни состоялось опять несколько вечерних собраний, а Завойко устроил даже бал.

Апрель был уже решительно весенним месяцем, хотя в городе оставались еще очень большие снежные массы. Но эти массы все более и более съеживались и заметно стали исчезать. Днем совсем уже не было морозов, а ночью -- лишь изредка, да и то небольшие. С другой стороны, стали перепадать дни, в которые тепло доходило до 9--10°. К тому же уже в начале апреля было несколько дождливых дней, очень сильно уменьшивших количество снега. Даже довольно сильный снег, выпавший 6, 7, 11, 18 и 28-го, доставил, собственно, больше воды, чем снега, и имел почти то же влияние, что и дождь. Перелетные птицы стали уже появляться в большом числе, и 13 апреля высоко в воздухе раздалась впервые веселая, весенняя песня жаворонка. Бухта уже оживилась тысячами водных птиц, нередко поднимавших оглушительный крик. 7 апреля сильный ветер освободил ото льда вход в малую бухту, и вслед за тем немедленно потянулись туда большие стаи сельдей.

В течение Пасхи меня навестил мой старый приятель Машигин из Старого Острога, который принес мне кое-какие каменные орудия, вырытые им из старых, давно заброшенных камчадалских землянок. Старик сообщил мне, что такие старые, давно разрушенные и провалившиеся земляные юрты очень часто встречаются на восточном берегу Камчатки и что при раскопках в них находят разные предметы, каковы: каменные орудия, моржовые зубы, кости, черепки очень грубых глиняных сосудов, колья и куски дерева. Принесенные мне предметы состояли из обсидиановых и яшмовых наконечников стрел, затем из плоских продолговатых орудий, сделанных из того же материала, и на одной стороне с округленным заостренным краем. Совершенно подобные этим орудия я

впоследствии нашел еще в полном употреблении у коряков: коряцкие женщины отскабливают такими камнями шкуры при выделке кожи. Обсидиан, темные серо-зеленые яшмы и другие кварцы, богатые кварцем и диоритовые сланцы -- вот породы, которыми древние обитатели страны, по-видимому, особенно охотно пользовались для выделки подобных орудий.

Как до, так и после моего пребывания в Камчатке мне приходилось неоднократно видеть в музеях и коллекциях каменные орудия, причем меня всегда поражало то обстоятельство, что все эти предметы, оставшиеся с первобытных времен существования народов, представляют удивительнейшее, мало сказать, сходство, а прямо -- тождество формы и применения; -- обстоятельство, тем более поразительное, что каменные орудия происходят из самых отдаленных друг от друга стран и составляют дело рук самых различных племен. Каменные изделия, вырытые в Америке и Азии, сходны как между собою, так и с вырытыми в Европе. То же сходство формы и применения наблюдается еще и теперь на каменных орудиях, употребляемых иными племенами, стоящими на очень низком уровне культуры и отчасти разделенных друг от друга большими расстояниями. Наконец, эти современные орудия совершенно тождественны с орудиями первобытных времен. То обстоятельство, что породы, выбираемые для изготовления каменных изделий, всюду одни и те же, еще не так удивительно, потому что всякое племя, само собою разумеется, прибегало к наиболее часто встречающимся очень плотным и твердым породам. Следовательно, выбор всегда должен был останавливаться на кварцах и богатых кварцем минералах или, в областях вулканических, на обсидианах. Поразительнее тот факт, что всюду и всегда оставались вполне сходными как форма, так, по-видимому, и способ изготовления каменных орудий. Способ этот, во всяком случае, везде заключался в постепенном отбивании осколков при помощи искусно направленных ударов твердым предметом. Передо мною лежали теперь каменные орудия из Камчатки, бывшие, вероятно, здесь во всеобщем употреблении еще незадолго до завоевания края русскими, т. е. в 17-м веке, и эти орудия опять вполне были сходны по формам с европейскими.

Прибытие в Петропавловск старика Машигина, собственно, имело одну лишь цель, именно представить здешним властям молодого тойона из острога Явиной, находящегося на западном берегу близ мыса Лопатка. Машигин познакомил этого тойона и со мною, причем я получил от нового знакомого несколько очень красивых жемчужин, часто находимых в одном виде *Unio* в р. Голыгиной. Жемчужины величиною с небольшую горошину, очень часто белого цвета и с некоторым перламутровым блеском. Оба охотника много рассказывали про свою охоту; между прочим, по их словам, волк редко встречается в средней и восточной Камчатке; на западном же берегу, напротив, он очень обыкновенен и причиняет там много вреда. Медведи, по словам тех же охотников, большею частью уже покинули свои берлоги и бродят теперь по стране; пока корму еще мало, встреча с ними небезопасна. Явинский тойон приехал сюда на саних и нисколько не сомневался в том, что вернется домой тем же способом. Он говорил, что внутри страны еще полная зима, особенно в более возвышенных местностях и в горах.

Мне, следовательно, еще нечего было и думать о скорой летней поездке. Да и выбор направления, какому я должен был следовать, к сожалению, все еще не был окончательно установлен. Мне хотелось отправиться на юг, именно посетить деятельную Авачинскую сопку, далее вулканы на Курильском озере и вообще познакомиться с южными горами. По этому поводу я вел много переговоров с явинским тойоном и Машигиным. Завойко, напротив, по-видимому, обнаруживал более склонности к поездке на север. Таким образом, наши планы оставались шаткими. Как бы то ни было, об отправлении в дорогу нельзя было и думать. Все горы были еще покрыты глубоким снегом.

Если уже апрель приблизил весну, то май сделал это в гораздо большей мере. И теперь еще местами лежали немалые кучи снега, а на малой бухте лед был настолько крепок, что еще 7-го по нему ходили. Но все же победа уже решительно склонилась на сторону весны, которая исполинскими шагами приближалась к нам, принося с собою тепло, пестрые цветы и веселое пение птиц. 6 и 11-го опять, но уже в последний раз, немного выпавшего снега напомнило нам о зиме, а 10-го северный ветер совершенно освободил Петропавловскую гавань ото льда. Тепло быстро усиливалось, и последние остатки снега исчезали с изумительной скоростью. Вторую половину месяца можно было назвать поистине летнею; 15° и 18° тепла не представляли уже ничего необыкновенного и, за исключением только 4 дождливых дней (21--24), стояла чудная ясная погода. 12-го Завойко принесли первую чавычу (*Salmo orientalis Pall.*). Это громадный лосось в 5 длины с очень вкусным мясом. Всюду с торжеством показывали рыбу, и все радостно ее приветствовали. В Камчатке первое появление странствующих рыб всегда составляет очень радостное событие. К весне запасы подходят к концу, и поэтому все население с возрастающим нетерпением ждет возобновления главного источника пищи. С первой рыбой, усмотренной собственными глазами, упрочивается также и радостная надежда на обеспеченное существование. Чавыча -- первый и вместе с тем самый большой вид в длинном ряду прибывающих лососей.

25-го я видел первую ласточку, совершенно схожую с европейской городской ласточкой, от которой здешняя отличается только красными (вместо белых) горлышком и грудкой. В тот же день стала слышна также и кукушка. Пошла пробиваться молодая зелень; в более защищенных местах показались одиночные цветы: так, кое-где цвели уже фиалки, *Rubus arcticus*, сарана (*Fritillaria*) и красивый красный *Rhododendron kamtschaticum*. Вместе с тем, впервые зашевелились насекомые: в конце мая я увидал махаона и муравьев, имевших в длину 1 -- 1 1/2 сантиметра, с черными головой, брюшком и ногами, но с буро-красным грудным щитиком и несколькими пятнышками того же цвета на голове. Далее показались некоторые лесные пчелы, мухи и злой дух севера -- комар.

Вместе с общим пробуждением природы у местных жителей проснулась охота работать. Завойко был в своей стихии. Он мог обнаруживать деятельность, распоряжаться, хозяйничать. Всюду, особенно в гавани, кипела работа. Еще в апреле Завойко задумал построить несколько новых батарей и тогда же принялся за дело. Одна из них, на Сигнальном мысу, у входа в малую бухту и, стало быть, перед гаванью, была уже готова и украшена двумя военными флагами. Две других, у входа в Авачу, еще строились. Повсюду встречались рыбаки с сетями, спешившие воспользоваться непродолжительным ходом чавычи. На судах и лодках шла самая напряженная деятельность с целью вооружения их для предстоявших морских путешествий и поездок.

4 мая открылась и навигация -- в этот день пришло сюда первое судно, именно американский китобойный барк "Фортуна". Судно это побывало уже за охотой в Беринговом проливе, но капитан, по фамилии Гэдев (Hadduve), там очень серьезно захворал, и судно вернулось поэтому сюда, чтобы доставить медицинскую помощь больному. Болезнь его заключалась в сильно развившемся страдании легких, от которого он скоро и умер. Но судно отправилось затем на промысел под командой штурмана. 8-го прибыл китобой под русским флагом, большое трехмачтовое судно "Суоми", под командой капитана Хасгагена. Это был первый китобой под таким флагом и вместе с тем -- первый опыт состязаться на поприще китобойного дела с другими нациями. Понятно, следовательно, что появление "Суоми" приветствовано было с большой радостью. Давно уже пора была самим взяться за этот промысел, а не оставаться лишь праздными зрителями того, как чуждые народности поживляются в свою пользу большими богатствами русских морей -- Охотского и Берингова. Завойко со своей стороны сейчас же в честь "Суоми" и его капитана задал торжественный обед, к которому пригласил много гостей. Это судно было выстроено в Финляндии и составляло собственность

одной акционерной компании в Або. 15-го явился небольшой бременский бриг "Лина" под командой капитана Денкера, а 20-го -- большое трехмачтовое судно Российско-Американской Компании "Атха" под командой капитана Риделя. "Атха" пришла прямо из Петербурга и осчастливила не одного из Петропавловских обывателей массой привезенных писем и пакетов. Я тоже был обрадован большой посылкой от моей матери: прекрасной двустволкою, служившей мне впоследствии неизменно полезным спутником во всех моих разъездах. Почти одновременно с "Атхой" пришло небольшое двухмачтовое судно с разными товарами из Нью-Йорка, а 28-го опять показался в нашей гавани хорошенький корвет "Оливуца", прибывший с Ситхи. Мы разом чрезвычайно разбогатели: опять появились всякие запасы, материи для платьев, провизия, разные предметы роскоши и т. д. Так как эти суда к тому же явились почти все из-под тропиков, то всюду в изобилии виднелись ананасы, кокосовые орехи, арбузы, мандарины и т. п.

Но нам предстоял еще сюрприз, приготовленный несколько авантюристской компанией. 18-го, при прекрасной тихой погоде показалось несколько вельботов, которые, идя с моря на веслах, приближались к Петропавловску. То ехали капитан и команда с американского китобоя "Георг". Капитан очень наивно рассказывал, что судно, получившее течь, лежит в бухте вне Авачинской губы и что он приехал со своими людьми искать случая вернуться на родину. Капитан Денкер согласился за известное вознаграждение выйти со своим бригом "Линой" и снять, если будет возможно, "Георга". 30-го оба судна были уже в гавани. Американец застраховал в высокой сумме свое уже не совсем новое судно и теперь, наскучив им и, желая сделать выгодную аферу, в прекраснейшую погоду и в совершенно защищенной бухте навел его на камень. Судно со всеми принадлежностями было затем за небольшую сумму куплено Завойко, расснащено и в гавани вытасчено на берег, чтобы служить магазином. Вельботы же, приобретенные вместе с судном, оказались новехонькими и в наилучшем виде.

Этот случай быстро разрешил судьбу моего путешествия, потому что Завойко предоставил мне наилучший из вельботов для поездки, которую я имел в виду произвести вдоль восточного берега Камчатки для исследования его до Нижнекамчатска.

Начало июня принесло нам чудные ясные дни. О зиме уже совсем успели забыть, и все торопились к отъезду в разные стороны. Перед расставанием, 1 июня, Завойко опять собрал у себя все общество на веселый вечер с танцами, а затем суда, одно за другим, скоро оставили Петропавловск. "Иртыш" пошел 3-го в Аян, тендер "Камчадал" -- 5-го в Ижигинск и корвет "Оливуца" -- 8-го в Аян и на Амур. Я тоже был чрезвычайно занят, желая ускорить свой отъезд.

Отдел III

ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА КАМЧАТКИ ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКА ДО НИЖНЕКАМЧАТСКА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАТНО ДОЛИНОЮ РЕКИ КАМЧАТКИ (ЛЕТОМ 1852 г.)

- 1) Путешествие в лодке от Петропавловска к устью реки Камчатки.
 - 2) Обратное путешествие в Петропавловск через долину реки Камчатки.
- Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1852--1853 гг.

1) Путешествие в лодке от Петропавловска к устью реки Камчатки

Итак, жребий был брошен. Завойко указал способ и цель путешествия на лето 1852 г., а мне, в сущности, было все равно, с какой части полуострова начать его изучение. Коротко сказать, лучше всего было то, что план был заранее вполне составлен, и теперь можно было серьезно и усердно готовиться к отъезду.

Вельбот, купленный Завойко для моего путешествия, представлял красивую, совершенно новую лодку, очень прочной чистой работы и с быстрым, хорошим ходом. Кроме этого, мне благоприятствовало еще то обстоятельство, что Завойко прикомандировал ко мне в качестве спутника штурмана и проводника одного из самых толковых боцманов, которому разрешил еще выбрать себе, вполне по собственному усмотрению, пять хороших матросов.

Иван Шестаков (так звали моего теперешнего боцмана и штурмана) был высокий, стройный, сильный и в высшей степени расторопный молодой человек, пользовавшийся вообще репутацией умного и предусмотрительного моряка и хорошего охотника и стрелка. Он был русско-камчадальского происхождения, и физиономия его ясно указывала на смешанную кровь в жилах. Рожденный и выросший в Камчатке, он с малолетства прошел самые разнообразные испытания. Благодаря своим охотничьим странствиям, некоторым морским путешествиям и своим сношениям с туземцами он знал всю страну и умел ориентироваться и найтись во всевозможных случайностях на суше и на воде. Этот человек был для меня в путешествиях истинным сокровищем, и я всегда вспоминаю о нем с величайшим удовольствием и благодарностью. Едва ли нужно прибавить, что Шестаков воспользовался как нельзя лучше данным ему разрешением самому выбрать пять матросов для нашего опасного путешествия. Все пять человек были крепкие, здоровые, отважные и расторопные ребята, так что, в случаях надобности, я мог вполне полагаться на свою команду. А такие случаи повторялись далеко не редко.

Вельбот представляет собой равномерно заостренную с обоих концов лодку длиной в 20 футов, с наибольшей шириной (в середине) в 5 футов и с килем умеренной высоты. Вельбот не имеет руля, а управляется обыкновенным длинным веслом, смотря по надобности, с одного или с другого конца, потому что с одинаковой скоростью может идти назад и вперед. Эти лодки, рассчитанные для быстрого и верного хода даже в бурную погоду, построены в высшей степени тщательно и прочно из $1\frac{1}{2}$ дюймовых, старательно выбранных дубовых досок. Вельботы очень прочны, и для них только опасны удары обо что-нибудь твердое снаружи или изнутри. Их никогда не смолят, но всегда красят снаружи и изнутри в ярко белый цвет. Для быстрого хода требуется пять гребцов, сидящих в передней части на 5 скамьях друг позади друга, но попеременно, так что трое гребут справа, а двое -- слева. Все зависит от рулевого, который должен править твердой и верной рукой, потому что малейшее движение влияет на ход лодки; и чем быстрее ее ход, тем более она слушается рулевого весла. Все пять гребцов должны грести очень равномерно своими длинными веслами и в критические моменты с особенным вниманием следить за командой рулевого. Иногда, например, как это бывает при охоте за китами или, как случалось при нашем плаваньи, при причаливании к берегу среди волн и буруна, внезапно приходится грести назад. Такие быстрые перемены хода -- то вперед, то назад -- могут иногда в короткое время по нескольку раз следовать друг за другом, например, смотря по тому, удобен ли берег для высадки или, напротив, опасен. Наконец, для полной оснастки вельбота требуется еще тонкая снимающаяся мачта и простой, средней величины парус.

Так как нам предстояло путешествие по совершенно безлюдным местам, то наше собственное снаряжение должно было вполне соответствовать такому путешествию. Не обременяя себя лишней рухлядью, мы, однако, все необходимое везли с собой. Мы запаслись двумя палатками, звериными -- преимущественно медвежьими -- шкурами для постелей, куклянками, которые имеются здесь у всякого, а также кожаной одеждой; затем мы захватили еще немного кухонной посуды и кое-какие нужные инструменты. У меня был еще узелок с шелковым бельем. Съестные припасы, взятые нами в лодку,

состояли из сухарей, крупы, гороха, соленого американского свиного сала, соли, чаю, сахару, анкерка рому и, наконец, некоторого количества овощей в консервах. Но главное наше снаряжение заключалось в ружьях (на всю команду) с большим количеством охотничьих припасов, а также в табаке. Шестаков очень практично распределил весь груз в лодке, причем особенно искусно воспользовался местом под скамьями для гребцов. Каждая вещь в течение всего путешествия имела свое особое место, так что ее легко было достать во всякое время, нисколько не мешая при этом гребцам. Таким образом, мы были снаряжены всем до последней мелочи, и 10 июня было назначено днем отъезда. Даже старые моряки, как капитаны стоявших тогда в Петропавловске судов, только покачивали головой, смотря на наши сборы. Никогда еще на Тихом океане не совершалось такое береговое плавание в маленькой лодке, и поэтому все сомневались в удаче моего предприятия, т. е. возможности достигнуть таким способом устья реки Камчатки. Я, напротив, был вполне уверен в успехе, точно так же Шестаков и вся команда были полны отваги и решимости. Таким образом, я простился с Завойко и выехал из Петропавловска в 6 часов вечера, сопровождаемый двумя лодками, в которых были мои добрые знакомые, желавшие устроить мне проводы. Мы предполагали переночевать у выхода из Авачинской губы в море, так как здесь, в непосредственной близости открытого моря, всего вернее можно было определить надлежащий момент для отплытия. В восемь часов вечера в бухте Соловарной мы в первый раз поставили наши палатки, и вокруг пылающего огня расположилась большая, веселая компания. На морском берегу, окруженном величественными скалами, в чудную летнюю ночь, среди веселого общества часы проходили незаметно. Когда, наконец, рано утром провожавшие меня отправились в обратный путь, мы тоже стали собираться в дорогу. Уже в самом начале путешествия наше маленькое суденышко наткнулось на неожиданные препятствия. Лишь только мы приблизились к морю, как нас встретило очень чувствительное волнение, образовавшееся сильным прибой у рифов; при этом весь берег к северу был закрыт густым туманом. Пришлось вернуться и отказаться от мысли выйти сегодня в открытое море. Мы расположились в маленькой бухте у подножия скалы, на которой стоит маяк, следовательно, непосредственно у выхода в море. День был пасмурный и холодный.

12 июня, рано утром, еще дул сильный юго-западный ветер, принося целые облака тумана на сушу и со страшным грохотом бросая на скалы огромные волны. Воздух был сырой, и температура его едва равнялась 10 °R. Но очень скоро стало стихать, ветер перешел через W на NW и туман рассеялся. Волнение также улеглось, оставив лишь зыбь. А когда и зыбь к полудню стала заметно уменьшаться, мы снова начали собираться в дорогу. Около часу дня мы подняли парус и вышли окончательно из Авачинской губы в открытое море.

Отвесные, высокие бока скалы, на которой находится маяк, также образуют берег открытого моря и тянутся далеко на северо-восток, до устья реки Калахтырки. Породы, слагающие этот скалистый берег, принадлежат, по-видимому, к той же формации, которая образует вход в Авачинскую губу. Темные серо-бурые массы трахитово-базальтовой породы, чередующиеся с грубыми и тонкими конгломератами, в очень многих местах проникнуты вертикальными жилами твердой, черной базальтовой лавы и образуют дикие, разорванные береговые утесы, достигающие до 1000' высоты. Перед утесами выступают из воды многочисленные камни, скалы и рифы, далеко простирающиеся в море. Некоторые из этих изолированных скал достигают размеров маленьких островов, как, например, остров Топорков и лежащая прямо против устья Калахтырки большая скалистая масса, в которой постоянным напором воды вымыты настоящие ворота. На этих скалах тысячами гнездятся чайки, чистики и другие водяные птицы, которые при нашем приближении тучами поднялись в воздух и с оглушительным карканьем и криком летали над нами. Море было оживлено большими китами, которые подвигались с севера на юг и держались вблизи берега, чтобы поживляться водящимися

здесь в несметном числе мелкими морскими животными. Эти морские великаны через определенные промежутки времени выставляли часть своего громадного тела над водой, пускали фонтан и затем снова скрывались в глубине. На нас они, по-видимому, не обращали никакого внимания. Так, один из них проплыл очень близко от нашей лодки, но ничем нас не обеспокоил.

Начиная от устья Калахтырки, берег становится совсем низменным и сохраняет такой характер, протягиваясь большой дугой на северо-восток и востоко-северо-восток до мыса Налачева. Это песчаный и щебнистый берег, который внутрь страны постепенно повышается и затем переходит в обширную безлесную тундру, простирающуюся до вулканов Авачи и Коряки. На дальнем конце этой возвышающейся равнины поднимается во всем своем великолепии вулкан Авача с дымовым облачком на вершине, а сбоку и позади Авачи выступает Коряка. Тундра как бы составляет подошву вулкана, распространяющуюся на большое расстояние и постепенно понижающуюся к морю. Этот склон, по-видимому, продолжается еще под поверхностью воды; так можно заключить из того, что до мыса Налачева вода на очень большом протяжении от берега все еще чрезвычайно мелка. Вследствие этого волны здесь разбиваются уже далеко от берега, и белый пенистый прибой часто располагается в несколько последовательных рядов.

Уже по выходе из Авачинской губы в открытое море мы заметили, что зыбь была еще очень сильна, но надеялись, что она скоро уляжется. В случае же усиления ветра мы предполагали укрыться за островом Топорковым, чтобы высадиться на нем, или у устья Калахтырки. Поэтому мы под парусом шли вперед. Но ветер крепчал, и нам через самое короткое время пришлось к досаде нашей убедиться, что у Топоркова и Калахтырки волнение усилилось до невозможности пристать к берегу. Даже приближение к этим местам было уже опасно. О возвращении также нельзя было и думать, потому что длинные рифы у маяка, возле которых мы только что еще проехали, не встретив буруна, теперь уже были в белой пене. Наконец, весь плоский берег до мыса Налачева был также для нас недоступен: здесь виднелись уже на далеком расстоянии от суши двойные и тройные полосы пенистого прибоя. Нам не оставалось, следовательно, ничего другого, как приложить все усилия к тому, чтобы добраться до этого, еще весьма отдаленного, мыса. Мы туго натянули парус и принялись сильно грести. Ветер постепенно принял восточное направление и заметно усиливался. Волны становились уже довольно опасны для нашей маленькой, тяжело нагруженной лодки и нередко перекачивались через борт, так что приходилось непрерывно вычерпывать воду. К тому же наступил вечер, и при облачном небе стало очень темно. А так как, опасаясь бурунов, мы вынуждены были держаться довольно далеко от берега, то и различали его плохо.

Наконец, немного позже 10 часов вечера, выступили перед нами неясные очертания мыса Налачева. Шестаков был вполне знаком с этой местностью и знал, что высадка здесь возможна, хотя и не без риска для нашей лодки, так как темнота и сильное волнение не позволяли ясно видеть находившиеся перед нами камни и скалы. Но оставаться дольше на море было невозможно, потому что волны достигли уже очень опасных для нас размеров и силы.

Мы быстро убрали парус и осторожно приблизились к берегу, направляясь к нему под прямым углом. Шестаков стоял, выпрямившись во весь рост, твердой рукой управляя рулевым веслом и вместе с тем внимательно и сосредоточенно всматриваясь в фарватер. Вдруг, подъехав уже очень близко, мы заметили позади лодки очень большую волну, и раздалась команда рулевого: "Грести к берегу изо всех сил!". Матросы гребли напряженнейшим образом, а лодка буквально бежала от быстро следовавшей за нами волны. Уже у самого берега волна нас подхватила, подняла и со страшной силой выбросила далеко на сушу. Но в тот же момент, как лодка уткнулась в береговой песок, мы все разом выскочили из нее и стали придерживать ее с обоих боков, чтобы облегчить ее и вместе с тем не дать обратной волне унести ее. Лишь только волна ушла, мы по

подложенным веслам вытащили лодку повыше на берег, чтобы ее не настигла следующая волна; в то же время мы торопились возможно скорее освободить ее от груза. Это был момент очень сильного возбуждения, как естественно после только что миновавшей большой опасности. Никто из нас уже не надеялся на спасение; тем лучше мы себя чувствовали, стоя уже вне опасности на суше. Едва ли на каком-нибудь берегу, у которого случилось кораблекрушение, было более беспорядка, чем на месте нашей высадки. Всюду валялись предметы, которые мы с бешеной поспешностью выбрасывали из лодки. Ничего при этом не было потеряно или разбито, но многое сильно промокло, а всего более -- мы сами.

Прежде всего мы приискали на берегу надежное место для установки лодки. Причем моряки обращались с нею с нежностью, доходившей до комизма, и все называли ее "наша спасительница". Затем мы разложили возможно большой огонь, стали собирать и приводить в порядок все вещи, а также разбили палатки. Приходилось многое обсушить у огня, а прежде всего самих себя, так как мы промокли до костей. За всеми этими работами нам пришлось лишь поздно ночью расположиться вокруг огня, чтобы подкрепиться чаем. Конечно, тему разговора составляло только что пережитое: мы спокойно обсуждали его и вырабатывали правила, как поступать впредь при высадках. Уже первый день плавания достаточно показал нам, что задуманное путешествие не обойдется без серьезных опасностей и, что главное, -- в подобные моменты не терять головы, а каждому знать свое дело и точно исполнять его. При этом нам были в высшей степени полезны опытность и умелость Шестакова. После Бога мы обязаны были сегодня своим спасением этому сильному и расторопному человеку!

В течение ночи ветер вполне перешел на юго-восток и продолжал дуть еще с большой силой, так что, выйдя утром 13 июня из палаток, мы даже не могли понять, как это возможно было пристать к берегу при таком страшном прибое. Насколько хватал глаз, вся поверхность воды представлялась белой пенистой массой, и исполинские волны с громовыми раскатами разбивались о скалы и рифы, высоко взбрасывая брызги. О выходе в море нечего было и думать, а потому мы воспользовались временем, чтобы разложить свои вещи и просушить их на сильном ветру.

Место, где мы находились, было очень близко от мыса Налачева, на берегу, совершенно лишенном древесной и кустарной растительности и окруженном скалами и умеренно высокими горами. Топливо мы собрали на берегу, на котором была разбросана масса нанесенного водой леса; между прочим, здесь валялся огромный ствол лиственницы, который, судя по его виду, должен был совершить большое морское путешествие. Очень близко от берега находилось небольшое пресноводное озеро, открывавшееся посредством узкого истока в море, и повсюду виднелись совершенно свежие медвежьи следы. Травянистая растительность была еще очень мало развита, что ясно указывало на очень недавний здесь конец зимы; в оврагах и углублениях даже лежал еще снег.

Горная панорама, открывавшаяся с более возвышенных мест, была необыкновенно красива. Принадлежность гор, окружающих Авачинскую губу, к южным горным образованиям полуострова выступала более чем явственно. По-видимому, и те, и другие сливались далеко на юго-запад. На западе от нас, более изолированно от этих южных гор, высились сопки Авача и Коряка. Авача, возвышающаяся над старыми краями кратера и дымящаяся на своей высшей, вместе с тем и новейшей вершине, обнаруживала несомненным образом, что она вместе с Козельской составляет одну горную массу, один вулкан, и что Козельская -- не более как древний, быть может древнейший, край кратера некогда обвалившейся Авачи. На этих старых краях кратера и на Козельской можно было видеть выше (стр. 102--103) описанные ребра, но еще лучше и в большем числе они виднелись на выступавшей позади Авачи Коряке. Длинные, освещенные и круто поднимающиеся скалистые гребни тянутся от снежной вершины этого чудного конуса вниз к подошве его и разделяются темными ущельями. За совершенно

недействующей Коряцкой сопкой и на той же вулканической трещине, которая начинается Авачей и простирается с юго-востока на северо-запад, тянется длинный ряд зубчатых вершин, похожих на разрушенные края кратеров и направляющихся к горам у истоков рек Камчатки и Авачи.

Параллельно этой Авачинско-Коряцкой трещине тянется другая изолированная вулканическая цепь, которая на северо-западе также приближается к Камчатской Вершине {Местное название области истоков реки Камчатки.}, а на юго-востоке соединяется с горами мыса Шипунского и им же заканчивается. Среди этой цепи, немного к северо-западу от мыса Налачева, возвышается притуплённый, всегда дымящийся конус Жупановой сопки. Наконец, между двумя названными кряжами и параллельно им тянется еще небольшая третья цепь, достигающая лишь умеренной высоты и кончающаяся у моря мысом Налачевым. Как уже было сказано, морской берег, вдоль которого мы вчера следовали, вообще очень низмен, за исключением места, называемого мысом Поворотным, где берег заметно повышается и где в то же время находится устье протекающей вблизи реки Половинной. Вчера мы в темноте не заметили ни того, ни другого. В то время как со стороны суши мы могли любоваться самыми чудными горными ландшафтами, со стороны моря нас окружало дикое волнение.

Устроившись немного, я с Шестаковым отправился в ближайшие горы, чтобы выследить какую-нибудь дичь. Отойдя не более версты от наших палаток, мы заметили диких баранов, которые паслись небольшими стадами, от 5 до 7 голов в каждом; в общем, их здесь было, пожалуй, штук 30. Эти грациозные животные уже почти совсем сбросили свою длинную, густую, светло-буровато-серую шерсть, и только у немногих виднелись еще местами клочья зимних волос; большинство, напротив, было уже вполне покрыто короткой светло-бурой летней шерстью. Движения их были очень ловки и красивы: всякий шаг, всякий скачок представлял, можно сказать, нечто грациозное. Самцы, более крупные и массивнее сложенные, с большими завитыми рогами, отделились от маток и паслись вместе; матки также держались друг друга. Внезапно послышался шум, произведенный, вероятно, скатившимся или упавшим камнем, -- и животные остолбенели. Они насторожили уши и моментально скрылись с бешеной поспешностью. Хотя Шестаков и послал им вдогонку пулю, но только ранил одно из них, как видно было по кровавому следу. На сегодня охота была испорчена, бараны далеко ушли, потому что в дальнейшем пути они нам более не встречались. Как доказательство того, что до нас кто-то здесь охотился с большим успехом, служил тот факт, что я нашел очень крупный рог, имевший по кривизне 80 сантиметров длины.

14 июля еще нельзя было выехать. Ветер все еще гнал к берегу высокие волны и держал нас в плену.

Выброшенные морем на берег мелкие морские животные не представляли особенного интереса. Мы находили разбитые раковины пластинчато-жаберных и брюхоногих моллюсков и панцири ракообразных, перемешанные с обрывками фукусов. Нередко встречался один вид *Echinus*, величиною с небольшое яблоко, с короткими иглами и очень жестким мясом; мои люди жарили его и ели с большим удовольствием. Наконец, нашелся китовый позвонок, зарытый довольно глубоко в песке и порядочной величины: его круглое тело имело от 28 до 30 сантиметров в поперечнике.

Береговые скалы у мыса Налачева и далее в глубь страны состоят из сильно разбитой трещинами и рассыпавшейся темной серо-зеленой породы, проникнутой прожилками кварца. Слоистости в ней не заметно. Порода довольно тверда и, по-видимому, изобилует роговой обманкой и тальком. Некоторые части приобрели тонкую скорлупчатую отдельность. Такие части отличались светло-зеленым цветом, сильным блеском и даже почти походили на асбест. В тех же частях были особенно многочисленны жилы белого кварца. В других местах порода несколько напоминала богатые кварцем и хлоритом слои восточного берега Авачинской губы. Все вместе производило впечатление остатка осадочных пород, подвергшихся весьма сильному воздействию извержений ближних вулканов. Кряж, кончающийся к морю мысом Налачевым, далее, в глубь страны, как бы сдавлен Авачинской сопкой с одной стороны и Жупановой -- с другой. Вполне допустимо, следовательно, что первоначально отложившаяся здесь осадочная порода до неузнаваемости изменилась под влиянием этого двустороннего вулканического воздействия. Во всяком случае, мы видим здесь породу, не сохранившую ни первоначального положения, ни прежнего своего петрографического характера, а, напротив, испытавшую чрезвычайно сильные нарушения и превращения. Оба названных вулкана в некоторой степени действовали еще и в момент нашего посещения: как с Авачинской, так и с Жупановой сопки поднимались маленькие облака пара.

Пока я был занят геологическими наблюдениями, Шестаков, страстный охотник, снова отправился на поиски и вернулся вечером, с триумфом неся свою добычу -- мясо дикого барана. Он застрелил матку и принес с собой часть ее вкусного мяса; таким образом, день закончился самым приятным на камчадалский вкус блюдом.

Волнение и ветер настолько стихли, что рано утром 15 июня мы стали готовиться к выходу в море; только сперва моя команда поспешила еще на место, где вчера был убит баран, чтобы захватить оставшееся там мясо.

В 10 часов утра, при чудной погоде и спокойном море, мы тронулись в путь. Мы столкнули лодку в воду и нагрузили ее, затем, сделав несколько шагов по мелкой воде, быстро вошли в вельбот и пошли на веслах, держась как можно ближе берега. Формация береговых утесов, высота которых вдоль нашего пути достигала 30 -- 50 футов, в существенных чертах была, по-видимому, та же, что и у мыса Налачева. Вдали над этими береговыми высотами поднималась Жупанова сопка и вместе со своим паровым облачком целый день оставалась у нас на виду. На берегу мы заметили несколько медведей, которые, по-видимому, искали каких-нибудь выброшенных водой животных. Без страха и всякого злого умысла бродили они по совершенно безлюдному берегу, не зная ни человека, ни приносимых им опасностей. На наши крики они остановились, поднялись и с недоумением стали смотреть на нас и на море. Они даже с любопытством следовали по берегу за нашей быстроходной лодкой, рассчитывая, по-видимому, на то, что море выбросит им какого-то большого зверя. В час пополудни мы пристали к небольшому живописному скалистому островку {Остров Крашенинников -- на картах Гидрографического департамента.}, который лежит верстах в двух от устьев рек Островной и Вахилия, и высадились в устье последней. Для палаток мы выбрали место на песчаной дюне между морем и рекой, на стремительных водах которой неслись еще льдины. Несмотря на то, что, высаживаясь и разбивая палатки, мы производили изрядный шум, на противоположном берегу неширокой реки, как раз напротив нас, порядочной величины медведь, не смущаясь нашим присутствием, продолжал спокойно прогуливаться и кататься по земле. По-видимому, он не обращал на нас ни малейшего внимания, хотя, наверное, нас видел и слышал. Мы также на сегодняшний день оставили его в покое, рассчитывая ближе с ним познакомиться на следующее утро.

На нашей песчаной дюне не росло ничего, кроме небольшого количества морского овса и какого-то мелкого гороха, распознанных мною по сухим прошлогодним экземплярам. Далее по берегу реки виднелось немного ольхового и ивового кустарника;

этим исчерпывалась вся растительность места, которое вообще представлялось холодным и пустынным, хотя снега уже не было видно. Вечером термометр показывал, при сильном юго-восточном ветре, всего только 8°. Взяв пеленги, я определил положение нашего места по отношению к следующим пунктам: восточная оконечность острова, лежавшего впереди нас, -- 216° (SW), Коряцкая сопка -- 265°, Авачинская -- 257° и Жупанова -- 308° (NW).

16 июня мы с восходом солнца переправились в лодке на другой берег Вахили, чтобы разыскать медведя. Едва успев сделать несколько шагов, мы увидели большого, красивого зверя, который совсем близко от нас медленно прогуливался по берегу. Шестаков из вежливости и заблаговременно предоставил мне первый выстрел. Когда я приложился из ружья, он громко вскрикнул; испуганный медведь моментально поднялся. Хотя я и не из особенно хороших стрелков, но на таком близком расстоянии трудно было промахнуться. Раненный в грудь, медведь упал и в несколько мгновений был мертв. Я упоминаю об этом трофее лишь потому, что это был первый, какой мне пришлось здесь добыть. Дальше я не буду перечислять всех убитых мною зверей, если только этого не потребуют какие-либо особые обстоятельства.

Пока мы снимали с убитого зверя шкуру, которую хотели употребить на улучшение постелей матросов, мы заметили на противоположном берегу еще гораздо большего медведя. Он направлялся прямо на наши палатки, где оставался лишь один матрос, готовивший нам пищу. Медведь был уже очень близко и вдруг в недоумении остановился, заметив палатку и огонь. Но прежде чем человек, внимание которого мы пробудили своим криком, успел схватить ружье, зверь, делая большие прыжки, с громким ревом скрылся по направлению от моря.

На левом берегу Вахили наблюдались выходы коренной породы, именно поставленные на голову явственные слои светлого желтовато-серого цвета и совершенно выветрившиеся. Они были проникнуты прожилками и более мощными (до 4 футов) жилами. Здесь также выступал довольно мощным слоем красный глинистый железняк. В реке преобладали сиенитовые и кварцевые гальки.

Недалеко от берега реки, в некотором отдалении друг от друга, находились правильные квадратные ямы, имевшие футов с 20 в стороне. Они сильно осыпались и были полны сора, но имели еще от 2 до 3 футов глубины. Это были остатки старокамчадалских юрт, большею частью с одним, реже с двумя входами, похожими на рвы. Сор лежал во многих из них до 3 футов высоты и всегда содержал уголь, кости, раковины и немногочисленные обработанные камни. Мы ограничивались здесь только поверхностными раскопками, так как впереди нас предстояло еще встретить много таких остатков, а теперь хорошая погода заставляла нас спешить в дальнейший путь. В 10 часов утра мы оставили устье Вахили и пошли на веслах в юго-восточном направлении, постоянно держась берега и пробираясь через настоящий лабиринт высоких скал, камней и рифов. Скалы были буквально покрыты морскими птицами. Многочисленные виды чаек в светлом оперении, чистики и темные, почти черные бакланы (*Phalacrocorax pelagicus*, по-русски -- урил) -- все при нашем приближении поднимались в воздух и с громким криком вились над нами, пока мы не выезжали из их области в другую, где нас встречали другие стаи таких же птиц. Среди этой массы птиц особенное мое внимание привлекали на себя две большие черные птицы, похожие на альбатросов. Благодаря необыкновенно ловкому полету они все оставались вне наших выстрелов. В то время как высоты скал были заняты птицами, на более низких частях, прилегающих к воде, лежало множество тюленей (*Phoca nautica*), а на самом берегу мы видели несколько медведей, медленно бродивших там и жадно поглядывавших на жирных тюленей, достать которых они не могли. Около двух часов пополудни, после довольно-таки медленного переезда, перед нами на северо-востоке открылась Бичевинская губа, в которую мы и свернули. Сперва, именно при входе, она имеет несколько верст ширины, но затем быстро суживается с обеих сторон, пока не перейдет

в совсем узкий проход, который ведет во вторую, внутреннюю бухту. Внутренняя бухта имеет то же направление, что и внешняя. Таким образом, обе вместе они образуют бассейн, простирающийся в северо-восточном направлении в глубь страны с лишком на 10 верст. По своей длине бассейн этот довольно узок, так как ширина его едва ли превышает три версты, и на всем протяжении он сдавлен высокими горами. Приблизительно посередине всей длины большого бассейна приходится сужение, образуемое рифами и каменными валами, лишь на несколько футов выступающими из воды. Между этими рифами и лежит только что упомянутый пролив, соединяющий обе бухты. Пролит, никак не шире 20 сажень, весьма неглубок и до того загражден подводными баррикадами, что наша небольшая лодка могла там пробраться лишь при соблюдении должной осторожности. С приложением небольшого труда можно было бы, однако, очистить описываемый проход от щебня и разбросанных камней и таким образом сделать его проходимым хоть для небольших судов, а восточный берег Камчатки обогатить, правда, маленькой, но зато хорошо защищенной и глубокой гаванью.

Мы высадились на западном берегу внутренней бухты, у устья маленького горного ручья, который вытекал из наполненного снегом оврага. Все остальные ущелья и глубокие долины, выходившие на бухту, были также более или менее наполнены снегом. Поверхностный слой его был уже совершенно мягок, и ходить по нему больше нельзя было, а, следовательно, таким путем нельзя было и проникнуть внутрь страны. Древесная и кустарная растительность отсутствовали здесь вполне, кое-где только видно было немного низкой травы. Мертвенным и пустынным представлялся весь этот горный ландшафт. Из животных мы встретили только двух больших темных медведей, которые пустились бежать от нас, когда мы стали высаживаться на берег. Начиная с более высокого предгорья и до самой бухты, здесь также рассеяно было множество остатков старинных юрт, совершенно сходных с теми, какие мы встретили в виде ям на Вахиле. На этом самом восточном берегу Камчатки, где теперь так пустынно и безлюдно, до завоевания страны русскими царил деятельная жизнь. От мыса Налачева и даже начиная еще западнее, от устья реки Налачевой, до Бичевинской губы и до мыса Шипунского, берега были покрыты множеством юрт, жилищами многих сотен людей. Достаточно было каких-нибудь 50 лет со времени завоевания Камчатки, чтобы систематическим грабежом, убийством, заразительными болезнями и водкой низвести многолюдное камчадалское население до его нынешнего жалкого состава.

Едва разбили мы свою палатку, как на противоположном берегу губы опять показался очень большой медведь. Шестаков с тремя матросами переправился туда убить зверя. Я же с двумя людьми приступил к раскопке старых камчадалских юрт. С противоположной стороны раздался выстрел, и вскоре показалась наша лодка, таща за собою на буксире большой темный предмет -- убитого медведя. В лагере с него сняли шкуру и разрезали мясо, которое для сохранения зарыли затем в одну из ближайших снеговых масс. В пяти ямах, которые я осмотрел, повторялись совершенно одни и те же находки. Везде юрты были до половины завалены разным сором, в котором попадались уголья, полуистлевшие обломки костей (в том числе нижняя челюсть медведя), части рогов горного барана и северного оленя, раковины и сгнившее дерево. Каменных изделий или осколков, отбитых при выделке их, встречалось очень мало. Но все-таки мы мало-помалу накопили достаточное количество таких предметов. Очень редко попадались костяные наконечники копий и мелкая глиняная посуда самой примитивной работы. Посуда распадалась у нас под руками и была, по-видимому, если и обожжена, то во всяком случае очень слабо. Неправильность круглых очертаний, несомненно, свидетельствовала о том, что посуда была вылеплена исключительно руками, без гончарного круга. С обеих сторон, у самого верхнего края сосудов, находились маленькие просверленные приделки вроде ручек. Верхний диаметр сосудов равнялся 12 сантиметрам, нижний 10. Наибольшая ширина -- в 14 сантиметров -- приходилась сейчас

же за верхним краем; глубина равнялась 10 сантиметрам. Сама глина почернела и сильно пропиталась ворванью, -- обстоятельство, наводящее на мысль, что описываемые сосуды служили лампами для освещения ворванью. Среди каменных изделий, извлеченных из ям, повторялись собственно лишь три главных формы, которые в точности повторялись и в других частях Камчатки, откуда естественно заключить, что первобытные жители страны вообще умели изготавливать только эти три формы. Сюда относятся, прежде всего, наконечники для стрел всевозможных размеров. Я находил эти наконечники от 3 до 12 сантиметров, большею же частью они были средней величины, т. е. от 5 до 6 сантиметров; самые большие шли, скорее, на копья. В значительном большинстве случаев наконечники были сделаны из обсидиана, и только изредка попадались сделанные из кварцев, например, из зеленой яшмы.

Вторая категория каменных орудий представляет нечто вроде топоров длиною от 6 до 12 сантиметров и с лезвием от $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ сантиметра. На всех этих орудиях очень заметна более или менее сильная шлифовка лезвия, между тем как наконечники стрел и копий изготовлены, по-видимому, лишь посредством искусного отбивания и откалывания их.

Наконец, третья категория представляет скребки, сделанные посредством отбивания и сходные с теми, которые еще и ныне в ходу у коряков для отскабливания сырых кож. Как и топоры, они приготовлены из плотного, твердого кварца. Очертание их -- удлинненно-грушевидное. Попадаются экземпляры от 5 до 6 сантиметров длиною при ширине от $2\frac{1}{2}$ до 3 сантиметров на более широком конце, который заострен и служит именно для отскабливания. Другой, более узкий конец при помощи тонких ремешков защемляется в рукоятке, состоящей из двух деревяшек в 20 -- 25 сантиметров длиною и служащей для работы скребком. Топоры также с одного конца защемлялись меж двух деревяшек, заменявших топориче, между тем, как другой конец, с лезвием, оставался свободен. У коряков с Тайгоноса я еще встречал в употреблении подобные топоры, хотя они знают также железные и даже пользуются ими.

Рано утром 17 июня мы переправились через бухту, чтобы поближе ознакомиться с ее восточным берегом. В небольших ключевых ручьях, которые начинались в ущельях и впадали в бухту, находилось немало окатанных обломков сиенитовых и даже гранитовых пород; кроме того, здесь встречались обломки зеленоватой, твердой, весьма богатой кварцем массы и очень темной, почти черной, базальтовой породы. Весь берег бухты состоит главным образом из очень богатых кварцем, твердых, но хрупких, по-видимому, содержащих хлорит пород, цвет которых варьируется от самого светлого до самого темно-зеленого; при этом темные разности, которые часто содержат друзы кварца, встречаются преимущественно на южном берегу бухты, светлые же, напротив, -- на северном. Эти зеленые, сильно истрескавшиеся породы часто бывают проникнуты темно-серыми жилами базальта, простирающимися с запада на восток и достигающими мощности от 3 до 8. В одном месте базальт даже был извергнут в виде массива и принял красивую столбчатую отдельность. В середине двух базальтовых жил наблюдались цеолиты, расположенные тонкими шнурами по направлению жилы. Близ жил в зеленой породе появлялись красные пятна, которые становились чаще и крупнее по мере приближения к базальту, пока, наконец, на месте соприкосновения с последним красный цвет окончательно не вытеснял зеленый. На месте контакта нередко также встречались конгломераты, образовавшиеся из сцементированных обломков базальта и зеленой породы. В одном только месте я нашел зеленую породу вполне слоистой, но слоистость представлялась здесь не горизонтальною, а в высшей степени нарушенною; вблизи же большой базальтовой массы описываемая порода приняла чрезвычайно тонкосланцевый характер и совершенно зеленую окраску; вместе с тем, она сильно выветрилась и распалась.

К вечеру, в проливной дождь, мы добрались до нашей палатки, которая была разбита на западном берегу бухты.

Дул сильный северный ветер, которым оторвало от берега в глубине губы несколько крупных льдин, несшихся теперь к нам. Одна из них была богато населена: более 30 тюленей расположились на одном краю льдины, между тем как на другом сидели два огромных бурых орла, жадно поглядывавших на жирную добычу. Несмотря на отвратительную погоду страстный охотник Шестаков сейчас же собрался на охоту, но на этот раз ему не повезло. Животные должны были почуять опасность, так как сперва поднялись орлы, а вслед за ними вся компания тюленей с величайшей поспешностью бросилась в воду.

Примета камчадалов, что перед наступлением бури киты непременно играют на поверхности воды, вполне подтвердилась и сегодня. При сегодняшнем нашем плавании по внешней бухте мы довольно долго и в близком расстоянии от берега наблюдали несколько больших китов, игравших в состоянии величайшего возбуждения. Иногда они выскакивали настолько, что их исполинское тело почти наполовину выходило из воды; затем, ныряя, они обнаруживали свой громадный хвостовой плавник и задние части тела. Киты то пускали фонтаны, то кувыркались, причем с такой силой ударяли по воде хвостовым плавником, что раздавался треск, как от выстрела. Иногда, казалось, они в полном смысле слова катались в воде, иногда же с такой силой налетали друг на друга, что брызги высоко взлетали в воздух. Дикую картину представляли эти исполины, находившиеся в таком возбужденном состоянии и производившие столь сильные движения.

Вечером дождь прекратился, но зато с северо-востока поднялся такой ветер, что мы всю ночь провозились около палаток, чтобы их не сорвало ветром.

18 июня ветер и дождь не прекращались, и море было до того беспокойно, что об отъезде нечего было и думать. Только к вечеру ветер стих и можно было распорядиться относительно дальнейших планов. Дело в том, что, по рассказам Шестакова, на Вахиле был найден каменный уголь, и как это ни казалось маловероятным, я решил вернуться туда, чтобы на месте исследовать вопрос.

19 июня, ранним утром, мы отправились налегке в нашей лодке, оставив палатки и багаж на берегу. Небо прояснилось, и на светлом горизонте в полной красе виднелись со всех сторон горы и вулканы. Это дало мне возможность с помощью компаса определить положение следующих вершин относительно входа в Бичевинскую бухту: Вилучинская сопка 227°, мыс Налачев 240°, Коряцкая сопка 272°, Жупанова сопка 310° и мыс Шипунский 115°. Ветер, повернувший на запад, также успокоил волнение, так что нам удалось быстро достигнуть означенного места и там высадиться. Мы проехали обратно около половины пути до Вахили. При высадке нас опять встретили неизбежные медведи: три зверя, стоя на берегу, с любопытством смотрели на нас и обратились в бегство только тогда, когда мы были уже у самого берега.

Всюду здесь выступала та же зеленая порода, которая господствует и в Бичевинской губе. Только в одном месте находились явственные, стоящие на головах, слои. Под ними были видны отдельные участки, которые сильно обогатились битуминозным веществом, вследствие чего приняли темно-бурюю и даже черноватую окраску. Эти-то битуминозные слои, занимающие здесь очень подчиненное положение, и приняты были за уголь. Несколько на восток от описываемого места наблюдался выход твердого светлоокрашенного и переходящего в красноватый цвет мергеля, сильно обогащенного серным колчеданом.

На берегу валялись обломки судна, рей, доски, бочки, обрывки парусов, перемешанные с останками кита -- громадным черепом и целыми кучами китового уса. Все это, очевидно, представляло следы случившегося здесь кораблекрушения и выброшенного на берег кита.

Только к вечеру вернулись мы к нашим палаткам, которые остались не тронуты медведями. Но наш переход во внутреннюю бухту совершился не без опасности. Когда мы приблизились к ней, то заметили очень сильное течение, шедшее из моря. Через

узкий пролив врывался во внутренний бассейн пенистый поток, и прежде чем мы успели опомниться, наша лодка была подхвачена и с большой силой вынесена далеко во внутреннюю бухту. Это был момент прилива, который здесь достигает высоты 12 футов. Умелость Шестакова и его присутствие духа сказались и теперь: он удержал лодку по крайней мере в надлежащем направлении, и благодаря его ловкости мы избежали опасности.

20 июня мы направились на северо-восток, в самый далекий, внутренний конец бухты, куда изливается пенящийся ручей, берущий свое начало в ущельях гор. Казалось, здесь еще царила зима, потому что массы старого снега наполняли все горные ущелья. Несмотря на это термометр не понижался ниже 10°. В одной несколько менее глубокой боковой долине нам представилось редкое зрелище. Здесь, казалось, зима и лето были одновременно. Над дном долины, покрытым еще фута на 2 старым снегом, возвышался реденький лесок из чахлых берез, верхи которых были покрыты почти вполне развившейся листвой. В южных частях Камчатки глубокий снег выпадает обыкновенно осенью, до сильных морозов, так что почва не промерзает; позднее же все увеличивающиеся снежные массы защищают землю от действия морозов. Опять весной снег рано стаивает вокруг стволов и корней деревьев. Таким образом, движение соков из непромерзшей земли может рано начаться, в силу чего деревья покрываются листвой еще ранее, чем земля вокруг них вполне освободится от своего снежного покрова. Но все эти объяснения не делают описываемого явления менее исключительным, и, во всяком случае, для наступления его требуется еще одно условие, именно защищенное и открытое к югу положение.

Первое, что мы заметили при посадке, были два исхудавших волка, которые, увидя нас, быстро обратились в бегство; вслед за ними бросилась в горы большая медведица с двумя медвежатами. Вышеупомянутый горный ручеек, при устье которого мы высадились, в главном своем направлении идет с северо-востока и в виде галек приносит преимущественно обломки одной сиенитовой и еще какой то другой породы с обильным содержанием слюды.

Бичевинская губа врезывается и даже почти превращает в остров полуостров, который далеко простирается на юго-восток в море и кончается мысом Шипунским. Приблизительно на середине протяжения полуострова Бичевинская губа, направляясь с юго-запада, глубоко вдается в сушу, идя навстречу другой большой бухте, известной под названием Халигер и врезывающейся в ту же сушу с северо-востока, так что обе бухты остаются разделены лишь не очень высоким краем, имеющим с версту в ширину. Я взобрался, идя сперва по снегу, на высоту, чтобы оттуда исследовать местность, и нашел полное подтверждение вышесказанного. На северо-востоке, в небольшом расстоянии от меня, за крутым обрывом как зеркало расстилалась губа Халигер. Между краем и губой, как казалось, в более низменную часть суши вдавалось еще небольшое озерко. Весь большой полуостров, заканчивающийся мысом Шипунским, представляет выраженную горную страну. Горы средней высоты, часто крутые, то с закругленной вершиной, то конусообразные стоят рядами и разделены крутыми ущельями, небольшими долинами или краями. Высоты тесно окружают большую, вытянутую в длину бухту и почти придают ей характер большого альпийского озера со скалистыми берегами, покрытыми скудной растительностью. С одной стороны -- на восток -- горы доходят до мыса Шипунского, с другой они тянутся до Жупановой сопки, а оттуда -- далее на северо-запад в виде горной цепи, направляющейся к Срединному Камчатскому хребту.

По-видимому, здесь была отложена осадочная порода, впоследствии изменившаяся до неузнаваемости. Только в немногих местах заметна слоистость в этих ныне богатых кварцем, обыкновенно зеленых породах; но и такие слои всегда сильно нарушены и изогнуты. Темный базальт во всех направлениях прорезывает породу многочисленными жилами; местами же, выступая массивами, он обусловил нынешнюю конусообразную

форму гор. Наконец, здесь должны были иметь место и древние плутонические извержения, что доказывается присутствием сиенитовых галек в ручьях, -- обстоятельство, не доставляющее, однако, данных для суждения об относительном возрасте осадочных образований, первоначально здесь отложившихся.

Растительность всей этой горной страны имеет совершенно альпийский характер. Береза, ива и ольха встречались здесь только изредка, и то все в жалких экземплярах. Зато кусты *Rhododendron Chrysanthemum*, высотой фута в 2 -- 3, попадались нередко. Точно так же часто виден был и низкорослый кедровник. Особенно сильный рост представляли здесь, по-видимому, альпийские травы, часто перемешанные с горечавкой. Это согласуется также с присутствием многочисленных стад диких баранов, которые, очевидно, благоденствуют здесь не только в силу уединенности, а, следовательно, и безопасности места, но также и благодаря роскошному жирному пастбищу. Иначе я себе объясняю присутствие такого множества медведей в этих местах, где для них совсем не имеется особенно богатого стола: маленькие ручьи едва ли доставляют им сколько-нибудь достаточную рыбную пищу; случайно выброшенный на берег труп морского зверя также не может служить приманкой для всей этой массы медведей; наконец, поимка быстрого барана неповоротливым хищником составляет, вероятно, совсем уж редкое явление. Остается допустить, что медведи выбирают эту уединенную и дику горную страну только для зимовки, а отсюда постепенно возвращаются к ближним, богатым рыбою рекам.

Птицами местность была бедна, водяных же птиц и совсем не видно было. Мне здесь бросилась в глаза ласточка, которая своей белой грудью напоминала европейскую. Тюлени, как уже упомянуто, попадались, но не в особенно большом числе. Зато часть моря перед Бичевинской губой, от мыса Налачева до Шипунского, представлялась как бы излюбленным местом сборища для китов, судя по тому, что мы их встречали ежедневно, во множестве плавающими совсем близко от берега.

21 июня, в пять часов утра, мы уже тронулись в дальнейший путь. Был тихий, но туманный и прохладный день, так что мы с удобством могли выйти из Бичевинской губы. В открытом море было еще порядочное волнение, но оно делало наше плавание только более трудным, но не более опасным. Скалистый берег состоял из слоистой породы с сильно нарушенным напластованием, проникнутой многочисленными жилами базальта. Здесь также преобладал зеленый цвет, только близ жил уступавший место красному. Темные базальтовые породы большей частью наблюдались в виде жил, иногда, однако, и в виде массивов, и со столбчатой отдельностью. Во время нашего плавания мы видели пять медведей, прохаживавшихся по берегу, и стада диких баранов, пасшихся на чудных зеленых лугах. Вскоре, однако, туман так сгустился, что дальнейшее плавание могло стать опасным, потому что, несмотря на безветрие, волнение было еще так сильно, что мы плохо различали фарватер и легко могли попасть на рифы или подводные камни. Поэтому в 11 часов утра мы опять уже высадились при устье небольшого, но стремительного ручья, впадавшего в неглубокую бухту с песчаными берегами.

При этой высадке мы опять порядком промокли, так как нам и теперь пришлось при гребле дожидаться большой волны, которая быстро выбросила нас далеко на берег. Как всегда в подобных случаях, мы при первом прикосновении лодки к земле должны были выскочить, чтобы удержать наше суденышко и перетащить его повыше, не дав унести его последующим волнам. При причаливании главная задача рулевого состояла в сообщении лодке хода, вполне перпендикулярного к берегу, так, чтобы последующие волны никак не могли ударить в бок и опрокинуть ее. Гребцы же должны были грести настолько сильно, чтобы волна настигла и подняла лодку совсем у берега. Только вытащив лодку на безопасное место, освободив ее от лишней тяжести и подперши ее со всех сторон, мы могли приниматься за разведение огня, установку палаток и сушку подмоченных вещей. Высадиться на берег и промокнуть до костей стало для нас почти

равнозначим. Сухими мы могли высаживаться только в речных устьях или закрытых бухтах, где нас не встречали ни прибой, ни волнение, в других местах почти не прерывающиеся даже в тихую погоду.

Горные бараны водились здесь в поразительном количестве. Опасность, какую приносит для них с собою человек, по-видимому, им была совсем неизвестна. Из поколения в поколение никем не тревожимые, жили они как полные хозяева в этой пустынной горной стране и, вероятно, еще никогда не видали человека. Животные паслись возле нас большими стадами на зеленых лужайках. Один баран, покрупнее, подошел совсем близко к нашей палатке и отсюда только бросился бежать. Шестаков, конечно, не утерпел и поспешил вслед за животным.

Хотя место, на котором мы находились, лежало у самого моря, тем не менее, оно имело выраженный характер высокой горной страны. Ручеек, на берегу которого стояли наши палатки, пенясь, вытекал из скалистого ущелья, которое быстро поднималось в гору. Всюду громоздились скалы, между которыми еще лежал снег. Далее внутрь страны над этой пустыней высились закругленные и конические горные вершины. Среди этого лабиринта скал и снега широкими полосами и пятнами выступала зелень лужаек, поросших разными горными травами. На этих лужайках, пастбищах горных баранов, последние протоптали явственные дорожки, похожие на медвежьи тропы. Кое-где только встречались уродливые ползучие кусты кедровника, такая же чахлая верба да немного *Rhododendron chrysanthum* -- и больше ничего, ни деревца, ни кустика, так что для поддержания нашего огня нам приходилось пользоваться всюду разбросанным наносным лесом. Маленький ручеек приносил своим течением самые разнообразные гальки, но преимущественно все той же зеленоватой и красноватой, богатой кремнекислотой породы, которая, по-видимому, характеризует всю эту местность и в изобилии выступает также в окружающих скалах. Далее попадалось много галек сиенита, порфира и твердого темного слюдяного сланца.

Маленькая бухта, на берегу которой мы высадились, также отличалась большим изобилием китов, которые сегодня опять резвились на поверхности воды. Их было здесь более 10, все очень крупные. Их исполинские тела казались почти черными, только огромная голова была как бы в светло-серых точках, что обуславливалось присутствием здесь целых колоний какого-то *Baianus*. Эти сидящие на коже паразиты, по-видимому, очень беспокоили китов, вызывая, вероятно, сильный зуд; по крайней мере, все время видно было, как киты подплывали к скалам и терлись о них. При этом они маневрировали чрезвычайно ловко, стараясь по возможности сильнее пройти поверхностью кожи вдоль обрыва скалы. Если этот маневр удавался, то ясно слышался треск, с каким раздавливались и сминались твердые раковины *Baianus*. Иногда киты стремительно бросались друг на друга, чтобы почесаться таким образом; иногда, напротив, один как бы убегал от другого далеко в море, быстро нырял и при этом так хлопал громадным хвостом по поверхности воды, что раздавался звук, подобный выстрелу. Время от времени тот или иной кит приближался к берегу, насколько то допускала глубина воды, глубоко опускал громадную нижнюю губу, так что открывались вертикальные ряды китового уса, и пропускал в полость рта воду, кишевшую бесчисленным множеством разных морских животных (раков, акалеф и пр.). Наполнив ротовую полость, зверь захлопывал сверху опущенную нижнюю губу; последняя при этом как бы входила в мясистую складку, которая виднелась на месте верхней губы и, казалось, плотно обхватывала нижнюю. Немного спустя поглощенная вода опять выпускалась в виде фонтана. Благодаря непрерывной игре этих исполинских животных вода маленькой бухты буквально заколыхалась.

Через несколько часов вернулся Шестаков, сияя от радости. Он убил двух баранов, и теперь с ним отправилось несколько матросов -- забрать богатую добычу, состоявшую из молодого самца и самки. Животные как раз теперь меняли свою длинную светлосерую зимнюю шерсть, вместо которой уже пробивался короткий, темный, буро-

серый летний волос. Наш лагерь преобразился в настоящую бойню. Мои люди обдирали и разрезывали животных, после чего принялись за варенье и жаренье. Мы получили обильное приращение к нашим съестным припасам и могли положительно роскошествовать насчет чрезвычайно вкусного мяса, доставшегося нам в добычу. Кишечник баранов содержал, как оказалось, очень немного внутренностных червей: в нем нашлась только одна ленточная глиста, похожая на *Taenia*.

Вечером туман значительно усилился и принес с собою сырой и очень прохладный ветерок с северо-востока, который, однако, скоро перешел в сильный ветер.

22 июня, уже с раннего утра, мы могли убедиться в полной невозможности продолжать путь. Ведь наша ближайшая задача заключалась в объезде всего мыса Шипунского с его рифами, скалами и камнями, выдающимися на целые версты в море. Мыслимо ли это было для нашей небольшой утлой ладьи иначе, как в тихую погоду и при ясном горизонте! Туман, правда, рассеивался, так что мы ясно различали вдаль под 265° мыс Налачев. Но буря и дождь продолжали свирепствовать, а громадные волны образовали у береговых утесов саженной высоты прибой. Последующие дни составили настоящее испытание для нашего терпения! Мы сидели совершенными пленниками в этой горной глуши. Ветер, начавшийся уже с вечера 21 июня, постоянно усиливался и, наконец, забушевал с силой бури с востока. По целым дням, только с небольшими перерывами, ревела буря и шел дождь; а как только ослабевал ветер, сейчас же опять надвигался туман. Море все время оставалось в высшей степени беспокойным и с громким шумом билось о скалы. Ко всему этому присоединился еще чувствительный холод, так что термометр показывал не более 5--6° тепла. При таких обстоятельствах нечего было и думать о дальнейшем путешествии. Так длился наш плен до 30 июня.

26 июня непогода достигла своего апогея. Ночью наши палатки сорвало ветром, и мы были разбужены холодными обливаниями. Только с величайшими усилиями, под проливным дождем, удалось нам кое как снова укрепить палатки. При этом я схватил сильную простуду, которая могла бы очень плохо кончиться, если бы мои люди, сейчас же обратившие внимание на нее, не принялись лечить меня на свой лад. Они разбили мою палатку над кучей раскаленных камней и, полив их водой, моментально устроили мне великолепную паровую баню. Я сейчас же почувствовал сильную испарину и после этого, хорошенько закутавшись, пролежал еще несколько часов в палатке. Действие этого лечения было изумительно: с меня как рукой сняло всякое чувство недомогания.

Всяким перерывом дождя мы пользовались главным образом для охоты и наблюдения необыкновенно деятельной здесь животной жизни. Не проходило дня без встречи с медведями и дикими баранами. Животные почти не знали страха и часто подходили к нам удивительно близко. Таким образом, мы, оставаясь в лагере, как бы вызываемы были на охоту самими животными. Особенно поразительно было здесь обилие медведей. Во избежание повторений я расскажу только некоторые из наших встреч с ними.

22-го числа из глубины долины выбежал, постоянно оглядываясь и несясь во весь опор, небольшой медведь; очевидно, его преследовали. В слепой поспешности он почти домчался до самых палаток, на мгновение остановился и затем исчез в горах. Мы спокойно выжидали, чтобы увидеть и преследователя. Нам пришлось ждать недолго: в верхней части долины показался очень большой темно-бурый медведь, который, в сознании своей силы, медленно и с рычанием спускался в долину и приближался к нам. Мы поджидали нового гостя, готовые к выстрелу, и, наверно, медведю бы не сдобровать, если бы Шестаков смог обуздать свой охотничий пыл. Он выскочил слишком рано навстречу животному, промахнулся, и медведь, хотя и раненный, огромными скачками убежал от нас в горы. Рано утром 23-го к нам подошло целое стадо, голов в 30, диких баранов. Они, пощипывая траву, медленно спускались с горных склонов, находившихся напротив нашего лагеря. Того же числа, около полудня, мы имели вторичное посещение того же рода, но с другой стороны горы. В обоих случаях нам, однако, не посчастливилось на охоте. Зато 24-го мы убили прекрасного барана; то же было и 28-го.

Как уже сказано, медведи ежедневно подходили к нам, но, имея уже более чем достаточный запас бараньего мяса и не видя для себя никакой пользы в медведях, мы перестали обращать на них внимание, как на неизбежных и ежедневных посетителей. Самое большее, что мы их отгоняли выстрелом, когда они уж слишком близко подходили к нам. Однако 28 июня один большой медведь должен был поплатиться жизнью за смелость. Мы сидели в палатках за обедом, как вдруг наше внимание привлёк близкий шорох, и мы увидели шагах в 15 от нас большого темно-бурого медведя, который, высоко поднявшись, смотрел на нас. В одно мгновение мы схватились за ружья, и зверь, пронизанный несколькими пулями, упал мертвым.

В маленькой бухте, на берегу которой стояли наши палатки, 23-го числа опять показались киты, а именно два экземпляра средней величины и почти совершенно черного цвета. Они существенно отличались от виденных нами раньше меньшими размерами и высоким, довольно прямо торчащим спинным плавником. Целые часы проводили они, чрезвычайно резво и вместе с тем, можно сказать, нежно играя друг с другом. Высоко подняв тело и выставив спинной плавник, они носились на поверхности воды навстречу друг другу, терлись друг о друга, кувыркались, ныряли и опять всплывали, пускали фонтаны, буквально катались в воде и часто при этом чрезвычайно близко подходили к берегу. Пуля, пробившая спинной плавник, и другая, попавшая в голову одного из китов, произвели, по-видимому, весьма скоропреходящее впечатление, судя по тому, что игра скоро после того возобновилась. Шестаков называл этих китов косатками и много рассказывал об их разбойничьем нраве и кровожадности. Так, они охотятся на большого кита и пожирают его; зубы у них крупные и состоят из вещества, подобного слоновой кости. Из этого я заключаю, что в данном случае мы имели дело с *Delphinus orca*.

24-го опять приплыли те же киты, но на этот раз в большем числе, так что я насчитал их восемь. Вчерашняя игра продолжалась так же резво и нередко сопровождалась немалым шумом от движения и всплескивания воды. Красивый вид представляли эти огромные животные, с величайшей легкостью и ловкостью проплывавшие друг мимо друга или друг над другом, часто совершая при этом необыкновенно грациозные движения.

По словам Шестакова, наш ручеек называется Хламовиткой. Он берет начало на северо-востоке, в верхней части долины, и, шумя и пенясь, несется по массе галек, впадая в маленькую бухту, открытую с юга, а с запада и востока ограниченную маленькими мысами. Я старался по возможности проникнуть в долину и нашел также здесь выходы осадочной породы с большим содержанием кремнекислоты -- породы, которая во всей этой местности играет очень важную роль. Однако в описываемом участке эта осадочная порода проникнута многочисленными жилами. Последние состоят из твердой и плотной базальтовой породы, варьирующей в цвете от темно-серого до красноватого, и составляют главную массу скал, тогда как остатки слоистой породы занимают здесь совершенно подчиненное положение. Только в одном месте я видел очень заметно слоистую сланцеватую породу с падением на юг под углом в 25°. Только что упомянутые жилы нередко проникают также конгломерат, цемент которого образовался, по-видимому, из самого вещества жил, видоизменившегося через выветривание, между тем, как сцементированные обломки представляют порфиновую породу. Описываемый конгломерат образует скалы на правом берегу ручья. Порфировая же порода, давшая начало только что упомянутым обломкам, наблюдается в довольно обширных выходах на левом берегу того же ручья.

Погода и волнение, наконец, настолько успокоились, что 30 июня мы рискнули опять двинуться в путь. В 10 часов мы уже были в лодке и взяли курс на мысок, ограничивающий маленькую бухту с востока. Объехав довольно далеко выдающиеся в море рифы, мы опять увидели маленькую бухту, совершенно сходную с только что оставленной нами. Она также была ограничена с востока крутым мысом с огромным

рифом; это и был собственно мыс Шипунский. К сожалению, нам не удалось сегодня же обогнуть его, потому что волнение было еще слишком сильно, и у скал пенился прибой. Нам поэтому не оставалось ничего более, как высадиться во второй маленькой бухте и там дожидаться более спокойного состояния моря. Наше сегодняшнее место высадки очень походило на вчерашнее: такая же маленькая неглубокая бухта, ограниченная с запада и востока вдающимися в море мысами с их многочисленными рифами; также и здесь, быстро повышаясь, уходила на север, в горы, короткая, похожая на ущелье, горная долина; наконец, и здесь также по дну долины протекал небольшой горный ручей. На правом берегу этого ручья находилось маленькое озеро, или естественный пруд, без всякого стока. Уровень воды в нем был на 5 футов выше уровня в ручье. Только у моря возвышались крутые скалы; далее же внутрь страны бока долины состояли из высоких холмов, покрытых травой и представлявших прекрасные пастбища для горных баранов. Растительность здесь была также тождественна с растительностью первой бухты: деревьев совсем не было, а встречалось только очень немного ползучего кедровника и *Rhododendron chrysanthum*. Вблизи наших палаток валялись, частью засыпанные наносным лесом, два больших китовых черепа, оба сильно выветрившиеся и обглоданные. Наибольшая ширина одного равнялась 8' 2", а другого 9' 4". Остатки старых камчадалских юрт, которые оказались здесь, доставили кроме тех же находок, что и встречавшиеся раньше, еще костяной наконечник копья, развалившуюся глиняную чашку очень примитивной работы и массу каменных осколков, получившихся, вероятно, при изготовлении каменного оружия.

Горных баранов здесь не было. Но зато к нам подкралась пара красных лисиц, а вскоре после нашей высадки показался большой медведь, который и получил смертельный удар. Раненый зверь тотчас же бросился в море и потонул через несколько мгновений на наших глазах.

Горные породы, входившие в состав скал и во всех отношениях оказавшиеся сходными со вчерашними, представляли пеструю смесь нарушенных и разрушенных образований. Жилы и пласты превратились в настоящий хаос и в местах своего соприкосновения образовали мощные массы конгломератов и брекчий. Все вместе производило такое впечатление, как будто ни один кусок не сохранил своих первоначальных свойств -- ни состава, ни нынешнего вида, ни положения.

Ночью ветер задул с юга, и мы хотели воспользоваться этим попутным ветром, чтобы обогнуть, наконец, мыс Шипунский.

Первого июля, в 7 часов утра, мы шли уже под парусами. Мыс Шипунский -- наиболее выдающийся к юго-востоку мыс Камчатки -- находился очень близко от нашей последней стоянки, так что огибать его мы стали тотчас же по отплытии. Сперва мы имели по левую руку крутые береговые скалы, о которые разбивался прибой; затем мы миновали материк и имели сбоку только риф. Наша лодка летела теперь, подгоняемая свежим ветром, кормой к берегу, но параллельно рифу прямо в открытое море. Нас сопровождали утесы и камни самой причудливой формы, сперва высокие, затем все более и более понижавшиеся. Высокие пирамиды, стоячие плиты, различным образом размытые камни, хаотически набросанные массы разнообразных обломков скал лежали в воде или выдавались из нее. Приходилось держаться довольно далеко от рифа, чтобы ветер не нанес нас на него. При всем том мы могли слышать друг друга в лодке только при очень громком разговоре: так силен был рев волн, дико бушевавших среди скал и разбивавшихся там в белую пену. Таким образом, мы шли, по крайней мере, верст 5--6 в открытое море и только тогда могли повернуть на северо-восток и север. Погода становилась все свежее, и наша маленькая лодка неслась по воле ветра и волн. Теперь только мы могли опять направить свой путь к суше. Мыс с его громадным рифом был уже обойден, но, тем не менее, приблизившись к берегу, мы нигде не могли высмотреть места для высадки. Берег круто падал к морю, всюду из воды и бурунов выглядывали скалы и большие камни. Шестаков правил с обычным мастерством, но опасность,

благодаря усилению ветра, быстро и с каждой минутой увеличивалась. Нам всем приходилось уже вычерпывать воду, которой волны беспрестанно заливали лодку, как вдруг мы заметили маленькую бухту, открывающуюся к востоку между двумя небольшими мысами. Сюда во что бы то ни стало, хотя бы с риском, необходимо было попасть, потому что на море нельзя было больше оставаться. Таким образом мы приблизились к бухте под парусом, затем быстро его убрали и пошли, как и в другие разы, на веслах, пока громадная волна, конечно, насквозь промочившая нас, не выбросила лодку на берег. Около полудня в нашем лагере был уже разведен огонь, и мы могли заняться просушкой наших вещей.

Только что совершенное плавание вокруг мыса Шипунского с его громадными рифами дало нам случай ознакомиться с новыми картинами животной жизни в Камчатке. На более крупных и широких обломках скал мы видели расположившиеся там стада морских львов (*Phoca leonina*, по-русски сивуч). Они были видны, когда мы только что еще начали огибать мыс, и когда ветер и волны были еще далеки от той силы и высоты, какой достигли потом. Мы попытались приблизиться к этим крупным животным светлого желтовато-бурого цвета, чтобы лучше разглядеть их. Сивучи приняли сидячее положение и хором стали страшно реветь на нас. Холостой выстрел, сделанный нами, имел последствием, что большинство более крупных особей сейчас же бросились в сильно волнующееся море, как в родной привычный элемент. Вынырнув, они с громким ревом стали плавать кругом нас. Мы уже не рисковали более стрелять, чтобы не раздражить еще сильнее животных, готовившихся, по-видимому, к нападению, и скоро оставили их за собою, хотя они еще продолжали следовать за нами. При первом нашем приближении сивучи лежали на скалах, выдававшихся, наверное, сажени на 4 из воды. Удивительно, как эти крупные звери, снабженные лишь лапами, могут карабкаться на такую высоту. Движение сивучей совершалось следующим образом: сперва они подавались вперед передними лапами; затем, сильно согнув под живот задние, превращенные в хвостовой плавник, лапы, они подталкивали при помощи последних все жирное, тяжелое туловище. Затем передние конечности снова делали шаг, и опять повторялось подталкивание тела при помощи подставленных под него задних конечностей. В сидячем положении, опираясь на передние конечности, сивучи могут настолько поднять верхнюю часть туловища, что почти принимают вид исполинских собак в той же сидячей позе. На голове и шее шерсть у них немного длиннее, чем на остальном теле, не производя, однако, впечатления гривы; на задней части тела волос совсем короток. Большие, выпученные, блестящие, черные глаза, многочисленные жесткие усовые щетины на тупом рыле и широко раскрытая при реве пасть -- все это вместе придает зверю очень дикий, злой вид. Длина тела, по моему расчету, равнялась 7 -- 10 футам.

Круто падающие к морю береговые скалы, так сильно задержавшие нашу сегодняшнюю высадку, достигают лишь умеренной высоты, едва ли превосходящей 40. При сравнении этих скал с теми, которые встречались нам до сих пор, оказывается, что первые представляют совершенно особый вид, состоя исключительно из слоистых пород. В центральной части всей этой системы слоев подействовала нарушающая сила, превратившая пласты в мощный купол. По обеим сторонам срединного свода слои падают к северу и югу под углом в 50°, причем изогнутые верхние соединительные части отсутствуют, вероятно, благодаря более раннему их разрушению. Слои мощностью не превосходят одного фута, зеленоватого и буроватого цвета, с обильным содержанием кремнекислоты. Осадочные слои на мысе Шипунском представляют наиболее явственно сохранившиеся остатки какой-то нептунической формации, некогда

занимавшей обширную площадь в описываемых местностях. Остатки этой, быть может весьма древней формации {Хотя отсутствие органических остатков не дает возможности сделать вполне точное заключение о возрасте рассматриваемых осадков, я все-же считаю его древним и руковожусь тем обстоятельством, что сиенитовые, а также и гранитовые породы при своем извержении застали здесь уже эти осадки и стали на них действовать.}, встречаются уже на северо-восточном берегу Авачинской губы, у мыса Налачева и далее по всему большому полуострову, кончающемуся мысом Шипунским. Как далеко та же формация простирается внутрь страны -- трудно решить. Эти оставшиеся глыбы некогда широко распространенной формации обязаны, вероятно, своим теперешним видом и разрушением последовательным извержениям сперва плутонических, а затем вулканических масс. Первое нарушение первоначальной горизонтальности пластов произошло, конечно, под влиянием сиенитово-гранитовых извержений, которые, судя по обломкам этих пород в ручьях, имели, по-видимому, место, например на полуострове Шипунском. Затем последовали многочисленные извержения базальтово-трахитовых пород, выступивших в виде массивов и бесчисленного множества жил и также вызвавших самые глубокие химические и физические изменения. Наконец, вулканы со своими извержениями лав довершили преобразование. Впрочем, возможно и то, что все здешние слоистые породы принадлежали к третичным отложениям, так широко распространенным во многих частях страны. Это можно допустить потому, что нет окаменелостей, указывающих на более древний возраст, между тем как отпечатки листьев, находимые при весьма схожих условиях у Авачинской губы, могли бы, вероятно, свидетельствовать в пользу третичного возраста отложений и здесь, у мыса Шипунского.

Как все уже выше упомянутые бухты этого берега, так и та, у которой мы высадились теперь, были ограничены двумя выдающимися в море рифами, которые начинались от небольших скалистых мысов. И в эту бухту также открывалась быстро поднимающаяся горная долина с поросшими травой холмами на заднем плане. Два небольших ручья с превосходной чистой водой протекали по долине, причем один шел с севера, другой -- с юга. Соединившись перед устьем, они каскадами впадали в море.

Очень скоро после высадки мы с большим удовольствием заметили, что опять попали на место, богатое горными баранами. Так, невдалеке от нас, на зеленой лужайке, паслось стадо, состоявшее примерно из 10 прекрасных экземпляров. Шестаков, конечно, не замедлил отправиться к ним, но вскоре вернулся с пустыми руками. Животные, заметив его приближение, бросились бежать. На берегу нашей маленькой бухты валялось такое множество различных обломков судна, что нам их вполне хватило для поддержания огня в лагере. Благородные сорта дерева, размеры мачт и рей -- все указывало на очень большое судно, выстроенное в какой-нибудь южной стране и погибшее здесь, в негостеприимном северном море.

Деревьев и кустов здесь не было, кроме небольшого числа кустов ползучего кедра и *Rhododendron chrysanthum*, которые выглядели местами из-под роскошного покрова, состоявшего из альпийских трав.

К вечеру ветер стих и наступила почти совершенно безветренная ночь, так что утром 2 июля перед нами расстиралось только чуть-чуть волнующееся море.

Шестаков уже с рассветом отправился на охоту и вернулся, нагруженный мясом горного барана. Оставшаяся на месте часть весьма для нас ценной добычи была также поспешно захвачена, и затем мы быстро собрались к отъезду. Была чудная и совершенно тихая погода, когда мы часов около 8 утра пошли на веслах. Мы правили главным образом на север, следуя вдоль берега и держась как можно ближе его. Нас окружали громадные стаи разных морских птиц, -- явление, которого нам не приходилось наблюдать, начиная с устья Вахилия. Опять вынырнули из воды в большом числе морские львы, внимательно нас наблюдавшие и более или менее долго следовавшие с громким ревом за лодкой. Точно так же мы снова встретили косатку (*Delph. orca*), которая, идя с

севера на юг, проплыла мимо нас. Мои люди опять пустились в рассказы об этом хищнике. Шестаков раз был даже свидетелем ожесточенной схватки между большим китом и косаткой. Говорят, что дельфин, вооруженный сильными зубами, нередко одерживает победу над китом, имеющим вместо зубов лишь роговые пластинки и спасающимся только благодаря своей изворотливости и страшно сильным ударам хвоста.

Сперва мы проплыли мимо двух небольших каменистых бухт, затем проехали несколько большую губу, принимающую в себя ручей и открывающуюся в море на востоко-северо-восток. Потом следовал далеко вдающийся в море мыс, у конца которого из воды выходил утес, по размерам составлявший настоящий остров. При тихой погоде и спокойном море мы обогнули мыс, идя на веслах. К северу от этого мыса, на котором также выступала слоистая порода, уже знакомая нам со вчерашнего дня, мы вошли в обширную бухту Халигер. Эта бухта, врезающаяся довольно глубоко в материк, открывается на востоко-северо-восток в море и состоит, собственно, из трех частей, разделенных двумя второстепенными мысами. Южный мыс всей бухты, только что обогнутый нами, и северный, близ которого мы сегодня вечером разбили свои палатки, простираются в море гораздо далее, чем оба внутренних мыса. Южная и средняя части бухты глубоко вдаются в сушу на юго-юго-запад; а гораздо более широкая и более открытая третья, или северная часть бухты, имеющая несколько небольших и неглубоких придаточных бухт, врезывается в сушу почти в чисто западном направлении. Оба первые, т. е. гораздо более узкие, отделы бухты почти сплошь окружены скалистыми берегами и высокими горами, чего совсем нет в третьем, открытом и неглубоком, участке. Средняя из трех описываемых частей большой Халигерской губы наиболее глубоко вдается в материк. На самом внутреннем конце ее находится маленькое озерко, стекающее через небольшой ручеек. Эта часть отделяется от Бичевинской губы лишь не очень высоким, несколько крутым горным кряжем, так что дикий гористый полуостров, образующий мыс Шипунский, соединяется с материком только при посредстве очень узкого перешейка. Войдя в третий, следовательно, самый северный отдел большой Халигерской губы, мы сразу увидели резкую перемену в ландшафте и климате. Из горной страны мы внезапно попали в область полного и жаркого лета. Всюду над высокой роскошной травой виднелись зеленеющие деревья и кусты. Нигде не было и следа снега. Температура воздуха была более 20°, и целые рои комаров напали на нас. Какой контраст с только что оставленным нами полуостровом Шипунским, с его высокими горами и крутыми скалами, где среди лабиринта узких горных долин протекают быстрые ручьи, где снежные массы перемежаются с зелеными лужайками -- пастбищами диких баранов, где, наконец, совершенно отсутствует древесная и кустарная растительность, и высокая трава заменяется лишь низкорослыми альпийскими растениями! Эта небольшая горная страна, должно быть, обязана альпийским характером не значительной высоте над уровнем моря, а только своему географическому положению. Она далеко выдвинута в море, вполне незащищена от суровых северных и восточных бурь. Зимой ее засыпают громадные снежные массы, приносимые южными и юго-восточными ветрами. Наконец, частые туманы, образующиеся здесь вследствие столкновения теплых и холодных воздушных течений, ведут к тому же результату.

Сегодняшний наш лагерь был расположен у небольшой придаточной бухты самого северного отдела Халигерской губы, близ устья ручья, составляющего сток небольшого озера. Для палаток мы выбрали местечко на берегу ручья, где медведи уже примяли здесь вообще очень высокую траву. Мы были еще заняты установкой палаток, когда появился и сам зверь, приготовивший для нас это место. Подойдя на очень близкое расстояние, медведь, очень большой, встал и довольно долго, не обнаруживая ни малейшего испуга, смотрел на нас. Мы со своей стороны спокойно рассматривали зверя и наблюдали его изумленную физиономию: очевидно, он был удивлен, увидев нас --

каких-то посторонних пришельцев, осмелившихся вторгнуться в его владения. Крупный рост и, как следствие того, большая сила, по-видимому, породили в медведе уверенность, что никто не может вытеснить его отсюда и что он -- единственный хозяин места. Когда, наконец, он, рыча, собрался подойти еще ближе к нам, то в ответ на это раздались выстрелы, и медведь упал, пронизанный несколькими пулями. Мы сейчас же заметили, почему это место было так привлекательно для зверя: многочисленные лососи шли из моря вверх по реке в маленькое озеро. То была так называемая красная рыба (ксивуч по камчадалски, *Salmo lycaodon*), направлявшаяся к своим нерестилищам. Тотчас пошел в ход наш небольшой невод, и мы наловили массу этой прекрасной рыбы.

Описываемая северная часть губы Халигер окружена горами средней высоты, к тому же идущими лишь в некотором удалении от берега; самый же берег моря низменный и песчаный. Только у северного мыса всей большой Халигерской губы, следовательно, к востоку от нашего лагеря, опять показались крутые береговые скалы. Чистый ручей, маленькое озеро вблизи нас, роскошная растительность и очаровательная рощица из березы, ольхи и рябины делали окружающий нас ландшафт очень привлекательным. К этому присоединялись еще богатая охота, обилие рыбы и превосходные травы, так что мои люди не могли нахвалиться местностью со стороны ее пригодности и удобства для поселений. Действительно, в старину камчадалы умели по достоинству оценить этот уголок и устроили здесь множество юрт.

Чтобы дополнить картину Халигерской губы, приведу еще результаты моих компасных пеленгований. Считая от нашей стоянки, южный, ограничивающий губу мыс был под 154° SO; первый внутренний мыс под $158^{\circ} \frac{1}{2}$ S, и второй, более северный, под 167° S.

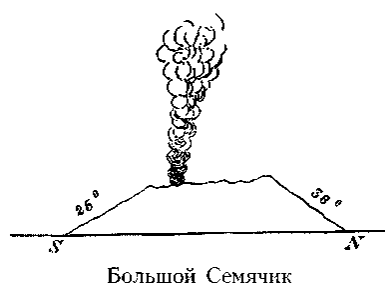
На всем протяжении берега, насколько то было видно, выступает неслоистая порода, подобная сиениту. Кварцы и небольшие продолговатые кристаллы роговой обманки наблюдались у второго (среднего) мыса. Здесь же можно было предполагать присутствие скрытой жилы какой-то медной руды (быть может, медного колчедана), судя по зеленым налетам углекислой окиси меди, замеченной местами на выходах горных пород. В ручьях было много сиенитовых и кварцевых галек.

3 июля, в девять часов утра, при чудной погоде, мы снялись с места, чтобы обогнуть северный мыс Халигерской губы; для этого, держась как можно ближе берега, мы взяли курс на восток. Пройдя 25 минут на веслах, мы, продолжая держаться берега, повернули на северо-северо-восток. Берег был средней высоты (примерно в 20--25') и состоял из сильно разорванных скал. Здесь часто наблюдалась темная серо-бурая порода, изверженная в виде жил и массивов и образующая столбчатую или плитоватую отдельность. Слоистые породы между жилами были сильно нарушены и разрушены, нередко образуя у самых жил тонкие и грубые конгломераты. Все вместе производило впечатление необыкновенно интенсивного разрушения. Чем севернее, тем слоистые породы становились все более и более преобладающими, но все-таки представлялись в чрезвычайно нарушенном положении; и там, где выступали массивные породы, всего чаще встречалась столбчатая форма. В течение сорока минут мы гребли на северо-северо-восток, после чего постепенно перешли на чистый норд и затем в продолжение часа медленно подвигались по этому направлению. Здесь встретилась очень небольшая бухта с низменным песчаным берегом. После того мы опять полчаса шли на север, а потом 40 минут на северо северо-запад. Береговые скалы теперь кончились, и вместо них пошел совершенно низменный песчаный берег. Здесь также горы материка отодвигаются на дальнейшее расстояние от моря. В конце скалистого берега еще поднимаются друг за другом три высокие изолированные скалистые массы. В течение 40 минут мы шли на веслах в виду этих скал и, обогнув последнюю из них, выехали в обширную неглубокую губу, где нам пришлось идти 10 минут против сильного течения, после чего мы вошли в устье р. Жупановой. При своем устье река пробивает довольно прочную береговую дюну, состоящую из песка и щебня. Эта дюна на большом

протяжении в виде широкого вала образует берег моря. Речная вода, переполненная частицами земли, травой и обломками дерева, нераздельной массой вливается в море, где еще на большом пространстве идет широкой мутной полосой среди прозрачной морской воды. Сейчас же от устья реки Жупановой начинается очень низменная тундристая или болотистая местность, поросшая травой. Она простирается до дальних гор и прорезывается многочисленными рукавами названной реки. Эти рукава, по которым вода более или менее стремительно направляется к морю, разделены многочисленными, большей частью низменными островками, заливаемыми при всякой прибыли воды; последние обыкновенно совсем лишены растительности и самое большое, что покрыты травой или низким ивовым кустарником. На всех этих островах и песчаных отмелях обнаруживалась богатейшая животная жизнь. Это было время усиленного хода лососей в реки. За лососями же следовали целые стада тюленей (*Ph. nautica*), которые при нашем посещении, собравшись в большие группы на песчаных островах, грелись на солнце, или, подняв свои гладкие головы над поверхностью мутной воды, с любопытством озирались на нас. На других островах и на берегах, также низких и болотистых, виднелись большие стаи гусей, уток и лебедей. Далее здесь бегали и летали кулики, наконец, виднелось несколько крупных бурых орлов, которые, досыта наевшись, казалось, не обращали более никакого внимания на добычу. При нашем приближении со всех сторон раздавался оглушительный крик. Большинство водяных птиц, по-видимому, неспособны были летать, находясь в периоде линьки; по крайней мере, от преследований они старались спастись бегом, вспархиванием и нырянием.

Для движения вверх по реке против быстрого течения наша лодка оказалась малопригодной, будучи слишком тяжела и представляя большую поверхность сопротивления напору воды. Тем не менее, мне было интересно проследовать по реке внутрь страны, по крайней мере, насколько то было возможно. Для этой цели мы выбрали рукава с самым слабым течением и шли на веслах вверх по реке с добрый час. Удалившись верст на 6 -- 8 от устья и достигнув несколько более высокого и сухого места, мы разбили там свои палатки. В этом месте ширина реки от берега до берега, с включением островов, составляла сажень полтораста.

Очень плоский низменный берег состоит из самого мягкого, легко распадающегося песчанистого и глинистого материала. Несмотря на то, что он пророс войлоком из корней растений, от него беспрестанно и при ничтожнейшем сотрясении отваливались в реку крупные куски, сильно мутившие воду. Во многих местах из этого растительного войлока выступала густая, металлически блестящая, бурая железистая вода, которая также изливалась в реку. Галечника не было заметно, а где и имелся таковой, там он был закрыт толстыми слоями ила и песка. Местами встречались еще в песке островов обломки очень типичной белой пемзы, происходившие, вероятно, с Жупановой сопки.

В то время как к востоку и юго-востоку над однообразной равниной возвышался только один утес близ устья (121°), на юго-западе и далее до северо-запада и севера за далеко раскинувшейся низменностью тянулась горная цепь со многими выдающимися вершинами. Горная цепь, начинаясь Коряцкой (230°) и Жупановой (241°) сопками на юго-западе, идет на северо-северо-запад. В этом участке цепи прежде всего обращал на себя внимание Большой Семячик (340°), на котором происходило, по-видимому,

сильнейшее извержение. Темные, почти черные клубы пара выходили через короткие промежутки времени из его кратера и образовали столб, высота которого с места нашего наблюдения представлялась вдвое больше, чем высота самой горы. Гора имеет форму очень сильно притуплённого конуса, у которого снято более половины его высоты. Столб пара поднимался близ южного края исполинского кратера, если таковым можно назвать все обширное притупление вулкана. За дальностью расстояния мы не могли слышать шума, сопровождающего извержение. С южной стороны вулкан поднимается под углом в 25° , а с северной, более крутой, -- под 38° . На Жупановой сопке, у северного края ее кратера, также явственно виднелся пар, но в такой слабой степени, что об извержении здесь не могло быть и речи. Эта гора значительно выше Большого Семячика, с обеих сторон поднимается под углом в 33° и представляет лишь слабое притупление конуса, причем южный край притупления выше северного, из которого поднималось небольшое облако пара.

Чтобы достигнуть Жупановой сопки или, по крайней мере, очень близко подойти к ней, я старался, насколько возможно, продолжить наше речное плавание. Поэтому утром 4 июля мы опять тронулись в дальнейший путь, все выбирая наименее быстротечные рукава реки. Острова и животная жизнь на них сохраняли прежний характер, но чем далее мы поднимались вверх, тем острова становились меньше. Берега и здесь оставались такими же низкими, а обширная равнина представляла низменную, немного болотистую, поросшую травой местность с многочисленными лужами и озерками. На некоторых кустах были видны следы разлива вод, при котором, по крайней мере по нижнему течению реки, вся местность на обширном протяжении была залита водой. Эти следы состояли из намытых водой трав и других растительных остатков, висевших на ветвях на высоте 2 -- 3 футов. Чем далее мы подвигались вперед, тем чаще встречались более высокие и потому более сухие места на берегу и на прилежащей местности. Здесь развивались уже до размеров настоящих деревьев ива, ольха, тополь и береза, между которыми высоко разрастался шаламайник (*Filipendula kamtschatica*), образуя непроходимые чащи. В тихую теплую погоду эти чащи шаламайника составляют настоящее страшилище для приближающегося к ним путника, так как высылают на него целые тучи комаров; нельзя себе представить, каким невыносимым мучением подвергают эти насекомые путешественников по Камчатке. Радикальное средство для защиты от комаров неизвестно, потому что все испробованные приемы (дым, закутывание, натирание жиром) часто становятся источниками еще большего мучения. Я наблюдал в Камчатке два вида комаров: один довольно крупный, светлого серо-желтоватого цвета, и другой помельче, темного цвета; из них первый встречается реже, но зато он гораздо кровожаднее. Налетит, усядется и произведет укол -- все это произойдет беззвучно и почти в одно мгновение. В то время как защищаешься руками от этих кровопийц с одной стороны, наверное, уж целые дюжины их насядут с другой. В конце концов человек выбивается из сил и лишается способности предпринять что бы то ни было, даже связно мыслить. Волей-неволей покоряешься своей судьбе и ограничиваешься хоть отбиванием массовых нападений. При таком положении распухшие лица и руки -- самое заурадное явление. У нескольких человек из моей команды до того была искусана окружность глаз, что они едва были в состоянии открывать их.

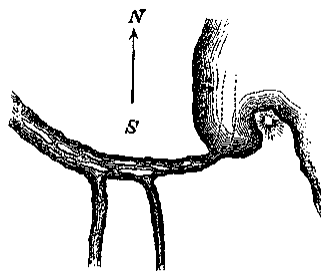
Животная жизнь всюду оставалась одинаково деятельной и очень заманчивой для охотника. Гусей и уток мы припасли такое количество, что почти уж перестали стрелять по ним. Более привлекательны для нас были тюлени, непрерывно сопровождавшие большими стаями лодку или лежавшие на низменных островках. Наши выстрелы неоднократно попадали в этих зверей, но добыть их нам не удавалось. Часто приходилось видеть, как вода на обширном пространстве окрашивалась кровью раненого и нырнувшего тюленя, но убитые не всплывали, а искать их в очень мутной воде оказывалось напрасным трудом. Точно так же мы не могли видеть массами поднимавшихся в реку лососей, а судили о ходе их только потому, что всякий раз, как мы закидывали наш небольшой невод, он тотчас же наполнялся большими рыбами. Медведей на такой рыбной реке было, конечно, тоже довольно. Мы видели их сидящими на берегу или еще чаще в воде, где они, по-видимому, были заняты рыбной ловлей; некоторые заходили даже так глубоко, что из воды выдавалась только голова. Кое-где виднелись доказательства того, что труд их не пропадал даром: я разумею разбросанные по берегу остатки съеденных лососей. Сидя в воде и протянув вперед передние конечности, медведь оставался неподвижен; когда же в промежуток между протянутыми лапами попадал какой-нибудь из теснившихся в своем движении лососей, то эти лапы немедленно захлопывались, захватывая вместе с тем и рыбу. Но охота на этих добродушных рыбаков была невозможна, потому что размеры лодки и сильный плеск весел выдавали наше приближение. В большинстве случаев медведь вскакивал и поспешно убегал, когда мы находились еще далеко от него. Далее вверх по реке число и размеры островов, а, следовательно, и число разделяющих их рукавов становилось все меньше и меньше. Вода более сосредоточивалась в одном русле, так что подниматься против течения становилось все труднее. Подвигаться вдоль берега при помощи шестов, как то делают камчадалы в своих узких батах, было невозможно из-за больших размеров нашей лодки. Длинные, далеко хватающие весла вельбота принуждали нас держаться на более открытых местах реки; а здесь течение в скором времени усилилось до такой степени, что, несмотря на величайшие усилия гребцов, мы едва подавались вперед, и потому должны были, наконец, отказаться от дальнейшего плавания. Нам пришлось высадиться на берег, чтобы приготовиться к поездке вниз по течению.

Перед нами на обширном пространстве расстилалась равнина, доходившая до гор, все еще остававшихся в большом отдалении. Жупанова сопка, цель нашей экскурсии, продолжала оставаться далеко от нас, хотя и стала несколько ближе, чем в начале нашего плавания по реке: положение вулкана было под 225° . Ясно виднелись еще два безымянных конуса: один острый под 265° и другой притуплённый под 316° ; великолепный столб пара с Семячика поднимался под 353° . Собственно болотистая местность, сопровождающая низовье реки, оставалась уже позади нас: мы добрались до среднего течения, с более сухими берегами, но в общем достигли лишь очень немногого, а дальнейшее движение стало совсем невозможным.

В старину берега р. Жупановой, а также соседние места были густо заселены камчадалами. Еще во времена Крашенинникова на реке стояли три больших поселения, которые он называет по имени. У устья реки был расположен Оретынган, 34 верстами выше -- Кошподам, а еще 28 верстами выше -- Олокино. От этих поселений прежде шли дороги к мысу Налачеву, к реке Налачевой и поселению на ней; далее к Петропавловску и через горный проход -- в Верхнекамчатск, т. е. в долину р. Камчатки. Я едва ли добрался до места, где прежде стоял Кошподам, потому что до черты, где мы повернули обратно, мы нигде на берегу не видали следов существования там большого поселения, но, судя по продолжительности нашего пути, во всяком случае мы должны были быть уже недалеко оттуда.

Главное направление реки, если не считать немногих ее изгибов, проходит с северо-запада на юго-восток. Глубина ее колеблется между 8 и 15 футами, но встречаются глубины в 20 и даже 22 фута. Течение в главных рукавах, которыми мы предпочтительно

пользовались на обратном пути, было очень сильно; таким образом, оно в 1 час 45 минут принесло нас обратно к палаткам, которые утром были оставлены на месте и теперь, вечером, оказались в полной исправности.

Устье р. Жупановой

На следующий день, 5 июля, мы сняли палатки и проследовали по реке до устья ее. После первых 58 минут нашего плавания вниз по течению река приняла явственно восточное направление; от нее на юг отделился широкий мелкий рукав со стоячей водой. После дальнейших 17 минут плавания в восточном направлении нам встретился еще такой же, обращенный к югу, рукав; наконец, спустя еще 15 минут, мы достигли самого устья и высадились на берег. При сегодняшнем плавании нами были встречены меньшие глубины, колебавшиеся только между 6 и 12 футами; всего же чаще попадались глубины в 7, 8 и 9 футов. У самого устья река, сжатая в одном русле, с большой силой пробивает береговой вал, состоящий из прочного щебня, и затем, круто поворачивая к северу, параллельно морскому берегу, впадает в маленькую бухту. С запада эта бухта ограничена матерым берегом, а с юга и востока -- наносным низким мысом, на конце которого находится упомянутая уже скалистая масса. Прошедши бар с глубиной в 5 футов, мы скоро очутились на глубине 15, 18, 20 футов и более, все оставаясь, однако, в области текущей к северу речной воды, которая явственно обнаруживалась своим быстрым течением и большой мутностью. По обеим сторонам этого течения в маленькой бухте находились мели, почти совершенно ее заполнившие. Здесь глубина была так мала, что даже наша лодка не могла найти удовлетворительного фарватера, и мы принуждены были держаться речного течения. Я не мог найти у устья остатков прежнего острога Оретынгана; нужно думать, что эти остатки, состоявшие исключительно из ям, совершенно занесены и засыпаны действием высокой воды.

Оба неглубоких рукава, лишенные всякого течения и направленные к югу, принадлежат, как мне кажется, к категории тех замечательных образований, которые так часто встречаются при устьях камчатских рек, особенно на западном берегу полуострова и на р. Камчатке. Это -- старые русла, нередко на целые версты тянущиеся параллельно морскому берегу и отделенные от моря лишь небольшим валом из песка и дресвы. При значительном напоре воды во время весеннего половодья или после продолжительных дождей вал прорывается в том или другом месте, и река получает новое устье. Иногда же, напротив, волны, выбрасывая в сильные бури на берег большое количество твердого материала, совсем загромождают и заносят устье так, что непрерывно притекающая вода застаивается, приобретает больший напор и ищет себе новых выходов. Нередко этот новый выход далеко отстоит от прежнего. Таким образом, устье реки, текущей параллельно морскому берегу, нередко передвигается на значительное протяжение при постоянной борьбе быстро притекающей речной воды с громадной силой морских волн. Русские называют эти старые русла "заливами", и это название довольно характерно, потому что когда устье многоводной реки замыкается, то естественным последствием является стремление воды распространяться и заливать места по сторонам; она прокладывает себе новые пути в рыхлой наносной почве, прорывает наконец все уплотняющуюся береговую дюну в самом слабом ее месте и таким образом снова соединяется с морем. Раз совершился прорыв -- новообразовавшееся сильное течение в

этом направлении скоро вымывает настоящее речное русло. Описываемые "заливы" наблюдаются только у рек, область устья которых состоит из мягкого, легко распадающегося материала, как песок или щебень; на скалистых местах ничего подобного не наблюдается. Многие реки имеют по обеим сторонам устья такие далеко простирающиеся "заливы", отделенные от моря лишь береговой дюной и прокладывающие себе то там, то здесь новое русло.

Медведица с двумя медвежатами и еще пара других медведей, усердно ловивших рыбу, раздражили охотничий пыл Шестакова. Так как нам не удалось добыть тюленей, а мы очень нуждались в жире для смазки сапог и ремней, то я согласился сделать высадку у устья. Тотчас несколько стрелков собрались на охоту, и не прошло более получаса, как в нашей лодке лежал уже большой бурый медведь.

5 июля, в 10 часов утра, мы вошли в маленькую бухту. Сперва мы предоставили широкому и быстрому течению реки Жупановой, с обеих сторон ограниченному мелями, нести нашу лодку на север, а затем только взялись за весла. Почти целый час мы шли еще по мутной пресной речной воде, после чего достигли широкой полосы из плавучего ила, травы и щепы, которая распространялась перпендикулярно к течению. Здесь, по-видимому, уравнивались силы моря и реки, потому что, пройдя на веслах эту полосу, мы прямо вошли в чистую соленую морскую воду, где уже не чувствовалось никакого течения.

Береговая линия проходит здесь к северу. Плоский берег повсюду образован высоким дюнным валом; ни скал, ни каменных рифов нет. Так мы медленно, в течение $2\frac{1}{4}$ часа, шли под парусом при слабом юго-восточном ветре. Но внезапно ветер повернул к востоку и быстро начал усиливаться. Темные облака скупивались, и нам скоро стало ясно, что приближается буря. Волны уже были очень высоки, и шагах в тридцати от берега становился заметен бурун. Последнее обстоятельство показывало, что впереди берега и параллельно его очертанию проходила отмель, между которой и берегом должна была находиться, напротив, достаточная глубина. Но такая отмель у берега во время волнения всегда составляет опасность для причаливающей лодки. Поэтому мы повернули назад, в расчете опять достигнуть устья реки. Но расстояние до него было слишком велико, а так как ветер усиливался с каждым мгновением, то мы высадились в месте, где прибой обнаруживался ближе всего от берега. Это было рискованной затеей, но искусство Шестакова выручило нас. Маневрируя, как и ранее в подобных случаях, мы предоставили высокой волне, незадолго до того, как она должна была разбиться, подхватить нашу лодку и выбросить ее далеко на берег. В три часа мы могли уже поставить палатки и развести огонь. Мы находились на высоком дюнном валу, далеко протянувшемся к югу и северу и отделявшем от моря низкую равнину. Вал имел не менее 50 шагов в ширину и был на 15--18 футов выше лежавшей за ним низменности. Наибольшая высота его приходилась по середине, откуда постепенно убывала в обе стороны. Низкая же равнина при приливе поднималась не более как на 5--6 футов над уровнем моря. Как на реке Жупановой, так и здесь до дальних гор, поднимавшихся на западе, простиралась плоская равнина, сплошь усеянная небольшими озерами, болотами и лужами. Кусты и деревья виднелись лишь вдаль, и то маленькими группами. Зато здесь волновалась роскошная поросль какого-то злака (*Strandhafer*, какой-нибудь вид из рода *Elymus*), высота которого местами достигала человеческого роста. Этот злак был перемешан с большим количеством гороха -- *Pisum maritimum*. К нашему счастью, и

здесь также имелось большое количество наносного леса, среди которого мы нашли обломки разбившегося вельбота. Не прошло и часа после нашей высадки, как восточный ветер разразился с полной силой бури: прибой до того неистовствовал прямо под нашими ногами, что пена долетала до нас. Замечательно, что и сегодня, незадолго до непогоды нами были встречены игравшие киты. Эта невольная высадка, совершенно не входившая в наши планы, была уже сама по себе достаточно неприятна; но каково было нам вытерпеть здесь шестидневный плен из-за ветра и волнения! Беззащитными стояли наши палатки на валу, не раз их опрокидывало и рвало ветром. Если дождь хлестал крупными каплями по мокрому полотну палаток, то внутри моросило дождевой пылью, от которой все промокло. Тяжелые, мрачные облака делали ночи до того темными, что едва можно было видеть и распознавать окружающие предметы. Только ослепительно белая пена ближнего прибоя, светившаяся тысячами искр, выделялась среди сплошного темно-серого фона. При этом непрерывный грохот разбивавшихся волн был так оглушителен, что мы могли слышать друг друга лишь при громком разговоре. Правда, по временам небо прояснялось, но надежда на освобождение очень быстро рассеивалась: непогода опять начинала бушевать по-прежнему. Ночь с 7 на 8 июля отличалась особенно сильным дождем, хотя, к счастью, дожди за это время были не часты. В те часы, когда небо становилось яснее, мы предпринимали небольшие экскурсии, чтобы поискать дичи. Шестаков полагал, что на этой низкой, поросшей травой местности могут встретиться олени, которые летом охотно выискивают открытые обдуваемые ветром места, так как на них легче спастись от комаров. Прогуливаясь по дюнному валу по направлению к холмообразному возвышению, верстах в трех к северу от нашего лагеря, мы, как и ожидали, нашли устье небольшой реки Карау, текущей прямо с запада и имеющей в ширину 6 -- 7 сажень. Непосредственно вблизи песчаного холма находилось неглубокое устье реки, прозрачная вода которой представлялась как бы запруженной благодаря страшному напору волн, задерживавшему сток воды. Несмотря на то, что, постоянно нагромождая рыхлый материал, волны почти уже засыпали это устье, лососи теснились здесь плотными стаями, входя из моря в реку. Нередко уже на расстоянии нескольких сажень виднелись в море металлически-блестящие тела этих рыб, когда они приближались сплошной массой и при этом которая нибудь из них опрокидывалась сильным движением воды. С изумительным знанием места лососи теснились к устью. Немного не доходя до него, они на короткое время останавливались, как бы для отдыха, и затем с освеженными силами устремлялись в реку. Рыбы, гонимые инстинктом, проходят нередко сотни верст против течения, пока, наконец, не доберутся до последних, мельчайших горных ручьев, где на высоте нескольких тысяч футов над уровнем моря откладывают свою икру и таким образом достигают конечной цели своего долгого и изнурительного путешествия, совершаемого ими с невероятной энергией. Здесь, при устье Карау, нам было в высшей степени интересно наблюдать, как рыбы, всячески изменяя свое положение и способ движения, старались пользоваться всякой удобной минутой для преодоления трудностей при входе в реку. Иные особи, потеряв в тесноте направление к устью, выбрасывались волнами на берег, откуда они, извиваясь и делая скачки, стремились опять добраться до воды. Другие скачками же старались скорее миновать небольшие препятствия, встречавшиеся им на пути. Третьи, наконец, не будучи в состоянии пройти вперед, меняли место атаки и с нового пункта возобновляли усилия. Коротко сказать, на наших глазах тесно сплоченные животные вели настоящую борьбу со стихиями. Теперь был ход горбуши (*Salmo proteus*) с некоторою примесью красной рыбы (*Salmo lycaodon*). Для нас устье Карау представлялось очень желанным источником прекрасной свежей рыбы, которую мои люди ежедневно ловили в изобилии. Вверху, на довольно широком песчаном холме, находилось несколько ям -- остатков старинных камчадалских юрт, теперь, судя по следам, служивших логовищами для медведей. Несколько широких троп, так хорошо утопанных, что лучше этого не сделал бы и человек, вели прямо сюда изнутри страны. Зверей привлекало в это место не только

обилие рыбы, но также, как мы вскоре убедились, и одно растение, пышно и обильно произрастающее здесь, а именно морской горох, до которого медведи большие охотники. Этот горох (*Pisum maritimum*) покрывал густой порослью весь вал, холм и на обширном протяжении всю соседнюю местность, уподобляя ее настоящему гороховому полю.

Пока мы с высоты холма осматривали окрестности и любовались величественной картиной дико бушевавшего моря, Шестаков у подошвы холма заметил большого медведя, справлявшего здесь свою трапезу. Рыбьи головки и кости указывали, что с первым блюдом обеда уже покончено; теперь старый лакомка закусывал овощами, с большим удовольствием объедая и пережевывая сочный, стоявший в цвету горох. Направление ветра и громкий рев волн благоприятствовали нам. Таким образом, пользуясь еще прикрытием холма, мы могли подкрасться к зверю очень близко. Выстрел принадлежал мне, и, отделенный всего несколькими шагами от медведя, я приготовился. Животное, ничего не подозревая, продолжало сосать сладкий сок стеблей, как вдруг раздался здешний охотничий окрик: "Эй, мишка, вставай!" Как пораженный молнией, медведь вскочил, повернулся и высоко поднялся. Я стоял лицом к лицу перед громадным, выше человеческого роста, зверем и мгновенно выстрелил. На таком близком расстоянии не могло быть промаха: через несколько минут медведь, излив обильный поток крови из своей пасти, был мертв, а наш лагерный котел наполнился медвежатиной. Сильно объеденное гороховое поле свидетельствовало о том, что встреченный нами медведь был здесь не единственный любитель гороха.

Из нашего лагеря в минуты ясной погоды очень хорошо были видны дальние горные кряжи и отдельные горы. С помощью компаса я взял следующие пеленги: утес близ устья реки Жупановой 160°, направление берега к северу 5°, Авачинская сопка 221°, Коряцкая сопка 227°, столб дыма на Жупановой сопке 235°, гора между Жупановой сопкой и Семячиком 260°, другая гора между теми же сопками 280°, столб пара на Семячике 334 ¹/₂°, высокая горная масса между Семячиком и Кроноцкой сопкой 4°, Кроноцкая сопка 14 ¹/₂°.

Ветер с большим постоянством и с неизменной силой почти все время дул с северо-востока и востока. Только 10 июля он ослабел, и воздух стал теплее, так что в полдень температура в тени достигала уже 15°, между тем как в предыдущие дни термометр показывал не более 7 -- 8°. 11 июля ветер значительно ослабел, волнение на море также начало стихать. Блуждая по местности, поросшей травой, я мог видеть, как благодаря более тихой и теплой погоде мир насекомых проявился большой массой особей. Шмели и стрекозы появились массами; мне удалось поймать *Parnassius* и махаона. Так как сегодня нельзя было продолжать путешествия, то мы принялись за починку изъязнов, причиненных нам бурей, дождем и морской водой при высадке. Из числа собранных насекомых и растений многие испортились до того, что их пришлось выбросить; потеря эта очень меня огорчила. Наши запасы провианта должны были быть высушены, палатки -- починены, ремни и сапоги -- смазаны. Коротко сказать, чтобы сколько-нибудь привести все в порядок, потребовалось много работы.

Утром 12 июля все было окутано густым туманом; воздух прояснился только к полудню. Мы немедленно приготовились к отплытию и в 12 часов были уже опять в море. На этот раз наш выход совершился, однако, не вполне безопасно; во всяком же случае, нас порядком промочило. Благодаря буре образовалась мель, тянувшаяся параллельно берегу саженьх в 20 от него. Над этой мелью еще продолжался прибой от неулегшегося волнения. Лишь с большим трудом и напряжением всех сил удалось нам выбраться отсюда, причем нашу лодку чуть не опрокинуло. Дело в том, что на баре было очень мало воды; поэтому лодка, задевая килем дно, хотя и не совсем остановилась, но все-таки внезапно потеряла значительную часть скорости, с какой мы наехали сюда, чтобы пробраться через опасное место; встречное же волнение, застигшее нас здесь, повернуло ее боком. Несколько матросов тотчас же прыгнули в воду, повернули лодку,

столкнули ее и, как только она сошла с мели, ловко вскочили в нее обратно. Таким образом, мы благополучно и без ущерба вышли в море, но люди и багаж опять основательно промокли, а из лодки пришлось вычерпать много воды. Мы пошли на веслах сперва в северном направлении мимо устья р. Карау; затем, приблизительно после часового плавания, достигли другой реки, устье которой было совершенно занесено песком. Спустя 1 1/2 часа, мы добрались до устья Березовой, которое в последнюю бурю также было засыпано песком, и, наконец, проехав еще 10 минут, нашли удобное место для высадки. Мы разбили палатки на довольно высоком, поросшем травой холме. И здесь в изобилии нашелся наносной лес с обломками разбитых судов, что нам дало возможность разложить громадный костер, который обсушил нас и наши вещи. Все побережье, сегодня виденное нами, также представляло плоский песчаный берег, дюнный вал которого все повышался к северу и местами образовал небольшие песчаные холмы. Параллельно с этим валом на материк, в самом море, всего в 20 -- 30 саженьях от берега, тянулся бар, покрытый лишь неглубокой водой и с сильным прибоем. Между баром и материком опять находилась полоса глубокой и более спокойной воды. Именно этот своеобразный характер берега являлся источником опасности при высадке и отплытии, что мы испытали сегодня.

На пути сюда мы встретили двух больших китов, пускавших свои фонтаны и спокойно проплывших мимо нас, направляясь на юг. Далее нам удалось убить большую черную птицу, похожую на альбатроса, с острым, изогнутым клювом и с размахом крыльев в 8 футов. На берегу видно было несколько медведей. Одного из них на самом близком расстоянии сопровождал волк, но оба зверя не обращали, по-видимому, друг на друга никакого внимания. Если же они вели сообща какое-нибудь дело, то можно быть уверенным, что честный мишка терпел ущерб от своего плутоватого товарища.

Обсушившись у огня и поставив нашу лодку на верное место, мы снова вернулись к югу, чтобы посетить устье р. Березовой. Следуя вдоль берегового вала, мы в полчаса были у цели нашей экскурсии. Устье Березовой благодаря буре также было занесено большой массой песка. Сильно запруженная река уже прорвала береговой вал, но через новое устье в море текло лишь немного воды. В течение тех немногих часов, которые мы здесь провели, напор воды успел прорыть уже более глубокое русло, так что в несколько дней, если только не помешали бы новые бури, снова должно было бы восстановиться полное устье. Вышеупомянутый параллельный берегу бар проходил также мимо устья Березовой и кончался лишь в очень близком расстоянии от нашего лагеря. Можно предполагать, что подобные параллельные берегу бары благодаря повторяющимся бурям так увеличиваются за счет приносимого материала и так утрамбовываются, что поднимаются, наконец, над поверхностью воды, причем между ними и матерым берегом остается длинное узкое озеро. Если в таком месте открывается река и если последняя проложит себе дорогу к морю, то только что упомянутое узкое береговое озеро постепенно наполняется речным илом, благодаря чему образуется низменный, ограниченный двумя параллельными валами участок берега. Но если напор волн мешает реке излиться в море, то образуется "залив", т. е. боковой излив в береговое озеро. Вода, сильно накапливаясь в последнем, приобретает, наконец, столько силы, что прорывает плотину и таким путем образует новое устье. Не менее часто описываемых "заливов" я встречал в Камчатке на низких песчаных берегах 2, 3 и даже более параллельных дюн, песчаные промежутки между которыми нередко порастали уже деревьями. Все подобные образования носят самый несомненный характер наноса, произведенного волнами. Березовая в нижнем своем течении имеет ширину около 15 сажень и приходит с юго-юго-запада, затем, в непосредственной близости моря, круто поворачивает на юго-восток и впадает, наконец, протекая в восточном направлении, в море. С северо-запада, немного не доходя до резкого изгиба, в Березовую впадает короткий ручей, отводящий воду небольшого болотного озера. Прозрачная вода реки, имеющей в глубину 3 -- 4 фута, течет по галечнику, состоящему большей частью из пористых лавовых пород

красноватого, бурого и темно-серого цветов. Березовая, скорее, носит характер горной реки: здесь нет мутной воды и болотистых берегов, какие мы встретили на Жупановой. Горы, проходящие в большом расстоянии от устья последней, здесь подходят гораздо ближе к морю. Очень полный и не особенно высокий недействующий конус выступает вполне явственно по направлению верхнего течения Березовой, -- это, быть может, Малый Семячик.

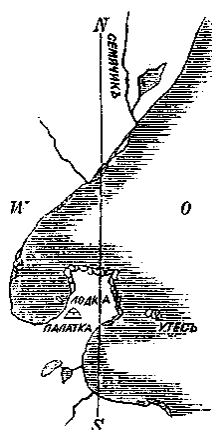
И здесь лососи шли в реку; но так как при нашем посещении устье было сильно занесено песком, то и ход их был слабый. По берегу нередко валялись крупные березовые стволы, принесенные половодьем из области верховьев р. Березовой. То были исключительно стволы *Betula Ermani*, по-видимому, образующей леса в более высоких местах и давшей, вероятно, повод назвать реку Березовой.

Вечером мы вернулись к нашему лагерю, расположенному в 1 1/2 верстах к северу от устья Березовой, при впадении в море другого небольшого ручья. Опять мы встречали медведей, которые, однако, убегали, еще издали завидев нас. Но тою же ночью нам пришлось убедиться в чрезвычайной дерзости этих зверей. Вскоре после того как мы улеглись, часов в 10 вечера, нас разбудил довольно сильный толчок, тем более чувствительный, что мы спали прямо на земле. Проснувшись, я ждал дальнейших сотрясений; но толчок, показавшийся мне вертикальным, не повторялся. Понемногу я опять погрузился в дремоту, как вдруг у самой палатки послышались тяжелые шаги и фыркание. Шестаков, спавший в моей палатке, тотчас же проснулся, приподнял немного полотнище, выстрелил -- и большой медведь в нескольких шагах от нас повалился в предсмертных корчах.

Утром 13 июля, при чудной погоде, мы в 7 часов утра уже вышли в море. Отплытие снова несколько затруднилось, но все же благодаря искусству Шестакова и силе гребцов мы благополучно справились со всеми препятствиями. Начиная с устья Жупановой и до Березовой, перед нами был только плоский песчаный берег с дюнным валом и параллельным берегу баром в море. Теперь все это изменилось: на берегу показался низкий конгломерат и вместе с тем прекратился бар. Наш курс опять шел вдоль берега на север с уклоном к востоку. Пройдя 20 минут на веслах, мы дошли до второй (считая от Березовой) речки, впадающей в небольшую бухту с песчаным берегом. Теперь берег стал каменист, но оставался по-прежнему низким. Затем мы прошли мимо двух маленьких ключевых ручьев, а спустя 35 минут -- мимо третьей речки. Еще через 20 минут мы снова достигли небольшой бухты, откуда, повернув на северо-запад и запад, обогнули широкий трехзубчатый мыс, состоящий из темно-серой неслоистой породы. Впереди мыса находился небольшой риф и одиноко выдающийся из моря утес. После этого мы вошли в совершенно закрытую бухту, берег которой частью был низок и песчан, частью состоял из небольших скалистых выступов. Отсюда мы в течение 30 минут шли на веслах в северо-северо-восточном направлении до устья р. Семячика. Устье Семячика было занесено песком, а берег оказался совершенно открытым, так что мы вернулись в только что оставленную небольшую бухту, лодку поставили на якорь и затем отправились пешком вдоль берега до только что упомянутого устья, пользуясь прекрасно утоптанной медвежьей тропой. Местность здесь была чрезвычайно привлекательна, со слегка волнистой поверхностью и богатейшей растительностью. Хотя лес здесь вообще невысок, однако кажется крепким и здоровым. *Betula Ermani*, рябина, ива, ольха, с подседом из шиповника и *Crataegus* и с высокими травами, среди которых особенно выдавался своим ростом какой-то *Epilobium*, -- вот главный состав этих лесов.

Запруженная вода реки усиленно напирала на засыпанное устье, чтобы снова проложить себе свободный выход в море, и можно было видеть, как по мере достижения этого результата в реку входило все более и более лососей. Недалеко от устья Семячика, текущего с севера, в него открывается не очень маленькое продолговатое озеро с низкими берегами, лежащее между рекой и берегом, направление которого здесь северо-

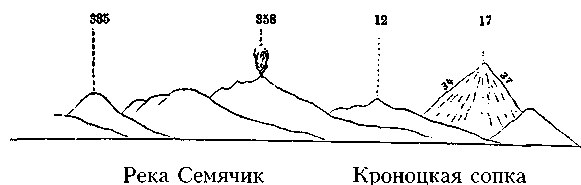
восточное. Недалеко от моря, на возвышенном месте берега реки, находились остатки камчадалских жилищ во всяком случае принадлежавших уже более новому времени. На это указывало присутствие многочисленных развалин деревянных построек, главным же образом очень хорошо сохранившегося балагана (для сушения рыбы), на котором местами удержалась еще кровля, сделанная из травы. На берегу лежали также два пришедшие в негодность бата общепринятой в Камчатке конструкции; но утвари не нашлось никакой. Множество совершенно черных ласточек летали над потемневшим корпусом балагана, в котором они вили свои гнезда. По всему было видно, что здесь, на месте старинного поселения, камчадалы, ныне живущие в долине реки Камчатки, вновь отстроили себе летние жилища для охоты и рыбной ловли. Во время же нашего посещения местность была пустынна и мертва; только частые следы медведей, волков и оленей виднелись повсюду. Горы подошли здесь уже очень близко к берегу. Над ними выдавалась Кроноцкая сопка под 16° и Большой Семячик со своим столбом пара под 268° .

Устье Семячика

Русло реки было переполнено гальками вулканических пород, почти все пористых, лаваобразных и большею частью темноцветных, варьиовавших от черного до серого или от бурого до красноватого цвета. Начиная от места нашей последней стоянки, на берегу часто встречались низкие утесистые участки, состоявшие то из мелких, то из грубых конгломератов. Здесь кое-где виднеются уже береговые высоты, достигающие 100 футов и состоящие из темно-серой породы. Эта порода яснослоиста и очень правильно расщеплена в направлении, перпендикулярном слоистости. Трещины ограничены гладкими и правильными поверхностями. Мощность слоев достигает 1 фута. Они состоят из тонких табличек каких-то вулканических пород, которые имеют вид как бы образовавших поток, затем застывших и при том следующих главным образом восточному направлению. То же направление обнаруживали маленькие продолговатые поры и включенные в породу более крупные обломки; наконец и самые слои, по-видимому, также направлены на восток. В описываемую темно-серую слоистую породу включены обломки лав, пемз и черного с угольным блеском минерала, встречающегося в большом количестве и, по-видимому, битуминозного характера. Сверх того встречаются включенные в описываемых слоях светло-желтоватые, легко распадающиеся и растирающиеся части, почти исключительно состоящие из обломков пемзы и переполненные мелкими, желтоватыми, блестящими слюдяными листочками. Я не могу считать эти слоистые массы потоками лавы, хотя они по общему виду и по внутреннему своему строению представляют как бы застывшие, наклоненные к востоку потоки: для лав они имеют слишком мало сплавленности, а также слишком непрочно и малопористы. Мне кажется, напротив, что материал, составляющий эти массы, принесен сюда в виде водянистой кашицы с вулканов, находящихся внутри страны, и,

следовательно, представляет собою продукты вулканических извержений, принесенные потоками воды. Всюду, в русле реки и на морском берегу, валялись многочисленные обломки пемзы всевозможной величины, начиная от мельчайших частичек распада и кончая кусками величиною с кулак. Особенно поразительно было изобилие галек пемзы в небольшом, чрезвычайно быстром ручье с совершенно прозрачной водой, который нам пришлось перейти на пути к устью Семячика, и который впадает в море немного южнее последнего. Благодаря ясному горизонту я с места нашей стоянки (у маленькой бухты, лежащей к югу от реки Семячика) мог взять пеленги следующих больших гор: почти на NNO 17° поднималась Кроноцкая сопка, затем под 12° выступал вытянутый кряж, общая форма которого также походит на очень плоский конус. Затем под 358°, стало быть почти на север от нас, высился длинный, притуплённый, на вершине разорванный конус, с которого, по-видимому, поднималось облачко пара -- вероятно, вулкан Кихпинич. Затем шла длинная группа с закругленными вершинами, за которой под 335° выступал притуплённый, не очень высокий конус; по-видимому, у подошвы последнего р. Семячик выходит из гор. Далее, к северу от Большого Семячика, находился высокий притуплённый конус 290°, затем более высокая недействующая вершина Большого Семячика 279° и столб пара на его более низкой южной стороне 272°, видимый, следовательно, почти в западном направлении.

Все высоты и горы были, по-видимому, совершенно свободны от снега, только на Кроноцкой сопке он виднелся еще в ее продольных ущельях. Последний вулкан совершенно погасший. Великолепный вид представляет его высокий, широкий и полный конус, господствующий над всей северной стороной горизонта. Восточная сторона его поднимается под углом в 37°, а западная -- в 34°. Мощные продольные ребра идут от подошвы вулкана к его вершине и, благодаря контрасту с белизной снега, лежащего в длинных ущельях между ними, кажутся особенно темными. Вечером, при чудном солнечном закате, перед нами открылась такая великолепная картина, что я никогда ее не забуду. Между черными ребрами Кроноцкой сопки снег сиял ярким розовым светом, и весь ряд гор, увенчанный темными столбами дыма и пара, которые поднимались с вулканов, обрисовывался в красноватом освещении на синем небе. Начиная с северо-северо-востока, сплошь до запада и до дальнего юго-запада, где еще была Жупанова сопка с ее снегом, вся великолепная горная цепь светилась, между тем как на востоке расстиралось море самого густого темно-синего цвета. К сожалению, нам недолго пришлось любоваться этим чудным зрелищем, и виною этому опять был наш заклятый враг -- северо-восточный ветер. Тотчас же после заката вся горная цепь покрылась туманом, а на востоке поднялись зловещие облака. Уже в первую половину ночи ветер дул с большой силой, а к утру разразился настоящий шторм с норд-оста, сопровождаемый сильными ливнями. Утром 14 июля море опять дико бушевало. Но мы в своей небольшой бухте чувствовали себя в полнейшей безопасности и даже не вытащили бы лодку на берег, если бы не требовалось произвести в ней маленькой починки. Несмотря на всю осторожность, наша легкая лодка при высадках испытала столько жестких ударов, что кое-где стала пропускать воду. Таким образом, 14 и 15 июля мы спокойно остались на берегу в ожидании лучшей погоды. Холодные туманы перемежались с ливнями при температуре воздуха не более 7--8° и при сильном северо-восточном ветре.

Близ наших палаток, именно на несколько каменистом полуострове, отделявшем маленькую бухту от моря, мы опять встретили остатки старокамчадалских поселений.

Они ничем существенным не отличались от прежде виденных, только были расположены теснее и имели более глубокие ямы. Находки в них также не представляли ничего нового. Выбор этого места для поселения обуславливался, по-видимому, присутствием ключа, выходящего здесь близ морского берега. Обильная, чистая, вкусная вода этого ключа выходит из земли с температурой лишь в 2° и после короткого течения впадает в море. Свежая, хорошая вода для питья составляет и для современных камчадалов первую жизненную необходимость. Они умеют ценить воду, очень разборчивы в выборе ее и способны поглощать ее в невероятном количестве. Нередко камчадал при своих охотничьих скитаниях не поленится сделать большой обход, чтобы освежиться водой из какого-нибудь известного ему ключа. В описываемой местности поселенцев привлекало еще обилие рыбы и дичи. Мы тоже не испытывали недостатка в этом, потому что на маленькой бухте и на нескольких прудообразных бассейнах здесь в большом числе держались разные утки. Сверх того, мы настреляли небольших куликов, стаями бежавших по берегу.

Едва ли требуется еще упомянуть, что и здесь мы неоднократно встречались с медведями: это само собою разумеется при путешествии по Камчатке. Тем не менее, я не могу совершенно обойти молчанием эти встречи, потому что с ними связаны некоторые наши приключения. Как меня убедили позднейшие разъезды по стране, восточный берег Камчатки особенно богат медведями. Чем далее мы подвигались, тем более увеличивалось число этих животных; особенно много их было на реках Жупановой, Березовой и Семячике. Всюду -- на морском берегу, вдоль рек и по направлению внутрь страны, к горам -- встречались широкие, хорошо утопанные медвежьи тропы. Где на пути медведей был ивовый, ольховый и кедровый кустарник, там ветви оказывались придавленными и раздвинутыми в сторону. Звери обходили болотистые, топкие места и, напротив, выискивали неглубокие броды через реки и удобные доступы к морю. Так как в своих странствиях мы тоже охотно пользовались этими удобными путями сообщения, то неизбежным следствием такого выбора дорог были ежедневные встречи с многочисленными устроителями их. В большинстве случаев медведи, увидев нас, обращались в бегство; более дерзких мы пугали холостыми выстрелами, чтобы избавиться от причиняемого ими беспокойства. Почти ежедневно нам случалось убивать медведя, хотя воспользоваться убитым зверем нам приходилось лишь изредка, именно при недостатке мяса и сала. Только небольшая часть добычи шла в дело, шкура же с большей частью туши оставалась на месте нашей стоянки и впоследствии, конечно, служила добычей для других хищников. Эта безлюдная, но чрезвычайно обильная рыбой область восточного берега по всей справедливости заслуживает названия медвежьего царства. Встреченное здесь количество медведей до того поразило моих спутников, русских уроженцев Камчатки и, следовательно, хорошо знавших богатство ее этим зверем, что они придумали даже особое прилагательное для обозначения этого обстоятельства. Так, Шестаков выразился после одной прогулки: "Однако это место весьма медвежисто". 14-го числа, пока мы были заняты починкой лодки, внезапно вблизи нас появился медведь. Увидев нас, он тотчас же бросился бежать, но был сильно ранен пущенной в догоню пулей и потерял много крови. Животное бросилось в море, далеко отплыло несмотря на волны и только на большом от нас расстоянии выбралось на сушу, где, прихрамывая, скрылось в глубь страны. Интересно было следить, как долго мог плавать, да еще при волнении, так сильно раненный зверь: на воде мы его видели с час времени. Другого медведя мы наблюдали занятым рыбной ловлей в одном ручье. Он делал при этом самые смешные прыжки, по-видимому, не имел успеха. Долгое время, скрытые от зверя, мы, покатываясь со смеху, наблюдали потешную сцену, пока, наконец, медведь, заметив нас, не поспешил в испуге оставить место.

16 июля, несмотря на густой туман, уже в 7 часов утра мы были в море. Первые 30 минут мы шли на веслах от устья р. Семячика на северо северо-восток, следуя вдоль низкого берега, состоявшего из песчаных дюн. Затем берег стал несколько выше и

каменист, и мы сперва шли 40 минут на северо-северо-восток и потом 45 минут на северо-восток. Здесь я заметил на берегу сильное выделение пара -- от горячего ручья, впадавшего в море. К сожалению, высадке в этом месте помешали крутое скалистое побережье и многочисленные мели в море. Очевидно, в настоящем случае пар шел из очень горячего ключа, выходящего совсем близко от моря и впадающего в него после короткого течения.

Туман исчез, и при благоприятном ветре мы могли пойти под парусом. Теперь в течение часа и 45 минут мы ехали на северо-восток вдоль скалистого берега, состоявшего из длинного ряда маленьких, разделенных небольшими мысами бухт, в каждую из которых впадало по небольшому ручью. Страна представлялась холмистой и поросла умеренно высоким березовым лесом. Ветер становился все свежее, и мы шли еще час на северо-восток вдоль берега, сохранявшего тот же характер, пока не достигли устья небольшой реки, где ближние лесистые горы кончались у моря утесами. Затем высоты отступили более внутрь страны, сбоку от нас опять виднелось побережье из песчаных дюн, позади которого, по-видимому, расстилалась обширная, ровная, низкая тундра, поросшая травой. Вдоль этого берега мы шли сперва 1 час и 45 минут на северо-северо-восток и затем 35 минут на северо-восток, после чего мы опять прошли мимо устья какой-то реки. Затем, пройдя еще 1 час и 10 минут на северо-восток, и 1 час и 45 минут на восток-северо-восток, причем ветер совершенно стих, мы достигли устья реки Кродакынга, через которую большое Кроноцкое озеро открывается в море. Здесь мы высадились в непосредственной близости устья на морском берегу, так как вход в самое устье, по причине мелей, был невозможен. В море, непосредственно перед устьем реки, из воды выглядывало множество тюленей, то нырявших, то снова поднимающих над поверхностью свои гладкие любопытные физиономии. Перед тюленями теснились в большом количестве лососи, старавшиеся через бар проникнуть из моря в неглубокое устье реки. То были преимущественно горбуша (*Salmo proteus*) и хайко (*Salmo lagocephalus*), устремлявшиеся внутрь страны. Относительно тюленей, по-видимому, общим правилом может считаться, что они никогда не преследуют рыбу в реках с неглубокой, чистой водой, а, напротив, заходят далеко вверх по глубоким мутным рекам.

Мы разбили палатки на берегу реки, очень близко от устья, и недалеко от своего лагеря нашли остатки старого острога Ешкун. Сверх многочисленных ям здесь нашлись еще полуразрушенные балаганы и пришедший в полную негодность бат. Это место, во времена Стеллера и Крашенинникова заселенное и считавшееся важным острогом, теперь было совершенно мертво и безлюдно. Прежде Ешкун составлял главную станцию на пути из Петропавловска и Большерецка в Нижнекамчатск, т. е. на пути, который вел тогда от Авачинской губы по восточному берегу полуострова и проходил через многие крупные поселения, ныне совершенно опустевшие. Если не считать Авачинской губы, то весь восточный берег Камчатки, от мыса Лопатки до устья реки Камчатки, теперь лишен всякого человеческого жилья. Ешкун, а также и вся местность по Кродакынгу при нашем посещении населены были лишь лесными зверями, зато, правда, в необыкновенном изобилии. Почти все старые ямы юрт служили логовищами для медведей. Перед высадкой и после нее мы должны были сперва разогнать выстрелами новых обитателей старого Ешкуна, чтобы избавиться от этих скучных и назойливых, хотя и незлобивых, посетителей.

Меня более всего интересовало проследовать вверх по течению реки Кродакынга с целью добраться, если возможно, до наибольшего альпийского озера Камчатки -- Кроноцкого, единственный сток которого к морю и составляет названной рекой.

Для этого мы утром 17 июля перетащили свою лодку от морского берега через тундру в реку, чтобы попытаться проехать вверх против течения. Все место до дальней горной цепи представляет ровную, большую частью очень болотистую, лишенную древесной растительности тундру, поросшую лишь шикшей (*Empetrum nigrum*) и морским горохом (*Pisum maritimum*); местами на ней растет еще низкий ивняк. Лишь изредка над

бесконечной равниной поднимался плоский холм, поросший одинокими, небольшими березками. Через эту низкую болотистую тундру вьется большими изгибами широкая быстротечная река. Благодаря размыванию берегов и образованию новых русел она, по-видимому, неоднократно изменяла свое течение в рыхлых песчаных и щебневых массах, из которых состоит вся тундра. Таким образом была размыта и разрушена одна часть старого Ешкуна, а выше по реке -- и другая группа остатков юрт. Песок большею частью был темного, почти черного цвета и состоял из продуктов разрушения вулканических пород. Многочисленные обломки пористых лав, частью черных, частью варьировавших в цвете от темно-бурого до красноватого, и темные твердые кремни в большом количестве были рассеяны по руслу реки и по тундре. Размеры этих камней были весьма различны и, начиная с самых мелких, доходили до величины кулака.

При самой напряженной работе гребцов мы с трудом преодолевали сильное течение реки, так что едва подавались вперед. Всюду нам приходилось спугивать большие стаи уток и гусей, и почти на всяком новом повороте реки мы встречали медведей, занятых рыбной ловлей: в одиночку или группами по два, по три сидели эти рыбаки на берегу или наполовину в воде. Видеть людей было для медведей совершенно необычным зрелищем, и поэтому оно вызывало в них полное изумление: они обыкновенно приподнимались и в наблюдательной позе, не выражая ни малейшего страха, как бы обдумывали: какой отпор дать этой небывалой дерзости пришельцев, вторгшихся в их владения, где они до тех пор неоспоримо и нераздельно царили? Затем, испуганные нашими окриками или выстрелами, медведи убегали с бешеной поспешностью. Их быстрые движения и скачки при этом бегстве, часто в высшей степени нецелесообразные, были при этом очень забавны; но еще забавнее было видеть невероятно быстрое слабительное действие внезапного страха на кишечник медведей, так что мои люди от смеха часто не в силах были грести.

К сожалению, и здесь наше плавание вверх по реке вскоре встретило непреодолимое препятствие: глубина воды по мере движения вперед так убывала, что наша лодка всюду задевала дно, и вместе с тем течение становилось все сильнее. Дальнейшее плавание стало невозможно, хотя мы удалились от моря не более как на 10 верст. По Крашенинникову (стр. 46) расстояние от моря до Кроноцкого озера равно 50 верстам; хотя это показание, быть может, и несколько преувеличено, но все же мы были еще очень далеко от чудного альпийского бассейна. Далее Крашенинников пишет: "Кроноцкое озеро, имеющее в длину 50 и в ширину 40 верст, лежит среди высочайших гор. Кродакынг (Кродакынг -- Лиственничная) составляет единственный сток этого озера и устремляется из него в виде водопада с такой высоты, что под ним (водопадом) можно пройти. В озеро впадает много ручьев, источники которых лежат очень близко от бассейна реки Камчатки".

Затем мы читаем у Крашенинникова: "Обширное озеро, благодаря высокому водопаду, совершенно недостижимо для морских рыб, а потому в этом большом водоеме держатся рыбы, отличные от морских (голец и мальма, два менее крупных вида лососей)". О том же сообщает и Стеллер. Оба эти источника, единственные доставляющие нам сведения о Кроноцком озере, подтверждают, следовательно, что морские рыбы не могут проникнуть в озеро. Несмотря на это при нашем посещении масса рыб шла вверх по реке. Мы могли видеть, как по обеим сторонам лодки в чистой воде лососи шли тесными косяками вверх по реке. Куда же направляется эта масса рыб? Если река принимает в себя ручьи или образует протоки, то те и другие могут быть лишь незначительных размеров и с коротким течением. Мы находились уже недалеко от горного хребта, а именно от юго-восточного подножия Кроноцкой сопки, западное подножие которой уже омывается водой большого озера. Судя по этому, река, принявшая здесь уже довольно резко выраженный характер горной реки, не могла тянуться еще особенно далеко, а, следовательно, и озеро не могло быть очень далеко от места, где мы прекратили свое плавание. Итак, прекрасное альпийское озеро, которое так нас привлекало, не могло

быть настолько удалено от моря, как показывает Крашенинников. Мои люди также считали расстояние до Кроноцкого озера никак не большим 20 верст, и все-таки нам не суждено было добраться до него. Дальнейшее плавание по реке стало, безусловно, невозможным, так как глубина воды была недостаточна для нашей лодки. Мы попытались пройти пешком, но, сделав несколько верст, также принуждены были повернуть назад, потому что на всяком шагу глубоко вязли в болотистой почве.

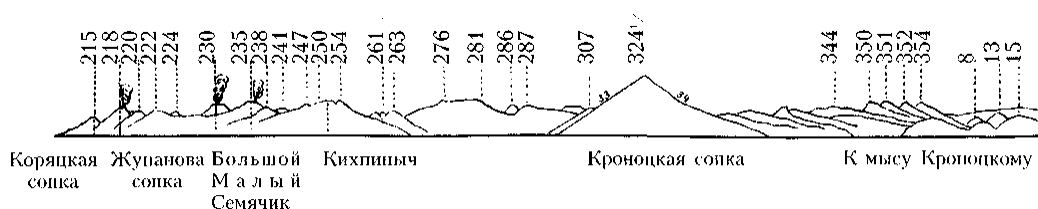
С быстротой молнии мы понеслись вниз по течению стремительной реки, так что в короткое время опять вернулись к своему лагерю близ устья. Нашу добычу составляли несколько гусей и небольшой, светлоокрашенный, почти желтовато-белый медведь, застреленный нами на обратном пути. При нашем плавании перед нами все время оставался в виду бесподобный по своей красоте величественный конус Кроноцкой сопки, по которому сверху донизу явственно выступали продольные ребра. Большие продольные же ущелья, где местами белели снежные пятна, заняты были темными тенями, благодаря которым так ясно виднелись только что упомянутые ребра. Снегом была покрыта только самая вершина этого полного конуса, высота которого равна 9954'.

К вечеру, после очень хорошего дня, над нами внезапно собралась большая туча, которая, обдав нас длившимся приблизительно полчаса проливным дождем, затем быстро ушла к востоку, окрасив в темный цвет все небо и, благодаря отражению последнего, также и море. Снова проглянувшее на западе солнце вызвало на этом темном фоне неба роскошную радугу, а на море, также темном, показалось бесчисленное множество белых гребней волн, расположенных неправильными линиями друг за другом. Величавая Кроноцкая сопка со всею живописной горной цепью, освободившись от облаков, опять предстала перед нами, но теперь, к нашему изумлению, вся верхняя треть горы была покрыта свежим, только что выпавшим снегом и от солнечных лучей была окрашена розовым и все усиливавшимся красноватым цветом. Точно так же и некоторые другие из более высоких горных вершин покрылись снегом и красноватым светом. Но особенное великолепие красок замечалось на самой сопке. Чем ниже опускалось солнце на запад, тем темнее и гуще становились краски. Сперва нежный розовый цвет переходил в красный, затем в лиловый и, наконец, в более и более темно-синий. Я не припоминаю подобной картины из какой-нибудь другой части Камчатки или из Альп: на востоке темное небо с чудной радугой и море со светящимися белыми гребнями волн, а на западе великолепное свечение мощной цепи конических гор. Удивительные контрасты темных и ярко светящихся красок составляли нечто невыразимо прекрасное. После солнечного заката над нами поднялся светлый, усеянный звездами небесный свод, и полная луна осветила горы своим мягким желтоватым светом.

К сожалению, ветер все усиливался, и прибой, становившийся все громче, заставлял нас опасаться нового плена. Опасения наши, к сожалению, оправдались: 18, 19 и 20 июля нам пришлось оставаться в лагере, хотя погода, если не считать непродолжительных дождей, все время была очень хороша. Но высокие волны и сильный прибой не позволяли нам продолжать плавание.

Утром 18 июня было чудное чистое небо, так что вся великолепная цепь вулканов выступала особенно ясно, и компасом можно было очень точно взять нижеследующие пеленги. Очень далеко на горизонте, почти на юго-юго-западе, представлялась в виде небольшого конуса Коряцкая сопка под 215°; затем следовали Жупанова сопка со своим столбом пара под 218°, три конуса под 220°, 222° и 224°, большие, почти черные клубы пара с Большого Семячика под 230° и рядом, под 235°, тупой конус Малого Семячика, с которого также поднимался пар. Далее шел целый ряд более или менее полных конусов, среди которых виднелось несколько удлинённых гор, представлявших, однако, все характерные вулканические формы (238°, 241°, 247°, 250-254°, 261°, 263°, 276°-281°, 286°, 287°, 307°). Под углом 247°--254° выступала сопка, быть может, Кихпинич. Всего ближе к нашему лагерю у устья Кродакынга поднимался величественный и прекрасный

конус Кронцкой сопки, вершина которой лежала под $324\frac{1}{2}^{\circ}$, следовательно, почти на северо-западе; колоссальная подошва сопки занимала 40° компаса, т. е. от 305° до 345° ; ее стороны наклонены к горизонту под углами 34° и 33° . Далее к северу опять следовал длинный ряд конусов под 344° , 350° , 351° , 352° , 354° , 8° , 13° , 15° . Наконец, еще далее к востоку, к мысу Кронцкому, тянулось длинное плато, на котором нельзя было видеть отдельных гор. Последний пеленг, почти 88° О, показывал границу между видимой сушей и морем. Тундра, широко раскинувшаяся перед нами, тянулась, по-видимому, до описываемой цепи; во всяком случае, она, несомненно, доходила до более близких вулканов, например до Кронцкой сопки. Мыс Шипунский не был более виден, так как он со своими невысокими горами скрывался уже за горизонтом. За исключением вулканов, находящихся к югу от Авачинской губы, а также северной группы Ключевских сопок и Шивелюча, перед нами лежала вся прекрасная цепь вулканов восточного берега Камчатки. Я сожалею только о том, что не мог тогда же узнать названия многих конусов, а потому лишен возможности приурочить имена, известные мною впоследствии, к отдельным горам, виденным мною из лагеря и нанесенным на прилагаемый небольшой чертеж.

Во время нашего невольного пребывания в этом месте мы делали еще неоднократные экскурсии, чтобы ближе подойти к Кронцкому озеру. Мы пытались добраться до него с морского берега к северу и к югу от лагеря, а также по берегу реки, но всюду встречали непреодолимые препятствия. Интересным является следующий факт, оставивший, однако, очень мало надежды на успех наших попыток: медвежьих троп, находимых так часто в других местах, совершенно не было по направлению к озеру.

Темный вулканический песок, полный воды и перемешанный с растительными остатками, образовал тундру и морские берега; последние имели вид дюн. *Empetrum nigrum* и горох на обширном пространстве покрывали местность. Несколько более высокие участки, как бы в виде островов, были покрыты густым ивняком и одинокими чахлыми березками; где берег реки становился немного выше, там нередко встречались ямы -- остатки старых камчадалских юрт.

По морскому берегу, идя к югу, мы встретили большое количество разбросанных китовых костей; а на месте, где лежал череп, нашлась также большая куча китового уса, самые крупные пластины которого имели до 7 футов в длину. Это были части скелета одного кита, выброшенного морем; обглоданные хищными животными, полужарытые в песке, валялись теперь эти кости по берегу. На тундре нашлись рога старого оленя, а вскоре мы увидели несколько этих животных, пасшихся здесь. Шестаков, как наилучший охотник и самый меткий стрелок из всех нас, ползком подкрался достаточно близко к оленям, а я остался позади, дожидаясь результатов охоты. Но не успел Шестаков приложиться, как я внезапно увидел медведя, который во весь опор мчался к охотнику. Я закричал изо всех сил, а затем все последующее разыгралось в одно мгновение; крик ужаса, вырвавшийся у меня, заставил Шестакова обернуться; заметив бегущего медведя, он прицелился и выстрелил в него. Я мог видеть, как медведь, перевернувшись на всем скаку, упал мертвым: пуля пробила ему череп. Охота на оленей была испорчена, зато Шестаков, находившийся в величайшей опасности, был спасен.

Это была, впрочем, не последняя встреча здесь с медведями: в короткое время мы подстрелили еще двух. Вообще этих зверей и тут было необыкновенное множество. И могло ли быть иначе, когда рыбная река, шикша и горох представляли так много

привлекательного для них! К тому же полная безопасность от преследований человека в течение долгого времени содействовала чрезвычайному размножению этих зверей и сделала их прямо до смешного дерзкими и бесстрашными. Нередко медведи подходили очень близко к нам. Однажды так было и с волком. А один раз вечером, когда мы сидели вокруг огня за ужином, красная лисица подошла почти к самому огню, остановилась и несколько времени смотрела на нас. Я нарочно велел не пугать ее, чтобы посмотреть, что будет дальше. Наконец лисица поднялась, обнюхала сперва ближайшие палатки и затем медленно удалилась. Гуси и утки также были очень доверчивы, а потому их легко было бить. Животные обращали гораздо больше внимания друг на друга, чем на нас, и ясно обнаруживали осторожность при приближении опасного для них гостя.

Невод, который мы закидывали, всегда оказывался наполненным рыбой и доставлял нам необходимые для стола припасы. Хайко (*S. lagocephalus*) и горбуша (*S. proteus*) составляли здесь главный контингент странствующих рыб. Среди них только одиночными экземплярами попадалась красная рыба (*S. lycodon*, ксивуч). Кто встречал горбушу только далеко внутри страны и видал там ее замечательный горб, тот не узнал бы ее здесь. Дело в том, что этой рыбе свойственно приобретать горб только с входом в реки; самый же горб увеличивается по мере того, как рыба старается пробраться выше по течению реки. Это -- факт, известный всякому камчадалу; камчадал судит даже о силе течения реки по размеру горба *S. proteus*. Итак, горб образуется благодаря усилиям рыбы и выражается тем, что спина круто поднимается сейчас же за головой, и таким образом тело становится здесь очень широким по направлению от спины к брюху.

21 июля мы проснулись очень рано утром при прекрасной погоде, и уже в 6 часов несмотря на легкий туман и еще продолжавшееся волнение вышли в море. Следуя почти совершенно параллельно берегу, мы сперва 3 ¹/₂ часа шли на веслах и затем один час под парусом, причем вообще держались восточно-северо-восточно-го и восточного направления. Контур берега все это время образовал большую дугу, направленную к востоку; самый берег был умеренно высок и не скалист. На каменном рифе мы встретили очень большое стадо тюленей (лахтака, *Phoca nautica*), производивших страшный шум: они выли, ворчали и лаяли совершенно почти как собаки. Эти звери также, по-видимому, едва обращая на нас внимание, продолжали свое занятие, и когда мы дали несколько выстрелов, то только немногие из них уплыли.

Начиная отсюда, берег скалист, но невысок, вместе с тем разорван и очень живописен. Порода, составляющая берег, темного цвета, столбовидно расщеплена и представляет характер базальта. С утесистых обрывов, пенясь и шумя, ниспадали многочисленные ручьи. Местами виднелись снежные пятна, а между последними -- многочисленные низкие березовые рощи с очень роскошной травянистой растительностью. Вдоль этих каменистых частей берега мы шли сперва 37 минут на юг, где выдавался мыс, впереди которого далеко на юг тянулся риф, затем 1 час и 20 минут -- на юго-юго-восток и юго-восток вдоль крутого скалистого берега с мысами и рифами. После этого мы приблизились к мысу, продолжающемуся к югу далеко тянувшимися рифами: на много верст из воды выдавались здесь камни и скалистые глыбы. Не помоги нам очень благоприятные условия погоды, этот мыс составил бы весьма серьезное для нас препятствие. Теперь же совершенно успокоившееся море дало нам возможность подойти к самому рифу и, выискивая более глубокие проходы между камнями, мы могли благополучно пробраться на другую сторону рифа и таким образом были избавлены от громадного обхода вокруг всего этого длинного скопления камней. Мои люди единогласно утверждали, что мы обогнули теперь мыс Кроноцкий. Но на карте Гидрографического департамента здесь поименованы три мыса, находящиеся на вершине широкого выступа, выдающегося на восток далеко в море. Поэтому я думаю, что мы только объехали мыс Козлов; впереди, согласно той же карте, нас ждал еще мыс Сивучий и только за ним находился мыс Кроноцкий. В своем изложении я и буду пользоваться этими названиями.

Мы словно прошли ворота как раз перед тем, как их замкнули: не успели мы, пользуясь тихой водой, пробраться через риф, как уже стали чувствоваться отдельные порывы ветра, и вскоре появились волны, высота которых все возрастала. Мы подняли парус, шли 1 час и 5 минут мимо скалистого берега на восток и около 4 часов высадились в неглубокой бухте, в которую впадала очень стремительная река, имевшая сажень 30 в ширину и приходившая, по-видимому, с северо-северо-востока. Долина реки была узка и романтически живописна. Крутые, обрывистые скалистые участки перемежались с группами ив, ольхи, березы и рябины. У устья находился утес, состоявший из темно-серой породы с базальтовидной столбчатой отдельностью. В глубокое устье реки шли многочисленные тюлени, преследовавшие шедших в эту реку рыб и со всем напряжением сил боровшиеся против очень сильного течения. Мы тоже вошли в устье реки, напрягая также все свои силы, и расположились лагерем на берегу, окруженном прелестным ландшафтом. Погода была прохладная, термометр показывал едва 7°. С ближних гор и из ущелий, местами обнаруживавших снеговые пятна, веяло настоящим альпийским воздухом; да и растительность в глубине долины благодаря присутствию горечавки и рододендронов, также носила отчасти альпийский характер. Речной галечник представлял много сходства с породами, встреченными на мысе Шипунском. Обломки метаморфизированных сланцев и кварцев перемежались с трахито-порфировидными и пористыми лавообразными материалами. Также и здесь песок на берегу моря и реки был темного цвета, варьировавшего от серого до черноватого.

Из интересных происшествий сегодняшнего плавания нужно, прежде всего, упомянуть о вновь встреченных нами нескольких китах. Эти киты не имели спинного плавника. Пуская свои фонтаны и совсем не обращая внимания на нас, они плыли очень близко от лодки. Через правильные промежутки времени показывались из воды их черные исполинские тела: сперва появлялась голова, сейчас же выпускавшая фонтан в 2 -- 3 метра вышиной; затем голова опять погружалась в воду и показывалась громадная спина, а за нею, наконец, -- хвостовой плавник. Изредка животные ныряли глубже, и тогда хвост высоко поднимался над водой и хлопал по поверхности с такой силой, что раздавался звук, подобный пушечному выстрелу.

Не менее интересна была и встреча с сивучами. Эти звери отличаются, по-видимому, сильно развитыми общественными наклонностями, так как только в виде исключения попадают одиночные особи. В подходящих же для них местах они постоянно встречаются большими стадами: на последнем рифе, например, было, наверное, больше 30 штук. И здесь также сивучи вскарабкались на самые высокие камни и скалы: они частью сидели, частью лежали и не прекращали хорового рева, точно как бы молчание для них было совсем невозможно. Когда мы приблизились, рев стал поистине оглушительным. Приподнявшись на передних лапах, широко разинув пасть и уставившись на нас своими большими желтыми глазами, они ревели в нашу сторону. Самые крупные и сильные особи были совершенно желтого цвета; другие, поменьше, -- темнее, красновато-буро-желтого; последние-то и производили наибольший шум; наконец самые маленькие экземпляры были темно-бурого цвета. Настоящих грив, как у льва, не было видно, хотя на голове и передней части тела волос был несколько длиннее, чем на остальном теле. Вокруг необыкновенно большой пасти торчали, как колючки, многочисленные длинные, толстые, щетинообразные волосы. По-здешнему народному поверью, сивучу можно нанести смертельную рану только за ухом: до такой степени, говорят, необыкновенно толста и прочна его кожа. Спокойное море дало нам возможность оставить лодку и выбраться на камни рифа, следовательно, близко подойти к животным, но наши выстрелы не вели к цели. Раненые сивучи опрометью бросались в море и, оставаясь в большом расстоянии, плавали кругом нас, причем продолжали свой неистовый рев. Когда мы поздно вечером уж расположились спать в палатках, внезапно послышались тяжелые шаги, быстро и неуклонно приближавшиеся к нам. Шестаков

выглянул и увидел уже совсем близко необыкновенно большого медведя, обнаруживавшего замечательную самоуверенность. В первый и последний раз я заметил испуг у этого отважного и решительного охотника. Шестаков быстро выстрелил несколько раз подряд холостыми зарядами и тем прогнал зверя; затем он вернулся в палатку, бледный как полотно, но предварительно убедившись, что медведь действительно убежал.

22 июля мы около 6 часов утра при чудной ясной погоде, хотя и довольно сильном волнении, были уже в море. Мы вышли на веслах из нашей маленькой бухты, обогнули мыс с выдающимся рифом и шли берегом по направлению к востоку в течение 3 часов и 25 минут. На этом участке пути мы миновали две бухты, разделенные небольшими мысами с рифами, и вошли в третью, где немного постояли, чтобы дать отдохнуть гребцам. Перед нами опять находился большой мыс со скалами и рифами, далеко протянувшимися на юг и восток. Нам предстояло со свежими силами одолеть это новое препятствие. Подобные далеко выдающиеся в море рифы при нашем плавании всегда причиняли нам самые большие задержки, потому что море лишь в редких случаях было настолько тихо, что почти не прекращающееся здесь волнение становилось безопасным для нашей маленькой лодки. Таким образом, пересечь риф вместо того, чтобы обойти его, как это было вчера, нам удавалось редко. В бухте, где мы остановились, за прикрытием высокого скалистого берега было совсем тихо, но с севера, из-за рифа, находившегося перед нами, доносился рев дальнего прибоя, нагнанного северным ветром.

Тем не менее, мы попытались идти далее. Но едва успев выйти из-под защиты берега к рифу, мы почувствовали уже свежий северо-восточный ветер, гнавший навстречу нам сильную зыбь и высокие волны. Пришлось повернуть обратно в бухту, где мы и разбили свои палатки среди роскошной травянистой растительности, на берегу небольшого, но стремительного и глубокого ручья шириною сажени в 4--5 и с мутной, наполненной песком водой.

На рифе, от которого мы вернулись, нам пришлось встретить столь же редкое, сколь и привлекательное зрелище: среди каменных глыб, на более глубоких местах, росли длинные фукусы, и на этих массах водорослей лежали 6 морских бобров (*Enhydra marina*). Резвые и проворные животные качались на волнах среди фукусов, по временам ныряя через водоросли в воду и затем снова показываясь на них. Иногда они начинали плавать, нередко в вертикальном положении, выставив передние лапы и половину туловища из воды и наблюдая нас; при этом они издавали особый звук, подобный тому, какой слышится при плеваньи и чихании. Животные, покрытые блестящей темной бурой-черной шерстью, были длиною фута в три и с живыми глазами темного цвета; длинные щетины вокруг светлоокрашенного рта придавали им некоторое сходство с кошками. Мели, сильное волнение и прибой не позволяли нам приблизиться, а с лодки, благодаря сильной качке, всякий выстрел кончился бы только промахом; приходилось, следовательно, отказаться от ценной добычи. Как только мы устроили свой лагерь, Шестаков с 3 матросами опять отправился на выгруженной лодке к месту, где были бобры; но эта экскурсия также осталась бесплодной. Зато нашим охотникам пришлось вскоре опять иметь дело с медведями, из которых один очень близко подошел к палаткам.

На всем берегу, виденном нами сегодня, очень часто встречались выходы породы со столбчатой отдельностью. У моря наблюдалось много галек миндального камня и кварцев -- агата, халцедона и зеленой яшмы. Кроме того, среди галек встречались обломки такой же трахито-порфировидной породы, как и на мысе Шипунском: серого цвета и с бесчисленным множеством включенных кристаллов беловатого стекловатого полевого шпата. Встречалась также темная вулканическая порода, содержащая куски черного минерала со смолистым блеском; ту же породу мы наблюдали на Семячике в распавшемся конгломерате. Наконец, здесь видны были обломки очень светлого

желтоватого сланца, который тут же выступал в коренном месторождении и притом под покровом довольно прочной темно-серой массивной породы, как бы залившей сланец. В туфовом сланце я на берегу заметил точащих моллюсков, просверливших свои отверстия с поразительной правильностью.

К вечеру ветер, бушевавший к северу от мыса, нагнал на нас дождь; но бухта, открытая с юга, оставалась относительно спокойной. В нее вошли, однако, несколько китов, которые развлекали нас некоторое время своей бешеной игрой.

Наутро, 23 июля, положение дел мало изменилось, и мы принуждены были оставаться как бы в плену. Большой риф, на несколько верст выдающийся в море, снова преградил нам путь.

Еще вчера днем и в течение ночи мы несколько раз слышали пронзительные свистки, но никак не могли найти виновника этого звука, хотя свист, несомненно, приходил с близлежащих скал. Теперь, утром, свистки стали опять очень часто повторяться, и, осматривая скалистые обрывы у бухты, я заметил в подзорную трубу большое общество сурков на одной из близких высот. Местом сборища для этих трудолюбивых и проворных животных служила широкая, не очень высокая и не особенно крутая скала, усыпанная на поверхности беспорядочно набросанными обломками, среди которых проглядывала довольно мощная травянистая растительность. Под обломками сурки устроили свои многочисленные норы и в данный момент прилежно собирали различные части растений для зимних запасов. Хорошенькие зверьки хлопотливо сновали взад и вперед. Найдя пригодную травинку, они тотчас же по-заячьи садились на задние ноги, ловко схватывали ее передними лапками, раскусывали пополам и уносили, вскоре опять возвращаясь на ту же работу. На высшей точке скалы в качестве часового, неподвижно выпрямившись и сложив передние лапки на груди, сидел один сурок. Как только что-либо возбуждало его подозрение, он тотчас же издавал пронзительный свист и сам исчезал в землю. Этот сигнал вызывал то же действие во всем обществе: все без исключения сурки мгновенно прятались по своим норам. Только по прошествии нескольких минут часовой осторожно и постепенно поднимался вверх и занимал прежнее положение, после чего со всех сторон показывались маленькие головки, и немного спустя все зверьки по-прежнему были в полной работе. Всякое быстрое движение, всякое громкое слово у наших палаток давали повод сторожевому сурку издавать предостерегательный свист. Зверьки имели до двух футов в длину, были сплошь темно-серого цвета, с круглыми головами и очень маленькими ушами.

Наша маленькая бухта оставалась и сегодня спокойной, между тем как на севере от нас все еще продолжалось волнение, хотя и значительно ослабевшее. На прогулке по берегу моря мы видели еще снег в некоторых ущельях и нашли множество китовых костей и китового уса, сложенных в виде пирамид, -- находка, показывающая, что здесь уже до нас хозяйничали люди. Следы оленей и волков были видны также и здесь, а ежедневные встречи с медведями составляли, конечно, нечто само собою разумеющееся.

Поздно вечером дождь прекратился и ветер стих настолько, что у нас явилась надежда в скором времени опять пуститься в плавание в обход рифа.

Утром 24 июля волнение улеглось настолько, что мы могли готовиться в дорогу; но выйти в море нам удалось только в час дня. Морское течение нам очень благоприятствовало, так что мы на веслах быстро подвигались вперед. При усердной работе гребцов мы в 40 минут обогнули мыс с его рифом, придерживаясь сначала южного и юго-восточного направления, а затем восточного и северо-северо-восточного. Несмотря на продолжавшееся волнение, нам и теперь удалось пересечь риф, так что значительная часть его, тянувшаяся, постепенно понижаясь, на несколько верст в море, осталась к востоку от нас. Таким образом, мы, по моему предположению, обогнули второй главный мыс (Сивучий, также Каменная бухта) этой далеко выдающейся в море части берега; следовательно, из больших мысов перед нами лежал еще только мыс Кронуцкий. Сегодня также мы видели множество морских бобров, качавшихся на

поросших фукусами отмелях. Прекрасная черно-бурая летняя шерсть животных раздражала охотничий пыл моих людей, но из-за волнения с лодки нельзя было сделать ни одного верного выстрела, а о высадке нечего было и думать. Животные были в высшей степени подвижны и чрезвычайно внимательно следили за всем, происходившим вокруг них. Нырнуть и вынырнуть было для них делом одного мгновения; они также необыкновенно быстро и ловко плавали.

На скалах и здесь неоднократно встречались группы сивучей, страшный рев которых разносился на далекое расстояние.

Едва успели мы пройти к северу от мыса, благополучно оставив его позади себя, как вдруг в нескольких шагах от нашей лодки вынырнул, пуская свой фонтан, большой кит. Мы немало испугались, но великан спокойно поплыл своим путем. Благодаря направлению ветра, шедшему к нам от кита, мы почувствовали невообразимо отвратительный запах, распространявшийся от фонтана. Звук же, сопровождавший выбрызгивание воды, можно было уподобить звуку от сильного дутья в длинную металлическую трубу. 3 ³/₄ часа шли мы, не переставая грести, в северо-восточном направлении, после чего достигли бухты, в которой шли еще 25 минут на север, пока, наконец, не высадились и не разбили своих палаток. Перед нами опять находился выдающийся далеко на восток мыс с тянущимися на несколько верст в море рифами, обогнуть который сегодня же мы уже не решались. Этот-то мыс и должен был быть по моим расчетам мысом Кроноцким.

От бухты, места нашей остановки, тянулась внутрь страны широкая болотистая долина, по которой протекал ручей. Высокие горы, от вершины до подошвы покрытые старым снегом, окружали долину. Мы внезапно очутились среди зимнего ландшафта. Термометр показывал только 6° тепла, и, если бы наши палатки не стояли среди роскошной травы, то на вид зима была бы полная, так как в довершение всего ни деревьев, ни кустов здесь не было.

Берега, мимо которых мы проходили сегодня, были скалисты и не очень высоки. Они состояли из одних только маленьких мысов с рифами, между которыми находились небольшие бухты. Порода, составлявшая скалы, была серого цвета, слоиста и туфовидна. Она состояла как бы из вулканического пепла и, вероятно, образовалась из отложившегося в воде вулканического щебня и песка. Встречались также, хотя и редко, столбчатые отдельности. По берегам бухт и на холмах находились лесные участки, в которых преобладала *Betula Ermani*. Тем загадочнее оставалось для меня, почему только наша маленькая бухта носила такой резко выраженный зимний характер, какого мы не встречали ни в прежде, ни в после того виденных бухтах, хотя горы и горные цепи, их окружавшие, по-видимому, были не меньшей высоты. В наш маленький, бедный рыбой ручей вливался поблизости от палаток холодный источник с температурой в 3°. Он вытекал из слоя синей железистой земли и приносил такую массу железа, что окись его образовала по берегу ручья отложение толщиной в ладонь. Этот железистый источник подал повод к шутке, которую я позволил себе сыграть со своими людьми. Заметив, что для приготовления чая они берут воду отсюда, я сказал им, что сегодня наш чай будет совсем черный. Но так как вода была совершенно прозрачна, и казалась очень чистой, то они мне не хотели верить, и были очень удивлены, когда я оказался прав. Тогда была принесена вода из реки, и мы получили чай, годный для питья. Конечно, для моих людей так и осталось загадкой, как я мог предсказать это, но мой авторитет благодаря этой случайности очень возвысился в их глазах. Здесь в первый раз за наше плавание не пришлось встретить медведей; это было до того для нас необычно, что нам положительно чего-то недоставало. Мертвая тишина царила вокруг. Единственное живое существо, которое я видел в этой зимней бухте, был маленький слизень, сидевший на травинке.

25 июля, в 6 часов утра и в прекрасную погоду, мы были уже в море. Сначала мы гребли из бухты на восток. Отсюда верхние части отдаленных гор представлялись очень

скалистыми: повсюду над снегом поднимались крутые утесистые зубцы. Так мы шли на восток и восточно-северо-восток в течение 1 часа и 20 минут, как вдруг густейший туман заволок все кругом нас, и нам оставалось только возможно близко подойти к берегу и стать на якорь под защитой маленького мыса, чтобы переждать туман. Это оказалось, однако, жестоким испытанием для нашего терпения, потому что так мы в бездействии провели целых 7 часов, с минуты на минуту ожидая улучшения и прояснения погоды. Коротать это долгое время нам помогли только тюлени, которые, по-видимому, принимали нашу белоснежную лодку за льдину и поэтому подплывали к ней довольно-таки близко. Наконец около трех часов пополудни туман исчез, и мы могли приступить к плаванию вокруг большого мыса с рифом, лежавшего перед нами. Риф состоял преимущественно из низких камней, среди которых наподобие башни поднималась довольно высокая скала. Описывая большую дугу, мы на веслах и под парусом стали обигать мыс с рифом и через 35 минут совершенно благополучно оставили позади себя то и другое. Благодаря несколько попутному ветру и сильной работе гребцов наша лодка буквально летела, как мы могли хорошо видеть по близлежащим скалам. Сначала мы держали на юго-восток, затем на северо-восток и, наконец, на северо-запад. К северу от мыса оказалась бухта, которая глубоко врезывалась в северо-западном направлении в сушу и была окружена высокими снежными горами. Мы прошли мимо этой бухты, затем, идя далее все на север, достигли через час маленького мыса, а еще через 30 минут -- второго мыса и наконец, продолжая все держаться северного направления, вошли в бухту, где высадились и разбили свои палатки. Здесь также впадал в бухту маленький ручей. На высотах прибрежных гор так же, как и на группе конусообразных вершин, поднимавшихся к западу от нашей стоянки, лежало много снега. Только что обойденный большой мыс и был, наконец, мыс Кроноцкий; следовательно, самые большие препятствия на нашем пути могли считаться уже побежденными. Мы наслаждались здесь прекрасной погодой и самым ясным небом, между тем как только что оставленный нами мыс Кроноцкий снова покрылся густым туманом, представлявшимся в виде высокой темно-серой стены. Там прояснилось всего на какой-нибудь часок, и в это время мы счастливо проскользнули между рифами.

Незадолго до нашей высадки мы снова встретили пять больших китов, которые и на этот раз, как и раньше, мирно проплыли мимо нас. Само собою разумеется, что мы остерегались нападать на них или даже раздражать их чем-нибудь, а, напротив, по возможности давали им дорогу. Во всяком случае, киты производили на меня впечатление очень миролюбивых и добродушных животных: мы встречали их очень часто и никогда они не обнаруживали ни намерения напасть на нас, ни какой бы то ни было навязчивости. Береговой песок здесь не имел уже темного серо-черного цвета, как в ранее посещенных местах, а принял обыкновенную светлую окраску. Галечник состоял из обломков светлой, серо-желтой, глинистой, немного сланцеватой породы с раковистым изломом, далее рогово-обманковой породы с крупными черными, сильно блестящими кристаллами роговой обманки и, наконец, базальтовидных и пористых лавовых пород; последние, впрочем, играли более подчиненную роль. Животная жизнь здесь также почти отсутствовала, и растительность, за исключением роскошной травы на низинах, была крайне бедна.

26 июля, в 4 часа утра, работа уже кипела в нашем лагере, а в 5 часов мы были в море при чудной ясной и теплой погоде. Как и раньше, мы все время по возможности шли параллельно берегу и в северном направлении. Горы обнаруживали здесь неявственную слоистость с падением на север. Снег лежал еще до самого моря в виде больших пятен, среди которых выступала роскошная зелень травы. После приблизительно получасового плавания мы в первый раз увидели на северо-западе Ключевскую сопку и тотчас вслед за ней и Крестовскую. Вид этих гор послужил наилучшим доказательством того, что мы действительно обогнули мыс Кроноцкий с его высокими горами, именно вследствие своей высоты представляющими такой резко зимний характер.

В течение 2 часов 15 минут мы шли на северо-северо-запад, частью на веслах, частью под парусом. На берегу опять виднелись скалы со столбчатой отдельностью. На этом последнем участке пути нам не раз приходилось встречать какое-то большое темно-бурое животное, которое всплывало на поверхность воды, причем, однако, головы его никак не удавалось видеть. Однажды такая большая бурая спина показалась совсем близко от рулевого весла. То не был ни кит, ни тюлень: для последнего тело загадочного животного было слишком исполинских размеров. Вслед за тем мы увидели множество бьющих фонтанов, которые быстро приближались к нам со всех сторон. Такого множества китов нам никогда еще не приходилось видеть. Хотя многократный опыт уже убедил нас в том, что нам нечего опасаться нападения этих животных, однако все-таки одно прикосновение таких колоссов, всегда возможное при таком близком прохождении их стаи мимо лодки, достаточно было бы для повреждения ее; поэтому мы предпочли приблизиться к берегу. Но еще только подходя к одной бухте, мы очутились в кольце: со всех сторон нас окружили всплывавшие киты, ничем, однако, нас не потревожившие. Некоторые из них издавали звук, более всего походивший на голос слона. Вся стая с невероятной быстротой промчалась мимо нас, направляясь к югу. Самый быстрый пароход не догнал бы их, и несомненно, что киты в самое короткое время проходят огромнейшие расстояния. Когда мы приближались к бухте, навстречу нам доносились голоса животных, подобные громкому реву. Посмотрев в зрительную трубу, я по длинным белым клыкам узнал целое стадо моржей, которые, расположившись на больших плоских береговых камнях, грелись на солнце. Теперь уж не подлежало более никакому сомнению, что большие бурые спины, виденные нами раньше на поверхности воды, также принадлежали моржам.

Обширная, плоская скала, лишь на несколько дюймов поднимавшаяся над уровнем воды, была буквально усеяна большими тушами светло-бурых животных, которые совершенно беспомощно, вяло и тяжело передвигаясь по суше, производили при этом страшнейший шум. Мы осторожно объехали в лодке плоскую скалу, на которую можно было попасть с материка, не омочив ног, и высадились в одном защищенном местечке. Я с Шестаковым вышел на берег, люди же с лодкой поджидали нас поблизости. Приблизившись к лежбищу моржей, мы нашли уже там зрителей: два медведя стояли в небольшом расстоянии друг от друга и, по-видимому, были вполне погружены в созерцание этих великолепных куч мяса. Мы должны были сперва окрикнуть их, и тогда они, очнувшись от своих грез о лукулловских пиршествах, обратились в поспешное бегство. Мы подкрадывались все ближе и ближе, и, однако, ни одно из животных, даже видя нас, не двинулось с места. Теперь мы смело приближались к моржам, зная их беспомощность на суше, и были уже всего только шагах в 10 от ближайшего зверя. Моржи только подняли головы, страшно фыркая и свирепо глядя на нас своими большими желтыми глазами. Мы остановились в изумлении перед этой редкой картиной, которую могли рассматривать с самого близкого расстояния. Вся плоская скала, подобно огромному каменному полу далеко вдававшаяся в море, была сплошь покрыта этими грязными громадами. В ту же скалу врезывалось два глубоких канала, и по ним приплывали с моря еще новые животные, пытаясь отсюда выбраться на сушу. На скале было, наверное, около 150 моржей, которые валялись в собственных слизистых извержениях, далеко заражавших воздух. После первого выстрела, направленного в спину одного из животных и, насколько я мог заметить, несколько его не ранившего, ближайшие к воде моржи самым беспомощным образом начали скатываться в нее. Достигнув родного элемента, они с величайшей ловкостью и быстротой стали плавать, нырять и кувыркаться. Их необыкновенно жирные тела в воде приобрели опять округлость, тогда как лежа на скале они в силу собственной огромной тяжести совершенно сплющивались, подобно мехам, наполненным тягучей жидкостью.

Мало-помалу множество моржей с величайшими усилиями и трудом вернулись в воду, совершенно заполнив собою канал и всю окрестность плоской скалы. С рычанием и

фырканием, подняв свои белые клыки, они стали пристально смотреть оттуда на нас. Остальные моржи, лежавшие дальше от воды, добирались до нее, несмотря на все старание, лишь очень медленно. Шестаков и я выбрали теперь мишенью голову одного из самых больших животных и стали стрелять в нее с расстояния не более 6 -- 7 шагов. Две кровавые раны, из них одна в глаз, были результатом нашей стрельбы. Зверь продолжал по-прежнему фыркать и рычать, подталкивая свое массивное жирное тело к воде. Я выстрелил вторично, опять попал в голову, но так же безуспешно. Наконец раненый морж добрался до воды, бросился в нее, и, подобно другим своим товарищам, стал нырять и всплывать, обнаруживая при этом свои сильно кровоточившие раны. Испуганные выстрелами, все моржи, хотя и с величайшим трудом, ушли в воду. Далеко кругом видны были плававшие и нырявшие животные. Оба канала были до такой степени переполнены ими, что, можно сказать, голова вплотную примыкала к голове. Обыкновенно, однако, моржи устраиваются удобнее. Они очень хорошо знают подходящие для них места и собираются там еще при начале отлива. При убыли воды они остаются на обсушке и лежат себе так, греясь на солнце, все время отлива. Наступающий же прилив снимает животных с мели без всякого с их стороны усилия. Мне очень уж хотелось получить череп моржа, а потому мы сделали еще несколько выстрелов, целя в самые чувствительные и нежные части тела; но все наши усилия ни к чему не вели, так что мы наконец прекратили бесцельное нанесение ран. Мы пристали к берегу на север от большой плоской скалы, чтобы при дальнейшем плавании нам не пришлось проезжать мимо разъяренных животных и подвергнуться их нападению на воде. Вернувшись к лодке, мы видели, как моржи опять старались обратно вскарабкаться на скалу, а некоторые из них делали эти попытки еще в то время, когда мы находились перед ними. Насколько они беспомощны на суше, настолько же они подвижны и поворотливы в воде. Перекувырнуться, проплыть друг над другом или друг под другом, -- это делалось с такой быстротой и ловкостью, которых никак нельзя было бы предположить в этих громадных, неуклюжих, переполненных жиром телах. В то время как на суше от всякого движения толстый слой подкожного жира трясся как студень, в воде все тело моржа, равномерно со всех сторон поддерживаемое, представлялось более плотным и твердым. Цвет описываемого животного -- грязный и светлый, занимающий середину между красновато-бурым и желтовато-бурым. Наибольшая длина достигает, по-видимому, футов 18. Общий вид напоминает мешок, утончающийся к обоим концам, которые состояются головой и задними конечностями. Передние конечности походят на сравнительно короткие лапы, прикрепленные ближе к нижней стороне груди. Животное только кое-где покрыто волосами, и то очень короткими. Но на голове, затылке, шее и значительной части спины толстая прочная кожа составляет твердый, плотный мозолистый панцирь. Двигаясь по земле, животное опирается и поднимается на свои короткие, но крепкие передние ноги, которые буквально подгибаются под страшной тяжестью туловища; затем оно подгибает под себя заднюю часть тела, что сопровождается сильным шумом трения и некоторым изгибом спины, опирается на обе ластовидные задние конечности и подталкивается ими вперед, чтобы снова повторить в той же последовательности перечисленные маневры. Голова этого безобразного животного составляет, по-моему мнению, самую замечательную часть тела. По сравнению с величиной моржа она очень мала и состоит, собственно, из большой широкой морды, усаженной длинными толстыми щетинами, особенно многочисленными вокруг рта и по сторонам его. Рот, даже при реве раскрывающийся так мало, что в нем ничего не видно, вооружен по сторонам двумя толстыми клыками, имеющими до двух футов в длину и выдающимися из верхней челюсти. Ноздри, разделенные небольшим промежутком, совершенно круглого очертания, немного больше двух сантиметров в поперечнике и у наружной стороны снабжены герметически закрывающимися клапанами. Эти клапаны, должно быть, состоят из очень твердых и туго напряженных мускулов. Так, по крайней мере, можно заключить из того, что

закрывание и открывание их, совершающееся сообразно потребностям дыхания, происходит с какой-то особенной силой и эластичностью. При всяком нырянии оба клапана сразу сильно захлопываются, а при всплывании опять открываются, подобно крышке часов с очень сильной пружинной. При открывании клапанов с большой силой и шумом вырывался ток воздуха, всегда уносивший несколько капель воды; но настоящей струи воды при этом никогда не наблюдалось. Бледно-желтые, большие, глупые глаза подвинуты очень далеко назад, к затылку. Клыки обыкновенно обращены прямо вниз, следовательно, с продольной осью тела составляют почти прямой угол. Однако в некоторых случаях голова может откидываться к шее настолько, что значительная часть ее втягивается в большую складку кожи у затылка, вследствие чего клыки получают направление, совпадающее с продолжением оси тела, и приобретают вид направленных вперед копий. Такое положение клыки принимали, например, при попытках животного взобраться на плоскую скалу. При этом, однако, моржи никогда не пользовались ими, а только своими конечностями. Вообще они, по-видимому, очень бережно обращались со своими клыками и проявляли большую чувствительность при прикосновении к ним. Я вообще не мог заметить, чтобы моржи как-нибудь пользовались своими клыками; зато мне случалось видеть, что, получив удар в зуб, они рычали сильнее и старались защитить его отклонением головы. Но все же у многих из животных клыки были более или менее повреждены или даже совсем обломаны. Вместе с тем, значительно притуплённые концы клыков свидетельствовали о сильной работе их, которая, быть может, исключительно состояла в выкапывании и срывании со дна моря необходимой пищи. Я не видал, чтобы моржи пользовались своими клыками как орудием нападения или даже только угрожали ими. Мы встретили описываемого зверя на крайней южной границе его распространения: в Камчатке все считают, что южнее мыса Кроноцкого моржи не показываются; точно так же их совсем нет в Охотском море.

Так как было еще рано, то мы продолжали наше путешествие. Пройдя 20 минут на запад, мы встретили устье реки и, войдя в него, поднялись вверх версты на две. Эта река, текущая с запада, вероятно, была Чаема, которая должна протекать где-то в этой местности. Раньше Чаема имела некоторое значение благодаря острогу того же имени, расположенному на ней. Во времена Стеллера и Крашенинникова главная дорога из Петропавловска в Нижнекамчатск шла по восточному берегу Камчатки, и тогда острог Чаема очень часто посещался из Ешкуна. Теперь здесь все было мертво, и я не заметил даже следов человеческого жилья. Выходов коренных пород по реке не замечалось, берега ее состояли только из аллювиальных наносов. Песок имел светлую окраску, и среди галек в русле реки находилась еще какая-то пористая вулканическая порода, а также и некоторые роговообманковые породы. Леса здесь не было, но зато росло множество кустов вербы, ольхи и кедровника вместе с очень роскошной травой. Недалекие горы представлялись очень разорванными и были покрыты снегом. Тут же при устье мы подкрепились едой и опять вышли в море. День был теплый и термометр на воздухе (в тени) показывал 19°, а в воде (на море) 12°. Проехав еще час и 25 минут под парусом на север, мы снова очутились при устье довольно большой реки, которая также могла быть Чаемой. На этом последнем переходе перед нами с северо-запада опять выступила прекрасная конусообразная гора; сами же берега были скорее низменны. Ветер ослабел и заставил нас взяться за весла. Так мы гребли в течение 40 минут, затем ветер усилился, стал вполне попутным и 1 1/2 часа кряду с довольно большой скоростью нес нас на север. При этом случае нам пришлось видеть довольно интересное зрелище: небольшая стая дельфинов (свинок) появилась на поверхности воды и как будто стала состязаться с нами в скорости. То мы их оставляли за собою, то они опережали нас, делая при этом самые забавные скачки и с громким шумом пуская фонтаны; в конце концов они скрылись из виду. Теперь мы снова убрали парус и в продолжение часа и 10 минут гребли на северо-запад. Начиная от реки, виденной в полдень, мы больше не встречали скалистых берегов. Берег, состоявший из

аллювиальных наносов, большею частью был еще довольно высок, но к северу стал быстро понижаться и вполне принял характер тундры. Горы опять отступили далее внутрь страны и, по-видимому, были круты, скалисты и очень обильно покрыты снегом. После того как мы прошли на веслах еще 40 минут в северном направлении, на востоке с небольшим уклоном к северу показался мыс Камчатка, весь белый, окутанный снегом и льдом. Так как из моря выступали только высшие его части, то он издалека казался островом, на котором как бы царил вечная зима. Спустя еще 10 минут мы направились к берегу, где разбили наш лагерь у маленького ручья, на тундре, близ самого моря. Перед нами к северу виднелась крутая, покрытая снегом горная цепь, которая, направляясь на запад, доходила до моря, где и кончалась мысом. Это был мыс Подкамень, последний перед устьем реки Камчатки -- цели нашего плавания.

Здесь часто встречались следы оленей, и где были такие следы, там уж непременно появлялись и следы волков, которые более чем охотно держатся вблизи оленей. Один волк отважился подойти совсем близко к нашим палаткам вскоре после того, как мы несколькими выстрелами прогнали медведя; впрочем, этот волк убежал, прежде чем мы успели взяться за оружие. Тучи комаров напали на нас на берегу, и благодаря им мы провели мучительную, почти бессонную ночь, так как приходилось выбирать лишь между удушливым дымом и нестерпимым мучением от мириад этих кровопийц. 27 июля, в пять часов утра, при чудной погоде мы были уже опять в море. Морское течение и теперь благоприятствовало нам. Пройдя 50 минут на веслах в северном направлении вдоль тундристого берега, мы достигли занесенного песком устья реки, и, спустя 2 ¹/₂ часа, второго такого же устья. Благодаря очень спокойному морю мы могли здесь остановиться на короткое время для отдыха. Множество тюленей, выглядывавших из воды у самого устья, а также два медведя, ловивших рыбу на берегу, -- все это свидетельствовало о рыбном богатстве реки. Она, по видимому, начиналась в горном кряже мыса Подкамень, следовательно, на северо западе. Глубина ее была незначительна, вода -- чистая, снеговая. От устья реки Ключевская сопка представлялась под 295°, мыс Камчатка -- под 46° и мыс Подкамень -- под 12°.

Отсюда мы в течение 1 ¹/₂ часа шли на веслах, после чего тундра сменилась низкими лесистыми холмами. Прошел еще час, в течение которого мы подвигались в северо-северо-восточном направлении, и перед нами уже выступили некоторые скалы на берегу, постепенно повышавшемся; затем полчаса мы следовали вдоль не очень высокого скалистого берега и наконец, после часового плавания в северо-восточном направлении, нам удалось обогнуть мыс и риф Подкамень; так как рифы здесь невелики, то это удалось нам без особого труда и опасности. Но берег в этом месте был так крут и скалист, что высадка, даже в самом крайнем случае, была бы здесь невозможна. Утесы состояли, главным образом, из желтоватой, слоистой, сильно выветрившейся туфовой породы. Тотчас же за мысом Подкамень прекратилось благоприятное для нас морское течение, идущее на север; оно даже сменилось противоположным -- с севера, которое было для нас в высшей степени неудобно. В течение трех часов мы гребли на север и подавались вперед лишь очень медленно. Но к нашей радости ветер засвежел и принял попутное для нас направление, так что мы воспользовались парусом в дополнение к веслам и в 1 ¹/₂ часа успели пройти порядочное расстояние на север. Мыс Камчатка, находящийся уже к северу от устья соименной реки, постепенно выдвигался к востоку и все более и более обнаруживал свою связь с материком. Мы заметно вступали внутрь обширного залива, называемого на картах Камчатским. В самом северном своем углу он принимает в себя наибольшую реку полуострова -- Камчатку.

Начиная от мыса Подкамень, мы плыли в северо-восточном направлении опять вдоль низкого дюнного берега в течение часа и 20 минут. Уже темнело, когда мы высадились через бурун, едва не опрокинувший нашей лодки. Здесь берег был песчанист, а далее внутрь страны -- тундрист, у самого же моря тянулась высокая щебневая береговая дюна. На этой дюне стояли наши палатки, совершенно не защищенные от северо-

восточного ветра, который все крепчал и не предвещал ничего хорошего. За дюной мы не находили и следов залива (старого русла, см. стр. 199) -- ближайшей цели наших поисков. Дело в том, что река Камчатка имеет старое русло (залив), очень далеко проходящее к югу и, как на всех здешних реках, отделенное от моря лишь береговой плотиной (кошкой). Все наши желания сводились теперь к одному -- добраться, наконец, до этого залива и расстаться таким образом с морем и со всеми его опасностями.

Утром 28 июля перед нами, к нашему огорчению, расстился сильный бурун; при этом был туман и стояла довольно суровая, холодная погода: температура воздуха равнялась всего только 5°. Ветер был не очень силен и не мешал бы продолжать плавание. Но так как погода, по видимому, собиралась перемениться, а наш лагерь ничем не был защищен от непогоды, и, кроме того, здесь не было воды для питья, то мы и порешили перенести багаж потяжелее берегом до более удобного места, затем вернуться и в облегченной лодке пробраться через бурун и снова высадиться у места, где будет сложен багаж. Итак, нагрузив на себя столько тяжестей, сколько было возможно, мы пошли берегом по высокой дюне. Пройдя верст шесть, мы добрались до небольшого скопления воды в тундре, обнаруживавшего, по-видимому, слабое течение на север. Здесь мы сложили вещи, а у моря воздвигли пирамиду из наносного леса, чтобы потом легче было узнать место. Затем мы поспешно вернулись к лодке. Через бурун, который, к счастью, был здесь только над песчаной отмелью, мы пробрались легче, чем предполагали, но все же при этом промокли и набрали много воды в лодку. Вычерпав воду, мы подняли парус и, пользуясь усилившимся восточным ветром, быстро поплыли на север. Прошло очень немного времени, как мы увидели уже поставленный нами на берегу знак; но как раз в том месте высадка была невозможна, чего мы не могли рассчитать со стороны суши. Нам оставалось только ехать далее на север, приблизительно еще столько же верст, сколько пришлось пройти для переноски вещей. Мы сделали это очень скоро, но благодаря все усиливавшемуся волнению дальнейшее пребывание на море становилось опасным; поэтому, выбрав несколько более спокойное место, мы опять через бурун высадились на берег; конечно, при этом нам еще раз пришлось насквозь промокнуть. В то время как мы еще вытягивали лодку на берег, Шестаков несколькими прыжками взобрался на дюну и закричал нам, сияя от восторга и махая шапкой: "Ура! Залив здесь!"

Подобно электрической искре подействовал на нас этот крик. Радость и благодарность охватили нас: наконец мы достигли давно желанной цели!

С освеженными силами мы вытянули лодку сперва на дюну, а затем тотчас же в тихую воду залива. Затем все вернулись к оставленному багажу и около 8 часов вечера сидели уже вокруг пылающего огня. Нами овладело радостное возбуждение и твердая уверенность, что завтра мы будем уже в поселении на устье Камчатки, опять среди людей. А между тем, позади нас, за высокой береговой дюной, неистовствовал прибой и завывал ветер. Низкий морской берег тянется сперва на север, до устья реки Камчатки, а затем на восток, немного не доходя до мыса Камчатки. Лишь начиная отсюда, этот берег опять становится высок, скалист и горист. До устья реки Камчатки и затем еще на некотором протяжении далее проходит высокий дюнный вал, состоящий из щебня и песку. Этот материал частью нанесен изнутри страны постепенной работой могучей реки, частью же выброшен и накоплен морскими волнами. Словом, здесь наблюдается образование, сходное с дюнами на р. Жупановой. Позади описываемого высокого вала тянется параллельно морскому берегу "залив" реки Камчатки, и мы случайно высадились у самого южного конца его. Этот "залив" или старое русло реки представляет теперь широкое, похожее на озеро скопление воды без всякого течения; это длинная заводь, направленная к югу и питающаяся из реки, с которой остается в сообщении. Описываемый старый рукав реки проходит через болотистую, тундристую аллювиальную местность, поросшую лишь высокой травой да разве еще кое-где ивняком и олешником. Самый же береговой вал, отделяющий эту местность от моря, почти

совсем лишен растительности. При ясном небе и свежем попутном юго-восточном ветре, страшно неистовствовавшем возле нас на море, отправились мы на север 29 июля, в половине седьмого утра, и, идя под парусом по тихой воде залива, благополучно достигли поселения у устья р. Камчатки -- цели нашего путешествия -- в 9 часов утра. Ровно семь недель тому назад мы вышли из Петропавловска и за все это время не встретили ни человеческого жилья, ни живой души; тем с большим удовольствием приближались мы к уютным домам. Приблизившись к местечку настолько, что перед нами выступили строения, мы дали несколько ружейных залпов, что по камчатскому обычаю составляет радостное приветствие. Эта трескотня вызвала на берег жителей, которые, узнав нас, разразились громким ура и веселыми криками. Лейтенанты Монеvский и Гезехус радостно и сердечно встретили меня и привели к себе на квартиру. Первый прибыл несколько дней тому назад на каботажном судне из Петропавловска, откуда привез материалы, нужные инженеру Гезехусу для судовых построек. Таким образом, здесь уже были предупреждены о нашем приезде, давно уже нас ждали и даже серьезно беспокоились о том, что нас так долго нет. Старики-камчадалы и моряки утверждали, что никто никогда еще не отваживался пускаться в маленькой лодке из Авачинской губы до устья Камчатки, и что я первый выполнил такую рискованную поездку. Благодаря такому подвигу нас осыпали всякими знаками почтения. Офицеры задали торжественный обед, на который пригласили всех нас, а вечером для команды устроены были танцы, так называемая вечерка, на которой немалую роль играла водка, присланная Завойко. Мой верный спутник Шестаков был героем дня, и, нужно сказать, вполне заслуженно. Весь день и вся ночь прошли в сплошном празднике и веселии. Но для меня это было слишком много, так как теперь, по минованию беспокойств и невольного напряжения всех сил, мною овладели такая усталость и слабость, что я уже рано отправился на покой.

2) Обратное путешествие в Петропавловск через долину реки Камчатки

Торжественное приветствие и радушный прием, встреченный нами со стороны населения у устья реки Камчатки, а в не меньшей степени также и утомление после всех тягостей и лишений пути вызвали во мне желание остаться здесь для более или менее продолжительного отдыха. Но с другой стороны, довольно позднее время года и предстоявшее еще продолжительное обратное путешествие через долину р. Камчатки побуждали торопиться с отъездом. Поэтому я решил 30 и 31 июля посвятить нужным приготовлениям, а 1 августа тронуться в путь.

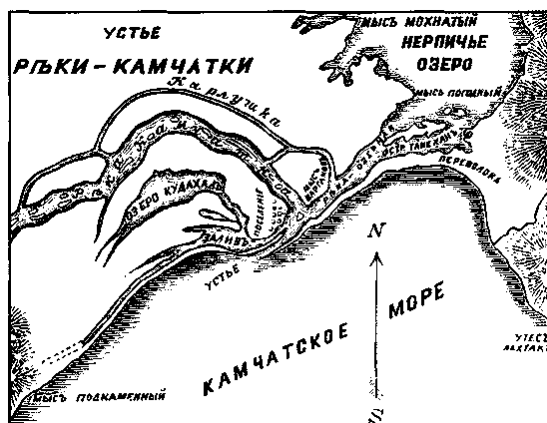
Сначала я предполагал ехать дальше на север, по крайней мере, до мыса Камчатки, а также объехать Нерпичье озеро. Но от этих планов пришлось отказаться уже по тому одному, что Завойко отдал приказание Монеvскому забрать при отъезде в Петропавловск (который должен был состояться на днях) мой вельбот с командой ввиду нужды в них для других работ. Первоначально предполагавшаяся поездка потребовала бы, по крайней мере, 14 дней, а так как к тому же погода становилась все более и более непостоянной, то пришлось совершенно отказаться от этого намерения. Я мог отправиться в своей лодке и со всею командой не далее, как до Нижнекамчатска, т. е. на расстояние 30 верст вверх по реке. Затем мои люди должны были вернуться и поступить в распоряжение лейтенанта Монеvского, чтобы вернуться с ним на новопостроенном здесь каботажном судне в Петропавловск. Предполагалось также при этом случае отправить домой все собранные коллекции и излишние предметы и забрать с собой новые запасы, в изобилии присланные сюда Завойко. Таким образом, благодаря попечительности губернатора, я был превосходно снаряжен всем нужным. Особенно много получил я охотничьих принадлежностей и чая, а последний составляет

совершенную необходимость в путешествии по Камчатке, потому что за все услуги и за полученную еду приходится расплачиваться только чаем. У меня было теперь также достаточное количество сахара, сухарей, консервов и пр.

Но прежде чем перейти к рассказу собственно о путевых приключениях, здесь нелишне сделать еще несколько замечаний о поселении Усть-Приморском и о Нерпичьем озере.

Поселение, в котором мы находились, состоит исключительно из небольших бревенчатых построек, беспорядочно разбросанных по берегу реки Камчатки. Посреди частных домов, числом около пятнадцати, поднимается небольшая, очень простая часовня, в которой иногда совершает службу священник из Нижнекамчатска. Сверх того здесь построено еще несколько более просторных казенных домов для офицеров и магазинов для разных судостроительных материалов. Наконец, на берегу стоит еще небольшой деревянный маяк, который указывает судам, приходящим с моря, вход в устье. Постоянное население при нашем посещении состояло из 37 душ мужского и 44 женского пола первоначально русского происхождения; сверх того при постройке судов здесь бывает еще некоторое число матросов.

Река Камчатка в области своего устья течет с северо-запада и затем почти под прямым углом поворачивает на юго-запад, огибая несколько возвышенную, кое-где поросшую кустарником песчаную местность, на которой и расположено поселение. При этом крупном изгибе реки с нею соединяется река Озерная, т. е. большой и широкий исток Нерпичьего озера. Озерная то и заставляет реку Камчатку как бы уклониться от первоначального направления и повернуть на юго-запад. Соединившись, обе реки текут еще на очень коротком протяжении в широком и глубоком русле на юго-запад, и, прорвав береговую плотину, с шумом изливаются через глубокое устье в море. Сюда проходят небольшие суда, чтобы стать на якорь в более спокойной воде, у самого поселения. Начиная от устья в юго-западном направлении простирается на много верст "залив" со спокойной, большею частью глубокой водой. Этот "залив" простирается гораздо более чем на половину расстояния до мыса Подкамень и без сомнения составляет прежнее, старое русло реки Камчатки, которое, будучи оставлено благодаря новому прорыву, теперь образует длинный глухой рукав, отделенный от моря только береговым валом.

Полоса, образуемая береговой плотиной, представляет очень изменчивую ширину, высоту и прочность, повсюду состоит лишь из песка и щебня. Она проходит большой дугой от мыса Подкамень, направляясь сперва на северо-восток, затем на восток и, наконец, на юго-восток почти до мыса Лахтак; здесь она опять примыкает к скалистому берегу, как у своего начала -- у мыса Подкамень. Это колоссальная пересыпь, местами имеющая в ширину несколько шагов, местами же до 50--70 сажень, образует как бы плотину, которая отделяет воду реки Камчатки и Нерпичьего озера от моря и

прерывается только в одном месте, именно у устья, где вся запруженная вода проходит через эту плотину, высота которой доходит до 15, местами даже до 25 футов.

Описываемая плотина образует сперва, на западе, южный берег залива, т. е. старого русла реки, затем, далее к востоку, южный берег Озерной, а отчасти также южный берег Нерпичьего озера.

Вся низменность, прорезанная многочисленными водными бассейнами и рукавами и простирающаяся внутрь страны от колоссальной береговой плотины, составляет результат отложения в течение многих тысячелетий аллювиальных масс, приносимых рекой Камчаткой, которая непрерывно доставляет изнутри страны и отлагает здесь громадные количества песку, щебня и глины. Морские волны набросали принесенные массы в виде высокого берегового вала и плотно утрамбовали их; в то же время они положили предел отлагающей деятельности реки до тех пор, пока новые намытые и накопленные массы твердого материала не сделают возможным нового приращения суши насчет моря. Как мне кажется, не подлежит ни малейшему сомнению, что вся эта низменность от моря до Нижнекамчатска и от гор мыса Подкамень, направляющихся к Ключевской сопке, до скалистых гор, тянущихся к северу от мысов Камчатки и Лахтака, отвоевана у моря лишь в новейший геологический период деятельностью реки. Вся эта область устья представляет низменную, песчаную, большею частью мокрую и лишенную древесной растительности местность, на которой произрастают только ивняк и громадные хвощи. Богатая водой и массой плавающих в ней веществ, широкая река Камчатка доходит до моря через настоящий лабиринт крупных и мелких озер, старых, занесенных песком и еще открытых рукавов, луж и болот. Многочисленные удлинённые речные острова, особенно характерные для нижнего течения реки, также составляют депо для наносного материала; они непрерывно разрушаются со стороны, обращенной к устью, и столь же непрерывно нарастают с противоположной стороны. Общее устье всех этих водных масс, во всяком случае, представляет очень мало стойкости и, нужно думать, перемещалось с течением времени по всей громадной длине дюнного вала, как это можно и теперь еще наблюдать по береговому очертанию залива, Озерной, озера Кудакхал и т. д.

Присоединяю еще некоторые наблюдения и измерения, сделанные здешними обывателями.

Устье, открывающееся в море, в настоящее время всякий год подвигается сажени на 4 к западу. Ширина его равна 70 сажням. Скорость течения реки Камчатки равна 7 верстам, а Озерной -- 4 -- 5 верстам в час.

Ширина реки Камчатки между поселением и мысом Варгановым 1 верста 50 сажень.

В 24 часа с небольшим повторяются по два раза отлив и прилив, причем вечерний прилив всегда бывает сильнее. У устья вода поднимается на 9, 13 и 15 футов, у поселения -- на 7 футов и еще в Нерпичьем озере на 3 фута. При отливе глубина на устье равна только 6 футам, но к поселению быстро возрастает до 10, 20, 28 -- 30 футов.

Если Нерпичье озеро и было первоначально большой бухтой Камчатского моря, глубоко вдававшейся в сушу между мысами Лахтак и Подкамень, то, во всяком случае, в настоящее время эта бухта сильно занесена с запада действием большой реки. Южный и юго-западный берега озера представляют очень низкую аллювиальную местность, имеющую тот же характер, что и вся область устья. За исключением лишь немногих более глубоких мест у каменистых восточных берегов, где наибольшая глубина равна 25 футам, все озеро очень неглубоко: в западной его части имеются песчаные мели, на которых не более 2 -- 3 футов воды. Некоторые участки даже поднимаются в виде островов на несколько футов над уровнем воды, например большие острова Танехан, Кирун и Сивучий. Средняя глубина озера и его стока, т. е. реки Озерной, имеющей около 10 верст в длину, вероятно, лишь в немногих местах превосходит 10--12 футов.

Нерпичье озеро представляет большой пресноводный бассейн, имеющий в длину с запада на восток около 30 верст и с севера на юг около 20 верст, в окружности же верст

80. Оно лишь с востока, севера и северо-запада окружено скалистыми горами и в северо-восточном углу при посредстве короткого и неглубокого пролива соединяется с почти круглым прибавочным озером -- Култуком. Большое озеро вдается в обширный гористый полуостров, который образует наиболее далеко выдающийся к востоку выступ на всем побережье Камчатки. Южная оконечность этого полуострова образуется холодным, скалистым и изорванным мысом Камчатским, северная -- мысом Столбовым. К северу от Нерпичьего озера горы означенного полуострова через посредство Новиковской Вершины соединяются с предгорьями Шивелюча. Новиковская Вершина, вместе с тем, образует водораздел между системами озер Нерпичьего и Столбового. Из них последнее находится к северу от первого, гораздо меньших размеров и через короткий сток открывается в северный -- Укинский -- залив. Тот же гористый полуостров представляет чрезвычайно интересную границу для всей страны, а именно: 1) по отношению к растительности, потому что к северу отсюда сильно убывают и, наконец, совершенно исчезают леса; 2) по отношению к животным, потому что начиная отсюда становятся чаще северные формы, как северный олень на суше, морж и белуха на море; 3) по отношению к туземному населению, потому что к северу отсюда живут оседлые коряки; 4) наконец, к северу от этой линии прекращается деятельность камчатского ряда вулканов, и все вулканические явления сводятся к нескольким горячим ключам. Рассматриваемая граница идет поперек всей Камчатки в виде довольно прямой линии, направляющейся от мыса Камчатки на северо-запад через Седанку и Тигиль к Охотскому морю. Новиковская Вершина известна также в Камчатке по своим перевалам, по которым идет дорога от камчадалов, живущих в области устья, к укинцам и олюторцам севера. Эта дорога была очень оживлена в прежнее время, когда восточный берег Камчатки еще был гуще заселен; теперь в Уку едут больше через Еловку и Озерную.

Животная жизнь на водах устья Камчатки чрезвычайно богата. Главным условием, благоприятствующим этой разнообразной жизни, является невероятное количество лососей, ежегодно входящих из моря в реку и далее -- в самые крайние, часто находящиеся высоко в горах ручьи, где эти рыбы даже массами покрывают берега. С входом рыб в реки жизнь в стране обновляется. За рыбами из моря в реку Камчатку и в Нерпичье озеро входят большие стаи тюленей, а в последнее еще и сивучи. Как люди, так и разные звери -- медведи, волки, ездовые собаки, лисицы -- неотлучно держатся у реки. Множество гусей, уток, гагар, лебедей наполняют воздух и поверхность воды. Поздней осенью становится тише, а зимою и совсем умолкают голоса животных. Жители, не заготовившие себе запасов летом, зимою должны голодать, потому что могучая река, еще недавно кипевшая жизнью, тогда бывает совсем мертва.

К вечеру 31 июля рассеялись облака, в последние дни вполне закрывавшие небо, и внезапно выступили великолепные и величественные формы северокамчатских исполинских вулканов. На северо-западе и западе над плоской равниной области устья поднимаются Шивелюч с его разорванной вершиной и бесподобный высокий цельный конус Ключевской сопки с Крестовской и Ушкинской. При ясном воздухе я мог с маяка взять следующие пеленги: Ключевская сопка $254^{\circ} \frac{1}{2}$, Крестовская 253° , Ушкинская 256° , Шивелюч: высшая вершина 297° , низшая -- 295° , мыс Камчатка 124° (OSO) и утес Лахтак $113^{\circ} \frac{1}{2}$.

На 1 августа был назначен день моего отъезда. Все необходимое было уже приготовлено, и в 3 часа дня я вошел в свой вельбот, который верой и правдой служил мне на море и теперь должен был сослужить еще последнюю службу -- довезти меня рекой до Нижнекамчатска. Со мной были опять все мои спутники, и каждый из них в эту последнюю поездку как бы сугубо старался о том, чтобы оставить о себе добрую память. Свежий юго-восточный ветер дал нам возможность отправиться на парусах, и таким образом, несмотря на противное течение, лодка наша быстро шла вперед. В шесть часов мы проехали весь путь -- 30 верст -- и в 9 часов вечера были уже в доме старосты. Это

был очень старый человек по имени Кузнецов, принявший нас с величайшим радушием. Отношения старика к его однодеревенцам были, по-видимому, крайне патриархальны. Проникнутый сознанием собственного достоинства, он раздавал короткие и категорические приказания, немедленно же приводившиеся в исполнение. Обыватели называли Кузнецова не иначе как городничим, потому что Нижнекамчатск прежде был городом.

Местность по нижнему течению реки Камчатки представляет очень мало привлекательного. Река, имеющая в ширину полверсты, местами же доходящая и до двух верст, переполнена низкими песчаными островами, частью вполне голыми, частью поросшими скудной травой и ивовым кустарником. Вода, загрязненная массой твердых веществ, мутна и, при глубине в 3 -- 4 сажени, течет со скоростью примерно четырех верст в час. Берега также состоят лишь из низменных песчаных участков, поросших травами, хвощом и ивой. Всюду виднелись свежееобвалившиеся, подмытые водой части берега, впадающие в реку, и отходящие от нее рукава, поросшие тростником и хвощом, лужи и маленькие озера, окруженные ивняком. Наконец, после того, как мы проехали более половины пути, берега начали постепенно повышаться и сделались более сухи. Прибрежная местность также становилась более высокой, и в то время как река со своими многочисленными песчаными островами вполне сохраняла прежний характер, местами стали ближе подступать покрытые лесом холмы. К ивам, которые были уже гораздо крупнее, теперь присоединялись уже корявые березы (*B. Ermani*), ольха и рябина. В скором времени мы достигли устья более глубокой реки Ратуги, приходящей с севера, именно с Новиковской Вершины, и сейчас же после того прибыли в Нижнекамчатск, также стоящий на левом, следовательно северном, берегу Камчатки, которая здесь очень красива. В противоположность богатству животной жизни, только что виденному нами на восточном берегу Камчатки, животная жизнь на всем протяжении от устья реки до Нижнекамчатска представляла поразительную бедность: за исключением неизбежных водяных птиц -- уток, гагар и чаек -- мы не встретили ни одного животного, даже ни одного медведя.

Старый городничий Кузнецов угостил меня к ужину отлично зажаренными утками и рыбами, в ответ на что я пригласил его на чай. Когда в заключение на столе появился еще грог, старик стал словоохотлив и рассказал мне некоторые очень интересные события из своей жизни. Хронологические данные рассказчик, при ослабевшей памяти, мог, конечно, как он и сам признавался, приводить лишь в круглых числах. Тем не менее, сообщения, полученные непосредственно от очевидца, не лишены ценности. Здесь я хоть вкратце привожу главные факты, оставляя за собой право в главе, специально посвященной истории Камчатки, еще раз воспользоваться сообщениями Кузнецова и сравнить их с рассказами других здешних старожилов. Кузнецов, сын очень зажиточных родителей, живших в Нижнекамчатске, родился около 1770 г. И, подобно своему отцу, занимался торговлей. Еще молодым человеком он отправился к родственникам в Вологду, чтобы там научиться торговому делу. В 1804 г. Кузнецов вернулся в Нижнекамчатск и с того времени безвыездно жил в Камчатке. Составив себе большое состояние, он затем, вследствие нескольких кораблекрушений, опять потерял его. Теперь ему было более 80 лет и приходилось жить в самых стесненных обстоятельствах, совершенно так же бедно, как камчадалам и здешним русским; но по всей стране он пользовался глубоким уважением. Стар и млад одинаково относились к нему с величайшим почтением. Кузнецов сообщил мне следующее.

Со времени первого открытия Камчатки Дежневым и Атласовым, примерно до 1740 г., казаки хозяйничали в стране самым незаконным образом и обращались с камчадалами как нельзя более жестоко.

Чтобы положить конец безобразиям, правительство отправило в Камчатку особых начальников, которые с 1740 до 1760 года управляли страной из Нижнекамчатска. Последний еще ранее 1740 г. был населен казацкими властями, так же, как и

Большереецк, и Верхнекамчатск. Эти три поселения были основаны еще при Атласове, именно в 1703 г.

С 1760 до 1780 г. только что упомянутые начальники имели своей резиденцией Большереецк.

В 1780 г. поселения Тигиль и Нижнекамчатск были возведены в ранг городов, и начальники опять переведены в Нижнекамчатск. Около этого времени правительство отправило в Камчатку также несколько батальонов пехоты.

Когда Кузнецов в 1804 г. снова вернулся в Камчатку, то застал там начальником края и местных батальонов генерала Кошелева. В следующем году этот генерал предпринял поход против олюторцев, ничем не кончившийся. Год спустя Кошелев выступил против каменцев, живущих у Пенжинской губы. Он пошел на них двумя колоннами, из которых одна подвигалась через Тигиль, другая -- через Дранку. В 1807 г. Кошелева сменил генерал Петровский, отозванный в 1813 г. вместе с батальонами.

С 1813 г. на должность начальников края назначаются морские офицеры, и резиденцией их становится Петропавловск.

В 1813 г. был назначен начальником лейтенант Рикорд. Он, однако, до 1817 г. большую часть времени провел в Японии, стараясь добиться освобождения взятого в плен Головнина. В отсутствие Рикорда в Петропавловске оставался лейтенант Рудаков, подчиненный капитан-лейтенанту Миницкому, начальнику Охотского порта. В 1817 г. Рикорд вернулся в Петропавловск и правил Камчаткой до 1820 г., когда его сменил лейтенант Станицкий. С 1813 г. Петропавловск все время оставался главным городом полуострова, и до Завойко включительно начальниками были морские офицеры.

Мой рассказчик, старый и строго религиозный человек, особенно напирал на то, что из Нижнекамчатска впервые стало распространяться в крае христианство и что распространение это совершалось с величайшей настойчивостью и с неизменным успехом. Но вместе с тем, Кузнецов сожалел о том, что, несмотря на все усилия, дело христианства не в таком положении, как было бы желательно, и что предстоит еще очень и очень много работы на этом поприще. В последнем старик был, конечно, прав, потому что в Камчатке крещение было, да и теперь остается лишь чисто внешним, формальным актом. Истинно христианского духа, сколько-нибудь более глубокого понимания религии, настоящего поучения или попечения о душевном спасении обращаемых никогда не было, да и теперь нет. Здешнее духовенство, необыкновенно невежественное, ограничивалось только исполнением внешних обрядов и церемоний крещения и занесением имен крестимых в списки. Главная цель заключалась, конечно, в возможном увеличении этих списков, потому что очень длинные ряды имен свидетельствовали об усердии священника к делу веры и вели к разного рода наградам. Так проникло в страну это якобы христианство и таким продолжает оно пребывать и поныне! Самое большее, чего удалось достигнуть у здешних инородцев, заключается в смеси некоторых внешних обрядов христианства с массой языческих суеверий.

2 августа стояла очень плохая дождливая погода, а потому решено было отложить продолжение путешествия. Нижнекамчатск находится в очень живописном месте. Он расположен на реке Камчатке, имеющей здесь почти версту в ширину, и при устье реки Ратуги; кругом -- красивые, покрытые растительностью высоты. Население, состоящее из 56 душ мужского и 52 женского пола, занимает 20 домов, которые вместе со службами -- амбарами и балаганами -- неправильно разбросаны вокруг церкви, расположенной в середине поселения. Все поселение, совершенно утерьявшее свое прежнее значение, производит впечатление некоторого запущения. Потемневшие остовы домов и церкви обнаруживают многочисленные следы упадка. Особенно много пришлось перенести Нижнекамчатску от разливов реки Ратуги: весной она нередко приносит колоссальную массу воды, размывая и унося в своем течении легкую аллювиальную почву, на которой выстроено селение. Этот приток, длина которого равна приблизительно 100 верстам, теперь у устья имел в ширину 30 сажень при глубине в 8--

10 футов, между тем как во время таяния снега в этом же месте ширина, говорят, нередко бывает втрое больше. Весною 1838 г. Ратуга, вследствие очень внезапно наступившей оттепели, принесла необыкновенно много воды, прорыла себе совершенно новое русло в рыхлой песчаной почве и уничтожила при этом значительную часть прежней городской земли со всем, что на ней было. Старый дом начальника, множество других казенных домов, одна церковь, остатки прежних деревянных укреплений и городские ворота исчезли. Деревня помещается теперь почти совсем в новом месте; только нынешняя церковь и несколько домов стоят по-старому. Нынешняя церковь построена из остатков обеих прежних, т. е. Успенской и Никольской, и в нее перенесены старые, богато вызолоченные образа. На месте старого города нередко находят еще золотые монеты или мелкие золотые вещи. Несколько лет тому назад на месте, где прежде была кузница, в которой работали также и с благородными металлами, нашелся кусочек необделанного золота. Находка эта подала повод к молве, что река Ратуга золотоносна. Жители Нижнекамчатска, хотя и русского происхождения, теперь по нравам и обычаям едва отличаются от камчадалов. Одежда, жилище, пища, все привычки здешних русских стали почти совершенно тождественны с камчадалскими. Они только говорят несколько более чистым русским языком, чем камчадалы (это различие также все уменьшается), да по праздникам ходят в церковь в национальном русском платье. От прежнего блеска древней столицы страны осталось только название "городничего", которым обыватели продолжают величать своего старосту Кузнецова.

Рано утром 3 августа мы приготовились к отъезду. Сперва мои люди, кроме Шестакова, вошли в вельбот, который при ружейных салютах и прощальных возгласах быстро понесся вниз по течению и вскоре исчез за изгибом реки. Затем и мы вошли в ждавшие нас у берега баты -- какие-то большие, бесформенные корыта, сделанные из одного ствола. Старик Кузнецов вместе со многими обывателями проводил нас до берега и здесь простился с нами, что сопровождалось множеством церемоний. Затем всякий из нас, захватив часть багажа, поместился в середине своего бата. Два гребца, полагающиеся на каждый бат, стали, вооруженные длинными шестами, по одному на каждом конце лодки, длина которой составляет добрых 12 футов. Отталкиваясь одновременно с одной и той же стороны шестами от дна, они таким образом с большой силой гнали лодку вперед. При движении вверх по реке батам необходимо держаться как можно ближе к берегу и всюду искать наиболее слабого встречного течения. Если требуется переправиться на другой берег реки, то приходится грести, причем гребцы садятся на свои места и быстро гребут короткими веслами, концы которых имеют вид широких лопаток. При движении вниз по реке, напротив того, ищут самого сильного течения, работая на глубокой воде -- веслами, на мелкой -- шестами. В подобных случаях нередко соединяют также по два бата, чтобы придать больше стойкости и подъемной силы этим лишенным кия, очень валким лодкам. На таких связанных батах (по-русски -- пармах) сплавляются вниз по течению довольно значительные грузы.

Таким образом, преследуемые бесчисленным множеством комаров, в теплую, хотя и пасмурную погоду, мы начали свое путешествие, которое, конечно, могло совершаться лишь очень медленно.

Сперва берега еще оставались низменными и песчаными, подобно всей обширной прилежавшей к ним местности, прорезанной неглубокими рукавами реки и усеянной мелкими и крупными озерами. Из числа последних особенно замечательно большое глубокое озеро Асабач, имеющее до 60 верст в окружности и открывающееся в главную реку с правой, т. е. южной стороны, близ Нижнекамчатска. Сама река Камчатка на этом протяжении имеет до 450 сажень в ширину, до 3 сажень в глубину и скорость течения 5 верст в час. На берегах видны только большие ивовые кусты, хвощи, изредка еще немногочисленные березы, а на более сухих местах растет высокая трава.

Только пройдя верст 10 вверх по реке, мы достигли небольшого кряжа, идущего с юга на север и почти под прямым углом прорезанного рекою Камчаткой на протяжении 15

верст. В этой теснине (русское название -- Щеки) характер ландшафта совершенно изменяется. Берега становятся скалистыми, но остаются еще невысокими. Голые скалы и лесные участки, состоящие из березы, ольхи и рябины с кустами роз и лилиями под сенью деревьев, чрезвычайно живописно перемежаются с узкими ущельями и красивыми долинами. Река в этой теснине суживается до 100 саженей и протекает в одном русле без островов при глубине в 4 сажени и скорости течения 7 верст в час. Горная порода здесь опять почти исключительно та же слоистая, весьма богатая кварцем, метаморфизированная осадочная порода, которая встречается на мысах Шипунском и Кроноцком, а также у Петропавловска.

В западной части описываемой теснины, именно на северном берегу реки, находятся остатки Щековского острога, теперь совершенно оставленного, но в пору процветания Нижнекамчатска представлявшего богатое и очень людное место. Недалеко от острога мы вышли из теснины и опять встретили низменную, ровную местность, в которой река снова становится очень широкой. Она распадается здесь на множество богатых островами рукавов, и берега ее покрыты той же растительностью, какую мы видели и раньше. Но поразительно великолепна картина, развертывающаяся в этом месте перед зрителем. Над далеко расстилающейся равниной низменного побережья высоко поднимаются в величавой красе несколько изолированных горных групп: к северо-западу -- умеренно высокие горы Харчиной и колоссальные массивы Шивелюча; к западу и юго-западу -- величественная фигура Ключевской сопки с ее придаточными конусами.

Животная жизнь и здесь не представлялась особенно богатой. Перед нами взлетало множество уток да некоторые другие водяные птицы; затем мы встретили следы одного медведя и несколько раз -- следы выдры; вот и все. Мертвая тишина только по временам прерывалась возгласами плотовщиков, которые гнали лес, назначенный для постройки судов, из растущих вверх по реке хвойных лесов в поселение Усть-Приморское.

Немного не доезжая цели нашего плаванья, острога Камаки, мы прошли мимо остатков другого острога -- Капитовского, находящихся на правом берегу реки; и этот острог в доброе старое время был очень оживлен и имел зажиточное население, теперь же он совершенно опустел. В 4 часа дня мы прибыли в Камаку. Девять домов с несколькими балаганами, расположенные на левом, несколько возвышенном берегу и составляющие этот острог, а равно 26 обывателей и 24 обывательницы его производят довольно грустное впечатление. Здесь гнездятся, по-видимому, всякие болезни и нищета. Острог прежде стоял 8 верстами выше по реке, но из-за нездорового места перенесен на теперешнее. К сожалению, однако, несчастным, как кажется, не поздоровилось и здесь. В остроге едва ли был хоть один здоровый человек, и нам стоило немало труда раздобыть 4 рабочих для дальнейшей поездки. К тому же от балаганов, где висели тысячи рыб и под которыми валялся всякого рода гнилой отброс, распространялась невыносимая вонь. Сперва я думал разбить палатку, чтобы избегнуть жалких лачуг, к тому еще переполненных больными. Но тучи комаров, страшная вонь и всюду бродившие вороватые ездовые собаки заставили меня перебраться в дом тойона (старосты), где я получил хоть чистую комнату.

Шестаков, во время путешествия распоряжавшийся всеми нашими запасами провизии, принялся готовить ужин. Вместе с тем, пущен был в дело самовар -- принадлежность хозяйства, имеющаяся во всяком камчадалском поселении. Это послужило сигналом для всех обывателей -- собраться в соседней комнате. В Камчатке повсюду принято, чтобы приезжий угощал всех чаем -- этим самым любимым напитком камчадалов, причем, само собою разумеется, все и собираются для такого удовольствия. С другой стороны, и для камчадалов не подлежит сомнению, что они должны бесплатно доставлять все жизненные припасы; последние же, конечно, исключительно местные продукты и доставляются этими добродушными и всегда приветливыми людьми самым щедрым образом. Хлеб в камчадалских поселениях составляет большую редкость, да

туземцы совсем и не замечают этого недостатка, заменяя хлеб обыкновенно картофелем, а еще более клубнями сараны (*Fritillaria kamtschatica*). Расплату же деньгами за разные работы, как то за езду на собаках зимою и в лодках -- летом, камчадалы берут неохотно или, по крайней мере, совершенно равнодушно. Они даже довольны, если такой расплаты и совсем не производят. Зато чай, табак, охотничьи принадлежности и т. п. доставляют им величайшее удовольствие. На такие подарки они даже прямо рассчитывают. Но мне никогда не приходилось встречать в Камчатке попрошайничество, или недовольство полученным, или нелюбезность. Камчадал всегда приветлив, любезен, услужлив и послушен. Если же неохота или суеверие, здесь вообще очень распространенное, мешают ему быть услужливым, то он притворится незнающим или непригодным для требуемой работы.

К чаю я пригласил в свою комнату тойона и нескольких стариков. Сперва они робко уселись подле меня и ограничивались односложными ответами. Только убедившись в том, что я ничего им не собираюсь приказывать и ничего с них не требую, они стали словоохотливей. Камчадалы, в течение целого ряда поколений терпевшие от дурного и беспощадного управления чиновников, теперь очень запуганы и к русским относятся с большим недоверием и осторожностью. Они опасаются, что какое-нибудь неосторожное слово вызовет новые для них тягости, а потому предпочитают и совсем молчать. Это вошло уж теперь, по-видимому, в их характер, так что чрезвычайно трудно заставить камчадала рассказать что-нибудь. Такое положение очень достойно сожаления, потому что среди камчадалов еще сохранились кое-какие предания из времен старины.

Я начал с расспросов о рыбной ловле и, затронув, таким образом, любимую камчадалами тему, развязал языки своим собеседникам. О последовательности хода здешних рыб я узнал следующее: первую в весеннее время идет из моря в реки небольшая хакелча, ловимая у Камаки уже в апреле месяце. Эта рыбка, длина которой не превосходит нескольких дюймов, поднимается не особенно далеко вверх по реке и не доходит далее Козыревска, где борьба с противным течением уже вполне обессиливает ее. Хакелча (*Gasteracanthus cataphractus* Pall.) идет в пищу человеку только в голодные годы, а то служит лишь кормом для собак. Она, как кажется, представляет более северный вид и свойственна исключительно Тихому океану. На западном берегу Камчатки хакелчи, по-видимому, нет, точно так же она не встречается и в Авачинской губе. Зато она поднимается по реке Камчатке и по морскому берегу к северу от мыса Камчатки встречается колоссальными массами, так что волны нередко выбрасывают на сушу целые кучи этих рыбок. В хозяйстве укинцев и олюторцев, а также на Анадыре хакелча играет довольно важную роль, потому что здесь крупные виды лососей входят в реки в значительно меньшем количестве, чем далее к югу.

Что касается больших лососей, то последовательность видов их у Камаки следующая. Сперва, в мае, является чавыча (*Salmo orientalis*); в 1852 году первая рыба была поймана 12 мая. Затем идет красная рыба (ксивуч камчадалов, *S. lycaodon*), хайко (*S. lagocephalus*), горбуша (*S. proteus*) и, наконец, в начале августа, кизуч (*S. sanguinolentus*), приходящий с моря еще до сентября, хотя к началу хода попадающийся более в одиночку. В незамерзших ручьях, нередко на значительной высоте в горах, находят еще в Рождество живых кизучей; но тогда они очень тощи и обессилены от долгого и чрезвычайно утомительного путешествия. Чавыча самая лучшая, вкусная и большая из всех здешних лососей. Она достигает длины 4, а в исключительных случаях даже 5 футов и высоко ценится как особенно лакомое блюдо. Косяки этого крупного лосося по числу особей самые небольшие. Кизуч же, напротив, входит в реки в наибольшем количестве и потому, собственно, представляет главнейшую рыбу для зимних запасов. Но жители также охотно ловят красную рыбу, хайко и горбушу и сохраняют ее разными способами на зиму.

Мне приводили как особенно важное преимущество Камаки и других здешних поселений то обстоятельство, что перечисленные выше рыбы приходят сюда, не испытав

еще всех тягостей пути, а потому бывают очень жирны. В местности же, лежащие по верхнему течению реки, лососи являются уже исхудавшими, так что жителям приходится довольствоваться менее вкусной рыбой.

Относительно камчадалского языка мои собеседники, как бы стыдясь его, сообщили мне, что по-камчадалски теперь говорят еще разве одни только старые бабы, между тем как мужчины более не понимают камчадалской речи, и все уже говорят по-русски. Хотя, быть может, и правда, что чрезвычайно сильно сократившееся в численности племя, собственно, близкое даже к полному вымиранию, все больше и больше отказывается от своего родного языка, тем не менее, эти инородцы все еще остаются очень привязанными к своим старинным обычаям и носятся со своим обрусением только для того, чтобы быть на хорошем счету. При этом очень забавно было слышать из уст этих новорусских людей их необыкновенно неуклюжую русскую речь. В произношение они вносили особую мягкость, избегая по возможности всяких шипящих и твердых звуков, между тем как собственный их камчадалский язык полон таких шипящих и наполовину выговариваемых звуков. Затем при рассказе они пользовались, по-видимому, очень ограниченным запасом слов и нередко прибегали к выражениям и словам, более свойственным старинной, чем современной русской речи. Почти ни одна фраза не обходилась без слова "однако", выражавшего некоторое сомнение. Часто прибавлялось еще "видишь ты". Весьма употребительны "здесь-ка" (вместо "здесь") и "тама-ка" (вместо "там"), "дивно" (вместо "много"), "шибко" (вместо "очень"), "мало-мало" (вместо "так себе"). Чрезвычайно употребительно также слово "парень" вместо "молодец, приятель и брат".

Близ домов виднелись небольшие, окруженные изгородями огороды, на которых хорошо родились некоторые овощи, как картофель, капуста, репа и редька. Но эти огороды устраивались, по-видимому, более из послушания начальству, чем по собственному побуждению жителей, которые сами относились к делу более равнодушно. Почти то же самое, как кажется, можно сказать о здешнем скотоводстве; я видел здесь 10 очень недурных коров. Рыболовство, охота и сбор ягод и корней все еще составляют их настоящую стихию.

Рано утром 4 августа перед нами открылся величественный вид на здешние горы. Позади нас, к востоку, выступала вся цепь, пробиваемая рекою Камчаткой в теснине (Щеках). В этом месте прорыва горы были менее значительны, но к северу и югу они повышались, приобретая значительные размеры и скалистый характер. Особенно величественен был вид обоих близких отсюда вулканов: Шивелюча на северо-западе и Ключевской сопки на западо-юго-западе. Оба значительной своей частью вдавались в снеговую область; Шивелюч -- своей изорванной, зубчатой, вытянутой вершиной и Ключевская сопка -- своим исполинским конусом. Первый представлялся в виде большой мертвой массы, между тем как из острой вершины последнего вытекали светлые массы пара и дыма, которые сильным ветром отгонялись в сторону, почти перпендикулярно оси поднятия вулкана.

В 7 часов утра мы были уже в дороге и, с трудом передвигаясь при помощи шестов, шли вдоль низкого песчаного берега. На берегу виднелся лишь ивовый кустарник, а местами еще и немного ольхи. Очень часто мы проезжали мимо устьев неглубоких протоков реки и истоков озер, где росли хвощи, достигавшие до 4 футов в высоту. Дул очень сильный противный ветер; это обстоятельство не только задерживало наше плавание, но, благодаря довольно сильному волнению, даже угрожало опасностью нашим неуклюжим лодкам при переправе на веслах через более глубокие рукава. Подвигаясь вдоль левого берега, мы прошли мимо места, где прежде стоял острог Камака, т. е. верст на 8 выше теперешнего, и достигли широкого истока озера Кабурхало; здесь волнение было так сильно, что мы сперва не решались переправиться. Наконец Шестаков собрался с духом и благополучно переехал на другую сторону. Я тоже добрался до берега несмотря на то, что волны заливали бат. Но гребцы

маневрировали так неискусно, что в тот момент, когда мы причаливали, несколько довольно сильных волн ударило в бок лодки, моментально залив и затопив ее. К счастью, это случилось у самого берега, где вода была не особенно глубока. Мы тотчас выскочили из бата, но весь багаж насквозь промок, и, к сожалению, при этом погибло многое из числа собранных предметов. Не оставалось ничего более, как тотчас же разложить большой огонь и заняться просушкой вещей.

Прошло несколько часов, прежде чем мы хоть немного восстановили порядок и могли продолжать путешествие. Медленно подвигаясь, до позднего вечера мы все видели те же берега, поросшие вербой и хвощами. Кроме уток и чаек, не видно было живого существа. Наконец мы разбили палатку на несколько более возвышенном песчаном берегу. На последнем участке пути мы проехали мимо острога Каменного, теперь населенного лишь очень немногими жителями, но в прежнее время также, как говорят, более многолюдного. Каменный лежит на левом берегу главной реки, и так как мы прошли южнее, пользуясь более тихим протоком, то и не коснулись этого поселения.

5 августа стояла прекрасная, почти безветренная погода. Рано утром мы опять уже были в батах, как вчера, пошли неглубокими и более тихими протоками, пользуясь то шестами, то веслами, и в 10 часов утра были уже в большой русской деревне Ключи. Здесь мы остановились в опрятном и просторном доме старосты Ушакова.

Лишь поблизости Ключей берега реки повышаются, и у самой деревни к реке с правой стороны подступает массивная порода темного цвета и лавового характера, вероятно, древний лавовый поток с Ключевской сопки. Сейчас же за этим местом и на той же стороне реки видны строения деревни.

Долина реки Камчатки начинается у моря, близ устья обширной низменностью, доходящей до Нижнекамчатска, затем здесь и у Щек она сильно суживается горными кряжами, потом снова расширяется почти до Ключей, где опять суживается Шивелючем и его предгорьями на север и Ключевской группой вулканов на юг.

Деревня Ключи лежит у самого берега красивой реки и вплотную у подошвы мощного вулкана, который во всей своей величавой красе постепенно поднимается отсюда до громадной высоты 16000 футов. Колоссальное возвышение поверхности, закрывающее весь горизонт с юга, постепенно повышается от берега реки и служит общим основанием для самой значительной вулканической группы всего полуострова. Всего далее к востоку поднимается на этом пьедестале Ключевская сопка. Обе стороны ее наклонены к горизонту под углом в 35 -- 36° и составляют почти полный конус, верхняя треть которого при теперешнем нашем посещении была покрыта снегом. На самой верхушке конуса замечалось только сравнительно небольшое притупление, с которого поднималось много светлоокрашенного пара, по-видимому исключительно водяного. От северного края верхнего притупления тянулись вниз по белому снегу, приблизительно до четверти высоты конуса, черноватые полосы; последние вероятно, выдавали места, где пар растопил снег, обнаружив, таким образом, темноцветные горные породы. Но эту темную часть можно было бы также принять за глубокую трещину в вершине горы. На нижней трети вулкана, как бы окаймляя с северо-востока и востока подошву его на упомянутом уже большом возвышении, поднимается большое число очень маленьких конусов (я их насчитал около 20), которые все без исключения представляют собою подобие небольших самостоятельных огненных жерл, но совершенно недействительны. На том же большом возвышении к западу поднимается Ушкинская сопка, вышиною только в 9592 фута, совершенно недействительная, с закругленной вершиной и, благодаря снежным массам, сплошь до подошвы белая. Между Ушкинской и Ключевской сопками поднимается еще меньшая конусообразная гора, называемая здесь Средней. И эта последняя не обнаруживала никаких следов деятельности и была совершенно покрыта снегом. На том же громадном пьедестале, немного к югу-западу от Ключевской сопки, высится большой недействительный конус Крестовской сопки (12799 футов), совершенно заслоненный, однако, Ушкинской сопкой и потому невидимый из деревни Ключей.

Ни на одном из этих чудных вулканов не видно было ребер, какие я видел на многих, правда, погасших вулканах, например на Коряцкой и Кроноцкой сопках, где они очень красивы и хорошо развиты. Если такого рода ребра и были на Ключевской сопке, то они, вероятно, засыпаны массами лапилей. Форма других вулканов была замаскирована снегом.

Во всяком случае, из величественной вулканической группы, которая, при наблюдении из Ключей, занимает весь горизонт к югу, юго-востоку и юго-западу, наибольшим и вместе с тем единственным деятельным вулканом представлялась Ключевская сопка. Днем виден был поднимающийся с нее высокий светлый столб пара, ночью -- огонь. Наблюдавшиеся явления производили такого рода впечатление, как будто огненно-жидкая лава из глубины верхнего кратера освещала вытекавшие облака пара. Вместе с тем, особенно в ночной тиши, слышен был глухой, очень далекий шум, напоминавший гром и доносившийся с вершины через очень длинные, неправильные промежутки времени.

Насколько сохранились предания, Ключевская сопка (прежде называвшаяся Камчатской сопкой) всегда была деятельным вулканом. Жители Ключей не знают ее иначе, как в виде вулкана, из вершины которого постоянно и непрерывно выделяется более или менее значительное количество пара, и это сопровождается также появлением огня. От времени до времени деятельность сопки усиливалась до сильнейших извержений с обильным выпадением пепла и сильным истечением лавы, достигавшей на севере и западе даже до реки Камчатки, на что ясно указывают застывшие массы у Ключей и Козыревска. Другие же вулканы, поднимающиеся на том же возвышении или на большом вулканическом куполе, именно Ключевская, Средняя и Крестовская сопки, насколько позволяют судить предания, никогда не обнаруживали ни малейших следов деятельности.

Как с юга к долине реки Камчатки приближается этот гигантский купол, увенчанный высочайшими вулканическими конусами полуострова, так с севера к ней же подходит другой мощный вулкан со своими предгорьями. Против деревни Ключи, немного к с северо-западу от нее, поднимается низкая и вытянутая горная масса Тимаска, проходящая параллельно реке Камчатке и удаленная от нее не более, как верст на десять. За Тимаской возвышается еще другая, округленная и разорванная группа, которая заслоняет нижнюю часть Шивелюча, далеко превосходящего высотой все эти горы. Только что упомянутые группы гор, имеющие выраженный вулканический характер, представляют предгорья -- быть может, также остатки -- такого же купола, какой находится под Ключевской сопкой. Как бы то ни было, они находятся в очень тесной связи с главным вулканом на этой стороне реки -- с Шивелючем. К предгорьям этого же вулкана принадлежат далее находящиеся у западной его подошвы горы -- Харчинская, а также тянущиеся к северу и востоку вулканические возвышения и, быть может, наконец, также некоторые части Новиковской Вершины. Шивелюч, достигающий высоты около 10000 футов, образует собою высокий гребень, простирающийся с северо-востока на юго-запад, причем северо-восточная часть его гораздо выше. Гребень этот зубчатый и с весьма заметным вдавлением посередине, благодаря чему образуются как бы две вершины: более высокая на северо-востоке и более низкая на юго-западе. Я не мог заметить на Шивелюче каких бы то ни было следов деятельности, хотя жители Ключей уверяли, что от времени до времени из вершины его выделяется пар.

Благодаря подступающим с севера и юга названным вулканическим группам долина реки Камчатки здесь опять суживается. Река теряет свои многочисленные рукава и острова, сосредоточиваясь в одном русле, которое у деревни имеет в ширину сажень 250 -- 300 при глубине воды около 3 сажень и при скорости течения, равной 4 -- 5 верстам в час.

Староста Ушаков, с которым я познакомился еще во время моей зимней поездки с Завойко, заранее узнал через камчадалов, приехавших до меня, о моем прибытии, и

потому имел возможность подготовиться к приему. Причаливая, я видел уже на берегу старосту в сопровождении большой толпы; все вышли приветствовать меня. Меня тотчас же проводили в дом Ушакова и понесли за мной весь багаж. Здесь нас опять встретили самые радостные приветствия, после чего мне отвели большую уютную комнату. Чисто выбеленные стены, опрятный деревянный пол, большие окна -- все вместе придавало моей комнате жилой, приятный вид. Я, во всяком случае, рассчитывал пробыть здесь несколько дней, имея в виду совершить отсюда восхождение на Ключевскую сопку. К сожалению, как видно будет из дальнейшего, этот план не удался.

После того как я немного устроился в отведенном мне помещении, в мою комнату явился радушный хозяин с закуской. Стол покрылся множеством разных блюд. Ушаков сел на скамью несколько поодаль, от времени до времени угощая меня и давая объяснения относительно кушаний. С особенным самодовольством он напирал на то, что крупа и мука для ячменного хлеба получены из выращенного здесь ячменя, что картофель и капуста -- с собственного его огорода, что масло и молоко -- также продукты собственного его хозяйства. Далее я узнал, что давшие такое отличное жаркое утки были действительно харчинские, славящиеся как самые жирные и хорошие по всей Камчатке. В числе блюд были и некоторые чисто камчадалские, относительно которых хозяин уверял меня, что, будучи сам православным русским крестьянином, он выставил их лишь с целью вполне наглядно пояснить мне разницу между басурманской и христианской пищей.

К этим "басурманским" блюдам принадлежали, прежде всего, юкола (сушеные лососи), затем сарана (вареные клубни *Fritillaria kamtschatica*, вкусом напоминающие картофель), кипрей и т. п. Кипрей -- сердцевина стеблей *Epilobium angustifolium*, из которой делают плоские серые лепешки, с ладонь величиною. Сердцевина раздавливается в кашу, сушится на воздухе и собирается в большом количестве как зимний запас. Кипрей очень любят по причине его сладковатого вкуса и употребляют как десерт или закуску к разным рыбным блюдам. Для меня Ушаков также приготовил прекрасный десерт, именно ароматные ягоды *Lonicera coerulea* (у здешних русских -- жимолость), которые в большом количестве поспевают именно теперь на красивых и высоких кустах в окрестностях Ключей.

За едой я свернул разговор на имевшееся у меня в виду восхождение на Ключевскую сопку, но тотчас же заметил, что затронул самую неприятную для Ушакова тему. Он привел множество доводов в доказательство того, что такое восхождение невозможно, затем стал очень несловоохотлив и вскоре ушел из комнаты. Самый основательный из его доводов заключался в том, что сопка теперь очень беспокойна, что всякую минуту может произойти катастрофа и что в верхних частях горы уже выпали, вероятно, большие массы свежего снега; но в действительности самым серьезным препятствием являлось суеверие. Как бы то ни было, никакие деньги, никакие обещания не доставили мне ни спутников, ни проводников. Здесь также довольно свежа еще была память об экспедиции Эрмана (1829 г.). Не вполне удавшееся тогда восхождение приводилось теперь в доказательство того, что гора никого не подпускает к себе, никому не выдает своих тайн. Однако несмотря на все это я не окончательно отказался от своего плана, а решил еще поискать проводника.

После обеда я опять разыскал старосту и просил его проводить меня по деревне и показать огороды и поля. По обеим сторонам широкой и чистой улицы, кое-где покрытой травой и проходившей параллельно течению реки, на протяжении приблизительно одной версты расположено было 50 исправных деревянных домов со службами. Посреди длинного ряда домов возвышалась красивая деревянная церковь. Огороды, довольно больших размеров, были окружены прочными деревянными изгородями и все лежали со стороны горы; со стороны же реки, напротив, не было ни одного. К огородам на большом протяжении примыкали поля. Последние, впрочем, на первый же взгляд обнаруживали, что хозяева их -- не земледельцы и что здесь работой

руководило скорее начальническое: "Чтобы было!". Обработка и удобрение, а также орудия были хуже чем посредственные. Обыватели, не получая ровно никаких рациональных указаний, очевидно, работали только во исполнение строгого приказа; лишь изредка вознаграждаемые хорошей жатвой, они становились поэтому все равнодушнее к земледелию. Земледельческие работы считались только весьма тяжким бременем, и население тешилось надеждой, что Правительство, приняв во внимание постоянный неурожай и убедившись, следовательно, в бесполезности этих земледельческих работ, перестанет, наконец, требовать их от жителей Камчатки. Как повсюду в Камчатке, мне рассказывали и здесь, что порядочный урожай возможен только тогда, когда вулканы за зиму насыпят достаточно пепла. Тогда чрезвычайно обильный снег быстро исчезает под лучами солнца, так что делается возможною весьма ранняя обработка. Время цветения и созревания приходится при таких условиях еще перед наступлением сильных ночных морозов, и жатва обеспечена. Но обстоятельства лишь очень редко складываются так благоприятно, а поэтому урожай всегда неверен, а большей частью даже и совсем неудовлетворителен. Теперь я видел только плохие поля ячменя, овса и гречихи, отчасти еще в цвету; следовательно, и в этом году нельзя было рассчитывать на урожай. Но огородничество шло совсем иначе. На всех огородах видно было много картофеля, капусты, репы и редьки, обещавших хороший сбор. К тому же, эти продукты приобрели, как мне казалось, расположение жителей: недород овощей и отсутствие их в хозяйстве составляли уже чувствительное лишение. Во всем остальном здешние русские крестьяне настолько стали похожи на камчадалов, что лишь немногим отличаются от них. Для русских главными занятиями также сделались рыбная ловля и охота, пища их почти исключительно животная. Хлеб совсем не составляет для них безусловной необходимости и отступает совершенно на второй план сравнительно с рыбными блюдами. Рогатого скота (140 голов), лошадей (162), даже кур было довольно много во всех домах, так что, по-видимому, содержание домашних животных пользовалось большим расположением жителей и велось более разумно. Только крестьяне жаловались на большие потери, причиняемые им медведями: года не проходит без того, чтобы медведи не задрали несколько лошадей и коров на пастбищах.

6 августа был праздник, и уже с раннего утра жители деревни, разряженные по праздничному, спешили в церковь к обедне. Согласно русскому вкусу в одежде их было много красного и других ярких цветов, но при этом неизменно камчатская обувь и куклянки. В Ключах 165 душ мужского и 179 женского пола.

После богослужения мы отправились верхом к небольшой мельнице, построенной у западного конца деревни на одном из рукавов реки. Это единственная мельница во всей Камчатке. Жернова были хороши и сработаны из старой трахитовой лавы, но все остальные принадлежности были очень первобытной работы. Дорога к мельнице шла по местности с прелестной растительностью. Большие, высокие кусты жимолости (*Lonicera coerulea*), обвешанные массой плодов, боярышник (*Crataegus*), черемуха (*Prunus padus*) перемежались с вербами, таволгами и дикими розами, из блестящей темно-зеленой листвы которых уже выглядывали крупные красные плоды. Земля была покрыта высокой травой, из которой там и сям выдавался стебель лилии. Совершенно одиночными являлись кое-где старые суковатые березы (*B. Ermani*). Я сделал также экскурсии к востоку от деревни и к местности, лежащей позади нее и постепенно поднимающейся к вулкану; и здесь всюду оказалась также роскошная кустарная растительность. Коренная порода, за исключением лишь немногих мест, была покрыта очень толстым слоем гумуса и сгнивших растительных остатков. Здесь были, по-видимому, остатки старых потоков лавы, состоявшие из очень темной, твердой, немного пористой породы с содержанием зернышек оливина.

День стоял теплый, но небо, к сожалению, так заволокло, что не было видно ни одного из вулканов, -- обстоятельство, которым крестьяне воспользовались, чтобы отговорить

меня от восхождения на гору. Все уверяли, что туман образуется лишь вследствие обильного выпадения снега в горах.

Вечером ко мне пришло много крестьян, очевидно привлеченных моим обильным запасом чая. Таким образом, в короткое время собралось большое общество. Мне сообщили, что жители деревни ради праздника не прочь поплясать и что скоро вернутся с охоты за утками бабы и девки, которые проведут вечер здесь. Утки теперь линяли, и слабый пол отправился на неглубокий, покойный рукав реки, чтобы набить там палками массу неспособных к полету птиц и принести их домой для зимнего запаса. В самом деле, часок спустя прибыли нагруженные утками баты, а затем вскоре появились отважные охотницы в своих нарядах.

На сцене появились семь самоваров, чтобы заготовить воды для любимого напитка. Налицо оказались также скрипка и балалайка, стало быть, все было готово к танцам. Тотчас же началась дикая пляска -- восьмерка, причем танцующие поддерживали музыкантов притопыванием ног и пением. В промежутках между танцами, как бы для отдыха, играли в фанты, сопровождавшиеся пением. Так шло бесшабашное и шумное веселье, пока, наконец, около двух часов утра общество не разошлось, облегчив мой запас чая на четыре фунта.

Утром 7 августа вся местность была покрыта густым туманом, продолжавшимся почти до вечера. Жители опять прилежно работали. Мужчины рыбачили посредством широких сетей: пущенные вниз по течению сети плыли навстречу поднимающимся в реку лососям. Рыбаки уверяли, что кизуч, именно и шедший в то время, самая хитрая из всех рыб, что в глубоких водах он всегда идет у самой поверхности и что требуется тишина и соблюдение большой осторожности, чтобы не разогнать его. Кизуч будто бы особенно боится собак и даже на время совсем останавливается в ходе, если, например, собака переплывет через реку. Иное дело с хайко, который, тоже еще продолжая свой ход, держится, однако, всегда в глубине. Пойманная рыба в невероятном количестве доставлялась на берег и передавалась там женщинам для дальнейшей обработки. Обработка эта была различна, смотря по тому, на что годилась какая рыба. Хорошие экземпляры откладывались в сторону для употребления в свежем виде; другие шли на юколу; плохие бросались в яму и предоставлялись процессу гниения, т. е. из них готовилась так называемая кислая рыба, блюдо ужасное и, однако, весьма любимое камчадалами. Самые лучшие рыбы очищались от кожи, костей, затем их сырое мясо в деревянных сосудах растиралось в густую кашу, которую формовали в виде хлебов и пекли в печи (так называемое тельное). Из этого тельного готовили также род пирога, накладывая на него сарану или ягоды. Кроме того, заготавливали рыбу еще и так: накидывали ее в чистый бат и обливали водой, которую приводили в сильное кипение, бросая в нее раскаленные камни. Жир рыбий всплывал при этом на поверхность воды, откуда счерпывался и сохранялся для еды или для освещения. В совершенно свежем виде такой жир имеет довольно приятный вкус. Сто рыб доставляли около пуда жира. Вываренные остатки рыб идут на корм собакам.

Вечер был очень хороший и теплый. Крестьяне, покончив свои дневные работы, сели в свои баты и, тихо работая веслами, с песнями разъезжали по реке. Красивые берега и контуры величавых конусов, выступившие из тумана на севере и юге, придали этой сцене чрезвычайно привлекательный вид, еще выигравший от огненного сияния на вершине Ключевской сопки. Несмотря на то, что воздух был еще довольно непрозрачен, красный огонь, то усиливаясь, то слабей, светил с вулкана; казалось, в самом деле, что сопка готовится к усиленной деятельности. В то же время иногда ощущалось легкое дрожание земли, между тем как с вершины мощного конуса раздавался глухой гром.

8 августа также принесло пасмурную погоду. Время проходило, а так как никакие обещания не могли побудить жителей к сопровождению меня на сопку, то я наконец принужден был отказаться от своего плана и назначил отъезд на 9-е.

Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачным, воспоминания которого уходили в очень давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь еще играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и, главным образом, вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда населенных исключительно камчадалами и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доставивший печальную весть на суда, собравшиеся у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли вверх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвел страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина с материнской стороны, приобретший печальную известность казак Никифор Колыгов, также был приговорен к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а еще более с берегов Лены, так что с 1740 года это чисто русская деревня. Нижнекамчатск был также немедленно восстановлен, но не на прежнем месте, а немного ниже по реке, где стоит и теперь, т. е. при впадении Ратуги в Камчатку. Удачин еще очень хорошо помнил новопостроенную крепость. Поселение было окружено очень прочным частоколом с воротами и дверьми, в амбразурах были поставлены пушки, и вообще крепость была сильно укреплена. Старая крепость, по словам Удачина, также была очень сильна и взята лишь хитростью. Камчадалы зажгли один из домов в предместье, и русские, ничего не подозревая, выбежали из крепости тушить пожар. Камчадалы воспользовались этим моментом, в большом числе вышли из засады, напали на русских, перебили их и сожгли деревянное укрепление. В нововыстроенном остроге стояли Успенский собор, Приказ, госпиталь, казарма, дом начальника и еще некоторые другие дома; собственно же частные дома, Никольская церковь и два гостиных двора находились впереди крепости. Торговля здесь процветала, и все товары можно было достать очень дешево. Вообще, благодаря прежде гораздо более многочисленному населению, во всей стране было больше оживления, между тем как теперь она представляется совершенно мертвой. Прежде было также значительно больше и более ценного пушного зверя, а потому сюда притекало больше денег и товаров.

Камчадалы прежде были гораздо более самоуверенны, чем теперь, и нередко в борьбе с русскими обнаруживали черты большой храбрости и самоотвержения. Вооруженные одним холодным оружием, они мужественно выступали против огнестрельного оружия русских, стремясь освободить свою родину от владычества казаков.

По мнению Удачина, камчадалы почти вполне сохранили свою внешность, нравы, обычаи и привычки. Изменилось у них немного: так, русская изба вытеснила юрту, а христианство -- поклонение Кутхе. Последнее изменение, однако, чисто внешнее, потому что у них еще вполне процветают суеверия. Ворон и поныне остается птицею,

посвященной Кутхе; и теперь еще, в важных случаях, камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом. На севере, у оседлых коряков, у укинцев, паланцев и олюторцев, вполне открыто еще соблюдается старая вера. Камчадалы нередко отправляются туда, чтобы испросить совета и помощи у тамошних шаманов.

Наконец, Удачин рассказал мне легенду, заслуживающую внимания по некоторым чертам сходства с библейским рассказом о потопе. По этой легенде Камчатка в глубокой древности была залита большим наводнением. Жители ее выстроили себе громадный плот, на котором и спаслись. Впоследствии, после стока воды, плот остановился на вершине хребта Тимаска и остался там. Много лет после того на горе еще были видны обломки этого плота.

Много лет спустя после Мерлина, рассказывал далее Удачин, Правительство перевело из Сибири в Камчатку несколько батальонов солдат под командой генерала Сомова и расквартировало их главным образом в Нижне- и Верхнекамчатске. Самыми населенными и большими камчадалскими деревнями (острогами) по реке Камчатке в то время были Машура и Хапича. Население Хапичи, находившейся между Ключами и Камакой, совершенно вымерло в 1768 [г.] во время страшной эпидемии оспы, и с той поры этот острог более не существует. На восточном берегу полуострова самыми большими камчадалскими острогами были Кроноки и Чаема, ныне также совершенно вымершие и безлюдные местности. Такая судьба постигла, впрочем, все поселения восточного берега, от самого южного конца до устья реки Камчатки.

9 августа, в 2 часа дня, после многих сборов и прощальной закуски баты были готовы для нашего отъезда. Ушаков и его одноподчиненцы проводили меня до берега, и еще долго после отплытия до нас доносились прощальные выстрелы. Вся подошва горы была скрыта в тумане, из которого выдавались только чудные вершины: на севере -- на вид недейтельный, зубчатый гребень Шивелюча и на юг -- прекрасный конус Ключевской сопки с далеко растянувшимся столбом дыма.

Мы опять медленно шли на шестах вдоль правого берега реки. К западу от Ключей горы с обеих сторон сильно расступаются и долина реки скоро достигает своей наибольшей ширины. Мои люди считали эту ширину верст в 40 -- 50. Сверх того, на полпути от Ключей до Крестов (Крестовской) в р. Камчатку с севера впадает р. Еловка, также с широкой долиной, так что ширина лишенной гор долины как бы еще увеличивается. Берега самой реки состоят из слоев песка и глины, покрытых богатой и густой кустарной растительностью. Верба, боярышник, черемуха, рябина, ольха и одиночные суковатые березы на обширном пространстве покрывают местность, придавая берегам очень привлекательный вид. Сама река представляет среднюю ширину в 200 сажень, скорость течения ее равна 4 -- 5 верстам в час. Река имеет глубину 7 -- 9 аршин, но переполнена мелями и усеяна множеством поросших кустарником островов.

Так как мы все шли правым берегом, то и не видали устья Еловки, скрытого за островами и открывающегося на левом берегу. Не доезжая верст 15 до Крестов, мы остановились и разбили палатки, так как команда просила позволения поохотиться за утками, которых здесь бесчисленное множество.

Еловка, самый значительный из притоков Камчатки, начинается, по крайней мере, верст за 200 от своего устья, в Срединном хребте; истоки ее находятся в близком расстоянии от истоков Седанки, наибольшего притока реки Тигиля. Долина Еловки отделяет Срединный хребет от Шивелюча и его предгорий, причем река протекает, однако, очень близко от них. Эта долина составляет ныне наиболее употребительный путь на север -- к укинцам и олюторцам.

Так как мне пришлось упомянуть об этом пути, а самому не довелось проехать по нему, то считаю уместным привести здесь все узнанное мною о тех местах на основании официальных материалов канцелярии губернатора и частных сведений от купцов, ездивших туда.

Дорога делится на следующие участки, находящиеся между населенными пунктами.

Ближе всего к устью Еловки, а именно верстах в 20 к северу от нее, находится Харчина. Десять домов этого места выстроены на берегу реки и заселены 26 душами мужского и столькими же женского пола. Предгорья Шивелюча близко подходят к деревне; близ нее находится также несколько небольших озер. Харчина пользуется особенной известностью по всей Камчатке из-за необыкновенно жирных уток, убиваемых в окрестностях ее. Как в Европе говорят о страсбургских паштетах, так в Камчатке о харчинских утках.

За 57 верст к северу от Харчиной, также на реке Еловке, лежит поселение Еловка, состоящее из 14 домов с 30 душами мужского и 38 женского пола. Это самое северное камчадалское селение на восточной стороне Срединного хребта. Немного севернее этой деревни проходит северная граница хвойных деревьев, именно лиственницы и пихты, между тем как ползучий кедр идет еще далее к северу. Здесь дорога расходится в двух направлениях: одна ведет через перевалы Срединного хребта к Седанке (150 верст), а оттуда к Тигилю (45 верст) на Охотское море, другая же далее на север, а именно: в 73 верстах от Еловки находится Озерное, поселение с 7 домами, в которых живет 25 душ мужского и 24 женского пола. Деревня лежит на среднем течении береговой реки Озерной, впадающей в Берингово море, и населена уже сидячими коряками (укинцами), однако еще с примесью камчадалского элемента. Затем, в 36 верстах расстояния, находится Ука всего с 3 домами. Ука расположена при впадении одноименной с нею реки в Берингово море и населена чистокровными укинцами, 12 мужчинами и 14 женщинами. Отсюда, а также от Озерного, идут дороги через перевалы Новиковской вершины, т. е. между морем и Шивелючем, прямо на юг, к Нижнекамчатску и устью реки Камчатки.

Далее на север следуют поселения укинцев в следующем порядке (все они расположены по берегу Берингова моря и у устьев одноименных рек). В 67 верстах от Уки находится Холюла с 7 домами и населением из 14 мужчин и 20 женщин. Затем, в 46 верстах от Холюлы -- Ивашка с 10 домами и населением из 34 душ мужского и 23 женского пола. Следуя вверх по течению реки Русаковой, достигают перевала, ведущего в Паллан, но никаких поселений по этой реке не имеется. 26 верстами далее лежит Дранка с 17 домами и населением из 47 мужчин и 48 женщин. Здесь есть церковь и живет священник. Река Дранка ведет к перевалу, через который можно достигнуть деревни Лесной на Охотском море. Наконец, следующие 57 верст ведут к последнему Укинскому селению -- Карате. Здесь 8 домов и 5 юрт, населенных 57 мужчинами и 55 женщинами. Карага расположена у небольшой бухты, против лежащего в недалеком расстоянии острова того же имени. Река Карага, впадающая в небольшую бухту, составляет главную дорогу на северо-запад, к Пенжинскому морю, и, следовательно, к палланцам, каменцам и далее -- в Ижигинск. Этой-то дорогой и направляется обыкновенно зимняя почта из Камчатки в Россию. Перевалы ведут в Лесную, Подкагерную и Пусторецк, расстояние же от Караги до этих пунктов, лежащих при Охотском море, едва превосходит 100 верст. Это самая узкая часть всего полуострова. Срединный хребет тут понижается, переходя в высокую равнину; а еще далее на север начинается плоская, лишенная древесной растительности моховая тундра, -- Паропольский дол, которая тянется почти до Анадыря; только на притоках последнего опять появляется лес.

Число жителей во всех 6 поселениях укинцев вместе равно только 413. Среди этих поселений первое место, во всяком случае, принадлежит Дранке. На описываемом самом узком месте полуострова, вдоль рек, стекающих к обоим морям, существует много соединительных путей между укинскими деревнями и поселениями палланцев на западном берегу полуострова. Довольно гористый остров Карага только временно бывает населен рыбаками, а еще более промышленниками, ежегодно убивающими здесь большое количество моржей.

Далее к северу от укинцев живут олюторцы, коряцкое племя, уже гораздо более похожее на бродячих коряков и более родственное им. Олюторцы также почти все живут у моря, большею частью в поселениях, расположенных при устьях одноименных рек. В административном отношении они делятся на две группы: живущие на юг от мыса Олюторы принадлежат к Петропавловскому округу, а живущие на север от того же мыса -- к Ижигинскому. Они еще не настолько цивилизовались, чтобы пользоваться порядочными домами, а все продолжают жить в небольших земляных юртах. В расстоянии приблизительно 100 верст от Караги лежит первое поселение олюторцев -- Кичига с 10 юртами и с населением из 73 душ мужского и 76 женского пола. На половине пути к Кичиге приходится перейти через береговую речку Тамлат, вытекающую из озера; на берегах ее имеются горячие ключи и залежи серы. Отправляясь далее, достигают мыса Ильпинского, перед которым лежит островок Верхотуров; и мыс, и островок находятся против северного конца острова Караги. Затем, переправившись через реку Анапку (с поселением того же названия), проходят мимо небольшого мыса Говенского и достигают устья реки Вивники с поселением Вивники; это место верстах в 150 от Кичиги. На той же реке, но выше по течению и далее вглубь страны, расположено второе небольшое селение -- Витвей. Направляясь от Вивников далее берегом моря, приходят к находящемуся в 60 верстах оттуда небольшому поселению Теличиге и затем к более значительным деревням Култужной, Олюторе и Аспотке, из которых последняя лежит уже очень близко от мыса Олюторского. Среди горной цепи, направляющейся с севера к морю и образующей здесь мыс, также находится горячий ключ, вероятно, самый северный по восточному берегу Камчатки.

К востоку от мыса Олюторы, следовательно, уже в пределах Ижигинского округа, находятся еще довольно многочисленные поселения Покачинск, Опука и Хатырга, из которых последняя лежит уже недалеко от Анадыря и поселений сидячих чукчей. К востоку и северу от области, занятой олюторцами, тянется до Пенжинского залива Парапольский дол, неизмеримая тундра, по которой кочуют бродячие коряки. Поездки на западную сторону Камчатки совершаются также через эту тундру: сперва следуют вверх по реке Вивники и таким способом добираются до рек Таловки, Пальцовой, Пенжины, Аклана, Каменной и Паренской; от последней же до Ижигинска, как говорят, немногим более 100 верст. Общее число олюторцев считается от 700 до 800 душ.

После этого отклонения на север опять возвращаюсь к нашему лагерю. 10 августа, очень рано утром, мы снова снялись с места и уже в 9 часов утра прибыли в Кресты.

Кресты, или Крестовск, -- небольшое поселение русских крестьян, переведенных сюда в 1820 г. из Ключей. Пять домов, составляющих это поселение, расположены на левом берегу реки Камчатки, в близком расстоянии от устья речки Крестовки, текущей с севера. Последняя играет важную роль в истории Камчатки, потому что Владимир Атласов впервые (13 июля 1697 г.) достиг со своими 55 спутниками реки Камчатки, подвигаясь с севера вниз по Крестовке. В знак завладения страной он воздвиг на берегу большой реки громадный крест с обозначением своего имени и времени прибытия. Говорят, что крест этот был виден еще во времена Беринга. Речка, прежде называвшаяся Кануч, от поставленного там креста получила теперешнее свое название. 14 мужчин и 16 женщин, составляющих нынешнее население Крестов, живут совершенно по-камчадалски. Жители, хотя и имеют недурные огороды, 23 головы рогатого скота и 5 лошадей, все-таки прежде всего, как о деле первостепенной важности, сообщили мне о весьма удачном лове рыбы; и в самом деле, от улова рыбы зависит все их благосостояние, даже самая возможность прокормиться. Оно и понятно, потому что сбор сена для скота и порча огородов наводнениями причиняют им несравненно больше труда и хлопот, чем здешнее рыболовство, при котором громадные массы прекрасной рыбы точно сами лезут в руки ловцам. Как раз в этом же году наводнение уничтожило еще и большую часть картофеля. Хотя и здесь наблюдаются лишь плоские песчаные и щебневые берега, но растительность придает им совсем особый вид. Идя от устья вверх

по реке, мы у Крестов впервые достигаем области хвойного леса, которая от Еловки прямо тянется с севера на юг через долину реки Камчатки. За обширной, плоской, лесистой долиной реки опять выступает почти в юго-восточном направлении величественная группа вулканов. Небольшая, вполне коническая, недействующая Крестовская сопка представлялась здесь посередине между массивной, закругленной на вершине Ушкинской и исполинским конусом Ключевской. В дальнейший путь мы могли двинуться лишь в 11 часов, но холодный дождь с сильным ветром заставили нас остановиться уже на середине сорокаверстного пути до Ушков. Мы разбили палатки на берегу, среди хвойного леса, как раз там, где рубят лес для верфи в Усть-Приморском.

11 августа мы уже в 11 часов утра прибыли в Ушки. Долина все время сохраняет значительную ширину, которая здесь считается равной, по меньшей мере, 40 верстам. По этой широкой долине протекает река, имеющая в ширину 150 -- 200 саженей, в глубину 6 -- 8 аршин и скорость течения 4 -- 5 верст в час. Здесь встречается множество удлинённых островов, разделённых протоками. Вся долина вообще очень богата речками и озерами. Река Камчатка, притекая с юга, в местности между Крестами и Ушками делает большой изгиб к востоку и обходит, таким образом, вокруг группы Ключевских вулканов; на этом большом изгибе наводнения свирепствуют, по-видимому, особенно сильно. Так, Ушки первоначально помещались на правом берегу, затем подверглись почти полному разрушению, и теперь 8 домов этой деревни стоят на левом берегу, двумя верстами выше по реке. 26 мужчин и 22 женщины, теперь живущие здесь, -- камчадалы, предки которых переселены сюда Рикордом и Голенищевым из Каменного (в Щёках). В Ушках жители также занимаются немного огородничеством и имеют 14 голов рогатого скота и 4 лошадей.

К востоку долина остается ограниченной Ключевской группой, тогда как с запада в большом отдалении тянется Срединный хребет. Впереди высот этого хребта, большую часть покрытых снегом, из Ушков виден еще низкий бесснежный кряж с очень своеобразными контурами. Здесь, в стране конических гор, острых, изорванных и истрескавшихся вершин, ряд гладких столообразных высот представляется чем-то необыкновенным. Это Крюковские горы, имеющие почти такой вид, как если бы плато, первоначально состоявшее из мягкого материала, сплошь превратилось бы благодаря глубоко врезавшимся ущельям в отдельные столообразные горы. Этот ряд небольших высот тянется на значительном протяжении впереди снежных гор Срединного хребта и параллельно им. Он походит на мощный щебневый вал, который образовался за счет Срединного хребта, прежде, быть может, достигавшего еще большей высоты, и который затем во многих местах прорван действием воды.

После непродолжительного отдыха мы двинулись далее и вскоре прошли мимо устья Идягуна, притока, берущего начало в западных горах. В то же время к берегу подходит с востока старый поток лавы, во многих местах сильно выветрившийся. По преданию, этот поток пришел с Ушкинской сопки, которая прежде составляла будто бы острый конус и высотой превосходила Ключевскую. На берегах, поросших хвойным лесом, повсюду виднелись следы опустошений от половодья. Огромные стволы и большое количество разного плавучего леса были выброшены на острова реки и образовали здесь громадные кучи. Местами виднелись обвалы берега и массы щебня, местами -- новые русла и новые песчаные острова. Но коренных пород, кроме указанного лавового потока, здесь совсем нет. Только на полпути к Козыревску, где мы остановились сегодня, опять выступила частью на берегу, частью даже в русле реки, старая, совершенно выветрившаяся лава. В русле лава образует как бы порог, получивший у местных жителей название "застоя", потому что он будто бы задерживает движение восходящих по рекам рыб; но настоящего порога здесь, собственно, не было заметно. Глубина теперь значительно уменьшилась и на самом застое составляла не более одного аршина.

Вечер был чудный. На темном небе с востока обрисовывались теперь шесть исполинских, покрытых снегом вулканов (отсюда уже видна была Толбачинская группа)

-- незабвенная картина! В высоком, густом хвойном лесу, вокруг разведенного костра расположилось наше маленькое общество, слушая сказки старого камчадала. Неудивительно, что в местности, где вода производит такие опустошения и так часто причиняет убытки жителям, рассказы о злых водяных духах пользуются большой популярностью. Так и сегодня главную тему разговоров составляла человеконенавистница русалка Камак, которой мои спутники приписывали множество самых злых проделок.

Рано утром 12 августа мы проснулись при чудной погоде и могли любоваться великолепным видом бесподобных вулканических групп. Мы тронулись в дальнейший путь протоками реки и обходя вокруг островов. К лиственничному и пихтовому лесу стали примешиваться на более открытых местах лиственные породы и кустарник: ива, черемуха, рябина, ольха, береза, боярышник, таволга, розы и смородина с красными гроздьями ягод. Розы, как мне казалось, принадлежали к двум видам: на одной были крупные, круглые, на другой -- более вытянутые, сладковатые плоды. На берегах нередко стали уже встречаться мертвые лососи -- явление, вообще наблюдаемое позже и только в верхнем течении рек, где рыбы обыкновенно обессиливают и гибнут.

При этом характере местности, свойственном верховьям камчатских рек, здесь за несколько дней до нашего прибытия произошел случай, напомнивший мне низовья и устья. Козыревские обыватели заметили среди косяка рыб лахтака (*Phoca nautica*); им удалось даже убить этого большого тюленя, сопровождавшего, следовательно, рыб на их пути от моря, т. е. на протяжении около 250 верст. Валявшиеся на берегу лососи привлекли на берег и хищных зверей: так мы видели несколько молодых волков, множество медвежьих следов, а раз даже и медведя.

Не очень далеко от Козыревска мы прошли мимо устья реки Калю, а немного не доходя этого селения -- мимо Козыревки. Обе речки, начинающиеся в Срединном хребте, содержат массу валунов порфириновых пород. В 3 часа мы прибыли в селение Козыревск. Река Калю значительно больше Козыревки, и, как говорят, истоки ее лежат в очень живописном месте. Крашенинников сообщает, что в его время на этой реке в 30 верстах от устья находился большой камчадальский острог. Жители Козыревска также очень жаловались на опустошения, производимые водой. Им уже два раза приходилось переносить дома, да и теперь опять предстоит сделать то же. Далее, обыватели здесь много терпят от медведей, которые и в текущем году растерзали двух лошадей.

При нашем посещении в Козыревске было 6 домов и часовня, жителей же 16 мужчин и 25 женщин. Скота имелось: рогатого 11 голов и лошадей 6.

Река имеет в этом месте около 100 сажень в ширину, глубина ее равна здесь 5 -- 7 аршинам, скорость течения -- 5 верстам в час, но при этом здесь много мелей.

В то время как мы готовились к дальнейшему путешествию, пошел такой сильный дождь, что я решил переночевать в Козыревске. Сейчас же были поставлены два самовара, и я рассчитывал уже получить от своих гостей кое-какие интересные заметки для дневника. Но старый семидесятилетний тойон оказался, к сожалению, очень несловоохотливым, а прочие обыватели следовали его примеру. Таким образом, сведений пришлось получить очень мало. Все, что я узнал, сводилось, собственно, к тому, что здешние охотники в своих скитаниях встречались иногда в Срединном хребте с бродячими коряками; но коряки, обладая такими превосходными пастбищами на севере, гостят лишь очень редко в Камчатке. Гораздо чаще приходится видеть ламутов, которые (как сообщено выше) уже много лет кряду становятся все многочисленнее в Камчатке и, по-видимому, окончательно обжились в беспредельных, безлюдных пустынях по обеим сторонам Срединного хребта, изобилующих прекрасными пастбищами и рыбными реками.

13 августа утром нас задержал сильный дождь, так что мы могли тронуться далее лишь в 9 часов. Из всего расстояния до Толбачи мы 36 верст проехали по самой реке Камчатке, имеющей здесь лишь сажень 100 ширины при глубине в 5--7 аршин и при

скорости течения около 5 верст в час. Затем мы въехали в реку Толбачу, по которой приходится пройти еще 30 верст вверх к острогу того же имени. Этот приток, впадающий с восточной стороны в реку Камчатку, имеет в ширину 25 сажень при глубине в 1 $\frac{1}{2}$ аршина, следовательно, принадлежит к числу еще довольно крупных притоков главной реки. Сама река Камчатка здесь также очень богата островами и окаймлена плоскими песчаными и щебневыми берегами, поросшими разного рода кустарником. Вместе с тем, хвойный лес удаляется от берега, покрывая более дальние и более высокие части все еще очень широкой речной долины. Но в главном своем протяжении эта долина очень низка и покрыта многочисленными, мелкими и крупными водными бассейнами, которые посредством коротких ручьев соединены с главной рекой. Все эти воды теперь кишели рыбой, берега же были усеяны многочисленными следами животных. Мы встретили только одного медведя, которого и убили.

В 6 часов вечера мы были у устья реки Толбачи и начали подниматься вверх по ней. Река извивается так сильно, что один изгиб ее нередко подходит очень близко к другому; вследствие этого 30 верст водного пути до острога соответствуют прямолинейному расстоянию, никак не большему 20 верст. Этот приток также имеет очень болотистые, низкие берега, покрытые частым ивняком и кустами черемухи (*Prunus padus*). Последние теперь были обвешаны большим количеством спелых, темных ягод, которые камчадалы собирали и ели с большой жадностью.

На восточной стороне горизонта из-за лесов далеко выдавалась Большая Толбачинская сопка. Мощный обвалившийся конус в верхней своей части был покрыт снегом. Северный его край выдавался выше, между тем как с более низкого, южного, поднимался столб пара.

Наступил вечер, и мы разбили свой лагерь на берегу реки, верстах в 7 от Толбачи. Расположившись вокруг огня, который лишь в слабой степени защищал нас от жестоких истязаний комаров, камчадалы опять стали рассказывать свои легенды. Главную тему теперь составляли милости и щедроты, проявляемые их божеством Кутхой по отношению к охотникам. Нередко он ниспосылает промышленникам такое множество самых ценных пушных зверей, что одаренные ими чуть что не гибнут от тяжести подарка. Но если счастливцев при этом хоть раз оглянется на зловещий шум, всегда слышимый позади в таких случаях, то все сокровища мгновенно исчезают, и такой охотник во всю жизнь не увидит более даров Кутхи.

14 августа мы уже рано утром прибыли в Толбачу, где встретили приветливый и радужный прием. Тойон угостил нас свежим картофелем, жареными утками и полными чашками великолепной жимолости. Чтобы со своей стороны сделать приятное местным жителям, я устроил стрельбу на призы, для чего раздал необходимый материал и призы, состоявшие из небольшого количества табаку. В состязании участвовало десять стрелков, которые поразили нас своей меткой стрельбой. Такого рода праздник приходился совершенно по вкусу этому охотничьему племени. Стрелки сами придумывали себе как можно более трудные задачи и, вообще, остались очень довольны.

Сильное утомление и легкое нездоровье задержали меня в Толбаче до 15 августа. Мне пришлось провести в этом живописном месте чудный летний день. Деревня имеет опрятный вид и содержится в большом порядке. 6 жилых домов, а также и жители производят впечатление чистоты. Нигде в Камчатке мне так не бросилось в глаза, насколько мало население Толбачи (17 мужчин и 16 женщин) переняло русские нравы, обычаи и язык. Из женщин, вероятно, ни одна не говорила по-русски, из мужчин говорила только самая малая часть. Русское влияние сказывалось только во внешнем виде деревни -- в постройке домов, в огородах при них, обещавших теперь хороший урожай, и в содержании домашних животных (12 голов рогатого скота и 5 лошадей); весь остальной склад жизни остался чисто камчадалским.

При нашем посещении все небольшое население острога прилежно работало над сбором зимних запасов. На первом плане, конечно, как-то само собою разумеется для камчадалов, стояла рыбная ловля: все, мужчины и женщины, прилежно занимались ловом лососей, производимым здесь при помощи заколов. Начинаясь у самых домов, поперек через реку, от берега к берегу, был устроен из тонких жердей очень плотный забор, посередине снабженный несколькими проходами. Перед этими проходами расположены были длинные, также плотно сплетенные из прутьев корзины. Массами поднимавшиеся рыбы, задержанные забором, кучами набивались через проходы в корзины; последние же, сейчас по наполнению, заменялись новыми, а от содержимого освобождались на берегу. Наблюдая за ловом, я мог видеть, что для наполнения такой корзины, имеющей до 8 футов в длину и до 3 футов в поперечнике, едва требуется час времени. Тысячи тысяч лососей вылавливаются таким образом в течение лета. Эта чрезмерно богатая добыча сделала обывателей разборчивыми и притязательными, можно даже сказать небрежными в пользовании ею, так что всюду валялись массы оставшейся без употребления рыбы. На берегу стояли женщины, окруженные свободно бродящими теперь ездовыми собаками и занятые приготовлением из рыбы разных запасов для людей и собак, о чем я уже рассказывал выше.

Обыватели заботились также и о сборе растительных запасов: собирали всякого рода ягоды, сушили на солнце всевозможные корни и стебли. В одном месте лежали белые, похожие на малину клубни сараны (*Fritillaria kamtschatica*), в другом висели длинные зеленоватые полосы кипрея (из стеблей *Epilobium*), в третьем виднелись большие черные лепешки, также выставленные для сушки на солнце и состоявшие из растертых ягод черемухи (*Prunus padus*). Благодаря сильно вяжущему вкусу этих ягод камчадалы очень ценят такие лепешки, составляющие для них любимый десерт. Но не одни только люди любят ягоды черемухи; не в меньшей мере они, как мне передавали, привлекают и медведей. Когда поспевают черемуха, обыватели должны живо с нею справляться, если не хотят, чтобы урожай достался медведям. Эти звери, как говорят, ломают толстые сучья и молодые деревья только затем, чтобы объесть с них ягоды. Все перечисленные растительные пищевые средства были мне уже известны; их собирают и потребляют по всей Камчатке. Но два других встречены были мною в первый раз в Толбаче: это были, во-первых, длинные, тонкие, белые нити "лебяжьего корня", которые употребляются вареными с салом и рыбьей икрой. Теперь они, связанные в маленькие пучки, также сушились на солнце; само же растение встречается на влажных местах и имеет желтый цветок. Во-вторых, мне показали чисто выскобленные деревянистые стебли одного растения с желтыми цветами; эти стебли варятся вместо чая и очень похожи на стебли *Potentilla fruticosa*.

Река Толбача образуется из двух ручьев, из которых один течет с Большой Толбачинской сопки, другой же, более южный, с гор, видимых к востоку отсюда. Последний несет с этих гор массу галек древних метаморфических сланцев, а также порфировых и гранитовых пород, перемешивая эти гальки с обломками лавы, приносимыми северным ручьем с Толбачинской сопки. К востоку от Большой Толбачинской сопки поднимается Малая Толбачинская -- недействующий полный конус с очень красивыми ребристыми боками. Нижняя, еще сохранившаяся часть Большой Толбачи также обнаруживает ребра; но, как уже упомянуто, эта гора теперь представляет только сильно притуплённый конус. Северный край ее кратера, при рассматривании отсюда, круто поднимается в виде небольшого пика, между тем как тянущаяся на юго-восток часть, и теперь еще дымящаяся, плоска и низка. На Большой Толбаче я заметил совершенно такое же явление, какое ранее наблюдал на Ключевской сопке, именно некоторое число очень маленьких конусов, окружающих подошву вулкана. Камни, привезенные оттуда камчадалами, представляли свежие лавы темно-серого и бурого цвета, очень пористые и вполне однородные, без всякого включения кристаллических минералов, как авгит или лейцит. Большая Толбачинская сопка известна здешним

жителям как постоянно дымящаяся гора, на которой по временам бывает еще виден и огонь. Но Эрман в 1829 г. наблюдал на ней лишь очень слабые следы деятельности. Крашенинников, напротив, сообщает о весьма сильном извержении этого вулкана в 1739 г. Пепел распространился при этом на расстояние более 12 миль и до того засыпал поверхность, что Крашенинников, в то время как раз бывший в дороге, принужден был дожидаться свежего снега у Машуры, потому что старый снег стал непригоден для езды на сани. Гора ныне имеет высоту 7800 футов (по карте Гидрографического департамента), и уже много лет кряду деятельность ее все усиливается и усиливается.

Другой конус, также видимый из Толбачи и принадлежащий к группе вулканов, которые окружают большое Кроноцкое озеро, именно сопка Кизимень, также дымит приблизительно последние 25 лет, но до сих пор на ней не было видно огня.

Взяв пеленги из Толбачинского острога, я определил следующие направления: Ушкинская сопка 18° , Ключевская и Крестовская, к сожалению, были закрыты, высокий край Большой Толбачи 26° и низкий край ее $31\frac{1}{2}^{\circ}$, Малая Толбача 45° , наивысшая часть крутой снежной цепи 107° -- 115° , Кизимень 143° , а от 171° до 205° простирается наивысшая часть бесснежной, но крутой горной группы Кинцекла.

К сожалению, время года было уже очень позднее, и к тому же, по словам охотников, в этом году выпало особенно много снега в горах, так что экскурсия к восточным вулканам была невозможна. При других обстоятельствах Толбача, мне кажется, представляет чрезвычайно удобный исходный пункт для посещения толбачинской вулканической группы, а также для исследования многочисленных, пока еще очень мало известных вулканов, со всех сторон окружающих Кроноцкое озеро. В начале июля, с караваном не более как из 5 лошадей, отсюда можно было бы сделать очень удачную поездку, которая много содействовала бы более полному познанию вулканов.

Замечательно то обстоятельство, что, несмотря на большую близость снежных гор, температура воздуха была очень высока: в тени термометр показывал 18°R и еще поздно вечером -- 15° . Кроме огромного множества комаров, которые покрывали собою решительно все и составляли источник невыносимого мучения для всего живого, мне здесь особенно бросилось в глаза большое количество стрекоз и кузнечиков; последние своей обжорливостью даже вредили огородам. Я не могу припомнить, чтобы где-нибудь в другом месте Камчатки мне приходилось видеть такое множество этих животных.

Видя, что я собираю насекомых, тойон рассказал мне, что в окрестностях деревни, на очень влажных местах, нередко в большом количестве встречается одно небольшое, черноватое четвероногое животное. При дальнейших расспросах оказалось, что это животное по всей вероятности саламандра; но, к сожалению, теперь мне нельзя было добыть экземпляров ее. Как бы то ни было, саламандры, если это действительно они, составили бы единственный пример нахождения земноводных в Камчатке, потому что нигде решительно на всем полуострове не видны и не найдены нами ни лягушки, ни змеи, ни ящерицы, ни черепахи.

Тойон, уже довольно пожилой человек, лет двадцать тому назад был насильственно переселен сюда вместе со своими родителями с западного берега и до сих пор еще с удовольствием вспоминал о старой родине -- Морошечной. Это переселение, к величайшему прискорбию и к большому ущербу населения, произведено было тогдашним начальником Голенищевым. К сожалению, нередко случалось, что здешние управители совсем не старались об охране существующего, о развитии его путем доброго совета и помощи; напротив, вместо того они часто позволяли себе вторгаться во внутреннюю жизнь народа и таким образом все расшатывали, а не укрепляли. К тому же, такие насилия часто производились без действительной надобности, без всякого знания местных условий вообще и экономических в частности. Нередко в основе мероприятий властей лежали исключительно только эгоистические, вполне личные планы и расчеты, и это составляло мотив действий. Так случалось -- и подобные примеры не единичны -- что начальники, находя при своих разъездах расстояния от станции до станции слишком

большими и для себя неудобными, тотчас же отдавали приказание: откуда бы то ни было раздобыть людей и устроить, таким образом, промежуточную станцию. При этом обывателей насильственно удаляли с мест, где им хорошо жилось, и водворяли на новые места, не заботясь о том, желают ли того несчастные, можно ли даже вообще жить там.

Утром 16 августа мы приготовились к отъезду. Стоял очень хороший день. Тойон дал нам на дорогу много разной провизии и вместе со своими однодеревенцами проводил нас до берега. Мы довольно скоро поплыли вниз по реке, причем из деревни еще долго доносились до нас обычные прощальные выстрелы. Тем не менее, в главную реку мы вышли опять не ранее двух часов пополудни. На берегу виднелось множество тополей, черемухи, ольхи, лиственницы и пихты с подлеском из разных видов таволги и боярышника. Река все более и более приобретает характер верховья и часто образует сильные изгибы, причем, как постоянно в таких случаях, у берега с вогнутой стороны изгиба вода всегда бывает глубока, с выпуклой же стороны, напротив, она так мелка, что из нее нередко выступают обширные площади, покрытые песком и щебнем. Такие обнаженные, сухие площади песка и щебня зовутся у местных обывателей "песками". Расстояния измеряются здесь не верстами, а только числом "песков". Так, например, приходится слышать, что до такого-то места столько-то "песков", что равнозначно с таким же числом извилин реки. Речные острова также еще часты, притом достигают значительной длины. Ширина реки здесь не превышает 80 сажень; глубина ее равна 2 -- 5 аршинам, скорость течения 6 верстам в час. Весною уровень воды, как говорят, нередко поднимается на 2 сажени.

День был удушливо жаркий, а с Кинцеклы надвигалась гроза с частыми молниями и сильным дождем. При этом комары так нас изводили, что бедные гребцы только и делали, что отмахивались от них; работе это, конечно, мешало, и мы лишь медленно подавались вперед. Видя бесполезность такого плавания, я решил остановиться.

Мы переночевали на большом "песке" берега, где нас дважды, хотя оба раза второпях, посетил медведь. Утром 17 августа мы продолжали путешествие. Сперва мы доехали до Верхнетолбачинского перехода, т. е. до старинной сухопутной дороги к деревне Толбачи, до которой отсюда считается всего 15 верст, между тем как водяной путь, только что нами пройденный, благодаря большим изгибам реки значительно длиннее. Обыватели Толбачи выстроили здесь небольшую избушку и держат несколько батов, чтобы иметь возможность временно охотиться и рыбачить также и на главной реке. Теперь мы достигли устья речки Никол, а, следовательно, были недалеко от гор Кинцекла, откуда и берет свое начало эта недлинная речонка. Середина горной группы Кинцекла лежит на юго-восток от устья Никола. Последний играет важную роль в камчатской старине, потому что здесь жили первые русские поселенцы, прибывшие в Камчатку.

Мюллер в своей *"Sammlung russischer Geschichte"* (Т. III), говоря об интересных плаваниях русских казаков по Ледовитому океану, рассказывает, между прочим, о следующем: "20 июня 1648 г. казак Семен Дежнев вышел с тремя кочами из устья Колымы и направился на восток, с целью отыскать р. Анадырь. Он прошел через Берингов пролив, но потерпел крушение к югу от устья Анадыря, спасся на этой же реке и в 1649 г. основал Анадырск. Вторая коча погибла еще ранее, а третья, под командой некоего Федота Алексеева, совсем пропала без вести и вероятно была занесена к югу. Об этом Алексееве получил сведения известный Володимир Атласов, открывший Камчатку. По прибытии в 1697 г. Атласова в Камчатку, ему сообщили, что русских там давно уже знают, потому что некто Федотов (вероятно сын упомянутого Федота Алексеева) поднялся со своими спутниками вверх по реке Камчатке и поселился затем на Николе (который поэтому зовется также Федотихой). Эти русские поженились на камчадалках и долго жили на Николе. Впоследствии между пришельцами возникли раздоры и междоусобия; последние из них были перебиты камчадалами и еще более -- коряками".

Мы расположились на ночлег на песке над устьем Никола, откуда перед нами открывалась великолепная горная панорама. На темном небе ночью обрисовывались четыре стоящих рядом и окутанных снегом огнедышащих горы: Ушкинская, Ключевская, Крестовская и Большая Толбачинская; с двух из них, именно со второй и с последней, поднимались к небу столбы пара.

Рано утром 18 августа мы оставили свой лагерь. Сначала плавание шло вполне хорошо, но, к сожалению, в скором времени дело изменилось к худшему. Переправляясь через реку, я благополучно прошел мимо места, где в глубокой воде и среди стремительного течения лежала куча застрявшего леса. Мой бат продолжал свое плавание вдоль берега, как вдруг позади нас послышался крик. Я сейчас же повернул назад и к ужасу своему увидел, что благодаря неосторожному управлению бат Шестакова опрокинулся у той же кучи дерева. Все люди спаслись, но потеряна была масса крайне необходимых вещей. Палатка, двустовка, котел, множество провизии, ружье Шестакова, два ружья камчадалов и, наконец, значительная часть моих коллекций безвозвратно остались на глубине. Только несколько мелочей, как платье и медвежьи шкуры, плавали по воде и были вытащены. С грехом пополам обсушившись, мы быстро двинулись к Чапинскому переходу, где нас, теперь не имеющих своего крова, укрыла от начинающегося дождя избушка. Здесь находится выход сухопутной дороги к деревне (острогу) Чапиной; пешком туда пять верст. От избушки было также очень близко и устье реки Чапиной; она больше Никола и истоки ее лежат на хребте Кинцекла близ истоков последнего. Сама деревня находится верстах в 10 от устья вверх по реке Чапиной. Сейчас же по нашему прибытию сюда двое из моих камчадалов поспешно отправились ближней сухопутной дорогой в деревню, чтобы заготовить все нужное для продолжения нашего путешествия.

Проведя из-за множества комаров очень беспокойную ночь, мы рано утром 19 августа были удивлены появлением в нашем лагере тойона и его одноподверженцев. К нам явилось почти все население Чапиной, в том числе женщины и дети. Целью этого посещения было не только выражение соболезнования по поводу испытанного нами несчастья, но также и еще доставка множества всякого рода съестных припасов. Кроме того, мы получили в пользование до ближайшей станции палатку и котел. Коротко сказать, обыватели из всех сил старались возместить наши потери. Но здесь я не мог возместить гораздо более чувствительной потери камчадалов -- затонувших ружей. Я обещал только довести о том до сведения начальства в Петропавловске, и впоследствии исполнение этого обещания имело результатом то, что губернатор не только заменил потерянные ружья новыми, но еще прибавил к ним разные другие полезные в быту камчадала подарки. Пока же все очень радовались тому, что не погиб хоть ящик с чаем; прошло немного времени, как уже стар и млад наслаждались любимым напитком. За этим приятным занятием у камчадалов развязались языки, и опять пошли обычные расспросы и рассказы. Узнав, что мы морем проехали из Петропавловска в устье реки Камчатки, чапинские обыватели тотчас же поинтересовались узнать, видели ли мы балаганы на Кроноцкой реке (Кродакынге) и стоят ли они еще там. Эти балаганы принадлежат чапинцам и были построены для заготовки корма собакам из трех выброшенных там мертвых китов. Мои собеседники провели целое лето в этой богатой рыбою, дичью и ягодами местности. Туда нетрудно попасть, следуя сперва вверх по реке Чапиной до истоков ее в Кинцекле и затем дойдя через перевал к речкам, текущим с восточного склона этого хребта в Кроноцкое озеро. Последнее -- самое большое из всех озер Камчатки, во всяком случае, оно гораздо обширнее Авачинской губы; в него со всех сторон впадает множество горных речек. Само же это чудное озеро имеет один только сток -- Кродакынг, образующий при своем выходе высокий водопад и после короткого течения достигающий моря. Кроноцкое озеро -- настоящее альпийское озеро, со всех сторон окруженное высокими, крутыми скалами и горами. Мощные вулканические группы и конусы всюду окаймляют его. В числе гор, окаймляющих озеро, находится и

вулкан Кинцекла, поднимающийся с северо-западной стороны и обнаруживающий деятельность выделением паров.

Относительно деревни Чапиной, которой мне не пришлось посетить самому, тойон сообщил мне, что население ее состоит из 21 души мужского и 16 женского пола; санитарное положение жителей вполне удовлетворительно. В деревне 8 домов и одна часовня. Всего у обывателей имеется 8 голов рогатого скота и 2 лошади.

В 8 часов утра мы могли подняться в дальнейший путь и опять пошли вверх по реке Камчатке. На всем протяжении до Машуры, т. е. приблизительно верст на 60, река опять имела характер скорее верховья. Острова встречались правда и здесь, но ширина реки не превышала 60 -- 70 саженей, глубина уменьшилась до 3 -- 4 аршин, скорость же, напротив, возросла до 7 верст в час. Мелкий песок, встречавшийся на нижнем течении в русле реки, здесь сменился очень грубым галечником и крупными камнями. Берега состоят из крутых, обнаженных склонов, образуемых делювиальными отложениями и нередко достигающих высоты 50 футов; только верхние части этих склонов покрыты лиственным и хвойным лесом. Еще в Чапиной мне показали выветрелый кусок Мамонтова бивня; здесь же ископаемые кости стали очень обыкновенны. На "песках", принимавших вместе с извилинами реки все большие и большие размеры, нередко встречались большие количества таких ископаемых костей, но все сильно выветрелых, изломанных и темно-бурого цвета; они лежали на отложениях щебня, не покрытых водою и свалившихся с высоких делювиальных берегов. Между прочим, мне встретился здесь бивень молодого экземпляра, наполовину выдававшийся из высокого берегового обрыва. Эти высокие делювиальные берега состоят из системы слоев разного рода обломочного материала: в одном месте видны песок, щебень и глина с сильной окраской от окиси железа, в другом -- слоистая грубая галька. Среди галек находились в очень большом количестве кремни и всякого рода кварцы, также гранитовые породы и слюдяные сланцы со светлой слюдой, порфиры, наконец, еще красные и серые, пористые лавовые породы с вкрапленными в них мелкими кристаллами черного авгита.

Поверх делювиальных слоев берег порос главным образом прекрасной лиственницей и пихтой; на низменностях же росли ивы, боярышник, ольха и, как везде по среднему течению реки Камчатки, чрезвычайно много черемухи.

На берегах всюду виднелись следы сильнейших опустошений, произведенных внешними водами: обвалившиеся берега, с корнем вырванные деревья, нанесенные кучи леса, беспорядочно наваленные кучи камней, перемешанные с лесом. При этом на берегах всюду валялись сотни мертвых лососей, заражавших воздух и привлекавших множество медведей; из них нам удалось убить один крупный экземпляр.

Вечером мы расположились на ночлег на одном из "песков", где более чувствительное движение воздуха несколько ослабляло мучения, причиняемые комарами.

Несмотря на начавшийся дождь, мы 20 августа уже в 7 часов утра были в пути. В общем, берега не представляли ничего нового. Делювиальные склоны, покрытые хвойным лесом, местами поднимались несколько более высоко, сменяясь затем снова плоскими, поросшими лиственным лесом низинами. Такой делювиальный склон левого берега, отличающийся особенным образованием слоев, подходит к воде уже близ Машуры. Здесь наблюдаются горизонтальные, очень тонкие слои разноцветной глины, перемежающиеся со слоями песка и хряща. Глина то темнее, то светлее, местами она изменяется в цвете от красноватого до светло-желтого, а кое-где представляет пеструю окраску. В одном слое глина выдавалась особенной прочностью и распадалась в виде кирпичей; цвет ее здесь колебался от светло-желтого до чисто белого; на плоскостях раздела наблюдалась сильная окраска от окиси железа. В 3 часа мы опять уже были у "перехода" (сухопутной дороги), по которому до Машуры всего одна верста пешего пути, между тем как батам, на которых оставался наш багаж, пришлось еще объехать большой изгиб реки, чтобы пристать к деревне.

Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. 10 жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители (33 мужчины и 23 женщины) имели свежий и здоровый вид. Нас тотчас же отвели в очень опрятный дом тойона Мерлина, где мы встретили приветливый и радушный прием со стороны хозяев. Мерлины принадлежат к очень старому камчадалскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя. Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадалских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну.

В старину, еще до прихода русских, Машура принадлежала к числу самых больших острогов Камчатки, да и теперь еще по своему положению составляет одно из наилучших поселений полуострова. В пору первого водворения здесь русских в ближайшем соседстве этого острога находилась также и русская деревня. При нашем посещении у обывателей Машуры имелось рогатого скота -- 31 голова и лошадей -- 7. Огороды здесь содержались в хорошем порядке и приносили достаточный урожай. Но во всем прочем Машура, подобно Толбаче, Чапиной и следующему за Машурой вверх по реке Кырганику, принадлежит к числу тех острогов долины реки Камчатки, в которых камчадалские нравы и язык еще всего менее вытеснены русскими. Между прочим, и поселения свои местные жители, говоря между собою, называют исключительно камчадалскими именами: так, Толбача называется Тол-у-ач, Чапина -- Ше-пен, Машура -- Кых-по-терш, Кырганик -- Кирген. О своих старинных божествах и духах камчадалы рассказывали следующее. Главное божество Кукх со своей женою Какх, с сыном Трел-кутхан и дочерью Иш-шахельс пребывает большею частью на вершинах вулканов, где огнем пользуется для приготовления пищи. Перечисленные боги никакого отношения к людям не имели и жили в полном отчуждении и бессилии, так что камчадалы мало на них обращали внимания. Напротив, эта древняя семья богов теперь повсюду осмеивается за такое -- в высшей степени непрактичное -- создание страны. Они одарили жителей исключительно лишь высокими горами да массой снега и льда; если они прямо и не причиняют людям зла, то все-таки проку от них очень мало. Злой же дух Сосо-челк, напротив того, постоянно держится среди людей, чтобы при всякой возможности дразнить их, мешать им и причинять разные неприятности. Таким образом, этому злему духу следует приносить жертвы, а также нужно стараться об умилостивлении его через шаманов. Наконец, в лесах и на низких горах живут еще карлики, Пихлачи, которые зиму и лето разъезжают по стране в очень маленьких санках, запряженных тетеревами, и постоянно копят богатейшие запасы самых драгоценных мехов. Следы от крошечных санок очень скоро затериваются в высокой траве или на снегу; если, однако, кому-нибудь удастся найти такой след, то уж легко поймать и обобрать крошечного возницу. Стоит только положить облупленную ивовую жердь поперек следа: санки разобьются о препятствие, карлик же сам не в состоянии исправить их и непременно нуждается для этого в помощи человека. Таким образом, охотнику остается только идти по следу, который скоро приводит к беспомощному пигмею, просящему выручить его из беды. Но оказанная помощь должна быть оплачена очень дорого, и этого нужно непременно требовать. Если же человек встретит Пихлача и последует за ним по его приглашению, то неминуемо погибнет. Особенно охотно этот лесной карлик преследует христиан.

21 августа мы могли тронуться далее лишь в 11 часов утра. Мои спутники уверяли, что при сильных извержениях Ключевской сопки огонь бывает виден до Машуры, хотя отсюда не был виден ни этот, ни какой-либо другой вулкан; последнее обстоятельство объясняется, впрочем, тем, что лесистые берега высоко поднимаются над водой и заслоняют все за собою.

Тотчас же над Машурой в реку Камчатку впадают общим устьем Малая и Большая Кимитина. Обе реки приходят с левой стороны, следовательно, от Срединного хребта,

именно с так называемых Кимитинских гор, составляющих некоторого рода бесснежное предгорье для снеговой Ичинской сопки. Как говорят, в этих горах истоки Большой и Малой Кимитиной очень сближаются с истоками реки Ичи, впадающей в Охотское море. Так образуются перевалы, до которых нетрудно добраться летом на верховых лошадях, а зимою на собаках, и через которые, следовательно, легко попасть на западный берег полуострова.

Река образует множество больших изгибов, в которых течение достигает скорости свыше 7 верст в час и, следовательно, немало затрудняет движение идущих вверх батов. Берега состоят большею частью из высоких делювиальных масс, поросших частым хвойным лесом, большею частью пихтой. На одном из этих щебневых и глинистых обрывов в довольно большом количестве наблюдались выцветы нечистых квасцов, выделившихся в виде игл. Очень близко отсюда берег поднимается крутой стеной; с этого обрыва когда-то сорвалась и убила девушка, что дало повод назвать это место Девичьим Яром.

К вечеру мы проехали уже значительно большую половину пути до Кырганика и на ночлег опять расположились на "песке". Ночь была очень холодная, первая за это лето, когда термометр упал почти до нуля.

22 августа, в 6 часов утра, мы были уже в дороге. И здесь река течет с сильными изгибами, которые также сопровождаются своими "песками". Она становится заметно уже, сохраняет быстрое течение и, за небольшими исключениями, совсем лишена островов. На правом берегу продолжают делювиальные высоты, левый же становится ниже; но оба остаются покрыты хвойным лесом. Повсюду, особенно же на "песках", валяются массы больших камней, большею частью обломки гранитов и хлоритовых сланцев, к которым в изобилии подмешаны разные кварцы.

Кырганик лежит на левом берегу небольшого рукава одноименной с ним реки. Этот рукав открывается в Камчатку; но главное устье, которым Кырганик впадает в последнюю, находится верстах в двух над деревней. Истоки Кырганика находятся далеко в Срединном хребте и состоят из двух ручьев, из которых один приближается к истокам реки Оглукоминой (опасный узкий перевал Шануган или Поршень), другой -- к истокам реки Ичи. Здесь путешественник достигает части Срединного хребта, принадлежащей к числу замечательнейших пунктов по отношению к гидрографии Камчатского полуострова. Ичинская сопка, высота которой по Эрману равна 16 900 футам, вместе со всеми окружающими ее горами не только составляет высочайший пункт во всем Срединном хребте, но сверх того служит еще областью истока множества рек, текущих частью на восток, к реке Камчатке (каковы: Калю; Большая Кимитина, Малая Кимитина, Кырганик), частью на запад, к Охотскому морю (Компакова, Оглукомина, Ича, Сопочная; Морошечная). Утверждают даже, будто отсюда получает притоки и река Тигиль, протекающая гораздо севернее. Многочисленные поперечные долины, открывающиеся на восток и на запад, почти все представляют перевалы, которыми пользуются охотники для перехода через Срединный хребет, следовательно, они служат путями сообщения между долиной реки Камчатки и западным берегом полуострова. Жители Седанки, как говорят, по долине Тигиля приближаются к Ичинской сопке; этим же путем пользуются будто бы и коряки при своих кочевках до Ичинской сопки и далее на юг. Все эти перевалы равно пригодны зимою -- для езды на собаках, а летом -- на лошадях. То же относится к перевалу, ведущему от Морошечной к Ушкам; притом этот путь настолько короток, что между западным берегом полуострова и Ушками приходится переночевать в дороге один только раз. Высоты вокруг Ичинской сопки (называемой также Ичинской Вершиной, Белой сопкой и Уахларом) составляют, как говорят, любимое летнее местопребывание коряков, где свежий, благодаря близости снега, воздух удивительно смягчает муки, причиняемые комарами, и где, кроме того, имеются хорошие пастбища. Отсюда эти кочевники, подобно ламутам, проходят, говорят, по самому Срединному хребту и вдоль него далеко на юг, до Большерецка.

Много лет тому назад кырганикские охотники даже встретили однажды кочующими здесь камчадалов с Морошечной, которые ушли в горы, чтобы избавиться от податей. Эти кочевники имели небольшое стадо одомашненных горных баранов.

Несомненно, что Ичинская сопка, по крайней мере, судя по ее конусообразной форме, представляет старый, ныне не действующий вулкан, который, нужно думать, прорвал и нарушил отложенную здесь древнюю осадочную породу, известную мне по рассказам местных жителей. По этим рассказам, на восточном склоне, идя к Оглукоминой, встречаются сланцы, разбивающиеся на большие, темные плиты. Такая же сланцевая формация встречается, как говорят, к востоку от Кырганика, в Валагинских горах, где подобные плиты найдены по верхнему течению реки Жупановой. Валагинские горы видны из Кырганика на восток и юго-восток. Ограничивая долину реки Камчатки, они тянутся далее к югу, и это южное их продолжение, нужно думать, совпадает с Милковскими горами Эрмана.

Кырганик расположен в очень привлекательной местности, близ леса. 9 домов, составляющих это поселение, производят впечатление порядка. У жителей (31 мужчина и 26 женщин) имеются 30 голов рогатого скота, 4 лошади и обширные огороды. Мы встретили радушный прием в чистом доме тойона Пермякова, где я познакомился с несколькими престарелыми местными охотниками, которые всю свою жизнь пробродили по обширной части страны и потому могли сообщить мне множество ценных географических указаний. Один из них, отец нынешнего тойона, был очень стар (по его собственным словам, ему было уже более 90 лет); другой, прежний тойон острога Афанасий Чуркин, также был старше 70 лет. Рассказы обоих очень согласовывались между собой и взаимно дополняли друг друга. Данные, сообщенные выше об Ичинской сопке и ее окрестностях, заимствованы из рассказов этих стариков; из того же источника я почерпаю еще нижеследующее. Старый Пермяков очень живо вспоминал еще о времени (в пору управления Камчаткой майора Бема, прибывшего сюда в 1773 г.), когда самый оживленный путь между Петропавловском и Нижнекамчатском шел еще вдоль восточного берега, а не так, как теперь, с громадным обходом -- через долину реки Камчатки. Пермякову пришлось несколько раз проехать по этому пути и неоднократно побывать во многих больших острогах, лежавших вдоль старой дороги. Теперь там всюду безлюдно и мертво. Сперва (в 1768 г.) там произвела страшное опустошение оспа, а затем начальники края насильственно перевели остатки населения в долину реки Камчатки. До только что упомянутой сильной эпидемии оспы существовало оживленное сообщение как между острогами, находившимися в долине реки Камчатки, и западным берегом полуострова (через перевалы Срединного хребта), так и -- да еще в большей мере -- с восточным берегом Камчатки, через восточные горы. Таким образом ездили в Петропавловск, на реку Жупанову, на Кроноцкое озеро и во все места по Великому океану. Валагинские горы, изобилующие дикими баранами и северными оленями, также прорезаны несколькими хорошими перевалами. С этих гор течет река Валагин, истоки которой образуются тремя ручьями на высокой олененной тундре; отсюда же течет и более крупный ручей -- Ветлова, впадающий в реку Камчатку немного повыше Кырганика. Точно так же, говорят, и Китилгина начинается на высокой горной тундре; она впадает в Камчатку между Машурой и Чапиной и составляет переход на восток, к западному истоку реки Жупановой. Не менее важно значение области истоков реки Чапиной: здесь имеется водораздел, изобилующий удобными для верховых лошадей перевалами. Здесь же начинаются и два истока реки Чапиной и один исток Толбачи, а к востоку, на север от Кроноцкого озера, в Тихий океан течет река Чаема; вместе с тем, в это обширное озеро стекают многочисленные ручьи. Наконец к югу направляется главный приток реки Жупановой. Последняя речная область, отличающаяся почти полным отсутствием леса, отделена от реки Камчатки только Кинцеклинскими и Валагинскими горами, составляющими водоразделы; но в то время как Камчатка течет на север, Жупанова, принадлежащая к числу самых больших рек полуострова, течет

прямо на юг. Показания моих собеседников относительно большого "залива", простирающегося далеко на юг и виденного нами у устья реки Жупановой, вполне согласовались с собственными моими наблюдениями; нам рассказывали также о трех острогах, когда-то процветавших на берегу этой реки. Истоки рек Вахилия и Халигера, из которых первая впадает в океан сейчас же к югу от мыса Шипунского, вторая -- сейчас же к северу от него, также находятся близ Жупановой сопки. Кырганикские охотники проникали через перевал в Валагинских горах в эти речные долины и таким путем доходили до Петропавловска. О Николе мне сообщали, что он начинается в болотах у подошвы Кинцеклы и имеет лишь весьма короткое течение. Мои старые собеседники часто охотились на реке Семячик, а также в прилежащей к этой реке местности. Ручей, составляющий северный исток Семячика, начинается в горячих ключах. На реке, не очень далеко от устья, имеется водопад, высота которого равна двум саженьям. Верстах же в трех от того же устья и в недалеком расстоянии от берега реки растет совершенно изолированный пихтовый лес, занимающий около половины квадратной версты, между тем как вокруг на обширном пространстве, за исключением ползучего кедра, никакого другого хвойного растения не встречается. Прежние жители острога на Семячике начали было строить часовню из пихтового леса; но сперва оспа, а затем переселение оставшегося народа в другое место уничтожили острог; теперь видны еще последние остатки этой постройки. К северу от устья Семячика в небольшую губу Клокенмих впадает очень горячий ручей, образуемый многочисленными горячими ключами, близ которых, говорят, находится сольфатара. Неподалеку отсюда поднимается также сопка Семячик (Большой); последний лет 50 тому назад представлял еще высокий, острый и деятельный конус (то же подтверждали мне впоследствии жители Милковой и Верхнекамчатска). Но затем конус при сильном извержении обрушился и совершенно прекратил вулканическую деятельность. Теперь гора представляется в виде сильно притуплённого конуса, который снова стал выделять столбы пара лишь тому назад года три. Упомянутое большое извержение происходило с такой силой, что выбрасываемые камни довольно больших размеров залетали в море.

Близ Кроноцкого озера имеется другое небольшое озеро, на берегу которого находится горящая сольфатара и в которое с одной стороны впадают многочисленные горячие ключи. Это маленькое озеро посредством ручья Хемчич открывается в Кроноцкое озеро и имеет воду настолько теплую, что никогда, даже в самый сильный холод, не замерзает. К западу от Кроноцкого озера поднимается вулкан Унана, близ которого выходят такие горячие ключи, что в них даже можно быстро сварить яйцо; горячие ключи находятся также у подошвы Кроноцкой сопки.

На Кроноцком озере поднимается 12 небольших, поросших одинокими березами скалистых островов. В водах озера живет весьма вкусная рыба из рода лососей (голец), который не может проникать сюда из моря (так как этому мешает высокий водопад -- единственный исток озера), а живет здесь совершенно изолированно и для нереста входит в небольшие ручьи. Вода падает с такой высоты из озера и образует при этом такую большую дугу, что под водопадом и позади него имеется хорошо утоптанная, широкая медвежья тропа. Небольшие лесочки состоят здесь только из корявых берез, между тем как хвойные деревья появляются лишь гораздо западнее, в долине р. Камчатки.

К сожалению, старики могли сообщить мне лишь эти краткие и неполные сведения, которые я и передаю здесь. Тем не менее, я считаю не лишним привести их здесь, так как они относятся к очень мало известной и вместе с тем в высокой степени интересной местности; к тому же эти данные впоследствии были подтверждены расспросами и в других местах.

23 августа мы могли тронуться в дальнейший путь лишь в 11 часов. Сильное противное течение, скорость которого равнялась приблизительно 7 верстам в час, очень мешало движению неуклюжих батов. Река все еще имела ширину в 50 -- 60 сажень, при

глубине в 2 -- 3 аршина. Сначала на некотором протяжении на берегах еще виднелось немного хвойного леса, но затем он совершенно исчез, так как мы находились на южной границе его своеобразного островного распространения. Хвойный лес, состоящий из лиственницы и пихты, простирается от Кырганика до Еловки и по долине р. Камчатки, верст на 10 по обе стороны ее. Затем во всей остальной Камчатке этих деревьев нигде не видно: их нет ни к северу от Еловки, ни к югу от Кырганика, ни к западу, на Срединном хребте или на западном берегу, ни к востоку -- на восточных горах, за исключением разве упомянутого выше маленького островного леса на р. Семячик. Зато ползучий кедровник (*Pinus cembra pumila*) и можжевельник в изобилии растут по всей стране, от севера до юга. Здесь, с переходом через южную границу высоких хвойных деревьев, они заменяются тополями, а еще более -- высокоствольными ивами (ветлова). Те и другие разрастаются в прекрасные, высокие, стройные деревья; это особенно относится к ивам, с их очень умеренно вытянутыми, ярко-зелеными листьями. Я нередко встречал деревья, имевшие, при толщине ствола в 14--16 дюймов, высоту в 8--10 сажень и доставлявшие хорошие, годные для построек бревна в 4--5 сажень длины. Эта ива по всей Камчатке, за исключением области хвойного леса, доставляет очень ценный материал для построек.

С востока долина Камчатки ограничивается сперва Кинцеклинским, затем Валагинским хребтами, проходящими не в особенно далеком расстоянии от реки и разделенными друг от друга очень заметным перевалом, который ведет к рекам Жупановой и Семячику. Сперва мы прошли мимо устья ручья Асаных, идущего из тундры и впадающего с правой стороны в р. Камчатку, затем мимо устья р. Валагин и в 5 часов были у небольшой речки Милковки, впадающей в Камчатку слева. Мы въехали в Милковку и поднялись вверх по ней немного, насколько только допускало мелководье, после чего нам пришлось пройти пешком еще с полверсты, чтобы добраться до большой русской деревни Милковой; здесь мы встретили хороший и радушный прием в доме старосты Кошкарева. Милковка -- небольшая речонка, едва имеющая 3 версты в длину и приходящая из мокрой тундры; весной же она становится обыкновенно очень многоводной и стремительной. На берегу ее, не более как в расстоянии версты от главной реки, расположена деревня. 27 домов с красивой деревянной церковью, со всеми пристройками и большими огородами образуют длинную и широкую улицу. Жители (при нашем посещении 110 душ мужского и 101 душа женского пола) русского происхождения и имеют 105 голов рогатого скота и 20 лошадей. Указом от 26 июля 1733 г. императрица Анна повелела завести земледелие в Камчатке, и для приведения в исполнение этого указа в 1738 и 1744 гг. с берегов Лены в Камчатку переведено было 20 русских крестьянских семей, из числа которых 9 было поселено в Большерецке, 5 в Милковой (что и послужило причиной ее возникновения) и 6 в Нижнекамчатске. Переселенцы привезли с собою зерно на посев, рогатый скот и лошадей и должны были ввести земледелие в страну. В Большерецке, по случаю ранних и сильных морозов, попытка эта с самого начала кончилась полнейшим неуспехом, так что 9 тамошних семей уже в 1758 г. переведены были в Милкову, где они стали устраивать и обрабатывать поля под надзором лейтенанта Холмовского. В 1760 г. земледелие в Камчатке достигло наибольших результатов, но с того времени снова сильно упало. Некоторые начальники края, например Бем (1773 г.), Сомов (1799 г.), Кошелев (1802 г.), Голенищев (1825 г.), энергично старались о поднятии сельского хозяйства. Другие же, напротив, скорее препятствовали, чем содействовали этому. Но как бы то ни было, всякие меры оказывались бесполезными -- ночные морозы все портили. И в настоящее время обыватели прилежно работают, но, как и в Ключах, более из послушания начальству, чем по собственному убеждению, по которому, напротив, все труды и старания земледельца должны остаться совершенно бесплодными. Повсюду в Камчатке население высказывает одно и то же, очень основательное мнение, а именно, что без дождей пепла с вулканов нельзя ждать урожая. Такие дожди делают поверхность снега темной, следовательно громадные массы его скорее и ранее поддаются действию

солнечных лучей. В силу этого можно при таких условиях раньше закончить посев, и хлеб созреет еще до морозов. При нашем посещении ячмень и овес стояли очень хорошо и были еще совсем зелены, а ночные морозы, между тем, уже наступили.

С 1774 до 1780 г. в Милковой получалось железо из очень плохой болотной руды и всего добыто 275 пудов; но так как качество железа было очень неудовлетворительно, то и добывание прекратилось.

К большой выгоде и пользе страны в 1846 г. по всей Камчатке введено было разведение в огородах картофеля и овощей, например, капусты, репы и пр. Эти огороды, постоянно расположенные в непосредственной близости домов, всегда освобождаются гораздо ранее от снега; наконец, на небольших площадях можно в случае надобности и пособить горю, так что работа на огородах начинается гораздо ранее, чем на обширных, дальних полях, а потому большею частью приводит к удовлетворительным результатам. Если как-нибудь и случится раньше времени ночной мороз, то самое большее -- почернеет картофельная ботва, между тем как клубни останутся под защитой земли; капуста же выдерживает небольшой мороз без всякого для себя вреда.

Далее, в 1847 г. в Ключах и Милковой был введен в высшей степени полезный промысел. Камчадалская крапива повсюду достигает необыкновенного роста и часто образует обширные чащи. Обывателей научили изготовлять пряжу из крапивы, и в настоящее время нередко можно видеть сделанные из этого материала рыболовные сети, а также прочную хорошую ткань, употребляемую для белья.

Утром 24 августа после сильного ночного мороза мы вышли из дому, чтобы осмотреть деревню, огороды и поля. Глазам нашим представилась картина жестокого опустошения, произведенного холодом среди еще зеленой, сочной растительности полей. Опять все пропало, опять потеряна была масса труда и хлопот! Только редкий год обходится без ранних морозов и, следовательно, столь же редкий год удастся крестьянину собрать свою жатву.

Население Милковой во всех отношениях сходно было с населением Ключей. При всем старании обывателей жить по православному, по-русски, в общем складе их жизни сказывались, тем не менее, кое-какие чисто камчадалские черты. Это обнаруживалось прежде всего тем, что обычный рыбный промысел играл здесь не меньшую роль, чем у камчадалов; ясно было, что рыболовство составляет главный источник существования для населения. При нашем посещении Милковой шел в большом количестве кизуч, но очень часто встречался и хайко. Как в Кырганике и Машуре, так и здесь небольшие ручьи были перегорожены заборами, и наполненные рыбой корзины передавались на берегу женщинам, приготовлявшим из нее зимние запасы.

Начиная отсюда, трудно плыть в батах вверх по Камчатке, потому что течение становится очень сильным и часто встречаются мели. Таким образом, мы распорядились, чтобы сегодня же нам пригнали с пастбища лошадей, необходимых для продолжения путешествия.

С запада в большом отдалении виднеется Срединный хребет, который тянется на горизонте над далеко раскинувшейся долиною реки, а с востока довольно близко подходят Валагинские горы, образующие собою не особенно высокую скалистую цепь без выдающихся вершин. Особенно близким кажется перевал, из которого выходит р. Валагин. Когда происходило последнее извержение Большого Семьячика, столб огня и пара виднелся как раз над этим перевалом, т. е. под 117° от Милковой. Далее к северу очень заметен еще перевал, из которого выходит Китилгина. С восточного склона Валагинских гор по этой местности стекают к реке Жупановой два притока ее, Кабелки и Катакенич. Галечник в речках и ручьях окрестностей Милковой состоит исключительно из гранитов, кварцев и сланцев, похожих на зеленокаменную породу.

25 августа, после очень сильного ночного мороза, стоял прекрасный, ясный осенний день. Нас ожидали уже 4 лошади: для меня, Шестакова и проводника по одной, для багажа -- четвертая. Но так как расстояние до Верхнекамчатска составляет всего только

12 верст, и так как старик Кошкарев очень радушно приглашал нас еще пообедать у него, то отъезд наш и был отложен до часу дня. Дорога почти непрерывно шла по твердому, сухому грунту; мы пересекли три небольших ручья по довольно первобытным мостам. Большая часть пути была покрыта лесом. Суковатые березы (*B. Ermani*) с боярышником, чернотальником (*Salix pentandra*), шиповником, громадным *Epilobium* и высокой травой сменялись на более сырых местах тополями и высокоствольными ивами (Светлова), между тем как по берегам небольших ручьев и канавок узкая дорога вилась среди самой густой чащи громадных многолетних трав. *Heracleum*, *Filipendula kamtschatica*, *Senecio cannabifolius*, а часто также крапива достигают здесь такой высоты, что совершенно скрывают всадника вместе с лошады. Шестаков, первый раз в жизни сидевший на лошади, к величайшей потехе своих спутников имел очень жалкую физиономию, особенно когда лошадь пускалась рысью; но он скоро вышел из этого неприятного положения, так как в 5 часов мы были уже в Верхнекамчатске. Сперва мы проехали мимо совершенно оставленной теперь пустынной Варлатовки, где полковник Сомов, доставивший по велению императора Павла в 1799 г. два батальона солдат в Камчатку, выстроил дома для одной части команды. После того как в 1813 г. эти солдаты опять были отозваны из Камчатки, Варлатовка более не заселялась и превратилась в груды развалин, оставшихся еще при нашем проезде. Затем мы миновали обширные и очень хорошие сенокосы жителей Верхнекамчатска и наконец достигли р. Андреяновки, на берегах которой, не очень далеко от впадения ее в Камчатку, и расположен сам Верхнекамчатск. Андреяновка -- небольшая речка, но имеющая значение благодаря тому, что два ручья, которыми она начинается в Срединном хребте, доставляют удобные перевалы на западный берег. Один из этих ручьев ведет к истокам Оглукоминой, другой -- к истокам Компаковой. Взяв пеленги, я нашел указанное мне место истоков под 290° и начало Кырганы под 310°.

Галечник, который наполняет в очень большом количестве Андреяновку, состоит из зеленокаменных пород, гранитов, слюдяных сланцев и всякого рода кремней, из чего можно заключить, что Срединный хребет в этой местности состоит преимущественно из плутонических пород.

Верхнекамчатск принадлежит к числу наиболее старых русских поселений в Камчатке и основан Атласовым уже в 1703 г., одновременно с Большерецком. Сперва Верхнекамчатск играл роль укрепления, потом он был переименован в город и служил резиденцией для сборщика ясака. Теперь это только подобие камчадальского острога, и в нем не осталось и следа прежнего блеска. 10 домов с пристройками и огородами, часовня и кузница беспорядочно разбросаны по левому берегу Андреяновки. Жители (21 душа мужского и 32 души женского пола), имеющие 34 головы рогатого скота и 10 лошадей, занимаются жалким скотоводством и огородничеством; главное же их занятие заключается в рыболовстве и охоте. Рыба и здесь составляет главную пищу населения. Старинный русский склад жизни заметен здесь в очень слабой степени, камчатский же, напротив, всюду выступает на первый план. К счастью, жителей Верхнекамчатска не так сильно принуждают к земледелию, как жителей Милковой и Ключей, и, таким образом, первые избавлены от бесплодных трудов и работ.

Утром 26 августа стояла прекрасная, хотя очень холодная погода. Вообще со времени моего отъезда из Кырганика температура заметно изменилась. В Толбаче и даже в Машуре ночи были еще довольно теплые, а начиная с Милковой, внезапно пошли ночные морозы. Правда, страна здесь повышается (Верхнекамчатск по Эрману лежит на высоте 900 футов), но повышение это происходит не круто и, во всяком случае, оно не очень значительно; горы тоже подходят сюда не слишком близко и вообще не богаты снегом.

В 8 часов мы были готовы к отъезду, переправились сперва в батах через Камчатку и затем, все оставаясь на правом берегу ее, поехали верхом в Шарому, лежащую в 34 верстах отсюда.

Против Верхнекамчатска находится устье р. Ковычи (по Эрману -- Повычи), текущей с Валагинских гор. В верхнем течении ее находится общеизвестный в Камчатке перевал Верблюжье Горло, которого так боятся при зимних поездках. Он ведет к системам рек Жупановой, Вахили и Налачевой и составляет, следовательно, очень близкую дорогу в Петропавловск, которой часто пользовались в старину. Этот перевал очень узок и нередко прикрыт большими, нависшими снеговыми массами; иногда достаточно ничтожного сотрясения воздуха, произведенного, например, каким-нибудь звуком, чтобы снеговая масса свалилась и погребла под собою путника. Продолжая нашу поездку, мы снова увидели реку Камчатку лишь у Шаромы, которая расположена на правом берегу реки, здесь уже узкой и очень стремительной. Дорога почти непрерывно шла по слабо волнистой, покрытой лесом местности. Картина растительности была и тут та же, что и у Верхнекамчатска: опять березы со своим подседом на высотах, затем тополи и высокоствольные ивы и, наконец, на самых низких местах -- огромное развитие многолетних трав. Приблизительно на середине пути мы переправились через Клюквину, которая также течет с Валагинских гор в главную реку, и в русле которой мы встречали только гальки плотных сланцев, кремневых и гранитовых пород. Здесь мы остановились на короткое время и развели большой огонь, чтобы обсушить наше платье, насквозь промокшее при езде по высокой, сырой траве.

В 4 часа мы прибыли в Шарому. 9 домов этого поселения и небольшая часовня лежат у самого берега главной реки и вместе с тем -- у устья одноименной небольшой горной речки. Уже дорогой начался дождь, промочивший нас до костей; теперь же лило так, что оставалось только радоваться найденному убежищу в теплом и уютном доме тойона. Радужный хозяин хорошо угостил нас, мы же отблагодарили его за гостеприимство чаем.

Утром 27 августа опять стояла чудная, ясная погода. Вчерашний дождь и высокая, пропитанная водой трава до того промочили наш багаж и платье, что на сегодня у нас было достаточно дела с просушкой вещей, а потому пришлось остаться в Шароме. Но последний дождь, встреченный нами в долине, выпал на высотах в виде снега, так что все горы засияли ослепительной белизной. Здесь долина р. Камчатки опять представлялась значительно суженной. С восточной стороны, в не очень большом расстоянии к югу от Валагина, горы подошли ближе к реке и стали круче; точно так же приблизились с запада, хотя и не в такой степени, как восточные высоты, зубчатые, уже покрытые снегом горы Срединного хребта.

Жители Шаромы (33 мужчины и 41 женщина) уже более производят впечатление чисто камчадалского происхождения. Тойоном здесь был тоже Мерлин, происходивший из проживающей в Машуре отрасли этой фамилии. Здесь царит порядок и здоровье; по-видимому, обыватели отличаются даже некоторой зажиточностью. Превосходные сенокосы окрестных мест доставляют более чем достаточно корма для имеющихся здесь 36 голов рогатого скота, а на огородах поспевает достаточно овощей для людей. Точно так же богатую добычу дают охота и рыбная ловля. Местность здесь изобилует соболями, река полна лососей, хотя последние приходят сюда гораздо позже, чем в низовья Камчатки и, кроме того, являются уже сильно отощавшими после продолжительного и изнурительного путешествия вверх по реке. При нашем посещении шла еще красная рыба и хайко; ход же кизуча только что начался.

В Шароме мне дважды приходилось вспомнить о давно прошедшей старине. Прежде всего, я увидел там каменный топор, принадлежавший тойону и хранившийся как древняя святыня. Этот древний, почтенный памятник каменного века в Камчатке уже вышел из употребления; но мне сегодня же еще пришлось видеть, как выдалбливали ствол ивы железным топором, сделанным совершенно наподобие каменного. Каменный топор имел в длину 5 дюймов, его очень острое лезвие -- 3 дюйма. Весь камень, прочный темно-серый кварц, был очень плоско сточен; конец, противоположный острию, был значительно сужен, вставлен в сильно изогнутый конец толстой палки и укреплен здесь

ремнями. Тойон сообщил мне, что очень старые люди в Камчатке все еще прекрасно помнят время, когда подобные каменные топоры и другие каменные орудия были во всеобщем употреблении. Теперь железо стало общедоступным материалом, и поэтому старинные каменные орудия совсем исчезли.

Другим памятником старины оказалась коса, в которую были заплетены волосы одного пришедшего ко мне очень старого туземца. Такая прическа, очень распространенная, судя по рассказам, в Камчатке в прошлом столетии и теперь еще вполне уцелевшая среди многих сибирских инородцев (например, тунгусов, гиляков и др.), здесь в настоящее время совершенно вывелась. К сожалению, старик мог сообщить мне очень мало про старину. Будучи еще совсем молодым человеком, он, по приказанию тогдашнего начальника края, должен был оставить свою любимую родину и переселиться в Верхнекамчатск. Старик был родом с западного берега, где он жил со многими другими земляками в области истоков р. Воровской. По его рассказам, охота там чрезвычайно богата; соболя, лисицы, каменные бараны, северные олени и медведи водятся в изобилии, а также достаточно и рыбы. Жилось там очень привольно и хорошо, и с тяжелым сердцем расстались бедняки со своей родиной. Эта местность, по словам старика, представляет собою очень дикую и скалистую страну, где все охотничьи скитания совершались исключительно пешком, потому что на лошади пройти там удается лишь с трудом.

Тойон и его семейство все время оставались при мне, осыпая меня всякими знаками внимания и любезностями. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с их поистине счастливой семейной жизнью. Тойон привел ко мне своего внука, лет десяти, и сообщил мне, что мальчик уже учится управлять батом и обращаться со своим маленьким ружьем. Такое раннее обучение, прибавил тойон, в Камчатке необходимо, так как хорошо прожить здесь может только очень умелый человек. Кроме того, этот мальчик тоже Мерлин, а потому с раннего возраста должен стараться подражать своим древним героям-предкам. В Шароме также был известен богатырь Божош, и здесь камчадалы прославляли его необыкновенную силу и ловкость. Богатырь этот, охотясь за дикими баранами, догонял на бегу этих быстрых животных и убивал их копьем, так что спутникам его никогда не приходилось сделать ни одного выстрела.

Отец тойона в Верхнекамчатске выучился чтению и письму от Ивашкина, политического преступника, сосланного в Камчатку императрицей Елизаветой (об Ивашкине еще теперь часто приходится слышать в Камчатке). Благодаря своей грамотности, этот отец впоследствии был отправлен начальником края Бемом в качестве учителя в Большерецке. Там родился теперешний тойон, там же он познакомился со своей женой, дочерью казака, и женился. Впоследствии его перевели в Шарому.

После очень холодной ночи я довольно рано утром 28 августа хотел уже тронуться в дальнейший путь, но мой радушный хозяин, а еще более казачка-хозяйка ни за что не хотели отпустить нас, не накормивши. Итак, мы могли уехать лишь в 10 часов, после настоящего завтрака, при котором, по сибирскому обычаю, столы ломились под тяжестью блюд. Мы оставались на правом берегу р. Камчатки до Пущиной, которая также расположена на этом же берегу. Дорога пошла большей частью сухой тундрой, которая поросла травой и одинокими или собранными в небольшие группы березами, рябиной, боярышником, жимолостью и чернотальником. На некоторых низменных местах опять встретились чащи шаламайника и баранника. Черемуха, начиная с Верхнекамчатска, стала встречаться реже, а здесь уже почти не попадалась. Как говорят, одинокие экземпляры ее изредка встречаются еще на самом берегу главной реки. Зато местами стала появляться ольха (*Alnus incana*). Таким образом, узкая тропа, совершенно схожая с медвежьей, ведет всадника на протяжении 32 верст до Пущиной. Благодаря постоянному приближению лесистых предгорий восточных и западных гор долина реки все суживалась. У Пущиной эти предгорья, по-видимому, уже соединились друг с другом. Ранним вечером мы приехали в Пущину и теперь только опять увидели р.

Камчатку, которая уменьшается здесь до размеров совсем ничтожной речки. У Пущиной вода опять кишела большими лосо^зьями (хайко), которые почти все были сплошь окрашены в красный цвет; только голова их представлялась темно-оливково-зеленой. Описываемая окраска появляется у этих рыб после продолжительного хода и утомительной борьбы с сильным течением.

Четыре дома поселения расположены на берегу реки и производят довольно грустное впечатление. Но еще более грустное впечатление производят несчастные жители (11 мужчин и 8 женщин), которые почти все, в ожидании страшного конца, лежали зараженные отвратительной и прилипчивой болезнью, покрытые ранами и язвами. Уже с самого первого своего поселения в Камчатке завоеватели-казаки своим распутством и развратом внесли сюда этот страшный яд, который теперь передается из поколения в поколение, все более и более ухудшаясь и становясь все разрушительнее. Быть может, исключительно рыбная пища благоприятствует болезни, которая истребляет ни в чем не повинное население, совершенно беспомощное в борьбе с убийственным недугом.

Чтобы по возможности избежать всяких сношений с обывателями, мы расположились, как могли, в сенях дома, принадлежавшего тойону и казавшегося еще наиболее чистым. Сильный северный ветер нагнал тяжелые дождевые тучи, разразившиеся уже к ночи целыми потоками дождя. Такой же ливень продолжался и на следующий день, 29 августа, делая для нас невозможным продолжение путешествия. Это невольное пребывание среди больных составляло тяжелое испытание для нашего терпения!

Пущина расположена на небольшой реке того же наименования, против устья р. Кынча; последняя начинается в Срединном хребте, именно в местности, откуда к западу, в Охотское море, течет р. Компакова, доставляющая удобный перевал для отправления на западный берег. Галечник, как в самой р. Камчатке, так и во всех впадающих в нее реках и ручьях, состоит из гранитов, диоритов, древних сланцев и кварцевых пород. Только продвигаясь с востока, среди древних плутонических пород встречаются еще, но в совершенно ничтожном количестве, обломки пористой лавовидной породы. Таким образом, вся область истоков р. Камчатки главным образом плутонического происхождения, с единственным вулканическим возвышением к югу от Валагинских гор и к востоку от берега р. Пуш, где, верстах в 10 от Пущиной, имеются также горячие ключи. Это вулканическое возвышение есть ныне вполне угасший вулкан Бакенинг, принадлежащий, быть может, к числу самых древних вулканических образований в этой части полуострова.

Деревня Пущина, постигнутая такой тяжелой участью, получила свое название оттого, что в старину здесь однажды при перевозке затонула пушка. Этот несчастный случай навлек несчастье и на многих жителей страны. Начальник края рассудил после того за благо, для большего удобства при перевозке транспорта и путешественников, основать поселение в этой местности, прежде совершенно безлюдной. Для приведения этого плана в исполнение с западного берега, из острогов Морошечной, Белоголовой и Компаковой тотчас же переселено было сюда несколько семей, причем начальство нимало не поинтересовалось узнать, годится ли для заселения выбранный им участок. Потомки переселенцев владят теперь самое плачевное существование. Почти совершенно неспособные к работе из-за упомянутой страшной болезни, они, ничем не защищенные от суровых северных ветров, живут здесь очень близко от высоты перевала, ведущего из долины р. Камчатки к южному концу полуострова. Далее, рыба доходит сюда в небольшом количестве и в изнуренном состоянии, следовательно, зимние запасы здесь можно собирать лишь с трудом, и то неудовлетворительно. При неспособности пушинских обывателей к работе немудрено, что и огородничество им не дается и что они с трудом добывают нужный корм для своего рогатого скота (11 голов) и лошадей (2).

Вечером ветер наконец повернул в другую сторону, разогнал тучи и разбудил в нас надежду завтра выбраться из нашей тюрьмы. В долине Камчатки все знают примету, что

северные ветры приносят дождь, южные же, напротив, -- чудные, сухие дни. К югу от перевала, в долине р. Быстрой, наблюдается как раз противное.

После ночи, крайне неприятно проведенной из-за насекомых и зараженного воздуха, мы могли тронуться в путь утром 30 августа. Дорога через перевал Камчатской Вершины к Ганалу длинна и, по-моему мнению, ошибочно считается равной всего только 55 верстам. По недостатку в людях роль проводника взял на себя сам тойон. Дорога от Пущиной идет по правому берегу Камчатки и прямо на юг. Долина быстро поднимается по направлению к перевалу, представляет совершенно плоское дно и очень заметно суживается. Река становится речонкой и течет в виде прозрачного, холодного горного ручья по многочисленным крупным галькам, которые состоят главным образом из гранитов, слюдяных сланцев, зеленокаменных и сланцевых пород. Прежде всего мы опять въехали в прекрасный березовый лес (*B. Ermani*), с неоднократно уже описанным подседом и с чащами шаламайника на низинах. С дальнейшим передвижением подсед в березовом лесу изменился, и часто стали попадаться можжевельник, кедровник и *Rhododendron chrysanthum* (пьяная трава). Проехав еще далее, мы достигли участка долины, лишенного древесной растительности; на дне долины видно было множество очень мелких возвышений (бугров), состоявших как бы из сдвинутого в кучи аллювиального наноса и поросших ползучим кедровником. Как раз к югу от этих бугров находится место соединения обоих главных истоков р. Камчатки. Последние приходят с юга и до соединения текут на довольно большом протяжении почти параллельно и очень близко друг к другу. Западный исток, более крупный по протяжению, приходит, описывая очень большую дугу, со Срединного хребта, где начинается из очень рыбного озера, между тем как восточный, которым мы переправились несколько далее к югу, начинается далеко в восточных горах. Этот восточный рукав прорезывает предгорья в небольшом ущелье, покрытом лесом, и сам начинается двумя ручьями, из которых один течет с вулкана Бакенинг и содержит в себе обломки пористых, красных и серых лавовидных пород; другой, более северный, течет с крутых южных острогов Валагинских гор и приносит обломки зеленокаменных пород и сланцев. Переправившись через восточный рукав, мы дошли, вместе с тем, до пределов леса и вступили в обширную тундру, которая занимает короткую расширенную часть долины. Здесь стояла пустая юрта, выстроенная обывателями Пущиной для защиты проезжающих от непогоды. Поверхность тундры покрыта мхом, из которого выглядывают *Betula nana*, маленькие, совсем хилые ивы, шикша (*Empetrum*) и голубика, местами же выступают обломки богатых кварцем зеленоватых сланцев. В не особенно большом расстоянии от только что упомянутой юрты мы, на голой тундре, достигли высоты перевала, общеизвестной Камчатской Вершины, которая по Эрману лежит на высоте 1200--1300 футов над уровнем моря, между тем как окаймляющие ее горы достигают приблизительно 4000 футов. Отсюда я увидел Бакенинг под углом в 126° и середину высокого, дикого Ганальского кряжа (Ганальские Востряки) под 188°.

Срединная долина Камчатки, наибольшего возвышения которой мы достигли в описываемом месте, простирается, оставаясь такой же узкой, еще далее на юг; но, начиная с этого водораздела, она становится уже долиною р. Быстрой, несущей свои воды в Охотское море. И здесь долина точно так же сужена подступающими к ней с обеих сторон лесистыми предгорьями, а дно ее покрыто голой тундрой, которая, начиная отсюда, однако обнаруживает явственный наклон к югу. Срединный хребет, начиная с Вершины, становится гораздо шире и тянется в виде возвышенной, покрытой лесом, холмистой области на юг и юго-запад, все время ограничивая долину р. Быстрой с запада. На востоке над тундрой круто поднимаются Ганальские Востряки, высота которых по Эрману равна 4500 -- 4800 футам. Эти горы, представляющие дикий зубчатый гребень и даже издали явственно обнаруживающие слоистость, начинаются на севере, близ Бакенинга и южного конца Валагинских гор, где раздел образуется долиною восточного рукава-истока Камчатки; затем Ганальские горы тянутся далеко к

югу, простираясь еще за Ганалом. Голая тундра, все сохраняя свой северный характер, тянется до второй юрты, выстроенной жителями Ганала также для защиты путешественников. Здесь, значительно уже спустившись вниз по долине, мы опять достигли довольно большого леса, состоящего из тополей и особенно из высоких камчатских ив (ветловины).

Река Быстрая начинается на восточном краю тундры из многочисленных мелких озер и луж, находящихся у подошвы Ганальских гор и Баккенинга. Затем она стремительно направляется к югу, между обеими упомянутыми юртами становится крупным ручьем, который почти ежегодно размывает и изменяет свои высокие тундристые берега и всюду принимает в себя мелкие боковые ручейки. Ганальская юрта, где мы вечером расположились на ночлег, выстроена на довольно значительном притоке р. Быстрой, приходящем с запада. Граниты, слюдяные сланцы, зеленоватые кремниевые сланцы и всякого рода кварцы разбросаны всюду и свидетельствуют о плутонической формации гор. Быть может, здесь есть и осадочные образования, которые, во всяком случае, должны являться здесь лишь подчиненными и сильно измененными вследствие воздействия на них вулканических сил. Зато вулканических пород совсем не было видно.

Долина р. Быстрой значительно суживается с прекращением тундры и с приближением лесистых высот. На высотах, по-видимому, преобладает корявая береза, между тем как на низких местах господствуют высокоствольные ивы вместе с множеством рябины и жимолости.

Вулкан Баккенинг, который я имел случай посетить впоследствии, играл, по видимому, весьма важную роль в образовании и возникновении орографических особенностей здешней местности. Так как я вернусь еще к этому предмету в дальнейшем изложении; то здесь достаточно привести только следующее. Баккенинг, теперь совершенно погасший, был, по-видимому, главной причиной поднятия Камчатской Вершины, причем мощные вулканические силы действовали, надо думать, нарушающим и изменяющим образом на первоначально, вероятно, осадочные формации Валагинских и Ганальских гор, а также на древние плутонические массы (граниты) южной оконечности Срединного хребта. Но из этого же центра расходятся также древние трахитовые и более новые вулканические образования, каковы чисто вулканические горные кряжи, тянущиеся к Коряцкой и Авачинской сопкам, далее к Жупановой и, наконец, к Семячику. Если же рассматривать все начинающиеся отсюда горные цепи, то мы получаем даже полную звезду осей поднятия, расходящихся от Баккенинга. К северу тянутся Валагинские горы, к югу -- Ганальские, к северо-северо-западу -- часть Срединного хребта и к юго-западу -- другая часть того же хребта, который, сохраняя это направление при довольно незначительной высоте, направляется к западному морю. На юго-юго-восток горный кряж направляется к Коряке и Аваче, на юго-восток -- к Жупановой сопке и, наконец, на восток -- к Семячику. Из перечисленных горных цепей Срединный хребет составлен, вероятно, исключительно древними плутоническими породами, Валагинские и Ганальские горы должны считаться древними метаморфизированными осадочными образованиями, а, наконец, кряжи, тянущиеся к Коряцкой, Жупановой и Семячинской сопкам, слагаются из древних и более новых вулканических образований.

Местность, занятая Баккенингом, представляется также и в гидрографическом отношении центром поднятия, из которого берут начало расходящиеся во все стороны главные реки полуострова. К северу отсюда течет река Камчатка, к югу -- Быстрая, к юго-юго-востоку -- Авача, начинающаяся здесь из двух озер и образующая проходы к Коряцкой и Авачинской сопкам; наконец отсюда же вытекают некоторые притоки р. Жупановой.

В дороге нас несколько раз поливало дождем из быстро пронесившихся туч. При этом всякий раз, как снова открывался вид на горы, я мог ясно видеть, что высоты и гребни гор сияли в покрове свежевывавшего, ослепительно белого снега. Близ юрты, где мы

расположились на ночлег и наловили себе лососей на ужин, появились, также с целью рыболовства, три медведя. Одному из них пришлось поплатиться за свою смелость жизнью, два других спаслись самым безумным бегством.

Ночь на 31 августа была довольно холодная, так что образовалось немного льда и наши ремни стали до того жестки, что возвратить им гибкость можно было лишь погрев их у огня. Тем благодетельнее подействовал на нас после холодного ночного помещения горячий чай, который мы пили, расположившись вокруг горящего костра. В 6 часов утра мы были уже на лошадях и продолжали путешествие при холодном, густом тумане. Сперва дорога шла ивовым и березовым лесом, затем высокой моховой тундрой с многочисленными кочками, поросшими голубикой и *Betula nana*. После этого опять появился березовый лес, и, наконец, дорога пошла мокрой тундрой у самого берега р. Быстрой. Здесь дно долины, по-видимому, было более горизонтально, судя по тому, что вода текла спокойнее. При этом русло было так неглубоко вырыто в наносной почве, что река распалась на множество мелких рукавов, которые, как говорят, очень часто изменяют свое положение. Немного не доезжая Ганала, мы еще раз удачно поохотились на медведя. Убитого зверя мы предоставили жителям Ганала, и этот дар был принят с большой благодарностью этими, тоже больными и беспомощными, людьми. Около 12 часов дня, после того как рассеялся туман и наступила прекрасная погода, мы прибыли в Ганал.

8 домов этого острога, беспорядочно разбросанные на левом берегу Быстрой, населены 17 мужчинами и 15 женщинами, которые, как я уже упомянул, были заражены той же страшной болезнью, как и жители Пущиной. И здесь видны были небольшие огороды, а сверх того обывателям принадлежало 20 голов рогатого скота. Но самое главное преимущество Ганала заключается в его прекрасной охоте и в рыбном богатстве р. Быстрой. Леса здесь изобилуют соболями, лисицами, северными оленями и медведями, а дикие Ганальские горы, величественно поднимающиеся перед острогом, очень богаты жирными горными баранами. В р. Быструю не только входят обыкновенные виды лососей (хайко, красная рыба, горбуша и кизуч), но она кишит еще гольцами (мальма, *Salmo calaris*), круглый год остающимися в реке и не спускающимися в море, чтобы снова подняться в нее. 41 версту пути, считаемую до Малки, нетрудно проехать по Быстрой; а так как обыватели были готовы тотчас же ехать со мною далее, то я охотно и с благодарностью воспользовался этим, желая поскорее выбраться из зараженной местности. Два бата немедленно были связаны в паром, и мы понеслись вниз по быстрому течению. Красивый вид открывается только с восточной стороны Ганала благодаря близости великолепных крутых и зубчатых гор; к западу, напротив, перед зрителем расстилается лишь обширная тундра. Прозрачная вода, по которой мы неслись по течению, была наполнена многочисленными гольцами, которые бросались во все стороны, спугнутые нашей быстро мчавшейся лодкой. Мы спугнули также и обратили в бегство несколько беспечно рыбачивших и разгуливавших по берегу медведей. Но о стрельбе нечего было и думать, так как наши четыре гребца имели полны руки дела уже с тем одним, чтобы хорошенько править лодками и уберечь их от посадки на камень. Только там, где река образовала крупные извилины, течение было менее быстро, и люди могли немного отдохнуть. Но где направление реки было более прямолинейно, там течение несло нас со стремительной силой, и гребцы должны были напрягать все свои силы и все внимание, чтобы невредимо пройти мимо порогов и встречающихся больших камней. Берега большей частью голые, и лишь близ Малки, куда мы прибыли уже в 8 часов вечера, замечается больше зелени на берегах, и вообще вся местность становится более гористой.

Для нас было истинным благодеянием попасть наконец после утомительных дней, проведенных среди больного населения Пущиной и Ганала, в хороший, чистый дом тойона и опять очутиться среди здоровых людей. Измученные дорогой, мы рано отправились на покой.

Ночь опять была очень холодная, хотя температура не падала ниже нуля; утром же 1 сентября густой туман окутывал всю местность. Малка расположена в очень живописном месте, на левом берегу одного из рукавов реки. Острог лежит в довольно обширной котловине и окружен со всех сторон закругленными лесистыми высотами, над которыми только с северо-востока выдаются прекрасные скалистые Ганальские горы. Только с севера открывается более широкая долина, по которой течет река Быстрая. У самой Малки эта река образует крутой изгиб на западо-юго-запад (250°) и прорывает в теснине скалистые высоты. С высот, замыкающих эту котловину с юга и отделяющих ее от долины р. Начики, текущей южнее, берет начало небольшой ручей Мумуч, впадающий в Быструю, так же, как и приходящий с востока ручей Дакхелопич близ самой Малки. На этих высотах, верстах в 5 от селения, выходят известные горячие ключи. Малка, бесспорно, принадлежит к числу самых обширных и зажиточных камчадалских острогов. Благодаря своему защищенному положению в гораздо более низкой части долины она во всех отношениях имеет преимущество перед значительно выше лежащим Ганалом. Охота и рыбная ловля здесь еще богаче, чем там. Дикие бараны, северные олени, медведи, лисицы и соболи ежегодно добываются здесь в большом количестве; что же касается рыбы, идущей к Ганалу, то она должна сперва пройти мимо Малки, следовательно, ловится здесь менее отощавшей, чем там. Голец летом и зимой также играет здесь очень видную роль в деле пополнения запасов продовольствия. Относительно хакельчи, имеющей такое важное значение для жителей северо-восточной части полуострова и даже для жителей долины р. Камчатки, я узнал, что ее не бывает ни в р. Быстрой, ни в какой-либо другой реке западного берега; нужно думать, следовательно, что ее и совсем нет в Охотском море.

В Малке имеются довольно обширные огороды; жителям принадлежат 57 голов рогатого скота и 9 лошадей. 12 домов хорошей постройки производят впечатление порядка и уюта. Жители (38 мужчин и 37 женщин) пользуются хорошим здоровьем.

От Малки, как и от Ганала, несколько перевалов ведут к западному и восточному берегам полуострова. Но большие скопления снега лишь в редкие годы дают возможность пользоваться этими перевалами для проезда на лошадях ранее конца июня; зимой же, напротив, здесь часто проезжают на собаках. Март -- настоящий месяц для разездов по Камчатке, потому что в это время поверхность снега, оттаивающая днем на солнце, смерзается благодаря сильным ночным морозам в прочную ледяную корку, хорошо выдерживающую тяжесть людей и саней. На образующейся таким образом гладкой ледяной поверхности можно ездить во всех направлениях, нередко через наполненные снегом ущелья и узкие долины. Так, из Ганала, через перевал, открывающийся в южных отрогах Срединного хребта, можно добраться до рек западного берега Немтик и Кол; точно так же перевал от Малки ведет к лежащим близ западного берега поселкам Утка и Кыкшик. Последний перевал составляет очень удобный путь, ведущий вдоль долины р. Степановой, которая течет с севера и впадает в среднее течение р. Быстрой. На этих обеих дорогах жители Малки очень часто встречаются с ламутами, которые кочуют по всей местности к северу от Большерецка. Река Быстрая, соединяющаяся очень близко от Большерецка с р. Начикой и затем текущая к морю уже под названием Большой реки, принимает, кроме Степановой, еще множество других притоков, которые почти все идут с севера. Как указывает уже название реки Быстрой, она благодаря своему значительному падению отличается необыкновенно стремительным течением и едва замерзает в самые сильные морозы. Вместе с тем, плавание по ней на протяжении от Малки до Большерецка очень затруднительно, что зависит, с одной стороны, от страшно сильного течения, с другой же, -- от присутствия на второй половине только что упомянутого пути нескольких довольно высоких и трудно проходимых порогов, каковы Железный, Долгий, Последний и еще несколько других.

Далее, из Ганала через Ганальские горы можно добраться до реки Вактал, притока р. Коряки. И таким образом достигнуть этой последней и р. Авачи. Но этот перевал, называемый Бобровой Падью, в снежные годы очень опасен; так, в 1819 [г.] там погибли три охотника, засыпанные снегом. Наконец, от Малки два перевала ведут прямо к Коряке, минуя Начику; это именно перевалы через Малый и через Большой хребет, из которых последний составляет, как говорят, очень короткий путь.

В 2 часа пополудни мы поехали верхом к горячим ключам в долине Дакхелопич, чтобы расположиться там на ночлег. Сухая дорога, окаймленная березами, рябиной, ивами и жимолостью, ведет к ключам, находящимся на левом берегу ручья. Главный ключ выходит у подошвы закругленной, поросшей березою горы, на небольшом плато, поднимающемся фута на 3--4 над уровнем реки; он бьет из маленького, неглубокого бассейна, имеющего около 8 футов в поперечнике, и, дымясь, стекает в ручей через канавку, имеющую 4 шага в длину. Описываемый ключ при температуре воздуха в 14° показывал 66 °R. Под только что упомянутым плато выходит еще несколько маленьких ключей, имеющих температуру воды 62, 63 и 65°. Поднимающиеся из ключей пары распространяют легкий сероводородный запах. Камни, лежавшие в ключе и возле него (обломки богатых кварцем, зеленоватых сланцев), были покрыты прочной белой массой, которая на лакмусовой бумажке обнаруживала резко щелочную реакцию. Сама же вода, по испытании ее синей и красной лакмусовой бумагой, напротив, оказалась нейтральной реакции. Близ одного из меньших источников, температура которого равна 65°, выходит холодный источник; вода его имеет всего 3 1/2 -- 4° и настолько охлаждает горячую воду в ручье, что делает возможной здесь животную жизнь; так, я видел здесь маленьких рыб и множество мелких улиток (из родов *Limnaeus* и *Planorbis*), сидевших в волокнистой темно-зеленой тине. В прежнее время на этом горячем ключе была устроена Правительством водолечебница, где множество несчастных находили, как говорят, исцеление своей страшной болезни. Теперь это так необходимое и полезное учреждение остается необитаемым, без употребления и представляется почти в виде развалин. При нашем посещении стоял еще дом аптекаря и директора, части госпиталя, часовня и стойло. Далее близ ключа находился деревянный бассейн для купающихся; вода в этом бассейне имела температуру 32°, в одном месте даже 43°. При закрытии купальни все эти постройки были проданы Правительством; покупщики же частью разрушили их, частью забрали из них годные к употреблению предметы. Теперь в оставшихся, разоренных и опустошенных комнатах только и есть, что сор, пыль да запах гнили. Остается совершенно непонятным, к чему все это делалось, особенно в такой стране, как Камчатка, где подобное лечебное заведение должно было приносить громадную пользу! Мы разложили огонь перед одним из домов, чай скоро развязал языки камчадалам, и пошли простодушные рассказы на своеобразном камчадалско-русском наречии.

Так я узнал, что у селения Апача, на нижнем течении реки Начики, находится несколько горячих ключей. По одному горячему ключу имеется на Банной и на Сику, двух притоках Начики с южной стороны; третий находится очень близко от самого селения. Все три ключа, как говорят, с очень горячей водой; ключ на Банной бьет вверх фута на два. Все эти источники находятся уже близ Апачинской сопки. Последняя представляет высокий, ребристый, теперь совершенно недействующий конус, поднимающийся сейчас же к югу от р. Начики близ селения Апача. В 18-м веке Апачинская сопка, как говорят, проявляла очень сильную деятельность; теперь же некоторую деятельность обнаруживают по временам два небольших конуса, поднимающиеся у южной ее подошвы. Апачинская сопка находится под 52°30 с. ш. и носит самые различные названия, каковы Апальская, Опальная, также Опалинская; Крузенштерн называет ее даже совсем иным именем -- Пиком Кошелевым.

После краткого сообщения о только что названных ключах мои спутники живо перешли к любимой теме и стали рассказывать о шутках, которые маленький лесной дух Пихлач устраивает с охотниками, и об опасной русалке Камак, заманивающей людей в

воду, чтобы там убить и унести их. Поздно вечером мы были испуганы страшным шумом и диким ревом медведей, в самом близком расстоянии от нас завязавших между собою драку, вероятно, при ловле рыбы. Звери до того остервенились, что долго не успокаивались, несмотря на несколько выстрелов, пущенных нами в их сторону. Утром на месте драки всюду заметны были сильные следы крови.

После холодной и несколько пасмурной ночи, проведенной нами близ лагерного огня, мы проснулись рано утром 2 сентября при чудной ясной погоде. В 7 часов мы были уже на лошадях и поехали далее вверх по долине Дакхелопич. Тропинка шла то правым, то левым берегом ручья, и нам приходилось неоднократно переезжать через неглубокую воду. Склоны долины заняты были холмами, поросшими березой, боярышником и жимолостью. Так шла дорога примерно до середины пути, т. е. верст 20. Здесь поднимается конусообразная гора, а рядом с нею -- плоская; между обеими проходит ближайший путь к Коряке, так называемый Большой хребет. Совершенно оставив долину Дакхелопич, мы двигались в южном направлении через небольшую возвышенность к маленькому ручью; затем, следуя этим ручьем по сухой, травянистой тундре, через березовый лес и чащи шаламайника, мы направлялись к реке Начике. От этого пункта идет вторая дорога к Коряке, ведущая через так называемый Малый хребет. Мы переправились вброд через реку и шли вверх по ней до Начики, расположенной на левом берегу.

Не доезжая версты две до острога Начики, я свернул еще на правый берег реки Начики, к месту, где в нее впадает горячий, дымящийся ручей, имеющий с $\frac{1}{4}$ версты в длину и составляющий сток горячего ключа. Последний выходит из невысокого склона, образуемого конгломератом, материалом для которого послужили вулканические породы и древние зеленые, богатые кремне-кислотой сланцы. Источник отлагает умеренное количество красной глины, составляющей, по-видимому, лишь продукт разложения названных конгломератов. При температуре воздуха в 10° источник показывал 62° . Вода описываемого ключа во всех отношениях была сходна с водой малкинских источников: здесь ощущался тот же запах сернистого водорода и видны были те же белые инкрустации на камнях.

Площадью, находящейся над горячим ключом, жители Начики воспользовались для своих огородов; но, несмотря на такое положение, и в этом году можно было ожидать небольшого урожая, так как снег исчез лишь в конце июня, а теперь уже более десяти дней как начались ночные морозы. Начика окружена живописным горным ландшафтом и представляет едва ли не наиболее высоко лежащее поселение во всей Камчатке. В нем всего 7 домов, занятых 14 мужчинами и 14 женщинами. Эти люди также переселены сюда с западного берега из-за неуместного административного усердия. До сих пор еще они не достигли благоденствия на новом месте. Стадо их состоит всего из 15 голов рогатого скота и 3 лошадей. Лососи доходят сюда с моря лишь в небольшом количестве, и этим бедным горцам приходится поэтому питаться лишь гольцами да продуктами охоты. Река Начика начинается далеко на востоке, в горах, находящихся близ Паратунки (127°). По рассказам, она вытекает там из озера, имеющего 3 версты в ширину и 6 верст в длину. Отсюда река в виде горного ручья течет сперва на север, далее, образуя большую дугу, поворачивает у острога Начики к западу и сохраняет это направление и далее; затем она протекает почти параллельно Быстрой, которая от Малки также вполне поворачивает на запад. Далее к западу Начика протекает мимо острога Апачи и, приняв несколько притоков с юга, соединяется, как уже упомянуто, недалеко от Большерецка с Быстрой; этим соединением образуется Большая река. Острог Апача находится на нижнем течении Начики, недалеко от подошвы Апачинской сопки и от устьев рек Карымчиной, Банной и Сику, текущих с юга. Первая из названных рек составляет очень хороший перевал к Паратунке, две же остальные известны по находящимся на берегах их горячим ключам. Близ Начики в главную реку впадает далее река Ипуки, текущая с юга, и, наконец, против острога -- река Холзан, также берущая начало на юге и

открывающая очень известный перевал к верхнему течению Банной (220° на SW). В Карымчину впадает Толмачева, выходящая из озера у подошвы Апачинской сопки; здесь дорога через перевал ведет к поселению Голыгиной на юго-западном берегу Камчатки. К юго-юго-востоку от Начики (111°), близ дороги к Коряке поднимаются две зубчатые снеговые горы, именно Вуазказиц и находящийся вблизи от него Ашхалигач. Из коренных пород у горячих ключей, сверх конгломератовидных масс, я мог найти лишь подчиненную им зеленоватую породу сланцевого и серпентинного характера; последняя, вместе с обломками какого-то трахитопорфира, образует многочисленные гальки в русле реки.

3 сентября, в 5 часов утра, мы были уже на лошадях. Прямо от Начики направившись к северу, мы поднялись на высокий перевал с болотистым грунтом и затем очень скоро достигли ручья, составляющего исток р. Коряки. Последняя в свою очередь -- приток р. Авачи и течет здесь маленьким, очень стремительным ручейком. Горы, окружавшие нас, были голы, покрыты снегом и представляли дикие, изорванные формы. Сперва по пути мы встречали лишь одинокие экземпляры ольхи (*Alnus incana*) и ползучий кедровник. Потом начался березовый лес (*B. Ermani*), в котором часто попадался *Rhododendron chrysanthum*; затем, спускаясь по крутому склону к Коряке, мы уже почти все время ехали прекрасным березовым лесом, с каждым шагом обнаруживавшим все лучшие и лучшие, крупные деревья. Своеобразный характер камчатских березовых лесов вполне проявляется здесь. Благодаря широким кронам красивой, суковатой *B. Ermani* лес представляется несколько редким. На сухих местах он порастает подседом из *Crataegus*, *Lonicera*, роз, *Salix pentandra* (чернотальник) и немногочисленных кустов рябины, между которыми разрастается высокая трава; над последней в свою очередь выдаются отдельные высокие растения, как *Epilobium*, *Thalictrum*, *Geranium*, *Aconitum*, *Artemisia*, *Pulmonaria*, *Delphinium* и *Fritillaria*. На влажных местах, особенно вдоль многочисленных струек воды, пересекавших наш путь, поднималась высокоствольная ива (ветловина) или разрастались *Filipendula kamtschatica*, *Senecio cannabifolius* и *Heracleum dulce*, к которым нередко присоединялись еще высокая крапива и *Iris*. Мы проехали мимо двух юрт, построенных охотниками в равных расстояниях от Коряки и Начики и служащих для ночлега при охотах в этих очень богатых соболями лесах. По мере приближения к острогу Коряке долина реки того же имени, остававшейся большей частью на севере поблизости от нас, все расширяется и, наконец, соединяется с долиною р. Авачи. Окрестные горы отдаляются от реки и к востоку соединяются с высотами, проходящими южнее Авачинской губы; к западу же они тянутся к Ганальским горам. Таким образом, перед нами вполне открылся вид на величественные вулканы Коряку и Авачу.

В 2 часа пополудни мы прибыли в острог Коряку, который состоит из восьми хорошо построенных домов, расположенных на берегу одноименной с ним реки. Население Коряки состоит из 16 мужчин и 13 женщин; у них всего 29 голов рогатого скота и 6 лошадей. Нас встретил очень радушный прием, и камчадал Волков, который до того уж неоднократно бывал у меня в Петропавловске, вызвался сопровождать нас в батах до Старого Острога; поездка же эта, вследствие очень стремительного течения р. Коряки, требует большого искусства со стороны управляющих батами. В 4 часа мы выехали, а в 6 были уже в Старом Остроге, проехав, таким образом, 20 верст в два часа. Сперва мы неслись очень быстро вниз по р. Коряке. На берегах видны были многочисленные высокие горы, состоявшие из хряща и щебня, а также много леса -- березы и высокоствольной ивы. Затем мы вошли в р. Авачу, на берегах которой, также лесистых, выступают метаморфические сланцы.

В Старом Остроге я остановился у своего давнишнего приятеля Машигина, которого, к сожалению, не застал дома; он отправился на охоту за баранами. Это разрушило мои планы относительно дальнейших поездок в эту осень. Я надеялся съездить с Машигиным еще в Паратунские горы; но так как сыновья его говорили, что старик будет

дома не ранее 8--10 дней, и что неизвестно даже, какой дорогой он вернется, то я решил на следующий же день отправиться в Петропавловск. Старый Острог во всех отношениях отличается благоустройством. Восемь домов поселения с их большими огородами производят впечатление зажиточности. Хорошее впечатление производят и жители (30 мужчин и 21 женщина), которым принадлежат 44 головы рогатого скота и 6 лошадей. С величайшим радушием нас устроили в чистых комнатах и осыпали всякими знаками внимания.

4 сентября, к сожалению, шел дождь; тем не менее, когда к полудню он как будто ослабел, я решил опять перейти в баты, чтобы доехать вниз по р. Аваче до деревни того же имени, до которой отсюда считается 25 верст. Сперва берега реки покрыты высокими ивами и березами, поверхность же представляется волнистой; потом берега становятся ниже и покрыты лишь ивняком; наконец река течет по совершенно болотистой местности, сплошь изрезанной протоками и покрытой лужами, и так доходит до деревни Авачи, расположенной уже на самой Авачинской губе. Дорогой опять пошел дождь, так что мы около двух часов добрались до Авачи совершенно измокшими. Деревня произвела на нас очень грустное впечатление. Несколько человек обывателей со всеми 4 лошадьми, имевшимися в деревне, ушли на охоту. Отправляться через Авачинскую губу на небольших батах при сильном волнении представлялось неблагоразумным, и я поэтому решил последние 12 верст до Петропавловска пройти пешком. Большую часть багажа мы оставили в деревне, чтобы захватить ее впоследствии; самые же необходимые предметы понесли за нами два человека. На полдороге, у губы Сероглазки, мы встретили два новых дома, выстроенных в прошедшее лето для Петропавловских казаков; в одном из этих домов мы остановились для кратковременного отдыха, а затем поспешно продолжали свой путь, и в 6 часов вечера я благополучно достиг своей квартиры. Этим закончилось мое продолжительное путешествие, последнюю часть которого мы проделали очень плачевно, идя под дождем пешком по грязи.

Живо счистил я всю дорожную грязь и поторопился в тот же вечер еще представиться губернатору, который принял меня в высшей степени любезно и пригласил почаще бывать у него зимой и даже ежедневно являться к столу.

Дома меня уже ждали многие из знакомых, и начались бесконечные расспросы и рассказы. Особенное впечатление на всех моряков, в том числе и на Завойко, произвела моя поездка на вельботе; за эту первую в таком роде поездку по Камчатке я получал от всех величайшие похвалы.

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1852--1853 гг.

Уже через несколько дней по прибытии в Петропавловск для меня стало ясно, что в эту осень и думать нечего о дальнейших поездках. Наступил продолжительный период дождей, в течение которого горы и перевалы покрылись обильно выпавшим снегом. В такое позднее время года нельзя было уговорить проводников принять участие в поездках; даже мой приятель из Старого Острога старик Машигин, и тот отказался. К довершению всего, в Камчатке всегда бывает трудно доставать лошадей, так что для меня уже с этого времени началась в Петропавловске однообразная зимняя жизнь. Несколько зим, проведенных мною в Петропавловске, до того между собою вообще сходны, что в описании их я предпочитаю оставить форму дневника и ограничусь лишь резюмированием пережитого.

За истекшее лето Завойко произвел много работ в Петропавловске, так что это небольшое поселение довольно значительно возросло и украсилось. Теперь здесь красовались 5 новых, очень хорошо выстроенных домов, назначенных для помещения офицеров и чиновников, и две прекрасных, просторных казармы для матросов и солдат.

Все эти дома были построены из стройных стволов камчатской ивы и покрыты хорошими железными крышами, выкрашенными в красный цвет.

Прибывшие в мое отсутствие суда доставили новых чиновников, с которыми я теперь познакомился. Прибыла также и большая почта с вестями с родины. Далее, в городе опять явилось множество разного рода товаров и припасов, причем особенно хорошо снабжены были разными нужными для нас предметами лавки Российско-Американской Компании и американца. При моем возвращении в Петропавловск в гавани стояли еще в ожидании разгрузки несколько казенных транспортных судов, незадолго до того прибывших из Аяна и Ситхи. Точно так же в большой губе стояли на якорю три китобойных судна, экипаж которых отдыхал здесь от трудов и опасностей, испытанных в Беринговом море и на Ледовитом океане. Отсюда суда эти собирались пойти со своим ценным грузом на Сандвичевы острова.

Компанейское судно "Кадык" привезло из Ситхи разные товары и часть весьма ценной добычи с промыслов, между прочим, множество морских бобров. На этом же судне прибыл евангелически-лютеранский пастор для исполнения церковных треб среди своих, немногочисленных здесь, единоверцев; такого рода наезды лютеранского духовенства в Камчатку совершаются не чаще одного раза в три-четыре года; для меня это было первой и последней встречей здесь лютеранского пастора. На "Кадыке" же прибыл и архиепископ Иннокентий. Он время от времени объезжал для ревизии свою епархию, которая простиралась от Якутска до Ситхи. Этот почтенный старец в юные годы был священником на Алеутских островах, о которых он еще под прежней своей фамилией Вениаминова напечатал очень интересные данные; впоследствии он умер митрополитом Московским. Пробыв почти целый месяц в Петропавловске, оба эти духовных лица оставили его 18 сентября, чтобы вернуться на Ситху. Вообще, наша гавань в сентябре была еще очень оживлена, так как сюда пришли четыре китобойных судна, опять удалившихся после некоторого отдыха. Все они привезли богатую добычу с севера и шли на зимовку в Гонолулу. Один французский китобой ушел лишь 8 октября, а русское транспортное судно "Байкал" пришло из Аяна только 21 октября, доставив нам большую почту и всякого рода припасы. С прибытием "Байкала" навигация у нас кончилась, но исключительно потому, что по расписанию больше судов не должно было явиться сюда. Льдом Малая бухта (гавань) покрылась только в конце ноября, между тем как большая Авачинская губа почти всю зиму простояла открытой, затягиваясь лишь изредка, и то не сплошь, тонким слоем льда, который держался не более нескольких дней.

В сентябре, за исключением первых 10 дней, когда восточные и юго-восточные ветры пригоняли нам дождь, почти все время продолжалась отличная погода, причем господствовали западные и северные ветры, благодаря которым стояли ясные, часто даже теплые дни. Октябрь уже более походил на зимний месяц, так как в течение его выпадало иногда немного снега; но он всегда очень быстро стаивал. При понижении температуры до -1 и -2° местами лужи покрывались тонким слоем льда. Лишь 23 октября, при юго-восточном ветре, выпал первый большой снег, доставивший уже на всю зиму снежный покров; окрестные же горы еще с половины сентября оделись в свое полное белое одеяние.

Прекрасный снежный путь тотчас же снова внес оживление в наше захолустье: собачьи санки с их колокольчиками и трескотней опять были в полном ходу. На них ездили в ближайшие окрестности, возили дрова из лесу и сено с сенокосов. Но вместе со снегом сюда опять вернулся докучный гость -- пурга. 24 и 27 октября мы имели пургу при сильном юго-восточном ветре, после чего опять пошел дождь и наступила очень мягкая температура, что продолжалось до 5 ноября. В течение ноября у нас была лишь одна выюга -- 19-го; остальное время стояли чудные ясные дни при западных и северных ветрах и при температуре, колебавшейся между -6 и -10° . Лишь 28 ноября стояло 12° мороза, причем гавань сплошь покрылась льдом. До 5 декабря температура держалась

около -- 10°, затем опять стало теплее, и дождливые дни сменялись прекрасной ясной погодой. Рождество было очень дождливо, и только 29 декабря при сильном юго-восточном ветре выпала огромная масса снега, так что в несколько часов мощность его достигла целого аршина. В первую половину января 1853 г. были частые вьюги, причем шел сильный снег. Мороз большею частью не достигал 10° и только один раз было 10° и один раз 11°. Зато в ясные дни на солнце нередко становилось уже чувствительно тепло. В первую половину февраля большею частью стояла очень хорошая погода, бывали даже теплые дни. Только раз, именно 15 февраля, температура ночью упала до --15°. Во вторую половину того же месяца выпало, напротив, много снега и часто бывали бури. Точно так же часты были ветры и бури в марте; особенно сильны они были 8-го и 22-го и продолжались с переменной силой до конца месяца. Но холод заметно ослабел, и морозы не превосходили 3--4°. Нередко наступала оттепель, иногда даже с дождем. В апреле преобладали сильные ветры: с запада они приносили ясные дни, с востока -- дождь и снег. В этом месяце уже решительно господствовала оттепель, снег быстро таял, и нередко стояли вполне весенние дни. 28 апреля исчез последний лед из Малой губы (гавани), между тем как на большой его уж не было с февраля. Вместе с маем наступила весна. Нередко выпадал дождь, дни стали теплее и снеговые массы быстро уменьшались. Но на равнине все-таки оставалось еще много снега, а на высотах, конечно, и того больше. Лишь кое-где выступала темными пятнами освободившаяся уже от зимнего покрова земля. Если не считать небольших ночных морозов, то холода вполне прошли; нередко стояли даже вполне теплые дни (15--16° в тени, 22--25° на солнце). 12 мая я увидел первые цветы -- *Anemone* и *Viola*.

1 октября 1852 г. опять состоялась выставка овощей, причем роздано было несколько премий; но выставленные предметы и в качественном, и в количественном отношении уступали прошлогодним. Зато теперь на выставке были огурцы и цветная капуста, которых прежде не было. Эти овощи были выращены на огороде Завойко, с которого 15 февраля получен был первый свежий салат, а 23 апреля -- первые редиски.

Почта, доставленная 21 октября из Аяна на транспорте "Байкал", принесла различные правительственные распоряжения. В числе их было одно, которое чуть не привело к весьма для меня важным результатам.

Дело в том, что Правительство решило отправить в Японию два военных судна под командой адмирала Путятина с целью выхлопотать или вынудить там такой же доступ в страну и такие же условия для торговых сношений, каких успел уже добиться американский адмирал Перри (Perry). Чтобы придать миссии больше внушительности, корвет "Оливуца", стоявший в Камчатке, также должен был принять в ней участие и для этого присоединиться сперва к эскадре Путятина в Гонолулу. Вследствие этого Завойко уже 23 октября предписал командиру корвета лейтенанту Лихачеву приготовиться к возможно более раннему выходу весной и теперь же начать необходимые сборы. Так как я находился в очень хороших отношениях с Лихачевым и так как Завойко тоже благоволил ко мне, то первый, человек очень образованный и к тому же любитель геологии, просил губернатора о разрешении участвовать и мне в экспедиции, чтобы я имел возможность познакомиться с вулканами Сандвичевых островов, а при случае -- и Японии. Завойко тотчас же согласился на это; переговорив со мною и получив мое согласие, он уже 5 ноября официальным приказом сообщил, чтобы я готовился к плаванию на корвете. С этого времени я уже принадлежал к экипажу корвета и вместе с Лихачевым обдумывал планы насчет препровождения нашего времени в Гонолулу и в Японии. Так прошла почти вся зима до 9 марта, как вдруг стало известно, что Лихачев поссорился с Завойко, потерял вследствие этого команду на корвете и заменен здесь в этой должности другим офицером. Мои мечты, таким образом, рассеялись, потому что я был прикомандирован лично к Лихачеву. Завойко высказал мне сожаление о том, что я лишен возможности познакомиться с тропической природой, но вместе с тем выразил желание, чтобы я с тендером "Камчадал" проехал в Ижигинск с целью произвести оттуда

разведку относительно месторождений ртутных руд на полуострове Тайгоносе. Такое же желание было высказано и в Петербурге, на основании одной старой заметки Палласа об этом предмете.

Русская пословица говорит: "Паны дерутся, а у хлопцев чубы болят". Так вышло и теперь! Ссора обоих важных бар перенесла меня с большого, прекрасного корвета на маленький тендер, и вместо цветущего юга я должен был увидеть холодный север. Дневным приказом от 15 марта я был смещен с корвета, который 25 марта уже отправился на рейд, а 31 вышел в океан, направляясь прямо в Гонолулу.

Как и в прошлую зиму, так и теперь наше небольшое общество устраивало разные увеселения и развлечения; особенно много пришлось их на Рождество и Пасху. В доме Завойко нередко устраивались танцевальные вечера, маскарады и обеды; то же часто бывало и у семейных чиновников. Наконец, не было недостатка и в спектаклях, всякого рода пикниках и небольших собраниях у холостяков. Из множества увеселительных поездок, устраивавшихся почти ежедневно, следует особо упомянуть о двух. Из них первая, в Старый Острог, состоялась 10 января приблизительно на 30 санях; этот пикник устроился с целью проводить губернатора, который отправлялся с начальником своей канцелярии на ревизию в Ижигинск. Все общество рано утром уж отправилось на бесчисленном множестве собак в Авачу и на тамошней тундре ожидало начальника края. С прибытием Завойко вся масса саней зашевелилась, и при криках "ура" началась дикая гонка, продолжавшаяся до Старого Острога, где, после веселой закуски, наше общество распростилось с отъезжавшим. Тотчас же по отбытии губернатора из Старого Острога все сани так же шумно и весело вернулись в Петропавловск; Завойко же из своего путешествия приехал лишь 3 марта.

Вторая дальняя поездка, также в очень большом обществе и с участием дам, состоялась 30 января к горячим ключам на Паратунке. Первая часть пути, до Авачи, была еще очень мало уезжена, и поэтому сани, к великой потехе ездовых, часто опрокидывались на наклонных, гладких поверхностях. Но начиная от Авачи дорога стала лучше. Сперва мы выехали на большую тундру У устья р. Авачи и переехали поперек через рукава, образующие ее устье. Затем началась дорога, проложенная в 1827 г. начальником Камчатки Голенищевым к его тогдашней даче Микижиной. В 5 верстах от деревни Авачи мы достигли избышки, построенной на главном рукаве реки Авача и служившей жилищем паромщика. Далее мы поехали по тундре, местами поросшей ивняком, до р. Тихой (притока Паратунки с запада), на берегу которой расположено поселение Тихая, создание Завойко. Здесь в трех домах поселены якуты для занятия скотоводством. Через незамерзшую реку Тихую мы переехали по мосту и, проехав еще версту, достигли дома, также населенного якутами и составлявшего последний остаток прежнего, более крупного поселения Орловой. Как хороших скотоводов и прилежных работников якутов охотно привлекают к поселению в разных местах Восточной Сибири. Таким образом, уже много лет тому назад (я думаю, еще при Голенищеве) несколько человек этого племени попали и в Камчатку, где они были поселены сперва в Орловой. Но, судя по теперешним жалким остаткам как от переселенцев, так и от их стад, ни якутам, ни якутскому скотоводству здесь не повезло.

От Тихой до Быстрой (последняя -- также приток Паратунки, и ее не следует смешивать с той Быстрой, которая образует Большую) мы ехали березовым лесом (*B. Ermani*). И через эту быстротечную, совершенно незамерзшую реку был переброшен мост. Теперь мы достигли места раздвоения дороги: правая ветвь дороги ведет в большие ивовые и тополевые леса на верхнем течении р. Быстрой, откуда Петропавловск получает большую часть своих строительных материалов, между тем как левая через голенищевскую просеку направляется к печальным развалинам некогда привлекательной Микижиной.

От Микижиной дорога шла сперва лесистыми холмами и затем через речку Хайкову, после чего мы приехали на обширную, совершенно обнаженную и окруженную

довольно высокими горами тундру, на западном краю которой показался пар, поднимающийся с горячих ключей. В 4 часа мы были уже на месте и расположились в просторном доме, выстроенном для посетителей этих ключей. Дом был разделен на дамскую и мужскую половины, а также имел еще очень просторное общее помещение, откуда крытый коридор вел к купальному бассейну на ключах. Здесь, в общем помещении, мы устраивали сообща очень веселые обеды, а по вечерам бывали даже и танцы. Вода в бассейне имела температуру 33° при температуре воздуха --22°; на краю бассейна, где выходил ручей, я наблюдал даже 37° и 40°. Почва, из которой выходит ключ, представляет очень мощный, мягкий аллювиальный слой. Общая картина котловины, в которой мы находились, имела совсем зимний характер, потому что и равнины, и горы были покрыты глубоким снегом. Горы окружали нас со всех сторон, а с востока над ними выдавался высокий, красивый недействительный конус Вилучинской сопки. Эта прекрасная гора поднимается не очень далеко от горячих ключей, и, как говорят, летом до нее нетрудно добраться пешком или верхом. Но еще легче достигнуть ее, доехав до южного берега Авачинской губы: здесь, направляясь от Таринской губы, достаточно пройти версты 2--3 через лесистые высоты, которые тянутся близ нее, чтобы добраться до долины Вилучика, начинающегося у подошвы вулкана и впадающего в небольшую Вилучинскую губу.

Во время сегодняшней нашей поездки мы могли видеть проявление очень сильной деятельности на Асачинской сопке, находящейся также у моря, но несколько далее к югу от Вилучинской. Громадные, темно-серые, даже почти черные клубы пара поднимались с большой скоростью, становясь при своем подъеме все больше и больше; затем на некоторой высоте они распространялись более горизонтально над кратером, принимая форму пинии; при этом явственная темная полосатость, направлявшаяся вниз от облака, указывала на сильный дождь пепла. Через каждые два часа следовало все с неизменной скоростью и силой и все в таком же виде выбрасывание громадного клуба дыма. Несколько дней спустя я из своей квартиры в Петропавловске мог еще наблюдать то же явление; но только отсюда облака пара представлялись поднимающимися над береговыми горами немного восточнее Вилучинской сопки. Что касается других вулканов, видимых из Петропавловска, то на Вилучинской и Коряцкой сопках всю зиму не было заметно следов деятельности; зато Авача непрерывно выделяла пар и проявляла то более сильную, то более слабую деятельность, не обнаруживая при этом, однако, никакого правильного чередования. В течение описываемой зимы выбрасывание пара пять раз было особенно сильно, так что мы ждали даже извержения; это случилось 1 декабря 1852 г., 2, 21 и 22 января и 25 февраля 1853 г.

15 декабря 1852 г. из Петропавловска ушла зимняя почта с нашими письмами, а 13 марта 1853 г. пришла к нам большая почта, нагруженная на 6 нартах. Кроме того, 3 марта к нам внезапно прибыл офицер, командированный сухим путем через Ижигинск из Иркутска. Другой, отправленный курьером из Петербурга, прибыл сюда 21 мая и также привез кое-какие новости в наш совершенно отрезанный от остального мира уголок. Предполагалось отправить почту с транспортными судами, которые в конце мая отправлялись в Аян; но я рискнул осенью отправить также письма через китобоев на Гонолулу, и письма эти были своевременно сданы и пришли в Лифляндию. Недостаточность средств сообщения с остальным миром составляет одно из самых чувствительных неудобств для Камчатки, имеющей в других отношениях много данных для дальнейшего развития; все занесенные сюда европейцы очень тяготились такой отрезанностью от мира. Понятно поэтому, как все обрадовались, когда один купец предложил устроить ежемесячную отправку зимней почты, если казна согласится на предложенные им условия. Вместе с тем, зашла речь о пароходах, которые летом поддерживали бы сообщение с Амуром и Аяном, а также с Японией и Гонолулу. К сожалению, надежда на пароходство очень скоро рассеялась, а в скором времени также рушилась и надежда на устройство ежемесячной зимней почты. Один нижнеколымский

купец, некто Трифонов, в течение многих лет торговавший из Нижнеколымска с чукчами и за это время вдоль и поперек изъездивший Чукотский край, сделал вышеупомянутое предложение об устройстве почты. Но Трифонов, совершив разные противозаконности в Ижигинске, был за то арестован тамошним исправником и препровожден для следствия в Петропавловск, куда прибыл в декабре 1852 г. Арестованный вызывался перед губернатором доставить в Камчатку за чрезвычайно умеренную цену 100 лошадей и затем, за столь же малое вознаграждение, завести ежемесячную зимнюю почту; за это он просил Завойко исходатайствовать ему освобождение от суда. К сожалению, Завойко не доверял купцу, и таким образом все эти столь выгодные для Камчатки предложения остались не приведенными в исполнение. Но лично я из общения с много видевшим Трифоновым извлек существенную пользу, получив от него те сведения, которые вошли в мою статью о коряках и чукчах и опубликованы в Бюллетене Академии Наук уже в 1855 г.

И в этом году также русские купцы, отправившись из Петропавловска, совершили свой торговый объезд страны; причем их, как всегда полагалось в таких случаях, сопровождал чиновник. 17 декабря 1852 г. длинный ряд нарт, принадлежавших семи купцам, двинулся отсюда в дорогу и вернулся лишь 2 апреля. Купцы вернулись с очень довольными лицами, да и было почему: одних соболей, к тому же большей частью высшего достоинства, они наменяли 2500 штук. Одновременно с купцами сюда ежедневно приезжало множество камчадалов, иногда из очень дальних острогов, чтобы сбыть здесь остаток своей добычи Русско-Американской Компании и в лавке американца. По мере того как эти фирмы своей добросовестностью приобретали доверие туземцев, русские торгаши его лишались; на всяком шагу они обсчитывали камчадалов, которых до некоторой степени защищал от грабежа только сопровождавший купцов чиновник. Оставленные без надзора, эти корыстолюбивые и бессердечные торгаши и обманщики в скором времени вконец разорили бы простых и добродушных камчадалов. Вся пушнина, привозившаяся в Петропавловск, доставалась теперь не торгашам, но покупалась за соответственную цену обеими названными фирмами, причем, как говорили, набрались еще значительные партии соболей, лисиц и медведей.

Среди множества приезжих камчадалов было также несколько человек, с которыми я познакомился во время своей последней поездки; таким образом, я имел возможность принять и угостить их у себя. В числе моих гостей был и чапинский тойон, доставивший мне большой, хотя, к сожалению, несколько выветрившийся мамонтовый бивень, имевший почти 2 метра в длину и 30 сантиметров в обхвате. Далее, из Машуры мне прислали крупный коренной зуб мамонта. Оба зуба найдены были в высоких делювиальных отложениях, образующих берега р. Камчатки.

Вскоре после того, как затихло оживление, принесенное к нам прибывшими и уезжавшими по сухому пути камчадалами, стала проявляться жизнь и на море. Весь апрель месяц в гавани господствовала усиленная работа по оснастке и снаряжению казенных судов. Затем с маяка подан был сигнал о приближающемся судне, и 1 мая действительно в Авачинскую губу вошло первое за этот год судно. То был американский китобой, который, идя из Гонолулу, собирался здесь в последний раз отдохнуть перед утомительной и опасной работой на севере.

5 мая население было обрадовано другим пришельцем с моря, на этот раз принадлежавшим к животному царству. Уже несколько дней рыбаки высматривали чавычу (*Salmo orientalis*), которой ждали со дня на день; наконец сегодня поймали один экземпляр этого колоссального лосося. Рыба была сперва с триумфом понесена к Завойко; затем ее носили по всему городу, и население отнеслось к появлению ее, как к событию величайшей важности, как оно и было в самом деле.

Через несколько дней, именно 16 мая, пришло большое судно Российско-Американской Компании "Наследник", прибывшее прямо из Петербурга и, к общей радости, доставившее почту. Хотя вести и письма уже порядочно состарились (судно

оставило Кронштадт в сентябре), тем не менее, все же это были вести и письма. Наша жизненная обстановка тоже получила иную окраску благодаря прибытию большого количества разных товаров. Так как последняя остановка судна была в Гонолулу, то оно имело возможность доставить нам самые лучшие южные плоды: явились в изобилии ананасы, кокосовые орехи, арбузы и апельсины; но особенное значение представляло множество полезных консервов, очень важных при путешествиях по такой стране, как Камчатка. К сожалению, радостные дни открывшейся навигации были омрачены событием, очень грустным для нашего общества. Здешний артиллерийский офицер Лорч, курляндский уроженец, умер 8 мая от легочной чахотки и 11 мая нашел последнее упокоевание на здешнем кладбище. Эта была личность, пользовавшаяся всеобщим уважением и любовью.

26 мая оба здешних транспортных судна "Иртыш" и "Байкал" вышли с нашей почтой в море, направляясь в Аян, где они должны были захватить прибывшие туда для Камчатки товары. Тендер "Камчадал", под командой Чудинова, также стоял уже в гавани, готовый к отплытию. Это небольшое одномачтовое судно, на котором мне предстояло совершить путешествие в Ижигинск, было последним, еще остававшимся в гавани. Оно ждало только приказа губернатора, чтобы сняться с якоря и выйти в море.

Отдел IV

ПОЕЗДКИ ПО КАМЧАТКЕ.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЖИГИНСК И НА ПОЛУОСТРОВ ТАЙГОНОС ЛЕТОМ 1853 г.

1) Плавание от Петропавловска в Ижигинск.

2) Поездка по полуострову Тайгоносу.

3) Плавание от Ижигинска в Тигиль.

4) Поездки по западному берегу Камчатки.

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1853--1854 гг.

1) Плавание от Петропавловска в Ижигинск

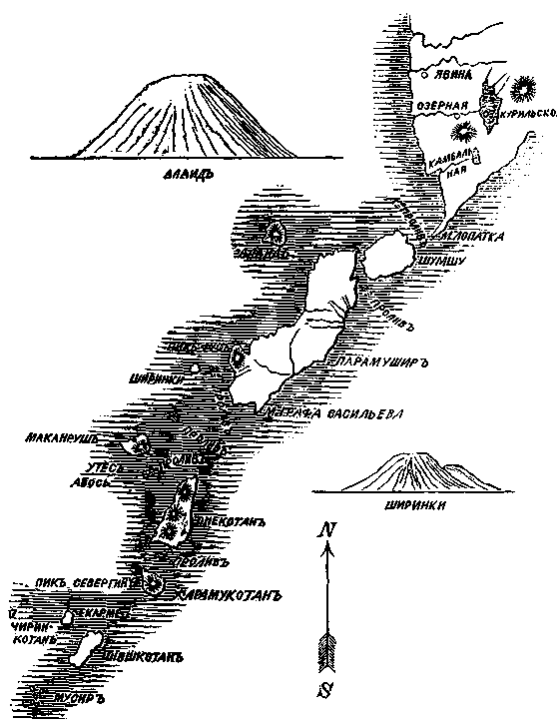
Тендер "Камчадал" был построен на Ситхе для службы в Камчатке, спущен там на воду в 1843 г. и 14 июня того же года пришел в Петропавловск. Судно это -- 56 футов длиной, 18 футов шириной, с осадкой в 8 $\frac{1}{2}$ футов, было вооружено 6 небольшими пушками (фальконетами) и, в случае нужды, могло идти при помощи 4 длинных весел, пропущенных через люки в бортах. Оно имело всего одну мачту и выдвижной бугшприт, чтобы иметь возможность в случае бури убавить паруса. Ему было предоставлено право носить русский военный флаг, и, пожалуй, лишь это одно напоминало в нем военное судно; дисциплина и опрятность, к сожалению, оставляли желать весьма многого. Капитаном этого судна состоял А. М. Чудинов, лейтенант корпуса штурманов. Он происходил из низшего сословия, родился в Охотске и получил образование в местном штурманском училище; это был обходительный и добродушный человек, хорошо понимавший дело управления своим судном. Ему недоставало общего образования, и кругозор его был, так сказать, чисто "охотским", так как ему никогда не приходилось бывать нигде более. Под его командой состояли: один штурман -- кадет Кокорин, 2 унтер-офицера и 12 матросов. Кроме меня, в качестве пассажира был еще один ижигинский казак, так что в общей сложности на судне находилось 18 человек.

1 июня Чудинов со всем своим экипажем вступил на судно и вечером получил приказание сняться с якоря с первым же попутным ветром. На следующий день перебрался на тендер и я, и около 9 часов вечера мы начали медленно удаляться из Авачинского залива, так что только к 10 ¹/₂ часам вышли в открытое море, где стали держаться курса на зюйд-ост. За ночь плавание наше подвинулось вперед немного, и, когда я проснулся 3 июня ранним утром, при великолепной погоде и почти чистом горизонте, мы находились близ мыса Поворотного и сопки Поворотной, приблизительно в 20 морских милях от материка. Все время ветер был настолько слаб, что его, скорее, можно было назвать штилем. Вдали величественной картиной лежал одетый снегом берег Камчатки с его крутыми береговыми утесами и горами. Далеко к северу виднелся мыс Шипунский, за ним шли сопки Жупановская, Коряцкая, Авачинская, Вилучинская и Поворотная (последняя -- недействующая и имеющая вид большого, довольно плоского конуса, на карте Гидрографического департамента показанная в 7929 футов высоты), с их предгорьями и соединительными кряжами. К югу воздух был менее прозрачен, и очертания гор представлялись менее ясными.

Уже к полудню поднялся ветер с юга, который становился все свежее, нагнал густой туман и чувствительно понизил температуру воздуха (2°); к вечеру тендер уже лавировал с подрифленными парусами против сильного встречного ветра и высоких волн. Так прошла вся ночь; 4 июня погода опять стихла, а затем -- вплоть до 11-го числа -- нам постоянно пришлось бороться с противными ветрами и со штилем. То ветер, дувший упорно с юга, приобретал силу бури, и тендер летел, лавируя, по волнам с дом вышиной, то наступало затишье, и наше судно бесцельно покачивалось на поднятой бурей зыби, не трогаясь с места. Как в ветреную погоду, так и в безветрие мы были окружены при температуре, едва достигавшей 3°, туманом, часто садившимся в виде капель и настолько густым, что в расстоянии не более 20 шагов ничего не было видно. При этом за все это время -- ни единого луча солнца, и, следовательно, никакой возможности производить какие бы то ни было наблюдения. Только приблизительно, по счислению хода судна, мы могли определять наше положение. Мы имели в виду пройти в Охотское море так называемым 4-м Курильским проливом, самым широким и самым безопасным, находящимся между о-ми Ширинки и Парамуширом -- с севера и Онекотаном и Маканрушем -- с юга. Чудинов, напуганный крушением, которое ему пришлось потерпеть несколько лет тому назад близ мыса Лопатки, решил держаться в такой туман далеко в стороне от Курильских островов. Таким образом, 8 июня мы могли, пользуясь вышеуказанным способом определения места, считать, что находимся на 49° с. ш., на высоте южной части Онекотана и милях в 50--60 к востоку от этого острова. Много раз нас окружали киты, раза два подходившие совсем близко к судну. Меня в особенности интересовал один небольшой вид этих животных, окружавших нас в большом количестве. Животные футов в 15--20' длиной имели большой спинной плавник, а тотчас же позади его белую перевязь, спускавшуюся со спины книзу по обоим бокам и очень явственно выделявшуюся на темно-зеленом фоне тела. Раз у самого руля показался морской бобр; фыркая, он выставил из воды почти вертикально переднюю треть тела и быстро скрылся опять. Водные птицы -- *Procellaria*, *Alca*, *Lunda* - держались около нас часто в бесчисленном множестве; но зато выдавались часы и дни, когда не видать было ни одной из этих птиц. Уже 9 июня мы могли, лавируя, подвинуться несколько к западу, что еще лучше удалось нам 10-го благодаря более благоприятному ветру. В полдень 10-го числа на наше судно залетела пара каких-то наземных птиц величиной с воробья. Общий цвет оперения их был грязно-оливково-зеленый с легким металлическим отблеском; под горлом виднелось ярко-красное пятно, от которого тянулись черные полосы к глазам и к клюву. Последний напоминал по форме клюв дятла. Всю ночь и утренние часы 11-го числа мы подвигались к западу и около полудня увидели северный пик Онекотана, весь укутанный снегом. Теперь мы уже ориентировались и к 9 часам вечера вошли в 4-й Курильский пролив. Однако скоро

вновь заштило, и нам пришлось в очень темную ночь прокататься между островами. Хотя утро 12 июня и выдалось довольно хорошее, горы и крутые, скалистые берега островов вырисовывались не совсем ясно через затянувшую их легкую дымку тумана. К югу, довольно близко от нас, поднимался высокий северный конус Онекотана, тогда как двух других конусообразных вершин, которые имеет этот остров, не было видно. На западе возвышался в виде закругленной, не очень высокой скалистой массы о-в Маканруш. К северу от нас находился южный конец большого, тянущегося далеко на север и покрытого высокими горами о-ва Парамушира. Прямо против нас, в юго-восточной части этого острова, поднимался крутой мыс графа Васильева, а на юго-западе того же берега -- высокий пик Фусса, вершина которого была закрыта облаками. Второй пик -- лежащий более вглубь острова вулкан -- не был нам виден. Наконец, к северо-северо-западу возвышался в виде усеченного конуса небольшой вулканический о-в Ширинки; из-за него выглядывал другой, такой же формы, только несколько менее высокий конус, стоявший с первым, казалось, на одном общем основании. Везде царил зима, и земля лежала глубоко под снегом и льдом. Парамушир тянется почти на целый градус долготы с юго-запада на северо-восток и отделен проливом шириной всего в 2 версты от округленного, гораздо более плоского, о-ва Шумшу, а этот последний отделен 15-верстным проливом от мыса Лопатка. От Онекотана далее к юго-западу расположен длинный ряд мелких вулканических островов, из которых Харамукотан, Шияшкотан и Симушир побольше остальных; затем следует более крупный о-в Уруп, который, находясь уже на 46° с. ш., покрыт лесом и населен айнами. За ним идут в том же направлении -- сначала самый большой из всех Курильских островов -- Итуруп, точно так же населенный айнами, а затем, тоже большой, о-в Кунашир, уже примыкающий к о-ву Иессо. Таким образом, Курильские о-ва составляют ряд непрерывно тянущихся в юго-западном направлении на протяжении гораздо более 1000 верст -- от южной оконечности Камчатки до Японии, следовательно, от 51° до 44° с. ш. Это -- подводная цепь вулканов, самые высокие вершины которой выступают над поверхностью моря в виде более или менее крупных островов. Вместе с тем, они являются продолжением камчатского ряда тихоокеанских вулканов и связующим звеном между ним и тянущимся в том же, юго-западном, направлении рядом вулканов Японии; последний же, в свою очередь, продолжается далее за экватор к Филиппинским и Зондским о-вам. Но так как ряд камчатских вулканов начинается на севере уже с 57° с. ш., то здесь, значит, мы имеем дело с вулканической трещиной, занимающей по широте по меньшей мере 57 градусов; эта трещина принадлежит, очевидно, к числу самых длинных на земном шаре, и на ней возвышается множество гигантских конусов и открывается немало кратеров, из коих весьма значительное число проявляет деятельность еще и в настоящее время.

Курильские о-ва, т. е. оба самые северные, в первый раз замечены в 1706 году Атласовым, открывшим и завоевавшим Камчатку в 1696 г. За время 1711 -- 1713 гг. этот завоеватель посылал туда своих сборщиков ясака. В 1720 году Петр I отправил на Курильские острова двух землемеров искать руду. Посланные прошли к югу до о-ва Шияшкотана. С 1738 по 1741 г. Курильские о-ва, до Японии, исследовал Шпангберг, а позже острова эти были видены и вновь определены всеми мореплавателями, посещавшими эти страны.

Несмотря на все это, в геологическом отношении этот ряд островов остается еще и по сей час вполне *terra incognita* и все, что известно об этом, несомненно, в высокой степени интересном ряде вулканов, ограничивается названиями островов и очень разрозненными, скудными сведениями об их вулканической деятельности. Не считая многочисленных рифов и скал, поднимающихся почти до поверхности воды, а то и несколько возвышающихся над нею, из этого -- в большей своей части подводного -- вулканического хребта выдается 23 острова с высокими пиками и кратерами. Из них 4 должно отнести к большим; это -- Парамушир на севере (второй от мыса Лопатки) и самые южные -- Кунашир, Итуруп и Уруп. Пять островов можно считать средними по величине: Шумшу, Онекотан, Харамукотан, Шияшкотан и Симушир. Наконец, остальные 14 островов -- невелики и состоят большей частью просто из одиночных вулканов или старых кратеров; таковы: Алаид, Ширинки, Маканруш, Екарме, Чиринкотан, Мусир, Райкоке, Матуа, Рашуа, Среднев, Ушисир, Кетой, Черный и Чикотан.

Сделав это отступление от путевого дневника, я возвращаюсь к нашему тендеру. Вследствие штиля он беспомощно стоял в четвертом проливе между скалистыми берегами островов, а неблагоприятное течение прибывало нас все ближе и ближе к берегам Онекотана, так что нам уже стал слышен и виден шумящий и пенящийся прибой. На наше счастье задул западный ветер, который позволил нам поднять все паруса и выбраться к северу, к Ширинки, -- таким образом, мы избежали посадки на мель. Вследствие прилива и отлива, идущих из океана в Охотское море и обратно, в проливах между островами, особенно в более узких, образуются весьма сильные течения, осилить которые можно только при крепком ветре и которые нередко составляют причину гибели судов. Часто мелкие суденышки, каковы лодки и байдары, проходящие на веслах или парусах от острова к острову, сбивались со своего курса в открытое море и гибли. 13 июня опять-таки было почти тихо, и мы прошли, держась к северу, лишь настолько, что о-в Ширинки остался от нас на восток. Массы морских птиц окружали нас, да еще мимо нас прошла пара больших китов без спинного плавника. Холод был достаточно чувствителен: термометр показывал всего $+2^{\circ}$. Ночью мы достигли почти широты мыса Лопатка, а утром 14 июня начал дуть свежий юго-западный ветер, поднявший ход нашего судна -- в первый раз -- до 6 узлов. Туман колоссальной, темно-серой стеной

сдвинулся к югу, и мы вдруг увидели над собой голубое небо. К востоку юго-востоку показался о-в Алаид, весь одетый снегом. Без всяких прибрежий, сразу поднимается он из моря одиноким, мощным, высоким усеченным конусом, не обнаруживающим в настоящее время ни малейших следов деятельности. Чудинов видел в 1839 г. этот вулкан очень острым и сильно дымившим. В 1848 г., следовательно, в том самом, когда Асача начала действовать и в Петропавловске было очень сильное землетрясение, вершина Алаида провалилась, и его деятельность с того времени совсем прекратилась. В полдень, когда туман развеялся, температура, при ясном небе, достигла $10\frac{1}{2}^{\circ}$. Ветер, однако, ослаб настолько, что ход наш скоро упал до 2 узлов. Поверхность моря представляла очень своеобразный вид: вся она на обширном протяжении была покрыта пузырями пены. Чудинов заметил, что очень незадолго перед тем здесь прошла большая льдина, и мы могли считать за счастье продолжительную задержку вследствие противных ветров, иначе повстречались бы со льдом. Очевидно, что встреча этих ледяных масс, приносимых холодной водой с севера, с более теплой водой, нагоняемой постоянными южными ветрами, и способствовали образованию непроницаемого, покрывавшего нас перед тем, тумана.

К вечеру юго-западный ветер снова стал свежее и усилил ход наш опять до 6 узлов. Ночи были очень темны, в особенности еще от густых туч, собиравшихся с вечера. Зато мы много раз имели случай любоваться великолепным свечением моря. За нашим довольно бойко шедшим судном тянулся на несколько сажень, а шириной футов в 10 серебристый светящийся хвост, а в этом блестящем, точно кипящем и пенящемся, потоке двигались самым оживленным образом целые миллионы телец (от 2--3 д[юймов] в поперечнике до величины точки), которые резко выделялись из общего света и которые, по-видимому, и были источником самого явления свечения. Там и сям отдельные светящиеся тельца сбивались с ярко освещенного пути в сторону, в темную часть воды и там загорались еще ярче, чтобы затем быстро погаснуть. Светящиеся тельца имели форму различного рода лопастинок, блесков и точек, которые, будучи внезапно взбуровлены, приходили в быстрое движение и распространяли вокруг себя лучи света. Но не только в кильватере, в каждой волне, вблизи и вдали, видно было большее или меньшее количество этих светящихся телец, которые и там образовали самые причудливые световые картины. В особенности красивыми казались освещенные гребни волн с бугшприта и, кроме того, при наблюдении отсюда, можно было видеть еще другое, весьма интересное явление. Независимо от освещенных гребней волн, в более глубоких слоях воды появлялись, с короткими паузами, тускло светящиеся, довольно широкие участки, двигавшиеся быстро навстречу нам. Как только такое подводное пятно подходило близко к нам, оно поднималось заметно выше, светилось сильнее и рассыпалось затем в виде целого роя блестящих ракет, распространяя во все стороны огненные лучи. Это были косяки проходных рыб, тянувшиеся навстречу нам, к берегам -- метать икру в реках. Как только они замечали наше, тоже освещенное, судно, они рассыпались в стороны, вследствие этого получался причудливый вид каких-то лопающихся глубоко под водой, светящихся шаров какого-то фейерверка, вылетающих из серебристого, тускло светящего на глубине пятна. Мне не забыть, до чего великолепно было зрелище подобного свечения в темную ночь; часто оно продерживало меня до рассвета на палубе. Но не всегда свечение моря бывало одинаково роскошно: стай рыб с их чудным фейерверком часто не доставало.

В ближайшие дни мы держали курс все на север. При этом крайне резко бросалось в глаза, как почти каждая следующая ночь, по сравнению с предыдущей, становилась короче и светлее, пока, наконец, близ Ижигинска мы почти совсем потеряли ночи, и вечерняя заря почти сходилась с утренней.

До 20 июня мне приходится отметить лишь немного. Дни проходили очень однообразно. Скорость нашего хода оставалась незначительной: 2--6 узлов в час было для нас самым быстрым ходом. Сплошь и рядом выдавалось затишье или дул совсем

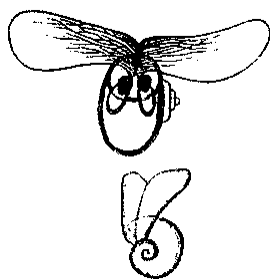
слабый, негодный для плавания ветер. К счастью, лавировать против совсем встречного ветра, что поглощает массу времени, приходилось уже только в виде редкого исключения. Нередко выпадали дожди; зато туманы, по мере движения нашего к северу, становились все реже, и с их исчезновением температура воздуха очень заметно повышалась. От берега Камчатки, приблизительно параллельно которому мы двигались к северу, мы были отдалены большею частью миль на 50--60, и материка не было видно. Нас, тем не менее, все еще окружали водяные птицы в большом количестве. Это были опять же: *Procellaria glacialis* (глупыш), белая и серая его разновидности, чистики (ара), *Lunda* (топорок), реже *Uria* и *Diomedea*, из коих большой белый альбатрос показывался чаще, чем меньший, черный. Довольно много приходилось видеть китов, как крупных, без спинного плавника, так и более мелких, со спинным плавником. Раз нас окружило с дюжину дельфинов, небольших -- 4--5 футов длиною -- бурого цвета со светло-желтоватым брюхом. Прыгая, как сумасшедшие, с быстротой молнии, они окружили нас, проследовали несколько за нами и снова также быстро скрылись. Еще близ Алаида был замечен на воде и вытасчен мертвый, отчасти уже разложившийся экземпляр головоногого, который довольно значительно отличался от обыкновенного здесь вида *Octopus*. Животное светло-красноватого цвета, с совсем черными глазами, было 4 дюймов длиной и имело восемь одинаковой длины рук, по 1 1/2 фута каждая. В устройстве рук, на мой взгляд, и было самое существенное отличие от обыкновенной каракатицы: они были округлены, дюйма в 1 1/2 в диаметре и без присосок, которые у каракатицы сидят по всей длине; здесь присоски имелись лишь на концах рук.

Пройдя еще до 59°, мы вошли 20 июня в более узкую, северо-восточную часть Охотского моря, которая заканчивается двумя, отделенными друг от друга полуостровом Тайгоносом, заливами, западным, более широким -- Ижигинской губой, и восточным, более узким и углубляющимся далее первого к северу -- Пенжинской губой. На берегу Сибири у Ямска гористое побережье выдается далеко к востоку и своей оконечностью, мысом Пягиным, вытягивается к мысу Омгену на Камчатском берегу у Тигиля; вследствие этого в этом месте образуется сильное сужение моря, и отсюда оно становится значительно мельче. Вечером в этот день стал виден к западо-северо-западу мыс Пягин с лежащими перед ним о-ми Матикилем и Атиканом, и мы нашли на глубине 85 саженей глинистый грунт. В ближайшие дни нам снова пришлось идти, вследствие затянувшегося безветрия, совсем "черепашьим шагом". Нас опять окружали вышеупомянутые водные птицы, а также тюлени и киты; из них последние появлялись почти всегда парами и некоторые до того были усеяны ракообразными, что темная сторона их тела казалась совсем светлой, даже белой. Кроме живых существ, на воде плавало множество плавучего леса всякого рода. Глубина моря становилась значительно меньше, и лот показал, по мере приближения нашего к северу, сначала 70, затем 55, 42 и 37 саженей; грунт все время состоял из зеленоватой глины.

23 июня мы перешли за широту южной оконечности полуострова Тайгоноса (60°30'), стали держаться в виду его западного берега и подошли близко к лежащему около последнего о-ву Телану. К ночи поднялся очень свежий северо-восточный ветер с туманом, который заставил нас, чтобы не быть снесенными опять назад, лавировать с подрифленными парусами по узкому в этом месте и становящемуся все мельче фарватеру; в этом случае светлая ночь была нам очень на руку. Чудинов приказал сделать несколько выстрелов из пушек, чтобы этим подать весть тайгоносским корякам о нашем прибытии в надежде, что они передадут это на маяк и оттуда вышлют нам поскорее лоцмана. Но единственным эффектом выстрелов было лишь то, что вследствие сотрясения воздуха туман сначала сильно сгустился кругом нас, а затем развеялся очень медленно. 24-го числа утром нам сперва пришлось бороться с северо-восточным ветром и высокими волнами; потом стало тише. Ветер, хотя и ослаб, повернул к югу и погнал наше судно мимо группы о-вов Халпили (это, собственно, группа небольших скал) к скале Морской Матуге, где мы уже перешли за 61°. 25 июня день выдался прекрасный --

ясный и теплый (+16°) -- и так как мы подошли уже близко к земле, то на судне появилось много комаров. Но, как на грех, опять почти совсем заштило, и цель нашей поездки, теперь совсем близкая, все еще оставалась не достигнутой. При мысе Верхоламском мы подошли уже так близко к ранее еще довольно отдаленному сибирскому берегу, что теперь оба берега залива были видны совсем хорошо. Вместе с тем, мы вступили в самую внутреннюю часть Ижигинской губы; здесь особенно много было плавучего леса, вынесенного реками.

Западный берег состоит из голой, высокой моховой тундры, которая круто спускается к морю; из-за нее вдаль виднеется цепь довольно высоких гор; последние, конечно, стоят в связи с хребтом, тянущимся вдоль всего западного берега Охотского моря. Берег Тайгоноса точно так же представляет высокую, лишенную древесной растительности и круто спускающуюся к морю моховую тундру; более вглубь страны над тундрой высятся пологие, конические, покрытые мохом безлесные холмы. Лежащие очень близко у высокого, утесистого берега скалистые острова являются просто лишь его участками, утратившими с ним связь; таковы: Колокольная, Морская и Речная Матуги и лежащая далеко на горизонте небольшая, состоящая из 6 скал, группа Халпили. В лощинах еще видно было много снега, и устья рек отчетливо выступали в виде глубоких вырезов в высокой береговой тундре (береговом плато). В самую северную оконечность залива впадает р. Ижига, самая большая в этой местности, а как раз рядом с ней -- Обвековка, отделенная лишь высокой плоской горой, на которой стоит маяк. Между устьями обеих рек, у подошвы маячной горы, находилось место стоянки судов без всякой гавани или какого бы то ни было прикрытия. Сюда-то именно нам и нужно было добраться. Но это, возможно, бывает лишь при приливе и именно в последнюю его стадию, когда затихает сильное течение к берегу и скоро должен начаться отлив. Во время полного отлива здесь почти сухо, а когда прилив еще во всей силе, легко может случиться, что судно слишком сильно толкнется о берег. Таким образом, приходилось действовать с большой осторожностью. Поэтому Чудинов отдал приказание стать на якорь, чтобы выждать сигнала к надлежащему моменту двинуться с места. Мы со всех сторон были оцеплены плавучим лесом, множеством тюленей, водных птиц и китов, подходивших к нам чрезвычайно близко. Но особенное мое внимание привлекло небольшое существо, кишевшее всюду в воде в изумительном количестве и поглощаемое китами. Это был небольшой слизняк, с раковиной около 20 милл[иметров] в поперечнике, державшийся на самой поверхности воды или на незначительной глубине и двигавшийся весьма оживленно. Раковина была в высшей степени нежна, тонка, хрупка и почти совершенно прозрачна. Немногочисленные завитки ее выступали на одной стороне очень невысоко. Все животное было почти бесцветно; лишь некоторые части имели фиолетовую окраску. На прилагаемом рисунке фиолетовый цвет передан штриховкой. Из раковины выставлялись два относительно больших (до 20 мм длиной каждый) лопастевидных крылышка или плавника, находившихся в постоянном оживленном движении. Пониже этих плавников заметны были еще, одна над другой, две пары меньших, из которых менее развитая окрашена была в фиолетовый цвет, так же, как и часть больших. Другая пара меньших плавников была бесцветна. Эти небольшие органы находились точно также в движении. Эти небольшие существа замечательно нежны. Они ломались при черпании ведром или при прикосновении к ним пальцами. Мне все-таки в конце концов удалось посадить несколько штук в спирт, но, к сожалению, и они в скором времени совсем испортились. Поднялся легкий ветер, покрывший поверхность моря рябью, и тотчас же все эти животные скрылись в глубину. Во всяком случае, это был какой то вид крылоногих моллюсков (*Pteropoda*).

Несмотря на несколько пушечных выстрелов и совсем ясный день -- воздух был прозрачен, и нас легко можно было видеть -- нам не подавали сигнала, не высылали лоцмана. Тогда мы снова снялись с якоря и начали осторожно лавировать к берегу, чтобы стать на якорь против устья Чайбухи, верстах в 16 от Ижигинского маяка; вместе с тем, Чудинов отрядил к маяку лодку со своим помощником Кокориным, отдав ему приказание подать нам в подходящее время сигнал. Глубина под нами теперь (это был отлив) была всего в $2\frac{1}{2}$ сажени. К вечеру начался прилив, все усиливавшийся; наконец, вода с быстротой $2\frac{1}{2}$ узлов понеслась мимо нас, снова таща к берегу массу плавучего леса. К 12 часам глубина в том месте, где мы стояли, дошла уже почти до 5 сажень. И так как Кокорин не подавал о себе никакой вести, то нам не оставалось ничего более, как сняться вновь с якоря и осторожно двинуться вперед с приливным течением, уже значительно слабевшим. Упустить этот момент значило, пожалуй, ждать снова целые сутки подходящего случая. Таким образом, мы тронулись, все время бросая лот, мимо Чайбухи, а затем и Обвековки, и, наконец, нам посчастливилось достичь места высадки в вполне подходящий момент, в 3 часа утра 27 июня.

Состояние, в каком мы застали людей на маяке, включая сюда и Кокорина с отряженными с тендера матросами, давало повод заключить, что они сговорились не подавать нам сигнала именно затем, чтобы мы упустили подходящее время и не могли пристать к берегу. Они занялись водкой и, понятно, хотели выгадать лишний день для попойки. Однако увидев, что мы все-таки приближаемся и именно в такой момент, что, наверное, достигнем и места высадки, они живо зажгли огонь на маяке, хотя ночь была светла как день, и выслали к нам лоцманов. Чудинов отослал назад пьяную команду, сделав строгий выговор за такое отношение к служебным обязанностям, хотя порядок все-таки не был восстановлен. Вообще, не было видно военной дисциплины; команда делала то, что ей казалось удобным и нравилось, и нужно было только удивляться, как, в конце концов, все хорошо кончилось.

При высадке -- во время прилива -- глубина воды под судном доходила до $2\frac{1}{2}$ сажени, а потом даже несколько более того, так как прилив еще продолжался немного времени. Но скоро затем наступил отлив, и уже к 11 часам утра вода спала до такой степени, что тендер совсем лег на бок на мокром, скользком, глинистом грунте, -- так что из воды выступили и киль, и руль, а ходить по палубе стало почти невозможно.

Обнажившееся вследствие отлива дно моря было положительно сплошь покрыто массой мелких морских животных, которых подбирали и поедали стаи мелких птиц. Это была какая-то совсем маленькая порода куликов, несколько побольше воробья, с клювом длиной приблизительно в дюйм, с белым брюшком, белой грудью и бурым, с пестриной, оперением, очень похожим на оперение рябчика. Птицы очень смело подходили к самому тендеру и взлетали только уже в нескольких шагах, так что я одним выстрелом убил сразу 22 штуки.

На берегу Ижиги, в самом близком соседстве с нами, стояло несколько деревянных строений в самом плачевном состоянии, принадлежавших как бы к здешней гавани. Из них казне принадлежали 2 магазина, небольшая казарма и баня, а несколько небольших жилых домов составляли собственность здешних купцов. Эти дома прежде принадлежали одному местному купцу Б. Теперь вдова его жила на самой окраине

городишка в самой ужасающей бедности, в жалкой избенке, между тем как его бывший управляющий вступил во владение всем его имуществом. При известии о нашем прибытии он со многими другими обывателями явился из лежащей верст на 20 выше по течению Ижиги и предложил нам устроиться в одном из его домов, так как жить на тендере, легшем совсем на бок, стало невозможно. Начальник местечка г. Х. к 9 часам уже был на месте, чтобы принять принадлежащую казне часть груза -- главным образом, муку и соль. Ижигинские купцы, духовенство и казаки и даже несколько тунгусов и коряков, теснились возле нас за получением вестей и посылок. В высшей степени редко заносится в это, страшно далекое и глухое, местечко какая-нибудь весть из остального мира, а потому не было и удивительно, что все эти люди с сияющими от радости лицами искали нас и забрасывали нас вопросами. Каждое слово, обращенное к этим отрезанным от мира беднякам, они встречали с радостью и признательностью, и каждый старался чем-нибудь услужить, чем-нибудь доставить удовольствие. За все лето сюда заходит всего только одно судно, да в зиму два раза проезжают казаки с почтой. В остальное время обывателям этого убогого местишка приходится видаться только друг с другом да с окрестными номадами, тунгусами, коряками и чукчами.

К сожалению, радость этого большей частью совсем не тронутого образованием люда кончилась тем, что все перепились: видны были фигуры, или еще шатающиеся, или уже совсем свалившиеся с ног. Естественно, что теперь и все работы, несмотря на всяческие просьбы, увещания и приказания, приостановились, и нам оставалось только конфисковать всю уцелевшую еще водку, спокойно переждать, пока пройдет всеобщий хмель и люди снова придут в себя.

Чтобы избежать этого печального зрелища, я решил пройти до ближнего маяка, выстроенного между устьями Ижиги и идущей с востока Обвековки на очень крутом, вышиной около 70 футов, скалистом мысе. Оба названные устья лежат не больше, чем в 200--300 шагах, одно от другого и отдалены друг от друга лишь упомянутым мысом, представляющим самую южную оконечность небольшого, идущего с севера кряжа, который образует водораздел между обеими реками. На совершенно ровной и лишенной растительности макушке этой скалы, представляющей высший пункт всей области устья, возвышается большой, восьмисторонний, сложенный из обделанных бревен сруб, в 10--12 футов вышиной, сверху покрытый горизонтальной бревенчатой настилкой. На этой кровле настланы большие каменные плиты, а поверх них -- убитый слой глины, служащий подстилкой для костра, разводимого при приближении судов.

Весь крутой обрыв этого мыса состоит из рыхлого, светло-серого, почти рассыпающегося в руке песчаника с весьма многочисленными, в беспорядке расположенными включениями бурого лигнита. Все это, по-видимому, обломки хвойных и двусемянодольных древесных пород, причем размер этих обломков весьма различен, именно -- от мельчайших осколков до кусков в 2 и 3 фута. Листьев, мелких ветвей или сучьев я не мог найти; напротив, куски имели сильно разрушенный или расщепленный вид; они как будто были извлечены из прежнего своего местонахождения и разрушены, а затем вторично отложены в этом светлосером песке и притом в величайшем беспорядке: одни стоят вертикально, другие лежат, то плотно скручены, то разбросаны. Цвет лигнитов был неодинаков, изменяясь от светло-бурого до темно-бурого; они очень легко поддавались ножу и хорошо горели.

Утром 28 июня тендер, когда его приподняло водой во время прилива, был подтащен ближе к берегу и по мере возможности подперт, благодаря чему судно в отлив не так уже накренилось на бок, и выгрузка могла идти скорее. Снова появились наши вчерашние ижигинские гости, прошедшие ночь в разных постройках и шалашах, но так как бутылки с водкой исчезли и, несмотря ни на какие просьбы, снова не появлялись, то они очень скоро повернули назад, в Ижигинск. Кроме того, еще рано утром явилась к судну толпа любопытных тунгусов, ламутов и коряков. Вся внешность и одежда двух первых племен сразу же обнаруживали, что оба они близко сродны друг с другом и что

ламуты -- просто лишь особая ветвь тунгусского племени. Те и другие -- среднего, даже, скорее, небольшого роста и сухоощавого, нежного и гибкого телосложения. Черты лица, хотя и монгольские, тонки и выразительны. Черные, старательно причесанные волосы свешиваются на спину в виде длинной косы. Руки и ноги -- небольшие. Они носят небольшие мягкие сапоги и кожаные, в обтяжку сидящие, штаны. Верхняя часть тела одета в узкую, короткую куртку из оленьей шкуры, богато разукрашенную шелками и бусами; спереди куртка открыта и позволяет видеть спускающийся на живот нагрудник, также богато разукрашенный. Напротив, коряки резко отличаются своим крупным, более сильным, коренастым сложением, мясистой физиономией и коротко остриженными волосами. Одежда их, точно так же из оленьих шкур и кожи, широка, без украшений и состоит, собственно, лишь из большой, просторной куклянки.

Ижигинский начальник, г. Х., успел за утро окончить свои занятия по приему казенного багажа и теперь пригласил меня проехаться с ним в Ижигинск, чтобы познакомиться с поселением и посмотреть некоторые места еще выше по течению, где часто попадаются кости мамонта. В 2 часа дня мы отправились. Мы сели в неуклюжую лодку (по-местному -- карбас), которую тянули вверх на длинных ремнях 3 казака. Потом эту работу производили 5 ездовых собак, бывших с нами в лодке. Течение реки, имеющей в ширину 30--35 саженей, было очень сильно, и мы подвигались поэтому с большим трудом и медленно. Усердие и старание собак в выполнении их тяжелой работы поистине было забавно. Они работали изо всех сил, а когда какое-нибудь непреодолимое для них препятствие (слишком частый кустарник или топкое болото) задерживало их движение, они садились и принимались выть. Приходилось сейчас же пристать к берегу, собаки вскакивали на нос лодки и их довозили на веслах до более удобного места. Как только лодка вновь приставала к берегу, собаки тотчас спрыгивали без всякого приказанья и снова тащили на длинных лямках лодку вверх по реке.

Вся местность при устье совершенно лишена древесной растительности. Река имеет отчасти не очень высокие песчаные, отчасти вовсе болотистые берега, покрытые редкими кустами мелкого ивняка, ольхи и *Betula nana*. Все пустынно и мертво. На дальнее расстояние всюду кругом плоская моховая тундра. Только там и сям по берегу видны маленькие, совсем жалостные, летние шалаши ижигинцев (так называемые летовья или поварни), построенные для рыбного лова. Впрочем, рыбные богатства здесь, по-видимому, не особенно велики, во всяком случае, далеко меньше, чем в камчатских реках.

Верст 20, которые пришлось нам сделать на нашей лодке вверх до Ижигинска, казалось, не имели конца, -- расстояние, которое вниз по течению можно проехать в какие-нибудь 1 $\frac{1}{2}$ часа. Есть здесь путь и по тундре, где можно проехать верхом, путь более короткий, но он идет болотами, и поэтому им пользуются гораздо реже и только разве затем, чтобы избежать описанного утомительно-долгого подъема в лодке. Было уже за 11 часов вечера, когда мы прибыли, наконец, в Ижигинск, где я был радушно принят г. Х. в его просторной квартире.

29 июня день выдался хороший, ясный. Уже рано утром г. Х. повел меня по городу, который производит впечатление неописуемой глуши, мертвенности и убогости. Ижигинск лежит под 62° с. ш. на левом берегу реки Ижиги и состоит из верхней, расположенной повыше, и нижней, лежащей на низине, частей. В верхней части города возвышаются просторно расставленные и расположенные в некоторое подобие широких улиц казенные строения, несколько магазинов для муки и соли, пороховой погреб, дом исправника, Окружное правление и несколько частных домов более зажиточных купцов с хозяйственными пристройками, конюшнями и кладовыми. Все эти дома безыскусственно и грубо срублены из бревен и от времени и погоды приняли грязный темно-бурый цвет. Нигде не видно заборов -- нет ни дворов, ни огородов. Одни простые срубы возвышаются над бесконечной, плоской, безлесной тундрой, и между ними можно собирать мох, вереск, *Betula nana* и *Rubus arcticus*. Нижняя часть города очень

похожа на верхнюю; только постройки здесь меньше, беднее и более разбросаны. Почти ни у одного дома не было печных труб, а в окнах вместо стекол были вставлены перепонки из кишок или слюдяные пластинки. Зато здесь находилась деревянная церковь, единственная в этом местечке, и на более защищенных, впрочем, тоже не огороженных местах были посажены кое-какие овощи -- картофель, капуста, репа и редька.

В этой, нижней, части города жили казаки со своими семьями и несколько совсем обедневших купцов. И здесь, точно так же, как и в верхней части, немало домишек стояли пустыми и потому совсем развалились, что еще больше увеличивало печальное впечатление пустыря, которое производит все это место. В недавние времена правительство обратило внимание на ужасающе-хищническое отношение местных казаков и купцов к кочующим инородцам и приняло, вследствие этого, очень крутые меры, чтобы положить предел бесчинству. Это, однако, отбило охоту к житью здесь у многих торгашей, которые потому навсегда оставили Ижигинск, и теперь только пустые дома свидетельствовали о том, что прежде население было больше. При нашем посещении в Ижигинске было 233 души мужского пола, в том числе 50 казаков, и 242 -- женского. Меньшинство всего этого народа было еще чисторусского происхождения, и это относится, главным образом, к торговому люду. Большая часть, как почти все казачьи семьи, представляла помесь, возникшую от смешанных браков русских с туземцами. Чистая русская речь слышалась нечасто; напротив, язык пересыпан чуждыми словами и оборотами и искажен инородным выговором. Особенно распространены языки коряцкий и тунгусский; все жители не только понимают эти языки, но и бегло говорят на них.

К Ижигинскому округу, принадлежащему к Камчатской области, кроме горожан причисляются также кочевые коряки полуострова Тайгоноса и сидячие коряки-каменцы при Пенжинском заливе, всего 421 душа мужского пола и 464 -- женского. Женское население Ижиги все сплошь занимается производством "калиплики", т. е. выделкой вышитых кожаных и меховых вещей. Особенно богато разукрашиваются, на тунгусский манер, цветными шелками и бусами рукавички и сапожки, расходящиеся далеко по Сибири. В то время как женское население постоянно сидит на месте, все мужчины без исключения -- по праву ли, как купцы, или без права на то, как казаки, -- очень подвижный и непоседливый торговый народ. Они отправляются в дальние и смелые поездки. Часто из Ижигинска они пробираются в самые отдаленные становища чукчей, то в одиночку, то небольшими компаниями, зимой на собаках, летом -- верхом на лошади, везде навязывая свой товар и отдаваясь торговому делу и наживе всем сердцем и помышлением. Поэтому здесь держат очень большие стада ездовых собак, а теперь имелось и до 70 лошадей, тогда как рогатого скота во всем городе насчитывалось всего только 35 голов.

Хотя эта меркантильная жизнь не приостанавливается никогда и идет непрерывно, все же три большие, ежегодно повторяющиеся в этой местности ярмарки представляют время особого оживления здешней торговли. Первая из них бывает в феврале на Анадыре; здесь ведется торг с чукчами, и общая ценность товаров, привозимых сюда русскими, определяется приблизительно в 4500 рублей. Вторая ярмарка устраивается с коряками и чукчами в марте на Пальцовой, одном из притоков Пенжины. В этом удаленном верст на 800 от Ижигинска месте выменивается товаров на сумму 3500 рублей. Третья, на которой торгуют только с тунгусами и ламутами, бывает близ Наяханы, небольшого русского поселения, лежащего к юго-западу от Ижиги, на сибирском берегу, близ мыса Верхоламского. Эта ярмарка из всех трех имеет наименьшее значение, так как здесь выменивается товаров на сумму всего около 1000 руб. Барыш для русских на этих ярмарках очень велик, но зато и сильно колеблется; его определяют вчетверо и впятеро против стоимости привезенного товара. Кроме этих ярмарок, бывает еще знаменитая ярмарка на берегу Большого Анюя, восточного притока

Колымы. Но так как там ведут дело, главным образом, обыватели Нижнеколымска с чукчами, а ижигинцы бывают только изредка и в небольшом числе, то для Ижигинска эта ярмарка не имеет никакого значения. Эти места, равно как и время торга, отлично известны всем кочевникам, и последние стекаются сюда даже из самых дальних концов. В прочее время года это -- совсем необитаемые местечки; они оживляются на несколько дней в году, а потом опять пустуют. Торг здесь чисто меновой; о деньгах нет и помину. Чукчи и коряки в меновой торговле единицей считают обыкновенную красную лисицу и требуют за нее, смотря по доброте и цвету шкуры, 1--3 фунта табаку, который составляет главный предмет торговли со стороны русских и стоит около 10--15 коп. фунт. У тунгусов и ламутов счет ведется только на белку, за которую они получают по 2 листа табаку за штуку, что русскими оценивается в 1--1 $\frac{1}{2}$ коп. Табак, на который здесь только и есть спрос, -- очень крепкий южнорусский, так называемый черкасский, листовой табак, доставляемый из России в весьма значительном количестве в больших кожаных мешках, по 1--1 $\frac{1}{2}$ пуда. Табак этот -- любимейший товар для кочевников и через чукчей расходуется очень далеко, в Северную Америку, и там выменивается по очень высокой цене на местные пушные товары. Таким образом, благодаря торговым сношениям с чукчами, в Ижигинск и Колымск попадают шкуры обыкновенного бобра (*Castor fiber*), ондатры, черного медведя и другие американские меха. Кроме этого, главного, предмета меновой торговли -- табака, русские доставляют на рынок еще в особенности металлические изделия, железные и медные котлы, всякого рода орудия из железа, швейные иглы, затем оружие, порох, бусы, цветной шелк и некоторые хлопчатобумажные изделия. Цены на весь этот товар определенные и опять-таки прикидываемые на табак.

Ижигинцы различают два рода чукчей: беломорских (самые дальние, по берегу Ледовитого океана и Берингова пролива) и тюменских (живущих более внутри страны); и те и другие посещают названные ярмарки. Точно так же и среди принадлежащих к Ижигинскому округу коряков различают бродячих и сидячих. Поселения последних, называемых также по их главному месту жительства -- Каменному -- каменцами, разбросаны у северной оконечности Пенжинской губы и представляют удобные станции для едущих по торговым делам на пальцовскую ярмарку. Отправляясь зимой на собаках из Ижигинска, приходится ночевать 2--3 раза, прежде чем доберешься до Парена, первого из этих селений; затем останавливаются на ночлег до Микина; отсюда 10--15 верст до Шестакова, затем 30 верст до Ливати и, наконец, верст 30--40 до Каменного, откуда уже через 2--3 ночлега добираются до Пальцовой. Кроме упомянутых мест, каменцы живут еще несколько севернее от указанного пути -- в Арночке, Егачи и в Куяле. Только Парен и Каменный -- поселения более крупные, со значительным числом жителей; в остальных жителей немного -- нередко состоят они даже из одной единственной юрты. Все каменцы -- очень искусные кузнецы, поставляющие на ярмарки Севера ножи и копья своей работы, большею частью с очень изящной медной насечкой. Другой очень важный предмет торговли кочевников, это разного рода олени шкуры, громадными массами идущие в мену. Среди них нужно различать меха и кожи. Из мехов всего дороже "выпоротки" (шкурки новорожденных животных) и "пыжики" (годовалых); и те и другие доставляются на рынок, как в необделанном виде, так и в виде очень изящных предметов одежды. Шкуры взрослых, старых животных называются "постелями", если они в полной зимней шерсти, и идут на подстилку для спанья. В летней шерсти они же носят название "недоростков". Самки, "вязанки", по возможности не идут на убой. "Постели" и "недоростки" потом, когда от долгого употребления с них слезет шерсть, перебрасываются в кожи и из них, путем удаления всего волоса и промазки жиром, получается "ровдуга" или, если шкуры долго служили покрывшей юрты и прокоптились, -- "дымлянка". Наконец, нужно прибавить еще, что для горожан купцы привозят и некоторые европейские товары, например, колониальные и суровские,

и что продажа муки, крупы, соли и пороха находится в руках казны. Ввоз водки, в каком бы то ни было виде, к счастью всего населения, был, безусловно, воспрещен.

Возвышенность, на которой расположена верхняя часть города, тянется прямо к северу, все более и более расходясь с идущей с северо-запада рекой. Тотчас же ниже города эта возвышенность круто ниспадает к берегу реки и позволяет видеть залегание темноцветного, плотного, толстосланцеватого глинистого сланца с обильно вкрапленными частицами серного колчедана. Здесь замечаются три больших изгиба в наложении породы. На западном берегу реки поднимается над поверхностью высокой тундры Речная Бабушка -- совсем низкая гряда, тянущаяся с юга, от мыса Верхоламского, и против Ижигинска падающая в виде скалы к реке. Здесь выходит светлый, мелкозернистый, сильно трещиноватый гранит, поднятие которого, весьма возможно, и было причиной поднятия и сильной складчатости лежащего на противоположном, восточном, берегу глинистого сланца. На глинистом сланце лежит слой гравия, мощностью в 2 фута, покрытый в свою очередь слоем желто-серой мерзлой глины толщиной в фут. Затем идет слой почти чистого, большей частью несколько мутного льда, в 1 $\frac{1}{2}$ фута, а поверх него фута на 1 $\frac{1}{2}$ -- 2 растительный перегной и мох. Лед здесь, по-видимому, всюду, где является аллювиальная почва, образует постоянный пласт и считается жителями настолько прочным, что они даже при закладке фундамента смотрят на него, как на грунт, вполне верный и надежный.

Берега самой северной части Охотского моря, т. е. обеих, разделенных полуостровом Тайгоносом, губ -- Ижигинской и Пенжинской -- почти совершенно лишены древесной растительности, и только на сказанном полуострове, в долине Тополовки, открывающейся на запад к морю, имеется тополевый лес совершенно островного характера. Большие хвойные леса Сибири, которые на юге Охотского моря всюду подходят почти к берегу, к северу не идут, должно быть, далее 61° северной широты. Там они, давая место обширным моховым тундрам, отступают от морского берега, распространяются почти по всей системе Колымы без малого до Колымска, достигают р. Ижиги несколько севернее Ижигинска, идут по р. Парену, впадающей в Пенжинскую губу, почти до ее устья и распространяются, наконец, к востоку в области верхнего течения Анадыри. К северу от этой лесной области, при Ледовитом океане, и на востоке -- у Тихого океана, встречаешь опять-таки лишь безлесную тундру. В сторону Камчатки Парен и Анадырь составляют границу этих колоссальных сплошных лесов, и с 62° с. ш. начинается громадная, тянущаяся к югу до самого 60°, моховая тундра. Эта тундра, так называемый Парапольский дол, представляет совершенно лишенную гор и древесной растительности, бесконечную пустынную равнину. Местность поднимается в этом самом узком месте Камчатского полуострова от Охотского моря к востоку очень равномерно и постепенно, достигает на середине своей наибольшей, но все таки незначительной высоты и спускается затем -- к Берингову морю -- опять также исподволь. Только по течению рек там и сям попадаетеся низкий кустарник карликовой ивы. В высшей степени печальный и пустынный, на мерку культурного человека, Парапольский дол для кочевников с их оленьими стадами составляет излюбленное место. Да и дикий олень бродит сотнями по этой моховой пустыне, пробираясь летом от комаров к северу на Анадырь, через Чукотскую землю до Ледовитого океана, а зимой возвращаясь назад в граничащие с "долом" с юга горы и леса Камчатки. Тогда как северного оленя непреодолимо влечет к себе эта бесконечная моховина, для настоящих лесных зверей она образует непреодолимую преграду, так что Камчатка, благодаря этому моховому морю, для них недоступный остров. Лось, рысь, белка, куница, эти чрезвычайно обычные в лесах Сибири звери, доходят вплоть до этой границы, но не далее ее, и в Камчатке их нет вовсе.

У Ижигинска, и именно в подходящей здесь близко лесной области, все эти животные встречаются, а иные из них даже в необыкновенном изобилии. Так, например, иногда в ближних хвойных лесах разводится столько белок, что животные эти во множестве

подходят к самому городу и даже забираются в дома; зато, говорят, в иные годы их совсем нет. Правильной периодичности при этом, говорят, не замечается, но, кажется, в связи с этим явлением стоит больший или меньший урожай шишек на хвойных деревьях, в особенности на кедрах. Год, богатый белкой, богат и соболем, горностаем, куницей и лисой, преследующими этого грызуна. Напротив, периодически и с большой правильностью появляется через каждые 3 года в громадном количестве небольшая серая мышь. Однако до сих пор не замечено, откуда является это животное и куда оно скрывается. Замечательно, что тварь, весьма сродная мыши, -- крыса, здесь совсем не прививается. Здесь ее не найдешь нигде, а те, которые, как случается, заводятся на судах, в очень короткое время вымирают. Между тем, недалеко -- в Камчатке, особенно в местности около Петропавловска, крыса успела сделаться бичом страны. Небезынтересно еще, что другой небольшой грызун, еврашка (*Arktomys citillus*), встречается постоянно в весьма значительном количестве под Ижигинском всюду на высокой, сухой тундре; далее здесь встречаются также волки и медведи; первые чаще, вторые гораздо реже, чем в Камчатке.

Морских млекопитающих на всем севере Охотского моря немало. Здесь бьют из ружей или гарпуном или же ловят в прочные кожаные сети разных тюленей и дельфинов, идущих в пищу людям и собакам. Хотя все эти животные не слишком уж часто попадают в руки туземцев, однако охота на них -- все-таки немаловажное подспорье в их быту. Из тюленей здесь водятся -- *Pkoca ochotensis* (акиба), *canina* (нерпа), *Largha* (черная), *nautica* (лахтак), а из дельфинов -- большая белая белуха (*Delphinapterus leucas*). Сивучей и моржей здесь, должно быть, никогда не видали, и они принадлежат только океану. Киты, которых в этих частях моря очень много, достаются жителям только тогда, если их случайно выбросит на берег. В сравнении с рыбными богатствами камчатских вод, здешние реки кажутся почти бедными, хотя и здесь тоже ловится немало рыбы. Первая рыба, которая еще самой ранней весной появляется у здешних берегов, это мелкая, длиной почти в палец -- "уики"; в реки она никогда не поднимается, хотя и подходит в колоссальных массах близко к берегу, так что в сильные моряны ее в неимоверном количестве выбрасывает на сушу. Целые пласты ее, иной раз более фута в толщину, покрывают тогда берег; жители подбирают ее массами, сушат и запасают на зиму в корм себе и собакам. В реки поднимаются здесь лишь следующие виды лососевых рыб: во-первых -- горбуша (*Salmo Proteus*), затем красная рыба (здесь называемая неркой, *S. Lycaodon*) и, наконец, хайко (по местному кета, *S. Lagocephalus*). Чавычи (*S. orientalis*) и кизуча (*S. sanguinolentus*) под Ижигинском нет вовсе да первая и вообще, должно быть, в Охотском море не встречается, разве только в южной его части, и то редко.

Еще с вечера было условлено, что назавтра я проеду вверх по реке к местонахождениям мамонтовых костей, и 30 июня, рано утром, я выехал на ижигинской лодке, карбасе, с 5 казаками к Кислому Яру. И здесь так же, как тогда, при проезде от устья вверх, сильное течение реки часто очень задерживало ход, и путь стоил немало труда. Казакам приходилось то тянуть лодку на лямках, то грести, то пускать в ход шесты. Тихо, но без остановок двигались мы вперед и, наконец, преодолели все препятствия. Как уже упомянуто, глинистый сланец выходит на дневную поверхность лишь под самым Ижигинском, а дальше вверх по реке оба берега состоят попеременно то из высокого делювиального наноса, то из низменных болотистых участков. Но всюду, опять же, поверх всего лежал слой торфа и мха мощностью в 1--3 фута, а под ним слой большей частью чистого льда в 1 -- 1 1/2 фута. Местами, и именно по изгибам реки, берег был сильно подмыт последним половодьем, и лежащие подо льдом массы гравия и щебня снесены водой, так что торфяной слой, поддерживаемый лежащим под ним слоем льда, торчал нередко на несколько футов над протекавшей внизу рекой. Где лед подтаял и уже не в состоянии был выполнять роль подпорки, там мощные массы торфа обрушились в воду, чтобы быть постепенно размываемыми. По-видимому, ледяной слой

здесь лежит под всей далеко идущей тундрой и всюду заложен, как постоянный геологический слой, между лежащим на нем торфом и делювиальным наносом.

Сразу за городом по берегам замечен был только тощий ивовый и ольховый кустарник. Дальше в нем там и сям стали попадаться маленькие, корявые лиственницы. Чем выше поднимались мы по реке, тем лучше становилась растительность, хотя мы и двигались к северу. Но с этим очень бросающимся в глаза прогрессом шло рука об руку и увеличение числа комаров, часто до невыносимого. Они буквально покрывали все и везде норовили пробраться хоботком через одежду. Обнаженные части тела -- руки, лицо и шея скоро покрылись, несмотря на всякое сопротивление, кровяными подтеками и шишками. На более высоких участках берега стали уже то и дело появляться порядочные деревья, а от устья Курунжи, которая, струясь по гранитной гальке, впадает с запада в Ижигу, уже пошел и настоящий лес из высоких лиственниц и тополей, перемежку с ольхой и ивой. Между деревьями росла высокая трава; зазвучали веселые голоса певчих птиц, среди которых особенно часто слышен был задорный бой зяблика. Птичье пение особенно заняло меня, так как меня поражало, до чего редко увидишь здесь наземную птицу. Впрочем, и водных-то птиц, по сравнению с Камчаткой, было видно на реке и на море очень умеренное количество, как видов, так и особей.

После небольшого обеденного привала в лесу мы проехали до устья текущей с востока Черной, а еще через час добрались и до Кислого Яра. Здесь берег отличался от берегов, мимо которых мы перед тем ехали, только большей вышиной, крутым скатом к реке и большей мощностью делювиальных отложений. И здесь точно так же торфяно-моховой слой, фута в 2 мощностью, лежал на слое льда в 1--1 1/2 фута. Подо льдом находился пласт темно-серо-бурого песка с включенными участками светлой глины, а под всем этим выступала крупная гранитная галька. Начиная со льда книзу, все было в мерзлом виде, а в темных песчаных слоях находились кости мамонта. Теперь можно было найти лишь совсем выветрившиеся и обломанные куски костей в довольно значительном количестве. Часть их лежала внизу, у воды, часть торчала еще наполовину в крутой песчаной стене. Ничто не говорило за общность их происхождения; напротив, все они носили резкие следы очень сильного разрушения, и способ их залегания слишком ясно показывал, что находятся они не на месте первоначального нахождения трупа, а занесены издалека вместе с делювиальным наносом, и что здесь налицо пестрая смесь частей скелетов самых разнообразных индивидов. Несколько лет перед этим -- так рассказывали в Ижигинске -- здесь вымыло водой из берега большой, мощный череп, который тогдашний местный начальник, человек необразованный, затопил в глубине реки из боязни, что, пожалуй, прикажут править этот колоссальный череп в Петербург. Вероятно, не только на этом месте, получившем известность благодаря находке упомянутого черепа, но и вообще по всей Ижиге, во всех делювиальных отложениях имеются ископаемые кости и, при случае, появляются на дневную поверхность. Название "Кислый Яр" происходит оттого, что обыватели замечали здесь от времени до времени сильно заражающий воздух запах; я, впрочем, не заметил и следов чего-нибудь подобного.

На верху берега находится частью высокий лиственничный лес, частью плоская, мокрая моховая тундра со многими, большими и небольшими, углублениями в виде озер, в которых, говорят, держатся крупные щуки -- рыба, которой вовсе нет на соседней Камчатке.

Между тем как при устье стояло на берегу несколько отдельных "летовий", на сегодняшнем пути мне попалось их всего два; в обоих жили и зиму, и лето какие-то бедняки. В особенности одно летовье производило ужасающее впечатление горя и нищеты. Это была маленькая, очень жалкая, уже рассыпающаяся деревянная лачужка; в ней жила бедная больная вдова-казачка с тремя детьми. Питались они только одной кашей из рыбы с сараной (клубнями лилии). Вся обстановка мрачной лачуги состояла из пары старых деревянных скамей, полуразвалившейся печи с небольшим котлом да

двух образов; окна были затянуты перепонкой из кишок. В одном углу были набросаны лохмотья и куски старых шкур для спанья. Когда я предложил обитательнице немного денег и съестного, она заплакала от радости и стала целовать хлеб -- пищу, которой давно уже не видала. Вообще, за время пребывания в Ижигинске мне слишком часто подвергались случаи видеть бедность, убожество и беспомощность обывателей этого северного уголка. Только несколько торговцев живут сносно, а житье-бытье казаков с их семьями внушает глубокое сострадание. Например, пятеро бывших со мной казаков взяли сегодня с собой в дорогу на целый день одну небольшую рыбину без хлеба или чего-нибудь вместо него; и, конечно, не будь я в состоянии помочь им из своих запасов, им пришлось бы довольно скверно.

В этих отдаленных частях Сибири казакам большей частью не выдают ничего казенного, а между тем часто посылают в дальние разъезды, куда-нибудь в глушь. Поэтому нечего удивляться, что они, как дикие звери, тащат все, что найдут себе подходящего, а для этого и ищут близости кочевников. С другой стороны, такая жизнь закаляет их в самых невероятных лишениях и трудах и вырабатывает из них положительно бесценных проводников по этим диким местам. Они умеют воспользоваться всякой вещью, всяким местом и повсюду найтись. Как рыболовы и охотники они поразительно ловки даже с самыми примитивными, часто самодельными орудиями в руках и умеют извернуться в самом затруднительном и опасном положении.

Вниз по быстро текущей реке мы спустились с большой скоростью. Приходилось только постоянно держаться фарватера и не давать лодке сбиваться к берегам. Уже к 10 часам вечера мы благополучно вернулись в Ижигинск.

1 июля выдался особенно жаркий день: термометр в тени показывал 20 °R. Около полудня с востока набежала сильная гроза и разразилась обильным, но скоро прошедшим дождем. По улицам видно было много народу. На каждом шагу меня осаждали просьбами, высказывая желание перебраться в Петропавловский порт. Дело в том, что Завойко высказался за переселение большей части здешних казаков с семьями, и вот этот-то народ и нужно было теперь водворить на тендер. Это известие распространило среди обывателей радостное возбуждение, и все собирались бросить Ижигинск, чтобы уйти от здешнего печального существования. В числе этих переселенцев в Петропавловский порт был и казак Зиновьев, данный мне в проводники на остальную часть лета; ему предстояло пройти со мной через Камчатку до Петропавловского порта сухим путем, а семья его должна была доехать туда морем.

Среди этой несколько взбудораженной уличной жизни нам представилась некрасивая картина, так гармонировавшая со здешним материальным и духовным упадком. Народ вдруг засуетился, и все побежали на берег, где причалила лодка, пришедшая с устья. Из нее вынули обоих духовных лиц города в бессознательно-пьяном виде и понесли их домой. Они явились к нам на тендер одними из первых за получением клади и вернулись назад только теперь. Был ли виной их непристойного состояния только опорожненный теперь большой бочонок церковного вина или они нашли и еще какие-нибудь источники, осталось невыясненным, во всяком случае, обывателям и большому числу пришедших кочевников пришлось встретить своих пастырей в таком плачевном и непристойном виде.

От этой некрасивой встречи взор охотно обращается к другой, произведшей свежее, радостное впечатление. Из-за одного дома появилась и направилась к нам компания тунгусов человек в 20. Впереди шел старик, за ним прочие, большей частью молодой народ, по три в ряд. Их свежие, гибкие фигуры в красивой, даже элегантной одежде составляли приятный контраст с оборванными убогими ижигинцами. Они явились к местному начальнику для того, чтобы сдать ему ясак (подать в казну пушным товаром), С громким, протяжным русским "здорово" предстали они перед нами и затем отправились с г. Х. к нему на дом. Придя туда, они сейчас же расселись все по полу и закурили коротенькие трубки; затем, вручив по принадлежности меха, состоявшие

главным образом из беличьих шкурок, они провели с часок за стаканом чая в непринужденной болтовне. При помощи переводчиков эти бравые дети пустыни рассказывали про свои дальние странствования и про охоту, из чего можно было видеть, что их род по тундрам и лесам странствовал от истоков Колымы и Индигирки до Амура.

2) Поездка по полуострову Тайгоносу

После полудня ко мне явились девять казаков, кроме Зиновьева, которые должны были отправиться со мной в поездку по Тайгоносу, чтобы, согласно приказанию Завойко, наломать полный груз тайгоносского бурого угля, погрузить его и доставить затем в Петропавловский порт на тендере. Часов в 8 вечера я сел со своими людьми в лодку, чтобы ехать к устью, куда мы прибыли, благодаря быстрому плаванию, уже в половине десятого.

Рано утром 2 июля я воспользовался приливом, чтобы отправить своих казаков с лодкой и поклажей мимо маячного мыса на Обвековку, так как в отлив на лодке не попадешь в устье этой реки. Сам я должен был с казаком Григорием Зиновьевым и нашими верховыми лошадьми обождать отлива, чтобы подробно осмотреть береговые скалы между рр. Ижигой и Обвековкой.

Песчаник и здесь был совершенно такой же, как и под маяком, и точно так же переполнен неправильно расположенными кусками ископаемых деревьев. Только здесь в нем заметны были немногие отдельные, тонкие и более плотные слои, состоявшие почти исключительно из мелко раздробленных или растертых растительных частиц. Здесь набрали пудов с 10 лигнита и отправили на тендер.

С Обвековкой мы вступили уже на Тайгонос и направились к югу вдоль западного его берега. Левый берег Обвековки плоский и состоит из отложений делювиального песка и гравия. Несколькими верстами далее местность становится выше, и на дневную поверхность выходит опять тот же песчаник, но здесь переслаивается 3--4-футовой мощности слоями прекрасного, плотного бурого угля. Эти слои падают 20° к северу -- угол падения, который у следующих буроугольных слоев делается меньше, пока, наконец, некоторые из них не дают уже 10° -- 15° к югу. Затем на них покоились далее к югу опять-таки чисто обвековские слои, т. е. опять светлый песчаник без бурого угля, но переполненный беспорядочно расположенными кусками лигнита. И здесь тоже, как и под маяком, все куски ископаемого дерева были сплющены и, казалось, подвергались колоссальному давлению. Здесь были заметны также кремневанные куски древесины, а в более рыхлом песчанике -- округленные небольшие включения более плотного, мелкозернистого сложения. Северные обвековские слои и эти, только что упомянутые, лигнитовые -- во всяком случае моложе, чем расположенные среди них буроугольные слои. Последние, которых я насчитал, по меньшей мере, 6 -- 7, содержат значительную массу хорошего бурого угля. И здесь также наломали порядочное количество на пробу, для губернатора.

Незадолго перед тем, как мы достигли этих слоев, мы наткнулись на рыбачивших на морском берегу коряков, из которых нам удалось нанять одного в проводники. Начался прилив и согнал нас с берега далее внутрь, на более возвышенное место, где нам необходим был проводник, чтобы находить более удобные переходы для лошадей через болота и овраги. Мы поднялись на возвышающееся береговое плато диким, романтическим оврагом, промытым весенними половодьями в буроугольном песчанике, и очутились на широкой, ровной, совсем лишенной древесной растительности, высокой тундре, тянувшейся до дальних гор срединного тайгоносского кряжа. Земля была покрыта мхом, из которого там и сям торчала мелкая, кривая *Betula nana*. На пути попадались небольшие болотистые разливы, а один более крупный пруд был оживлен

водяной птицей. Кроме того, все казалось мертвым. Далее мы перебрались через овраг, полный льда и снега; в глубине его с диким рокотом бежал к морю небольшой ручей. Сразу на другом берегу этой расселины, где царит вечная зима, мы проехали через низкий кустарник искривленной ивы и ольхи, откуда на нас вынеслась такая рать комаров, что уже в несколько минут показалась кровь на людях и на животных. Затем пошел дождь, затянувшийся и на ночь. Так проехали мы еще несколько верст, пока не спустились в долину Чайбухи, огражденную крутыми стенами, где наткнулись на группу коряжских палаток.

Это были три очень большие "чума" из кож, многочисленные обитатели которых поспешили к нам поздороваться. Самый большой чум принадлежал старшине тайгоносских коряков, Яйневу, и для меня было очень на руку, для изучения этого народа, познакомиться с этим бравым мужчиной. Яйнев сейчас же пригласил меня посетить его чум, что я и сделал с радостью.

Чум имеет форму большого, очень пологого конуса и представляет остов из жердей, покрытый снаружи шкурами северного оленя. Внутри, прямо посередине помещения, всегда находится очаг; дым уходит через открытую вершину чума. Кругом у стены лежат оленьи шкуры, а иные повешены в виде перегородок, так что образуется столько небольших спален "пологов", сколько в чуме семей. В этом чуме против двери, занавешенной шкурой, находились "полога" обеих жен старшины, Чачи и Эйнеут, а по сторонам "полога" остальных членов семьи и работников. В "пологе" старшей жены, Чачи, стоял "волшебный" барабан, употребляемый при богослужении и потому требующий для своего помещения почетного места. После всяческих уверений в дружбе и обмена кое-какими подарками я, наконец, удалился в свою палатку: за это время мои казаки с лодкой тоже добрались до устья Чайбухи и раскинули рядом с чумами палатку для меня.

3 июля день был дождливый, и потому я остался на Чайбухе у коряков. Чайбуха, это -- ручей, берущий начало в среднем хребте, протекает глубокой, трещиновидной долиной, пробитой им в рыхлом песчанике, и скоро впадает в небольшую морскую бухту. Бедный водой теперь, летом, он несет по узкой долине весной значительную массу воды. На обнаженных крутых склонах долины, опять-таки в светло-сером песчанике, выходят на дневную поверхность буроугольные слои мощностью до 3 футов. И здесь тоже они падают 20° к северо-востоку. Весь берег моря и реки был покрыт обломками бурого угля и лигнита, вымытыми и рассеянными водой. Тут же валялось много легко рассыпавшихся кусков янтаря, от горошины до голубиногo яйца величиной, который и в самих залегающих слоях угля всюду был вкраплен весьма обильно. Опыт сжигания угля удался прекрасно. Куча угля, переполненного янтарем, около кубической сажени величиной, горела хорошо, давала лишь немного беловатого дыма с сильным запахом янтаря и оставила очень много золы, совершенно белой.

Галька реки состояла, однако, не только из этих обломков угля и янтаря, а по большей части из округленных, плоских камешков глинисто- или слюдяно-сланцевой породы, которая залегает по южному берегу реки до Бушмака -- скалы на морском берегу. Эта порода -- плотный, темный глинистый сланец, весьма разбитый и трещиноватый. На трещинах и плоскостях сланец сильно покрыт окисью железа; кроме того, он обильно проникнут жилами кварца, на зальбандах которого порода становится хлористо- или слюдяно-сланцевидной. На берегу реки есть даже выход молочно-белого кварца мощностью в 2 фута с множеством мелких пиритоздров серного колчедана.

Коряки спустились сюда на время рыбного лова, а олени их паслись в ближних горах. Так как мои казаки были в высшей степени скудно снабжены провиантом, то пришлось оказать им поддержку в этом отношении, для чего я и устроил торг с Каноя, нашим проводником: за 10 пачек табака он продал мне большого славного оленя, которого он теперь пригнал. Ловкость, с какой он убил и разделал животное, была поразительна.

Одним ударом длинного ножа, прямо в сердце, он сразу свалил его мертвым. Таким образом, мы сделали хороший запас на много дней.

Мой казак Зиновьев, хороший знаток корякского языка, много помогал мне теперь в качестве переводчика. Коряки -- мужчины, женщины и дети -- постоянно осаждали мою палатку. Вопросы, ответы, рассказы так и текли рекой. Эти довольные, всегда веселые дети природы рады были ужасно всякому маленькому подарку от меня. Табак брали с удовольствием, но при виде ножниц, ножа, игл или пестрых бус все раздражались целой бурей радостных криков. Женщины являлись разряженными в свои изящные, окрашенные ольховой корой в красный цвет, кожаные куклянки и щегольские пестрые меховые сапоги; длинные распущенные черные волосы были перевиты бусами. Но невымытые лица их были нередко до того грязны, что у молодых девушек едва можно было увидеть свежий, здоровый румянец щек. Женщины были большей частью ужасающе безобразны, особенно если они были еще татуированы. В общем, татуировка - редкость и встречается только среди женского пола. Одна или немного линий, расходящихся от корня носа лучами по лбу да пара колец на щеках -- вот и все украшение. Из женщин редко у которой не было за спиной плетеного из травы и поддерживаемого на лбу широкой повязкой мешка, в котором они носят с собой свои пожитки. При помощи пеленгования на противоположном берегу Сибири под 240° к западо-юго-западу я отыскал мыс Верхоламский.

Утром 4 июля явился наш проводник, Каноа, со своим братом, Эккитом, и представил его мне в качестве проводника на дальнейший путь, так как самому ему нельзя было идти далее. Скоро направились мы вперед, идя пешком вдоль берега моря к югу и ведя за собой своих лошадей. Сильный ветер не позволил лодке выйти в море, и мы должны были оставить ее пока здесь. Как раз был отлив, и небольшая, замкнутая (лишь немного открытая к юго-западу) губа устья Чайбухи была почти совсем суха. Миллионы живой морской мелюзги копошились в лужах и в иле, и поистине неимоверное полчище всякой водной птицы, издавая крик и поедая добычу, покрывало обнажившийся ил. Стоило выстрелить, и птицы большой белой тучей поднимались с оглушительным гвалтом, чтобы вскоре снова жадно наброситься на корм.

Вслед за этим нам пришлось пройти через группы скал вышиной до 200 футов, состоящих из вышеупомянутых сланцев Чайбухинского берега, а затем скоро опять пошел буроугольный песчаник, в коем я насчитал шесть выраженных слоев угля мощностью от 2 до 3 футов. Сряду за ним опять появился светлый песчаник с отдельными вкрапленными лигнитами, как у маяка. Только здесь отдельные лигниты были крупнее, и попадались куски стволов до 2 футов.

Через глубоко прорезанный водой, теперь очень скользкий от глины, льда и снега овраг мы вновь поднялись на верхнее тундряное плато. Тогда как в небольших оврагах при море, часто возле самых снеговых пятен попадались отдельные растеньица в цвету, здесь, наверху, опять пошла широко раскинувшаяся мертвая тундра. Мох, один только мох! Там и сям торчали совсем низкие, хилые кедры и ольхи, *Betula nana*, вереск. Местами эта моховая пустыня делалась мокрее и была покрыта множеством маленьких озерков и прудов. А затем сразу, как будто его кто отрезал, снова началось сухое место.

На дневную поверхность выступил светлый гранит, казалось, весь распавшийся на мелкие, острые куски и покрытый широкими лишайниками, без следов какой-нибудь другой растительности. Гранит, по-видимому, многократно поднимался до общего уровня тундры, а в промежутках между подъемами возникали плоские мульды, которые были заполнены влажными участками тундры. Проехав несколько таких гранитных участков, чередующихся с мокрыми тундрами, мы достигли быстро текущей с ближних гор в море речки Матуги. Довольно трудной дорогой мы спустились в речную долину -- обрывистый, романтический овраг -- и прошли по речке до места впадения ее в небольшой, окаймленный скалами залив. Залив этот полон рифов и скал, из коих известнее других высокая, отдельно стоящая в море Речная Матуга. И здесь, на Матуге,

стояли три корякских чума, и опять палатку мою осаждал этот добродушный, честный народ, и, благодаря рекомендации моего проводника Эккита, живо установились доверчивые отношения.

Это место точно так же было выбрано летней стоянкой ради добычливого лова рыбы, а олени были пущены пастись в горы. С самой живой радостью рассказывали мне, что минувшей весной улов "уики", мелкой рыбешки, был удивительно богат и что громадные массы дал частью лов этой рыбы в море, частью сбор выброшенной волнами на берег. Кроме того, ход "уики" к берегам ценен еще и потому, что следом за ней идет много тюленей и дельфинов, которые тоже близко подходят к берегу и потому легко могут быть убиты. Множество разбросанных здесь костей *Delph. Leucas*, между прочим позвонков и черепов, свидетельствовали об успешной охоте. Упомяну еще, что, кроме неизбежных роев комаров, я не видел ни единой ползающей или летающей "букашки", т. е. насекомого, паука и т. п.; только вдруг на одном сыром месте появилось и ползало кругом поистине несчетное множество мелких ярко-красных козявок с маленьким хоботком. Понять нельзя, откуда набралась эта масса мелких красных клещей (*Trombidium*) и куда она исчезла всего в какой-нибудь час, так как потом я не мог найти ни единого даже в земле.

Пеленгованием нашел я сегодня мыс Верхоламский на 270° к западу.

Рано утром 5 июля меня разбудил шум и рев прибоя о крутые береговые скалы, поднятого бурей. Скалы эти состоят из пестрой и беспорядочной мешанины пересекающих друг друга слоистых пород и неслоистой, массивной, базальтической породы. Сильно метаморфизированные песчаниковые слои, докрасна, как кирпич, обожженные массы глины, мелкие и совсем ставшие сланцеватыми конгломераты, отчасти тоже обожженные, в коих я нашел слабый отпечаток *Mytilus* (?), набросаны здесь друг на друга. В небольшом побочном ущелье был выход темного, плотного глинистого сланца с табличной отдельностью, прорезанного множеством кварцевых жил толщиной в дюйм; жилы эти и давали начало кварцевой гальке речного русла. Все это свидетельствовало о том, что осадочные слои, -- как буроугольный песчаник, так и глины, -- были пересечены выходами базальта.

Ближайшей нашей задачей было добраться до обеих рр. Килимачей. Большая толпа коряков, мужчин и женщин, проводила нас довольно далеко и с громкими прощаниями -- "тамто, тамто", -- пошла назад. В сторону от нас поднимался дикий, романтичный морской берег. Геологический характер оставался во всем тот же. Обе реки текут совсем близко одна от другой и скоро впадают в небольшие, обособленные губы. Их различают как первую и вторую или же как северную и южную Килимачу. Перед первой Килимачей и на ней самой залегает кремнистый сланец, а затем идут массивы, где вся порода является сильно выветрившейся. В речном русле была даже опять галька из бурого угля и песчаника, снесенная из верхних частей реки. На второй Килимаче опять выступила массивная базальтическая порода. Обе реки прорезали глубокие, ущелевидные долины в высокой тундре и обнажили много профилей, опять же доказывающих, что здесь приподнятые базальты и трахиты повлияли самым разрушительным и метаморфозирующим образом на осадочные породы, т. е. все на тот же буро-угольный песчаник.

На второй, южной, Килимаче мы совсем ушли от моря и снова поднялись на высокую тундру, где мы через мочажины пробрались к горам, и не поздно вечером раскинули у их подножия свою палатку. У сторожевого огня Эккит всегда делался очень разговорчивым и много и охотно рассказывал о нравах и обычаях своего народа, который он так любил и сыном которого он признавал себя так охотно.

Утром 6 июля мы поднялись рано, чтобы переехать не особенно высокий, бесснежный хребет, тянувшийся с северо-северо-востока к юго-юго-западу. Медленно и не без труда для лошадей, по каменистой, большей частью очень крутой местности достигли мы высоты перевала. Весь путь шел по гнейсу и граниту. Самая порода, мелкозернистая,

светлой окраски, обнаруживает явную слоистость и имеет часто гладкую и табличную отдельность; наблюдается также и поднятие ее слоев. Высший пункт перевала состоит из одних разбитых гранитных плит и глыб, промежутки между которыми заполнены мхом, из которого там и сям торчит ползучая ольха или кедр. Из цветущих растений я мог заметить только пару вересков. Внешний вид гранитных гор мягко-волнистый; часто они увенчаны скалами в виде развалин, стен, башен. Горы, состоящие из глинистого сланца, как, например, здесь, близ перевала, имеют вершины, расположенные более гребневидно, причем бросалось в глаза, что эти последние совершенно лишены растительности, вместо которой виднелись большие кучи полувыветрившихся кусков сланца. На вершине мы дали лошадям короткий отдых, которым я воспользовался для того, чтобы взять пеленги. Килимача течет с хребта к северо-северо-западу, и устье ее находится на 216° к юго-западу, скала Речная Матуга находилась на 332° к северо-северо-западу, устье Чайбухи на 351° почти к северу, а в том же направлении далеко на горизонте -- маячная скала.

Затем начался спуск в лежавшую перед нами долину Тополовки, по которой мы и проследовали сначала к югу, затем к юго-западу и, наконец, к западу, до самого ее устья. Путь по долине, благодаря большой крутизне и каменным глыбам, был поистине труден. Мы шли пешком, так как лошадей и свести вниз можно было с трудом. Вид скал, гранитных и сланцевых, был очень величествен, дик и красив. Должно быть, в былые времена здесь действовали могущественные силы. Растительности почти не было, а из царства животных только звонко посвистывали еврашки (*Arctomys citillus*). Скоро затем мы увидели и самих трудолюбивых зверьков, таскавших себе запасы на зиму.

Вода стремится вниз диким потоком, с каскадами, в узком русле по большим камням. Часто высокие, разорванные, скалистые берега, как крутые стены, подступают к шумящему потоку так близко, что едва можно пройти.

Несколько далее вниз по долине мы перешли с гранита в область глинистого сланца. Темноокрашенная порода, сложенная из явственных слоев в $1\frac{1}{2}$ -- 2 фута толщиной, была пронизана множеством трещин и расселин, окрашенных окисью железа в бурый цвет, и путь по гладким, сдвигающимся табличкам был очень тяжел. Долина постепенно становилась шире, течение спокойнее, и каменные глыбы в русле реки исчезли. Растительность стала обильнее, и появились кое-какие цветы и трава, а также небольшие ольхи, ивы, кедры и карликовая береза. Последней, служащей для северного оленя в это время года главной пищей, редко где нет на Тайгоносе. У воды я заметил пару куличков и какую-то белокрылую птицу из куриных. Теперь мы достигли второй гранитной, а за ней -- второй сланцевой области, а с ними совершенно оставили горы. При спуске с гор можно было постоянно наблюдать, что на гранитных участках почти не было растительности, вся местность выглядела более дико, и вода скакала в крутых берегах по камням, тогда как на сланцевых было больше растительности, и река текла спокойнее.

Выйдя из гор, река, разделившись на много рукавов с островами между ними, пошла тише по широкой долине со склонами из сланца, песка и гравия. На островах растительность, по-видимому, достигала наивысшего развития: там виднелись даже деревья -- ивы, ольхи, рябины, а всего более красивых тополей (до 2 футов в поперечнике), давших и речке свое имя. Близко к устью, на левом берегу, опять, заметно было, залегал гранит, но темный глинистый сланец решительно преобладал.

Так добрались мы до широкого раскинувшегося перед нами залива, куда впадает Тополовка; теперь, в отлив, из него ушла почти вся вода. Только речная вода, разбившись на много мелких рукавов, бежала по оживленному разной морской мелюзгой илу.

Уже издали мы слышали веселые восклицания и смех большой толпы коряков, толпившейся у четырех больших чумов. Когда мы приблизились и они увидели наших лошадей, они бросились врассыпную и, казалось, готовы были удирать со страха, так как многие из них, именно женщины и дети, отродясь не видывали таких больших и такого

чудного вида зверей. Только на оклик Эккита они остановились и скоро окружили нас с дружественными приветствиями; постепенно доверчивость возросла до такой степени, что угрожала стать несносной. Добрые малые только что были на лове рыбы и притащили нам пропасть лососей, а также и ягод, чтоб отблагодарить за полученные подарки. Эккит был вне себя от радости, что попал к землякам: он плясал, припрыгивал и везде находил случай рассказать о нас много хорошего. Радость, по-видимому, возбудила у него и хороший аппетит; он вдруг схватил маленького лососка, откусил ему голову и съел всю рыбу сырым, что делали за ним и другие коряки, именно женщины и девушки.

После дождливой ночи меня разбудили утром 7 июля громкие восклицания моих прибывших на лодке казаков. Несмотря на дурную погоду они ехали на веслах всю ночь напролет, и только что добрались сюда. Так как дождь прошел, сегодня надо было с помощью моих людей произвести обстоятельное исследование берега залива и начать работы по разведкам киновари.

Паллас дает в "Neue Nordische Beitrage", Bd. V, St. Petersburg 1793, на стр. 271, перечень минералов, найденных частью при Пенжинской губе смотрителем шахт Даниэлем Гаазе, назначенным на службу в Ижигинск. Паллас пишет: "На Тайгоносской косе, верстах в 90 от Ижигинска, при небольшой бухте у устья ручья Тополовки, у подножия небольшой горы, примыкающей к бухте, были найдены куски плотной киноварной руды, а порода -- черный, пластоватый сланец". И далее: "Приблизительно за 6 верст от этого места, вверх по Тополовке, по правую ее сторону -- высокий берег, где встречаются куски богатой медной лазури". (Даллас прибавляет к этому: "от той и другой я получил небольшие штуфы".) А на стр. 309: "Адам Лаксман, ижигинский городничий, пишет от 10-го января 1790 г. относительно найденной Гаазе киновари, что на том месте, после долгих раскопок, найдено около 6 фунтов киновари".

Эти сообщения Палласа очень определенно, казалось мне, указывали месторождения киновари, и потому, исходя отсюда, я решил обстоятельно исследовать все берега Тополовской губы. Прежде всего я расспросил коряков, которых четыре больших чума стояли совсем близко от моей палатки и которые в большом числе с раннего утра вступили в сношения с нами, не видели ли они сами киновари или не слыхали ли чего о ней. Я предложил ценные вещи за указание ее местонахождения, вещи, которые для этих людей имели высокую цену. Среди них было много стариков, всю жизнь проживших в этих местах, но никто из них не мог дать мне на этот счет ровно никаких сведений. Уже это поразило меня, так как от этих детей пустыни нелегко ускользает что-нибудь: они замечают все и все пробуют пустить в дело. По моему предложению они сразу отправились на бухту и разбрелись по всему берегу для раскопок и поисков. Они должны были доставлять мне все окрашенные комки, особенно красные и бурые. Сам я точно так же отправился с казаками в обход губы.

Отлив наступает здесь только раз в сутки и достигает максимума около 3 часов утра, когда дно всего залива до узкого выхода в море и до мелкого места -- с речной водой -- совершенно обнажается. Вся губа, по моему расчету, имеет в длину около 3 $\frac{1}{2}$ версты и тянется почти напрямик с востока на запад. В сильно заостренный восточный конец впадает многими рукавами, образуя небольшую дельту, Тополовка, а на западе губа открывается в море узким, почти замкнутым скалами, проливом. В этот пролив, а, значит, и в самую губу на лодке можно попасть только в прилив. Приблизительно на двух третях всей длины губы от южного берега отходит коса, подходящая близко к северному берегу и, таким образом, делящая весь бассейн на две части -- на большую, внутреннюю, обращенную к востоку, имеющую треугольную форму, и на меньшую, почти круглую, внешнюю, лежащую к западу и открывающуюся в море. Названная коса совсем плоская, состоит из дресвы и гальки, имеет 8--10 сажень в ширину и шагов 500 в длину и выступает футов на 10 над поверхностью самой высокой воды. Почти весь берег губы скалист, крут и вышиной до 50 футов и более. Хребет, с которым мы только что

расстались, подходит своими крайними отрогами к северному берегу губы и до моря. Снега и льда здесь совсем не было. Вся горная порода состояла, по-видимому, исключительно из темного, черно-серого сланца, внизу очень плотного и сплошного, а выше состоящего из плит в $1\frac{1}{2}$ -- 1 дюйм толщиной. Большой частью пласты эти были подняты, поставлены и изогнуты в разнообразные складки, поднимавшиеся и опускавшиеся от подножия берега до самого верха скал. Между этими большими складками сланца местами находился грубый конгломерат, состоящий главным образом из обломков гранита и гнейса -- отложение, имевшее место, конечно, до поднятия сланца, так как конгломерат часто целыми поясами являлся обожженным докрасна, как кирпич. Отсюда явствует, что сланец и конгломерат одновременно и совместно подверглись одной и той же метаморфизирующей катастрофе. Темные сланцы были местами сильно проникнуты белыми ходами и жилами известкового шпата и очень богаты желваками серного колчедана, в иных местах до того, что порода по поверхности была окрашена совсем в красный и бурый цвет продуктами его разложения -- обстоятельство, часто вводившее в заблуждение моих помощников и доставившее мне множество образчиков камня, окрашенного окисью железа.

Наконец мне удалось на южном берегу внешней части губы, неподалеку от своей палатки, стоявшей при основании вышеупомянутой косы, у подошвы скал, наткнуться на след в плотном, черно-сером сланце. Сейчас же в этом месте и вокруг принялись шурфовать изо всех сил. Целые массы щебня выветрившегося и скатившегося сверху сланца были удалены от подножия скалы и она сама взломана на месте, подлежащем исследованию, но все было тщетно. Получились очень жалкие результаты: на поверхности обломков извлеченной породы лежал налет ярко-красного минерала толщиной около 1 мм, который покрывал породу почти в виде порошка, по крайней мере стирался очень легко. К сожалению, столь легко разрушимые, мелкие куски, которые я получил, так трудно было уберечь в дальнейшем пути, что потом в Петропавловском порте я нашел едва только следы их. Во всяком случае, эти мизерные остатки ярко-красного, растирающегося, почти порошковатого минерала, это было все, что напоминало, быть может, о нахождении там киновари. Да и указания Палласа говорят за то, что киноварь встречается здесь чрезвычайно редко. Быть может, были там некогда остатки этого минерала, которые уже тогда были все выбраны и от которых теперь остались только найденные нами следы.

Вернувшись вечером к своей палатке, я застал коряков собравшимися большой толпой. Вода с силой шла назад в губу, и с ней уходило очень много рыбы. Было уже поймано несколько лососей и камбал, и теперь собирались на общий лов. Пока мужчины и женщины приготавливались к лову, подрастающее поколение затеяло веселые игры: бегали взапуски, боролись, ловили друг друга, и все это -- с большой ловкостью, и, пожалуй, с известной прелестью движений. Мальчики и девочки схватывались нередко со взрослыми мужчинами, и если им удавалось повалить одного из последних, ликование было бесконечное. Эккит был душой игр и оказался превеселого темперамента: шутил и рассказывал без устали, всегда возбуждая в прочих звонкий смех. Развлечения этих детей природы затянулись до поздней ночи, и еще долго после того, как я закрыл свою палатку, я слышал их веселые голоса.

Рано утром 8 июля я отправился на то место, где по указаниям Далласа должна была иметься медная лазурь. К сожалению, и там все поиски остались без всякого результата. Порода была опять все тот же темный глинистый сланец, который залегает в высокой стене скал на берегу Тополовки. Северный берег губы был еще раз обследован, причем в сланце много раз попадались отдельные зерна кварца. Далее находились участки, где черный сланец был окрашен на поверхности и в трещинах и расселинах в бурый, а то и совсем в красный цвет окисью железа. При самом выходе в море глинистый сланец становится более массивным. Жилы известкового шпата встречались и здесь, однако

кварц преобладал. Попадаются выходы кварца в 1--3 и даже 4 фута толщиной, и весь глинистый сланец принимает здесь вид хорнштейна (роговика).

От казаков и коряков я узнал, что неподалеку отсюда, к югу, есть еще река, впадающая в небольшую, совсем замкнутую скалами губу, река, носящая у ижигинцев тоже название Тополовки, а у коряков -- Чачиги. Чтобы не упустить из виду ничего, что могло бы привести к находке киновари, я решил исследовать и эту реку.

Мой проводник Эккит, которому очень уж понравилось здесь, не захотел идти далее и привел мне другого проводника, Эйвалана. Лодка была оставлена здесь, под присмотром двух казаков, а мы все выступили к 3 часам пешком и на лошадях вперед, чтобы достигнуть новой цели нашего путешествия.

Мы прошли сначала мокрой, совсем голой, высокой тундрой, а затем сухой моховой тундрой, поросшей кедровым стланцем, и уже к 8 часам вечера достигли устья второй Тополовки. И здесь точно так же мы нашли многочисленных коряков, окружавших три чума; опять наше внезапное и неожиданное появление сначала навело на них страх, который скоро, однако, уступил место доверию. Часть обитателей этого места оставалась все-таки настороже и обнаруживала несколько тревожное возбуждение. Ночью был слышен в одном из чумов бой магического барабана; это, по соображению казаков, обращались к богам (идолам) с вопросом, можно ли нам доверять и к добру или к худу случилось наше прибытие. Ночь прошла, таким образом, не совсем спокойно. Как только забрезжило утро, нас разбудила страшная суматоха перед нашей палаткой. Дикого вида коряк, шаман, кричал и прыгал, ударяя в барабан, вокруг палатки. Со страшно искаженным лицом, точно сумасшедший, он выделял самые изумительные прыжки. Дребезжащим голосом завывал он свои почти ритмические заклинания. Это продолжалось добрых полчаса, пока его не успокоили и не увели другие коряки, когда он, наконец, свалился, как без чувств, на землю. Казаки, владевшие корякским языком, уверяли, будто он извергал угрозы против нас и призывал демонов. При этом я узнал, что шаманы охотно пользуются мухомором (*Amanita muscaria*) для того, чтобы доводить себя до этого бешеного одурения. Было ли это так и в настоящем случае, я не мог узнать. Коряки, впрочем, рассказывали, что у них как раз теперь нет этого любимого зелья и что оно вообще только изредка попадает на Тайгонос. На этом полуострове названный гриб не растет и попадает сюда только из Камчатки, где его много и где он обладает очень сильными свойствами. Оттуда этому ценному товару приходится проделывать длинный путь от торговца к торговцу вокруг всей Пенжинской губы, а так как любителей мухомора там везде много, то он и попадает сюда лишь в небольших количествах.

Губа, при которой мы теперь находились, имеет почти треугольное очертание, одним углом -- к северо-западу -- связана с морем узким, скалистым проливом и тянется, окруженная скалистыми берегами, с северо-востока на юго-запад, приблизительно на 2 ¹/₂ версты в длину. В северо-восточный угол впадает вторая Тополовка, а в третий угол, юго-западный, течет по глубокому оврагу в скалах небольшой ручей, у устья которого и стояли теперь чумы коряков и моя палатка. С 10 часов утра до 5 часов пополудни шел отлив, обнаживший темное, илистое дно губы до выхода из нее в море. Ночью, напротив, вода поднялась футов на 10--12. Крутые, часто изрезанные глубокими побочными ущельями скалистые стены губы состоят, главным образом, опять-таки из плотного, темного глинистого сланца, во многих местах окрашенного в бурый и желтый цвета окисью железа, и прорезанного многочисленными мощными жилами кварца, отчего и сам он становится совсем кварцевой породой. Только к юго-востоку, прямо против выхода в море, находится массивная, богатая слюдой порода, также пронизанная кварцевыми жилами. Совсем близко отсюда, к югу, тянется опять хребет с северо-востока до моря и заключает вместе с северным хребтом, который мы перешли, обе Тополовки в широкую тундряную долину, в которой эти реки промыли себе глубокие щелевидные русла, впадая в небольшие скалистые губы.

И на второй Тополовке не удалось, несмотря на тщательное исследование берега и много шурфовок, найти никаких следов киновари или лазури, поэтому я и решил отправиться отсюда в обратный путь к тендеру.

Вечером я сделал прощальный визит корякам в их чумах и был принят ими очень дружелюбно. К сожалению, я оказался совершенно не в состоянии отведать чего-нибудь из удивительных, обильных грязью, яств, которыми они меня угощали. Зато мне удалось закупить для своих бедняг-казаков кое-какой провизии, много рыбы и большой кусок тюленины. Тюленьи ласты считаются особенно лакомым куском, и потому доставили немало радости моим бедным, голодным людям.

Чумы были очень густо населены: в каждом помещалось, по меньшей мере, 5 семей с кучей ребят. Необыкновенно много было также собак. Последние были гораздо меньше камчатских ездовых собак и более слабого сложения, впрочем, зато гораздо вкрадчивее. Почти все они были совершенно черного цвета, с очень длинной шерстью, с мохнатым, задранном кверху хвостом, острыми стоячими ушами и острой мордой. Как ездовыми животными ими пользуются, только очень редко, так как службу эту несут олени; их держат главным образом для того, чтобы в особенных случаях принести жертву богам и воспользоваться красивым черным мехом, который очень ценится как украшение на платье.

10 июля спозаранок я выступил в обратный путь. День был пасмурный, дождливый. Дорога вела назад по той же тундре, и уже к 12 часам мы опять были на первой, северной Тополовке. Собственно, эта река называется Куэной, а вторая Тополовка, как уже сказано, Чачигой. Перед устьем последней лежит, очень близко от материка и от губы, небольшая группа скалистых островов Халпили. Самая высокая из скал этой группы находится как раз на запад от устья губы.

Достигнув первой Тополовки (Куэны), я сейчас же отпустил казаков с лодкой домой, к маяку, а сам поехал с казаком Зиновьевым в сопровождении коряка Эйвалана другой дорогой, минуя хребет и ближе к берегу, к Матуге. Дорога наша шла между морем и ближними отрогами гор по сухой, поросшей кедровником моховой тундре. Везде из-под моха торчали обломки сланца; только в одном месте я заметил немного гранитной гальки.

Ближние отроги хребта состояли, по-видимому, из сплошного глинистого сланца, из которого поднимался наминавший развалины гребень, конечно, опять гранитный. Так добрались мы по речке Казенной, впадающей точно так же в небольшую губу неподалеку от высокой, торчащей из моря скалы -- Колокольной. И здесь опять залегал лишь плотный глинистый сланец. Скоро затем мы достигли второго небольшого ручья, впадающего в одну губу с Казенной, который прорыл, идя с северо-востока, глубокое, дикое ущелье в светлом граните. Этот гранитный участок был почти совсем лишен растительности, тогда как близкие глинистые сланцы Казенной были покрыты относительно роскошной травянистой и кустарной порослью; особенно рододендроны с желтыми цветами часто попадались у самых снеговых залежей. Общего у обеих речек было лишь то, что обе шли глубокими оврагами в высокой тундре и что вся окрестность была оживлена множеством сусликов (*Arktomys citillus*), звонкий свист которых слышен был со всех сторон, а круглые головки их высывались и прятались повсюду в кучах камней.

Набежала сильная гроза с проливным дождем, затянувшимся и на ночь, и нам пришлось разбить палатку здесь.

Утром 11 июля дождь перестал, и мы тотчас же снова сели на коней. Нам пришлось проехать еще немного по граниту, а потом мы попали опять на глинистый сланец, продолжающийся до обеих Килимачей. Здесь сланец был замечательно богат кремнем, часто очень перепутан и сдвинут. Кроме того, здесь был, хотя и подчиненно, темный грубозернистый песчаник, местами переходивший в конгломерат. В русле северной Килимачи галька состояла из сланца всевозможной окраски -- серой, черной, зеленой,

желтой, красноватой, и вся эта порода была очень богата кремнем, даже почти яшмовидна. При устье южной Килимачи формация была очень похожа на таковую у устья Матуги (см. 5 июля): докрасна обожженные нептунические слои, перемешанные с темно-серо-бурым песчаником и на нем лежащие. На одном труднодоступном участке приморских скал я заметил выход почти черной, горизонтально-слоистой породы, обнаруживавшей довольно ясную столбчатую отдельность.

Дождь пошел опять и еще сильнее. По мокрой, голой и неровной тундре двигались мы далее к Матуге, куда добрались к 5 часам дня, совершенно измокнув и истомившись. Сейчас же разбили палатку и развели огонь, чтобы обсушиться и обогреться. Коряцкие чумы стояли пустыми, так как все обитатели их ушли на Обвековку; все имущество было оставлено здесь, и только входы в чумы были завешаны шкурами, в уверенности, что здесь никто не тронет чужой собственности.

Когда мы сидели у огонька и наслаждались горячим чаем, вдруг перед нами предстал Эккит. Я еще прежде заторговал у него оленя, чтобы взять его с собой на судно в качестве провианта, и вот он со своим другом и приятелем Апкауке привели нам чудесного, большого, совсем белого оленя, которого они должны были вести и дальше, до судна. В разговоре с обоими молодыми людьми я в шутку сделал Эккиту предложение уйти совсем со мной и начал рассказывать, какие славные и привлекательные штуки можно увидеть и достать в той стране, откуда я. Он сначала задумался, но затем радостно воскликнул: "Нет! Лучше останусь здесь, у вас нет и оленей, а здесь хорошо; я, вот, скоро женюсь, заведу свой чум, разведу стадо и буду себе весело бродить, буду рыбу ловить и охотиться, сколько душе угодно". И теперь он так твердо уперся на своем решении, что ничем нельзя было его сбить. Да, для каждого человека родина -- святыня, хотя бы она была так ужасна, как эта пустыня, Тайгонос.

Наша лодка прибыла на Матугу еще раньше нас, и я надеялся на следующее утро прямо отправиться на ней к маяку. Между тем поднялся шторм, прибой с грохотом бил в береговые скалы, и когда 12 июля начало светать, я сейчас же увидел, что воспользоваться лодкой было невозможно. Пришлось оставить ее здесь до более тихой погоды, а мы отправились верхом дальше. Эйвалану было щедро заплачено, и он был отпущен, так как теперь Эккиту и Апкауке с их оленем нужно было идти с нами. Олень и лошади скоро свыклись друг с другом и выступали рядом как старые знакомые. При сильном ветре, под дождем, идущим полосами, прошли мы по ужасному, покрытому омутами моховому болоту и, наконец, к 1 часу попали на Чайбуху, где и устроили обед.

Здесь чумы тоже пустовали, так как все население ушло также на Обвековку, на рыбный лов. В полной и твердой уверенности в честности своих земляков, они оставили, как и на Матуге, весь свой скарб в чумах. Пока мы ели свою рисовую кашу, с Обвековки вернулся Каноа с сыном, чтобы захватить кое-какие нужные вещи из своего чума. Как старый приятель он сейчас же принял участие в нашем обеде, который пришелся ему по вкусу, а потом вместе с нами отправился до Обвековки. Эккит вел нас так хорошо, что мы скорее и легче прошли по моховой и болотистой тундре. К вечеру мы уже были на Обвековке, где застали всех в большом оживлении. Много старых знакомых с Матуги, Чайбухи и Тополовки встретили нас с веселыми приветствиями. Мужчины, женщины, дети окружили меня и проводили до устья реки, все благодаря за много хороших подарков -- "никогда", дескать, "не бывало у них такого доброго тойона (чиновника)". Этот милый народ устроил для меня настоящее триумфальное шествие. Но шествию этому пришлось сделаться еще больше. У устья Обвековки стояло несколько кожаных палаток пришедших сюда вчера ламутов. Эти слышали теперь от коряков, что я много надарил бус, табаку, иголок и т. п., и из любопытства тоже примкнули к нам, так что наконец у меня образовалась свита более чем в 60 человек. Так дошли мы до места переправы через Обвековку. Здесь мы распростились при многих, самых лучших пожеланиях и при повторной просьбе поскорее снова вернуться сюда. Только Эккит с оленем и еще двое коряков отправились со мной дальше до тендера. Торг наш живо

сладился, и когда я дал ему значительно больше против его неслыханно умеренного запроса, он был убежден, что я обхожусь с ним лучше отца родного. Он только попросил еще одного -- стаканчик водки. Получив его, он запросил еще и второй, который ему и был отпущен; но так как затем уже обнаружилось сильное действие водки, то я отказался удовлетворить его дальнейшие просьбы на этот счет. Тогда он начал предлагать мне все возможное, да, пожалуй, был в состоянии пожертвовать и всем имуществом, только бы получить еще.

Тогда существовало разумное распоряжение правительства, строго воспрещавшее всякую торговлю водкой с кочевниками. Если бы этого не было, какой источник преступного обогащения представила бы продажа водки для торговцев и как бы быстро этот бедный народ спустил все, что у него за душой, и обнищал до крайности, а, пожалуй, и вымер.

С ламутами мне пришлось познакомиться лишь вскользь за отсутствием переводчика, да и потому еще, что приближалось время нашего отъезда, -- почему я не много могу сообщить об этом племени. Их чумы во всем похожи на коряцкие, только меньше и внутри опрятнее. Вообще, вся утварь, все орудия у них изящнее и меньше, для экономии в месте и весе. Коряки для перевозки своего имущества с места на место запрягают оленей в сани и, следовательно, могут возить с собой сравнительно большие вещи и грузы; между тем, ламуты -- кочевники, употребляющие оленя под верх. Поэтому им приходится заботиться о том, чтобы кладь была по возможности легче и меньше, так как олень в состоянии нести на своей слабой спине лишь небольшие грузы, особенно при громадных расстояниях переездов. Ламуты меньше ростом, стройнее и подвижнее коряков. Черты лица -- чисто монгольские. Глаза -- большие, умные, может быть, несколько лукавые. Некоторых из женщин помоложе можно, пожалуй, даже назвать красивыми, в особенности в их изящных меховых платьях, а опрятность в отношении тела и одежды делает их привлекательными. Мужчины и женщины заплетают волосы в длинную косу, а вместо мешковидной кухлянки оба пола носят меховое платье, открытое спереди, в талии с перехватом и богато украшенное бисером и пестрыми шелками. Такой же разукрашенный нагрудник, носимый под платьем, спускается сверху, от шеи, в виде передника, до колен. Кроме того, носят узкие кожаные штаны и красивые, короткие меховые сапоги. Голова, большей частью, непокрыта; впрочем, иногда на голове -- небольшая меховая шапочка в виде чепчика. На женских платьях -- и это признак именно женской одежды -- от талии спускается пара длинных, узких, окрашенных в красный цвет полос тюленьей шкуры. Вся одежда, за исключением желтоватых кожаных штанов, сделана из темно-бурого оленьего меха, и все, как уже сказано выше, самым изящным образом и самыми разнообразными узорами изукрашено бисером (голубым, белым, черным) и цветными шелками. Сверх того на платье, особенно женском, много и других всякого рода украшений -- красных ленточек из кожи, металлических колец, маленьких фигурок, колокольчиков и китайских монет из желтой меди. Дорожный и рабочий костюм прост: того же покроя, но весь просто из желтой кожи. В холодное время носят также кухлянки или платья из лохматой медвежьей или собачьей шкуры.

Из всех оленных кочевников тунгусское племя, к которому принадлежат и ламуты, всего ближе стоит к цивилизации. Ламуты, говорят, почти все крещеные, т. е. занесены в метрики и носят маленькие кресты на шее. При русских, особенно при священниках, они исполняют некоторые внешние церковные обряды. Но собственно об учении христианском они не имеют ровно никакого понятия и, между своими, они -- чистые последователи шаманства. Они замкнутее и осторожнее, чем коряки, которые, даже и крещеные, совершенно открыто, при ком угодно, служат своим идолам.

Насколько я мог, по сообщениям здешних жителей, составить себе картину орографических отношений всего полуострова Тайгоноса, -- восточная и южная его части образованы приблизительно так же, как и тот западный берег, по которому мне

только что пришлось проехать. Ядро полуострова составляет средней высоты хребет с отчасти куполообразными высотами и возвышающимся над ними руиновидным гребнем, хребет, главную массу которого образуют, по-видимому, светлые, мелкозернистые граниты. Только на одном месте западного берега этот гранитный хребет доходит до моря, это -- на Тополовке и Килимаче. На этот кряж налегает широко распространяющаяся глинисто сланцевая формация, то более сплошная, то более тонкослойная; она образует плоскогорье, покрытое бесконечными моховыми тундрами. Северо-западный берег образован третичными песчаниками со слоями бурого угля. Эта, простирающаяся до гранитного кряжа, высокая тундра с ее глинисто-сланцевой и песчаниковой подстилкой, всюду падает к морю крутыми скалами и образует в море, у берегов, множество высоких скалистых островов и отдельных скал. Все реки и ручьи проложили себе в этом плато русла глубокими оврагами и узкими долинами и впадают больше частью в небольшие, замкнутые губы, на скалистых, стенообразных берегах которых высту пают превосходные геологические разрезы. Но вблизи берегов замечается, по-видимому, еще фактор, который также не мало внес изменения. Хотя и подчиненно, до самой поверхности выступает здесь массивная базальтическая порода, вызвавшая все поднятия, сбросы, метаморфизацию, образование жил кварца и известкового шпата в сланцевых породах, а также видоизменившая и обжегшая третичные слои. Все это налицо при устьях Матуги, Килимачи, Тополовки. Метаморфоз богатых глиной песчаников в красную, кирпичеобразную породу мог быть обусловлен, конечно, и воспламенением, и горением слоев бурого угля, входящих в состав этой формации, что отчасти подтверждают и местные жители. Так, говорят, за несколько лет перед тем в окрестности Ижигинска загорелась и горела целые 3 года такая залежь бурого угля. Во всяком случае, извержения базальта проявили на некоторых участках берега весьма явственное и сильное воздействие на глинистый сланец. Леса нет, за единственным исключением широкой, прикрытой с севера высокими горами, долины Тополовки, где стоит чисто островной тополевый лес. Кроме того, на хорошо защищенных частях оврагов и речных берегов там и сям встречается кустарник ольхи, ив, рябины, кедра и рододендрона, а вокруг них небольшие луговинки и цветущие растения. Все остальное -- необозримая моховая тундра, на более сухих местах с ползучим, корявым кедровником, ивняком, карликовой березой, вереском и шикшей. Царство животных очень бедно наземными формами: попадаются медведи, волки, лисицы, дикие олени, но нигде в таком количестве, как в Камчатке. Только суслика, по-видимому, много в горах. Напротив, море богато рыбой и водными млекопитающими, каковы тюлени и китообразные, а также и водными птицами; птицы же наземные -- редки.

3) Плавание от Ижигинска в Тигиль

Рано утром 13 июля прибыли мои казаки с лодкой; бурый уголь, который Завойко приказал доставить на пробу -- около 1500 пудов -- был перегружен в трюм тендера, и начались приготовления к отъезду. Ижигинские казаки, которых нужно было доставить по приказанию губернатора в Петропавловский порт, явились со всем своим скарбом и с семьями, и все это водворено было на судно. На небольшой тендер приходилось принять, включая женщин и детей, 63 пассажира, помещая всех их в трюм. Так как, кроме воды для питья, никакого груза больше принимать не предстояло, то мы, собственно говоря, были готовы к отплытию, а между тем, нельзя было тронуться, так как всеобщее пьянство -- от капитана до последнего матроса -- разрушило всякую дисциплину.

14 июля, когда экипаж проспался от хмеля, с раннего утра усердно принялись за работу, и к полудню тендер был готов к отплытию. В 2 часа явился уездный исправник с ясаком и сдал его капитану, а в 3 часа, когда начался отлив, подняли якорь. Впереди шла большая лодка, пробуя глубину, а за ней двигалось судно; ветер был слабый, и его несло отливное течение, становившееся все сильнее. Так шли почти до уровня Матуги. Начиная отсюда, глубина моря, даже в maximum отлива, не оставляет желать ничего более. Здесь лодка повернула назад, а мы тихо пошли далее при слабом ветре и под дождем. Было замечено несколько китов и тюленей, да большое стадо белух (*D. Leucas*) держалось долго около нас: то там, то сям выставляли они из воды свои белые тела, выбрасывали фонтаны и, весело играя, ныряли опять. Как это бывает всегда, когда идет большое стадо китообразных, их провожало много морской птицы: чайки, а, главным образом, буревестники, летали с хриплым криком вокруг дельфинов, и стремглав бросались на воду, чтобы подхватить остатки пищи, выбрасываемые зверями вместе с фонтанами воды из пасти.

Вечером мы были на уровне островов Халпили, а следовательно, и устья южной Тополовки, при полном штиле; а затем началось такое неудачное плавание, какое только можно себе представить. В ближайшие дни ветер задул как раз навстречу, с юга, и без перерыва шел дождь. Стоило на несколько часов перестать дождю и улечься противному ветру, как наступало затишье с непроницаемым туманом. Много раз ветер усиливался до бури, так что волны хлестали через палубу, а так как и буря каждый раз была навстречу, то нас опять относило назад, под самый Ижигинск, и мы теряли в несколько часов все, что успели перед тем отвоевать лавированием. Стоило улечься буре -- и мы страдали при штиле от густейшего тумана и сильной зыби. Притом воздух был леденяще холоден (+3° до +5°, самое большое). Только вечером 20 июля, после того как нам пришлось повертеться недалеко от Ижигинска целую неделю, ветер переменялся несколько в нашу пользу. Теперь мы пошли вперед немного скорее и 22 достигли уровня Ямска. За все эти темные, туманные и дождливые дни мы не видали солнца, а поэтому нельзя было сделать и точного определения места; да и земли-то нигде не было видно, так как туман часто не позволял видеть дальше каких-нибудь 2 сажень. На карту также нельзя было очень полагаться; во всяком случае, было более чем вероятно, что мы находились в самом узком месте северной части Охотского моря, между Тигилем и Ямском. Оставалось поэтому только бросать лот, чтобы знать о приближении к суше.

Утром 23 числа, при северо-западном почти ветре, мы не нашли на 60 и 68 саженьях дна, в 11 часов утра грунт найден был на 56 и 51 саженьях, в 2 часа -- на 42 и в 5 часов -- на 37. К 6 часам вечера, когда погода несколько прояснилась, на юго-востоке показались слабые очертания мыса Омгона, лежащего от устья Тигиля сразу к югу, и на судно к нам залетел какой-то совсем измокший и истомленный куличок. 24-го нам пришлось, при сильном волнении, лавировать, значительно убавив парусов, под крепким, бурным юго-западным ветром. Но скоро сила ветра упала до того, что к 7 часам вечера наступил почти штиль, и небо прояснилось, и мы опять направились к Омгону, хотя и с большой осторожностью, так как ночь была очень темна. А что же делалось на самом тендере? Суденышко не было приспособлено для пассажиров и имело лишь две совсем маленькие каюты для экипажа и капитана; поэтому ижигинцев с их женами и детьми поместили в большой трюм. Там они разлеглись со всей своей поклажей на угле, и так как в трюме не было окон, а люки приходилось в бурю, когда волны захлестывали на палубу, запирать, то они сидели там совсем впотьмах, в ужасающей атмосфере и нечистоте. Притом все страдали морской болезнью. Вода для питья была дурная, и ее уже было израсходовано очень много. Сварить нельзя было почти ничего, и потому пища была очень плохой. Ужасно было, когда от времени до времени открывали люки, чтобы пустить несколько свежего воздуха к этому жалкому и больному люду, валявшемуся в грязи и потемках. Ужасающие испарения неслись оттуда, и внизу видны были болезненные лица. Я думаю, что получил понятие о том, что такое происходит на работорговческих судах. Просто

чудо, что нам не приходилось выбрасывать за борт трупы. До Тигиля судно не проделало еще далеко и половины всего пути, а между тем, в конце концов, все без исключения добрались до Петропавловского порта. Чудинов понял, что в Тигиле нужно сделать стоянку, чтобы дать оправиться людям и забрать с собой свежей воды и свежего провианта. Замечательно, что в эти бурные дни животная жизнь на море замерла, и за все время не было видно ни птицы, ни зверя.

На рассвете 25 июля мы подошли при ясной погоде и резком попутном ветре к устью Тигиля. На юге неясно виднелся мыс Омгон, на севере -- высокий берег Аманины, а посередине между обоими был виден, на небольшом возвышении на берегу, небольшой маяк при устье р. Тигиля. Сделано было несколько пушечных выстрелов, чтобы дать весть о нашем прибытии. Но и здесь, совершенно как под Ижигинском, навстречу нам не являлся никто. Наконец с берега последовал ответный выстрел, означавший, что судно может идти. Мы потихоньку тронулись, и наконец к 11 часам бросили якорь милях в 4 от маяка. Воды под килем было всего 6 саженей; грунт -- крупный песок и гравий. Погода по-прежнему была хорошая; дул легкий северо-западный ветер. Зеленые берега выглядели совсем по-летнему, и не было видно никаких следов снега. В 1 час Чудинов отрядил к земле шлюпку, вернувшуюся в 6 часов с известием, что там из мужчин никого нет, а только женщины и дети, и что байдара так плоха, что выехать на ней в море нельзя. Значит, нечего было ждать какой-либо помощи с берега, и потому Чудинов предложил мне эту самую шлюпку. В 7 часов я с казаком Зиновьевым и со всей кладью сел в лодку и живо добрался с начавшимся приливом до берега, где и высадился благополучно часов в 8. Чудинов имел вежливость при моем отплытии отсалютовать двумя пушечными выстрелами. На что я велел ответить поднятием весел и маханием шапками. Уже смеркалось, когда моя палатка была разбита в известном по Эрману магазинном овраге. Было высоким наслаждением отдохнуть в чистой палатке, где пол под тобой не качается, где можно напиться и умыться отличной свежей водой, от этого поистине отвратительного пути.

4) Поездки по западному берегу Камчатки

26 июля я проснулся в своей палатке очень рано; погода была превосходная. На горизонте от времени до времени виден был из густого тумана тендер, покачиваемый на волнах при легком ветре. Первым делом я привел в порядок и принялся сушить свои вещи, так как за время плавания все отсырело, а то и промокло; затем я пошел знакомиться ближе с окрестностью. Магазиновый овраг, по-видимому, был постепенно промыт в высоких делювиальных берегах ключом, который доставляет еще и теперь превосходную воду. В этом коротком овраге стоит казенный магазин, а выше, на краю его -- юрта, один домишка да солнечные часы. Теперь в этом местечке не жил никто.

Правый берег р. Тигиля на дальнее расстояние плосок и песчан, отчасти покрыт скудной травянистой растительностью, отчасти, насколько заливает его приливная вода, вовсе без растительности, и постепенно соединяется с обширными песчаными мелями при устье реки. Левый берег состоит из делювиальных отложений вышиной футов в 30 - 40, покрытых на толщину 3 -- 4 футов торфом -- настоящим войлоком из свежих корней растений -- и лежащих на Эрмановом сферосидерите. Плоская, ровная моховая тундра тянется, по-видимому, далеко и доходит до дальних гор виднеющегося на востоке мыса Омгона -- пустынная земля, производящая только мох, да между ним *B. nana*, *Erica*, ягоды *Rubus* и *Empetrum*. Весь этот берег к устью становится все выше, и там, на конечном и самом высоком его пункте, стоит сложенный из бревен сруб футов в 10 вышиной, который, как и под Ижигинском, служит путеводным знаком для судов и именуется маяком. Подле него для сторожей построены две землянки. При нашем

прибытии, как уже сказано, дома были лишь женщины и дети, а мужчины только в послеобеденное время вернулись с охоты и только тогда отправили в Тигиль вестового, чтобы дать знать о приходе тендера и попросить помочь лодками и людьми.

Прилив бывает здесь только раз в сутки: начинаясь в 8 часов вечера, он достигает в 2 часа утра предельной высоты, именно 16, в редких случаях даже 20 футов; затем вода снова спадает до 8 часов вечера, когда начинается новый прилив. Морская вода разливается в прилив версты на 33 вверх по реке и, значит, останавливается от Тигиля верстах в 10, где дно уже настолько высоко, что воде нельзя идти дальше. Это интересное явление, именно что морской прилив с такой силой и так далеко идет вверх по рекам, я наблюдал потом также и на других реках западного берега Камчатки. Быстрым потоком, все стремительнее и стремительнее, врывается соленая вода через устье в русло реки и разливается с волнами и сильным шумом по земле. С сильным током воды идут в реку массы рыбы, а за ними, преследуя, тянутся крупные морские звери. *Phoca nautica* и *Delphinus Leucas* преследуют ходовых рыб на такое расстояние, на какое доходит соленая вода, тогда как мелкие породы тюленей проходят и в пресную воду, так что попадают даже далеко за Тигилем, вплоть до Седанки. Оригинальное и красивое было зрелище, как большие, снежно-белые дельфины, плывя то поодиночке, то небольшими стадами, высовывались из волнующегося, шумящего потока: здесь покажется массивная, изогнутая спина зверя, там появится передняя часть тела с головой, выбрасывающей фонтаны, и в последнем случае слышны также громкие, похожие на хрюканье свиньи, звуки или глухой возглас самым густым басом. Еще за час, приблизительно, до наступления прилива, значит, когда еще текла пресная вода, я видел, как поднималась в реку пара дельфинов. Замечательно, как точно указывает этим животным инстинкт предстоящее явление природы. Удивительно, что Эрман (1829), такой прекрасный наблюдатель, не упускавший из внимания почти ничего, достойного замечания, не говорит ни слова об этом весьма замечательном ходе дельфинов. Нашли ли эти животные дорогу в р. Тигиль только позже или такого хода в иные, неблагоприятные годы не бывает вовсе? Жители Тигиля говорят об этом явлении, как о хорошо известном и, сколько они помнят, повторяющемся из года в год. Меня удивило еще то, что на этого крупного морского зверя вовсе не охотятся, что здесь было бы очень просто и легко, и это -- в стране, где почти без исключения всякое животное идет в пищу или, по крайней мере, идет в дело. Старый лоцман, которому приходилось каждый день наблюдать этих дельфинов, рассказал мне следующее. Дельфины производят на свет только по одному детенышу, который в первый год бывает темно-серым и только впоследствии кожа его становится белой, пергаментобразной, съедобной и очень вкусной. Матки носят детенышей, пока они малы, на спине, и они держатся там даже при самом быстром движении матери. Сам я этого не наблюдал. Я много раз стрелял по дельфинам и, судя по сильным кровавым следам, ранил их в самые различные части тела; однако не убил ни одного.

После порядочно холодной и туманной ночи, утром 27 июля, температура была всего +3 °R. Уже ранним утром прибыла помощь: люди с лодками и с батами, чтобы прежде всего снабдить тендер водой и выгрузить назначенный в Тигиль багаж. Поэтому мне не предвиделось возможности попасть в Тигиль ни в этот день, ни завтра.

Напластования в более высоком южном берегу р. Тигиля следующие:

a) Волокнистый торфяник, сплошь состоящий из тонких болотных растений, до 4 футов.

b) Жирная, темно-сине-серая глина, 3 фута.

c) Слой песка и хряща в 20 -- 25 футов мощностью. Песок образован светлой породой, которая в речном русле образует большую часть гальки. В нем часто встречается черный песок магнитного железняка.

d) Глина, такая же, как и b, только плотнее и темнее, переполненная волокнами растений, 2 фута.

е) Торфяной уголь, довольно плотный, 1 фут.

ф) Глина, как *b* и *d*, с растительными волокнами. Далее вниз границы уже не видать.

Слои *a* и *c* по своему составу очень похожи друг на друга; только слой *e*, вследствие сильного давления, плотнее и более углеобразен. В прочих слоях заметно много прожилков, жил и гнезд темно-бурой болотной руды. Там, где ею пронизан хрящ, образовались довольно плотные конгломераты, а где она проникла в песок -- плотная песчанистая дерновая железная руда. Порода, признанная Эрманом за сферосидерит, лежит глубоко на берегу под маяком и именно внедренной между слоями *d*, *e*, *f*; здесь местами она, по-видимому, совсем вытесняет уголь. В общем, порода эта, кажется, является лишь местно и подчиненно. Она светло-желтого цвета, тверда, звенит под молотком и содержит во множестве обугленные стебли злаков и листья двудольных деревьев. Недалеко от магазинного оврага, вверх по реке, залегает тонкими слоями совсем мелкозернистый, с большим содержанием глины, светло-бурый песчаник, заключающий в себе крупные куски лигнитов. Я вынул оттуда куски стволов и ветви, которые еще вполне поддавались сгибанию. Пласт лежит приблизительно на одинаковой высоте с угольным слоем *e*. И здесь тоже были налицо жилы железной руды и образовывали вокруг себя более плотные, звонкие песчаники и конгломераты.

В гальке и песке речного русла наблюдалась чрезвычайно пестрая смесь различных пород, причем почти все камни были сильно округлены и окатаны. Из вулканических пород -- ноздреватые, красного и черного цвета, куски из однородной основной массы с крупными, круглыми порами, а также куски пемзы и обсидиана, подчиненно -- черный глинистый сланец, в большем количестве -- кремень всех цветов, затем лигниты, также кусочки янтаря и светло-грязно-желтые куски сферосидерита, почти всегда с отпечатками листьев. Впрочем, эти последние попадались больше у устья реки. Отпечатки листьев встречаются лишь в сферосидеритах, а не в угленосных слоях, где преобладают перепутанные в войлок остатки болотных трав да попадаются также плотные лигнитовые массы. Напластования южного берега р. Тигиля близко напоминают буроугольные и лигнитовые пласты Тайгоноса и Ижигинска, и я очень склонен поэтому отнести всю здешнюю формацию, за исключением верхних делювиальных отложений, к пластам третичным, а не к меловым, как это делает Эрман.

После холодной ночи термометр показывал утром 28 июля лишь +6 °R при дожде и тумане. Только к полудню ветер повернул более к востоку, и небо стало яснее; температура повысилась до +11 °R. Утром мне сделали визит несколько человек тигильцев, между прочим, старик за 80 лет, некто Белоносов. Болтая за чаем, мы заметили на противоположном, плоском, песчаном берегу небольшого тюленя, занесенного приливом далеко на сушу и теперь пробиравшегося с большим трудом и напряжением к воде. Мы живо сели в лодки, и мне удалось убить зверя. Это был небольшой, грязно-белый *Phoca ochotensis* (акиб). При этом охотники сообщили мне, что, по их наблюдению, у *Phoca nautica* каждый год на каждом когте прибавляется по зазубрине, так что по числу таких зазубрин можно определить возраст зверя. Молодых (однолетков) этого вида они называли мойцами (Mojez). К сожалению, сообщения этих людей дали мне не много достойного внимания. Важнее всего было то, что на всем западном берегу Камчатки до Лопатки нет никаких хвойных деревьев, кроме кедра и можжевельника; что в горах около Седанки, на мысе Омгоне, а также и южнее бродят с большими стадами оленей богатые коряки, торговля с которыми для тигильцев очень выгодна. Из памяти старика Белоносова до такой степени испарились все имена и даты, что рассказами его совершенно нельзя было воспользоваться. Он родился в Якутске, там был взят в солдаты и уведен сюда генералом Сомовым, который должен был провести, по приказанию императора Павла, батальон солдат в Камчатку. Солдатом он жил в Нижнекамчатске, который тогда будто бы был большим и красивым городом.

Наконец следующий день был назначен для моей поездки в Тигиль, и два бата с проводниками стояли уже готовыми у моей палатки. Так как мне было нужно

обследовать берега Тигиля, то я не мог воспользоваться более скорым способом подняться вверх, а именно -- с приливом, который, как сказано, начинается ночью, а приходилось мне выбрать путь днем -- медленный путь против течения. К 9 часам утра 29 июля, когда холодный, густой туман разошелся, мы сели в баты, я -- в один, Зиновьев -- в другой. Кладь поделили пополам. Отлив уже значительно подвинулся вперед, и потому оказалось необходимым большой дугой обогнуть граничащую с южным берегом самой нижней части устья Андреевскую лайдку, эту главную часть дельты Тигиля, что при волнах, поднятых свежим северо-западным ветром, составило задачу не совсем приятную. В полный прилив через эту лайдку ходят даже небольшие суда и могут приставать вплотную к южному берегу. Теперь же эта далеко тянущаяся песчаная и илистая отмель лежала перед нами почти сухой. Скоро, однако, благодаря большой осторожности и ловкости проводников мы оставили ее за собой и вошли теперь в настоящее, более узкое русло р. Тигиля. Берега состояли из невысоких песчаных и глинистых отложений и были покрыты лишь скудной растительностью. Течение в этом месте, где ширина русла достигает 60 -- 70 сажень, было еще умеренно. Веслами нельзя было пользоваться вовсе; и только с помощью длинных шестов, которыми здешний народ умеет пользоваться с такой ловкостью и силой, мы могли подвигаться вперед довольно быстро. На 7 верст выше маяка в Тигиль впадает ручей Кулки, берущий начало в высоких, островерхих горах мыса Омгона и в высотах Утхолоки. Прямо против этого устья впадает речка Хатангина, текущая с севера, с высот Аманины, -- речка, на берегах которой начинается низкая цепь, тянущаяся по направлению к Тигилю, и местами, на низких, голых скатах, обнаруживающая какую-то беловатую породу. При устье Кулки мы сделали привал у одной юрты, где жил старик Белоносов, и нас угостили превосходными ягодами жимолости (*Lonicera coerulea*) и княжники (*Rubus arcticus*). Здесь мне сообщили, что *Delp. Leucas* не только поднимается в главное течение реки, но и забирается и во все притоки, куда только доходит прилив. Но и в этих небольших реках, где лов был бы особенно легок, зверя этого, тем не менее, не ловят. Конечно -- рассуждал этот народ -- может быть, это и было бы очень полезно и оказало бы поддержку в их тяжелых заботах о пропитании, да отцы-то их не делали этого, а им к чему заводить разные новшества. Неповоротливость и флегматичность камчадалов до такой степени сообщились и этим русским, что они уже более не в состоянии пользоваться немногими дарами природы своей страны. Пожалуй, можно сказать, что дешные обыватели консервативны даже до собственного разорения.

Верст за 11 от маяка в Тигиль впадает большая р. Напана, берущая начало на юге, в высотах хребта Тепана, а против ее устья от северного берега отходит плоский выступ, мыс Ширавский. Четырьмя верстами выше впадает в Тигиль идущий с севера, из высот вышеупомянутых Хатангины и Аманины очень глубокий ручей Гавенка, служивший прежде местом зимней стоянки для небольших судов. И теперь еще там стоял, порядочно уже развалившийся, небольшой казенный магазин.

Приблизительно с половины пути от маяка у устья до местечка Тигиля общая картина местности становится совершенно иной. Характер тундры с ее плоскими моховинами и бедной растительностью исчезает, местность все более и более поднимается, и флора становится богаче. Между тем как до сих пор делювиальные берега были покрыты толстыми слоями мха и торфа, теперь замечается появление поверх темно-серой, часто несколько слоистой глины -- слоя гумуса с высокими злаками и кустарником. Появляется более высокий ивняк, к которому присоединяются ольха и таволга. Река становится уже и стремительнее, и часто попадаются острова с обильной растительностью. Перед нами взлетали стада уток, а на берегу мы несколько раз видели тюленей, быстро бросавшихся при нашем приближении в воду. Еще более поднимается северный берег верст за 15 до Тигиля; здесь он каменистее и украшен красивым березовым лесом (из *Betula Ermani*). Это -- первая ступень поднятия, дальше от берега отстоящих, больших высот и холмов, тянущихся от Хатангины до Красной сопки у

Тигиля. Беловатая порода, которая и при устье реки образовала главную массу гальки, является здесь в русле реки уже в больших кусках, в смеси с обломками пород вулканических и множеством кусков бурого угля. И здесь порода эта оказывается беловатой, мелкозернистой, довольно твердой, со многими мелкими полостями и пузыристыми пустотами внутри.

Чтобы прибыть в Тигиль не поздним вечером, я выбрал для остановки хорошенькое место с летним пейзажем верстах в 10 от него; в 9 часов вечера мы разбили здесь свою палатку.

Уже в 4 часа утра 30 июля мы двинулись дальше в путь; была превосходная летняя погода. Берега оставались все такими же, только растительность становилась богаче и течение между берегами и красиво заросшими островами -- все сильнее. Недалеко от Тигиля мы попали на небольшой порог, образованный белой породой, о которой было уже говорено несколько раз, и которая являлась здесь совершенно слоистой. Тут река образует большую луку. Чтобы избежать этого объезда, я велел батам ехать дальше одним, а сам прошел с полверсты узкой тропинкой по красиво поросшему, высокому берегу и скоро добрался до первых домиков Тигиля. Еще в некотором расстоянии от самого местечка, куда я вошел в 8 часов утра, был я приветствован самым радушным образом местным врачом, д-ром Левицким, который сейчас же повел меня к себе.

Д-р Левицкий жил в Тигиле уже несколько лет и устроился здесь хозяйственным образом. Он выстроил себе хорошенький и просторный домик и просто, но практично, меблировал его. Стены были выкрашены белой краской, окна имели занавеси и были украшены цветами. Терраса вела в опрятно содержимый сад, где чисто подметенные дорожки отделяли цветочные рабатки от места, предназначенного для овощей. Посаженные деревья и кусты образовали тенистую беседку, в которой обыкновенно обедали. Да и все хозяйство было, как видно, в большом порядке и шло хорошо, так как на богато накрытом столе появились такие давно не виданные вещи, как молодой картофель, свежее масло, огурцы, жаркое из курицы, яйца, ягоды и пр. Видно было, что при старании и порядке можно создать даже в такой дальней и некультурной стране очень уютное существование.

Я имел в виду, прежде чем отправиться в обратный путь западным берегом Камчатки в Петропавловский порт, сделать несколько экскурсий из Тигиля, и первым делом к востоку, в окрестности Седанки, а потом и к северу, к поселениям палланцев, по крайней мере до Лесной. Но тут у меня обнаружилась изнурительная лихорадка, полученная во время тайгоносской поездки и в особенности во время ужасного плаванья морем, и потому я с благодарностью принял предложение д-ра Левицкого отдохнуть дня два у него.

Теперь я мог как следует налюбоваться на деятельность д-ра Левицкого и его радение об этом маленьком местечке. Главной его задачей и профессией была, конечно, деятельность врача, но сверх того он словом и делом работал на пользу материального и нравственного благосостояния тигильских обывателей.

27 домов местечка выглядели все лучше и порядочнее, чем мне пришлось видеть где бы то ни было в этой стране, за исключением Петропавловского порта. Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами с хозяйственными пристройками. Старая церковь погибла от пожара, и теперь как раз в центре Тигиля строилась новая. От старого, бывшего здесь раньше укрепления почти не осталось следа, кроме пары старых пушек с пометкой 1790 года. Балаганы для сушки рыбы, эти, производящие отталкивающее впечатление заражающей воздух вонью, но необходимые в местном хозяйстве заведения, были отнесены от жилых домов далеко на берег реки, что сделало все местечко здоровее, опрятнее и чище. Вообще, настоящее, старокамчадалское хозяйство с его ездовыми собаками и тесно связанным с последними рыбным делом, отходило здесь все более и более на задний план, уступая место разведению рогатого скота и лошадей и культуре хороших, здоровых огородных

овощей. Я насчитал 150 голов рогатого скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемых на тучный выгон, а вблизи расстилались обширные покосы, с которых как раз теперь снимали очень богатый урожай прекраснейших и питательнейших трав. В 1853 году, по правительственным сказкам, значилось в Тигиле населения 109 душ мужского пола и 88 -- женского, большей частью потомков старинных камчатских казаков, однако, благодаря смешанным бракам, с сильной примесью камчадалской, и особенно коряцкой, крови, что высказывалось слишком заметно в чертах их лица. По одежде и обращению они стояли вообще близко к старорусским (сибирским) обычаям.

Тигиль лежит на правом берегу р. Тигиля, на делювиальной почве, которая здесь постепенно повышается и покрыта обильной растительностью из травы и кустарников. Более крупные деревья, как березы (*B. Ermani*), рябины, ольхи, ивы, всюду стояли отдельно или группами, вперемежку с видами *Spiraea*, *Rosa* и красивой *Lonicera coerulea*; последняя как раз теперь была вся изукрашена своими роскошными ароматными ягодами. На свободных сухих местах росли *Polygonum*, *Aconitum*, *Urtica*, *Achillea*, а в особенности *Epilobium* в вышину человеческого роста, а участки более влажные были покрыты гигантскими экземплярами *Filipendula kamtschatica*, *Senecio*, *Heracleum* и *Cacalia hastata* с ее большими, подобными зонтикам, листьями. В траве были видны *Geranium*, *Sedum*, *Clematis*, *Potentilla*, *Thalictrum*, *Gentiana*, *Rubus arcticus*, виды *Vaccinium* и мн. др. Все вместе давало красивую и полную картину очень богатой растительной жизни. А между тем, здесь, недалеко под поверхность почвы, кроется вечная зима: в верхних частях Тигиля земля оттаивает самое большое на 3 или 4 фута, а ниже идут вечно промерзлые пласты песка и глины. На какую глубину идут мерзлые слои, неизвестно. Самые глубокие ямы, какие здесь копали, имели в глубину 10--12 футов, и при этом все еще не доходили до незамерзшей почвы. Вблизи реки, странным образом, дело обстоит совершенно иначе: здесь летом почва оттаивает сверху на ту же глубину, но ниже она промерзла всего лишь на 2 фута. Поэтому, если у реки, следовательно очень близко, пласты земли уже на глубине около 6 футов не тронуты морозом, то, очевидно, что и на верхнем Тигиле промерзание почвы не может идти особенно глубоко.

К небольшим прогулкам и экскурсиям, которые мне пришлось сделать с д-ром Левицким, относится, кроме посещения богатого цветами сенокоса, также экскурсия к лежащей недалеко Красной сопке. Прежде всего, это -- не вулкан ни по составляющей его горной породе, ни по форме, как можно было бы думать по названию "сопка", которое здесь вообще употребляется для обозначения вулканов. Это -- самое высокое место низкого ряда высот, который только сопровождает правый берег Тигиля от Хатангины, но и тянется далеко на север и юг, прерываясь р. Тигилем, и который Эрман вполне справедливо называет первой параллельной западно му берегу цепью. Эрман определил высоту Красной сопки в 324 фута над уровнем р. Тигиля под Тигилем и в 474 -- над уровнем моря, откуда высота реки под Тигилем получается всего в 150 футов над морем. Ближайший к Тигилю выдающийся пункт этой цепи и есть Красная сопка, падающая книзу, наподобие мыса, крутой, голой скалой и видная издали на зелени пейзажа благодаря желтоватому и красноватому цвету породы, ее составляющей. Порода эта -- серая, плотная, с виду сплошная, с мелкими, блестящими кристаллами полевого шпата, на выветрившихся участках являющающихся матовыми. На этих же участках красноватый цвет породы кажется выраженным резче от большего количества выделенного охристого железняка. Всюду она проникнута мелкими пустотами и пузырями, выполненными и выстланными кварцами. Во всяком случае, порода эта -- та же самая, что в реке всюду лежит светлой галькой и образует также Хатангинские высоты, только с большими или меньшими вариациями. Эрман говорит о ней, как о полевошпатовой породе, на которую действовали газами и парами вулканические силы, превратившие ее в миндалевидную. Я же полагаю, что если проникнуть глубже в историю этих пород и принять в соображение более обширную область западного берега

Камчатки и его формации, то не без основания можно было бы, пожалуй, сказать, что эта полевошпатовая порода точно так же и теми же вышеупомянутыми силами образовалась из очень распространенных здесь повсюду третичных песчаников и глинистых пород -- одним словом, что здесь приходится иметь дело с коренными третичными пластами, метаморфизованными древнейшими эруптивными породами. К югу от р. Тигиля, куда также продолжается эта цепь, вдали виднеются небольшие конические холмы, горная порода которых и образование последней, может быть, дали бы более определенные указания относительно причин метаморфоза и поднятия. У подножия Красной сопки вытекает ключ, вода которого имела температуру в 2°, при 12 1/2° температуры воздуха.

Дни приятного отдыха в приветливом Тигиле (погода была превосходная -- при ясном небе все время 14 -- 15°) приходили к концу, и я принялся снаряжаться к отъезду в Седанку. Между прочим, я отобрал из своих вещей лишь самое нужное, а большую кипу остального оставил здесь, да еще закупил у одного здешнего торговца фунтов 30 чая.

После холодной ночи термометр на восходе солнца 2 августа упал до +1°, и весь урожай овощей чуть не погиб; только в последний, так сказать, момент опасность была отвращена внезапно севшим туманом. Поутру баты были готовы к отправлению в путь, и в 11 часов мы могли уже тронуться на них вверх по р. Тигилю к Седанке. Мы вступили в широкую долину, посредине которой Тигиль, разбившись на много рукавов, бежал уже очень быстро. Пейзаж всюду был летний и красивый. Как и под Тигилем, и здесь также не было настоящего обособленного леса, а всюду стояли очаровательнейшие группы деревьев и кустов, которые сменились цветистыми лугами.

Берега, сначала очень умеренной вышины, скоро становятся выше и позволяют видеть светлую, желтоватую, слоистую, песчаниковидную породу, в которой видны целые ряды своеобразных, концентрически-скорлуповатых конкреций. Конкреции эти были тверже основной породы, несколько более темного цвета, имели шаровидную, яйцевидную или почкообразную форму, величиной были от 2 дюймов до двух футов в диаметре и следовали большею частью правильными слоями общему напластованию, но в виде исключения попадались и в горизонтальном положении. Отдельные слои самих конкреций были от 1 1/2 до нескольких дюймов толщиной и с вертикальными щелями и трещинами. Кроме того, все слои с внедренными в них конкрециями имели трещины под прямым углом. Верст за 10 от Тигиля исчезла эта формация светлых песчаников, несомненно, стоящих в близком родственном со отношении с породами Красной сопки, и берег снова стал низменнее, а за ним в некотором расстоянии стали видны остроконечной формы холмы. Скоро этот, тянувшийся с севера на юг, ряд островерхих холмов стал надвигаться все ближе и ближе и сдавливал реку довольно высокими скалистыми стенами. Как и везде в Сибири, эта теснина несла название "щек". В области этих "щек" из крутых каменных стен у реки выдается еще одна, совсем изолированная, небольшая, крутая, окруженная глубоким болотом, сверху совсем плоская, скала. Здешние русские называют эту своеобразного вида скалу Изменной сопкой, так как во времена завоевания Камчатки камчадалы долгое время держались на этом небольшом естественном укреплении. Порода, составляющая "щеки" и "сопку" -- плотная, темно-серая, базальтическая массивная горная порода. Она же, конечно, дала главный материал и для всей цепи островершинных холмов и, должно быть, была важным деятелем в деле поднятия и метаморфизации всех, претерпевших последнюю, третичных слоев всей окрестности Тигиля.

Тотчас за этой тесниной реки, образованной цепью заостренных холмов, берега стали снова ниже, а местность -- более открытой; здесь мы и расположились на ночлег. Поздно вечером из чащи, совсем близко к нашему костру, появилась очень крупная медведица с двумя молодыми, но тотчас же отскочила в ужасе и обратилась в бегство, прежде чем мои охотники успели схватить оружие.

Когда мы проснулись 3 августа, шел дождь, но, несмотря на это, мы уже очень рано были в дороге. Берега реки, украшенные пышной растительностью, снова постепенно

становились выше. В самом низу здесь выходил на дневную поверхность тонкослоистый, грубозернистый, рыхлый, совсем горизонтально лежащий песчаник, фута в 3 -- 4 толщиной, выстилавший большими плитами и ложе реки. На нем залегал слой гравия и песка, мощностью почти в 4 фута, который, будучи связан окисью железа, приобрел характер конгломерата и потом растрескался. В этих мощных делювиальных пластах находилось множество окремнелых частей стволов и древесины, а в подлежащем песчанике -- большое количество морских раковин и опять таких же кусков дерева. Раковины, большей частью в виде отпечатков и ядер, были чрезвычайно непрочны, так что ломались, а то и рассыпались в песок уже при прикосновении; поэтому собрать их не было возможности.

Такой характер сохраняла местность до пункта приблизительно верст 15, не доезжая Седанки, т. е. до устья р. Пирожниковой. Из многих притоков, которые р. Тигиль то и дело принимает в себя с обеих сторон, едва ли хотя один заслуживает быть упомянутым, так как все это лишь небольшие ручьи. Р[ека] Пирожникова -- уже значительный приток. Она течет с севера и получает свои воды отчасти из Срединного хребта -- специально из области Сиселя, остроконечного, недейтельного вулканического конуса, отчасти и -- всего более -- со стоящего особняком к западу от Срединного хребта вулканического, тоже недейтельного, горного узла Пирожникова. Галька этой реки также почти без исключения была вулканического образования и состояла из крупных и мелких, более или менее округленных обломков очень пористой темно-серой или красноватой лавы. С обеих гор, а особенно с Сиселя, текут воды и к северо-западу и сливаются рекой Воямполкой в Охотское море. Есть также и проходы, которые ведут туда и которыми пользуются коряки.

От устья Пирожниковой берег снова заметно повышается, а близ Седанки с южной стороны выступают к реке скалы, высотой до 100 -- 150 футов, состоящие из светло-желто-серого, без окаменелостей, песчаника и мелких конгломератов. Эти высокие скалистые берега идут по реке до Седанки, которая лежит на месте соединения р. Седанки, текущей с востока, с р. Тигилем, идущей с юга. Обе реки связаны здесь друг с другом множеством рукавов, и между обеими живописно расположено на высоком мысу местечко Седанка. На южном берегу Тигиля в вышеуказанных высоких, скалистых берегах выступают, в несколько приподнятом положении, буроугольные слои. Здесь точно так же, две группы угольных пластов одна над другой; отдельные слои, каждый мощностью приблизительно в фут, отделены друг от друга тонкими прослойками мергелистой глины. Каждую группу составляют 4--5 угольных слоев, а между обеими группами залегает мягкая серая глина футов в 5--6 мощностью с бросающимся в глаза каменистым сложением. Та же глина образует и постель всей угольной системы, а кровля состоит из хряща и песка. Уголь -- весьма плохого качества: худо горит и не весь перегорает в золу. Свежевыломанный, он сильно расслаивается, рыхл, бурого цвета, очень деревянист, гибок и режется ножом. В нем вовсе нет янтаря, зато он богат квасцами, серным колчеданом и продуктами его разрушения. Уголь, по-видимому, состоит только из плотных деревянистых частей -- кусков стволов, ветвей и корней, а листьев и более нежных частей в нем, кажется, нет вовсе. В русле реки попадалось очень много окремнелого дерева, в котором также замечались гнезда колчедана.

В 5 часов пополудни мы высадились у рыбных балаганов Седанки, которые тянулись длинным рядом по берегу, все увешанные лососиной для сушки. Подальше, на постепенно подымавшемся, сплошь поросшем травой пригорке стояло 12, хорошо и солидно выглядевших домов с огородами. Целая толпа обывателей, с женщинами и детьми, с местным тойоном Черных во главе, вышла нам навстречу и самым радушным образом приветствовала нас. Тойон, первая персона местечка, проявлял самую живую служебную деятельность: там подзовет кого-нибудь, тут пошлет другого что-нибудь справить. Прежде всего, он распорядился, чтобы вещи мои снесли к нему на дом, и пригласил меня к себе. Меня поместили в опрятной большой комнате с большими

окнами и белыми, оштукатуренными стенами, а скоро и стол был загроможден изобильными яствами: меня угощали жареными утками и рыбой, картофелем, маслом, редькой и превосходнейшими ягодами жимолости и мамыры. Черных с двумя стариками остался со мной, чтобы занять меня разговором и, как того требует камчадалское гостеприимство, угощать без перерыва. А после обеда, когда подали мой чай, наполнилась комната чаепийцами, пошли без конца питье, рассказы и вопросы. К сожалению, в рассказах этих людей большей частью очень мало интересного и поучительного, потому что, во-первых, говорят все они очень медленно и растянуто, а потом и весь ход их мыслей вращается около событий дня, т. е. охоты и рыбного лова. Я позволю себе привести здесь из нашей беседы самое интересное. Давно в старину Тигиль был чисто камчадалским местечком, но затем русские, когда там было основано укрепление (1744), изгнали жителей и переселили частью в Седанку, частью в селение на р. Пирожниковой, которого теперь уже давно не существует. В Тигиле начали заниматься хлебопашеством, а затем и в Седанку явилось несколько человек русских, выстроивших там и пустивших в ход мельницу. Это, говорят, про должалось, однако, недолго, и все они перемерли. Во время начальствования Рикорда правительство выслало раз из Охотска в Камчатку большой табун лошадей; их потом пригнали в Большерецк, чтобы поднять и там земледелие. Около этого времени имел место случай, в высокой степени поразивший всех местных охотников: у Воровской, на западном берегу Камчатки, застрелили лося, чего раньше никогда не бывало, так что все дивовались на этого большого невиданного зверя.

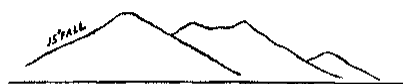
Относительно хода рек и хребтов я мог узнать, что текущая с востока р. Седанка много короче, чем приходящий издалека с юга Тигиль. Р[ека] Седанка прорывает проход к Еловке, а вместе с тем и в долину р. Камчатки, проход, которым идет самая важная и наиболее посещаемая дорога через Срединный хребет. Из Седанки в Еловку три дня конного пути. К югу от этого пользующегося во всей стране широкой известностью прохода, которым проезжал и Эрман, поднимается покрытая снегом горная масса, Белый хребет, с которого воды стекают как в Еловку, так и в Тигиль, и у подножия которого, по рассказам кочующих там коряков, есть, будто бы, горячий источник. Р[ека] Тигиль, напротив, очень длинна: по ней можно подниматься вверх на лодке на расстояние 3 дней пути, а дальше река становится до того быстрой и мелкой, что к истокам можно пробраться только пешком или, зимой, на собаках. Тигиль получает много притоков из Срединного хребта, именно из области истоков р. Крестовки, впадающей в р. Камчатку; затем из гор Тепана и, наконец, даже с лежащей далеко к югу Ичинской сопки. В горах Тепана, должно быть, берет начало и р. Напана, впадающая, как уже сказано, в Тигиль недалеко от его устья. По берегам отдаленного верхнего течения р. Тигиля, говорят, есть немного лиственничного леса, хотя и плохого. Во всяком случае, нельзя не отметить этого, может быть, единственного случая распространения хвойного леса за Срединный хребет к западу.

Затем я получил от старого тойона небезынтересное подтверждение моих сведений относительно распределения и границ употребляемых в Камчатке языков и наречий. Он сообщил мне следующее: в Седанке, в Аманине, ближайшем на севере местечке от Тигиля, и по западному берегу к югу от Тигиля до Компаковой говорят на одном и том же камчадалском языке; по тому же берегу, от Компаковой до самого юга, в ходу уже другое, а от Еловки к югу по долине Камчатки до Авачи -- третье наречие того же языка. Напротив, по западному берегу от Аманины к северу до Пусторецка говорят на языке коряков-палланцев, а от Озерной, ближайшего места к северу от Еловки, до Дранки на восточном берегу -- на другом коряцком наречии -- наречии укинцев. Относительно еще двух, более дальних родов сидячих коряков с их своеобразными говорами -- олюторцев на востоке, к северу от укинцев, и каменцев, живущих на западном берегу севернее палланцев, старик не мог дать никаких ближайших указаний. Весь Камчатский полуостров, сообщили мне здесь, носит название Немлат.

Население Седанки, всего 42 человека мужчин и 46 -- женщин, произвело на меня очень приятное, здоровое и сильное впечатление. Лишь немногие, как тойон, понимали по-русски, а женщины и дети не знали ни слова. Поэтому здесь все носит камчадалскую физиономию. Только дома походили на русские, да и то теперь, летом, жили не в них, а в верхних, покрытых кровлей, частях балаганов. В это время, впрочем, большая часть народу ушла на рыбный лов в верхнем течении Тигиля. Скотоводством и огородничеством здесь занимались, кажется, лишь между прочим, только из послушания правительству, так как в это время было налицо всего 10 голов рогатого скота да пара лошадей, и о том, что мороз уже сильно попортил огороды, тревожились очень немного. Пользы этих видов хозяйства ровно никто не признавал, и все думали только о рыбной ловле, об охоте, да о сборе ягод и кореньев, т. е. о том, что дает все нужное для чисто камчадалского стола.

От Седанки мной были взяты следующие пеленги: Пирожниковы горы 74° -- 77° к северо-востоку, Зисель 83° почти к востоку и Тепана 214° -- 216° к юго-западу.

Как к северу от р. Тигиля возвышаются Пирожниковы горы, так к югу от него, и тоже к западу от Срединного хребта, поднимаются над плоской местностью стоящие особняком горы Тепана. Это -- точно так же большая, непокрытая снегом, недейтельная купа вулканов средней высоты. В ряд стоят три пологих конуса, из коих средний, самый высокий, на вершине срезан и кратеровидно углублен. Во всех многочисленных ручьях, стекающих с Тепана, галька чисто вулканическая.

Горы Тепана

Утром 4 августа шел дождь при $+10^{\circ}$ и северо-западном ветре. Почва у Седанки оттаивает летом всего на 2--3 фута, а ниже этого идут вечно мерзлые слои. Как далеко простирается вглубь промерзание почвы, я не мог узнать, во всяком случае думаю, что такая низкая температура не идет особенно глубоко, так как я нашел ключ, вода которого при 11° тепла на воздухе имела температуру $+5^{\circ}$.

Из Седанки я хотел проследовать по р. Тигилю еще выше и отправился с этой целью в 3 часа дня в направлении к югу. Вода бежала между многочисленными островами очень стремительно, но ее было значительно меньше, так как здесь уже не вливалась вода столь же большой реки Седанки. Рабочим на батах приходилось все напряженнее толкаться шестами, и ход становился все медленнее. Острова и берега были покрыты пышной растительностью; березы (*B. Ermani*), ольхи, рябины, а несколько далее и отделенные высокоствольные тополи, возвышались над густой зарослью из *Spiraea*, *Lonicera*, видов *Rosa*, ив, -- и все это стояло еще в сочной зелени. Высокие откосы берегов состояли из слоистых отложений песка и галечника, в которые были включены целые ряды темноокрашенных, содержащих остатки растений, твердых желваков. В ложе реки часто попадались, как и ранее, сплюснутые куски древесины, то окремнелые, то превратившиеся в уголь. В самом низу и здесь залегала опять тонкослоистая, темно-серая, мягкая глина с множеством вертикальных щелей. Так добрались мы до устья р. Колгаца, вытекающей из Белого хребта; на среднем течении ее седанковцами построено летовье для рыбного лова и охоты. Идя далее вверх по течению, мы к вечеру достигли до так называемого большого летовья седанковцев и тут расположились на ночлег. Здесь на берегу было 9 балаганов и четыре землянки. Река была перегорожена для лова рыбы так называемым "запором", и множество батов, занимавшихся рыболовством, плавали по воде. Из прелестной, но безлюдной обстановки мы сразу перенеслись в кипучую жизнь и деятельность. Здесь лежали уже целые груды лососей, а их все еще то и дело подвозили лодки из "запора" на берег, где рыбу весело принимали и тут же разделявали. Поздно вечером пришло из окрестностей еще несколько женщин с большими корзинами,

полными ягод и съедобных корней, и рабочий день закончился веселыми играми и прыжками. Когда еще сверх того закипел мой котелок с чаем, ко мне присоединилось много гостей -- и пошла бойкая беседа.

5 августа нам пришлось работать почти без перерыва, с короткими передышками, с 6 часов утра до 6 вечера, пробираясь далее вверх по течению. Течение становилось все стремительнее, и для борьбы с ним требовалось немало усилий, но большое умение камчадалов действовать шестами поборол наконец все препятствия. Вулкан Тепана виднелся теперь почти на запад от нас.

Пейзаж, в общем, оставался все тем же, только было ясно заметно, что мы забрались выше в горы. Чаше стали попадаться высокие тополи и кусты смородины (р. *Ribes*). Всюду попадалось очень много гусей, теперь линявших, и мы в короткое время поймали больше дюжины этой птицы и, таким образом, значительно увеличили наш запас провизии. Вместе с тем, мы видели чрезвычайно много медвежьих следов, хотя и не наткнулись на самого зверя. В это время года в верхнем течении рек рыбы больше и ловить ее при очень частом мелководье в этих местах легче; поэтому медведи к осени тянутся чаще в горы, где обыкновенно бывает также большой выбор спелых ягод разного рода.

Берега на всем протяжении состоят все из той же, уже описанной, формации. Они падают к реке большею частью крутыми скатами в 4 --7 сажень а то и 8 сажень высотой, но иногда среди красивой зелени леса попадаются живописные обрывы в 100 -- 150 футов вышиной. И здесь также были светлые, мелкозернистые песчаники и пласты глины, покрытые рыхлым песком и хрящом и лежащие на слоях темной, мягкой глины. Очень часто в них попадались более или менее выдвинутые кверху залежи угля, мощностью редко более фута. Уголь был почти всегда засорен песком и глиной, переполнен желваками серного колчедана, очень рыхл и вообще так же негоден, как и ниже по реке. Янтаря в нем не было вовсе, равно как и остатков животных и более нежных частей растений -- листьев, цветов и тонких веточек; материалом для образования угля послужили лишь грубые массы древесины. Все они были здесь сильно сдавлены и часто перепутаны друг с другом стеблями и тонкими волокнами. В глине и песчанике также были растительные остатки этого же рода, а в ложе реки опять-таки многие окремнелые или обугленные куски дерева. Местами залежи угля были, по-видимому, тронуты огнем, и прилежащие слои глины были окрашены в кирпично-красный цвет, так что, казалось, видишь перед собой огромный склад самородных ярко-красных кирпичей. Там, где уголь выгорел, и поэтому образовались пустые места, лежавшие над ними красные слои кирпича обрушились и образовали чистый хаос обломков, дав начало глубоким расселинам, в которых там и сям сохранился еще снег. В речном русле, чем выше мы поднимались в горы, тем все чаще в гальке попадалась пемза, что ясно указывало на то, что река берет начало в вулканической области; пемза эта даже, быть может, была с Ичинской сопки или с Тепаны.

6 августа мы, несмотря на небольшой дождь, спозаранок тронулись опять дальше вверх по реке. Пейзаж оставался, в общем, таким же, только становилось все заметнее, что мы сильно поднялись. Направление нашего пути было все прямо на юг. В расстоянии приблизительно 5 верст к западу тянулся с северо-запада на юго-восток покрытый лесом кряж, над которым и здесь поднимались небольшие, пологие, конические вершины. Это был, конечно, тот самый хребет с коническими вершинами, который прерван Тигилем в "щеках". Это ряд высот, проходящий также параллельно Срединному хребту, и, если мы назовем высоты Красной сопки первым параллельным хребтом, то эта более высокая цепь, образующая "щеки", будет вторым параллельным хребтом, который, по-видимому, идет вместе с тем от Тепанского хребта к Пирожниковой. Третьим параллельным хребтом, еще более высоким, будет тогда сам Срединный хребет. Во всех трех хребтах, мы видели, борьба древневулканических

образований с третичными напластованиями последовательно становилась все сильнее и в Срединном хребте достигала высшей степени.

Характер третичных напластований берегов оставался сначала тем же самым. В самом низу залегала опять мягкая темная глина с ясно выраженным каменистым сложением, а за ней сверху следовал очень богатый пемзой и остатками растений песчаник с прослойками уплотненных, содержащих растения, желваков. В более высоких слоях глина являлась подчиненной, часто переходила в глинистый камень, а местами опять же была пережжена в красный кирпич. Далее вверх по реке мне попалась между двумя совсем горизонтальными, но сильно отвердевшими слоями песчаника отделенная от них с обеих сторон глубокими трещинами группа поставленных на голову пластов, которые почти имели вид жил и состояли из очень твердой темно-серой породы, в которой очень обильно были выделены кристаллы темно-бурой слюды. В ней были также небольшие пузыревидные пустоты, выполненные, по-видимому, цеолитами. Еще выше по реке, около правого берега, на одном месте, где небольшой кряж прорезан рекой, находилась в виде вертикальных столбов темно-серая, очень твердая порода. Эта массивная горная порода, являющаяся в виде четырехгранных столбов в $1\frac{1}{2}$ фута в поперечнике, содержит также много слюды и горизонтально распадается на отдельные. Бок о бок с ней залегает темно-зеленоватый, переполненный остатками растений песчаник массивного, неслоистого характера.

Течение, ставшее слишком быстрым, теперь уже настолько мешало нам, что мы едва были в состоянии сколько-нибудь двигаться вперед, да и время, которое я уделил на эту небольшую экскурсию, уже истекло. Собственно Срединный хребет на востоке и Тепана на западе, между которыми долина Тигиля поднимается далеко к югу, были для меня теперь недоступны, и я решил вернуться в Тигиль.

Здесь, на самом отдаленном пункте, какого я достиг на р. Тигиле, я нашел в речной гальке прежде всего много обломков вулканических пород, сильно окатанных (следовательно, снесенных издалека), пористые, черные и красноватые куски лав, бурые и красноватые массы трахита, переполненные стекловатым полевым шпатом, и куски плотного глинистого сланца; менее окатаны были темно-серый, с очень толстой сланцеватостью, глинистый сланец со стекловатым полевым шпатом, горная порода Красной сопки и пористая порода с мелкими кристаллами черного авгита. Это была геологическая коллекция, поучительная в отношении долины верхнего Тигиля, пожалуй, до Ичинской сопки, в отношении Срединного хребта и вулкана Тепана.

Для обратного пути пришлось связать вместе оба бата, чтобы достигнуть большей устойчивости и предотвратить опасность перевернуться. Нам пришлось теперь спускаться с течением на нашем "пароме". Пока мы возились с устройством этого судна, вдруг появились совсем близко к нам три больших медведя, из которых одному пришлось расстаться с жизнью и ехать с нами неммым пассажиром в Седанку. Да еще ненадолго задержала нас повторная, очень счастливая охота на гусей.

В 1 час дня мы тронулись и в 7 часов вечера были уже в Седанке. Быстро мчалось течение наше суденышко; быстро чередовались перед нашими глазами приветливые и дикие берега. Скалы мелькали мимо нас всеми цветами: то светлые, то темные до черного, то красивых оттенков красного цвета; там и сям белыми пятнами виднелся в расселинах снег, и все это было окружено постоянно прекраснейшей зеленью летней сочной растительности. Царила безмолвная тишина, нарушавшаяся только от времени до времени журчанием какого-нибудь ручья, мимо которого мы проносились, или вспугнутой нами стаей уток.

Утром 7 августа мы пустились дальше на своем "пароме", прихватив с собой еще одного компаньона из Седанки. До первого порога у "щек" и островерхнего хребта нас несло еще довольно быстро, но, начиная отсюда до второго порога, цепи высот Красной сопки и порога под Тигилем, с которого, как уже сказано, местность спускается к тундре

и до которого доходит морской прилив, движение наше заметно становилось все медленнее.

На равнине Тигиля и недалеко от этого места мы нашли все население прилежно занимавшимся сенокосом. Здесь же был и Левицкий, обучавший и руководивший работой. Он встретил меня радушнейшим образом.

8 и 9 августа мне снова пришлось воспользоваться его гостеприимством, чтобы собраться в гораздо более дальнюю и трудную дорогу на север, к палланцам. Дорогу эту приходилось проделать верхом, и принадлежности этой езды у тигильских казаков нужно было во многих отношениях привести в порядок. Эти казаки -- кавалеристы только по названию; на самом же деле верховая езда и все, что до нее относится, -- это их самая слабая сторона; во всем же прочем, что может пригодиться для здешних путешествий, они прекрасны, даже незаменимы.

10 августа, после радушно предложенного завтрака, мы тронулись в 10 часов утра в путь с четырьмя лошадьми; на трех сели -- я, мой казак Зиновьев и наш проводник; четвертая шла под выюком. До Аманины, ближайшего места к северу, считали 40 верст.

От Тигиля мы поднялись, минуя Красную сопку, на тот, тянувшийся с севера к югу, хребет, о котором уже не раз приходилось говорить, и проехали по нему рядом низких холмов, красиво поросших березой, боярышником, таволгами, ивами и далее видами *Rosa*. Затем дорога пошла длинными долинами, где роскошные кустарники и высокая трава чередовались с участками леса, большей частью изрезанными небольшими, чистыми ручейками. Там, где были выходы горной породы, это был непременно тот же песчаник, который залегает в "щеках"; и здесь также он заключал в себе массу непрочных, очень легко рассыпавшихся остатков раковин. Только что проехали мы с небольшим полпути, как уже пришлось, из-за плохих лошадей, сделать привал и разбить палатку.

И августа ранним утром все было покрыто сильным инеем -- неприятное напоминание, что уже и осень на носу. Пейзаж, по крайней мере в первой части пути, в общем оставался тем же. Мы проехали плоской, очень постепенно поднимающейся долиной и через низкий водораздел достигли истоков речки Гавенки, которая, как выше упомянуто, впадает в р. Тигиль 15 верстами выше устья последней. По ту сторону этого небольшого водораздела мы вступили уже в область р. Аманины и пошли к северу и северо-западу, по направлению ее течения. Долина верхней Аманины образована лежащими близко друг к другу средней высоты холмистыми хребтами, восточная часть которых имеет весьма своеобразный характер. На протяжении нескольких верст на восточном склоне долины над чисто тундряной моховой поверхностью возвышается множество совершенно неправильно расположенных на расстоянии всего нескольких футов один от другого крутых холмиков, известных у здешних жителей под названием "кучегор". Холмики эти совершенно округлой формы, в 4--5 футов в диаметре, и возвышаются все футов на 10--12 над поверхностью тундры. Бока их очень круты до самого основания, а вершина мягко закруглена. Сверху донизу они сплошь одеты толстым слоем густого мха, и только у некоторых из них, побольше, плотный моховой покров на вершине своеобразно разорван. Получается такое впечатление, как будто бы этот слой мха лопнул под влиянием какого-то вспучивания и увеличения внутренней массы и не мог уже более прикрывать внезапно выросшего холма; и как будто это имело место так недавно, что растительность еще не успела заполнить разрывы. Эти "кучегоры" находились только на середине высоты склона долины. Внизу их не было вовсе. В верхней части склона "кучегоры" сделались несколько ниже и иногда были соединены по два, по три в один продолговатый холм. Там, где хребет на самом верху представлял голую гальку, "кучегоры" совершенно выставились поверх нее. Эти округленные холмы состоят из белой, очень рассыпчатой глины или глинистого камня, который по всей Камчатке идет на беление стен и, так как весь полуостров крайне беден известью, доставляется даже в Петропавловский порт. Если покопаться глубже, то обыкновенно натыкаешься на

мелкие обломки базальто-трахитовой породы, которая обильно рассыпана и по гребню этого хребта. Во всей окрестности Тигиля, в очень обширном районе, базальто-трахитовые или древневулканические поднятия проявили весьма явственное и сильное воздействие на расположенные здесь напластования третичные. Быть может, при поднятии этих массивных пород третичные глины были вытеснены горячими парами и газами из такой цепи холмов через боковые трещины и прорывы и образовали эти оригинальные, округленные холмы-кучегоры?

И под Аманиной, куда мы прибыли в 10 часов, залегают опять третичные песчаники на глине, которая замечательно бела. Они лежат здесь далеко вниз от гор и от упомянутой цепи холмов, в совершенно почти горизонтальном и ненарушенном положении. Пять домов этой деревни стоят на левом берегу реки того же имени и их населяют 12 человек мужского пола и 20 -- женского. Жители этого местечка -- родом из Седанки, откуда их сюда переселили насильственно несколько лет тому назад только для того, чтобы основать промежуточную станцию между Тигилем и лежащей еще за 90 верст отсюда Воямполкой. Эта насильственная мера отразилась на населении бедственным образом. Скверные домишки, беспорядок, грязь, беднота и болезненность были ее последствиями. Садов почти не было, а весь рогатый скот был представлен двумя коровами. Так же жалостно обстояло дело и с лошадьми. Мне с трудом удалось достать только трех, так что четвертую пришлось принанять у тигильского казака. К счастью, я мог скоро покинуть это жалкое место и уже в 4 часа был на дороге к Воямполке, с которой начинается ряд поселений сидячих коряков (палланцев).

Параллельная Срединному хребту цепь высот, которой мы следовали от Красной сопки, сопровождала нас и далее на север, становясь круче и убывая в ширине. Далеко на востоке из-за нее виднелись белые снеговые вершины Срединного хребта, поднимающегося высокими конусами и острыми зубцами. Цепь эта на ее высоких вершинах была покрыта густым березовым лесом (*B. Ermani*) и кедром-стланцем, а склоны, на которых опять торчало много "кучегор", заросли белым мхом, карликовой березой, шикшей и видами *Vaccinium*. К западу до моря вся местность представлялась обширной, плоской, волнистой; широкие, орошаемые ручьями, долины ее поросли густой травой, а более высокие места -- деревьями и кустарником, -- местность весьма удобная для скотоводства в широких размерах. На берегу одного из таких ручьев мы и расположились на ночлег. Несмотря на довольно сильный уже ночной холод, нам не давали покоя бесчисленные рои комаров.

12 августа. Волнистая местность снова начала расчленяться на параллельные хребты, которые располагались так: более высокие преимущественно на востоке и более низкие -- на западе; при море попадались даже просто валы, крутыми скалами ниспадавшие к воде. Ручьи и реки, между прочим и Аманина, берут начало не в дальнем, высоком хребте, а именно между сказанными, тянущимися с севера на юг, высотами и часто текут сначала далеко на восток, обходя высоты большой дугой, и уже потом поворачивают на запад, к морю. Также и истоки р. Эттолахан, которой мы теперь достигли, лежат всего в нескольких верстах от ее устья; но она течет сначала на восток, а затем возвращается широкой дугой к западу и впадает в море. Высоты были большей частью покрыты березой, ольхой и кедрами и окружали также и здесь обильно поросшие травой долины. Везде было необыкновенно много всяких ягод, которые здесь встречались на всех полях. На более низких местах росли *Rubus chamaemorus* и *arcticus*, голубика, шикша, на более высоких -- жимолость и брусника (*Vacc. Vitis idaea*). Недалеко от устья Эттолахана, на склоне одного хребта, попались опять кучегоры, совершенно такие же, какие описаны выше, только отдельные холмики стояли еще плотнее друг к другу, а те, которые находились всего ближе к вершине хребта, вполне были соединены с ним, не отделяясь друг от друга.

Начиная отсюда, дорога пошла по самому берегу моря. В скалистых берегах, превышавших 100 футов высоты, видны были выходы песчаников самой различной

зернистости, а в них залежали четыре мощных, почти горизонтальных, слоя угля (один из них -- мощностью в 4 фута). Уголь весьма нечистый -- с песком, глиной и железом, сильно листоватый, гибкий, светло-бурый и горящий очень дурно. Далее по дороге от Эттолахана до устья р. Воямполки береговые скалы становятся постепенно все ниже, но состоят или также из песчаников, или из рассыпчатой белой каменистой глины, очень похожей на материал, из которого состоят "кучегоры". Но и здесь также в самом низу залегают опять темно-серая мягкая глина с каменистым сложением.

После быстрой езды мы достигли в 7 часов вечера устья Воямполки; здесь было всего две землянки, но очень много балаганов. Само местечко лежит верст на 12 выше, при небольшом притоке, который удобнее для устройства заколов для лова рыбы. Большая главная река вытекает из Срединного хребта, возвышающегося далеко на востоке крутым высокогорьем, но получает притоки также и из горного узла Пирожникова.

При устье, где я велел разбить себе палатку, меня приняла толпа веселых, здорового и сильного вида, воямпольцев, с тойоном во главе. Как отличались эти, первые из сидячих коряков, которых я здесь встретил, своим свежим, свободным видом от бедных, угнетенных аминских камчадалов. Их не задели неразумные административные стеснения, тяготевшие над аминцами. Они поселились на месте, ими самими выбранном, сообразно их потребностям, и хорошо устроились. Вечером был прилив, и я мог и здесь также любоваться интересной картиной, как в реку шли, гоняясь в бешеных играх, большие белоснежные дельфины.

13 августа. Погода опять выдалась превосходная. Уже с раннего утра лошади ждали меня на другом берегу, куда я и переехал в байдаре. Сейчас же на северном берегу устья Воямполки морской скалистый берег поднимается до 150 футов, а затем совсем постепенно понижается до Кахтаны, отстоящей отсюда на 60 верст. Далее к северу выступал над низменным берегом Кахтанский мыс с его массивными породами. Дорога пошла опять у самого моря в направлении к северу. Везде видны были темноцветные песчаники и мелкие конгломераты, переполненные рассыпающимися раковинами и, как казалось, тех видов, что и ныне выбрасываются волнами. Битуминозные слои были здесь редки и являлись совсем подчиненно. Параллельные цепи холмов к востоку опять переходят в более высокие хребты, но покрыты лесом и часто с голыми обрывами. Уже совсем близко к устью Кахтаны нам пришлось еще объехать далеко от моря скверной, болотистой дорогой устье маленькой речонки Ургина, а к вечеру, в самую пору, мы добрались и до устья Кахтаны, где вследствие разлива реки мы раскинули палатку на южном берегу.

В 8 часов вечера, когда я сидел перед своей палаткой и писал дневник, я вдруг увидел перед собой, на 297° на северо-запад, градусов на 15 -- 20 над горизонтом, комету. Ядро светилось, как звезда второй величины. Хвост, около 4 футов длины, светился слабо; ширина его была равна приблизительно $\frac{1}{10}$ его длины, и он был наклонен к западу на 55° к горизонту. Комета быстро спускалась к горизонту, двигаясь все более к северу. Я обязан любезности г. д-ра Шварца в Дерпте (Юрьеве) сообщением, что комета эта открыта 10 июня (нов. стиля) 1853 г. Клинкерфусом в Геттингене, и так как она была третьей из открытых в том же году, то и получила название "1853 III". По блеску ядро было также приравнено ко второй величине. Путь ее, по Стэркуэллу (Starkwell), чисто параболический и ее кратчайшее расстояние от солнца вычислено в 6,151 миллион географических миль.

14 августа. Погода была прекрасная. Уже ранним утром явились кахтанцы, чтобы перевезти меня через реку на байдаре и проводить затем до места их жительства, лежавшего 4 верстами выше. В 8 часов утра мы были уже на месте. На правом берегу р. Кахтаны стоят двенадцать, большей частью новых, прочно построенных домов; вокруг них -- много балаганов. Меня отвели в самый большой и самый лучший из них, где жил тойон, и сейчас же принялись радушно угощать. Весь разговор велся на коряцком языке, на наречии, столь близком к тайгоносскому, что Зиновьев, мой казак, все понимал и мог

принять в нем участие. Население Кахтаны состоит из 71 чел. мужского пола и 75 -- женского; с виду народ все свежий и здоровый. Кахтанцы выше ростом, более ловки и прямодушны и менее флегматичны, чем бедные, поработанные камчадалы. Чертами лица, нравами и обычаями они очень напоминают бродячих коряков. Только жилища их стали иными. Землянки и юрты вывелись совсем. В самое недавнее время правительство сделало распоряжение о постройке жилых помещений на образец русских, и вследствие этого во всех деревнях палланцев, за исключением обеих северных -- Подкагерной и Пусторецка, где очень трудно добыть строевой лес, выстроены или строятся настоящие избы. Многочисленные рыбные балаганы и баты для плавания по рекам эти сидячие коряки переняли от камчадалов, так как образ их жизни и питание, по преимуществу рыбой, сделали это необходимым. Наряду с батами у палланцев есть и байдары, употребляемые на охоте за морским зверем. Байдара -- большая, легкая лодка, состоящая из прочного остова из тонких, гибких деревянных ободьев, обтянутого непромокаемыми тюленьими шкурами. Смотри по размерам, на нее полагается от 10 до 20 гребцов. Оленей у этих коряков нет. Место оленеводства здесь, как и во всей Камчатке, заступили рыбная ловля, разведение собак и охота.

Из видов лососей в здешние реки поднимаются следующие: первой появляется, притом как очень редкий гость, -- чавыча, за ней следуют красная рыба и хайко, и, наконец, в большом количестве и до самой осени -- кизуч. Скотоводством занимаются неохотно, только из повиновения начальству, почему и коров было немного. Также обстоит дело и с огородничеством, которого, впрочем, кажется, не позволяет уже сам суровый климат. Зато женское население очень усердно собирает дикие овощи, как называет обычно здешний народ всякую растительную пищу. К ним принадлежит, прежде всего, много отличных пород ягод, затем съедобные стебли некоторых растений (*Heracleum*, *Epilobium*), затем корни и клубни (сарана, кемчига) и, наконец, мухомор, составляющий, в особенности предмет торговли с живущими на севере кочевниками. Кемчига (*Claytonia*), которой мне подали сегодня целое блюдо, -- круглый, немного продолговатый сплюснутый клубень от $\frac{1}{2}$ до 1 дюйма в диаметре, и приятного, сладковатого, вроде каштанов, вкуса. Он очень мучнист, желтоватого цвета и несколько концентрически-скорлуповатой структуры. Каждое растение имеет только один клубень. Кемчига растет на сырых местах и цветет ранней весной мелкими белыми цветами. Она встречается только по западному берегу Камчатки и, главным образом, к северу от Тигиля, в стране палланцев. К югу распространение ее идет разве только до Ичи.

Речная галька состоит почти исключительно из обломков красной и черной пористой вулканической породы, принадлежащей, конечно, тому зубчатому снежному хребту на востоке, из которого берет начало река. Собственно истоки р. Кахтаны находятся на почти вполне конусовидной горе (на 130° к юго-востоку от местечка Кахтаны). Кроме того, я нашел с компасом еще очень зубчатый, высокий и крутой горный узел на 99° , а также столбообразную, очень высокую скалу на 102° . Это -- вершины и пики той части Срединного хребта, которая здесь называется хребтом Воямполки.

Вечером я тщетно высматривал комету: небо было покрыто облаками, и светил его не было видно. Мне рассказывали, что ее здесь видели еще 11 и 12 числа.

15 августа. Погода такая же хорошая. Еще ранним утром мы объехали небольшими холмами и мокрой тундрой Кахтанский мыс, выдающийся в море приблизительно на полверсты, чтобы затем направиться берегом моря к северу до устья реки Пять Братьев, где точно так же выступает в море небольшой мыс, образующий вместе с первым небольшую открытую бухту. Мыс Кахтанский состоит из трахитово-базальтовых пород темно-серого цвета, которые приподняты и переполнены мелкими кристаллами беловатого, цеолитового минерала. Далее к р. Пять Братьев берег поднимается по высшей мере на 6 сажень и состоит из совершенно горизонтальных слоев светлого песчаника. Теперь был отлив, и благодаря тому, что вода ушла, на дне моря видны были серый песчаник с раковинами (как у Воямполки) и опять, в качестве подстилки, темная

глина с каменистым сложением. Точно так же спад воды обнажил здесь и две базальтовых жилы мощностью в 3 фута, и много рифов из темной массивной породы.

Влечение к бродячей жизни пригнало и сюда также несколько человек из Кахтаны ловить рыбу. Они живо переправили нас на своих батах через глубокую реку, так что мы могли продолжать свой путь без задержки. Теперь мы вступили, немного поднявшись, на высокую, лишенную, кроме корявых кедров, другой древесной растительности тундру. Тянущиеся к северу, параллельные Срединному хребту ряды возвышенностей здесь снова собираются в один общий хребет с куполообразными горами и пиками, на которых даже виден был снег.

Этот хребет дал от себя на нашем пути, по направлению к западу, до моря, уже 3 раза боковые отроги, состоящие из трахитово-базальтовой массивной породы и заканчивающиеся крутыми мысами (Кахтаной, Ургином и Пятью Братьями), и теперь мы увидели пред собою опять такой же отрог, отходящий от главной цепи к западу, к морю. Отрог этот, с высокими, острыми вершинами и горами, сопровождает р. Паллан с северной ее стороны до самого моря, где и ниспадает к воде мощным, высоким, скалистым мысом. Сам параллельный хребет, от которого отходит помянутый четвертый отрог, в своей романтической дикости представляет удивительно красивый пейзаж. Хребет этот пересекается р. Палланом в грандиозном ущелье, через которое далеко на заднем плане, на востоке, виден одетый снегом, со своими разорванными формами, Срединный хребет. Нередко на пути нам приходилось проезжать хорошенькими рощами, состоящими из красивых, суковатых берез (*B. Ermani*) и толстостовольного кедра-стланца. Часто пересекали мы небольшие быстрые ручьи, с шумом бежавшие к рекам; один из них отличался очень большим содержанием сероводородного газа.

Хотя, начиная с Кахтаны, мы все более и более подвигались в область приподнятых массивных пород (трахита и базальта), тем не менее, среди высот все время и довольно часто попадались опять-таки обломки белого глинистого камня и светлого, мелкозернистого, весьма плотного песчаника. Но чем далее к северу, тем более заметно было, как слабели в борьбе с массивными породами третичные образования. На левом берегу устья р. Паллана третичные напластования снова еще раз выступают довольно обильно. В высоких, до 100 футов, скалистых берегах залегают здесь в горизонтальном положении песчаники и глинистый камень, в которых заметно много растительных остатков. По берегу моря валялось множество осколков черного угля, головы пластов которого находились, конечно, глубоко под поверхностью морского дна.

Столь обычное в Камчатке, в особенности на западном ее берегу, явление перемещения речных устьев можно было наблюдать и здесь, на реках, которые нам пришлось только что перейти. Длинные "кошки" лежали и здесь перед устьями рек, которым приходилось обходить эти преграды, пока не найдется подходящего места прорваться к морю. Здешние обыватели уверяли, что такие прорезывающие "кошку" протоки в настоящее время медленно, но постоянно все более подвигаются на юг и что дело идет таким образом уже несколько лет. Прежде, будто бы, было как раз наоборот, и перемещение устьев совершалось к северу. Явление это, таким образом, обнаруживает известную периодичность, причины и основания которой остались для меня неизвестны.

При устье р. Паллана я нашел тойона с толпой его людей и с необходимым для моей дальнейшей поездки числом лошадей. В 2 часа меня перевезли на байдаре на северный берег этой широкой глубокой реки, и мы направились безлесной равниной вверх по реке, к поселениям палланцев. Путь наш походил на триумфальное шествие, так как нас провожало множество пешего и конного народа с ликующими и радостными кликами. У самого устья стояло несколько балаганов, которыми пользуются весной, во время лова уики и морских зверей. За ними следовали, все в небольшом расстоянии одно от другого, сначала летовье тойона с его балаганами, затем летовье его помощника, далее большое летовье, принадлежащее всем обывателям. Наконец мы перебрались через небольшую возвышенность в котловину, образуемую расширением долины Паллана, где и

расположено само местечко Паллан, живописно окруженное горами. Говорят, оно так сильно страдает от весеннего половодья, что жители решили понемногу перенести жилье из котловины к вышеупомянутому общему летовью.

Теперь здесь находилось 12 хорошей постройки домов, 4 юрты, прехорошенькая небольшая церковь, которая прежде стояла в Лесной и только в последнее время перенесена в Паллан, и дом священника. Жители, всего 73 мужчины и 70 женщин, народ все с виду свежий, здоровый; скота было всего лишь 8 голов рогатого и 14 лошадей. Огородов не было почти ни у кого, кроме священника; у него хорошо удались корнеплодные овощи и капуста. Меня поместили в одном из самых больших и лучших домов, у самой реки, которая красиво бежала с шумом, как настоящий горный поток, между покрытыми растительностью островами, и, само собою разумеется, сейчас же угостили самым радушным образом с большим изобилием.

Вскоре по завоевании Камчатки, ввиду постоянных нападений и беспокойств со стороны северных коряков, тогда еще очень диких и буйных, пришлось приняться за постройку укреплений. Появились Анадырск и, позже, Ижигинск. Затем оказалось нужным основать укрепление и на северном берегу Пенжинской губы при Аклане, притоке Пенжины; но окрестные каменцы с самого начала до такой степени мешали постройке, что план этот был оставлен, и решено было вместо того основать крепость в Паллане. Уже совсем построена была здесь казарма, как и тут дело было брошено; однако казаку Куткевичу удалось выстроить на Аклане небольшую крепостцу -- Акланск. Ныне от Акланска и казармы в Паллане давным-давно не осталось и следов.

16 августа. Сегодня, ввиду воскресного дня, был сделан отдых. Обедня была отслужена почти в пустой церкви; после нее я был приглашен на обед к священнику, где встретил тойона и двух-трех стариков-обывателей. Для меня было дорого узнать от этих, далеко бывавших, людей об истоках здешних рек. Прежде всего, мне рассказали, что в одном озере, близ большого Палланского озера, водятся двухголовые рыбы. Замечательно, что эта странная сказка о рыбах с двумя головами распространена по всей Камчатке. Так, уже раньше мне рассказывали то же самое об одном озере при истоках Авачи и о другом -- под Верхнекамчатском, равно и о других еще нескольких небольших озерах. Никто не видал этих уродов, и, тем не менее, все уверяли в правдивости этой молвы. Мне так и не удалось нигде доискаться причин этого баснословного поверья.

Относительно дорог и хода рек мне сообщили следующее. С верховьев р. Паллана зимой есть очень близкий путь через Срединный хребет, который здесь становится уже много ниже, на восточный берег Камчатки, к укинцам, именно к главному их поселению -- Дранке. На самом перевале выстроена юрта для приюта путешественников. Летом с верхнего Паллана приходится направляться через проход к р. Ивашке, пройти по ней до моря, а затем по берегу его к северу до Дранки. На этом последнем пути, всего в 30 верстах от оз. Паллана, есть очень горячий ключ, который лежит еще к западу от хребта. По ту сторону хребта есть и другие, менее горячие источники близ ручьев, составляющих начало р. Руссаковой, текущей на восток к морю. Два ручья, которыми начинается р. Паллан, берут начало в хребте неподалеку от одного из истоков Руссаковой и другого -- Ивашки, -- двух рек, направляющихся в восточном направлении к морю. Затем три ручья в истоках р. Кахтаны берут начало недалеко от места выхода двух ручьев Руссаковой и одного -- р. Холюлы. Этим местам сближения рек, текущих на восток и на запад, отвечает столько же проходов, очень облегчающих сообщение между Охотским и Беринговым морями в этой, уже очень узкой, части полуострова и сближающих западных палланцев с укинцами и олюторцами на востоке.

Р[ека] Кинкиль берет начало не в Срединном хребте, а в его предгорье, и потому коротка. Река при Лесной начинается на севере, в невысоком хребте, и длиннее первой. До Подкагерной от Лесной считается 250 верст, и на этом пути, ближе к Охотскому морю, приходится переваливать через 12 кряжей, из которых два -- довольно высоки.

Р[ека] Паллан должна быть особенно богата рыбой и кормить много народу. У жителей Кахтаны, Паллана, Кинкиля, Лесной есть для рыбного лова свои летовья по верхнему Паллану, да кроме того, и кочевые коряки, ламуты и даже чукчи ставят там чумы на все лето.

После обеда в Паллане пошло веселье. Хорошая погода выманила старого и малого на открытый воздух и на берег реки. Принялись бегать взапуски, пробовать силу на разные лады, смеялись, шутили, подтрунивали друг над другом. Говорили при этом лишь по-коряцки и звали друг друга только коряцкими именами, хотя все население формально принадлежит к православной церкви и, следовательно, у каждого есть русское имя, данное при крещении. В виде примера приведу здесь несколько чисто коряцких имен: Муллитхан, Умкилькеве, Акеке, Хончулкан и уже попадавшиеся выше имена из Тайгоноса -- Эккит, Каноа, Эйвалан и Апкауке.

17 августа. В 7 часов утра, при сильном северном ветре и пасмурном небе, мы тронулись верхом в восточном направлении к большому озеру Паллану. До Паллана и его котловины река имела вид широкого, текущего по равнине почти прямо, потока, пересекающего лишь у самого впадения в море несколько более высокую местность, которая здесь обрывается скалистыми мысами. Теперь мы поехали по реке к востоку и перевалили сразу из котловины через кряж в ограниченную острыми холмами, средней ширины долину, по которой река течет с востока на запад. Горная порода была серого цвета, массивная, миндалевидная, похожая на таковую же Кахтанского мыса и Красной сопки; она была прорезана жилевидными образованиями, часто выветрившейся, а то и скорлуповатого сложения, с совсем темными, блестящими серпентинообразными поверхностями отдельностей. Далее к востоку речная долина делается все шире. Проезжая ее, мы наткнулись затем на два, одно вскоре за другим, летовья кинкильцев со многими балаганами. Сейчас за этим местом река перерезает почти под прямым углом другую, широкую, имеющую характер плато и идущую с юга на север долину; здесь она сопровождается лишь незначительными возвышенностями. Исключение составляет только одна поднимающаяся на севере высокая, совсем голая куполообразная гора, образованная, судя по цвету и общему виду, базальтом. У реки, совершенно подчиненно, опять выступает песчаник. Далеко на востоке поднимается кряж с высокими куполами, усеченными конусами и крутыми скалами, покрытый большими пятнами снега. Вся местность почти безлесна, и лишь на более низких холмах есть березы и кедры. Напротив, острова на реке всегда поросли ивой и ольхой.

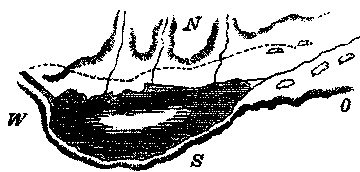
18 августа. Тронувшись ранним утром, первые часа три мы ехали долиной реки, более в юго-восточном направлении; характер местности оставался все тот же. Там и сям заметны были выходы базальто-трахитовых пород. Затем нам пришлось покинуть реку, чтобы избежать больших изгибов, которые она делает. Дорога пошла крутыми и островерхими, но невысокими холмами, с вершинами у всех в виде коротких гребней. Все эти высоты густо поросли березой, ольхой и кедровником, а между ними находились большей частью очень маленькие озерки или пруды. Множество таких озерков с их чистой водой, красивые, одетые пышной зеленью холмы, а вдаль -- горы, все это до очаровательности красило пейзаж. Опять здесь стал виден светлый, рассыпчатый песчаник, сильно разрушенный и приподнятый, составляющий главный материал, из которого сложены вышеназванные холмы; видны были также и большие массы базальтовых обломков. Так, подвигаясь все к востоку, мы вдруг очутились на высоком скалистом берегу -- опять на реке, -- которая, образуя множество извилин, пробиралась внизу под нами, между скал. В русле находились колоссальные массы камней, образуя пороги, по которым вода бежала с шумом. Порог этот находится совсем близко к месту выхода реки из озера. Здесь живописно расположено было большое летовье жителей Лесной, к которому присоединился еще один чум бродячих коряков. Берег образован серым и желтым песчаником, сильно поднятым (60°) и прорезанным массами базальтовой породы мощностью в 3 -- 4 сажени. В самом низу берега, в соседстве с

массивной породой, песчаник был весьма плотен и носил благодаря вкрапленным зернам кварца порфировидный характер, в то же время обнаруживая явственную слоистость. Тут нам пришлось снова покинуть реку и спуститься через островерхие холмы, а затем и через небольшой горный проход к большому озеру, которое живописно расстиралось у наших ног. К северо-востоку возвышается крутой, зубчатый горный узел, на котором были видны следы очень сильного разрушения его явственно слоистого сложения.

Следуя северным берегом красивого, светлого альпийского озера далее на восток, мы вышли на широкое здесь, слабо холмистое, предгорье ближайшего хребта, поросшего березой (*B. Ermani*) и роскошной травой. Мы прошли вдоль озера во всю его длину и на самой восточной его оконечности достигли устья верхнего Паллана. Затем мы направились вверх по реке и раскинули палатку при летовье палланцев. У этого летовья, очень оживленного, кроме 4 чумов бродячих коряков, стояло и 2 чума чукчей со стадом оленей голов в 1500. Чукчи эти уже много лет тому назад соединились с коряками и кочевали совсем близко около последних. Таким образом, мы опять попали из немой горной природы в бойкую, оживленную жизнь этих бравых номадов.

Большое, красивое озеро имеет в длину приблизительно 8 верст, а в ширину -- в самом широком месте -- 3 версты. Оно продолговатой формы и тянется с востока на запад. Верхняя долина Паллана, идущая далеко с востока, от Срединного хребта, заключает в себе р. Паллан с ее истоками и сильно падает к западу. Она версты 4 -- 5 шириной и здесь отчасти заполнена озером. В этом месте долину пересекает более высокий горный отрог и этим заставляя р. Паллан образовать озеро. Перед этой каменной грядой озеро всего шире и глубже, заполняет почти всю долину и, образуя порог, прорывает здесь отрог с тем, чтобы выйти к морю рекой Нижним Палланом. Таким образом, озеро Паллан отнюдь не провальный вулканический бассейн, каковы Кроноцкое и Курильское озера или Авачинская губа, а глубокая долина, отчасти залитая водой вследствие образованной горами преграды. В приостренный восточный конец озера впадает Верхний Паллан, образуя из обильного аллювиального наноса небольшую дельту. На южном и западном берегах озера горы подходят очень близко к воде, тогда как на северном есть предгорье, образованное из щебня. Это предгорье перерезано тремя небольшими горными ручьями, с шумом бегущими по гальке из песчаника и глинистого камня. В совершенно мелкой, прозрачной воде этих ручьев буквально кишели лососи (кизуч), поднимавшиеся вверх, против течения. Рыбы эти, окрашенные в кроваво-красный цвет, истомленные, нередко наполовину вне воды, протираясь по песчаному дну, теснились и боролись с быстрым течением, чтобы достигнуть мест икрометания.

Между устьями небольших ручьев в озеро тянутся небольшие косы, в которых залегают песчаник, впрочем, как и всюду здесь, без окаменелостей. Перед одной из этих кос лежит островок. Горы вокруг озера круты и с зубчатыми гребнями; выше всего они на юго-востоке, где заметны были и снежные пятна. Верхняя долина представляет плоскую волнистую местность, над которой из делювия поднимаются отдельные холмики и несколько скал. Среди гальки настоящих вулканических пород вовсе не попадает; она представлена обломками песчаника, миндального камня, трахита и базальта.

Озеро Паллан

19 и 20 августа погода была ужасная. Буря и дождь бушевали, грозя опрокинуть и изорвать нашу палатку. Продолжать путь нечего было и думать. Буря шла с северо-

востока и нагнала глубоко в долину тяжелых облаков. Интересное и своеобразное явление представляли большие стада чаек, налетевшие с востока, конечно, с моря, из-за Срединного хребта. Я думал, что птиц этих пригнала сильная буря, но узнал от коряков, что и в тихую погоду они являются с Берингова моря и летят на Охотское, останавливаясь на оз. Паллане. Количество лососей в озере и во всех ручьях, даже далеко вверх, в горы, было поистине поразительно. По всей реке ловили их тысячами каждый день. По мелким местам живую рыбу ловили собаки, хотя больше убивали ее, чем ели, а в горах рыболовством были заняты целые кучи медведей. Непогода помешала мне посетить горячие ключи, которые, как уже сказано, вытекают в области истоков р. Паллана и настолько горячи, что в них можно даже варить рыбу. Никто не хотел послужить мне проводником туда. Напротив, в Кинкиль, и именно прямым путем через горы, я нашел себе дельного проводника в лице чукчи Науэнто. Удалось нам обзавестись и оленем для пополнения нашего провианта. Мы близко и дружелюбно сошлись с коряками и чукчами, причем мне делалось все более и более заметным сходство между тем и другим племенем. Язык, нравы и обычаи, одежда и черты лица -- все это проявляло замечательное сходство. Поражало только то, что здешние номады как будто богаче и что в их обиходе встречалось большее число русских орудий и утвари, вероятно, потому, что все эти вещи стали для них благодаря камчатскому торговому люду доступнее, чем это бывает у Ижигинска. В здешних чумах очень много шаманили, особенно вечером и ночью. Рядом с большим коряцким чумом был поставлен совсем маленький чум, в котором сидела в одиночку молодая вдова и почти без перерыва била в барабан и при этом тихо стонала. Как мне рассказали, незадолго перед тем она потеряла мужа и надеялась шаманством вернуть его к жизни. Когда я вошел к ней, я сейчас же заметил, что она находилась в состоянии опьянения от мухомора, что мне и подтвердили. Здесь вообще можно было наблюдать, как нечто совсем обычное, что коряки, а в особенности чукчи вынимали круглые берестяные коробочки с мелкими кусочками сушеного мухомора. Как у нюхающего табак всегда под рукой табакерка, так здесь -- тавлинка с мухомором. Его жуют и жвачку долго держат во рту, не глотая. Этот народ уверяет, что это приводит их в очень приятное состояние: им представляются прекрасные картины и страны. При этом они не шумят и не бушуют, а сидят спокойно, бледные и с совсем стеклянными глазами, как будто они умерли для всего окружающего.

21 августа. Против обыкновения, сегодня уже спозаранок в коряцкой стоянке началась жизнь, так как наши палланские лошади уже стояли взнузданные и готовые к пути, а наши приятели хотели нас проводить. Большой толпой следовали они за нами и, когда мы начали подниматься из верхней палланской долины в горы, к северу, из многих уст доносились до нас их прощальные "тамто". Горный склон, на который мы теперь вступили, густо порос высокими березами (*B. Ermani*), которые, однако, быстро редели и мельчали по направлению вверх. Скоро вокруг нас остался только кедровник, а всего через час после нашего выступления в путь мы были уже на первой, лишенной древесной растительности горной зоне. Часто дорога круто спускалась к шумящим горным ручьям и так же круто поднималась опять вверх. Здесь еще виднелись лишь кое-какие горные травы, да и те были ошипаны оленями и горными баранами. Вокруг нас были только снежные пятна, горный щебень и обломки скал. Обернувшись назад, мы увидели роскошнейшую горную панораму. Под нами, на самом низу, лежала долина Паллана с красивым, большим озером, обрамленным зеленью деревьев и окруженным высокими, достигавшими снегов, массами гор. Всюду вокруг нас, да и здесь, на высоте, громоздились громады диких скал, отличавшихся той особенностью, что у всех их южные стороны имели вид особенно сильно разорванных стен. Внешний вид этих дико разорванных с южной стороны и приподнятых горных масс замечательно напоминал, только в очень усиленном и увеличенном масштабе, те, точно так же с юга разорванные и приподнятые островерхие холмы, о которых уже было упомянуто много раз. Те и

другие, казалось, возникли одновременно, по одним и тем же законам и под влиянием одних и тех же средств и причин. Горная порода, цветом серая или бурая, на поверхности пузыриста, внутри -- напротив -- однородна и более плотна, реже порфириовидна. Местами она является как бы натечной, а под ней залегает плотный темный песчаник. В других местах скаты скал образованы одним только темным базальтом или трахитом.

Горы между Палланом и Кинкилем

По щебню, гальке и глыбам камня, через снежные пятна и шумящие ручьи, а кое-где и небольшими зелеными луговинками, забирались мы все выше и выше к перевалу, который открывается к западу на большой высоте, в этой великолепной и величественной части хребта. Уже в 10 часов утра мы его достигли. Отсюда нам пришлось спускаться опять к западу вдоль небольшой ложбины со струйкой воды, которая, однако, благодаря притоку со всех сторон, очевидно, быстро превращалась в шумный горный ручей. И на самом верху залегает совершенно горизонтально светло-желтый, очень рассыпчатый песчаник, в самых нижних слоях которого расположен бурый уголь в вполне ненарушенном положении. Уголь был плотен, деревянист и темно-окрашен, реже в таблицах, но содержал много окиси железа. К востоку виднелись высокие горы совершенно своеобразного вида. Они казались большей частью состоявшими первоначально из горизонтально лежащих слоистых пород, которые, будучи прорезаны глубокими ущельями и долинами, образовали теперь конические и совсем плоские вершины, а дальше над залегавшими впереди облаками высоко поднимался совершенно так же образованный горный массив. Можно почти было думать, что здесь имело место поднятие горизонтально лежавших третичных отложений с гигантской силой и на громадное протяжение, медленно и постепенно вздувавшимися древневулканическими массивными породами (трахит, базальт); что затем образовавшиеся при этом вертикальные расселины и разрывы вследствие выветривания и размывания превратились в ущелья, расширились и умножились количественно таким образом, что от первичного горизонтально сложенного высокоподнятого плато остались теперь только конические, плосковерхие горы, строение которых из вполне горизонтальных слоев еще сохранило всю явственность. Поднятая система пластов должна была быть очень мощной, а поднятие -- постепенным и покойным, так как жар выдвинутых наверх масс не был в состоянии повлиять разрушительным и метаморфизирующим образом на расположение, материал и внутреннюю связь колоссальных наслоений. Но откуда же совершенно горизонтальное напластование и вполне нетронутый уголь на этой высоте, среди всеобщего хаоса гор?

При спуске нашем в долину опять показались маленькие, кривые ивы, потом ольха, а вскоре затем мы опять очутились в области, где растительность быстро обогащалась. Поднявшись опять несколько в горы, на плато, покрытое щебнем, мхом и видами *Vaccinium*, с которого стекают последние притоки реки Паллана, мы добрались через низкий водораздел в долину верхнего Кинкиля и стали держаться этой реки, в северо-западном направлении; речная галька состояла здесь из базальтов и трахитов с большой примесью кусков кварца и окремнелого дерева. На середине высоты берегов залегал и здесь опять горизонтально светлый, мелкозернистый песчаник, а на севере вновь поднимались высокие, острые горы. Очень утомивший наших коней поход мы завершили стоянкой на хорошем лугу, все еще в области верхнего Кинкиля, и разбили здесь свою палатку.

22 августа. Сначала мы двинулись вдоль по реке, левым ее берегом, далее на запад и совсем оставили горы. Широкую простирающуюся с севера на юг по высокому плато долину, которую пересекает и р. Паллан и на которой, как единственная заметная высота, поднимается голая базальтовая группа, нам пришлось пересечь здесь опять, но теперь уже в противоположном направлении -- к западу. Затем мы оставили реку в стороне, переправились поросшим березой перевалом через другой кряж, который точно так же пересекается р. Палланом при вышеупомянутых воротах, прошли несколько небольших долин и ручьев с красноватой, пористой галькой и наконец выбрались через незначительную, поросшую лесом возвышенность опять в долину Кинкиля, которая, быстро понижаясь, тянулась далеко на север.

Здесь лежит местечко Кинкиль на правом берегу реки того же имени. Левый берег много выше и состоит из горизонтального, светлого песчаника, без окаменелостей. В ближайшем с ним соседстве залегает красноватая, пузыристая порода. Не особенно далеко от этого берега поднимаются высокие, с острыми и куполообразными верхушками горы, которые ответвляются под прямым углом от идущего с севера на юг кряжа, через который мы только что перебрались, и тянутся на запад, к морю, где ниспадают крутыми скалами в море в виде Кинкильского мыса. Местечко было совсем пусто, точно вымерло. Все население жило, ввиду рыбного лова, на летовье, версты 4 вниз по реке, недалеко от моря. В деревне Кинкиль 11 порядочных, почти новых домов, 2 юрты и небольшая часовня. Населения -- 61 ч. муж. пола и 75 женского, скота -- 10 лошадей и 3 коровы. Огородов не было и разведением овощей, по-видимому, не занимались вовсе.

Поздно, когда я давным-давно уже устроился в одном из домов и сидел за подкрепляющим чаем, приехали на конях несколько человек, чтобы меня приветствовать. Мне бросилось в глаза, что лошади в этой кавалькаде были только цветные: вороные, рыжие и гнедые. По всему северу Сибири цветные лошади составляют редкость и известны здесь только белые да серые. Почти то же и в Камчатке, где цветные лошади, хотя и попадаются, но, во всяком случае, редки.

23 августа. Еще ранним утром мы проехали на конях сначала 4 версты вниз по реке, к летовью, состоявшему из 30 балаганов и 2 земляных юрт, а затем двинулись берегом моря, который здесь очень низмен и представляет безлесную, сухую тундру, к Лесной, куда и прибыли еще в 11 часов утра. Здесь совершенно так же от кряжа, идущего с юга на север, ответвляются под прямым углом две цепи холмов, тянущиеся в западном направлении к морю. Обе они не доходят до самого моря, а оканчиваются, понижаясь в уровень с равниной, версты за 3, за 4 до него. Близ конечного склона южной из этих цепей расположено на берегу соименной реки местечко Лесная. Севернее проходит другая цепь, а между обеими, далеко, до самого Срединного хребта, тянется долина р. Лесной. Река эта образуется двумя главными истоками, из которых один, северный, в свою очередь происходит из слияний 3 ручьев, берущих начало в северо-восточном хребте, недалеко от истоков р. Караги, текущей на восток. Другой, южный исток идет с востока и образован точно так же 3 ручьями, начинающимися близ истоков рек -- Паллана и Дранки. Вообще интересно, как много здесь вдоль речных долин хороших проходов от одного моря к другому морю. Срединный хребет вскоре на север от Лесной соединяется со всеми параллельными горными цепями, сопровождающими его на юге, с западной его стороны, между тем как с восточной его стороны возвышаются больше отдельные горы, и только с Шивелюча начинается большой ряд вулканов востока.

Скоро за только что упомянутым соединением со сказанными горными цепями Срединный хребет, быстро понижаясь, падает совсем, так что в самом узком месте полуострова (на 60° с. ш.) от моря до моря остается лишь легкая приподнятость. Реку Шаманку, текущую в Охотское море на половине пути между Лесной и Подкагерной, можно считать первой, -- считая с юга, -- с которой становится заметным отсутствие гор, и начинается бесконечная моховая тундра -- Парапольский дол, -- тянущаяся до южных

притоков Анадыря, местность в сотни верст протяжением, совсем без леса и без гор, моховое море, на котором разбросанно текут небольшие маловодные ручьи, а по берегам их, как большая редкость, попадает мелкий кустарник корявой ивы, ольхи да кедровника.

Таким образом, важные переходы с Шаманки на Карагу, от Подкагерной или Пусторецка на Кичигу и от того же Пусторецка в Вивники -- все это уже переходы по высокой, сводообразной моховой тундре. Это громадная тундра, по-видимому, в большей своей части -- вполне делювиального происхождения, без залежей горных пород, как уверяют обыватели. Нередкие находки костей мамонта в этой тундре говорят также в пользу ее делювиального образования. Если это будет установлено, то будет опорным пунктом для того воззрения, что Камчатка была в более ранний период островом, а стала полуостровом, т. е. соединилась с материком колоссальной делювиальной дамбой -- Паропольским долом, -- лишь в более позднее геологическое время. Образовался такой мол вследствие наноса от волн и прилива обоих морей в более мелком месте, где Камчатский Срединный хребет, делаясь к северу все ниже, наконец совершенно скрывался под водой. Все проходы к югу от большой тундры -- настоящие перевалы, хотя и через невысокие горы. Таков, например, излюбленный проход с Лесной на Дранку, с высоты которого можно видеть Берингово море, Охотского же -- не видно. Хребет идет здесь ближе к первому, и потому и все реки, в него впадающие, короче тех, которые текут на запад. Этот перевал выше и круче, чем находящийся от него несколько к северу переход с Лесной на Карагу, но и этот точно так же принадлежит еще области гор.

Жители Лесной, чистокровные коряки, потеряв оленей, сначала осели на Верхнем Паллане, но позже, ради лова морского зверя, переселились сюда. Ныне местечко лежит на левом берегу реки того же имени, недалеко от моря, у подножия хребта, подходящего к нему с востока. Только в последние годы здесь начали строить порядочные избы, а ранее все жили в земляных юртах. В настоящее время в Лесной -- 19 хорошей постройки домов, 3 земляных юрты и часовня, устроенная вместо церкви, перенесенной отсюда в Паллан. Огородничества здесь уже нет и в помине. Жители имеют 3 коров и 12 лошадей.

Страсть к бродячей жизни у здешних обывателей (74 мужчины и 63 женщины) еще очень заметна и по сей час, так что временами они живут и пользуются добычей по всем ручьям и водам от Верхнего Паллана до области реки Лесной. А три здешних семьи владеют еще даже и небольшим, голов во 100, стадом оленей, с которым они ходят настоящим образом в дальние кочевки.

В склоне холма при Лесной я нашел залегание очень богатой кремнеземом, с виду базальтической, породы в приподнятых слоях, ниже совершенно распавшуюся выветрившуюся каменистую массу, а под ней -- песчаник и глинистый камень, окрашенные железом в темно-бурый цвет, тоже в приподнятом положении. Во всех этих пластах встречались нередко жилы и кристаллы известкового шпата. Галька в русле реки состояла из плотных, серого и зеленоватого сланцев, красного и цветного кремня всех родов и трахитообразной породы, точно так же различной окраски. При достаточно ясном небе с высоты холмов должен быть виден, несомненно, берег Тайгоноса. Мыс Кинкиль был ясно виден на юго-западе под 225°. Здесь, у добродушных и гостеприимных обывателей Лесной, я достиг крайнего, к северу, пункта своей поездки. Ехать далее в том же направлении -- теперь уже было нельзя ввиду позднего времени года, тем более, что мне еще предстоял путь в 1194 версты до Петропавловского порта (до Тигиля 341 верста, оттуда до Большерецка 675, а затем 178 верст до порта). Так как обратный путь в Тигиль был, за немногими исключениями, тот же самый, то в отношении его мне придется прибавить лишь немного.

24 августа, рано утром, мы дружески попрощались с обывателями. Они проводили нас, и мы поехали сначала берегом реки 4 версты до моря, а затем по самому берегу моря до Кинкиля, куда прибыли в 9 час. утра. На этом пути только и было замечательного, что

над нами тянулись к югу поистине гигантские вереницы диких гусей. Они летели очень низко, стая за стаяй, с оглушительным шумом, происходившим от крика и ударов крыльев. Не один выстрел дробью, пущенный без прицела в эту массу, сбивал на землю штуки по 3 -- 4 сразу.

Пользуясь хорошим днем, я уже в 10 часов снова тронулся в Паллан, почти все морским берегом. От Кинкиля мы шли вышеупомянутой цепью высот, сопровождающей реку по южной ее стороне в виде острых и округленных гор, к Кинкильскому мысу, выдающемуся в море тремя отчетливо выраженными остроконечиями. Этот интересный мыс -- пункт во всей местности самый поучительный в отношении борьбы изверженных массивных пород с залегающими здесь третичными отложениями -- представляет из себя ужасающий хаос обеих формаций. Борьба эта, как будто приостановившаяся в самом разгаре, предстает перед глазами наблюдателя.

Прежде всего я увидел на мысе кварцевые слои темного цвета, обильные слюдой и отдельными красноватыми кремнистыми частями. За ними появился ярко-красный, несколько пористый кирпич, содержащий мелкие листочки слюды и местами делающийся пемзообразным. И то, и другое, конечно, производные глинистых пород буроугольной формации. Часто этот красный кирпич переходит в красный, бурый и зеленоватый кремень. Затем следует совсем пористая темно-серо-черная, очень твердая порода, вся сплошь переполненная мелкими и крупными (до размера свыше 1 ф[ута] в диаметре) миндалинами продолговатой или округлой формы, которые все следовали направлению напластования. Миндалины и пузыревидные пустоты большей частью внутри полны и выстланы халцедоном (голубым и белым), а часто наполнены еще и очень красивыми кристаллами горного хрусталя и аметиста. Точно так же встречаются в них известковый шпат и железистые шары в виде кристаллических друз, а подчас полость их совершенно выполнена агатом. Далее встречаются грубые конгломераты, которые образуют береговые скалы почти в 500 ф[утов] вышиной и прорезаны в направлении кряжа базальтовой жилой мощностью в 2 фута. Еще подальше эта последняя жильная порода поднимается из глубины конусом, причем, благодаря обнажению вершины последнего, ясно видна базальтовая порода, расходящаяся в виде радиальных столбов от центральной оси. Подобные выходы сквозь третичные слои массы жильных пород в виде куполов и конусов, конечно, и составляют причину того, что в этой местности часто встречаются островершинные формы гор. Жар изверженных пород, с их парами и газами, повлиял самым разнообразным образом с физической и химической стороны на материал, данный в виде третичных отложений, и выработал из первоначально залегавших здесь пластов песка и глины целый ряд новых метаморфических образований. Почти все варианты изменений, которые попадались у Красной сопки, на р. Тигиле, вплоть до Седанки и дальше, и на пути через Паллан в Лесную, находились здесь в хаотическом беспорядке друг возле друга или одни над другими.

И далее на пути берегом моря встречались высокие скалы из конгломератов вышиной до 400 -- 500 футов, с мощными, пронизывающими их базальтовыми жилами. Нам пришлось перебраться по гальке и камням через устье одного ручья, вытекающего из красиво одетой лесом горной долины, а дальше опять пошли все мелкие и грубые конгломераты, да еще темно-серый песчаник с жилами известкового шпата. Наконец при неизменяющейся обстановке мы достигли небольшого мыса, который обозначает половину пути до Паллана и на котором валялось много окремнелого дерева.

25 августа мы продолжали путь под бурей и дождем. У одного небольшого выдающегося мыса нам пришлось перебираться верхом через прибой и, с трудом карабкаясь по скалам, перетаскивать наш багаж. Мы поднялись в небольшую речную долину, переехали через две покрытые лесом, красивые цепи холмов и лежащую между ними долину и вовремя, но совершенно промокшие от волн и дождя добрались до Паллана, где скоро мы благоденствовали за горячим чаем и сытным обедом в теплом уютном доме тойона.

26 августа мы пробыли в гостеприимном Паллане, деятельно занимаясь просушкой нашего багажа. Местный священник рассказал мне, что к северу от Лесной в двух мысах при море залегают те же самые породы, что и на Кинкильском, еще с гораздо более красивыми горным хрусталем и аметистами. Целый день над Палланом тянулись к югу большие стаи диких гусей. Изумительно, какие колоссальные массы этой птицы должны собираться на крайнем севере, чтобы образовать такие тянущиеся целые дни вереницы.

27 августа опять выдалась хорошая погода. В 6 час. утра мы были уже в седле, а в 10 прибыли к устью р. Паллана. Со вчерашним дождем на горы принесло и снегу, так что через ворота, которые прорыла р. Паллан, уже видна была наступающая зима. Отсюда мы прошли березовым леском и поросшей кедровником тундрой до мыса Пять Братьев. На тундре, усеянной ягодами, всюду виднелись стада гусей, которые спустились на кормежку. Мысы Пять Братьев и Кахтана представляют в отношении всего строения и материала очень большое сходство с Кинкилем, только здесь пертурбация в породах не оставила до такой степени резких следов. А между обоими мысами залегают опять-таки третичные мергеля, песчаники и глинистые породы. Песчаник здесь также сплошь был наполнен непрочными остатками раковин, как под Воямполкой, и снова попадались такие же концентрически-скорлуповатые образования, как у Тигиля. Только в 4 часа попали мы в Кахтану, где наконец, могли отдохнуть и обогреться в доме радушного тойона.

28 августа. Рано утром было -6° . В 5 час. мы переправились на батах через устье Кахтаны и поехали затем верхами по морскому берегу далее на юг. На берегу часто лежал черный, с магнитным железняком, песок и выходили головы пластов мелкого серого песчаника, переполненного раковинами, -- вернее, вся порода казалась состоящей почти сплошь из раковин. Несмотря на то, что последние очень легко распадались, я мог отличить раковины из родов *Pecten*, *Scutella*, *Terebra*, *Cerithium* и *Mitra*.

Верст за 5, за 6 от устья Воямполки начинается высокий берег, продолжающийся до этого устья. Здесь опять встречаешь те же песчаники и конгломераты с колоссальным количеством раковин, втиснутых друг в друга и скученных самым беспорядочным образом. В отношении числа видов господствовала, по-видимому, бедность; в отношении особей, напротив, замечалось большое богатство. В 1 ч. дня мы были на устье Воямполки, где в русле опять валялись куски бурого угля.

Сменив лошадей, мы сейчас же тронулись дальше. Берега были средней высоты и состояли из хряща и песка до устья р. Эгтолахана, на берегах которой залегают опять буроугольные слои. Через устье, вследствие прилива, перебраться было нельзя, так что нам пришлось сделать большой обход по мокрому болоту. Но при этом мы попали в такое плохое место, что чуть не засели совсем; между тем, надвигались сумерки, и нам пришлось разбить свою палатку на плоском болоте.

Ранним утром 29 августа, выбравшись не без труда и усилий из этой топи, мы поехали березовыми лесами и лугами, принявшими уже настоящий осенний вид. Недалеко от Аманины мы наехали на юрту, построенную на случай дождя и непогоды для убежища собирающих ягоды женщин. Сборщицы уже набрали большие запасы ягод, разных *Rubus* и *Vaccinium*, но плакались на большого медведя, который, правда, не мешает им во время их домашней работы, зато каждый день уничтожает ужасно много ягод и раньше их обирает самые лучшие места. Но, к великому прискорбию моих спутников, как раз теперь мишка не показывался. Мы вступили в Аманину до дождя, начавшего лить снова.

30 августа. В дождь и бурю по дороге, от ливня сделавшейся очень скользкой, проделал я сегодня последний переезд до Тигиля, куда прибыл в 1 ч. дня и где сейчас же поместился в доме Левицкого. Меня трясла сильная лихорадка, и мне нужно было провести в покое и отдохнуть несколько дней, прежде чем отправляться в дальнейшее путешествие. Русская паровая баня и покой при европейском образе жизни подействовали прекрасно и скоро вернули мне здоровье и силы. Во время небольших

прогулок я взял следующие углы: Тепана 187°, Щеки 137°, Пирожников 121° и Зисель 103°. Частые дожди очень испортили мои коллекции. Так, сильно пострадали насекомые и растения, а на геологических образчиках много этикеток или пропали, или их стало совершенно невозможно прочесть. Дневники сохранились хорошо.

4 сентября. Заготовив еще с вечера все для дальнейшего пути, я расстался с д-ром Левицким, гостеприимству которого я так много обязан, и сегодня в 10 часов утра начал свою поездку западным берегом Камчатки в порт Петропавловский. Первым пунктом, которого нужно было достигнуть, была Напана, до которой от Тигиля обыкновенной проезжей дорогой всего 21 верста. Но этот путь весьма затруднителен, вследствие очень топких болот, и потому мне рекомендовали другой, гораздо более дальний, но зато и более удобный, все по воде: спуститься по Тигилю на батах до впадения в него р. Напаны, а затем подняться по последней с приливным течением до местечка Напаны. Так я и сделал. Живо побежали мы на двух счаленных батах вниз по Тигилю. Скоро, пониже Тигиля, мы вышли на упомянутый уже порог, где прорван рекою первый параллельный кряж -- высоты Красной сопки. Мои проводники рассказали мне, будто здесь, еще до того времени, когда русские основали укрепление Тигиль на его нынешнем месте, стояло старое поселение камчадалов, почему это местечко еще и до сих пор носит название "Старого Тигильского Острога". Насчет небольшой зимней гавани при устье Гавенки мне сообщили также, что прежде там было поселение отставных казаков, которые занимались довольно обширным скотоводством, и жили богато. Еще не доезжая до этого места, мы опять видели по берегам тюленей, быстро соскакивавших в воду при нашем приближении.

При быстром падении реки уже в 3 часа мы были у устья Напаны, где пришлось до 7 часов ждать прилива. Здесь, всего в 11 верстах от устья Тигиля, нашли мы безотрадную пустыню в виде моховой тундры, на которой вдали, на западе, виднелись высоты Омгонского мыса и очертания Утхолокских гор. Чтобы скоротать время, мы занялись охотой на гусей, все время тянувшихся над нами большими стаями. Наконец начался прилив, и мы сейчас же снарядились к отъезду. Сначала появились небольшие волны, шедшие навстречу быстрому течению реки и как будто нейтрализовавшие его, но потом они чрезвычайно быстро начали идти все далее и далее, и скоро установилось течение совершенно обратное. С этим течением, при луне и под песни моих казаков, мы быстро двинулись вверх по реке. Белух здесь совсем не было. Верстах в 8 от местечка Напаны приливной ток отказался нам служить, и остальной путь пришлось идти на шестах.

Р[ека] Напана на много верст от устья течет в берегах, образованных моховой тундрой, но затем правый берег становится выше и состоит из песчаника, хряща и песку, между тем как левый все еще остается низким. Еще дальше на обоих берегах появляются березы, ольхи и ивы. Таким образом, после холодной ночи, но без неприятных приключений мы в 4 часа утра 5 сентября прибыли в местечко Напану, где нам сейчас же сообщили печальное известие, что все жители ушли на охоту за северным оленем и забрали с собой всех 10 здешних лошадей. Вот это так значило -- "ждать". Напана лежит на правом, несколько возвышенном берегу, на светлом мергелистом песчанике, в очень бедной лесом и мертвенной местности. С севера она сплошь окружена низинами, к югу -- виднеются небольшие, острые, конические высоты, наверное, те же самые, которые я видел на р. Тигиле в области "щек". 10 домов местечка населены 29 мужчинами и 17 женщинами; скота -- всего 8 коров. Из бесед с двумя стариками, оставшимися дома, я отметил себе следующее. Кемчига встречается и здесь и попадает по западному берегу к югу до Ичи, но, начиная оттуда, исчезает совсем и далее заменяется сараной.

Напротив, самое северное место, до которого встречается медвежий корень (*Andgelika*), это -- Сопочная, и чем дальше к югу, тем это большое, красивое декоративное растение сильнее и роскошнее. Относительно нахождения лося старые охотники сообщили, что зверя этого теперь уже много лет не видать в Камчатке, но что в старые времена он попадался иной раз на западном берегу, да и то все-таки как большая редкость. И

действительно, можно думать, что за пределы северной тундры в редких случаях забегают только отдельные, отбитые от стада и преследуемые животные, а обычно Парапольский дол, благодаря своей обширности и недостатку в корме, не пропускает лося в Камчатку. Относительно гидрографических отношений этой местности я узнал, что р. Напана, берущая свое начало у Тепанского вулкана, до того сближена здесь с северным истоком реки Хариузовой, Тулханом, что в весеннее половодье с Напаны прямо в Хариузову проезжают на батах. Водораздел здесь всего верст в 6, и лодки волоком перетаскивают через тундру, чтобы попасть с одной реки на другую. Есть также и очень удобные зимние проходы -- к истокам Тигиля, а равно и в долину Камчатки, к рр. Крестовке и Козыревке, -- проходы, которыми пользуются нередко. К западу от истоков рр. Напаны и Тулхана (Хариузовой) идет средней вышины кряж, Медвежий мыс, с которого берут начало рр. Утхолока и Кавран, которые поэтому очень коротки и ограничены со всех сторон реками Напаной и Тулханом вместе с Медвежьим мысом. Как Тулхан представляет северный исток Хариузовой, так на юге она начинается большим истоком Плеханом, начальная часть которого вытекает близ р. Ичи и вместе с последней обхватывает береговые реки Белоголовую, Морошечную и Сопочную, имеющие точно так же короткое протяжение.

Охотники с лошадьми вернулись только к 8 часам вечера; теперь можно было надеяться ехать далее. То, что мне пришлось ждать, до такой степени беспокоило тойона, что он хотел было загладить свою вину соболем, которого старался всучить мне. От подарка я, естественно, отказался, но из всего этого увидел, до чего эксплуатируют камчадалов чиновники. Раз чиновник принял подарок, для камчадала это значит, что данная история, от которой он боится дурных последствий, замята и прикончена, даже если бы он, как в настоящем случае со мной, ни в чем не был повинен. А если подношение его отвергнуто, тогда у камчадала остается чувство ненадежности и тревоги, что потом у него возьмут больше. Здесь вошло в пословицу, что камчадал глуп всегда и виноват, а чиновник умен и всегда прав. Слова "глуп" и "умен" в приведенной пословице, если держаться правды, нужно заменить словами "честен" и "послушен" и -- "хитер" и "бесчестен". Поэтому мне пришлось много возиться, чтобы втолковать тойону, что я не вижу ровно никакой вины в том, что лошади не тотчас же были доставлены для дальнейшего путешествия.

6 сентября. На приготовления к дороге и на переправу через реку пошло так много времени, что только к 7 часам мы были в седлах. С юга поднялся ужасный курильский ветер и нагнал с моря тяжелых туч, а затем скоро начал хлестать сопровождаемый бурей дождь, подававший неутешительные надежды на 90-верстное путешествие в Утхолоку.

Сначала мы проехали несколькими плоскими луговыми долинами, между совсем низкими, поросшими березой (*B. Ermani*), холмами, словом, местностью чисто камчатской. Затем дорога потянулась на далекое расстояние по сухой, покрытой мхом, шикшей (*Empetrum*) и видами *Vaccinium* волнистой местности, над которой поднимались маленькие, поросшие кедром-стланцем, холмики. Здесь богатая ягодами тундра, по-видимому, представляла излюбленное место пребывания небольшой птицы из породы куриных, то и дело взлетавшей перед нами длинными вереницами с голубичника. Ружья были укутаны от дождя и их нельзя было скоро достать, так что ни одной мы не застрелили. Мне птица показалась чем-то средним между белой куропаткой и тетеревом, ближе первой из них по большому количеству белых перьев. Пронзительный, совсем своеобразный крик при взлете звучал, однако, так особенно, что я почти не решаюсь признать в этой птице какой-нибудь из водящихся в Европе видов. В одном месте дороги, где волнистая местность уже распадается на невысокие холмистые хребтики, по сторонам их появились опять "кучегоры", вполне похожие по положению, общему виду и материалу на аманинские. Сейчас за этим возвышением мы попали на более высокий, идущий с северо-запада на юго-восток кряж, на гребне которого поднимается множество небольших острых гор и который был весь покрыт красивым старым березовым (*B.*

Ermani) лесом. Кряж этот называется Кталаммон и обозначает середину пути между Напаной и Утхолокой. Здесь, на небольшом перевале, посреди красивого густого леса выстроена юрта для пристанища путников и охотников. Хотя дождь перестал и было еще рано, мы остановились здесь на ночлег. Промокшие до костей и дрожа от холода, мы поспешили развести громадный огонь, чтоб сколько-нибудь обсохнуть и обогреться. Благодаря расторопности Зиновьева, скоро все наладилось: запылал огонь, закипела вода в котелке, и за горячим чайком забыты были все тягости этого дня. А лес уже смотрел по-осеннему, и в красивой зелени берез виднелось много желтого листа.

7 сентября. Тяжел был вчерашний день, но сегодняшний выдался еще гораздо хуже. Уже утром прошел проливной дождь с сильной бурей. Сначала я думал было остаться здесь, под защитой леса, но мысль о предстоящем, еще далеком пути и о том, что сезон-то уже довольно поздний, погнала меня дальше.

С Кталаммона берут начало 8 ручьев, образующих слиянием своим р. Куачин, впадающую в море между мысом Омгоном и Утхолокой и сильно распространяющуюся в ширину благодаря образованию многих рукавов. Между этими истоками Куачина возвышаются всюду умеренные высоты, из которых одни покрыты березняком, другие только кедровником, а иные и совсем обнажены и даже несколько болотисты на вершине. У двух из таких гор, Янг-санг-кона и Аулхуна, на оголенных вершинах виднеются скалы. Все эти высоты не образуют связных цепей или кряжей, а являются изолированными, без всякого порядка поднимающимися над ровной местностью кучеобразными горами или холмами, которые почти все в свою очередь увенчаны островерхими возвышениями. Да и Омгонская (по-камчадалски А-онг-тов) и Утхолокская (Ок-лан-гуй) горы принадлежат вполне к подобным кучеобразным горам и причисляются к значительным возвышенностям. Но эти последние горы лежат уже так близко к морю, что прибой волн их уже наполовину разрушил, и потому они ныне превратились в крутые мысы. Все эти кучеобразные и собранные группами горы кажутся мне высшей ступенью развития "кучегор" и островерхих холмов у Паллана и Тигиля; наибольшего развития эти холмы достигают в месте прорыва настоящих старых вулканических масс (Тепана, Пирожникова). Подобный же напор базальто-трахитовых или древневулканических массивных пород на здешние третичные образования всюду дал одинаковые результаты, и только в одном месте более заметные и сильные, в другом -- менее ощутительные. Жар активных извергавшихся масс с их парами и газами произвел во всех случаях в подлежащем пассивном материале разрушения и новообразования однородного характера.

Порода, выходы коей замечаются в берегах сказанных ручьев, была опять-таки мергелистым песчаником от светлой до бурой окраски, большей частью в раздробленных, поднятых, сброшенных и изогнутых пластах. Встречались здесь опять и шаровидные отдельности, и концентрически-скорлуповатые образования, как под Тигилем, а также битуминозные слои. Галька в ручьях состояла из обломков базальта, трахита, миндалевидной и какой-то темной обломочной породы, переполненной зернами цеолита, кварца и полевого шпата.

Большую часть пути нам пришлось идти пешком, так как местность была до того болотиста, что лошади вязли. Верст 5 не доходя до места нашего назначения, мы попали в ужасную трясиину, из-за которой нам было необходимо сделать большой обход. Мы не могли выполнить этого при наступающей темноте и принуждены были потому сделать привал. Снова, дрожа от мокроты и холода, разбили мы палатку, но на этот раз в местности, где не было леса, чтобы укрыться, и где редкий, корявый кедровник не позволял даже развести большого костра.

8 сентября. На рассвете меня разбудила дробь дождя о нашу палатку. Тем не менее, мы скоро уселись на коней, объехали по возможности скорее болото и в 8 часов были уже в Утхолоке. Продолжать путь сегодня же было немыслимо, так как дождь и буря бушевали ужасно.

Утхолока лежит на правом берегу реки того же имени, верстах в 10 от моря, если считать по прямой линии, тогда как по реке, благодаря извилинам, до моря считается 30 верст. В местечке 10 домов с 30 человеками мужского населения и 28 женского. У обывателей 16 лошадей, 20 коров и хорошие огороды. Местечко владеет всем необходимым для очень успешного разведения скота; овощи точно так же удаются здесь отлично; и все-таки, несмотря на это, и то, и другое занятие для населения -- лишь принудительная работа. На всех здешних инородцах, да и на русских, проживших здесь более долгое время, заметно, что бродячая жизнь, рыболовство и охота нравятся им больше, чем домовитость спокойной оседлой жизни. У них нет ничего, что составляло бы комфорт или служило для внешнего украшения жилища. Построить в лесу юрту, чтобы собирать в ее окрестности корни и ягоды, им приятнее, чем ухаживать за домашним огородом, могущим дать хороший доход, или ловить рыбу где-нибудь на ручье и жить в вонючем балагане более соответствует их вкусам, нежели делать свой дом обитаемым при помощи более выгодного занятия разведением рогатого скота и лошадей.

Ближайшая окрестность Утхолоки -- плоска, но недалеко возвышаются вышеупомянутые кучеобразные холмы и горы, к которым относятся и высоты Утхолокского мыса. В берегах реки залегает опять светлый и более темный, до буроватого, песчаник в поднятых пластах, и опять попадаются концентрически-скорлуповатые отдельности. Относительно проходных рыб мне сообщили, что весной устья реки прежде всего появляются две лососевые рыбы -- семга и кунжа; затем в реку поднимается каюрка, рыба по форме и внешнему виду совсем похожая на чавычу, но гораздо меньше ее. За ней идет, как главная рыба этой местности, хайко, а затем -- горбуша и кизуч. Ход заключается гольцом, форелью, большей частью и на зиму остающейся в реке. Чавычи и красной рыбы здесь нет вовсе.

К вечеру улегся свирепый курильский ветер, а с ним перестал и дождь; небо стало яснее, и я рассчитал, что завтра можно будет проделать 46 верст пути до Каврана. Покой и отдых в теплой комнате оказали самое благодетельное действие.

9 сентября. Только к 10 часам погода стала надежной, и тогда мы тотчас тронулись в юго-западном направлении к морю, через мягко-волнистые моховые луга. Красиво и отчетливо поднимались пред нами над равниной островерхие купы Утхолокских и Омгонских гор в виде отдельных масс. Спутники рассказали мне, что в этих горах держатся каменные бараны и что эти животные, будто бы, нередко бродят сюда и назад с Тепаны по моховым равнинам.

Часа 3 мы ехали, в отлив, низким морским берегом к югу. На этом пути мы обратили внимание на большую черную массу, лежавшую далеко впереди нас на берегу и окруженную множеством птиц. Подъехав ближе, мы увидели огромного кита, которого выбросило на берег бурей последних дней. Животное было мертво, но еще не загнило. На одном боку очень ясно видны были следы сильных, нанесенных гарпуном, ран. Громадное существо лежало растянувшись на брюхе и имело от конца мощного распростертого плеса до конца морды около 56 футов длины. Спинного плавника не было. Большие передние конечности, до половины засевшие в песок, лежали словно большие плавники. Нижняя губа отвисла и обнажила длинный ряд усов, которые, имея в толщину около 6 -- 7 мм, снаружи были с острым краем, тверды и плоски, а кнутри заканчивались волосовидной бахромой. Промежутки были миллиметров в 5--6 шириной. Каждая пластина сверху, при месте прикрепления к верхней челюсти, имела в ширину около 20 см, а книзу приострялась и оканчивалась пучком жестких волокон. Все усы стояли поперечно относительно продольной оси животного. Самые передние, у конца очень широкой морды, были очень коротки и походили даже просто на скопление жестких щетин, но кзади они быстро увеличивались в длину, так что самые длинные доходили футов до 7, а, пожалуй, и больше. Несколькими ударами топора мы проделали брешь в этой стене, и за ней открылась большая, темная, вонючая полость, весь верх

которой состоял из бесчисленных свешивающихся вниз волокон, а внизу лежал гигантский, мягкий и скользкий язык, в котором я положительно несколько увяз, влезши внутрь пасти. В глубине зева, у внутреннего отверстия носовой полости, и на тысячах свешивавшихся вниз волокон еще и посейчас кишели небольшие морские животные, а именно мелкие ракообразные. Все колоссальное тело было темно-серого цвета и местами очень густо усажено паразитами (видами *Baianus*).

Камчадалы мои были весьма обрадованы этой находкой и решили сейчас по возвращении домой приняться за разделку животного и припрятывание его частей. Они представляли из себя прекрасный корм для собак на долгое время.

Далее к югу морской берег понемногу поднялся до 40 -- 50 футов и стал при этом крутым. От четырех до пяти устьев небольших ручьев перерезают берег и все они несут обломки угля изнутри страны. Эти высокие берега состоят точно так же из двух ярусов горизонтально лежащих пластов песчаника. Верхний ярус, это -- встречающийся здесь, начиная с Тигиля, лишенный окаменелостей, светлый песчаник со своими спутниками, глиной и глинистым камнем ("кучегоры") и переходами в кремнистые и известковатые массы. Нижний ярус -- серый, мелкозернистый песчаник, переполненный непрочными окаменелостями, как под Воямполой. Особенно хороши были здесь крупные экземпляры какого-то вида *Pecten*.

Подвинувшись уже довольно близко к устью Каврана, мы могли далеко окинуть глазом море. Оно образовало здесь большую, широкую и открытую бухту, которая с севера замыкается Утхолокским мысом, а с юга -- Белоголовым, и в которую, считая с севера, впадают следующие реки: ближе всего к Утхолокскому мысу -- река того же имени, за ней несколько небольших ручьев, затем река Кавран, в устье которой впадает также текущий с северо-востока ручей Лёльгац, и, наконец, южнее всех, близ мыса Белоголового, -- рр. Хариузова и Белоголовая, открывающиеся вместе в одно общее, большое и похожее на залив устье. Оба названные мыса выдаются далеко в море, особенно мыс Белоголовый, заканчивающийся большой, округленной скалистой массой, перед которой лежат два острова. Из последних один, побольше, -- Ачванч, представляет остроконечную, с широким основанием, скалу. Другой, гораздо меньший, лежит от первого далеко, так что между обоими могут проходить большие суда. От устья Каврана я взял пеленги: мыс Белоголовый 221°, мыс Утхолока 350°, а приблизительное направление берега к северу -- 12°.

Мыс Белоголовый. Скалистые пред ним острова

Оставив берег моря, мы перешли теперь через моховую волнистую местность, затем через холмы, поросшие кедром, и вышли на реку Кавран, где стояло несколько балаганов, обитатели которых живо помогли нам переправиться на другой берег. Здесь, наконец, мы опять видели медведя. Если бы я не знал, что эти звери в это время года забираются, идя следом за рыбой, высоко в горы, я решительно счел бы страну эту бедною медведями. От балаганов, у которых мы перебрались на левый берег реки, вверх до Каврана оставалось пройти уже немного. Местечко это лежит на левом берегу реки; в нем 9 домов; населения -- 24 человека мужчин и 40 женщин. Жители сообща владеют 25 коровами и 16 лошадьми; огороды крайне плохи, и, в общем, местечко производит несколько грустное и жалкое впечатление.

Проходные рыбы следуют здесь в таком порядке: каюрка, хайко (как главная), горбуша, кизуч и голец; чавычи и красной рыбы и здесь также нет вовсе.

10 сентября. Рано утром мы выехали на Хариузову, расположенную в 35 верстах отсюда. Вся дорога идет собственно только по одному значительному кучевидному хребту средней высоты. Непосредственно за селением местность поднимается крутыми

мергелисто-песчаниковыми скалами, которые отвесно падают к реке и наверху заканчиваются небольшими, покрытыми лесом конусами. На север, к Каврану, горы поднимаются более круто, речки их изливаются большей частью в реку Кавран, к югу же горы спускаются более постепенно, образуя длинные долины между небольшими кряжами. Все эти долины орошаются небольшими притоками р. Хариузовой, а лежащие между ними высоты более или менее остроконечны и покрыты прекрасным березовым (*B. Ermani*) лесом, по опушке которого тянется кустарный кедровник. Дно долин представляет большей частью мокрую моховую тундру, особенно в последней части пути. Обнажающаяся по берегам ручьев порода -- всюду опять тот же мергелистый песчаник. С края одной из этих долин, более широкой и позволяющей свободнее и шире окинуть глазом всю местность, поднимается удивительно красивая, колоссальная конусообразная гора; картина получается роскошная. Этот голый, стройный, бесснежный пик возвышается над многочисленными, покрытыми лесом горами и над всеми прочими возвышенностями всего горного массива, заходя за границу растительности. Это -- Элеулен, общим видом и вышиной замечательно напоминающий Милишауер Богемских гор -- Мительгебирге. Он носит, так же как этот последний, характер настоящих базальтовых поднятий. Если бы я уже ранее не убедился в том, что еще до прорыва трахитов в Срединном хребте и параллельных ему западных цепях имели место и поднятия базальта, обнаружившие влияние на третичные отложения всей пройденной мною ранее западной части Камчатки, то я должен был бы убедиться в этом теперь, при взгляде на Элеулен. Чисто базальтический склад красивого пика, темные, твердые породы окрестной местности, вкрапленные мелкие зерна оливина -- все это слишком ясно говорило в пользу того. Принять, что Элеулен, этот базальтовый конус, действовал, хотя бы и в древнейшие времена, нет оснований, да и ничего похожего на кратер, по-видимому, здесь не имеется. Следовательно, гора эта по образованию своему древнее самых древних трахитовых кратеров этой области (Тепана, Пирожникова сопка и др.).

В 3 часа мы были в Хариузовой, где нас самым радушным образом приветствовал тойон и его люди. Извещенный заранее о моем прибытии, он облачился в парадный костюм -- черную бархатную куртку и синие полосатые штаны; рядом с ним была его жена, тоже принарядившаяся в голубое ситцевое платье. Он заставил меня зайти в хорошенькую комнату своего очень опрятно выглядевшего дома. Здесь все производило впечатление уюта и довольства. Лавки, пол и окна содержались в чистоте. Стоявший перед лавками стол был покрыт красной скатертью. На стенах висело несколько картинок и даже маленькое зеркало. В углу на полке стоял начищенный самовар с нарядным чайным сервизом. Словом, порядок и чистота были, положительно, поразительные. Скоро стала для меня понятной и причина такого благосостояния. Дело в том, что здесь никогда не бывало насильственного переселения, и народ спокон века жил на месте, практично выбранном им самим. Власть имущие как-то, к счастью этих жителей, прозевали, да, пожалуй, и забыли их. И я замечал это постоянно в Камчатке, последний раз у палланцев, которые точно так же, оставшись нетронутыми, жили в своем месте счастливо и в достатке. Все поселения, слишком опекаемые местными властями, обнищали и часто населены хворым и вымирающим народом, между тем как не попавшиеся на глаза и забытые находятся в цветущем состоянии.

Да и угощение было очень хорошо и, по старокамчадальскому хлебосольству, обильно. Кушанья подавались на хороших чистых тарелках и блюдах. Тут были хорошее, свежее масло и творог -- продукты местного скотоводства (стадо состояло из 40 коров и 15 лошадей), свежий, вкусный картофель и хорошая редька, жареные форели и утки. В заключение подали чай, сервированный в хороших чашках, на подносе. На всем лежал такой лоск цивилизации, что почти можно было забыть, что находишься в гостях у камчадала.

Хариузова лежит на правом берегу большой, носящей то же имя, реки, верстах в 30 от впадения ее в море. Как уже сказано, река эта впадает вместе с другой -- Белоголовой -- в одну глубокую, обширную бухту, в которой прежде даже становились суда на зимовку. Местечко это порядочно обстроено, состоит из 19 домов и часовни и его населяют 70 мужчин и 73 женщины. Река очень богата рыбой, а охотничьи угодыя очень добычливы, что в здешних местах много значит в благосостоянии жителей. Последовательность в ходе рыбы здесь такова: первой появляется -- как редкость -- чавыча с каюркой, за ними идет, как главная проходная рыба, хайко, а затем -- горбуша, кизуч и голец.

11 сентября. От Хариузовой до Белоголовой -- 27 верст. Рано утром переправились мы чрез реку и опять пустились в странствие. В речной гальке в общем лишь очень редко попадалась пористая вулканическая порода, судя по очень округленным и ошлифованным кускам, снесенная течением сверху (должно быть, с Тепаны). Больше всего было здесь обломков кремня, полевошпатовых, богатых кремнеземом пород, плотных, темных сланцев и базальтов.

Дорога шла сначала небольшим болотом, а затем волнистой местностью, на которой чередовались ровные, поросшие мхом и кедровником участки с участками холмистыми. Холмы были очень высоки и густо покрыты березой, *Empetrum*, *Erica* и белым мхом. Затем мы дошли до высокого, поросшего березой кряжа, который, в виде водораздела между рр. Хариузовой и Белоголовой, тянулся на восток к одному из параллельных Срединному хребтов, над которым возвышалось три, очень похожих на Элеулен, но гораздо менее высоких, пика. Наконец перед местечком Белоголовой нам пришлось еще пройти небольшую моховину с кедровником, и к часу дня мы добрались до места, перед самым началом дождя. На правом берегу, приблизительно в 40 верстах от устья реки Белоголовой, в плоской и некрасивой местности стоят 8 домов, образующие это селение; жителей в нем всего 23 мужчины и 22 женщины, скота -- 15 коров и 3 лошади; огородничеством занимаются очень мало. Проходные рыбы здесь -- те же самые, что и в Хариузовой. Мне рассказали, что в камнях мыса Белоголового попадаются очень красивые, пестрые кремни, и показали даже образчики. Это были самого разного рода и окраски агаты и халцедоны, откуда, как кажется, можно сделать вывод, что здесь, совершенно как на мысе Кинкиле, залегают миндалевидные породы, коих миндалины и пустоты выполнены самыми разнообразными цветными кварцами. Далеко на западе поднимается над равниной стоящая совершенно особо Морошечная сопка -- конус средней вышины, окруженный кучеобразным скоплением гор, наверное, представляющий также поднятие базальта.

12 сентября. Выступить ранним утром нам помешал сильный дождь, и только к 10 часам, когда он прекратился, мы могли выехать к Морошечной, до которой отсюда 50 верст. В речной гальке базальтовых обломков мне попадалось очень мало, зато очень много -- кусков глинистых камней и песчаников, которых и залежи нашлись тут же, в берегах. Мы перебрались за реку и поехали в южном направлении по волнистой местности, где сменяли друг друга холмы с березняком, места, покрытые кочками, пустоши, моховины, луга, а небольшие ручьи текли в совершенно плоских долинах. Березовые лески занимают, как острова, холмы более высокие, холмы пониже заросли кедровником, а совсем низкие покрыты моховыми кочками. Некоторые из ручьев были очень глубоки, и через них были перекинuty до того примитивные мосты, что только каким-то чудом лошади переходили по ним, не ломая ног.

Осень сделала уже большие успехи: лист с деревьев уже большей частью опал, а трава пожелтела и полегла. Морошечная сопка виднелась и отсюда далеко на западе среди ровной местности. Со своими придаточными горами она стоит близко к морю и образует водораздел между рр. Морошечной и Белоголовой. И здесь тоже находят цветные кварцы, а значит, и здесь основную породу, наверное, опять-таки составляют базальт и миндалевидный камень.

Несмотря на ранний час дня и хорошую погоду, нам пришлось из-за плохих лошадей, проехав уже значительно более половины пути, сделать стоянку на опушке одного березового леса.

13 сентября. Было сухо, но так пасмурно и туманно, что даль была скрыта от нас. Рано утром мы сели на лошадей и после быстрой езды по сухому участку уже к 9 часам доехали до местечка Морошечной. Последняя лежит на высоком, состоящем из пластов песчаника, правом берегу реки того же имени, к которому с юга примыкает большой прекрасный луг. От местечка до устья реки сухим путем 60 верст, рекой -- 150 верст, а считая по прямой линии, всего 30 верст. От селения река берет направление более к северу, к устью Белоголовой, от которого отстоит при впадении своем в море всего в 15 верстах и отделена Морошечной сопкой.

В Морошечной 13 домов; жителей -- 41 человек м[ужского] п[ола] и 33 -- женского; скота -- 7 лошадей и 30 коров. Об огородничестве почти не стоит и упоминать. Порядок хода рыбы опять тот же, что и в последних из названных рек. В том, что мне подали к столу, ничего огородного, даже картофеля, не было, зато к жареной рыбе дали разных вареных клубней. Кроме знакомой мне сараны (*Fritillaria Kamtschatica*), здесь были луковицы цветущей желтыми цветами овсянки (*Lilium avenaceum*), а также востроножка и однолистка, которые по виду и по вкусу похожи на кемчигу, но, как кажется, относятся к лилейным.

Так как было еще рано, а свежие лошади стояли уже готовыми и погода обещала быть благоприятной, то мы сейчас же собрались в путь на Сопочную, до которой отсюда 70 верст. В 3 часа мы сели на коней, проехали первые версты четыре болотом, а затем, когда начался дождь, добрались до тянувшегося на дальнейшее расстояние березового леса (*B. Ermani*) и, проехав его, в самом конце разбили свою палатку.

14 сентября. Погода была хорошая, но дорога, все в южном направлении, сначала шла ужасной топью. Нам пришлось много идти пешком по грязи и трясине, а если ехать, то шагом. Много неглубоких ручьев пересекало дорогу, и все они были до того набиты истомленной рыбой (кизучами), что лошади иной раз давили ее ногами. Здесь опять появились следы медведей и частые остатки их обедов. На одном из ручьев мы встретили много обывателей Сопочной, которые пришли сюда на лов рыбы вместе со своими лошадьми. Так как лошади мне были крайне нужны, я должен был взять их с собою. Мы поднялись теперь на невысокий кряж, заканчивающийся на западе, близ моря, довольно высокой сопкой, а на востоке другой, такой же. Эта тянущаяся от Срединного хребта к морю (приблизительно с востока на запад) возвышенность проходит между обеими реками Сопочными и отделяет их одну от другой. Дело в том, что р. Сопочная состоит, собственно, из двух рек, соединяющихся друг с другом недалеко от их общего устья и имеющих водоразделом именно только что упомянутый кряж. Северная, более длинная, Хикиген, берет начало в Срединном хребте, тогда как южная, меньшая, Суж, текущая в расстоянии около 15 верст от первой, выбегает из близлежащих гор.

Падающей к югу луговой долиной мы спустились к Хикигену, в берегах которого я нашел залегание опять темноцветного мер гелистого песчаника. У реки стояли балаганы и одна маленькая изба обывателей Сопочной, которые занимались здесь ловом рыбы и перевезли нас на другой берег. Луговая долина, о которой я только что сказал, представляла для меня неожиданное зрелище: первый раз я увидел красивый медвежий корень (*Anqelica*), который, должно быть, здесь имеет северную границу распространения. Хотя осень уже сильно поубавила растений, все-таки весь луг был покрыт, как лесом, гигантскими стеблями этого красивого декоративного зонтичного растения. Больших веерообразных листьев уже не было, или они свешивались, уже поблекшие и засохшие, вниз, и только большие зонтики с семенами еще стояли прямо на вершине растения. По всему лугу торчали высокие, до 10 футов и толщиной в руку, стволы. Киттлиц в своих картинах "*Vegetationsansichten*" дал красивую, хотя точно так

же осеннюю, картину этого великолепного растения и полагает, что его нужно отнести к роду *Anqelica*. Название "медвежий корень" происходит оттого, что будто медведи, как уверяют местные жители, пользуются при поранениях корнями этого растения как лекарством. Говорят, будто они их выкапывают, прикладывают к ним пораненными частями тела и трутся об них. (Это *Anqelophyllum ursinum* Rupt.)

Проехав быстро по сухой местности через упомянутый водораздел и через пару небольших ручьев, мы прибыли в 5 часов ко второй из образующих Сопочную рек, -- к Сужу, а на правом ее берегу лежит и самое местечко Сопочная. 10 домов хорошо построены и красиво расположены у реки в привлекательной местности. Жители (30 мужчин и 36 женщин), кажется, живут недурно; хозяйство их представлено довольно большими огородами, 45 коровами и 5 лошадьми. Охота дает хорошую наживу, так же, как и лов проходной рыбы, которой здесь очень много; породы ее и порядок хода те же самые, в тех же количествах, что и в ранее упомянутых реках. Самое низовье р. Сопочной (по соединении Хикигена и Сужа) направляется к северу, по направлению к устью Морошечной, и устье удалено от местечка на 60 верст, между тем как до моря напрямик считают всего 37.

Тойон, крепкий, толковый человек, пользующийся репутацией отличного охотника, представился мне в очень пестром наряде, походившем почти на фантастический маскарадный костюм, и принял участие во всех угощениях, а особенно в чаепитии. Он был очень словоохотлив, и я мог позаимствоваться из его рассказов кое-чем и интересным. Он проводил здесь границу между наречием камчадалов Пенжинского берега на севере и наречием курильских камчадалов на юге, относя Сопочную еще к первой группе, -- границу, которую прежде большей частью относили более на юг, до Оглукомины. Во всяком случае, жители Курильских островов, айны, оказали значительное влияние на язык камчадалов южной части полуострова. Что в дорусские времена здесь были смешанные браки и торговые дела с айнами, а через посредство последних сношения и с Японией, это признается здесь всеми и много и часто приходится об этом слышать.

Из продуктов минерального царства и здесь тоже есть цветные кварцы, находимые в большом количестве в миндалевидной породе и идущие на кремни. Кроме того, здесь есть еще очень белая, прекрасная глина, которую употребляют для беления комнат. Наконец, здешние жители готовят очень прочную краску для окраски окон и дверей, растирая на рыбьей икре измельченную в порошок сферосидеритовую или охровидную породу. Сферосидерит встречается здесь в совершенно тех же условиях, как и на устье Тигиля, и точно так же содержит много остатков растений. Красивые, очень большие пластины слюды, которые вставлены вместо стекол в оконные рамы в Сопочной и многих других селениях, -- не камчатского происхождения; их привозят торговцы из Сибири, с берегов Витима.

Белая сопка, она же -- Ичинская, самый высокий и выдающийся пункт всего Срединного хребта, видна отсюда в ясную погоду. К сожалению, в этот раз ее не было видно. От этого важнейшего кряжа всей страны открываются во все стороны проходы и речные долины. Здесь находятся, говорят, и истоки Тигиля. Точно так же здесь берут начало рр. Хариузова (Плехан), Сопочная, Ича и впадающие в р. Камчатку рр. Калю, Кыргана и Кимитина. Истоки Белоголовой, Морошечной, а отчасти и Хикигена, лежат, собственно, в западных предгорьях Срединного хребта и в параллельных ему кряжах.

Ичинская сопка со своею окрестностью принадлежит к богатейшим в отношении охоты местам Камчатки. Здесь бродят стада северных оленей и каменных баранов (аргали), и водится очень много всякого пушного зверя (соболей, лисиц, медведей и др.), а многие горные ручьи, особенно осенью, переполнены лососевыми рыбами. Глушь широко раскинувшейся горной природы и удаленность от всякого человеческого жилья чрезвычайно благоприятствуют размножению животных. Только в последнее время богатства эти привлекли к себе большее внимание. Между тем как прежде в это

охотничье Эльдорадо пробирались только отдельные охотники из камчадалов, в последние десятки лет сюда явилось, как уже я упоминал не раз, с западного берега Охотского моря кочевое тунгусское племя ламутов. Сначала это были единичные выходцы, затем число их скоро возросло, а теперь, говорят, вот уже пять лет, как у Ичинской сопки стоит восемь чумов этого племени с немалым населением.

15 сентября. Нас задержал дождь, и только в 12 часов мы тронулись далее, в Ичу, отстоящую отсюда на 52 версты. Первым делом мы переправились через Суж, затем прошли пешком часа 3 по трясине и по болоту, достигли березового леса (*B. Ermani*), и поехали краем его, более высоким и более сухим. Дальше пошли попеременно болотца да березовые лески, в которых мы несколько раз натыкались на стаи глухарей, достигающих здесь, должно быть, северной границы распространения, и, наконец, мы пришли к Кишуну, глубокой реке, впадающей в море. Эта быстрая река настолько глубока, что при переезде через нее вода доходила до седла. Рыба шла в изумительном множестве, и потому по берегам было видно много пирующих медведей. Сытые звери при нашем приближении пускались в бегство; однако нам удалось, к радости наших проводников, уложить двух довольно больших медведей. Проехав еще небольшое болото и березовый лес (*B. Ermani*), мы очутились на берегу довольно большой и тоже глубокой реки Зайчика, впадающей в р. Ичу не очень далеко от ее устья. Здесь остановились на ночлег. Я обратил внимание, что с Сопочной, по-видимому, совсем исчез кедр, до этого места бывший постоянным нашим спутником.

На берегах Зайчика третичная формация явилась опять в полном своем развитии. В правом берегу было два пласта бурого угля, мощностью до 2 футов, отделенные один от другого жирной глиной и на ней же лежащие. Ниже находящиеся отложения были покрыты водой. На угле залегал 3--4-дюймовый слой сферосидеритообразный, очень богатой растениями, породы, вполне похожей на таковую у Тигиля. Листья и стебли тополя и ольхи и ольховые сережки находились в изобилии в этом тонком слое. Тут же нашлась пара раковин (*Paludina* или *Limnaea*), говоривших в пользу пресноводного характера отложений; во всяком случае, этот слой был совершенно иной, чем раковинные слои под Воямполкой и Кавраном. Все это было покрыто сверху слоем гальки в 3 сажени толщиной, в которой роль главной части играли обломки базальтов и трахитов. Общая высота берега достигала 4 -- 5 сажень.

16 сентября. Ночь была очень ясная и очень холодная, почему вода в реке сильно спала и облегчила нам переправу. Нам пришлось опять большею частью брести по болотам, перебираться чрез ручьи и ехать небольшими сухими березовыми лесками, а под Ичей еще перейти довольно скверное болото; в Ичу мы попали к 12 часам. И на сегодняшнем пути не попалось также ни одного кедра. Вся местность была плоска и пустынна, только далеко на востоке мы увидели отсюда в первый раз Срединный хребет в виде крутых гор и их вершин.

Селение Ича лежит на правом берегу реки того же имени, которая здесь течет, разбившись на три рукава. Река эта -- положительно одна из самых больших и значительных на всем западном берегу Камчатки, но при этом носит характер настоящих горных потоков, в которых количество воды поразительно быстро меняется, смотря по погоде. До ее устья от селения сухим путем 20, а водой 30 верст. Когда мы приехали, все еще спали, вместо того, чтобы работать и готовиться к зимнему житью. Этому вполне отвечало здесь и все прочее. Жаловались на недостаток пищевых средств, а река все еще была полна рыбой, 8 домов и церковь имели ветхий и беспорядочный вид. За маленькими огородами, видно было, ухаживали плохо. Жители (26 мужчин и 31 женщина) производили грустное впечатление людей нездоровых; у них 36 коров и 3 лошади. В прежнее время, говорят, здесь жилось лучше и не было недостатка в физическом и материальном благосостоянии. Мне рассказывали, что вследствие излишка рогатого скота, много его угнали за хребет, в Милкову, куда он приходит на 17-й день; при этом пользовались перевалом с истоков Оглукоминой на истоки Кырганы.

Последовательность в ходе рыбы здесь почти та же, что и в упомянутых выше реках: первой появляется -- как редкость -- чавыча вместе с каюркой, а за ней идет "густая рыба", в состав которой входят хайко, горбуша, кизуч; семга остается в низовье.

17 сентября. Расстояние от Ичи до Оглукоминой -- 40 верст. Уже в 6 ч. утра мы переправились через р. Ичу, галька которой состоит из обломков толстосланцеватого темного глинистого сланца, кремней, трахита и несколько пористой лавы. Течение было умеренное. Первая половина пути пролежала плоской болотистой местностью, с маленькими островными березовыми лесками, в которых было более сухо. Вторая -- шла через холмистые, поросшие березой, гряды с длинными луговыми долинами между ними, по дну которых струились небольшие ручейки. Все они стекают в Ичу и принадлежат речной системе, идущей почти до Оглукоминой. Перед самой Оглукоминой нам опять пришлось перейти болото, за которым мы и попали на эту глубокую, разделенную на много рукавов, реку. По берегам далеко тянулся густой кустарник из ивы, ольхи, березы и *Sambucus*, который местные жители называют тальником. Здесь Срединный хребет лежит еще ближе и в нем видны большие ворота -- широкая долина, через которую прорывается река, и где лежит излюбленный перевал в долину р. Камчатки, на Милкову и Кырганик, -- перевал, который был в большом ходу в старину, когда страна была еще густо населена.

Местечко Оглукомина лежит в 30 верстах от устья реки того же имени, на левом ее берегу. В нем 9 домов, жителей -- 32 человека м[ужского] п[ола] и 25 -- ж[енского] п[ола], 35 коров, 3 лошади и плохие огороды. Проходные рыбы те же самые, что в Иче. Санитарное состояние, по-видимому, и здесь было крайне дурное, так как, например, тойон лежал больной, сплошь покрытый ужаснейшими ранами.

18 сентября. Погода была ясная, и подморозило так, что все лужи покрылись льдом. Рано утром мы сели на лошадей и поехали низменной, волнистой местностью. На пути попадались невысокие цепи холмов, между которыми бежали ручьи с востока на запад, и березовые лески. Кедр отсутствовал и здесь, а по опушкам леса был заменен кустарником рябины. Обнажений горных пород здесь не было видно; только на одном ручье попался выход прекрасной белой глины. В 1 ч. дня мы прибыли на Садаш, глубокий приток р. Крутогоровой, где на нашу беду не оказалось батов, которых вообще во всей Камчатке очень редко не бывает на глубоких реках, вдали от жилья. Из-за этого вышла немалая задержка. Вода доходила лошадям до спины, и нам пришлось переправлять свою кладь по одной штуке, держа высоко над собой, а для этого -- много раз переезжать глубокую реку. Пройдя еще небольшое пространство по южному берегу этой реки, мы дошли до прибрежного кустарника р. Крутогоровой, того же характера, что и на Оглукоминой. На левом ее берегу, верстах в 15 от моря, лежит селение Крутогорова, состоящее из 5 домов с населением из 21 мужчины и 24 женщин. Лошадей здесь не было вовсе, коров -- 19. Река, мощный горный поток, так вздулась от шедших в последние дни дождей, что выступала из берегов; теперь она снова сделалась совершенно неглубокой. И здесь все еще рыба шла во множестве -- те же виды и в том же порядке, как и в Оглукоминой. Речная галька представляла пеструю смесь пород, которые, по-видимому, свидетельствовали, что река получает ее из южной части Срединного хребта. Древневулканические породы попадались сравнительно редко, а преобладали слюдяные и глинистые сланцы, даже мелкозернистые граниты с кремнями, а также породы, содержащие слюду и роговую обманку.

Хотя от Оглукоминой до Крутогоровой мы проехали всего 22 версты, однако остались здесь, так как тойон обещал показать вечером камчадалские пляски. В 6 часов вечера

комната наполнилась гостями. Явился оркестр, состоящий из скрипки, балалайки и своеобразного духового инструмента, сделанного из довольно толстой тростины (*Strandhafer*), на котором играли, как на кларнете. Затем выступили 5 женщин в качестве главных артисток. После того как всем подали чай, началась музыка, которая состояла, собственно, из длинного ряда диссонансов и возбуждала смех. Сначала сплясали мужчины пару танцев, представляющих скверные копии русских; затем 5 дам стали в круг и завертели под более веселую музыку. Они пододвинулись друг к другу близко, подтягивали музыку и как-то особенно быстро и сильно поводили то верхней, то нижней частью тела. Ничего красивого и привлекательного в этой пляске, так называемой "каюк-баба", не было, и приятнее всего было то, что неграциозные кривляния тела скоро прекратились. Другого танца, "бахии", в прежнее время бывшей здесь в большом ходу, не плясали. Мне сказали, что женщины отказались от исполнения этой пляски, да и не без резона, так как это -- собственно музыкальная пантомима, в которой изображается в лицах любовный пыл влюбленной парочки медведей.

И отсюда есть удобные проходы чрез Срединный хребет в долину Камчатки, именно на Верхнекамчатск, Шарому и Пушкину, -- проходы, которые теперь, когда население полуострова сильно убыло в численности, посещаются уже далеко не так часто, как в былые времена.

Белая, или Ичинская сопка

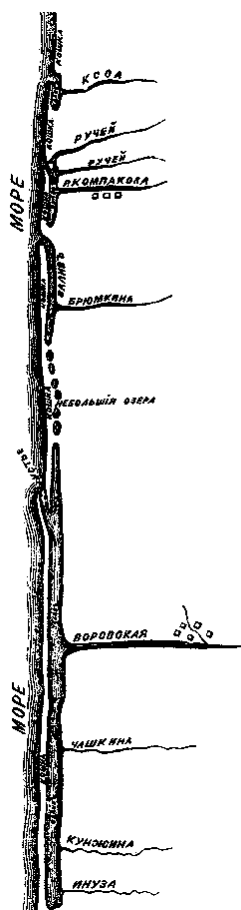
19 сентября. Так как в Крутогоровой вовсе не было лошадей, то мне пришлось, чтобы доехать до ближайшего селения Компаковой, отстоящей на 32 версты, пользоваться вчерашними, и я послал их вперед сухим путем на устье, а сам решил спуститься по реке на батах. Погода была превосходная. Бойко поплыли мы очень извилистой рекой к ее устью, куда я и прибыл в 9 ч. утра; лошадей, которые шли тихо, пришлось подождать еще 2 часа. Берега реки большей частью низменны и поросли ивовым и ольховым кустарником. Лишь в одном месте, близ местечка Компаковой, правый берег поднимается до вышины приблизительно в 100 фут., обнажен на значительном пространстве, и в этом обнажении выступают на дневную поверхность третичные наслоения почти совсем в том виде, как под Седанкой; в самом низу -- серо-бурая глина с каменистым сложением, на ней 3 фута бурого угля, покрытого тонким слоем сферосидеритовых желваков с остатками растений, затем мощные слои светлого песчаника, а поверх всего большие массы гравия и хряща. Здесь, по-видимому, было налицо последнее обнажение третичных отложений, которые, уже начиная с Ичи, появляются все в меньшем и меньшем количестве. Теперь, при ясном небе и горизонте, отсюда можно было осмотреть местность на далекое расстояние во все стороны. От Срединного хребта до моря и на юг, как только хватало глаз, она является совершенно ровной. Берег моря имеет ясно выраженное направление с севера на юг и состоит из очень твердого, широкого, сверху плоскоокругленного вала из дресвы и песку (так называемая "кошка"), очень круто падающего к воде, почему море уже у самого берега имеет значительную глубину; а со стороны материка к этому вату примыкают большей частью моховые тундры. Как и упомянутые выше образования этого рода, так точно и эта "кошка", сбита силою морских волн из обломков самых различных пород с песком и глиной в плотную твердую массу, тянулась почти без перерыва далеко на юг полуострова и играла важную роль в отношении устьев всех, начиная отсюда, рек. Только на востоке сплошная равнина ограничена Срединным хребтом, который здесь лежит не особенно далеко и становится уже менее высоким. На него сегодня, благодаря очень ясному небу, открывался отсюда роскошный вид. На 57° к северо-востоку возвышалась над зубчатым гребнем хребта великолепная Ичинская сопка (она же --

Белая сопка; по-камчадалски Колхон). Высота красивого, несколько усеченного, в настоящее время совсем недействительного вулканического конуса исчислена Эрманом в 16,920 фут.; таким образом, это -- самая высокая гора не только Срединного хребта, но и всего Камчатского полуострова, так как она на несколько сот футов выше Ключевской сопки. Сразу к югу от этого блиставшего теперь снегом вулканического колосса хребет представляет крутые и резкие острия и зубцы; точно также у истоков Крутогоровой, лежащих отсюда на 96° к востоку, поднимается крутой горный массив. В общем, местность падает во всех направлениях от Ичинской сопки и, как уже выше сказано, с этого высочайшего водораздела всей страны открываются по все стороны проходы и речные долины.

Между тем как весь север Срединного хребта, до Ичинской сопки, состоит без исключений из базальтов, трахитов, а также, конечно, и вулканических пород, поднявших и нарушивших третичные отложения, южная часть этой длинной горной цепи характеризуется в особенности древними плутоническими образованиями, каковы порфиры и породы гранитные и сиенитовые, которые, со своей стороны, прорвали древние сланцы, глинистый и слюдяной. Близ южной границы этих двух больших геологических систем возвышается Ичинская сопка как самый южный вулкан собственно Срединного хребта.

Поджидая при устье Крутогоровой лошадей, я заинтересовался несколькими колоссальными китами, которые добродушно потирались своими гигантскими тушами о крутой спуск "кошки" и окачивались прибоем. Они имели, по меньшей мере, сажень 7--8 в длину; спинного плавника у них не было, а голова была очень широка. Темно-серое тело их было все покрыто всякими паразитными ракообразными, так что выглядело, благодаря светлой окраске последних, пестрым. Тревожимые паразитами животные, по-видимому, и старались от них избавиться трением об острые камни-хрящи "кошки". Так как рот был закрыт и воды в его полость не попадало, то вследствие этого при выдыхании воздуха, происходящем с громадной силой и сопровождаемом сильным, глухим басовым звуком, выбрасывалась лишь распыленная слизь. Киты плавали и валялись всего саженьях разве в 4 от берега. Несколько пущенных мною выстрелов заставили животное, которое я ранил, испустить рев низкого тона и быстро кинуться сильными скачками в глубь моря, вспенивая воду ударами гигантского плеса.

Только к 11 час. мы тронулись с устья Крутогоровой самым берегом моря, по "кошке", далее на юг. Первое, что попало нам на пути, был мертвый, выброшенный на берег тюлень. Это был большой *Ph. nautica*, имевший в длину более 6 футов. Далее мне опять пришлось не раз видеть китов совсем близко к берегу, но уже не так ясно, так как прибой усилился и животные охотно шли в самые сильные буруны. Вслед за тем нам представилось зрелище, совершенно необычное. С юга на север, едва саженьях в 2 -- 3 от берега, шло большое стадо *Delphinus Leucas*. Еще издали мы обратили внимание на особенный сильный шум от выбрасываемых фонтанов и на вспененную массой животных воду и приостановились, чтобы посмотреть поближе на это удивительное явление. Минут семь довольно быстро тянулись мимо нас дельфины полосой шире, чем 2 сажени. Тут их было, должно быть, много сотен; каждый отдельный зверь производил очень проворные движения. Рядом с настоящим прибоем о "кошку", казалось, образовалась сейчас же другая черта прибоя, в которой с очень большой быстротой поочередно то высовывались, то уходили под воду большие белые тела этих животных.

Без конца тянется на юг береговая гряда, которой мы теперь безостановочно следовали. Перед устьями рек и близ них эта гряда -- "кошка" -- превращается в настоящую косу; между ней и материком образуются длинные, наполненные речной водой заливы, которые там и сям прорывают ее и дают таким образом сток реке в море. Устья эти постоянно перемещаются то туда, то сюда; то сильные бури замоют и засыпят имеющиеся протоки, то запруженная речная вода прорвется в новом месте. Миновав устье небольшой береговой реки Ксоа, перед которым находится небольшой залив с косой, мы прибыли в 4 часа на проток р. Компаковой. У этой реки "кошка" прорвана к морю близ северного конца залива. На заготовленных батах мы переправились через этот проток и довольно долго ехали по косе между морем и заливом до того места, против которого впадает в залив Компакова. Залив тянется еще далеко к югу длинным мешком. Нам пришлось, передохнув здесь немного, объехать его, так как на косе решительно не было пастбища усталым лошадям. Коса имела здесь около 100 сажень в ширину и была почти совсем лишена растительности; только кое-где пробивались из плотной хрящеватой почвы горошек, немного песочного овса (*Strandhafer*), да какое-то маленькое ползучее растеньице с сочными листьями и голубыми цветами. Наконец на южной оконечности залива нашлось пастбище, и мы устроились здесь на стоянку. Далеко на северо-востоке виднелась над горами одетая снегом Ичинская сопка. Пустынно и мертвенно -- ни деревца, ни кустика -- выглядел наш стан; только один песец (*Canis lagopus*) подошел было к лагерю, да сейчас же и убрался.

20 сентября. Тяжелые тучи, гонимые бурей, неслись над нами. Мы живо собрались, чтобы попасть в Компакову до угрожавшего дождя. От южного конца залива нам пришлось ехать опять к северу. Ивовым и ольховым кустарником, через большие луга, на которых стояло уже много готовых стогов сена, мы добрались наконец в 11 часов в Компакову, где нам сейчас же сообщили очень неприятное известие: 4 лошади -- все,

сколько здесь было -- были забраны обывателями с собой на охоту, далеко в горы, и могли вернуться, в лучшем случае, только через несколько дней. Где находились охотники, узнать было нельзя, и таким образом, мне не оставалось ничего иного, как тотчас же отправить нарочного в ближайшее отсюда к югу селение, в Воровскую, и заказать выслать лошадей сюда. До Воровской -- 34 версты, однако я все-таки не ожидал, что придется потерять здесь так много дней: лошади явились только 22-го. Пока жил здесь, погода была сквернейшая -- бурная и дождливая, и мне, по крайней мере, можно было утешаться, что такая непогода не застала меня в дороге.

Селение Компакова лежит на левом берегу одноименной с ним реки, верстах в 5 от впадения ее в залив. Общая длина последнего, говорят, более 20 верст. Жители утверждали, что в настоящее время протоки заливов всех здешних рек через расположенную пред ними косу подвигаются все более и более к северу, между тем как прежде прорывы в косах образовывались более к югу, где теперь остались только длинные, мешковидные заливы. Существует ли известная периодичность в этой своеобразной миграции устьев, и какие она могла бы иметь основания и причины, я не мог дознаться.

В селении 13 домов и часовня, принадлежащая к ичинской церкви, приход которой распространяется от Хариузовой до Воровской и имеет священника в Иче. Жителей числится здесь 47 человек мужчин и 55 женщин; у них 45 коров и 4 лошади; огороды дают довольно хороший сбор. Проходные рыбы и здесь опять те же самые, что и в вышеназванных реках. Название селения происходит от имени одного древнего героя, Компака, который в до-русские времена совершал здесь чудеса храбрости и смелости. Во время открытия морского пути из Охотска в Камчатку (в 1716 г. Соколовым и Гейнрихом Бушем), говорят, в устье реки пристал корабль и здесь перезимовал.

В речной гальке совершенно отсутствовали вулканические породы и налицо были лишь представители более древних формаций, которые не оставляли сомнений относительно преобладаний этих пород в южной части Срединного хребта. Это были окатыши и обломки гранита, сиенита, слюдяного сланца, гнейса и глинистого сланца, проросшего белым кварцем, пород полевошпатовых, роговообманковых и слюдястых.

Неприветливы, мрачны были дни, проведенные мною здесь. Ни дома, ни вне дома не было ничего, достойного примечания. Только ветер выл да дождь хлестал в затянутые рыбьей кожей и медвежьими кишками окна, студил комнату и нагонял сырость. 22-го погода стала получше и подала мне надежду совершить путь в 34 версты до Воровской.

23 сентября. Погода выдалась отличнейшая, и рано утром мы были уже в пути. На батах мы спустились по реке в залив, а по нему проехали в его южный конец, где нас уже ждали лошади. Берега извилистой реки плоски и поросли ивовым и ольховым кустарником, а у залива -- берег со стороны материка представляет местность, покрытую мхом, а со стороны моря образован голой, лишенной растительности, косой, сажень в 80 шириною.

Проехав всего версты 2 от южного конца Компаковского залива, мы переправились на заготовленных батах чрез глубокий проток лагуны р. Брюмкиной, небольшой самостоятельной береговой реки, и поехали к югу вдоль Брюмкинской косы, длина которой, до конца залива около 10 верст. От южного конца Брюмкина залива мы проехали далее еще 5 верст опять той же крепкой песчаной дамбой у самого моря, но теперь уже по другую сторону от нас залива не было. На этом протяжении его место заступала совсем узкая, очень болотистая полоса земли с рядом удлиненных озерков и луж. Это были, конечно, последние следы старого, засорившегося и заросшего речного ложа. Только в одном месте, на небольшом протяжении, где почва была выше, озерков этих не было, а дальше они пошли опять. Скоро мы доехали до мешковидного залива, тянувшегося на север и принадлежащего уже р. Воровской. До протока его в море нам пришлось проехать косой всего версты 4, а затем мы снова переправились на батах и шли еще около 14 верст по косе до того места, против которого находится настоящее

устье р. Воровской; здесь меня уже ждали несколько человек из селения. Лошадей отправили дальше по косе до самого конца этого очень длинного залива, где было хорошее пастбище, и где они должны были ждать меня до утра. А сам я на батах переехал залив и поднялся рекой Воровской до селения того же имени. Берега залива были болотисты, плоски, лишены деревьев и кустарника, между тем как речные были покрыты густой порослью ивняка, ольхи и бузины. Нам пришлось двигаться на шестах против сильного течения очень извилистой реки. Мели, поваленные стволы деревьев и камни чрезвычайно затрудняли движение, так что до места мы добрались уже в сумерки. Миновав несколько балаганов, стоящих на левом берегу, на месте, где прежде стояло самое селение, мы свернули к правому, в небольшой побочный ручей, на берегу которого и расположена ныне Воровская. Здесь меня сейчас же провели в гостеприимный дом старого, почти совсем слепого тойона.

Кстати, отмечу здесь еще, что с устья была видна Ичинская сопка под 34° к северо-северо-востоку, и что весь морской берег был обильно забросан обломками от судов; доски, мачты, реи, части компаса, бочки, ящик со свечами, кокосовые орехи валялись в беспорядке друг возле друга.

Вечером опять началась буря с дождем и стучалась в слюдяные окна, а я, сидя за горячим чаем в теплой комнате, благодушно беседовал со стариком тойоном.

24 сентября. После бурной ночи дождь продолжал идти и утром, а потому с отъездом приходилось пока повременить.

Воровская принадлежит положительно к самым большим и наиболее порядочным местечкам западного берега. В ней 11 домов, а жители -- 40 человек мужского пола и 47 женского -- владеют большим стадом в 90 коров и 16 лошадьми; огороды обнесены плетнем и содержатся в большом порядке.

Старинное камчадалское название этой деревни -- Алгу, а Воровскою ее переименовали, во времена завоевания Камчатки, русские, так как здесь они часто подвергались грабежам. И здесь тоже мне подтвердили, что устья лагун почти всех здешних рек обнаруживают наклонность ныне к движению на север. Срединный хребет со своим зубчатым, теперь окутанным снегом гребнем возвышается недалеко отсюда над равниной, идущей до самой его подошвы. Река, выходя из этого хребта, влечет за собой гальку, почти исключительно образованную древними формациями. Так, здесь находится много молочно-белого кварца с хлоритом и слюдяным сланцем, толстосланцеватый глинистый сланец с жилами млечного кварца, светлый мелкозернистый гранит с чешуйками светло-бурой слюды, какая-то роговообманковая порода и мясо-красные кристаллы полевого шпата в темной однородной основной массе.

Близ устья реки в ее берегу залегают темная, серо-бурая, переполненная растительными остатками глина, которая прикрыта, подобно тому, как на Тигиле, торфяным болотом. В старину глина эта шла в большом количестве на гончарные изделия, но уже много лет, как производство это прекратилось. По рассказам, оно оказалось невыгодным, так как курильцы начали доставлять из Японии более хорошие глиняные вещи, которые вытеснили из дела местного производства. В те стародавние времена торговля японскими товарами процветала именно в южных селениях -- Явиной и Голыгиной; сюда доставляли, между прочим, также прекрасную деревянную посуду и бамбук. Тойон рассказал мне еще, что в прежнее время в горах два раза были убиты лоси, но что теперь много уже лет они более не попадаются; держались они на перевале на Пущину, в долину Камчатки, перевале, раньше очень часто посещаемом жителями.

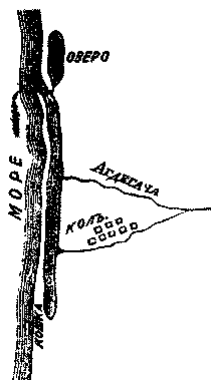
Был здесь и казенный врач, но по своему невероятному невежеству и грубости он являлся здесь лицом совершенно излишним и был только в большую тягость населению.

К полудню небо разяснело, и я сейчас же собрался к отъезду в Кол, за 50 верст отсюда. Я опять спустился вниз по реке, проехал еще далее 15 верст в конец залива, протягивающегося к югу, где нашел лошадей, и разбил свой лагерь. Это была местность, интересная по отношению к камчатской промышленности: когда-то здесь жил много лет

один ссыльный, некто Смолянин, и очень успешно производил выварку соли из морской воды.

25 сентября. На рассвете мы сели на лошадей и двинулись по "кошке", самым берегом моря на Кол. Прибой о плотную хрящевую дамбу был удивительно красив, и почти каждый вал ударял в берег по-своему, образуя волны самых разнообразных форм. Преинтересно было видеть, как тяжелая соленая вода, увлекая с собой много галечника и песку, била о землю и упорно работала над повышением и укреплении береговой дюны, здесь относительно несколько более низкой. Уже в 8 часов утра мы были на устье небольшой реки Тесмалачи, которая точно так же образует к северу и югу лагуну, отгороженную длинной косой. Проток из лагуны в море засорили буря и волны, и на его месте уже образовалась невысокая "кошка"; она не сформировалась еще окончательно и не достигла уровня воды, так что гребни волн перекашивались чрез нее белой пеной, отлагая тяжелый материал на новом месте молодой дамбы. Сажень на 70 -- 80 тянулось это место, на котором воздвигалась дамба и по которому мы перебрались вброд по колено чрез белую пену. Каждый раз, как волна подбрасывала новую порцию материала -- настоящей каши из гальки и песка на мутной, глинистой воде, лошади пугались, и шествие наше на мгновение приостанавливалось. Там, где за "кошкой" не было настоящей лагуны, почти всюду на ее месте шла узкая низина с прудами -- признак, что здесь вдоль всего берега сплошь имело место образование лагун, и что все побережье Охотского моря от Компаковой почти до Лопатки состоит из явственных образований "кошек" с лежащими за ними заливами.

На дальнейшем пути нам попался на берегу целый вельбот в довольно разрушенном виде, а еще немного далее -- побелевшие гигантские кости кита, выброшенного здесь два года тому назад, до половины уже засыпанные песком. На полпути до Кола, на месте лагуны, тянется длинное, версты в 4, озеро, проток которого, еще теперь ясно заметный, был засыпан волнами. Сразу за озером местность за "кошкой" стала несколько выше, и теперь я увидел, что не очень далеко от нас над равниной -- до сих пор безлесной -- поднимаются покрытые березовым лесом холмы, составляющие как бы первую невысокую ступень все ближе подходящего Срединного хребта. Так пришли мы к мешковидному, простирающемуся на север, заливу р. Казкта и к глубокому устью этой реки. После долгих поисков удалось, наконец, найти какой-то очень попорченный бат, на котором мы и переправились, потеряв много времени, очень смелым и не совсем безопасным образом. Было уже поздно, а буря и дождь усиливались. Через косу перебежали уже кое-где отдельные гребни волн. На голой "кошке" решительно не было следа какого-либо пастбища для лошадей, а до конца залива и косы проводники считали еще около 6 верст. Положение делалось небезопасным. Несмотря на усталость лошадей, мы, почти в совершенной темноте, двигались, однако, дальше, и нам удалось все-таки добраться без особенных приключений до конца залива, где и устроились на ночлег на хорошем лугу. Промокнув до костей, иззябшие и уставшие, мы торопились найти приют в палатке и у пылающего костра.

26 сентября. Ночью бушевала страшная буря с юга, с настоящим курильским ветром и проливным дождем. Палатку нашу, стоявшую у самого морского берега, плоского и открытого, несколько раз срывало несмотря на крепкую привязь ремнями, так что нам пришлось лежать под дождем. Огонь погас, а развести костер из сырого леса, валявшегося по берегу, было нельзя. Полуокоченевшие от сырости и холода, мы едва дождались рассвета и скорее поехали дальше к югу, держась все той же "кошки". Сначала мы миновали два длинных, в форме гафов, замкнутых озера; следующее за ними лежит уже у северного конца Колского залива, где последний открывается в море, и связано с ним протоком. Р[ека] Кол берет начало в предгорьях Срединного хребта, в местности, где открываются удобные проходы на Пущину и Ганал, и впадает в свой залив двумя устьями, разбившись еще за несколько верст до них на два рукава. Северный из них -- Агдегача, южный -- собственно Кол, и на нем-то лежит селение Кол. На очень глубоком устье Колского залива, к несчастью, мы не нашли никаких батов, и нам не оставалось ничего более, как отправить своих проводников в Кол за помощью. Пришлось ждать более 3 часов на ветру, под дождем и снегом, пока наконец к 1 ч. дня не доставили нам батов из Кола. Над нами летели к югу с монотонным криком длинные вереницы лебедей, между тем как пролет гусей прекратился уже за несколько дней перед этим. Лошадей пустили вплавь чрез проток залива, а потом "кошкой" в обход последнего, а мы поехали заливом, миновали устье Агдегачи и наконец, свернув в р. Кол, высадились близ селения, на правом берегу.

6 домов с их огородами имели несколько жалкий и печальный вид; почти то же нужно сказать и об обывателях (16 мужчин и 21 женщина). Я нашел население в большом возбуждении: все их стадо в 30 голов разбежалось, и теперь приходилось скорее идти на поиски ввиду опасности, что скотина завязнет где-нибудь в болоте или сделается добычей медведей.

Поэтому жители нуждались в обеих и единственных их лошадях и в людях. Оттого-то меня очень усердно упрашивали повременить с отъездом, чтобы не доставлять столь неприятной для них потери. Так как с этим положением вещей приходилось считаться, то я должен был сделать эту уступку, но все-таки сейчас же отправил нарочного в Кыкчик, за 46 верст отсюда, с поручением распорядиться о высылке мне оттуда лошадей. Эта уступчивость стоила мне двух дней, так как прошло именно столько времени, прежде чем разыскали коров и доставили лошадей для дальнейшего моего путешествия.

27 и 28 сентября, которые я провел в Коле в ожидании, прошли тоскливо. Бушевала ужаснейшая непогода; буря захлестывала домишки дождем и снегом. Да и люд здешний производил впечатление вялости и апатии; здесь тоже жаловались на недостаток в пищевых запасах, когда река была еще полна лососями.

29 сентября. Ночью был довольно сильный мороз, а утром нас окутали тучи с дождем и снегом, хотя, впрочем, снег скоро снова растаял. Первая часть пути, отвлекшая нас несколько дальше от моря, шла краем березового леса, по местности большею частью болотистой. На восток, к Срединному хребту, страна совсем исподволь переходит в становящиеся все выше и выше холмы, поросшие березой (*B. Ermani*). Мы переехали сначала чрез ручей Кадмачу, приток Кола, затем через истоки Ксмичи, которая впадает в один общий залив с Немтиком, береговой рекой, текущей несколько южнее, а затем пришли и на самый Немтик. На устье его нашли баты -- и на них мы переправились чрез это устье.

Немтик, берущий начало в горах, лежащих сразу к северу от Малки и Ганала, следовательно на южном склоне Срединного хребта, -- река очень известная благодаря хорошим проходам, открывающимся с него в долину Камчатки и на верховья Быстрой.

Река Немтик несет в виде главной составной части своей гальки лишь мелкозернистые гранитовые камни с кварцами и плотными глинистыми сланцами, что опять-таки дает ясное доказательство древнеплутонического характера южной части Срединного хребта.

От Немтика мы опять под дождем, снегом и градом ехали у самого моря, по плотной "кошке", до устья Половинной, которое, собственно, есть проток залива, образуемого несколькими небольшими береговыми реками, текущими с юго-востока. Теперь, в прилив, оно было слишком глубоко, чтобы перебраться чрез него вброд, а батов здесь не нашлось, и нам пришлось волей-неволей устроиться на стоянку, несмотря на непогоду, на совсем открытом берегу моря.

30 сентября. Проведя эту ужасную ночь в постоянной борьбе, на холоде и под снегом, с бурным ветром, грозившим снести палатку, да к тому же без огня, так что нельзя было погреться, мы еще до рассвета, как только начался отлив, пустились скорее в путь. Мы перешли вброд устье, поторопились доехать до устья р. Уцешеля, чтобы и здесь перебраться во время отлива, и в 9 ч. утра прибыли на устье р. Кыкчика. В конце пути мы опять увидели большого, выброшенного на берег кита, уже изрядно-таки ободранного людьми и зверями.

На устье Кыкчика мы нашли и баты, и людей и, проехав с час заливом, поднялись в реку. По ее многочисленным излучинам, между плоскими, поросшими ивой и ольхой, берегами, мы добрались наконец, промерзшие и промокшие, до селения Кыкчика. В одном месте, где берег был размыв водой, мне удалось видеть, что под слоем торфа, толщиной до 6 футов, залегает темная, сине-серая, очень жирная глина мощностью около 4 -- 5 футов. Речная галька и здесь тоже состояла почти сплошь из светло-цветных гранитов и обломков слюдяного сланца. У р. Кыкчика также есть лагуна, которая, однако, очень невелика и тянется к югу. Селение выглядит весьма запущенным, лежит на левом берегу реки и имеет 5 домов с хорошими огородами; скота -- 25 коров и 6 лошадей. Жители (25 мужчин и 20 женщин) сильно обрусели, так что все говорят почти только по-русски.

На восток от селения Кыкчика и очень близко от него возвышается Кечева, продолговатая, на вершине слегка закругленная и увенчанная тремя небольшими зубцами, сплошь покрытая березой и кедром гора, которая принадлежит одному из кряжей, параллельных Срединному хребту. В том же кряже, к югу и также не очень далеко поднимается другая гора, несколько более приостренная, но в прочих отношениях совершенно подобная первой, и, наконец, к северу, приблизительно на широте Кола или Воровской, до которой, должно быть, доходит этот небольшой параллельный кряж, видна третья -- Коктонген, высокая, совсем округленная гора. Теперь все эти высоты были уже покрыты снегом, хотя и не в таком количестве, как выступавший невдалеке из-за них зубчатый и утесистый Срединный хребет, который уже сверкал полным блестящей белизны зимним нарядом. От Кечевы, по расчету здешних обывателей, всего 3 версты до Срединного хребта, который от нее отделен только двумя долинами. По рассказам, как в Кечеве, так и в Коктонгене имеются пещеры, служащие зимним логовом для множества медведей; в первой горе таких пещер, говорят, две, во второй -- довольно много. Мне не удалось видеть горных пород, почти прилегающих к этим горам, но показания местных жителей заставляют принять, что здесь опять залегают выдвинутые наверх песчаники и глинистый камень, являющийся, быть может, самым южным членом большой третичной формации, сопровождающей весь западный берег Камчатки.

1 октября. Дорога на ближайшее селение, Утку, до которого 35 верст, увела нас совсем в сторону от моря. Все это расстояние пришлось пройти, собственно, только болотами да мочажинами; было пасмурно, но дождя не было. На отдельных, несколько более высоких и сухих местах видны были кедры и особенно много красивого, декоративного медвежьего корня (*Angelica*). К сожалению, с этого роскошного растения уже опал лист, и оно имело осенний вид. Теперь торчали только громадные, увенчанные зонтиками семян, стебли, по которым можно было судить, какой великолепный, почти подтропический вид должно иметь это дивное растение летом. Расположенные несколько выше березовые лески тянулись по холмам, постепенно возвышающимся к

недалекому Срединному хребту. На нашем пути мы сначала перешли чрез состоящую из четырех ручьев систему Мутной, впадающей в небольшой самостоятельный залив, затем перебрались чрез р. Хумучину, образующую два рукава и тоже впадающую в свой залив и имеющую отдельное устье, за ней -- чрез приток р. Утки и наконец добрались в 6 часов вечера в Утку, проделав сегодняшнее путешествие сплошь пешком по глубокой грязи, совсем изнуренные от усталости.

Это местечко лежит на левом берегу, верстах в 15 от моря, где также находится предустьевый залив. В трех плохих домишках живет народу -- 16 мужчин и 11 женщин. Скота здесь 15 коров и 4 лошади. Виды проходных рыб -- те же самые, что и в упомянутых ранее реках. Отсюда есть очень удобный проход на Малку.

2 октября. От Утки до Большерецка считается 25 верст. Это был уже последний переход, который предстояло проделать мне на западном берегу Камчатки. Сегодня мы ехали еще далее в стороне от моря -- дорога уклонялась более к востоку -- по сухой местности, красивыми березовыми (*B. Ermani*) лесами и лугами, в изобилии покрытыми роскошной *Angelica*. Здесь, лишь несколько дальше от моря, погода, по-видимому, была как-то мягче. Снега не было, и хотя лес и трава имели уж совсем осенний вид, но все-таки и теперь можно было судить, как хороши эти березовые леса летом, и что за чудный вид представляют тогда луга с *Angelica* и расстилающимся под нею, усеянным цветами, ковром. Из рек мы перешли прежде всего один из притоков Утки, а затем вступили уже в систему р. Быстрой. Здесь мы вышли на истоки Амчигачи, реки, начинающейся недалеко от моря, потом идущей на восток, загибающейся большой дугой снова к западу, к морю, и впадающей в северный конец залива Большой реки. Образую дугу, Амчигача огибает ею небольшую береговую реку Митагу, впадающую самостоятельно в море несколько севернее залива Большой реки и имеющую свою собственную маленькую лагуну. Немного не доходя Быстрой, мы перешли еще раз чрез Амчигачу, а за ней чрез пару небольших речонков и, наконец, пришли к самой Быстрой, -- одной из важнейших рек южной Камчатки. Истоки р. Быстрой, которая после соединения своего под Большерецком с идущей издалека с востока Начикой, получает название Большой реки, лежат на Камчатской Вершине, в непосредственном соседстве с истоками рр. Камчатки и Авачи. Р[ека] Начика берет начало в лежащих к югу от Авачинской губы высотах, близ истоков Паратунки. Длина течения Большой реки от Большерецка очень невелика; впадает она в большой, тянувшийся далеко к югу, залив, бывший в прежние времена очень известной гаванью старинного главного пункта полуострова.

В то время, когда мы прибыли на Быструю, перейти ее, вследствие глубины, было невозможно, так что пришлось отрядить в Большерецк нарочного попросить батов, что, естественно, опять составило очень неприятную и продолжительную задержку.

Уже при приближении к Быстрой нам был виден вдали на юге высокий, недействительный конус сопки Голыгиной, а рядом с ним мощная подошва ближе стоящей сопки Апачинской (или Опольской), вершина которой была окутана облаками. Восточнее, совсем близко, подходил Срединный хребет, ясно выдаваясь на северо-востоке из-за лесистых предгорий своими покрытыми снегом вершинами и гребнями. После долгого ожидания появились наконец баты, а во главе их -- старик староста, и мы сейчас же тронулись в путь, оказавшийся достаточно трудным, да и не совсем безопасным. Нам приходилось объезжать множество речных островов с густым кустарником, то поднимаясь против быстрин, то сворачивая вниз по течению мимо поваленных деревьев, и все это почти совсем впотьмах. Только к 7 часам вечера после такого, несколько рискованного, плавания попали мы в Большерецк, где нас сейчас же провели в опрятный и уютный дом старосты. Жители Большерецка, этого столь важного в старой истории Камчатки места, ведут свое происхождение от старинных русских поселенцев, а потому здесь нет и тойона, как в селениях камчадалов, а есть староста, как и в других здешних русских деревнях, к которым теперь принадлежит также и Большерецк. В нарядной, просторной комнате по снежно-белым стенам висели картинки и зеркала; покрытый

чистой белой скатертью стол с чаем был готов к моему приезду; на нем стояли стеариновые свечи, самовар, хорошенькие чашки, а также различные кушанья. Я по приглашению сел за него вместе с самим старостой, Ларионом Алексеевым Бричаловым, его необыкновенно толстой супругой и проживающими здесь в качестве гостей апачинским и голыгинским тойонами. Разговор был сначала очень официальный и церемонный. Хозяева то и дело заверяли, что они чисто русские, и все время мне приходилось выслушивать, что "так водится у русских". Наконец трапеза кончилась, и хозяйка исчезла. После этого мы побеседовали еще немного, а тем временем в этой же комнате мне устроили спальню из мягкого сена, до которого я, утомленный трудами последних дней, добрался очень скоро.

3 октября. Этот день я позволил себе отдохнуть от трудов последнего путешествия. Утром я купил у голыгинского тойона несколько настоящих жемчужин какого-то вида *Unio*, в изобилии водящегося, по его словам, в р. Голыгиной; жемчуг этот, будто бы, образуется в раковинах только в сентябре и только тогда его можно находить. Купленные мною жемчужины были величиной с самую небольшую горошину или чечевицу, большинство -- очень красивого белого цвета, но попадались также светло-серые и буроватые. Этот же тойон рассказал мне, как очень легко можно, совсем минуя море, попасть отсюда на батах в расположенную к югу Голыгину. Для этого нужно пройти из тянувшегося далеко на юг залива Большой реки озерами и губами, а также соединяющими их реками в р. Апачу, а так как она впадает в одну общую губу с Голыгиной, то, значит, и в последнюю, а по ней до селения Голыгиной. Говорят, в прежние дорусские времена мешкообразный залив Большой реки, в настоящее время идущий очень далеко на юг, открывался в море именно южным концом, но камчадалы, тогда здесь жившие, вздумали перекопать косу против устья реки, чтобы устроить для проходной рыбы более близкий и более удобный для лова ее путь. Это кончилось тем, что во время работ дамбу вдруг прорвало и много народу погибло в хлынувшей сразу воде. Скоро после этого старый, южный, проток совсем заметало волнами. Через новый, искусственно сделанный значительно более к северу проток, потом, в первое время русского владычества -- время процветания Большерецка -- в залив заходили на стоянку суда, как в спокойную, глубокую гавань. Против устья этого залива в море, на стороне материка, у самого впадения р. Большой в залив (Поворот), возникло небольшое селение Чекавка, где выгружались товары, назначенные в Большерецк. Здесь стояло несколько жилых домов, много магазинов и маяк со слюдяными стеклами для указания судам устья Большой. Чекавка была, собственно, гаванью Большерецка, расположенного верстах в 20 выше, и служила для Камчатки в продолжение многих лет единственным пунктом, при посредстве которого чрез Охотск полуостров находился в общении с Россией. Имевшие гораздо менее значения сношения с Курильскими островами, а чрез них исключительно и с Японией, велись как отсюда, так особенно чрез оба самые южные селения Камчатки -- Явину и Голыгину. На Курильские острова ездили в байдарах и достигали почти до 7-го острова. Чаще всего посещались оба северные, Шумшу и Парамушир, тогда довольно населенные. Торговцы, сборщики ясака и духовенство Большерецка, в приходе которого числились эти острова, бывали там по меньшей мере раз или два в год. После открытий Беринга, Чирикова и Шпанберга (1741--1742) завязались более оживленные сношения как отсюда, так в то же время и с устьем р. Камчатки с востоком для исследования и эксплуатации Алеутских островов. Большерецк, со своей не совсем надежной гаванью, понемногу был заслонен устьем Камчатки и разросшимся в главный пункт всего полуострова Нижнекамчатском, а, наконец, и совсем затерт величественной Авачинской губой и превосходным портом Петропавловска. Теперь этот, когда-то главный, пункт -- совсем невидная деревушка, а суда никогда сюда и не заходят. Былой блеск угас совсем, все умерло и рассыпалось прахом. В Чекавке так же нет уже ни домов, ни маяка, и только маленькая лачуга, которой пользуются тюленебои, торчит на пустынном, песчаном берегу. Проток из

залива в море стал совсем непроходим и, говорят, с каждым годом опять уходит все больше к югу.

На левом берегу Быстрой, собственно на большом острове, так как Начика впадает в Быструю одним рукавом выше, другим -- ниже селения, разбросанно, в беспорядке, стоят 9 плоховатых домов, составляющих Большерецк. Начиная от него, как уже сказано, река, образованная слиянием двух этих рек, называется Большой (старое камчадалское название ее -- Кых). Дома окружены довольно большими огородами; среди них стоят старая, несколько обветшавшая церковь да еще более древний, очень развалившийся магазин, в котором не было ничего, кроме старой пожарной трубы, весов и запечатанной несколькими печатями связки старых бумаг -- остатка архива. К прискорбию моему, ни здесь, ни потом в Петропавловске я не мог получить разрешения посмотреть содержание этого архива.

Еще в 1779 году участники 3-го путешествия Кука посетили в Большерецке (тогда еще главном месте Камчатки) начальника края майора Бема, и он принимал их в своем великолепном доме. Немного лет спустя Сарычев насчитал здесь еще более 30 жилых домов с порядочным, соответственно тому, населением. В настоящее время в Большерецке всего 18 человек м[ужского] п[ола] и 11 ж[енского] п[ола], а скота -- 30 коров и 10 лошадей. Образ жизни обывателей и привычки, за исключением отдельных сторон внешнего обихода и чисто древнерусских обычаев, совсем камчадалские. Здесь царит то же, основанное на охоте, рыболовстве и разведении собак, хозяйство, что и у камчадалов; в этом целиком заключаются все интересы населения.

Виды проходных рыб здесь, в общем, те же самые, что и по всему западному берегу Камчатки; следует, однако, заметить, что крупный *Salmo orientalis* (чавыча) попадает в реках все чаще и чаще по мере того, как подвигаешься берегом Охотского моря все более и более к югу. В Большой реке чавыча также появляется первой из лососевых рыб, а именно в сопровождении мелкой каюрки, которая, по местному рассказу, выполняет роль проводника большей рыбы. Каюрка очень, до обмана, похожа на чавычу, только гораздо меньше ее. За этими двумя следуют -- как главные рыбы летнего хода -- красная рыба и хайко, а под осень и до самого ее конца -- горбуша и кизуч. Микижа, семга и голец, как лаксфорели, остаются на всю зиму в реке и в море спускаются только весной. Микижа и семга, по-видимому, идут охотнее всего в несколько болотистые тундряные ручьи, между тем как голец предпочитает дно каменистое. Кажется, микижа -- рыба, свойственная именно Большой реке; по крайней мере, в других местах мне нигде не приходилось о ней слышать.

Кроме рыбных богатств, море наделяет местных жителей и разными другими полезными предметами: на берег не особенно редко выбрасывает мертвых китов, желанный корм собак. Тюленей бьют во множестве, а большие массы прибитого к берегу строевого и поделочного леса также имеют значение. Здесь попадают отличные стволы лиственниц и елей (с сибирского берега), дуба (с Амура), толстые стебли бамбука и камфарное дерево (из Японии). Много лет тому назад здесь потерпело крушение русское судно, заключавшее в себе значительную посылку золотой и серебряной монеты, которой немало вынесло на берег, где ее и подобрали. Здесь рассказывали даже, что староста Бричалов обязан большей частью своего состояния таким находкам. Вершину Апачинской сопки я нашел на 124° к юго-востоку. Это большой, вполне конический вулкан, в настоящее время совершенно недействительный. Перед этой красивой горой находится невысокий древний трахитовый кратер с развалившимися краями; стенки его поднимаются сначала полого, а затем круто, под углом в 122--135°. Говорят, здесь землетрясение -- явление не редкое; очень сильное оно было в 1848 году. Земля дала глубокие трещины, и люди падали с ног.

4 октября. Погода выдалась превосходнейшая, и еще рано утром все было снаряжено к отъезду, но мои хлебосолы, по-видимому, не могли столковаться, какой дорогой направить меня в Начику. В это позднее время года приходилось соображать многое.

Идти вверх по Быстрой, на Малку, было неподходяще вследствие многочисленных сильных быстрин, да и приходилось делать слишком большой крюк; путь через перевалы южного хребта, Банную, Черильчик и Халзан, правда более близкий, нельзя было рекомендовать потому, что там выпало уже много снега. Наконец было решено следовать вверх по Начике через Апачу до селения Начики. Старая радушная хозяйка заготовила мне в дорогу целый узел всякого жаренья и печенья, а я оставил ей за это некоторую долю чая. Сердечно распрощавшись, мы тронулись верхами в путь в 8 ч. утра в восточном направлении.

Проехав сначала сухой ягодной тундрой, мы выбрались затем на галечный, умеренной высоты хребтик, поросший березой (*Betula Ermani*), и ехали им по правому берегу р. Начики до селения Апачи, куда прибыли уже в 4 ч. На юг от этого галечного хребтика тянется глубокая низина, с юга ограниченная упомянутым выше трахитовым кратером; этой низиной и протекает Начика в направлении к морю, после того как, выйдя из южного хребта, она приняла в себя притоки -- Банную, Карымчину и Сику. К северу от того же кряжа точно так же тянется другая низина, простирающаяся от Срединного хребта до моря, по которой течет на большом протяжении Быстрая, идущая с северо-востока и принимающая в себя с южной стороны ручьи -- Гольцевку и Красную речку. Таким образом, галечный хребет, о котором только что шла речь, является главным водоразделом между Начикой и Быстрой, и можно принять, что просторной долиной Быстрой кончается на юге Срединный хребет, а все кряжи и горы к югу от этой речной системы уже принадлежат к большой вулканической цепи, ограничивающей долину р. Камчатки с востока и тянущейся от Шивелюча до мыса Лопатки.

У Красной речки возвышается, точно так же на водоразделе между Быстрой и Начикой, совсем низкий, изолированный конус, являющийся, по-видимому, конечным южным членом той параллельной Срединному хребту цепи, над которой далее к северу поднимаются горы Кечева и Коктонген.

Чем далее продвигались мы на восток, тем красивее выступала из окружавших ее древних низких кратеров колоссальная Апачинская сопка. Этот ныне недействительный вулкан -- красивый, цельный конус, покрытый сверху донизу явственными продольными ребрами; среди огнедышащих гор Камчатки эту сопку должно считать одной из самых высоких. Во всем своем величии стояла эта чудная гора, теперь почти совсем одетая снегом. На северо-западной стороне ее вершины, между двумя резко выступающими ребрами, порода имела совершенно вид натекавшего потока лавы, спустившейся до одной трети высоты горы.

9 домов, большей частью порядочно построенных, составляющих селение Апачу, расположены на правом берегу р. Начики, верстах в 40 выше Большерецка, при крутом склоне кряжа, в котором находятся различные, ведущие на север и на восток, проходы. Почти к югу под 157° поднимается во всем великолепии Апачинский вулкан, и несколько более к западу от него видны зубцы низкого, развалившегося кратера. Таким образом, небольшое Апачинское плато замкнуто кругом горами, и только на запад открывается идущей к морю долиной Начики. В этом поясе гор имеются различные проходы: под 60° к северо-востоку проход на верховья Начики, которым нам и предстояло идти; далее к северу от этой долины небольшой проход Черильчик; под 90° виден прорыв реки Банной, и в эту долину открывается, несколько более к северу, очень важный проход Халзан, ведущий на Паратунку и также на Начику, но в это время уже непроходимый. Под 115° видна долина Сику, а под 150° -- долина Карымчиной, истоки которой лежат близ истоков Паратунки. В Карымчину впадает очень быстрая река Толмачева, вытекающая из одного озера у подошвы Апачинской сопки, находящегося недалеко от истоков р. Апачи, впадающей с р. Голыгиной в одну общую губу.

Апачинский вулкан приводится у различных авторов под самыми различными названиями, каковы: Опальная, Опальская и Опалинская сопка; я удерживаю за ним название Апача, которое я нашел здесь более всего в употреблении.

Жители селения Апача принадлежат еще к курильским камчадалам западного берега как самая восточная отрасль последних, и поддерживают с ними постоянные сношения. Обыватели, 39 мужчин и 26 женщин, живут, по-видимому, в благосостоянии. У них 40 коров, зато лошадь всего одна; огородничество развито даже настолько, что избыток продуктов сбывается в Петропавловский порт. Охота на пушного зверя, на горных баранов и т. п. добычлива. Рыбы идет в реку много; виды, конечно, те же, что и в Большерецке. Кроме того, в р. Начику, у самого жилья, впадает небольшой ручей, в котором круглый год держится много форелей, так что у обывателей в любое время под рукой отличная свежая рыба для себя и для собак.

В Апаче снова представился нам вопрос, как ехать дальше. Так как все проходы уже должны были быть сильно занесены снегом, то было решено ехать на батах вверх по р. Начике до селения Начики. С сильным течением можно было надеяться справиться, работая шестами, и опасаться можно было только внезапного наступления морозов, так как тогда начался бы ледоход и путь по реке был бы вполне невозможен.

5 октября. Ночь прошла без мороза, погода выдалась отличная, и мы рано утром тронулись на двух отдельных батах. Река очень извилиста; течение сильное. Я не мог надивиться ловкости людей в умении действовать шестами. Ловили каждый подходящий момент, пользовались всяким удобным местом, чтобы двигаться вперед. При этом по возможности берегли силы и действовали всюду только там, где это стоило. Сначала мы проехали мимо предгорий, подходящих к реке с севера; далее к реке подходят и южные горы. Верстах в 14 от Апачи, в небольшом проходе между Сику и Карымчиной, говорят, есть горячие ключи; таковые же имеются и на Банной, где они очень горячи и высоко бьют вверх.

Сопровождавшая нас горная порода была по обе стороны слоистой, с большим количеством кремня сланцем, пласты которого были почти поставлены на голову; он был то тонко, то толстосланцеватым, темного цвета, часто разбитым на большие таблицы и иногда неправильно трещиноватым. Под вечер на южном берегу появился разбитый на большие глыбы, мелкозернистый, светлый гранит. На горах всюду уже лежал снег, спускавшийся местами более низко. Мы ехали сначала на востоко-северо-восток, а затем на северо-восток, и чем далее мы продвигались, тем более долина Начики принимала направление к северу. Горы и скалы все более надвигались к берегам, и снег спускался все ниже и ниже. Видны были только крутые горы, которые, однако, и здесь поросли березой (*B. Ermani*) и кедровником, за исключением крутых каменистых участков.

Еще рано, под вечер, мы уже устроились на берегу на стоянку, чтобы дать усталым людям отдохнуть как следует.

6 октября. Ночью шел дождь, и с раннего утра мы тронулись дальше. Чем далее, тем все ниже и ниже спускалась граница снега и местами доходила даже до берегов. Течение становилось все стремительнее, и мы вошли в долинные теснины (козегоры), где высокие скалистые стены поднимаются отвесно с обеих сторон и так близко к воде, что береговой полосы почти нет. Затем мы проехали мимо устьев впадающих с юга ручьев -- Тойонской и Черильчика, до местности, называемой Перевозом. Здесь открывается на север широкая долина, ведущая на Малку, между тем как долина верхней Начики тянется далее на востоко-юго-восток. Ради людей мы остановились на ночлег опять сравнительно рано и разбили здесь палатку. Та сланцеватая порода, которую я видел вчера, здесь переходит в красновато- или зеленоватокрашенную кремнистую породу толстосланцеватого вида и образует очень зубчатые и крутые скалы и горы. Вулканические пористые породы попадались в виде гальки лишь в очень ограниченном количестве.

7 октября. Погода была сухая и даже теплая, и мы уже спозаранок тронулись вверх по реке далее, сначала на востоко-юго-восток, а затем прямо на восток. Течение становилось все стремительнее, а работа для людей все тяжелее. Так как теперь мы

поднялись уже очень высоко, то окружающие горы казались ниже. Только на юг от селения Начики возвышается кряж повыше, на котором открываются проходы ручьев Ипуки и Халзана к р. Начике. Халзан впадает собственно как раз против местечка Начики, и здесь опять же залегает слоистая, богатая кремнем, сланцеватая порода, в данном случае темного цвета. Перед Начикой река доставила нам еще очень большие затруднения, так как здесь она не только очень быстра, но и, разбившись на много рукавов, делается очень мелкой. В отличную погоду, при радостных криках моих людей, окончилась их тяжелая работа, -- мы пристали в 4 часа пополудни к Начике, жилому месту, лежащему выше всех других в Камчатке. От него очень близко находится горячий ключ, описанный уже в одном из моих прежних путешествий.

8 октября. Сразу за Начикой, на пути к Коряке приходится перебраться через высокий голый перевал; за ним, спускаясь все сильно под гору, попадаешь в большой березовый лес, которым и нужно ехать до самой Коряки. В этом лесу стоят 2 юрты для убежища охотников. Темные тяжелые снеговые тучи угрожали нам на небе и предвещали жестокую непогоду. Нужно было торопиться, чтобы не быть застигнутым выюгой на самом перевале или перед ним. Еще впотьмах, в 5 часов утра, мы двинулись пешком, с одной лошадей, шедшей под багажом, на Коряку, до которой около 40 верст пути. Шли скорым шагом. На всем протяжении пути до первой юрты, уже по ту сторону перевала, идет голый камень и именно опять тот же кремнистый, темноцветный сланец. Затем -- до второй юрты, где уже всякая опасность быть занесенным снегом миновала, часто попадался светлый, мелкозернистый гранит. Здесь мы, круто идя под гору, вошли в красивый лес из старых, суковатых берез. Начало сначала моросить, а потом, когда мы вышли на открытую широкую долину Авачи, нам пришлось подвергнуться сильному ветру, делавшемуся все более свежим. Наконец к вечеру, утомленные и измокшие, мы вошли в селение Коряку близ того места, где долина Коряки открывается в долину Авачи. Наверху на перевале снежная буря уже давно кончилась, между тем как в долине, в Коряке, она разыгралась только в ночь.

9 октября. Ночью бушевала настоящая буря. Утром небо стало проясняться, и я поспешил проделать последний переход своего путешествия. Рано мы опять сели в баты и живо спустились сначала по р. Коряке, а потом по р. Аваче в Старый Острог, где уже и были в 10 часов утра. Только, на нашу беду, скоро после того как мы выехали из Коряки, опять пошел дождь, так что мы явились к моему старому приятелю Машигину промокшими до костей. Старик сейчас же заявил, что в такую, как сегодня, погоду он меня дальше не пустит; сейчас же появились закуска и чай, и во время дружеской болтовни мне пришлось рассказать ему про свои путевые приключения.

10 октября. При хорошей погоде, рано утром мы уселись в баты и опять по р. Аваче съехали вниз до селения Авачи, куда прибыли еще в 10 часов. Приблизительно на половине пути на правом берегу реки появилось этим летом новое хозяйственное заведение -- хутор, построенный офицером Губаревым.

В Аваче, благодаря бедности и скудости тамошнего хозяйства, опять нельзя было достать ни одной лошади, и я решил, оставив свой багаж здесь с тем, чтобы мне его переслали потом, проделать 12 верст до Петропавловска пешком, в сопровождении моего казака Зиновьева. На половине пути мы прошли через новый казачий поселок Сероглазки, где опять увидели семьи тех казаков -- ижигинцев, с которыми вместе нам пришлось ехать морем в Тигиль. В 3 часа пополудни я был опять уже, после 5-месячного путешествия, в своей комнате и скоро получил приветствие от многих своих знакомых. Я поскорее переоделся, чтобы представиться Завойко. Губернатор, по-видимому, был не особенно доволен результатами моей поездки, хотя и просил меня опять бывать у него почаще.

С 11 октября 1853 года началась для меня опять однообразная жизнь в Петропавловском порту. Она казалась еще тем монотоннее, что все, что в предыдущие зимы все-таки представляло еще прелесть новизны, теперь повторялось почти совершенно в том же виде.

Еще осенью с севера полуострова доходили известия, что там появилась какая-то опустошительная болезнь, вроде тифа, и быстро распространяется к югу. Эпидемия приближалась все ближе и уже в январе 1854 г. достигла Петропавловска. Не осталось почти ни одного дома, которого бы она не тронула; были даже смертные случаи. На памяти обывателей подобная эпидемия посетила Камчатку в первый раз, да, может быть, это была вообще первая, более сильная эпидемия со времени страшного нашествия в 1768 г. оспы, истребившей почти половину населения страны. Но и как же печально обстояло дело в отношении медицинской помощи! Русские врачи, которых было три в Петропавловске да два на западном берегу, были совершенно несведущими. Беззаботно и равнодушно относились они к своему делу. Научных интересов не было ровно никаких. И аптека Петропавловская, единственная во всем крае, была в соответственном состоянии: вечно в ней не было самого важного. Снабжение врачебными средствами производилось вполне своеобразно. На основании какой-то особенной теории вероятности принимали, что каждая болезнь может проявляться всегда только в виде одиночных случаев, а сообразно этому соразмерялись и порции высылаемых средств. Эпидемий в соображение не принимали, равно, как и особенностей местного климата, страны и ее обитателей. Все делалось по мертвому, нелепому шаблону. Лихорадки, цинга, ревматизмы, страшные формы застаревшего в поколениях наследственного сифилиса, наконец, возбуждающие ужас случаи проказы находили в аптеке слишком часто пустые склянки, а у врачей наталкивались на пустые головы и холодные сердца. Эта зима отличалась еще и особенным обилием пожаров, посещающих городок. Семь раз мы были встревожены разыгрывающимся огнем, но, к счастью, всякий раз его удавалось тушить прежде, чем он успел нанести существенный вред. Только канцелярия с архивом сгорели дотла; в этом, впрочем, скоро утешились: во-первых, никого из обывателей это непосредственно не коснулось, так как там никто не жил, а затем ведь такова и судьба канцелярий и подобных учреждений, что архивы, большею частью содержащиеся в большом беспорядке, легко загораются. Огонь -- часто лучшее средство против беспорядка и упущений.

Из возвышающихся под самым Петропавловском вулканов Вилучинский и Коряка не проявили за эту зиму никаких признаков деятельности. Напротив, Авача курился все время, и были дни, когда деятельность его особенно усиливалась. Так, 21 декабря 1853 г. как будто заметно было появление огня, а 19 января и 14 марта 1854 года вырывались особенно большие массы дыма.

Легкие землетрясения в Петропавловске, да и вообще в Камчатке, явление настолько обычное, что на них едва обращают внимание. Но 15 января 1854 года было два порядочно сильных горизонтальных толчка, так что балки в домах затрепали, а висевшие предметы закачались. Толчки шли с севера на юг, приблизительно от Авачинской сопки к находившейся также в сильной деятельности сопке Асачинской; темные столбы дыма из последней поднимались, если смотреть из гавани, несколько влево от Вилучинской сопки над южным горным гребнем.

18 декабря 1853 г. около полудня, когда шел густой снег, нагнанный южным ветром, послышалось несколько очень сильных, похожих на пушечные выстрелы, ударов. Снег был ослепительно бел и чист, но уже через полчаса стал таким серым, что даже яркость его блеска поразительно уменьшилась. Только в 4 часа пошел опять чистый снег и занес серый слоем приблизительно в 1 дюйм толщиной. Серый снег, растаяв в комнате, оставлял обильный осадок тончайшего вулканического пепла, который, конечно,

нанесло со снежным облаком южным ветром с Асачинского вулкана. Второй раз шел совершенно такой же снег и при том же направлении ветра 17 марта 1854 г.

Поездки некоторых служащих и торговых людей, совершавших и этой зимой свои коммерческие путешествия по всей стране, принесли и изнутри очень интересные и согласные между собой известия, особенно о вулканах Шивелюче и Ключевской сопке.

С 1841 года, когда было последнее сильное извержение Ключевской сопки, вулканические силы ее улеглись, и только более или менее значительные облака пара поднимались над ее вершиной. В октябре 1853 г. деятельность ее возобновилась и начала быстро возрастать, пока наконец из ее вершины не выступили мощные потоки лавы, достигшие даже р. Камчатки под отдаленным Козыревском. Извержение продолжалось с изменяющейся силой, пока в ночь с 17 на 18 февраля 1854 г. вершина самого северного вулкана полуострова, Шивелюча, не ввалилась со страшным грохотом, и не началось сильное извержение этого вулкана. В это самое мгновение Ключевская сопка замолкла и только спустя несколько недель начала опять спокойно куриться, между тем как Шивелюч, который на памяти человека никогда еще не имел извержения и разве только немного дымился, теперь вошел в полную силу. Еще до этой катастрофы, в октябре и декабре 1853 г., Шивелюч сильнее курился на своей северной стороне; а теперь со всех сторон текли книзу потоки лавы, доходившие почти до р. Еловки. Вулканический песок и пепел падали в таком значительном количестве, что у лежащей напротив деревни Ключей снег был покрыт ими на целый фут, а дождь тонкого пепла наблюдался даже в Тигиле. Это высокоинтересное извержение обоих названных исполинских вулканов, по-видимому, является ясным доказательством в пользу того, что вулканы могут стоять в подземной связи между собою и получают извергаемые ими материалы из одного общего источника, внутренней огненно-жидкой массы земли. Среди разных инородцев, которые каждую зиму являются часто из отдаленных мест в Петропавловск для сбыта добытого охотой пушного товара, опять были и в этом году ламуты. Они явились с гор около Ичинской сопки и говорили, что очень довольны новым камчатским местом жительства, так как здесь гораздо больше пушного зверя, оленей, горных баранов и рыбы, и что теперь каждый год будут прибывать сюда из Сибири новые партии их соплеменников.

Приходили сюда и олюторцы с дальнего северо-востока полуострова; от них я между прочим узнал, что ближайший и, во всяком случае, самый удобный путь с их берега в Ижигинск, это -- из селения Култужной, и что на этом пути, идущем совершенно ровной моховой тундрой (Парапольским долом), всего одно селение -- Витвей, откуда уже едут прямо на Таловку и Пенжину, в землю каменцев при Пенжинской губе. Витвей и Култужная населены олюторцами, и первое селение расположено в верхнем течении реки, впадающей в Берингово море у Вивников. Рассказывали они еще, что на большом, покрытом высокими горами острове Карага постоянных жителей нет, но что он часто посещается олюторцами и укинцами ради очень добычливого боя моржей. По их словам, по всему берегу нигде нет так много моржей, как на этом острове, где теперь находят целые массы костей этих животных -- остатков охоты, накопившихся исстари. Да и большие клыки моржей будто бы валяются в большом количестве по берегам острова, так как спрос на них невелик, а самим туземцам некуда известить такую массу. Остров этот лежит прямо против селения Караги, и отсюда можно на него добраться на байдаре часа в 4 -- 5.

Наконец, здесь был Голыгинский тойон и опять принес несколько настоящих красивых жемчужин. Для меня было интересно его сообщение, что на южном склоне Апачинской сопки есть очень богатая серой сольфатара и небольшое озеро, поверхность которого летом, после сильного испарения воды, покрывается соляной корой.

Во время одной сильной бури с юга в феврале 1854 г., настолько сильной, что даже в совсем замкнутой Авачинской губе поднялись мощные волны, мне пришлось наблюдать на берегах этого залива два очень поучительных явления. К северу от города и как раз

рядом с ним есть небольшое озеро, отделенное от залива только узкой низкой дамбой из хряща ("кошкой"). Небольшой короткий ручей прорезывает "кошку". Слабое течение воды из озера было не в состоянии удержать ручей открытым против натиска бурных волн, взмывавших с глубины массу песка и щебня, тут же отлагавшихся. В течение отнюдь не больше 2 часов от протока не осталось и следа, и на его месте тянулась плотная, высокая хрящевая дамба. Только много дней спустя, когда буря уже совсем утихла и запруженная вода в озере поднялась почти до самого края дамбы, начался сток ее в другом -- более низком -- месте, а затем понемногу промылся в дамбе новый ручей из озера. Таким образом здесь в небольшом масштабе произошло то самое, что в больших размерах можно наблюдать на речных устьях западного берега, именно образование заливов (гафов) и кос и миграция протоков первых по последним.

Той же бурей прибило к берегу упомянутой береговой дамбы громадную льдину с колоссальной глыбой камня в ней. Льдину принесло из небольшой бухты на противоположном берегу залива, где она образовалась у самого скалистого берега, а на нее скатилась сорвавшаяся сверху глыба конгломерата. При падении последняя тяжестью своей пробилась льдину, но застряла в ней, и в этом положении, торча концами вверх и вниз из льда, крепко вмерзла. Льдину с камнем вынесло волнами -- да и вода от ветра прибыла -- довольно высоко на плотную береговую дамбу. Потом, много времени спустя, при тихой погоде, когда льдина уже давно растаяла, я видел камень, лежащий на берегу, а рядом с ним глубоко вырытую в твердой хрящевой почве борозду, обозначившую путь его вверх на дамбу -- явление, которое невольно должно было напомнить образование шрамов в ледниковый период.

Еще в последних числах февраля 1854 г. с зимней почтой сюда дошли известия, что очень вероятно, что Англия и Франция примут участие в войне Турции против России и что ждут объявления войны со стороны этих держав. Теперь прибыл, ранее, чем в предыдущие годы, именно еще в половине марта, американский китобой из Гонолулу, который передал губернатору от короля Сандвичевых островов Камегамега III письмо на английском языке. Официальным тоном, но очень дружелюбно, как друг Русского Императора, король сообщал губернатору Камчатки, что он узнал определенно, что в Петропавловский порт летом нагрянет англо-французская эскадра. Теперь исчез покой Завойко. Немедленно созван был военный совет для обсуждения, как защищать порт и где должны быть построены батареи. Сейчас же принялись и за работы; начаты они были 20 марта 1854 г., а в июле уже было налицо шесть основательных и хорошо вооруженных батарей. Никто, кроме Завойко, не думал серьезно о возможности подобного нападения, так как чем бы, казалось, могли поживиться и какие выгоды могли получить здесь союзные враги. Однако, как оказалось впоследствии, было совершенно благоразумно приняться за эти работы и поспешать с ними.

Я лично много потерял благодаря этим работам и военным приготовлениям. Завойко знать ничего не хотел о моих путевых планах. Научным поездкам и исследованиям он вообще никогда не симпатизировал, а теперь мог привести и приличные соображения против них. Он думал, что не будет в состоянии дать мне ни одного человека, ни средств на летнее путешествие. После долгих приставаний и просьб мне, наконец, удалось, по крайней мере, получить позволение на небольшие экскурсии вблизи, и только в августе, когда я потерял уже пол-лета, он разрешил мне несколько более далекое путешествие. В такое позднее время он уже и сам начал было сомневаться в угрожавшем нападении. Злой рок лишил меня знакомства со всей южной оконечностью Камчатки. Я имел в виду посвятить лето 1854 г. исследованию этой страны до мыса Лопатки, и все это было потеряно -- пробел, который чувствителен особенно в отношении познания южных вулканов.

С апрелем 1854 г. наступила настоящая весна. Начали часто наезжать китобои, а в море потянулись к берегам громадные стаи сельдей. С ними появились опять чайки, а также много различных видов уток и всякой перелетной птицы. 30 апреля я нашел

первую анемону в цвету. Листва деревьев начала развиваться, и множество цветов украсило землю. 6 мая поймали первую чавычу, а 8-го я в первый раз слышал кукушку.

Тронулись теперь и наши небольшие суда в море, развозить провиант в дальние поселения: Ижигинск, Нижнекамчатск и Тигиль и привезти новые запасы из Аяна. Наконец 26 мая сюда прибыл из Японии корвет "Оливуца", зимовавший в Манилле и содействовавший в лице адмирала Путятина заключению торгового договора России с Японией.

К сожалению, и для этой зимы я не могу дать метеорологических наблюдений, так как записи в тетрадах, в которые они были занесены (барометр, термометр, направление ветра, дождь и снег) сделались неразборчивыми и совершенно негодными. Из самых общих замечаний по этой части я приведу из своих дневников следующее.

В конце октября 1853 г. дни были большею частью очень хорошие, ясные, и только по временам выпадал снег, который сейчас же и таял. После 20 числа начались небольшие морозы, не ниже 4--5°, которые, однако, затянули тонким слоем льда небольшое озерко к северу от города. Преобладающим направлением ветра было западное.

В ноябре ясные дни стали реже; напротив, частенько выдавались дни снежные и дождливые. Санний путь, однако, был еще довольно плох. Ветры дули более с востока, но буря была только одна, всего сильнее бушевавшая 11 и 12-го числа.

В декабре опять настали ясные дни; мороз доходил до 6--7°. Снег шел чаще, но каждый раз понемногу. Больше всего выпало снегу 18--21-го числа, когда разыгралась под конец настоящая снеговая буря (пурга).

В январе 1854 г. морозы усилились еще, до --17° (27-го числа). Вся Авачинская губа до середины покрылась довольно толстым льдом, особенно ее большие и мелкие бухты и тихие прибрежные места. Погода опять была большею частью ясная, хорошая. Снег выпадал лишь изредка; только 8 и 17-го числа с северо-востока нагнало порядочную пургу.

Февраль был очень хорош, мягок и часто напоминал весну. На солнце нередко таяло. Только в середине месяца, с 10 по 13-е число, бушевала с юга-востока из ряда вон сильная пурга: срывала крыши с домов и взломала и разогнала лед на заливе.

В марте были порядочно холодные ночи, так что губа на короткое время опять покрылась тонким слоем льда; зато дни были уже теплее, и снег быстро таял. Небо часто было пасмурно, и нередко выпадал небольшой снег, кончавшийся крупой и дождем. Настоящая снежная выюга была только 16 и 17-го. В конце месяца днем уже зачастую бывало градуса 3--4 тепла, а 30-го числа небольшой Петропавловский залив совсем очистился ото льда.

В апреле снег начал таять всюю и, если перепадал еще от времени до времени, то, скорее, вроде дождя. Мороз бывал только в виде ночных заморозков. Солнце сильно грело, и зима покинула нас совсем.

Май опять был очень хорош и напоминал лето. Выдавались очень теплые дни, и снег исчез совершенно. Зазеленели трава и деревья, ожил мир насекомых, и потянулись стаи перелетной птицы. 8-го числа в последний раз шел снег, выпавший слоем в 3 дюйма, но уже на следующий день он весь стаял. Дождливых дней было сравнительно мало. Всю зиму решительно преобладали западные ветры, и это было причиной, почему в Петропавловске эта зима была замечательно бедна снегом.

Отдел V

ПОЕЗДКИ ПО КАМЧАТКЕ ЛЕТОМ 1854 г.

1) Экскурсия на Авачинский залив и к реке Калахтырке.

2) Экскурсия к Паратунке и ее окрестностям.

3) Экскурсия на Авачинскую сопку, к Баккенингу и к вулканам восточного ряда.

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1854--1855 гг.

1) Экскурсия на Авачинский залив и к реке Калахтырке

После бесконечных, очень малоутешительных переговоров с губернатором мне удалось наконец выпросить двух проводников и лошадей хоть на небольшую экскурсию вблизи Петропавловска. Мне дали самых скверных лошадей и очень слабосильных людей, и с такими средствами я тронулся в путь, конечно, пешком утром 17 июня 1854 г. Целью моей экскурсии были лежащие к востоку от Авачинской губы озеро и река Калахтырка и их окрестности. Для этого я направился сначала на Раковую губу, а от самой южной оконечности этой придаточной бухты Авачинской губы вверх к маяку.

Залегающие здесь горные породы были уже поименованы мною при описании Авачинской губы (отдел II). Здесь я ограничусь лишь кое-какими дополнениями. На этот раз я задел мыс Лагерный, который вдается с востока во вход или пролив Авачинской губы. Здесь залегают тонкослоистые породы, поставленные на голову и очень похожие на красноватые обожженные глины. В самом низу находятся и здесь опять-таки базальты. На дальнейшем пути отсюда к маяку, идущем сухой, высокой тундрой со мхом и травой, в окружающих скалах видна пестрая смесь конгломератов, туфов и миндальных камней с небольшими друзьями кварца и жилами базальта мощностью до 5 сажень, а между ними -- разбитые пласты всякого рода обожженных глинистых пород и продуктов их выветривания. Местами концентрически-скорлуповатые образования и очень неясные отпечатки растений в обожженной глине живо напомнили мне третичные отложения местности под Тигилем и Седанкой, где так же, только еще гораздо яснее, встречаются третичные песчаники и глинистые породы с миндальными камнями трахито-базальтовых извержений, и где, несмотря на большой хаос, произведенный действовавшими друг на друга плутоническими породами среди пород осадочных, все-таки часто встречаются вполне горизонтальные, поднятые на значительную высоту третичные пласты. Что и здесь первоначально отложились также обширные третичные образования, которые потом уничтожены были древневулканическими извержениями, доказать трудно; однако это весьма вероятно.

В высокой скале, на которой возвышается маяк, базальт то образует столбы, то пронизывает в виде жил конгломераты, а на зальбандах нередко попадают небольшие друзы с цеолитом и халцедоном.

Палатка моя стояла подле маяка, и когда я утром 18 июня (погода была превосходная) вышел из нее, передо мной открывался со скалы в 1000 футов вышиной чудеснейший вид в даль, на открытое море, а в сторону материка -- роскошная панорама Авачинской губы. Вход в нее казался отсюда как бы насильственно проделанным, как будто образованным могучим прорывом вод залива в море. По обе стороны теснились высокие, крутые, разорванные громады скал, протягивая друг другу навстречу множество мысов с рифами, отдельных массивов и столбов с западной стороны -- мысы Завойко, Суцев, Станицкий и Бабушкин с лежащей перед ним громадной скалой -- Бабушкин камень, а с восточной -- мысы Изменный, также с лежащими впереди рифами и камнями, Лагерный и Маячный, у подошвы которого возвышаются три высокие пирамидальные скалы -- Три Брата.

Корякская сопка Авачинская сопка Козел

На Калахтырку ведут две дороги: одну из них, через невысокий перевал Англичанское, мои проводники забраковали как очень неудобную и выбрали другую, идущую у самого берега моря. Служащие при маяке провели нас безлесной тундрой к очень крутой тропинке вниз, по которой мы вышли на берег моря между Маячным мысом и мысом Высокая маячная тундра к небольшой бухте. Здесь выступают на дневную поверхность головы столбов базальта, а также базальтовые жилы, проникающие конгломераты и туфы. На мысе Высокая маячная тундра, выдающемся далеко в море, я нашел туфы и плотные серые породы, переполненные миндалинами кварца. Далее к северу находится большая мелкая бухта, в северный конец которой открывается небольшое озеро; последнее, находясь между Раковой губой и морем, имеет сток в обе стороны и лежит на дне долины, представляющей самый прямой путь из Петропавловска к морю. Затем идет менее выдающийся мыс Топорков с рифами и двумя скалистыми островами перед ним, из которых один, меньший, остроконачен, а больший -- Топорков -- с плоской вершиной. Оба состоят из туфов и базальтовых жил и служат местом гнездования бесчисленного множества водных птиц, яйца которых жители Петропавловска ежегодно собирают тысячами. Еще посевнее выдается в море состоящий из того же материала мыс Болунок, а в берегах опять появляются красные, обожженные глинистые породы. Здесь высокая вода и прибой, бивший до прибрежных скал, так заперли нам дорогу, что пришлось сделать довольно дальний обход назад и направиться через перевал Англичанское, в месте, действительно очень неудобном. Приходилось прокладывать топором дорогу в густом кустарнике стланца. Изъеденные комарами, утомленные жарой и усталые, мы выбрались наконец в небольшую, спускающуюся вниз долину, прошли речкой, текущей по дну ее, до моря, там перебрались чрез мыс Калахтырку, а скоро затем достигли и устья р. Калахтырки. Недалеко от устья на реке стоит жилая юрта, у которой мы и расположились со своей палаткой. Я порядочно повредил себе ногу об один острый камень, и поэтому должен был 19 июня провести здесь. Стояли превосходные летние дни; сегодня даже в тени было 22 °R. Близ устья Калахтырки из моря поднимается большая, средней вышины, скала из туфа, которую волны промыли в виде ворот. Дальше к югу видны высокие береговые скалы, мимо которых мы только что проходили, а перед ними скалистый, с крутыми берегами остров Топорков. На северо-восток тянется далее мало возвышенное побережье, из которого несколько более выступает только низкий Толстый мыс. Версты на три выше первой юрты на той же реке стоит вторая, также жилая, а еще шестью верстами выше последней начинается уже озеро Калахтырка, из которого берет начало река того же имени. Озеро длиною более 10 верст довольно узко и тянется с севера запада на юго-восток. У наиболее отдаленного северо-западного конца его находится хутор губернатора с обширными покосами вокруг. С запада к озеру и реке крутыми склонами подходят горы побережья Авачинской губы, а северный и северо-восточный берега того и другой поросли прекрасным березовым лесом. Окрестность далее на север и восток представляет волнистую местность, заросшую густейшим кустарником из ольхи, ивы, рябины и боярышника, -- местность, которая довольно быстро повышается к сопкам Коряцкой и Авачинской, красиво господствующим над нею. Коряка, окутанная снегом, стояла молчаливо и сурово, а Авача, менее высокая и менее снежная, пускала клубы дыма и от времени до времени издавала легкое грохотание.

В этой красивой обстановке очень живописно расположены оба Калахтырские поселения. В них живут несколько старых, отставных матросов, коротающих свою

одинокую жизнь в рыбной ловле и охоте. Еще глубже в этом прекрасном уединении стоит один домик на берегу р. Тойонской, начинающейся у Авачинской сопки и отдельно впадающей в море несколько к северу от Толстого мыса. Здесь устроился на житье сосланный в Камчатку 28 лет тому назад из Гродненской губернии старый поляк Гордеев. Его домик теперь -- самое северное человеческое жилье на восточном берегу Камчатки до устья р. Камчатки. Старик Гордеев ловил тут рыбу довольно долгое время и наутро собирался домой. Я с удовольствием принял его предложение идти вместе с ним, и 20 июня мы тронулись.

Идя плоским берегом моря, мы скоро достигли невысокого Толстого мыса, где залегают светлый глинистый сланец с обломками кварца; здесь валялись еще остатки разбитого брига "Елисавета", потерпевшего здесь несколько лет перед этим крушение. Хорошо протоптанной медвежьей тропой мы прошли через высокий ольховый лес на Тойонскую, перебрались раза два чрез нее вброд, и, пройдя в общей сложности три часа, очутились у избышки Гордеева. Уже издали небольшая просека и за ней маленький, очень опрятный огород вместе с расчищенным сенокосом давали знать, что мы приближаемся к содержанию в порядке хозяйству. Гордеев уже 3 недели не был у себя, и дом его все это время стоял пустым, а двери были только приперты снаружи древесным чурбаном. Старик нашел все нетронутым и в порядке: ничего не было попорчено, все было налицо. Бок о бок с домиком стоял маленький хлев, в котором хозяин держал зимой пару коров; теперь, летом, они были пущены бродить день и ночь на подножном корму, в полной вере, как говорил старик, что от дикого зверя упасет Бог. Чрез ручей с отличной водой был перекинут простой мостик, и тенистый березовый лесок окружал расположенную в глубоком уединении келью старого честного труженика. С довольным выражением лица показывал он мне свои запасы, -- муку, чай, сахар и один окорок. Затем он угостил меня парой жареных рыб и подкрепительным напитком из березового сока. По его словам, ему никогда не бывает скучно; дела всегда пропасть, а за работой забываешь все, что непоправимо. Не будь у него никакой работы, он давно умер бы с тоски по жене и по детям, которых ему пришлось оставить, так и не зная почему, без всякого суда. Его внезапно арестовали и выслали сюда.

21 июня, опять при хорошей погоде, мы отправились в южном направлении к находящемуся у западного конца озера Калахтырки губернаторскому скотному двору, до которого около 10 верст. Местность -- волнистая, красиво поросшая хорошим березовым лесом (*B. Ermani*) и орошаемая множеством небольших ручьев, которые все сбегает с подножия и предгорий Авачи и впадают, во-первых, в Тойонскую, во-вторых, -- и в гораздо большем числе -- в Калахтырское озеро. В 2 ¹/₂ часа мы дошли до цели. Здесь, около хлевов и юрты пастуха, встретился выход пористой темной породы. После недолгого привала мы прошли чрез большое количество очень хорошо разделанных покосов, принадлежащих к этой ферме и теперь давших очень богатый сбор, перешли несколько ручьев, которые все текут в озеро, наконец перебрались чрез глубоко вдавленное седло между Меженной и Шестаковской падями и выбрались к небольшому озеру, лежащему непосредственно к северу от Петропавловска.

Вернувшись вечером домой, я узнал, что за это время сюда прибыли фрегат "Аврора" и торговое судно Американской компании "Камчатка" с капитаном Риделем. "Аврора" представляла очень грустный вид, так как не менее 220 человек лежали, пораженные цингой более или менее тяжело; каждый день умирало по несколько человек. Утешаться можно было разве только тем, что на берегу больные замечательно быстро поправлялись благодаря свежей пище, особенно сырым овощам и доброкачественной воде.

Только поздно вечером я узнал, что на "Авроре" находится натуралист из Дерпта, проезжающий на Амур, но как его зовут, я уже в этот день узнать не мог. Утром 22 июня я скорее поспешил на фрегат и был поражен самым приятным образом, увидев пред собою своего доброго друга и товарища по университету в лице Л. ф. Шренка, ныне

академика. Приятно провел я несколько дней в его обществе, пока 1 июля он не уехал на корвете "Оливуца" в Амурский край -- цель его многосторонних исследований.

2) Экскурсия к Паратунке и ее окрестностям

Опять начались переговоры с Завойко относительно дальнейшего путешествия. Я хотел проехать с западного берега Авачинской губы системой Паратунки и продолжить путь далее, до действующего вулкана Асачи, находящегося на юго-восточном берегу Камчатки, к югу от Вилучинской сопки. Сначала Завойко был против всяких более отдаленных путешествий и отказал мне в каком-либо содействии. Наконец он согласился, но все-таки ехать на Асачу не позволил. Меня опять столь же скудно снабдили лошадьми и людьми, предоставив выбор дня отъезда мне самому; на случай же, если покажутся неприятельские суда, мне было отдано самое определенное приказание сейчас же возвращаться.

Право, какой-то рок тяготел над моими летними экскурсиями этого года. Ничто не ладилось, ничего не выходило. Всюду громоздились препятствия, одолеть которые было почти не под силу. В путешествии к южной оконечности Камчатки, о котором я так мечтал, а в особенности -- к Асачинской сопке, мне было совершенно отказано, да и другие планы точно так же потерпели фиаско. Из небольших экскурсий в окрестностях Петропавловска можно было вынести очень немного чего-нибудь существенного; тем не менее, я решил лучше воспользоваться хоть ими, чем сидеть на месте совсем без дела, как того хотел Завойко. Да еще приходилось, чтобы добиться чего-нибудь, даже какой-нибудь мелочи, строить благодушную физиономию.

Наконец 12 июля наступил день отъезда. Лошадей с кладью я отправил вперед в казачье поселенье Сероглазку у Авачинской губы, а сам со своим казаком начал подниматься пешком на Меженную гору -- плоскоконическую отдельную гору, возвышающуюся между Петропавловском и сказанным селением. Густым, спутавшимся кедровым кустарником, то и дело работая топором, мы добрались с большим трудом до вершины горы. Здесь я нашел трахитово-андезитовую породу красноватого цвета, очень похожую на ту, которая несколько севернее спускается к заливу в виде лавового потока и, по-видимому, имеет месторождением предгорья Авачинской сопки. К востоку далеко открывался вид на устье р. Калахтырки и на поднимающуюся к вулкану волнистую, заросшую густым кустарником местность. На север тянется в направлении к Авачинской сопке лесистый кряж, а на юг и запад под нами лежали порт и красивая губа. Спуск к Сероглазке был также затруднителен. В местечке этом теперь уже было три видных, вроде казарм, здания, в которых жили со своими семьями казаки, но самое место в отношении хозяйства и образа жизни этих бедняков, привыкших питаться рыбой, выбрано было чрезвычайно непрактично: здесь впадает только один, совсем маленький, ручеек, в который рыба никогда и не заглядывает. Сильный дождь, затянувшийся на всю ночь, заставил меня остаться здесь.

13 июля день выдался также хмурый, но так как дождя не было, мы тронулись дальше. Сначала мы пошли дорогой на деревню Авачу, но, минуя ее, свернули у Моховой губы на более близкую и прямую дорогу в Старый Острог. На этом пути нам пришлось идти тянувшимся без перерыва вдоль левого берега р. Авачи красивым березовым лесом (*B. Ermani*). Вся эта милая лесистая местность волниста и пересекается 18 небольшими ручьями, которые все стекают с близкого вулкана в р. Авачу. У одних из этих ручьев есть довольно углубленные долины со сравнительно крутыми склонами, другие, напротив, струятся по обширным низинам, влажная почва которых покрыта густыми зарослями шаламайника (*Filipendula kamtschatica*) выше человеческого роста. Это был опять один из тех роскошных, столь характерных для Камчатки березовых лесов.

Красивые, старые, суковатые стволы *Betula Ermani* с их светлой, несколько красновато-серой корой и широкой кроной расположены были с большими промежутками и поднимались над густым подлеском из *Crataegus*, *Lonicera*, *Rosa*, рябины и чернотальника, а земля между кустами была покрыта сочной травой с *Geranium*, *Thalictrum*, *Fritillaria*, *Epilobium* и др. Этот густой ковер там и сям перерезывался широкими, основательно протоптанными тропами медведей, по которым эти звери ходят с вулкана на реку Авачу и по которым на этот раз мы по большей части следовали. Такие березовые леса -- главный район действия охотников за соболями, и здесь же фантазия камчадалов поселяет маленького демона-карлика Пихлахчика, который быстро разъезжает на санках, запряженных тетерьками, издевается над охотниками, задает им почти невыполнимые задачи, но зато может и наградить охотника большим богатством и успехом.

Измокнув в высокой траве и в превышающих рост человека кустах, которых густая листва была еще совсем мокра от дождя, мы вошли в 6 часов вечера, при дожде, начавшемся опять, в Старый Острог. 14 и 15 июля дождь лил ливнем, и о путешествии нечего было и думать. Только 16-го, когда небо опять прояснилось, мы тронулись дальше.

У Старого Острога мы перешли на правый берег р. Авачи и прошли им по просеке в березовом лесу на ферму офицера Губарева. Скоро по выступлении в путь нам пришлось перебраться чрез приток Авачи -- Половинную, который берет начало в области истоков р. Начики и несет гальку из светлых, плотных сланцев и гранитных пород. Дорога шла сухим местом; чрез добрый час пути мы были уже на ферме. В этом, недавно основанном, образцовом заведении -- таким, по крайней мере, оно должно было быть сообразно плану -- я думал найти начатки благоустроенного сельского хозяйства, скотоводства, садоводства, да, пожалуй, и земледелия, но то, что я нашел, слишком разочаровало меня. Среди свежих пней возвышался совсем маленький жилой домик с очень небольшим хлевом, к которому примыкал очень ограниченный садик, -- вот и все; в остальном и здесь практиковалось целиком вонючее, камчатское "рыбное и собачье" хозяйство. Побыв здесь очень недолго, мы опять двинулись сухими цветистыми лугами да красивыми березовыми рощами дальше. Верст через 10 мы пришли на Батуринские ключи и с ними вступили уже в бассейн Паратунки. Батуринские ключи -- скопление небольших, обильных ключами прудов и ручьев, которые, сливаясь между собою, дают начало р. Тихой, прежде, говорят, впадавшей самостоятельным устьем в Авачинскую губу, а в настоящее время соединяющейся с Паратункой немного выше устья последней и ставшей, таким образом, ее притоком. С Батуринских ключей мы, держась течения Тихой, пошли чрез большие покосы, существующие здесь исстари и принадлежащие здешним якутам -- поселенцам и русским крестьянам. В 1825 году начальник Голенищев основал на Тихой Якутскую колонию, чтобы завести здесь в широких размерах скотоводство. Впоследствии селение это, некогда цветущее, вследствие вымирания населения и вследствие запущения понемногу пришло в полный упадок, и остатки его жителей-скотоводов разбрелись.

Теперь эта мысль возродилась в Завойко, и он задумал основать здесь новое, большое поселение скотоводов и земледельцев. Прежнее название этой деревни, Тихая и Орловка, были заменены новым именем -- Николаевская, и четыре новеньких, хорошо построенных дома уже были налицо. Но план задуман был шире: на большой четырехугольной площади предполагалось поставить более 20 домов, окруженных хлевами, огородами и даже пашнями. Местность для новой деревни была подобрана очень практично. Дело в том, что Паратунка ответвляет от себя на запад большой рукав -- Орловку, образуя, таким образом, большой речной остров. При этом Орловка очень близко подходит к Тихой и отделена от нее, собственно, только небольшим возвышением. На этом-то водоразделе и поставлена новая деревня, примыкающая, следовательно, и к Тихой, и к Орловке. В этой же местности когда то стояла и деревня

Паратунка, которая во времена Беринга играла известную роль, но к настоящему времени исчезла вместе со своими домами и церковью до того окончательно, что трудно даже найти и место, на котором она была расположена.

Для нынешней Николаевской важна близость Авачинской губы и Петропавловска как места сбыта продуктов сельского хозяйства. Далее, отличные покосы, рыбные богатства реки и богатые охотничьи угодья являются весьма выдающимися факторами в деле процветания селения. Только одно обстоятельство внушает опасение, -- обстоятельство, исстари тяготеющее над всеми благими и целесообразными начинаниями в Камчатке и внушающее опасения и на этот раз. Дело в том именно, что каждый новый начальник Камчатки в погоне за чинами и орденами крушит и уничтожает все постановления своего предшественника. Начинания, едва пустившие корень, уничтожаются каждый раз как негодные. Кто в данную минуту состоял правителем края, тот считал, что именно он-то только и поступал правильно, так как в эту минуту он представлял собой единственную власть. Какая масса работы, труда и денег потрачена в Камчатке благодаря этому без всякого проку! Неподалеку отсюда находится Микижина, когда-то цветущая ферма Голенищева, а теперь давно уже груда обломков, как пример в предостережение многим другим начинаниям этого рода.

Николаевской заправлял теперь в качестве старосты крутой субъект из унтер-офицеров, хотя способствует ли суровая военщина практическому хозяйству, покажет время. Я, признаться, в это не верю. А жаль было бы, в отношении всего края и Петропавловска в особенности, если бы и Николаевская, теперь как раз расцветшая, дошла до уничтожения.

Верстах в 5 от Николаевской в Паратунку впадает берущая начало в области истоков Начики р. Быстрая, которую не следует смешивать с Быстрой, протекающей под Большерецком. По верхнему течению этой реки находятся прекрасные леса, поставляющие Петропавловску отличный строевой лес. Этот ценный материал дают стройные тополя и высокоствольные, с короткими, округленными листьями ивы (ветловина). Как все реки системы Паратунки, Быстрая неглубока и очень быстра, почему и недоступна для больших лодок. Далее мы перешли чрез очень короткую речку Мостовую, а сразу за ней чрез совсем уж маленькую Микижину, вытекающую из одного небольшого озера. Здесь-то и стояла вышеупомянутая Голенищевская ферма (1825), некогда хорошенькая дача с большими хлевами и садами, в прелестной местности, которая теперь, благодаря невежественному отношению к делу, представляет опустевшую груду мусора. От этого места прежнего блеска и последовавшего за ним неразумия нам пришлось далее продираться чрез густейшие заросли шаламайника колоссального роста, тянущиеся версты на 2, до так называемого Молочного ключа. Это -- холодный ключ с небольшим стоком и прозрачной водой, так что название, о происхождении которого я не мог дознаться, очень уж малохарактерно. Здесь стояло новое строение, возведенное для несчастных, одержимых проказою, а существовавший для них до сих пор приют на Дальнем озере (тоже в системе Паратунки и недалеко отсюда) совсем развалился и сделался необитаем. Как до сих пор эти изгнанники, лепрозные или "проказные", наводящие страх опасностью заразы, влачили свое жалкое существование в глухой долине Дальнего озера, изолированные от всяких сношений с остальным обществом, так и теперь им приходилось быть запертыми здесь и отрезанными от мира. Теперь насчитывалось 10, страшно изуродованных, прокаженных. Доставляемые им от времени до времени съестные припасы складывались далеко от их жилья в назначенном для этого месте, чтобы устранить всякую возможность соприкосновения с другими людьми, а оттуда уже сами больные уносили их к себе. В случае смерти бедняги хоронили сами своего товарища где-нибудь поблизости. В Камчатке ничего так не боятся, как этих несчастных, а врачебной помощи, при равнодушии местных врачей, абсолютно никакой нет.

К 8 часам вечера мы достигли горячих Паратункинских ключей и остановились в большом доме, построенном для приезжающих на воды. Купаясь для освежения поздно вечером, я нашел температуру в большом бассейне ключей в $34\frac{1}{2}$ -- 35°R , а у самого места истока воды -- в 38°R . День был пасмурный, и по небу неслись тяжелые тучи, не предвещавшие ничего доброго. Рано утром 17 июля хлынул ужасный дождь, сделавший дальнейший путь совершенно невозможным, и наступил дождливый период, продержавший меня в доме целых 5 дней. К счастью, здесь находился некто Лазарев, сын сосланных когда-то сюда родителей, теперь состоявший сторожем этого, принадлежавшего казне дома. Он много разъезжал по Камчатке и, благодаря своим охотничьим походам, хорошо знал страну. Я сейчас же залучил его себе в проводники и старался, в продолжение дней моего заключения здесь, извлечь для себя пользу из его путевой опытности и знания края, что, впрочем, к сожалению, дало менее результатов, чем я надеялся сначала.

Прежде всего Лазарев дал мне довольно полную картину системы Паратунки, -- картину, которую я, насколько простирался мой собственный опыт, нашел совершенно верной. В общем, длина течения Паратунки не особенно велика, и образуется она из слияния трех речек. Самая восточная из последних идет из области Вилючинской сопки; средняя, самая длинная, образующая много водопадов, течет из окрестности вулкана Асачи, а как раз при месте соединения обеих этих речек есть теплый ключ невысокой температуры. Наконец, самая западная речка вытекает с горного массива, известного под названием Бабьего камня, недалеко от истоков Карымчиной, впадающей в р. Начику. От места соединения последней речки с двумя первыми река получает название Паратунки. Сразу за этим она разделяется на два одинаковых рукава, между которыми образуется таким образом длинный остров, на котором также есть горячий ключ. С левой стороны, т. е. с запада, в левый рукав впадают, считая с юга к северу: ручей Алёскин, текущий Алёскиной тундрой, Косогорчиковые ключи, Тополёвная и Якутские ключи. С правой, восточной, стороны правый рукав принимает в себя Гольцевку, вытекающую из озера, лежащего у подошвы Бархатной сопки -- конической, средней высоты горы, и Шаманку, начинающуюся в горном массиве Трубы, в которую, в свою очередь, впадают Даниловы ключи. Скоро за впадением Якутских ключей оба большие рукава Паратунки опять соединяются в одну реку, в которую затем вливаются с левой стороны еще Зайбенная, вторая Микижина и Хайковая, а последняя принимает в себя горячие Паратункинские ключи. С правой стороны в Паратунку впадают еще только стоки Дальнего и Ближнего озер. Главное направление Паратунки -- с юга на север, и только от деревни Николаевской она делает поворот под прямым углом к востоку и затем впадает в северозападную часть Авачинской губы, ответвив под самым уже устьем маленький ручей Кихчиг. С той речки из образующих Паратунку, которая течет с Асачи, есть очень удобный перевал на юг, на Голыгину.

Бывал много раз Лазарев и на Курильских островах; при этом доезжал даже до 13-го. По его рассказу, острова эти состоят лишь из высоких вулканических гор и скал, покрываются долго не стаивающей массой снега, а в отношении растительности или совсем голы, или покрыты редким кустарным кедровником. Медведи попадают только на двух первых островах, как редкость. Айны, населявшие прежде все острова, прогнаны, по словам Лазарева, японцами с северных островов и оставлены на южных.

18 июля у нас было довольно сильное землетрясение. Сотрясение шло с севера на юг. Издали послышался внезапно шум. Точно топот полка кавалерии на полном скаку по твердой почве, шум этот приближался с несказанной быстротой, все усиливаясь, пробежал под нами и затем так же быстро исчез на юге. В момент, когда шум был как раз под нами, грохот и движение достигли максимума. В это мгновение слышался звук положительно как будто при бурном кипении, в доме все трещало и гремело, висевшие предметы качались, половицы расходились, а в окне треснуло одно стекло. Колебания

длились, самое большое, 3 -- 4 секунды. Температура горячих источников оставалась в это время такой же точно, как и раньше.

Весь юг широкой долины Паратунки окружен высотами, которые большею частью покрыты лесом, остроконечны и над которыми поднимаются лишь местами отдельные, более высокие массивы. Так, более к западу возвышается Бабий камень, а более к югу -- Бархатная сопка, конус, покрытый темно-зеленым мохом с голой вершиной, и Трубы. Но над всей цепью доминирует далее Вилучинская сопка -- высокий, голый, глубоко изборожденный, вполне конический вулкан, в настоящее время, по-видимому, не проявляющий никакой деятельности; в его ложбинах виднелись большие массы снега.

Здесь мною взяты были следующие пеленги: Авачинская сопка -- 43° NO, ущелье Ближнего озера -- 85° ONO, Вилучинская сопка -- 171° SSO, ущелье Дальнего озера -- 120° OSO, Бархатная сопка -- 180° S и ущелье истока Паратунки, идущего с Асачи, -- 191° SSW. Здесь долина Паратунки, кроме того, более всего открыта на юг.

К полудню 22 июля небо прояснилось, и я сейчас же, взяв с собой Лазарева, выступил в путь. Мы направились левым берегом на юг, в верхнюю часть долины Паратунки. Сначала мы прошли большим лугом, за ним -- березовым лесом, а там начались переправы чрез поименованные выше притоки. Первым из них была Микижина 2-я, мелкий, быстрый горный ручей, питаемый тающим горным снегом; галька его -- почти всецело гранитная. Затем мы достигли Зайбенной и Якутских ключей, где, говорят, в 1820 году, в управление Станицкого, также были поселены якуты. Потом следовала Тополёвная, с красивым, старым, тополевым лесом, а еще подальше -- Косогорчиковые ключи, по-якутски -- Торбога. Наконец, проделав отсюда еще около 5 верст чрез высокую траву и большие заросли шаламайника, мы добрались до Алёскина ручья, протекающего ровной, безлесной Алёскиной тундрой. Здесь мы устроились на стоянку. До чего баснословно велика была масса лососей -- в это время хайко и красной рыбы, -- поднимавшихся всюду по системе Паратунки и теснившихся густейшими косяками, тысячами и еще тысячами, в те ручьи и речки, чрез которые мы только что переходили, положительно нельзя поверить, не видев этого собственными глазами. Все это барахталось и лезло все выше и выше, к горам. Идущие глубже рыбы выпирали в мелкой воде верхних на воздух целыми сотнями, и эти тогда старались пробраться дальше по скользким спинам первых. Этому баснословному богатству рыбы отвечало и большое количество занятых ее ловлей медведей. Даже на пустынном восточном берегу Камчатки я никогда не видал такого множества медведей, как здесь. Вся трава и все растения по берегам реки были совершенно вытоптаны. На мягкой береговой земле отдельных следов различить уже было нельзя, а точно большое стадо скота прошло по вязкому месту. Можно было видеть, как штук по 5 -- 10 больших, лохматых, бурых зверей ловят рыбу друг подле друга и угощаются ею. Приближением своим мы каждый раз вызывали замешательство и страх между этими сытыми, мирными рыбаками. Завидев нас, они всей компанией удирали и только двое, посмелее, были застрелены. Здесь камчадалы могли бы резонно воскликнуть: "Это место медвежисто", -- а я могу прибавить еще: "Кто в Камчатке умирает с голоду, тот -- самоубийца".

23 июля. Когда мы проснулись, погода была превосходная, а кругом нас развевался великолепный горный ландшафт. В большой дали возвышалась под 37° на северо-восток Авачинская сопка, а под 27° на северо-восток -- Коряка, под 150° на юго-восток стояла, теперь уже близко от нас, сопка Вилучинская, а Бархатная казалась отделенной от нее только небольшим горным узлом. Ущелье на Асачу открывается почти под 168° к югу, истоки Карымчиной лежат на 220° к юго-западу, а Бабий камень на 242° к юго-западу.

Высокая и сухая Алёскина тундра -- большая россыпь трахитовой гальки, намытой и рассыпанной половодьями с ближних гор, затем покрывшаяся слоем мхов и тундряных растений. Мы скоро прошли до конца эту тундру, а затем, продравшись опять чрез почти непроницаемую гущу шаламайника, перешли чрез первый исток Паратунки, текущий с запада, с Бабьего камня. И здесь вся галька трахитового характера. Опять дорога пошла

чрез густейший шаламайник, но уже хорошей медвежьей тропой, а затем мы снова очутились на Паратунке, которая здесь получает воды еще только от двух истоков. Мы не стали переходить реку, а прошли ею далее в горы, где долину как будто замыкает более высокая, коническая гора. Здесь, из сильно поднятого подножия этой горы, по довольно пологой поверхности вытекают два горячих ключа, с температурой в 55 и 56° (при 14° температуры воздуха) футах в двух один от другого. Один из этих ключей отличался той особенностью, что на глубине приблизительно 5 дюймов температура его была уже на 2° ниже. Должно быть, в него втекает на известной глубине еще другой, его охлаждающий, ключ. Оба ключа прорезывают в глине и гальке глубокие русла, доходящие до ниже лежащей, подстилающей трахитовой породы, соединяются в саженях 4 от места их выхода, круто сбегая, в один небольшой ручей и затем принимают сбоку еще ключ с температурой в 51°. Образовавшийся таким образом ручей показывает при подошве горы еще 35°, а затем совершенно уже охлаждается вследствие притока холодной воды. Из горы вода этих ключей вытекает спокойно и совершенно прозрачной и в русле не отлагает никаких осадков; только от времени до времени от нее слышен слабый запах сероводорода. Углекислоты она, по-видимому, не содержит вовсе.

Здесь идет, мимо упомянутой горы, по узкому ущелью дорога на вулкан Асачу. Скрепя сердце и только для того, чтобы сдержать данное мною Завойко обещание и настроить его более благосклонно в отношении экскурсий куда-нибудь подальше, я должен был положить здесь предел своей настоящей экскурсии к югу. Итак, в долине Паратунки есть три места с горячими ключами: здесь -- на переходе к Асаче, затем на большом речном острове и, наконец, известный при купальне. Перейдя здесь вброд чрез Паратунку, мы опять зашагали чрез растянутые, высокие заросли шаламайника и, добравшись до хорошего березового леса, остановились на ночлег.

24 июля. Благодаря установившемуся западному ветру, погода и сегодня была превосходная. Мы находились теперь на правом берегу реки и шли им назад на север. Пройдя некоторое расстояние березовым лесом да сухими лугами, мы очутились на первом из правых притоков Паратунки, на Гольцевке. Эта последняя, настоящий горный ручей, бежит по трахитовой и вулканической гальке широкой долиной, соединяющейся с долиной Паратунки, а начало берет в глубоком озере при подошве Бархатной сопки. С нее до Даниловых ключей нам пришлось идти низменной, болотистой местностью, густо поросшей ивовым и ольховым кустарником. Даниловы ключи состоят из скопления небольших, обильных ключами, прудов, в которые впадает также ручей Шаманка. И здесь по берегу опять было много густого кустарника и шаламайника, из которого мы выбрались наконец на более твердую почву и березовым лесом проследовали на речку Озерную.

Сегодня тоже нам все время попадались по берегам медведи, а один очень видный мишка вздумал было даже сделать на нас нападение. Когда мы спускались, ведя лошадей в поводу, с одного крутого, заросшего кустарником, косогора, мы услышали, как что-то такое быстро и шумно поднимается навстречу нам, в гору. Скоро, в шагах 4 от нас появилась мохнатая физиономия здорового медведя, который облизывался, т. е. готовился кинуться. Лазарев первый заметил врага и выдвинул вперед свою лошадь; в то же время мы живо схватили ружья. Однако неприятель наш лишился своей храбрости: так же быстро, как появился, он скрылся двумя большими прыжками вглубь прежде, чем мы готовы были к выстрелу.

Прибыв на Озерную, мы свернули, обогнув выступ гор, в долину Озерной в том месте, где впадает в нее ручей, начинающийся в горном узле Трубы, и к 3 часам добрались до поселения Дальнее Озеро. Рикорд, в бытность начальником края (1818), поселил на озерах Дальнем и Ближнем по одному отставному казаку на каждом: на первом -- Данилова, на втором -- Верхотурова, почему и до сих пор эти озера называются также и по фамилиям этих первых поселенцев. Оба озера, лежащие в близких одна от другой параллельных долинах, длинны и узки и стекают небольшими ручьями к западу в

Паратунку. Восточными концами они очень близко подходят к Таринской губе, особенно оконечность Ближнего озера близко подступает к известной дороге на горячие Паратункинские ключи. Оба селения расположены у выхода ручьев из озер, т. е. на западных концах последних.

Великолепнейшие покосные луга, которые могли бы прокормить большие стада скота, окружают опустевшее ныне Дальнеозерское поселение. Стоят только развалившиеся избушки, в которых жили, или, вернее, исподволь гибли несчастные прокаженные, выброшенные из общества и лишенные всяких сношений с населением. При взгляде на очаровательную по красоте, плодородную, замкнутую поросшими лесом горами котловину озера, почти не верится, что она в течение многих лет была свидетельницей такого несказанного горя и таких ужасных страданий убогого люда, предоставленного здесь абсолютно без всякой помощи медленной гибели от страшной болезни. Далеко от этого "места несчастья", совсем на другом конце долины, посреди прелестного ландшафта разбили мы свой лагерь.

25 июля. Небо было ясно, и я взял здесь следующие пеленги: Вилучинская сопка -- 180° S, направление горячих ключей у купального дома -- 300° NW, проход на Таринскую губу -- 97° OSO, рядом с ним находящаяся высокая скала, Колдунная сопка, - 126° SO и массив Трубы с его похожей на развалины или печные трубы вершиной -- 178° SSO.

Пройдя часа 3 то в гору, то под гору, березовым лесом, в котором глубокие лощины густо поросли пышным кустарником, мы вышли у мыса Кутха на Таринскую губу и сейчас же направились к известной читателю пристани, к которой часто пристают приезжающие из Петропавловска дровяные лодки. К сожалению, на этот раз не нашлось здесь ни одной; однако я решил подождать. Лазарев отправился отсюда назад, домой; лошадей я отправил в Петропавловск, а сам с казаком остался на берегу губы.

В отношении распределения гор и долин этой местности, я имею прибавить еще следующее. Главный центр возвышенностей представлен здесь, по-видимому, Вилучинской сопкой, так как от этого вулкана тянутся во все стороны долины и сопровождающие их хребты. К северу спускается долина Паратунки с ее боковыми высотами; от близлежащей Бархатной сопки отходит долина Гольцевки, с горного узла Трубы идет приток истока Дальнего озера, а также короткая речка Сельдовка, впадающая в Сельдовую бухту Авачинской губы; рядом с Сельдовкой проходит кряж, который заканчивается при море мысом Кутха и самая высокая вершина которого -- Колдунная сопка. На восток, в море, текут начинающаяся на Вилучинской сопке и одноименная с нею река и ручьи-притоки речки Асачи.

26 июля. И сегодня я напрасно прождал лодки, а потому решил завтра пройти пешком на Ближнее озеро и оттуда на бате спуститься по Паратунке.

27 июля мы уже спозаранку были на ногах. Накануне вечером случай привел сюда двух камчадалов, с помощью которых можно было перетащить мой багаж до берега Ближнего озера, до которого было с 1 -- $1\frac{1}{2}$ версты. Здесь нашелся бат, на котором мы доехали до поселения у западного конца озера. На бате же отправились и далее. По ручью, которым стекает в Паратунку Ближнее озеро, тихо текущему, очень излучистому и мутному, плавание шло сперва медленно, но с входом в быструю Паратунку нас подхватило, и в $2\frac{1}{2}$ часа мы пронесли мимо устьев всех вышеназванных притоков и мимо деревни Николаевской к Авачинской губе. По берегам реки, образующей здесь сильные искривления, местами видны были склоны из щебня до 12 футов высотой и большие скопления намытого водой леса, среди которого попадались и целые деревья; местами шли низменные, поросшие ивовым и ольховым кустарником, участки; часто попадались также заросли шаламайника. Перед устьем Паратунки мы вошли в рукав, перерезывающий большую, лежащую перед этим устьем, как перед устьем реки Авачи, низменность дельты. Узким каналом или проливом, отделяющим от земли большой остров Никиткин, мы, благодаря попутному ветру, прошли с импровизированным

парусом к деревне Аваче. А здесь, на наше счастье, только что собирался уходить большой казенный бот. Живо перетащили мы на него поклажу и пошли при благоприятном ветре в Петропавловск, куда прибыли еще довольно рано вечером.

3) Экскурсия на Авачинскую сопку, к Баккенингу и к вулканам восточного ряда

С 28 июля для меня опять началось скучное, неподвижное существование в порте; впрочем, на этот раз оно не затянулось так долго, как я сначала этого боялся. Батареи были уже готовы, и теперь усердно занимались практической стрельбой. Несколько судов доставляли большой запас провианта и даже амуниции. Завойко чувствовал полную уверенность в себе. Он приготовился, насколько это было здесь вообще возможно, встретить врага как следует. Спешные работы уже миновали, и он чувствовал себя спокойнее, что облегчало возможность обратиться к нему опять с переговорами. Подошел и август, а неприятель не являлся. 5 августа я отправился к губернатору. Он принял меня радушно и сказал, что так как в такое позднее время года уже нечего ждать нападения, то я могу отправляться, когда и куда мне угодно, чтобы хотя несколько наверстать потерянное время.

Недолго думая, я решил пуститься в путь на другой же день. Исследовать подробно южную оконечность Камчатки было уже положительно поздно, и выбор мой остановился на путешествии к Авачинской сопке, в область истоков р. Авачи, а оттуда к вулканам восточного ряда.

6 августа. День выдался хороший. Завойко дал мне в проводники и слуги очень дельного казака Климова, и после обеда я отправился в путь. Меня живо доставили на вельботе по заливу в деревню Авачу, а отсюда я сейчас же выехал на бате вверх по Аваче и, проехав несколько верст выше того места, где эта река делится на рукава, сделал первую стоянку. До этого места берега реки низменны, часто болотисты, а быстрота течения незначительна. Вся низменность лишена древесной растительности и покрыта камышом, хвощем и высокой травой, из которой кое-где выглядывает ивовый кустарник. Далее же берега быстро повышаются и покрываются березовым лесом (*B. Ermani*).

Рано утром 7-го числа мы двинулись на батах далее, так что уже к 10 час. утра были в Старом Остроге. Мой старый приятель Машигин уверял меня, что не знает как следует дороги к сопке. Он, правда, собирался идти вместе с нами, но только не брался быть проводником. Как такового он рекомендовал мне камчадала из Коряки, некоего Осипа Столбачикова, к которому сейчас же и отправлен был нарочный. Конечно, против того, что проводником будет этот Осип, я не имел ничего; жаль было только, что опять приходилось терять много времени, особенно теперь, когда, по-видимому, установилась такая хорошая погода. Потеряли мы и 8 августа благодаря камчадальской медленности в решениях. Машигин между тем старался сократить мне время ожидания рассказами о своих охотничьих и путевых приключениях. Как уже было упомянуто выше, ему пришлось провести много лет своей юности в горах около вулкана Коряки и на истоках р. Авачи; поэтому он мог сообщить об этой местности кое-что, достойное замечания, в географическом отношении. Так, в своих заметках я нахожу занесенным с его слов следующее: Пинечева, большой левый приток Авачи, начинается у подножия Коряцкой сопки и здесь отделена невысоким водоразделом от истоков р. Налачевой, впадающей в море к югу от мыса Шипунского. На берегах Налачевой, в верхнем ее течении, у одной скалы есть очень горячие ключи, над которыми из расселины в камне от времени до времени вырываются с сильным шумом горячие пары. Р[ека] Авача образуется тремя реками, из которых самая большая -- восточная. В последнюю каждый год идет чавыча, чего в обеих других не бывает. В области ее верхнего течения также должен быть

горячий источник, а исток ее лежит близ такового р. Ковычи, текущей в р. Камчатку. Средняя из образующих Авачу рек вытекает из двух друг за другом лежащих и связанных ручейком озер, близ старого вулкана Баккенинга. Отсюда, говорят, есть удобный проход на Пущину. На верхнем течении этой реки в 1853 году открыли еще новый горячий источник, который, впрочем, не слишком горяч. Из обоих озер лежащее ниже, по словам Машигина, очень богато рыбой, между тем как в верхнее не заходит ни одна проходная рыба, да и птицы никогда не спускаются на него. Если это верно, то само собою напрашивается предположение, что верхнее озеро это, лежащее совсем близко к вулкану Баккенингу, пропитывается углекислым газом. И об этих озерах также очень распространено поверье, будто в них водятся двухголовые, очень прожорливые рыбы. Третья из рек, входящих в состав Авачи, западная, начинается в горах близ Ганала (так называемые Ганальские Востряки).

Наконец утром 9 августа явился Осип и не только согласился быть проводником, а и готов был сейчас же тронуться в путь. В 3 часа я и мои три спутника, Климов, Осип и Машигин, были уже в седлах. Мы поехали летней дорогой на Авачу, чрез красивый березовый лес, где, кстати, пополнили свои припасы удачной охотой на глухарей. Этой дорогой мы проследовали до речки Крутой -- пади, где тем же лесом повернули к северу и, проехав еще несколько верст, остановились на ночлег. В подлеске было особенно много жимолости, доставившей нам богатый сбор превосходных ягод.

С раннего утра до 10 часов 10 августа мы ехали все тем же чудным березовым лесом, причем местность сильно повышалась, и прибыли на верхнее течение Мутной, впадающей в Авачу несколько выше Старого Острога. Затем мы переехали чрез довольно длинную, мокрую моховую и травяную тундру, а за ней -- чрез тундру сухую, ягодную, с разбросанными там и сям кустами кедра, где потревожили большого медведя, лакомившегося вкусным десертом. В березовом лесу мы наткнулись еще на одну интересную картинку из жизни животных. На старой, сучковатой и внутри дуплистой березе мы увидели целое семейство соболят, грациозно лазивших по стволу и ветвям; при нашем приближении они спрятались в дупло. Осталась только мать; фыркая от злости у дупла, она даже готовилась броситься. Долго рассматривали мы красивое, гневное, беспокоившееся за участь детенышей животное, которое спасла от моих охотников его еще слишком светлая летняя одежда.

Вулканы Коряка и Авача стояли теперь перед нами во всем своем великолепии, первый более к северу и дальше от нас, второй -- с его довольно большим столбом дыма -- очень близко и как раз против нас. В 1 ч. дня мы вышли чрез бордюр из тополей к руслу какой-то пересохшей, не очень глубокой реки, которая довольно круто падала с высоты. Здесь лежала масса гальки вулканического происхождения и целые глыбы до двух сажень в поперечнике, а также множество вырванных с корнем, теперь уже совсем сухих деревьев и их сучьев, должно быть, жертв сильной катастрофы, внезапного разлива воды по склону подошвы вулкана, первоначально поросшему лесом. Трудно было пробираться, да еще все круто в гору, по песку и щебню старого русла; наконец мы перевалили чрез небольшую седловину и вышли на высокий берег другой какой-то реки, еще более широкой и гораздо более глубокой. То русло, по которому мы только что поднялись, представляло лишь небольшой рукав, который образовался, по-видимому, вследствие того, что более значительная промоина до того переполнилась хлынувшей сверху массой воды, что часть последней перелилась чрез высокий берег в сторону. Мои спутники вполне подтвердили это. Когда в апреле 1828 года было сильное извержение и провал конуса Авачинской сопки, которая прежде, говорят, была выше Коряцкой, большие потоки лавы сразу растопили колоссальную массу льда и снега, и вниз хлынул гигантский поток горячей воды, уничтожая на далекое протяжение леса и растительность и глубоко прорезая склон горы. Еще и теперь долина этого потока, совершенно уже высохшего, носит среди местных жителей название "горячей реки". Если уже в боковом рукаве проявление страшной силы обнаруживалось так

внушительно, то в главном русле нам представился настоящий хаос ужаснейшего разрушения. Берега, большею частью высокие и крутые, поднимались в самых угловатых и разорванных очертаниях и обрамляли самую пеструю смесь каменных глыб всевозможной величины, то разбросанных в одиночку, то нагроможденных друг на друга. Это главное русло начиналось в старом кратере, из которого в настоящее время поднимается собственно деятельный конус. Подобно гигантским глыбам, торчат края этого старого кратера. Но в деятельности Авачи был период еще более древний, когда только что упомянутый под названием старого кратер поднимался, вероятно, гигантским конусом над краями кратера еще более древнего, последние остатки которого сохранились в виде отстоящего далеко к востоку Козла. Во всяком случае, последний -- не самостоятельный вулкан, а по положению и форме, наверное, только край очень древнего кратера первичного поднятия Авачи.

В глубокой котловине кратера перед извержением 1828 года и, следовательно, ко времени образования "горячей реки", накопились громадные массы льда и снега. Когда затем мощные потоки лавы, ясно видимые еще и ныне, стекая из вершины конуса к югу, встретились в котловине с залежами снега и льда, эти последние быстро превратились в воду, прорвали южный край кратера и, хлынув вниз по склону горы, прорыли себе русло "горячей реки". Далеко от подножия горы, почти до моря, можно проследить широкую полосу земли, на которой валяются сухие деревья и кусты. Лавовый поток, стекавший по крутому скату конуса и приносивший все новые запасы огненно-жидкой массы, вливался в котловину кратера в снег и лед, растопляя их. Попадая сюда, он остановился и на краях вследствие потери тепла застыл. Края эти еще и теперь сохранили тот вид, в каком они застыли; в самых своеобразных формах торчат они, врезавшиеся по большей части в лед и снег. Я могу сравнить эти формы только с теми, какие принимает растопленный металл, вылитый в воду, когда он сразу застывает в самых разорванных формах. Так и здесь нижняя окраина темной-серой лавы торчала в глубокую промоину тысячами причудливых окончаний. Самые внешние и самые сложные из них имели, смотря по тому, более или менее глубоко проникли они в снег, ярко-красную окраску, конечно, вследствие более высокой степени окисления здесь их железистых частиц.

По самому дну широкой промоины долины (Баранко) направлялась вниз, между хаотическими камнями, тонкая струя воды от тающего снега. На высоком берегу этой долины нашелся хороший, поросший питательными горными травами луг для наших лошадей, а потому мы и сами решили устроиться здесь на стоянку. Мои спутники пошли еще поискать, нет ли где выше местечка для пастбища.

Никогда не забыть мне картины, которая представляется здесь глазу. На юге и на юго-востоке -- казалось, у самых наших ног -- виднелись море у Калахтырки и многораздельная Авачинская губа. До них от подошвы вулкана тянутся красивые березовые леса, прерываемые отдельными, блестящими, как серебро, озерами. На этой стороне губы особенно отчетливо выдается невысокий, плоский, покрытый лесом конус Меженной горы, а на юг от губы тянутся далекие горы южной оконечности Камчатки, за которыми поднимаются красивый, высокий, но мертвый конус Вилучинской сопки да темный столб дыма над Асачей. Всю даль к северу и западу заслоняли от меня мощные громады самой Авачи. Ее конус сегодня был затянут легким туманом, и можно было различить только, что, за исключением самого небольшого среза вершины, он имеет вполне коническую форму и вместе с тем замечательно полог. Коряка была совсем закрыта надвинувшимися облаками. Снег виден был, да и то в самом незначительном количестве, только в отдельных глухих оврагах; на самом конусе его не было вовсе. Поздно вечером вернулись мои спутники. Не нашли они ни выше лежащего пастбища, ни стад баранов, что их очень обескуражило. Пришлось поэтому оставаться на стоянке здесь, еще довольно далеко от подножия собственно деятельного конуса.

11 августа. С раннего утра весь верх вулкана заволокло туманом; однако уже в 7 часов мы тронулись вверх в надежде, что туман рассеется. Дорога шла по большой промытой

долине. Почти с каждым шагом она становилась более дикой, разорванной, края ее -- все круче, а россыпи камня -- еще обильнее и хаотичнее. Вулканический щебень, бомбы, всевозможных размеров обломки всякого рода лавы в беспорядке валялись друг около друга. В очень защищенных местах стали попадаться небольшие пятна снега, и последние признаки растительности исчезли. Как по лестнице, поднялись мы по двум старым лавовым потокам, из которых один перетек через другой и которые были отделены друг от друга слоями щебня. Так входят внутрь старого кратера, стенки которого состоят из старых лавовых потоков, переслоенных мощными массами щебня, и поднимаются под углом 45° к конусу.

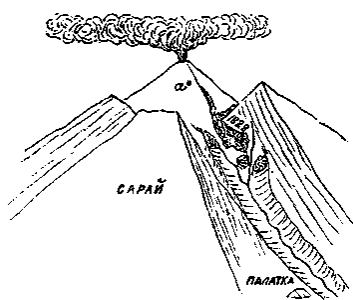
Здесь мы достигли конца лавового потока 1828 года, бывшего причиной образования большого Баранко; впрочем, не подлежит сомнению, что и только что упомянутые старые потоки, по которым мы лезли, также поработали в свое время над образованием этой долины. Во всяком случае, последние значительно старше первого. Как уже упомянуто выше, лавовый поток 1828 года, спускаясь по склону конуса, был вдруг задержан, хотя он и имел мощность свыше 20 саженей. Уничтожив тотчас препятствие к своему дальнейшему движению вниз -- снег, он зато и сам в то же время замер в борьбе с холодным, влажным элементом. Лава плотна, очень тверда, звенит под молотком и имеет светловатый, раковистый излом. Самые внешние, т. е. самые нижние, слои лавового потока сильно расчленены, с красной побегалостью, пористы и пемзообразного вида. С запада, позади большой скалистой части кратера, "Сарая", должно быть, шел еще другой поток воды, вызванный точно так же спускавшейся лавой, и -- соединившись с первым -- оставил по себе явственные следы. Мы стояли у самого подножия конуса, но, к сожалению, как раз теперь-то и нельзя было идти далее. Туман становился все гуще, и тяжелые облака окутывали гору все более и более. Поднялся ветер, а скоро пошел и дождь. Мои спутники посоветовали скорее вернуться назад, так как непогода, да еще со снегом, на такой высоте -- вещь опасная. Мы живо направились назад, к месту стоянки, куда пришли к 3 часам пополудни невредимыми, но промокшими.

12 августа. Дождь и ветер продержали нас целый день в палатке. Спутники мои очень просили меня о возвращении назад, но мне хотелось во что бы то ни стало сделать еще попытку взойти на конус, и я поэтому настоял на том, чтобы побыть еще на горе.

13 августа. Погода, по-видимому, благоприятствовала восхождению. Разъяснело, и гора стояла перед нами во всем своем великолепии. Правда, с северо-востока подувал легкий ветер, не обещавший ничего хорошего, однако я рискнул сделать опыт. Пустившись в путь рано, я уже в 8 часов утра был на старом лавовом потоке, следовательно, в старом кратере и у подножия конуса, круто поднимающегося отсюда непрерывной, прямой линией. Моих суеверных спутников нельзя было ничем побудить идти вместе. Они остались здесь, а я начал подниматься один.

У самой подошвы конус был окружен большой россыпью скатившегося сверху материала. Здесь были куски лавы всевозможной величины, щебень и продукты извержения всех цветов -- темно-серого, бурого, красного, твердые и плотные, пористые и пемзообразные массы. Там и сям, однако, нередко попадалась красноватая со светлыми точками порода, пронизанная жилами чистой желтой серы; часто она была выветрившейся, в белых с примесью серы кучках щебня и рассыпалась. Я пошел вдоль лавового потока, по западной его стороне, перелезши сначала через глубокую канавку, а затем карабкаясь по камням. Подъем стал теперь круче. С востока выходит в пространство между конусом и краем кратера второй лавовый поток и соединяется с первым. Канавка постепенно становилась менее глубокой и затем совершенно исчезла. Камни, лежавшие кругом, становились все мельче; более крупные куски не могли удержаться на очень твердой, покатой поверхности и скатились в находящуюся у подножия россыпь. Большой лавовый поток, которого я держался все время моего восхождения, точно так же быстро убывает в мощности и оставляет в конце концов

собственно лишь глубокий след своего пути от вершины книзу. Всюду лежали массы мелкого щебня, так что весь конус казался состоящим из него, но в то же время от жары он спекся, стал плотен и тверд, так что нога нигде не вязнет, в том роде, как на конусе Везувия. Под галькой и щебнем часто попадались куски совсем чистой хорошей серы, до величины кулака. Последняя, должно быть, осела возгонкой на самом краю деятельного кратера и затем оттуда свалилась. Чем выше я забирался, тем тверже делалась почва подо мною; часто она была точно покрыта глазурью, очень гладка и глухо звенела под ногами. Крутой скат конуса местами был до того гладок, что нога едва держалась и я много раз скатывался вниз. Из вершины поднимались темные массы дыма, и когда ветер сдувал их вниз, меня обдавало удушливыми сернистыми и хлористыми испарениями, чрезвычайно затруднявшими дыхание. От времени до времени внутри горы слышалось глухое рокотанье, вроде раскатов грома, причем почва каждый раз заметно сотрясалась. Я все поднимался выше да выше, но, к несчастью, ясно увидел, что вершины мне не достигнуть. Северо-восточный ветер усилился и уже нес с моря на вулкан темные тучи. Скоро вершину закрыло, а на меня упало несколько снежных хлопьев. Но хуже всего было то, что теперь ветер почти беспрестанно наносил на меня едкие пары серы и хлора. Дышать можно было только чрез платок, а глаза я мог открывать лишь на мгновения. Очень пора было возвращаться назад, и снизу я уже слышал предупредительные выстрелы своих спутников. Скоро после 12 часов я достиг самой высокой точки, какой мог, а отсюда доверху оставалась еще почти треть высоты конуса. Я скорее пустился назад, теперь уже под ветром и снежной метелью. Чтобы не заблудиться, я держался у самого лавового потока; торопился я как можно скорее. А тут еще разыгралась выюга, и ветер на каждом шагу так и норовил сбросить меня с покатой и скользкой тропинки. Наконец, промокший, промерзший и уставший, я добрался до своих спутников в старом кратере, которые считали меня уже погибшим и теперь радостно приветствовали. Сейчас же мы тронулись и далее вниз, к палатке, где все было в порядке. Почти с каждым шагом погода становилась лучше, а у палатки снегу почти не было. Непогода разыгралась только на высоте, и вся часть вулкана над нами покрылась белым снегом. У нас вечером был дождь с ветром, а наверху вулкана страшно бушевала буря со снегом. Сделать еще попытку забраться на Авачу до самой вершины в этом году уже не было никакой надежды. Но для меня было ясно, что какими-нибудь двумя неделями раньше я, наверное, достиг бы самого верха и что восхождение на этот вулкан не представляет никаких особенных трудностей.

а — высший, достигнутый мною, пункт

14 августа. Непогода и дождь продолжались всю ночь напролет, а дождь затянулся и наутро, хотя и стал меньше. Тем не менее, мы спозаранок тронулись в обратный путь, на Старый Острог, куда прибыли благополучно и без задержек той же вышеописанной дорогой в начале пятого часа. Далеко позади нас возвышалась над окрестностью сильно курившаяся Авача, побелевшая совсем по-зимнему. В долине и по дороге снегу не было вовсе, шел только сильный дождь.

И 15 августа дождь шел не переставая, что опять, к несчастью, задержало нас. Только к вечеру небо разъяснело, так что я решил на следующий день пуститься в путь к озерам, из которых берет начало р. Авача, и к вулкану Баккенингу.

16 августа. Погода была еще довольно ненадежная, когда я с Климовым и Машигиным выехал верхом из Старого Острога, чтобы проехать к близкой Коряке, откуда ведет самая удобная дорога к Авачинским озерам. Она идет сплошь старым березовым лесом (*B. Ermani*) с красивым подлеском из боярышника, роз, рябины, чернотальника, жимолости и идет сильно в гору (Корякский хребет). Спутники мои обратили мое внимание на то, что рябина встречается в подлеске только из *Betula Ermani*, и напротив, будто бы никогда не попадает в лесах, образованных *Betula alba* (преснецом). На второй половине этой лесной дороги мы переходили чрез множество мелких ручьев, а уж совсем близко к Коряке перешли Гавенскую речку -- быстрый приток р. Коряки, которая в свою очередь является притоком Авачи. Гавенская речка начинается в области истоков Начики и Паратунки, и галька ее состоит почти исключительно из темных, плотных сланцев и гранитных, гнейсовых и сиенитовых пород, которые решительно преобладают и в р. Коряке. Всю дорогу нам благоприятствовала отличнейшая погода, зато уже неподалеку от селения нас обдал такой ливень, что к Коряке мы прибыли промокшими насквозь. При нашем прибытии нас первым делом спросили, много ли мы встретили медведей: в этом году здесь даже для Камчатки, как говорили, было особенно много медведей; вероятно, животных привлекало здешнее обилие рыбы и ягод, между тем как до сего времени они чувствовали недостаток в этой пище.

17 августа день выдался опять дождливый и заставил нас сидеть на месте. Только вечером стало яснее, и на ближних вулканах и более высоких, блиставших свежим снегом горах можно даже было видеть нечто вроде альпийской зори. Особенно чудное зрелище представляли вулканы Коряка и Авача, выделявшиеся на темном фоне неба своими роскошными переливами красных оттенков, от самого нежного розового до густого синевато-красного. Авача при этом сильно курилась.

Теперь пошли длинные толки о том, каким путем направиться завтра, причем речь шла также о двух проходах, которые, минуя Начику, ведут очень близким и прямым путем на Малку. Оба этих прохода идут севернее обыкновенной дороги на Начику, через небольшие водоразделы -- малый хребет в долине ручья Лукавы (впадающего в р. Начику) и большой хребет, который покрыт почти непроницаемым стланцем и совершенно не имеет медвежьих троп.

18 августа. При пасмурном небе, но при опускающемся вниз тумане мы выехали около полудня из Коряки. Сразу под селением мы перешли р. Коряку не очень далеко от впадения ее в р. Авачу, и затем продолжали свой путь в направлении к северу бесконечным сухим лесом из *Betula alba*, держась все время хороших медвежьих троп. Здесь очень бросалось в глаза полное отсутствие рябины, которая, между тем, всюду попадает, как кустарник, в лесу из *Betula Ermani* между Корякой и Старым Острогом. Здесь ее заменяли -- ива с темными, широкими листьями (чернотальник) и боярышник. Так ехали мы без перерыва приблизительно до 3 часов все березовым лесом, но на берегу р. Вактала, которой мы теперь достигли, характер леса сразу изменился. Здесь нас окружил густой, высокий лес из тополей, покрывавший оба берега. Вактал, начинающийся в Ганальских Вострыках, быстро, как настоящая горная река, течет к р. Коряке, в которую и впадает недалеко от селения Коряки. Скоро мы перешли на другой берег Вактала, вышли из тополевого леса и, держась все к северу, въехали в небольшую боковую долину, всю поросшую *Betula Ermani*, среди которой сейчас же опять появилась рябина в качестве подлеска. Между тем как от Коряки нам пришлось ехать волнистой, очень лесистой местностью, теперь мы выехали на открытое место. На окраине маленькой побочной долины Вактала мы прошли по совершенно безлесной и голой небольшой конусовидной горе, Голой сопочке. Затем мы переехали чрез небольшой перевал, а за ним довольно круто спустились к берегу р. Авачи. Небольшая

безлесная конусовидная гора, расположенная посреди прекрасного леса, представляет из себя настоящий Броккен здешних мест; по поводу ее охотники рассказывают сотни историй о ведьмах и привидениях и твердо верят в эти рассказы. Здесь будто бы раздаются соблазнительные голоса, появляются обольстительные образы, постоянно сбивающие с толку охотников и доводящие их до гибели.

Мы достигли Авачи несколько ниже места соединения трех главных истоков этой реки и очутились в широкой, поросшей отдельными березами, луговой долине. Здесь, подле юрты, которую построили охотники и рыболовы с Коряки, на правом берегу самой реки мы разбили нашу палатку. Несколько повыше нашего лагеря впадал восточный главный исток реки, вытекающий из области верховьев Ковычи. Восточнее этого истока тянется значительно возвышающийся над ближайшим лесом хребет плитчатых гор, образующий водораздел между реками Авачей и Жупановой. Этот горный кряж, состоящий из метаморфических осадочных горных пород, тянется к вулканам рек Коряки и Авачи, которые, вероятно, прорывают его; он же ограничивает на западе реку Налачев у при Авачинской бухте в виде мыса Шипунского достигает наконец моря. Высокий лес на склонах долин сплошь покрывает вулканы, находившиеся отсюда уже на юге. Точно так же на юге сзади нас лежала область реки Пинечевы, этого очень значительного притока р. Авачи, вытекающего со своими многочисленными побочными ручьями с вулканов и изливающегося в главную реку несколько выше Старого Острога.

19 августа. День начался счастливой охотой на медведя. Ранним утром, в то время, когда при прекрасной погоде в своей палатке мы пили чай, вдруг мы заметили большого темного медведя, приближавшегося к нам по широко проторенной тропинке. Сначала, как видится, он не замечал нас и, занятый своей дорогой, шел медленно. Подойдя ближе, он заволновался, увидел нас и в полном сознании своей силы начал ускорять шаги по направлению к нам. Мы тотчас же взяли за оружие, так как этот визит без сомнения относился к нам и носил серьезный характер. Мы подпустили серого еще на несколько шагов; вот прогремели два выстрела, и смельчак, пробитый двумя пулями, пал мертвым на лугу. Быстро была снята шкура, которую мы повесили на высокое дерево, для того чтобы люди принесли ее впоследствии: для нас эта тяжесть была слишком велика и не имела большой цены. В 9 часов мы сели в седла и по хорошей медвежьей тропе направились вверх по реке по правому ее берегу. Берега густо поросли тополями, а в особенности прекрасными высокоствольными ивами (ветловиной). Скоро мы были у устья западного истока Авачи, вытекающего из Ганальского хребта. По правому берегу этой реки мы ехали около версты, затем на мелком месте, но с быстрым течением перешли ее по гранитной гальке. Отсюда берега быстро поднимаются на значительную высоту, соответственно этому и мы поднимались в гору по сухой ягодной тундре. Внизу под нами, образуя множество порогов, с шумом стремилась замкнутая в крутых утесах и все более суживающаяся река. В то время как внизу почти в полутьме тесного ущелья пенилась вода, крутые стены утесов поднимались все выше и выше, и там, на высоте, все более и более сближались друг с другом, и наконец между ними оставалась только щель, шириной едва в один метр. Это самое узкое место щели, вместе с тем также и место наибольшего подъема берегов, было длиной около 10 футов и состояло из конгломерата трахитовых пород. Посередине через эту щель ведет прекрасная медвежья тропа, по которой этот "инженер путей сообщения" прыжком без большого усилия достигает противоположной стороны. Здесь как будто бы сама природа наводит мосты, называемые у камчадалов каменными мостами; медведи очень охотно пользуются ими, прокладывая через них свои дороги. Ландшафт этой местности великолепен, чему много способствует Ганальский хребет, который подходит здесь близко и возвышается над окрестными лесистыми холмами. В поперечном ущелье, на запад от каменного моста, охотники с Коряки открыли в прошлом году умеренной температуры теплый источник, который, к сожалению, я не мог посетить.

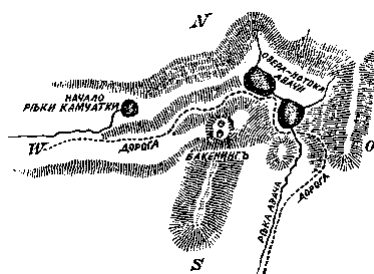
Повернув отсюда несколько на восток, мы оставили реку, затем пошли по сухой ягодной тундре, перевалили далее чрез низкий, поросший березой, водораздел, после чего вышли опять на сухую тундру и достигли наконец среднего истока Авачи, который мы тотчас же перебродили в неглубоком месте. По левому берегу истока мы проехали еще небольшое расстояние и вскоре разбили наш лагерь. Долина становится все уже, начинают выступать группы скал, а водоразделы, разделяющие средний исток от восточного и западного, делаются все более высокими и яснее выраженными. Галька в быстротекущей реке носит ясно выраженный вулканический характер: пористые, красные, бурые и черные куски лавы заполняют речное ложе. На севере в направлении к истоку этой реки начинаются уже более высокие, даже со снежными пятнами, горы; одна конусовидная гора отделяла от нас долину.

20 августа. Около 8 часов утра улегся туман, не обещавший ничего доброго, и наступила прекраснейшая погода для путешествия. Не медля ни мало, мы сели на лошадей и по сухой тундре поехали вдоль реки в северном направлении. Береговые утесы так близко подступали к воде, что нам приходилось каждый раз переходить реку вброд то на ту, то снова на эту сторону. Мы перебродили также маленький побочный ручей Тимон, вытекающий из ущелья зубчатой, покрытой снегом горы. Непосредственно на берегах реки и ручья часто попадаетесь высокий тополь и стройная ива с маленькими кругловатыми листьями. Отсюда открывается долина, делающаяся все шире по направлению к западу, а в некотором расстоянии от реки возвышается скалистая стена, состоящая из кирпично-красного обожженного камня, сзади которой находится маленькое круглое озеро. Озеро это населено форелями и не имеет никакого заметного стока. На берегах встречается твердая серая горная порода, которая, будучи тонкослоистой, принадлежит, как кажется, к тому же роду камня, который послужил материалом для вышеупомянутой докрасна обожженной скалистой стены. Конусовидная гора, о которой было упомянуто раньше, замыкает долину с севера, подходит здесь близко и расположена от нас на западе, в то время как долина открывается на северо-северо-востоке. Эта гора, которую люди называли Баккенинг, представляет из себя ясно выраженный вулкан, ныне погасший и частью разрушившийся. Вулкан этот принадлежит к числу маленьких низких огнедышащих гор полуострова. Сильно развалившийся, в особенности с востока и юго-востока, вал кратера обхватывает наподобие мантии внутренний конус лавы, высоко выступающий своими заостренными крутыми зубцами. Окружающий его вал кратера состоял попеременно из очень рыхлой массы щебня и пористой лавы, наплывшей сверху; на западе он поднимался на наибольшую высоту и наиболее сохранился, хотя все-таки сильно выветрился и распался, в особенности на краях. Высокий фундамент конуса лавы состоял из чрезвычайно твердого и прочного камня. Эта лава имела темный цвет, была непориста, скорее очень плотна; при поднятии она охладилась, по-видимому, под большим давлением. Это было последнее проявление деятельности уже ослабевающей вулканической силы.

Близлежащие, расположенные на юг, части гор имели точно такое же строение, как и развалившийся кратер Баккенинга. Всюду встречалась туфообразная, песчаная или глинистая, более или менее рыхлая горная порода, которая была или покрыта твердой массой лавы и трахита, или чередовалась с ними, будучи разбросана по высокому разорванному хребту с зубчатыми скалистыми вершинами. Красный цвет кажется преобладающим. Здешнее место представляет из себя страну очень древней, но ясно

выраженной вулканической деятельности, время проявления которой должно находиться на границе между деятельностью еще много более древних трахитовых кратеров, каковы Тепана и Пирожников кратер, и временем, когда действующие вулканы заявили о своем существовании и в стране в виде разлившейся лавы. Здесь, в заключение, на Камчатской Вершине, стало быть и в той части полуострова, где гранитные породы первобытной эпохи поднялись из моря в виде островов, как будто перескочив чрез эпоху базальтовых и трахитовых поднятий, наступила новейшая вулканическая деятельность, которая прекратилась с поднятием Баккенинга и его высоко выдающегося конуса лавы, после чего она обнаружилась на юго-востоке, воздвигла там сначала вулкан Коряку, затем еще действующий вулкан Авачу и наконец лежащий несколько севернее вулкан Жупанов. Реку, с шумом прыгающую здесь по порогам, мы оставили влево и с большим трудом на северо-востоке поднялись на возвышенность, которая сначала была покрыта березой (*B. Ermani*), но скоро перешла в область стелящейся ивы и горной ольхи и наконец превратилась в обнаженную вулканическую горную породу. Вид отсюда был необыкновенно хорош. У наших ног виднелась темная синева первого Авачинского озера, окруженного наподобие большого круглого котла крутыми, голыми, покрытыми только многочисленными пятнами снега скалами.

Из озера в виде небольшого быстрого и чистого ручья вытекает на юго-запад река Авача; чрез проход в скалах, бушуя, она проникает в нижнюю часть долины, где мы ее оставили. На запад от озера возвышается древний вулкан Баккенинг со своим развалившимся кратером и замечательным, очень твердым и высоким конусом лавы посередине. Повсюду кругом виднеются крутые скалы и глубоко врезавшиеся ущелья с пятнами снега. На севере исток второго верхнего Авачинского озера прорывает скалы, поднимающиеся здесь по берегам в виде крутых утесов; стремительным ручьем, очень незначительной длины, с шумом катясь по порогам, он низвергается в первое озеро. С высоты, на которой мы находились, мы спустились к первому озеру, которое, как кажется, имеет необычайную глубину, обошли его с западной стороны, после чего очутились на коротенькой речке, соединяющей оба озера, и здесь, на правом берегу этого бешеного горного ручья, расположились лагерем. Наша палатка, окруженная рододендронами (*Rhododendron*), кедрами и горной ольхой, стояла среди величественной и чрезвычайно дикой горной природы.

21 августа. Пользуясь прекрасной погодой, я решил посвятить этот день экскурсиям по прелестной горной местности. Мы оставили свою палатку разбитой, вывели лошадей на роскошный горный луг и стали подниматься вверх по короткому соединительному ручью между обоими озерами. Дорога к верхнему озеру была не длинна, но трудна. Нам приходилось то прокладывать себе путь топором сквозь густую заросль ольхи, то благодаря крутым береговым скалам переходить вброд мелкий, но довольно быстрый ручей. Наконец перед нами открылась котловидная долина верхнего озера. Здесь не было никакой растительности. Еще круче были и ближе подходили к этому второму озеру окружающие его почти отвесные скалы, отражавшиеся в синей воде своими снежными вершушками. У подножия разорванных скал, сложенных из лавы и вулканических образований, всюду валялись груды щебня и вулканические обломки. Дикие и прекрасны были окрестности во все стороны. Смущенные, стояли теперь мои

проводники на озере, на том самом озере, с именем которого связано так много сказаний и бессмысленных басен. Вода не была ядовитой; в озере жили рыбы, но это, очевидно, не были двухголовые лососи, которые поглощают все живущее; не были слышны и голоса духов, устрашающие людей. Все было совершенно естественно, и ореол, приданный местности сказками и баснями, исчез. Удивительно было невероятное множество лососей, которые плавали в озере и еще более поднимались по быстрому потоку в озеро. Это была главным образом красная рыба (*Salmo lycaodon*), которая уже в начале июня входит из моря и Авачинской бухты в устье реки Авачи. Теперь, после почти трехмесячного путешествия против быстрого течения и многочисленных порогов, она пришла сюда, в озеро, лежащее высоко в горах у подножия Баккенинга, для того, чтобы выметать здесь икру. Вследствие страшного напряжения сил, которое переносится ради насущнейшей естественной потребности, рыбы теряют свой стальной, серый, металлически блестящий цвет и получают здесь ярко-красную окраску, благодаря чему они бывают ясно видны в глубине хрустально чистой воды. Светлая голубая вода озера кишит стадами крупных, совершенно красных лососей. Невероятно, до какой высоты над уровнем моря поднимаются рыбы, какие препятствия они преодолевают и скольким опасностям подвергаются. Люди, животные уменьшают численность стай; тысячи изнуренных и мертвых рыб покрывают берега, и, несмотря на все это, еще огромные массы их достигают конечной цели своего путешествия. Как велико должно быть количество рыбы, которая из моря поднимается в устья рек, насколько непреодолима сила инстинкта, которая неизменно гонит их внутрь страны, лишает их свободы воли и влечет вперед и вперед на верную смерть!

У подножия Баккенинга с западной стороны мы поднялись на обнаженную вершину, рассчитывая отыскать там проход в долину реки Камчатки, так как туда лежал наш путь. Сделав первое большое восхождение, мы очутились на гребне окраины большой, открывшейся под нашими ногами, котловидной долины, которая была втрое более, нежели только что оставленное нами озеро, и вместе с тем лежала значительно ниже. На западном краю этой высокой котловидной долины возвышается Баккенинг, кругом валялись груды щебня и разбросанные в беспорядке обломки -- все вулканического происхождения. Никакого стока не было заметно, однако видны были ясные следы того, что совершенно сухая в настоящее время долина по временам, во время таяния снега, наполняется водой. Только сквозь рыхлую массу щебня вода могла проложить себе путь к озеру, лежащему низко под этим котлом. Никакого кратера не замечалось, но была провальная долина, каковые нередко встречаются у подножия и в соседстве вулканов. Возникновение этой котловидной долины, примыкающей непосредственно к подножию Баккенинга, находится в тесной связи с поднятием вулкана. Точно так же и оба Авачинские озера представляют из себя такие же провальные водоемы, возникшие еще ниже у подножия того же вулкана.

Мы обошли вулкан кругом, следуя по большей части вдоль гребня котловидной долины, и вышли на западный склон горы. Если смотреть отсюда, Баккенинг имеет совершенно другой вид. Край кратера, здесь еще менее разрушившийся, поднимается высоко над внутренним конусом лавы и придает горе вид высокого притупленного конуса с глубоко изборожденными боковыми поверхностями. Отсюда на запад открывается глубокая и широкая долина, в отдаленном конце которой можно различить Ганальскую тундру. К этой широкой долине от подножия вулкана круто спускается небольшая поперечная долина. Таким образом, мы отыскивали дорогу, которая должна была привести нас к Пушине.

Мы поднялись на старый кратер по его разрушившемуся боку и достигли подножия внутреннего конуса лавы. Круто, с отвесными боковыми поверхностями высовывается эта колоссальная скала лавы посреди и над мантией кратера. Лава очень тверда, совершенно непориста и имеет очень темный серый цвет. На конусе не замечается никаких следов выветривания, даже на его зубчатой вершине. Если даже этот

поднявшийся кверху поток лавы совершенно заполнял все прежнее отверстие кратера, как это и следует принять, то Баккенинг, по крайней мере в этот период его деятельности, все-таки принадлежал к вулканам умеренной величины. Прежние извержения выбрасывали потоки лавы, совершенно переполнявшие жерло вулкана, как это видно на разрушенном в настоящее время кратере. Между тем, этот прямостоящий конус лавы никогда не переполнял кратера, но после поднятия остался на месте вследствие ослабления вулканической силы и остыл. Здесь, в этом месте, он был продуктом последнего напряжения подземной деятельности.

С вершины горы я снова взглянул на великолепный горный ландшафт. Кругом вокруг нас в самых диких формах громоздились горы, а между ними виднелись разорванные долины и ущелья. Посреди этого хаоса скал против нас блестели на востоке оба Авачинские озера с их голубой спокойной поверхностью воды, на западе среди столь же диких скал также сверкала водная поверхность маленького озера, из которого берет начало исток реки Камчатки. Хотя и не были видны, но недалеко отсюда на западе находились также истоки реки Быстрой, текущей по направлению к Большерецку. Таким образом, на этом важном водоразделе, в Камчатской вершине и в смежной области поднятия Баккенинга, берут начало три главных истока р. Камчатки. Мы вернулись назад в нашу палатку почти той же дорогой. От края кратера вулкана мы круто спустились в лежащую подле котловидную долину, перешли ее и чрез восточный ее край также очень круто спустились к реке и к нашей палатке. Лава очень походила на лаву Авачинского вулкана, а край котловины точно так же, как и кратер, состоял из тех же слоев щебня и потоков лавы. Между скалами встречалась в изобилии мелкая горная трава, чаще всего попадалась очень вкусная кислица -- любимый корм аргали, из которых мы не видали ни одного. В 8 часов вечера мы были уже в палатке и подкрепились очень вкусным супом, который приготовили камчадалы из упомянутой выше кислицы.

22 августа. Опять при хорошей погоде мы разобрали палатки, затем принялись деятельно работать топором, чтобы устранить упомянутый вчера ольховый кустарник и проложить дорогу для лошадей. В 9 часов утра мы достигли наконец верхнего озера и, как вчера, по гребню котловидной долины спустились к подножию Баккенинга. С западного склона этого вулкана дорога пошла круто вниз в большую, открывающуюся в на западе, долину. И здесь еще мы принуждены были сильно спускаться под гору, пока не достигли области березы, где на берегу восточного истока реки Камчатки, на прекрасном лугу, ненадолго мы отпустили лошадей отдохнуть. Эта река, как уже было упомянуто, берет начало из маленького озера, заметного с высоты, и порогами и водопадами низвергается круто на запад, где мы оставили ее, когда она уже приняла вид несколько более спокойно текущей реки.

В большой котловидной долине мы нашли сегодня многочисленную колонию сурков, усердно собиравших запасы провизии на зиму. Раньше не попадалось ни одного живого существа. Повсюду валялись маленькие и большие куски лавы, как будто разбросанные кругом сильным извержением. Когда после лазания по горам лошади отдохнули, мы прошли еще два, поросшие мохом и мелким кустарником, круто спускающиеся вниз, холма из кусков лавы, причем перешли чрез них не без опасности для ног бедных лошадей; после этого мы достигли ровной долины, берега которой поросли тополем и ивой (ветловиной). Здесь река получает два многоводных притока, один с северо-востока, другой с юго-востока и течет, еще более бушуй, вниз по долине. Мы следовали по реке еще несколько верст далее и, прежде чем достигнуть большой дороги от Ганала на Пущину, расположились лагерем. Лес был здесь очень густ и высок, и тем самым указывал на то, что мы спустились с гор уже довольно низко. Сзади нас на востоке поднимался величественный, далеко превышающий горы, насколько они были видны, высокий притуплённый конус Баккенинга, сильно разрушившаяся восточная сторона которого была удалена от нас. Отсюда издали ясно было видно, что эта вулканическая

страна обязана своим существованием не одному поднятию, но что должен был следовать целый ряд бурных проявлений вулканической деятельности для того, чтобы воздвигнуть этот хаос древних потоков лавы и массы щебня, на которых и из которых, как последний акт этой деятельности, был взгроможден относительно небольшой вулкан.

Вечером с востока надвинулись тучи и разразились дождем.

23 августа. После двухчасовой езды по луговой местности мы достигли места слияния обоих главных истоков реки Камчатки, т. е. одного, вытекающего с запада из Срединного хребта, и другого, изливающегося с восточной стороны, течение которого таким образом мы проследили. Почти одновременно мы вышли также на большую дорогу от Ганала на Пущину и достигли этого последнего места около часа пополудни.

Я рассчитывал еще исследовать часть вулканов восточного ряда, в особенности область Семячика. Для этого путешествия я не мог найти более пригодного проводника, нежели старый тойон с Кирганика Афанасий Чуркин. До этого места, стало быть, надо было добраться поскорее. Машигина и Столбачикова я оставил здесь, а сам с одним казаком поехал в знакомую уже мне долину Камчатки до Кирганика.

24 августа. Река Камчатка до Шаромы еще слишком мелка для того, чтобы плавать на ней на лодках (*Batts*), вследствие чего это расстояние необходимо было пройти на лошадях. В бедной Пущине не было ни одной лошади, но мой старый друг Машигин был настолько любезен, что предложил мне для этой дороги своих лошадей, причем хотел подождать здесь, пока они вернутся. Поэтому я должен был спешить и уже очень рано утром выехал. Дорога пролегла правым берегом по лугу и прекрасному березовому лесу (*B. alba*) с обычным подлеском из шиповника, *Lonicera* и *Crataegus*; на берегах многочисленных маленьких второстепенных ручьев росли тополи и высокие ивы (ветловина). После довольно быстрой езды около часу дня мы были в Шароме, затем, недурно пообедав, тронулись дальше на Верхнекамчатск уже на лодках. И на этом пути точно так же нет ничего достопримечательного.

Быстро по направлению к северу увеличивается ширина долины р. Камчатки, в особенности удаляется от реки на запад Срединный хребет, между тем как Восточный остается поблизости. Оба хребта по направлению к северу становятся постепенно все выше и круче, между ними расстилается долина Камчатки, представляющая из себя почти совершенно ровную, покатуку к северу от Камчатской Вершины, местность, образованную делювиальными наносами. В южном конце этой долины, где она имеет еще незначительную ширину благодаря тому, что хребты близко сходятся друг с другом, она до такой степени заполнена делювиальными отложениями, что горы только незначительно возвышаются над нынешним дном долины, вследствие чего они кажутся низкими, между тем далее на север, по мере того как ширина долины увеличивается благодаря равномерному распределению наносов и пограничные горы больше выступают наружу и выглядят выше. Эта область наносов, имеющая на север от начала реки Камчатки сотни верст протяжения, прорезывается величайшей рекой полуострова. В своей южной части область вообще суше и много выше, напротив того в северной она влажнее и покрыта маленькими озерами и болотами.

Соответственно этому в южной части преобладают прекрасные луга с березовыми рощами (*B. alba*) и зарослями травы, в средней части эта область поросла хвойным лесом (лиственницей и пихтой), а в северной преобладает кустарник ивы и ольхи. В тех местах, где от подошвы близко подходящих вулканов в долине выступает лежащая по соседству горная порода, чаще появляется лес березы (*B. Ermani*), смешанной с кедром.

В то время как южнее Шаромы в реку Камчатку впадают только очень маленькие ручьи, едва заслуживающие упоминания, отсюда до Верхнекамчатска река получает уже больших размеров притоки, из которых я приведу здесь главнейшие, считая по порядку с юга на север: с Восточного хребта впадают: Малая и Большая Клюквина, Ельдемич, Бану и со Срединного хребта Везимск, Визит, Каказа, Чебаевская и Куречева, из

которых последняя представляет из себя только рукав в устье Андреяновки. Масса лососей, совершающих свой ход и непрерывной густой стаей плывших нам навстречу против очень сильного течения, в этом году была так велика, что удивлялись даже камчадалы. Теперь я имел случай убедиться в справедливости того, что говорит Эрман (стр. 457), а именно, что бывает слышно и ясно чувствуется трение о лодку проходящих мимо лососей. Несколько раз я глядел на массу рыбы, кишевшей в воде, желая убедиться в том, что меня не обманывают глаза и уши. Это такого рода явление, которое надо видеть самому, чтобы поверить его справедливости. Рассказ Эрмана, этого вполне достоверного автора, описывающего камчатскую природу и ее особенности, возбуждал во мне раньше большое сомнение, пока все это я не испытал сам и не видел собственными глазами.

Тысячи лососей, буквально вытесненные из воды, лежали мертвыми на берегу или, изнуренные, еще бились. Бродящие на свободе ездовые собаки, медведи и другие хищные звери кормятся этой рыбой; во всех местечках в бесчисленном множестве ее ловят и люди, и все-таки колоссальная, делающаяся все более плотной, масса лососей пробирается в верхнее течение реки. Когда в 10 часов вечера мы прибыли в Верхнекамчатск, то все население оказалось занятым рыбой, хотя уже повсюду в балаганах были сложены очень большие запасы ее. Столь деятельная работа вызывается необходимостью, так как чрез несколько недель это богатство исчезает и тогда на всем протяжении большой реки Камчатки трудно найти хотя бы одного лосося. В то время только в отдаленнейших ручьях, в области истоков, высоко в горах, да и то, как редкость, попадаются еще до поздней осени и даже Рождества Христова живые, но совершенно исхудавшие рыбы вида, называемого кизуч (*Salmo sanguinolentus*).

25 августа. Сегодня мы продолжали путешествие по реке на Кирганик. Несколько лет тому назад Андреяновка прорыла себе новое русло, причем место, где стояло старое укрепление Верхнекамчатск, было совершенно смыто. Несколько ниже мы проходили около старого устья этой реки, где прежде находилось место казни (Грешная), о котором еще теперь жители хранят недобрую память, так как там после большого восстания в 1731 году строгий полковник Василий Мерлин привел в исполнение смертный приговор над казаками и камчадалами. Почти против этого места двумя рукавами изливается Ковыча (Эрман пишет Повыча), вытекающая с востока из Валагинского хребта. В ее верховьях существует много достойных упоминания проходов к восточному берегу полуострова, которыми очень часто пользовались в прежнее время, а именно: уже упомянутый проход к верхнему течению реки Авачи, затем проход к реке Налачевой и наконец особенно излюбленный проход к реке Жупановой (по-камчадалски Шапхад). Этот последний благодаря его узким опасным ущельям называется также Верблюжье Горло. Следуя далее левым берегом, мы вышли на устье Верлатовки и на рукав Сигачик, где в начале столетия стояли казармы нередко упоминаемого здесь батальона, ныне же от них остались только кучи обломков. Далее по правому берегу следовали Сосникские ключи, а по левому устье ручья Милковки, на котором лежит деревня Милкова. В Милковой, где я оставался недолго, один старик с опечаленным видом показал мне свою засеянную ячменем пашню, совершенно уничтоженную сильным ночным морозом 8 и 10 июня. Весь труд и все заботы пропали даром.

Несмотря на то, что правительство очень заботится о земледелии, многолетний опыт говорит против него. Скотоводству же, которое здесь очень легко прививается, придается меньшее значение.

В дальнейшем пути на Кирганик мы прошли по правой стороне устья Валагина и Асаныха, а на левой устье Амчарика, после чего вышли на Кирганик, вытекающий из Срединного хребта, и вместе с тем достигли цели нашего путешествия -- местечка Кирганика. В 7 часов вечера вместе со старым тойоном Афанасием Чуркиным мы уже пили чай и совещались насчет дальнейшей дороги в Восточный хребет. Главный пункт был решен еще сегодня, а именно, что проводником будет Чуркин.

26 августа. Старого Чуркина нетрудно было уговорить принять участие в путешествии, потому что едва только я сделал ему такое предложение, в душе старого горячего охотника проснулась страсть к охотничьим приключениям. С удивительной быстротой сделал он все распоряжения к путешествию, и уже после обеда лошади, седла и даже провизия были готовы и лежали на месте.

Ближайшим утром надо было тронуться в путь. Дорожное общество, кроме меня, состояло из казака Климова, Чуркина и камчадала Михайлова. Нам предстояло теперь идти в совершенно ненаселенную горную часть Камчатки, на что могло потребоваться месяц времени. Вечер мы проболтали с Чуркиным за чаем, причем я имел случай получить несколько интересных сведений, которые мне не хотелось бы оставить без упоминания. Рассказы Чуркина касаются главным образом восточного берега Камчатки и относятся к тому отдаленному времени, когда там еще всюду были большие населенные пункты и жители этой, мертвой в настоящее время, страны находились в сношениях с жителями долины Камчатки. Так, говорят, что в устье реки Семячика находилось раньше большое камчадалское местечко с часовней и школой для детей жителей. Один раз в устье реки приходило небольшое судно с провизией ученикам. В какое именно время все это было, я не мог узнать достоверно, но мне кажется, что это должно быть раньше той ужасной оспенной эпидемии (1768), которая в несколько месяцев совершенно обезлюдилась страну.

В то время часто пользовались дорогой от Толбачи на Часму (река и очень населенное место восточного берега) по холму, поросшему березой, а также дорогой от Толбачи через истоки Хапичи на Ключи, далее дорогой от Чапины на Кроноки и Часму и, наконец, от Ключей над истоками Хапичи в Часму. Около Часмы было открыто соленое озеро, которое было настолько богато солью, что русские из Нижнеколымска солили там рыбу во множестве. Чуркин странствовал не только на восточном берегу, но совершал свои охотничьи поездки также и в Срединном хребте. Так, об истоках Кирганика он рассказывал, что эта река вытекает из двух озер, из которых одно дает начало ручью, впадающему в реку Ичу, так что здесь существует сплошной воды путь от реки Камчатки к Охотскому морю. Другой исток Кирганика близко подходит к истокам реки Оглукомины. В своей молодости Чуркин видел там одного лося, и около Еловки, как он полагает, был убит еще другой. Однако случаи появления этого зверя здесь очень редки. И здесь также повторяют басни о двухголовых лососях, которые будто бы живут в одном озере в Валагинском хребте, повторяют и сказание о ковчеге, который стоит будто бы на высокой горе близ Машуры, равно как и рассказы о том, будто бы в седой древности на горном узле Тимаска во время великого потопа спасались люди.

27 августа. Рано утром все было готово к отъезду. Старый тойон собрал свое многочисленное семейство и благословил его. Среди истых камчадалов мне в первый раз приходится видеть настоящий христианский образ мыслей. То, что сделано от чистого сердца, глубоко проникает в душу. Старый и малый отправились провожать нас к реке, где мы переправились на восточный берег и сели там на лошадей, которые уже нас ожидали. Мы поехали прямо на восток, сначала прошли значительное расстояние по лесу лиственницы и березы (*Betula alba*), затем вышли на сухой луг, поросший густым кустарником шиповника вместе с небольшими группами березы (*B. alba*) и *Crataegus*, а также с отдельными лиственницами. Местность была ровна, и только на севере к долине Камчатки перед нами возвышался густо поросший лесом, низкий холм. Ближайшей твердой горной породы нельзя было видеть, так как мы двигались еще по деллювиальной почве широкой долины Камчатки. Около часу мы подошли к широкой береговой полосе леса Китилгины, где растут ивы, тополь, ольха, черемуха, и перешли этот приток реки Камчатки, впадающий у Машуры. В русле Китилгины нет вулканических горных пород, а только галька из темно-серого и зеленого, богатого кварцем, плотного глинистого сланца, а также обломки камня, похожего на сиенит. Далее мы вышли снова на сухой луг, там и сям поросший чередующимися между собой

B. alba и *B. Ermani*. Так приближались мы постепенно к горам. После того как один рукав Китилгины был перейден, мы остановились пред ущельем, которое ведет в горы и составляет начало того прохода, который мы должны были перейти. Бушуя, вырывается из ущелья река Бенью и вливается в Китилгину. Так как в горной долине для лошадей мог бы быть только скудный корм, к тому же приближался вечер, то мы разбили свой лагерь здесь. На горе скопились темные, надвигавшиеся с востока тучи; поднялся ветер и пошел дождь.

28 августа. Небо прояснилось, и мы продолжали наше путешествие по ущелью. Дорога между тесно сближенных скал очень круто поднималась по ущелью. Мы принуждены были отыскивать ее то на правом, то на левом берегу пенящегося ручья, всякий раз переходя его вброд между валяющимися обломками камней. На открытых местах нам преграждал путь густой кустарник ивы и ольхи, так что приходилось пускать в ход топор. Кое-где мы должны были взбираться на крутые береговые обрывы, из которых один был настолько крут, что одна лошадь поскользнулась и свалилась вниз. Счастье, что обрыв был невысок и лошадь была защищена положенной на нее кладью, так что животное отделалось только легкой раной в голову. Таким образом, шли мы долго, поднимаясь все выше и выше далее внутрь хребта, а тем временем небо снова приняло угрожающий вид. Недалеко от высшей точки прохода в том месте, где долина расширяется и где растет еще березовый лесок, поднялась непогода с дождем, поэтому мы принуждены были немедленно разбить свою палатку. Вокруг нас на высоких вершинах гор выпал снег и заметно понизил температуру воздуха. Необыкновенно счастливый случай представляло то обстоятельство, что мы достигли места расширения долины раньше, чем наступила непогода, так как наши лошади на хорошем горном лугу могли найти здесь достаточно корму, чего не было бы ни ниже, ни выше. Окружающие нас скалы состояли из сильно метаморфизованной горной породы с ясной слоистостью, которая, однако, в различной степени была нарушена. Это была очень твердая, плотная, богатая кварцем, светло-зеленая и светло-красноватая порода, в которой попадались местами маленькие вкрапленные кристаллы роговой обманки или эпидота. Эти образования удивительно напоминали слоистые породы у Петропавловского порта. Ближайшие три дня, 29, 30 и 31 августа, мы провели в этой замечательно прекрасной горной долине. Первые два дня благодаря бушующей непогоде идти далее было прямо-таки невозможно, а когда 31-го числа погода снова улучшилась, необходимо было сушить и приводить в порядок мокрый багаж. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что здесь, во время нашей жизни в лагере, мы много раз видели небольшие стада аргали, а старого Чуркина ничто в свете не могло удержать от того, чтобы, пользуясь хорошей погодой, заполучить, как он говорил, к нам в лагерь жирного барана.

Рано утром в сухой рыхлой щебнистой почве он вырыл глубокую яму и развел в ней огонь, который по его желанию мы должны были поддерживать. Старый охотник был уверен в себе: он рассчитывал идти в горы и убить там барана, которого предполагал изжарить по камчадальскому способу в этой сильно накаленной яме. Чуркин и Михайлов пошли в горы, а я с Климовым остался при лошадях. В 2 часа на вершине горы раздались сигнальные выстрелы -- условный знак, что животное убито и необходима помощь, чтобы доставить добычу. Тогда Климов отправился в этом направлении, и около 5 часов все трое показались снова, таща с собой старого аргали. Животное, считая от головы до короткого хвоста, имело 5 футов в длину; подобно мериносовой овце, было снабжено колоссальными, сильно завитыми рогами и было покрыто светло-серой шерстью. Дальше пошла усердная и веселая работа. Скоро с барана была снята шкура, затем его разделали и начали варить и жарить на вертеле. Жирные куски от ребер и спины были завернуты в ароматические горные травы, в особенности в *Senecio cannabifolius* (называемую Баранником, так как она придает хороший вкус бараньему мясу) и положены в расчищенную раскаленную яму. Здесь

мясо было еще покрыто травами и немного дерном. Затем поверх всего этого снова был разведен большой огонь. В короткое время мясо было готово, и получилось отличное нежное и жирное жаркое. Почти невероятно, какую массу мяса, а в особенности жира, могли съесть мои люди. Чуркин был героем дня и, гордясь тем, что доставил в лагерь такую прекрасную добычу, усердно поедая мясо, вскричал раз за разом "теперь можно жировать".

До поздней ночи продолжалось жаренье, варенье и еда, и все-таки у нас оставался большой запас для дальнейшей дороги.

Вечером прекрасного теплого дня снег почти совсем исчез на возвышенных точках, так что явилась возможность оставить наконец чудное место нашего невольного пребывания.

1 сентября. Рано утром нас окутал густой туман, прояснившийся только перед обедом. В 12 часов мы пошли на высокий пункт прохода. Березовый лесок у нашего лагеря был последним представителем древесной растительности; выше всякого рода растения исчезают очень быстро, и на высоте прохода чрез Валагинский хребет их нет совсем. Всюду были видны многочисленные следы аргали; а одно из этих животных мы даже спугнули, и оно скрылось в диком ущелье.

Горная порода, в общем, здесь та же, что я видел у Бенью, только на самом возвышенном месте прохода встречаются многочисленные обломки песчаника. С высшей точки прохода на севере и на юге открылись горы, которые, судя по их внешнему виду, состоят только из слоистых образований. Весьма вероятно, что это был песчаник, по крайней мере, я нашел эту породу, когда спускался вниз, и здесь он был также с отпечатками растений, как и в районе Тигила. Восточная долина, в которую мы должны были спускаться, открывается на северо-северо-восток; пред нами простирался дикий хребет со множеством разорванных высоких долин и ущелий. Это -- область истоков рек Жупановой и Чапиной. Уже ручеек, по узкой, крутой, похожей на ущелье долине которого мы стали спускаться, принадлежит к системе реки Чапиной и вместе с тем реки Камчатки. Перейдя ручей по крупной гальке, мы пошли между скалами, спускаясь вниз по долине благодаря крутизне места по большей части зигзагами. Нам приходилось торопиться, так как тучи собрались снова и остановились над вершиной скалистой горы. Вдруг по гребню гор в нашу долину быстро спустилась тяжелая туча. В одно мгновение мы очутились внутри ее. Град и снег вихрем кружились вокруг нас, молния с сильными раскатами грома ослепляла нас. К счастью, туча так же быстро исчезла, как и налетела, и мы, хотя и промокшие, могли продолжать наш утомительный путь. После часа очень быстрого марша, когда мы круто спускались в узкую скалистую долину теперь уже по свежевывавшему снегу, мы достигли широкой долины Чапины, простирающейся с севера на юг; здесь мы снова вошли в область березы. Всюду в только что оставленном нами ущелье находился яснослоистый темный песчаник, слои которого были различным образом приподняты и сброшены, вследствие чего придавали чрезвычайно дикий вид окаймляющим ущелье скалам. Достоин замечания интересный факт, что здесь снова встречаются третичные отложения.

Хотя здесь они играют более второстепенную роль, нежели на западном берегу полуострова, где они преобладают, однако все-таки встречаются; отсюда нетрудно прийти к заключению, что раньше образования вулканов восточного ряда на восточном берегу Камчатки находились широко распространенные третичные отложения. Различным образом метаморфизованные слои вулканического района, как кажется, заимствовали свой первоначальный материал -- третичные песчаники и глины -- от этих третичных отложений. При этом под влиянием жара поднимающейся древней и новой лавы богатые кварцем третичные песчаники превратились в хорнштейновую и яшмоподобную породу, а глины -- в плотные темные глинистые сланцы.

Это -- две решительно преобладающие породы среди всех метаморфических слоистых пород края; они встречаются всюду, в особенности на местах непосредственного

соприкосновения с продуктами вулканического извержения. Так было и на проходе, который мы сегодня перевалили. В то время как самые высокие части слоев третичной формации на высшей точке прохода остались до сего времени почти еще не изменившимися и даже заключают в себе остатки растений, причем простираются далеко вниз по долине р. Чапиной; здесь, внизу, выступают уже нижние третичные слои, лежащие ближе к месту действия жара и имеющие вид кварцевых, светло-зеленых, часто почти стекловидных слоев метаморфизованной горной породы, совершенно в том же роде, как это наблюдается на западной стороне прохода в долину реки Бенью.

Отсюда существует низкий проход на юг через боковое ущелье долины р. Чапины к близлежащим истокам реки Жупановой и вместе с тем к собственно восточному берегу страны, в область Великого океана. Мы расположились лагерем уже на верхней Чапине, выбрав хороший луг, чтобы доставить возможность нашим лошадям, утомленным только что совершенной работой, получше отдохнуть и подкрепиться. Здесь уже падал не снег, а дождь. В горах же, которые остались позади нас, продолжала бушевать непогода, и вершины наиболее высоких гор были одеты блестящим белым снеговым покровом.

2 сентября. Утром при благоприятной погоде мы пошли чрез открывшийся уже вчера проход к истокам Жупановой, верхнего течения которой мы достигли в 9 часов. Река вытекает из горного узла Чишеч и направляется сначала на восток. По ту сторону реки, еще далее на восток, возвышается вулкан Унана, сзади которого лежит большое озеро Кроноцкое, и на юго-востоке -- вулкан Таунзиц; вблизи последнего должна находиться сольфатара. И этот вулкан лежит также недалеко от Кроноцкого озера.

Оба они представляют из себя совершенно недействующие, сильно притуплённые, вероятно обвалившиеся, конусообразные огнедышащие горы. Наш путь пролегал на юго-восток круто вниз к реке Жупановой. Растительность была очень скудна, между тощими кустами кедра и ольхи (*Erlen*) попадались только немногие корявые березки. Здесь выступает твердая светлая горная порода с многочисленными, мелкими, вкрапленными в нее кристаллами темного авгита, но преобладает опять-таки порода светло-зеленая, богатая кварцем и носящая признаки слоистости. Точно так же и песчаник, расположенный тонкими слоями, играет здесь второстепенную роль, в одном месте он был приподнят тремя большими выходами базальта. Долина сначала узка и выдвигающиеся в нее стены скал часто заставляли нас удаляться от реки и с топором в руках прокладывать себе дорогу по береговым пригоркам, поросшим кустарником. Так следовали мы некоторое время по долине, делающейся постепенно все шире, спускаясь по берегу медленно текущей реки Жупановой, перебродили и оставили ее наконец совсем, после чего мы повернули на восток по сухой ягодной тундре, постепенно поднимаясь по направлению к вулкану Унана. Эта далеко простирающаяся на запад и восток тундра примыкает к южной стороне подошвы вулканов Унаны и Таунзица; во все стороны открывается здесь прекраснейший вид в даль. На севере в небольшом отдалении возвышаются оба названные вулкана. На западе и северо-западе, рисуясь своими крутыми зубцами, тянется только что пройденный нами Валагинский хребет с заметным понижением в проходе реки Чапины. На юге можно несколько проследить реку Жупанову, на западном берегу которой возвышается ряд маленьких конусов. На востоке и юго-востоке от этой реки тундра поднимается по направлению к большому высокому плато, которое многочисленными громадными уступами круто обрывается у своего края. Наконец, на юге, вдали, на самом горизонте, выступает большой вулкан -- Семячик. Вся эта область характеризуется необыкновенным безлесьем, только здесь и там среди тощих ползучих кустов кедра стоят по отдельности маленькие кривые березки (*B. Ermani*).

Мы поднимались все далее по направлению к вулкану Унана, который, в особенности на северо-западном краю кратера, сильно разрушен и, как уже было сказано, по-видимому, совершенно прекратил свою деятельность. Затем мы стали следовать по

подножию вулкана, несколько поднимаясь в восточном направлении. Часто мы переезжали сухие русла рек, по которым весной сбегает с гор снеговая вода, теперь же они были усеяны лавовой галькой. Двигаясь по этой гальке, мы спустились в ровную и постепенно понижающуюся широкую долину, которая простирается между Унаной и Таунзицем и отделяет друг от друга эти две горы. Здесь, между обоими вулканами, мы разбили свой лагерь на берегу маленького ручья, впадающего в реку Жупанову. У подножия обоих вулканов между незначительными холмами тянется цепь маленьких озер, а из той долины, где мы находились, с небольшого, расположенного на севере водораздела вытекает другой небольшой ручей и вливается в Кроноцкое озеро, которое должно находиться недалеко позади вулкана. Таунзиц стоит южнее Унаны и точно так же на северо-западном краю своего кратера очень сильно разрушен. На нем видны два явственных потока лавы, из которых один застыл, дойдя до половины высоты горы. Оба вулкана производят впечатление, как будто здесь не было бурных и повторявшихся извержений, но как будто эти вулканы, может быть вскоре после своего образования, совершенно обвалились и пришли в современное положение покоя; по крайней мере, в окрестностях не наблюдается следов сильного разрушения. Можно сказать, что оба вулкана поднимаются над большой высокой тундрой по линии наибольшего покоя и совершенно изолированы, хотя и близко стоят друг от друга. Далеко на юге показались на горизонте умеренных размеров клубы пара из Большого Семячика. День был прекрасный и теплый, но в горах далеко на западе от нас появились тучи.

3 сентября. Ночью было очень холодно, теперь же, утром, прекраснейшая погода. Еще было рано, как мы сели на лошадей и поехали из долины снова в гору вдоль подножия Таунзица. За исключением мелкой горной травы, растительности не было совершенно. Мы находились на большой высоте, и все горы казались нам лежащими далеко внизу под ногами. Роскошнейшая горная панорама открывалась перед нами и вокруг нас. Между Унаной и Таунзицем, этими двумя большими развалившимися вулканами, в восточном направлении по ту сторону Кроноцкого озера виднеется высокий цельный конус вулкана Кизимена, который, вероятно, находится в состоянии деятельности. Близко около него поднимается столь же высокий великолепный конус совершенно недействующего Кроноцкого вулкана; далее виден более северный, зубчатый, покрытый теперь снегом вулканический горный узел Чапины, который точно так же возвышается недалеко от берега Кроноцкого озера.

На западе вид не менее прекрасен. На восточном берегу реки Жупановой круто вниз по направлению к большому горному массиву спускается высокая тундра, в то время как на западном берегу, может быть как действительная причина этого поднятия, стоят небольшие конусообразные горы, сзади которых в отдалении тянется пройденный нами Валагинский хребет с его крутыми очертаниями. В нем ясно можно различить место нахождения истоков и выходы рек Китильгины, Валагины, Ковычи и Камчатки. Несколько ближе возвышается слабо дымящийся Большой Семячик, а на запад от него почти из одного и того же основания могущественно поднимается кверху черный столб пара Малого Семячика, который, как кажется, находится в полной фазе извержения. Высоко к небу большими клубами поднималась теплая масса пара, из которой падал сильный дождь пепла. Это небольшой низкий конус, возвышающийся на южном краю старого, совершенно развалившегося кратера.

Еще далее в южной части горизонта можно было различить вулканы: Жупанов, Коряку и Авачу.

Мы шли по подошве Таунзица, который, если смотреть отсюда, представляет картину полного разрушения: всюду вокруг лежат обломки скал и к ним подходят застывшие потоки лавы. Среди развалин, расщелины которых поросли мохом, там и здесь виднеется тощий кустарник кедра, ивы или *Rhododendron'a*. Часто и здесь мы шли по сухому руслу рек, усеянному лавовой галькой. На южной стороне Таунзица дорога становится все менее ровной и движение по ней все более затруднительным. Идти

приходилось чрез множество небольших котловидных долин и по крутым холмам с лежащими между ними маленькими озерами, которые мы частью обходили, частью переходили поперек. Так пришли мы на Таунзиц. По неглубокой долине, но по такой же местности мы стали подниматься в гору по направлению к краю старого, совершенно развалившегося кратера, который возвышается южнее Таунзица и, как было сказано, отделен от этого последнего широкой плоской долиной. Этот совершенно отдельно стоящий и вполне самостоятельный вулкан, на который мы взойшли, от Унаны приходится третьим. Это -- Узон. Поднимаясь вверх, вскоре мы оставили за собой всякие признаки растительности. Мы шли на значительной высоте по большим снеговым залежам, по вулканической гальке, бомбам и затвердевшему пеплу. Наконец мы остановились на краю старого колоссального кратера. Здесь, в области снега и полного отсутствия растительности, словно какое-то чудо, развернулась перед нами исполинская котловидная долина, из глубины которой нам улыбалась сочная зелень роскошной растительности. Диаметр всей котловины мы определили в 6--7 верст. Круто на глубину около 100 футов падают вокруг нее дикие и разорванные скалистые стены, состоящие из лавы и щебня. На дне исполинского кратера росли травы, кустики, кустарник и даже порядочный березовый лесок. Среди сочной зелени видны были маленькие и большие пруды, а также голые курящиеся места.

В то время как мои спутники старались отыскать возможно более удобный спуск в котловидную долину, я, пораженный и очарованный, остался на высоком гребне кратера, то удивляясь летней картине, лежащей у моих ног посреди мертвого ландшафта высоких гор, то наблюдая поднимающиеся кругом столбы пламени.

Кихпинич -- это четвертый вулкан, который возвышается точно так же изолированно и самостоятельно среди высокой тундры в упомянутом ряду: Унана, Таунзиц, Узон, и примыкает к последнему на юге. Этот большой вулканический горный узел в настоящее время представляет из себя кучу развалин некогда высокой и огромной конусовидной горы. На гребне возвышаются два маленьких конуса, а в ущелье юго-восточного конуса находится еще дымящаяся сольфатара, из которой старый Чуркин привозил себе запасы серы. Кихпинич стоит близко около моря; с него берет начало горячий, испускающий пар ручей, устье которого я видел с моря в 1852 году. На юго-западе виднеются близко один около другого Большой и Малый Семячки с их столбами пара. На северо-востоке возвышается великолепный, полный и высокий конус Кроноцкого вулкана (10600 фут.), с целым рядом развалившихся кратеров и конусов, которые кончаются высоким, несколько притупленным конусом Хамчена. Кругом на вершинах гор лежал уже снег и не было никакой растительности. На западе по направлению к реке Жупановой тянется высокая безлесная моховая и ягодная тундра, место странствования многочисленных диких северных оленей. С вершины кратера Узона я мог взять следующие пеленги:

Унана 320° NW, Таунзиц 305° NW, Валагинский хребет 270° W, истоки Ковычи 250° SW, истоки Камчатки 240° SW, Малый Семячик 205° SW, Большой Семячик 195° SW, Кихпинич 155° SW, до 180° S и Кроноцкий вулкан 45° NO.

Наконец была найдена часть края кратера вулкана, где мы могли надеяться без всяких несчастных случаев достигнуть дна котла. Медленно и осторожно начали мы трудный крутой спуск. Мы шли вниз зигзагом. В особенности трудно было спускаться нашим нагруженным лошадям, которые, однако, несмотря на усиленную работу весело ржали при виде расстилающейся внизу прекрасной зеленой травы. Чем большей глубины мы достигали, тем более увеличивалась роскошь растительности. Благополучно добравшись до дна, мы стали внимательно присматриваться ко всему окружающему. В середине большого кратера лежало порядочных размеров озеро, в которое стекало множество маленьких и больших прудов чрез посредство незначительных ручьев или ключей, берущих начало на крае кратера. Между этими углублениями, наполненными водой, находятся невысокие вздутия почвы и маленькие холмы, которые поросли кедром, ольхой и березой (*B. Ermani*), и между которыми в изобилии растут трава и *Vaccinium* с

прекрасными зрелыми ягодами. Вся почва состояла из вулканического щебня с большим количеством кусочков пемзы или была глинистой. Край кратера, который от северной до северо-восточной стороны был наиболее высоким и крутым, состоял из мощных чередующихся слоев щебня и из переполнившей кратер лавы, принявшей в настоящее время вид больших черных, красноватых или бурых, похожих на скалы, масс. Наш лагерь мы разбили на берегу большого озера, откуда мы легко могли добраться до любого места дна кратера. В настоящее время озеро и все болотистые воды представляют из себя остатки озера много больших размеров, которое некогда, вероятно, затопляло весь кратер, но прорвало после того юго-восточный край его и излило свои воды в море, находящееся отсюда недалеко. Место этого прорыва, совпадающее с местом стока озера, в настоящее время имеет вид узкого и дикого скалистого ущелья, чрез которое вода озера с шумом течет к морю и впадает в него недалеко на север от Кихпиныча. Это и есть могучий Баранко.

Здесь, на озере, мы впервые увидели, что в кратере существует не только растительная, но и богатая животная жизнь. Всюду на мягкой почве были видны свежие следы медведей, волков, лис и северных оленей. Тысячи полевок суетливо спешили наполнить к зиме свои кладовые всякими съедобными травами и корнями. Богатое рыбой озеро было покрыто утками, гусями, лебедями, плавающими попеременно друг с другом; чайки, носящиеся над поверхностью воды, издавали свой хриплый крик.

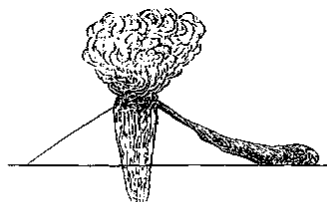
4 и 5 сентября была ужаснейшая непогода. Лил дождь, буря с силой рвала нашу палатку, которой грозила все более возрастающая опасность быть сорванной, хотя она и была укреплена камнями.

Поле вулканической деятельности в вулкане Узон

Ничего невозможно было предпринять, и плохи были бы наши дела по части продовольствия, если бы мы еще не могли питаться мясом аргали. Наверху края кратера шел снег, который до нас достигал только в виде дождя.

Вблизи палатки, в небольшом пруду, я нашел множество маленьких темных тритонов, кажется, совершенно похожих на тритонов из области Толбачи. Этот маленький тритон представляет из себя единственное животное из классов амфибий и рептилий, встречающихся в Камчатке, так как там нет ни ящериц, ни лягушек, ни змей, ни черепах. Далее, в другом небольшом пруду, я нашел крошечных ракообразных. Обыкновенных европейских речных раков нет ни в одном бассейне Камчатки. Как известно, граница их распространения проходит по Уралу, так что в системе Волги они еще существуют, но уже в системе Оби их нет.

Маленький глиняный конус и кратер в вулкане Узон

О лесах этой в общем лесистой области старый Чуркин рассказывал следующее: на Кроноцком озере растет лиственничный лес, который тянется сюда от долины Камчатки. По-камчадалски лиственница называется "кром", и от этого слова следует производить и само название озера. Пихты там нет, но она встречается на реке Семячике в виде небольших, стоящих островами, лесков. По Часме и притокам реки Жупановой растет

только тополь. В остальных местах здешний край совершенно безлесен и только кое-где покрыт скудной растительностью стелящихся кустарников кедра, ольхи и корявой березы.

6 сентября. Ночью на высотах выпал снег, и теперь с верхней части края кратера нависали тяжелые массы снега, из которых часть отделилась и в виде лавины скатилась в кратер. И у нас, в совершенно защищенной и замкнутой котловидной долине, падал также не чистый дождь, а с примесью снега. Зима подвигалась к нам все ближе и ближе. Хотя мы и питали положительную надежду на то, что, как только появится солнце, большая часть снега снова исчезнет и на дороге мы не встретим никаких непреодолимых препятствий для путешествия, но, к сожалению, ясно было, что мне приходилось изменить свой план; именно я принужден был отказаться продолжать путешествие к Кроноцкому озеру и к вулкану, лежащему на север от этого последнего. Чуркин считал совершенно невозможным продолжать туда путешествие, так как в той возвышенной местности лежит теперь уже глубокий снег и для лошадей нет корма. Таким образом, я принужден был отказаться от своей заветной мечты видеть большое озеро, хотя оно и находилось отсюда недалеко. Около обеда погода вдруг сделалась лучше, дождь перестал и заблестело солнце. Мы тотчас же поехали к западному краю кратера, где на расстоянии около двух верст от палатки наблюдаются явления вулканической деятельности. Мы должны были обойти небольшой водный бассейн, перейти два ручейка и пройти чрез лежащий между ними маленький холм, поросший мохом, кедром, *Rhododendron*'ом и ягодой, и после того остановились на месте этой деятельности. Посреди зелени растительности здесь находилось место, около $\frac{1}{4}$ версты в поперечнике, совершенно лишенное всяких признаков растений. Множество плоских, совершенно обнаженных глинистых и песчаных холмиков с лежащими между ними такими же плоскими долинками образуют почву этого места, из которого всюду, т. е. как из долин, так и из холмов, поднимаются многочисленные маленькие струи пара. Клейкая скользкая глина имела все возможные цвета, в особенности часто замечался серый, охряно-желтый, белый, редко красноватый.

На этих холмах и между ними всюду в большом количестве видны конусообразно вырытые отверстия, в которых при высокой температуре кипит и бьет бурным ключом жидкая и очень тонкая светло-голубовато-серая глина. При 8 °R воздуха в кипящей глине я наблюдал в различных местах от 74 до 86 °R. Каждый из этих маленьких глиняных конусов имел в середине своей маленький кратер, в котором кипела глина; в некоторых она переливалась через край напоподобие потоков лавы.

Немногие из этих маленьких кратеров достигали в поперечнике 6 футов, другие открывались прямо без возвышения и имели один или несколько дюймов в диаметре. Маленькие были относительно выше, большие в большинстве случаев были слиты вместе, так как очень мягкий материал, из которого они построены, не мог противостоять действию бурного клокотания и кипения. Высоту в два фута превосходил разве только один из этих маленьких конусов. Число всех маленьких кратеров на всем пространстве места во всяком случае превышало 100. Огня не было видно нигде. На внешней стороне большинства маленьких глиняных конусов отсвечивала прекрасным желтым цветом сера и в столь большом количестве, что можно было снимать целые таблицы ее в три дюйма толщиной и более чем в квадратный фут поверхностью. В самих маленьких кратерах кипящая глина была видна в меньшем количестве, напротив того оттуда с большой силой и значительным шумом вырывались пары, которые выходили, как из парового котла. Из больших кратеров пар поднимался менее сильно. До той высоты, куда в этом месте поднимался пар, всюду чувствовался сильный запах сероводорода. Вблизи запах серы и хлора был настолько резок, что вызывал кашель. У подножия маленьких конусов находилась темного голубоватого цвета старая глина, т. е. глина, которая отложилась в прежнее время, между тем глина, кипящая еще в настоящее

время, после охлаждения делалась почти совершенно белой и была очень жирна и липка на ощупь.

Каналы кратеров по большей части неизмеримой глубины. Некоторые из них образовались, как кажется, на вновь возникших трещинах в горной породе -- в этих местах пары вырываются сильнее. Две очень медленно текущие струи жидкой глины соединяются с холодным ручьем, вследствие чего вода имеет в нем молочно-белый цвет. У подножия этих замечательных глиняных кратеров находится умереннотеплый пруд, на котором я видел плавающих уток. Кратеры больших размеров расположены чаще всего на низком месте между холмами, между тем как маленькие, испускающие пар, занимают вершины холмов. Недалеко от этих маленьких кратеров в виде слоя поверх глины встречаются большие отложения гипса, в 2 -- 3 дюйма толщиной, в виде совершенно разбитых маленьких глыб. Гипс этот -- шпатовый и имеет волокнистую структуру, причем между волокнами включена опять-таки глина. Цвет гипса по большей части белый, но встречается также и серый, желтоватый и красноватый.

Недалеко от этого места проявления вулканической деятельности, у подножия одного покрытого растительностью холма, находится особого рода горная порода. Это был род известковой накипи, глинисто-песчанистой, состоящей из мельчайших зерен, на ощупь мягкой как мел, легко поддающейся ножу и легко формирующейся. Станным образом она напоминает карлсбадскую накипь, только еще мягче, белого или светло-охряно-желтого цвета и по большей части с белыми и темными жилками, как будто тонкие белые и светлые слои наложены друг на друга и отделены между собой другими столь же тонкими, но темными слоями. Породу эту очень охотно грызут и едят мыши и другие грызуны, судя по тому, что на многих кусках видны ясные следы зубов грызуна.

Большие холмы в кратере Узона состояли из массы мелких черных камешков, вулканических бомб, отдельных обломков лавы и кусков конгломерата из лавы, цементом которого, судя по твердости, была точно так же лава.

Старый Чуркин в последний раз был здесь лет десять тому назад и не нашел тогда в этом месте абсолютно никаких проявлений вулканической деятельности, однако видел самые ясные следы этой деятельности, обнаруживавшейся много раньше. Поэтому надо думать, что в области всего большого кратера Узона подземная сила, блуждая, проявляет свое действие на поверхности.

7 сентября. При отличной погоде я отправился ко второму месту проявления вулканической деятельности, находящемуся на краю кратера с восточной стороны большого котла и на север от большого срединного озера. Дорога опять ведет по холмам из массы черных камешков и обломков лавы, а также через холодные ключи, которые вливаются со всех сторон в озеро. Берега маленьких прудов и больших густо поросли ивой и ольхой, между тем как холмы и возвышенные части подошвы были покрыты кедром, березой, *Rhododendron'ом*, ягодой и роскошной травой. Снова появились многочисленные следы медведей и северных оленей, а по воде плавало много водяных птиц, доставивших нам хорошее жаркое.

Место вулканической деятельности при нашем приближении предстало перед нами окутанным парами и облаками, которые при вступлении нашем в самое место оказались состоящими из отдельных струек пара. Все обстояло здесь так же, как и раньше: в маленьких кратерах бесчисленных маленьких глиняных конусов, переливаясь через край, также кипела жидкая глина, с большой силой и значительным шумом оттуда вырывались струи пара. Все место деятельности, занимающее почти в четыре раза большее протяжение, нежели первое такое же место, было совершенно лишено растительности. Здесь вследствие жара уже давно была убита всякая растительная жизнь. Но на границе голого места, среди еще не убитой зелени видны отдельные струи пара, представляющие, вероятно, новейшее явление, указывающее на то, что поле вулканической деятельности увеличивается. Точно так же и здесь встречалась известковая накипь, как и вообще повторялись все подробности явления. То же самое

справедливо и по отношению температуры маленьких сопок, только здесь наблюдается большее разнообразие ее.

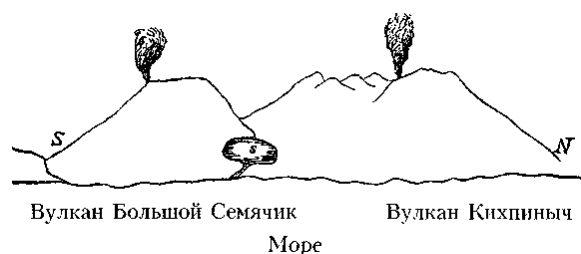
Маленькие грязевые конусы и кратеры стояли здесь более группами и близко друг от друга, между тем большие возвышались обыкновенно по отдельности. Между этими последними попадались конусы, которые вместе с их помещением для воды имели в поперечнике 1 -- 1 $\frac{1}{2}$ и даже до 4 футов. В этих наибольшей величины кратерах вода кипела менее сильно, зато они имели неизмеримую глубину. В одних кипела жидкая глина, в других чистая вода, самые маленькие выпускали только очень горячие пары. При 8° температуры воздуха в различных местах я находил температуры в 52, 62, 65, 68, 71, 73 и 85°. Но были и очень умеренной теплоты источники в 7 и 10°. Удивительна эта путаница горячих и холодных ручьев с чистой и глинистой водой, теплых и холодных прудов и болотин, которые все соединены друг с другом и наконец впадают в озеро, и между этими водами находятся воды, только что появляющиеся или уже питающие ручьи, и, вместе с тем, повсюду в полном действии многочисленные маленькие кратеры. Всюду кипит, шипит, клокочет, шумит и всюду высоко в воздух вздымаются струи пара и наполняют его парами и сильным запахом сероводорода. По свидетельству старого Чуркина, десять лет тому назад здесь обнаруживались те же явления вулканической деятельности, но тогда это было единственное место этой деятельности в Узоне, и в то время поднимались струи огня, чего в настоящее время нет. Сера находится здесь в цельных пластинках, а на источниках встречается белая кремнистая порода, род кремнистой накипи, так что гипса здесь совершенно нет. Проявление вулканической деятельности в Узоне без сомнения носит блуждающий характер, так как во многих местах, где не существует никакой растительности, ясно можно видеть, что некогда она была там и только теперь исчезла, между тем на других местах, одетых густым растительным покровом, она начинает погибать. Для меня в особенности поучительным и памятным был маленький грязный вулкан красивой формы настоящего вулкана. Этот маленький вулкан имел у своего подножия около 5 -- 6 футов в поперечнике и весь состоял из голубовато-серой глины. Сверху он имел два кратера, один большой, другой маленький; в них кипела и бурлила глина, которая от времени до времени переливалась наподобие лавы и вследствие этого увеличивала края кратеров. Большой кратер имел около 3 футов, маленький 1 $\frac{1}{2}$ фута в поперечнике. Между обоими кратерами поднимался небольшой, остроконечный, очень сильно выпускающий пар конус, возвышавшийся над кратерами на один фут. Весь маленький грязный вулкан был не более 1 $\frac{1}{2}$ фута высотой и стоял совершенно в одиночку у подножия глиняного холма.

8 сентября. Рано утром, при хорошей погоде, мы сели на лошадей и направились к южному краю Узона, где край кратера наиболее низок. От большого срединного озера мы перешли сначала, все еще внутри кратера, большую, поросшую отдельными группами деревьев, ягодную тундру, перебродили множество маленьких ручьев и последовали наконец по постепенно возвышающемуся дну одного из них к южному краю кратера. Здесь приходилось подниматься по диким утесистым местам, в которых массы камешков и обломков лавы чередовались с торчащими остриями скал и плитами. По направлению к верху быстро исчезает растительность. После утомительного лазания, причем в особенности мы были осторожны в выборе тропинки для лошадей, мы достигли наконец лишенного растительности, покрытого теперь довольно большим снегом верхнего края кратера. Вид отсюда был еще более оригинален и более полон контрастов, нежели при спуске. На вершине все было одето белым покровом зимы, между тем из глубины кратера на нас смотрели покрытые листьями деревья и большие площади сочной травы, из середины которых поднимались массы пара и обозначали места вулканической деятельности. Посреди сурового зимнего ландшафта на высоте под нашими ногами на много верст расстился летний пейзаж.

Несколько спускаясь под гору и вместе с тем выходя из глубокого снега, мы шли по широкому и высокому плато, которое тянется на юг мимо подножия Кихпиныча к

Большому Семячику и на север к вулканам Таунзицу и Унана. Это -- большая, склоняющаяся на запад к отдаленной отсюда реке Жупановой равнина, на восточном краю которой возвышаются вулканы Унана, Таунзиц, Узон, Кихпиныч, оба Семячика, а на север от Унаны еще Чапина и Кюнцекла. На всем этом, склоняющемся на запад к реке Жупановой, высоком плато существует только очень скудная растительность. Вся местность густо покрыта щебнем и грубой галькой и изрезана глубокими ущельями и ложбинами, которые спускаются с вулканов на запад. Ущелья часто имеют глубину в 100 футов и более; по большей части они узки и ограничены крутыми стенами, состоящими исключительно из вулканического материала. По подошве по направлению к рекам Жупановой и Семячику стекают дикие, шумящие ручьи. Семячик составляется главным образом из двух рек, из которых южная вытекает из вулкана Семячика, а северная, в бассейн которой мы теперь вступили, из Кихпиныча. Следуя на юг по большому плато, почти весь день мы имели Кихпиныч с левой стороны, стало быть, на востоке. Спустившись от Узона немного под гору, по глубокой седловидной долине мы подошли к Кихпинычу.

Мы перешли долину и начали снова подниматься, причем скоро исчезли даже самые слабые следы только что виденной нами растительности, и мы побрели по снегу. Около 5 верст шагали мы по снегу и подошли при этом так близко к Кихпинычу, что оказались отделенными от него только глубоким ущельем, в котором с шумом протекал северный исток Семячика. Кихпиныч -- величественный, поднимающийся на высоком основании горный узел, гребень которого состоит из многих конусообразных возвышенностей. Здесь все производит такое впечатление, как будто этот узел некогда был исполинской конусовидной горой, но потом разрушился и вследствие конусовидных поднятий принял современный вид. Еще теперь вблизи северного конуса поднимаются из ущелья массы пара. Таким образом, гора принадлежит к числу еще действующих вулканов страны. С плато видна отдаленная долина реки Жупановой, точно так же, как и вся бедная лесом местность до простирающегося еще далее на запад Валагинского хребта. Далее на юг я заметил белые пары Большого Семячика, поднимавшиеся с южной стороны сильно притупленного конуса, и еще южнее высоко в воздух поднималась большая темная струя Малого Семячика. Почти в течение 10 минут с большой быстротой из кратера поднимался величественный черный шар пара, так же быстро превратился он в колоссальную струю и расплылся на высоте, испуская из себя по сторонам темный дождь пепла. За этим последовали белые пары, пока, спустя десять минут, не вырвался новый черный шар. Так продолжалось дело, пока мы видели вулкан. На юге, в большом отдалении, на горизонте были еще заметны, при ясном небе, вулканы: Жупанов, Коряка и Авача. Это -- мертвая, но величественно прекрасная местность. Некоторое оживление придавал ландшафту вид далекого моря, которое блестело на восток от Кихпиныча и было отделено от нас только рядом вышеназванных вулканов.

Все далее уходили мы теперь от Кихпиныча, от которого нас отделяла теперь делающаяся все шире долина северного Семячика. Скоро мы совершенно оставили за собой область снега и стали следовать по высокому береговому обрыву реки, представляющему из себя последние следы часто упоминаемого здесь высокого плато, которое отсюда быстро понижается на запад к реке Жупановой. Здесь мы шли уже

всецело в районе вулкана Семячика. В поразительном изобилии лежали здесь черные рыхлые массы вулканических камешков, затруднявших движение лошадей. На продолжении долины Семячика, еще ниже нас, виден был небольшой лесок березы с примесью отдельных деревьев кедра и ольхи, лесок, до которого мы скоро достигли, круто спускаясь вниз по щебню и толстому слою камешков. Здесь находится место соединения обеих главных рек, составляющих р. Семячик, северной, по которой мы до сих пор следовали, и южной, порогами и каскадами катящейся с вулкана Семячика. Отсюда южное направление нашего маршрута мы сменили на более восточное. Наступил вечер. Люди и животные стали мучиться жаждой. От Узона, где еще в начале дороги мы видели немного снега, нигде не было воды. Вся вода совершенно всосалась в рыхлые массы камешков и исчезла или текла в ущельях недостижимой глубины. До места впадения Семячика в море было еще слишком далеко, поэтому не без опасности мы решили сделать очень крутой спуск по гальке скал вниз к реке, где мы и разбили свой лагерь. Наша палатка стояла непосредственно у воды северного истока Семячика, в узком ущелье, которое одинаково дико и тесно как вниз по реке, так и вверх по ней. С шумом и пеной по обломкам скал катилась вода к морю. На севере находился огромный горный узел Кихпиньча, а на юге -- притупленный конус Большого Семячика. Оригинальное впечатление производил бывший неподалеку от нас березовый лесок. Многие старые стволы совершенно засохли и были мертвы, а зеленеющие беловатые стволы *B. Ermani* поднимались не среди зеленого ковра травы, а среди черной, глубокой и рыхлой массы камешков. Эти камешки и большая часть вулканического щебня, которые мы видели в последней части пройденного сегодня расстояния, берут свое происхождение из большого вулкана Семячика.

По словам старого тойона, лет 50 тому назад, во время очень сильного извержения, этот вулкан разрушился. Гора, как думает тойон, раньше имела вид полного конуса и была выше других вулканов этой местности и только в то время приняла свой современный вид. При этой огромной катастрофе вся здешняя местность покрылась щебнем и пеплом, ручьи и реки были засыпаны, все леса на реках Жупановой и Семячике были уничтожены, причем деревья были занесены до кроны. Реки изменили тогда свое течение, на них открылись новые пороги и водопады. Еще теперь видно, что вешние воды прорывают новые глубокие ложбины по высоко насыпанной рыхлой почве щебня; целые деревья от корня до вершины вертикально стоят в массе щебня.

Поистине труден был тот день путешествия, который только что истек; наши лошади благополучно перенесли чрезвычайные трудности дороги, зато теперь могли отдохнуть на траве, растущей у самой воды. Мы нередко видели следы северных оленей, медведей и под конец еще свежий след рассомахи.

9 сентября. Наступил прекрасный день, и мы рано утром выступили в путь, чтобы сегодня достигнуть моря. Сначала мы еще немного прошли по ущелью северного истока, много раз переходили там реку, карабкались по обрывам или прокладывали себе путь сквозь густой прибрежный кустарник, так как груды свалившихся скал часто преграждали нам дорогу. Наконец мы достигли правого берега уже соединившейся из двух истоков реки. Здесь, в предгорьях вулкана Семячика мы открыли горячий источник в 32° при 12° температуры воздуха, источник, о котором не знал старый тойон; возможно, что источник этот возник в новейшее время. Наконец мы вышли из узкой долины реки Семячика, которая составляет границу Кихпиньча с севера, а вулкана Семячика -- с юга, и очутились в низменности устья этой реки, где в небольшом расстоянии от себя увидели море. Протекая по начинающейся отсюда низменности, сливаясь из двух истоков река впадает в маленькое материковое озеро, которое небольшим протоком открывается в очень близко находящееся отсюда море. Здесь, по берегам очень богатых рыбой реки и озера, росли береговая ольха, ива, высокая трава и различный кустарник. Вместе с тем, здесь снова стали попадаться многочисленные следы медведей. По берегам ими была истоптана высокая трава, и в ней часто можно

было видеть остатки их обеда. Между медведями встречались часто поистине дерзкие животные. Один из них, шедший нам навстречу, когда мы спускались с гор, должен был проститься со своей жизнью. Затем позже, когда мы проходили по реке сквозь густой кустарник *Heracleum'a* и шаламайника, вдруг, фыркая и оскалив зубы, прыгнул прямо на нас очень большой медведь, пожиривший до того на берегу рыбу. Чтобы прогнать его, мы тотчас же подняли крик и схватили висящее за плечами оружие. Между тем, медведь очутился непосредственно перед моей лошастью и хотел было вонзить в нее свои когти, как вдруг его обуял необъяснимый страх, и он, не трогая лошади, повернулся и побежал огромными скачками. Тогда мы навели на него ружья, и пара пуль просвистела по направлению к нему. Хотя медведь и ушел, но оставил большие следы крови.

Мы перебрадили еще раз реку и вскоре остановились на берегу маленького озера, недалеко от того места, где в него вливается река Семячик. На берегу озера, в маленьком заливчике, стояли развалины двух землянок, которые назад тому 10 лет построил старый Чуркин со своим отцом и братьями; здесь они жили, и здесь в течение долгого времени Чуркин проводил дику охотничью жизнь. С большим интересом рассматривал старик все предметы, напоминавшие ему его многочисленные похождения. Столь большого и смелого медведя, как тот, который только что делал на нас нападение, Чуркин, по его словам, еще никогда не видел.

Мы ехали через березовый лес (*B. Egmanz*) ко второму заливчику озера, лежащему на западной стороне, и увидели там фито-географическую достопримечательность Камчатки. Именно посередине березового леса стоит здесь совершенно замкнутый лесок прекрасных высоких хвойных деревьев безо всякой примеси других. Весь стоящий на берегу озера хвойный лесок имеет очень незначительное протяжение и не превосходит 2 -- 3 верст в окружности. Кора деревьев бурая и довольно гладкая. Древесина мягка и смолиста, в особенности в местах выхода ветвей; твердые, имеющие темный цвет, хвои достигают одной линии в ширину и одного дюйма в длину и покрывают все ветви очень густо. Сверху они темно-зеленоватого цвета и блестящи, на обратной стороне покрыты слабым голубоватым налетом. Шишки стоят прямо, невелики, очень красивы, гладки и на обоих концах почти одинаково закруглены, как будто выточены. Люди называли это дерево пихтой, тем же самым именем, как и очень похожее дерево, которое в долине средней Камчатки растет совместно с лиственничными деревьями. Если это то самое дерево, то является вопрос, как попало оно сюда, в это островное положение, будучи далеко отодвинуто от лесов долины Камчатки и отделено от нее двумя высокими цепями гор. Правда, ветры переносят легкие семена, однако в данном случае расстояние столь велико и препятствия, представляемые поверхностью страны, столь значительны, что этот вопрос едва ли можно решить, приписывая переселение дерева помощи ветра. Очень странно также и то обстоятельство, что лес этот распространяется не посредством обсеменения, и что во всей области не найдено ни одного дерева этого вида, возникшего из семени. Этот остров хвойного леса известен здесь с древнейших времен и остается постоянным в своих границах. Если пихта, растущая в устье Семячика, принадлежит к другому виду, то сам факт пребывания ее здесь еще более интересен, так как в последнем случае этот маленький островок хвойного леса был бы единственным местом нахождения этого вида в Камчатке. Я полагаю, что пихту устья Семячика следует считать идентичной с пихтой долины Камчатки. Мы поехали через березовый лес, обхватывающий лесок пихты, и снова вышли на озеро, где на открытом безлесном берегу лежали развалины старого большого местечка Семячика. Здесь впадают в озеро два богатых рыбой ручья, вытекающих из ущельев вулкана Семячика, как на это указывает черный вулканический песок в их русле. Судя по местам нахождения теперь уже истлевших остатков дерева, местечко это должно было принадлежать к самым большим камчадалским поселениям. Еще теперь можно признать пункты, где стояли часовня, школа и маяк на берегу моря. Строительный материал состоял по преимуществу из стволов пихты. Время, когда это поселение было обитаемо, совпадает с

тем временем, когда местопребывание управления находилось в Нижнекамчатске, стало быть, это было в конце прошлого столетия. От этого места прежнего процветания камчадалов до места излияния озера в море мы шли снова через березовый лес и достигли одной земляной юрты, которую точно так же лет 10 тому назад построил Чуркин. Понуждаемые накрапывающим дождем, мы разбили здесь свою пататку. В течение сегодняшнего пути вокруг небольшого материкового озера мы встретили очень много медведей, которые почти все отличались необыкновенной дерзостью. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что животные в здешней, совершенно безлюдной местности не знают человека и не понимают опасности встречи с ним. Как самые большие и сильные животные они являются хозяевами края и привыкли к тому, чтобы всякое живое существо убегало от них, и они всюду удерживают за собой господство. При неимоверном богатстве края рыбой, ягодой и травами никак не голод принуждает их к нападениям. Мы видели большого черного медведя, который тщательно и со вниманием следил за нашими следами и обнюхивал их. Он имел очень решительное намерение схватить нас, пришельцев, и выгнать из своих владений. Однако он должен был пострадать за свою неустрашимость, так как пуля старого тойона распростерла его на месте. Он упал недалеко от палатки, люди сняли с него шкуру и разделили его, причем оказалось, что у этого хорошо откормленного зверя на спине и ребрах был слой жира в 4 пальца толщиной. Это была радостная находка для моих камчадалов, так как теперь им можно было порядочно-таки покушать. Для меня это было менее важно, так как медвежье мясо мне противно, хотя важнейшие запасы окончательно истощились. Хлеб, соль и сахар пришли к концу. Как только впервые я заметил, что этих вещей нет, то порешил, что и без них хорошо. Рыбу и мясо птиц мы имели в изобилии, а вместо хлеба ежедневно приготавливали нечто вроде хлеба из лукович лилии (*Fritillaria sarana*) {Это должно быть *Fritillaria Kamtschatkensis*. Ф. Ш[ренк].}. С этой целью ежедневно мы разоряли две мышиных (полевки) кладовых и брали оттуда чисто собранные луковички лилии. Наконец, было еще множество ягоды, в особенности брусники (*Vacc. vitis idaea*), представлявшей здоровую и вкусную приправу к рыбной и мясной пище. Число полевых в этом году было особенно велико. Всюду можно было видеть, как шныряли эти прилежные зверьки, и всюду мы наступали на их наполненные зимние кладовые, которые правильно и красиво были обложены мохом.

С массой рыбы (кизуч), которая поднималась из моря, шло также много тюленей (*Ph. nautica*); стаи водяных птиц покрывали поверхность вод.

Здесь, у моря, осень далеко еще не была столь поздней, как в горах: здесь попадалась еще зеленая трава и на деревьях были листья. Между тем, прямо против устья Семячика возвышался покрытый снегом вулканический горный узел Кихпиныч, из ущелья которого вытекает горячий, испускающий пар ручей. Место впадения его в море я видел в 1852 году.

10 сентября. Утром от устья Семячика были взяты следующие пеленги:

вулкан Большой Семячик 275° W, южный конус Кихпиныча 322° NW, северный конус Кихпиныча 360° N, Кронцкий вулкан 20° NO и вулкан Хамчен 15° NNO.

При отличной погоде уже около 7 часов утра мы выступили в путь в южном направлении к устью Березовой. На протяжении около 15 верст дорога идет то в гору, то под гору, по высокому морскому берегу среди чисто вулканических горных пород: лавы, туфа и конгломератов. В устье Березовой находится далеко простирающийся на юг залив, лежащий за расположенной перед ним низменной косой ("кошка"). Нам посчастливилось прибыть сюда как раз ко времени наибольшего отлива и перейти благодаря этому устью, что было бы невозможным во время прилива, когда нам пришлось бы долго дожидаться. Рекой Березовой кончился высокий, утесистый морской берег; отсюда на юг по направлению к реке Жупановой тянется низкий, но твердый хрящеватый берег "кошка", по которому мы поехали быстро, в особенности, когда выходили на гладко утопанную медвежью тропу. Эта "кошка" состояла из очень

твердого щебня и песку и поросла злаком из рода *Elymus* (*Strandhafer*), ольхой, мохом и вакцинией. По хорошей дороге по хрящеватому валу мы продолжали свой путь, надеясь уже к вечеру достигнуть реки Жупановой, как вдруг неожиданно встретили еще одно препятствие. На половине расстояния между Березовой и рекой Жупановой мы подошли к устью маленькой речки, вытекающей с вулкана Малого Семячика и впадающей в море чрез залив и поперек низменной косы. Эта река, помимо того, что она глубока, несет с собой колоссальную массу вулканического щебня, обломков пемзы и в особенности тончайшего пепла, так что вода, казалось, совершенно густо им наполненной. Перейти реку было невозможно, и мы были принуждены оставить нашу хорошую дорогу и искать брода в верхнем течении реки. Попытка перейти ее чуть не стоила нам одной лошади. Животное не могло найти твердой опоры для ног в этой густой каше пепла, который отложился на дне; оно стало погружаться все глубже и глубже, и только с величайшими усилиями и с большим трудом нам удалось вытащить его оттуда. Сильное извержение Малого Семячика выбрасывало все новые большие массы пепла, которые падали в бассейн реки и смывались ею вниз по течению.

Наконец мы нашли место, где дно было жестко и состояло из твердой, прочно лежавшей лавы. Здесь-то нам удалось перейти на ту сторону, а также перебродить еще и второй рукав. Благодаря такой неудаче в пути и розыскам брода мы потеряли так много времени, что уже на закате солнца должны были разбить свою палатку на месте перехода.

Вулканический пепел в области устья, а также еще дальше вверх был до невероятности тонок, местами, в особенности же в русле реки, слой его имел в толщину до одного фута.

11 сентября. При благоприятной погоде уже в 6 часов утра мы были на лошадях и пошли сквозь лес березы (*B. Ermani*) и чернотальника. Скоро мы были снова у моря и вместе с тем на удобном для пути хрящеватом валу. На половине дороги находится здесь очень странный холм, один-единственный на всем плоском морском берегу. Это было то самое место, подле которого в 1852 году по причине сильной бури в течение многих дней я принужден был стоять во время моей поездки на вельботе. Теперь мои обстоятельства сложились совсем иначе, чем в те мрачные, полные тревог дни, когда мне предстояло долгое и опасное путешествие. При чрезвычайно ясном небе и горизонте открылась великолепная перспектива и чудный вид. Колоссальной мелкой бухтой врезывается море в страну от мыса Кроноцкого до мыса Шипунского, за широким ровным побережьем возвышается длинный ряд вулканов, положение которых я мог определить при помощи пелькомпаса:

видимый край суши на север 26° NO, Кроноцкий вулкан 16° NO, Хамчен вулкан 12° NO, Кихпиныч от 354 до 355° N, Большой Семячик от 331 до 334° NW, Малый Семячик 305° NW, старый край кратера его (1) 308° , другой край кратера (2) 254° SW, еще один край кратера (3) 272° NW, вулкан Жупанов 234° SW, вулкан Коряка 227° SW, вулкан Авача 221° SW, устье реки Жупановой 165° SO, видимый край суши на юге 161° SO.

Из вулкана Малого Семячика, как и раньше, поднимались величественные клубы пара и на далекое расстояние покрывали страну тонким пеплом. Все листья и трава были покрыты пеплом, в глазах и на губах мы испытывали очень неприятное ощущение пыли. Подобно туману далеко в море тягнется облако тонкого, пылеобразного пепла. После быстрой езды на юг по хрящеватому валу около часа дня мы были у широкого устья реки Жупановой. Здесь благодаря большой глубине нечего было и думать о бросе, равно, как трудно было искать переход и выше по реке, так как по пути в области губы, куда открывается устье, находились большие озера и сильно болотистая местность. Единственный способ перейти реку мог состоять в постройке плота, на котором можно было бы переплыть. Мы разбили свою палатку близ устья и тотчас же приступили к работе. Труднее всего было добыть необходимое для постройки плота сухое дерево. Северный берег реки Жупановой совершенно лишен лесов и кустарника, так что при установке палатки мы должны были довольствоваться очень малым. Поэтому мы

отправились на поиски выброшенного морем леса, который наконец мы и нашли в расстоянии многих верст и приволокли его. Это были старая корабельная мачта, куски различных досок и тому подобное. Сначала были обтесаны два самых толстых, длиной около 12 футов, бревна, которые потом были соединены при помощи поперечно врезанных на расстоянии около 4 футов друг от друга толстых бревен и связаны ремнями. На этот остов был укреплен всевозможный лес, который мог увеличить плавучесть плота. К вечеру все было готово, и мы свое прекрасное судно, которое оказалось в действительности плавучим, втянули в устье к самой палатке. Радуюсь успеху дела, сели мы за обед, состоявший из печеной на вертеле рыбы, хлеба из сараны и горького чаю.

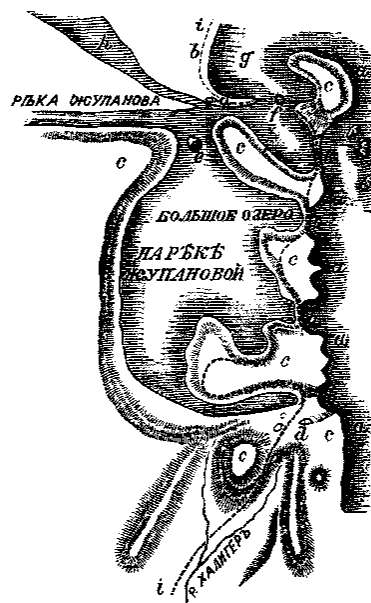
От устья реки Жупановой я мог взять следующие пеленги:

Кроноцкий вулкан 16° O, вулкан Хамчен 10° O, северный пик Кихпиныча 4° O, Большой Семячик от 343 до 341° W, Малый Се

мячик 322° W, старый кратер (3 от сегодняшнего полдня) 310° W, к этому последнему тянется озеро, которое изливается близ устья Жупановой. Старый кратер (2 от сегодняшнего полдня) 286° W, Жупанов вулкан 254° SW. Между двумя последними из гор вытекает река Жупанова. Устье похожего на залив озера, изливающегося в реку с юга, 220° SW; утес перед устьем Жупановой 88° O.

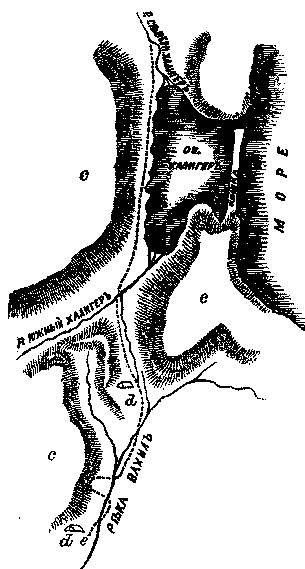
12 сентября. Наше сегодняшнее предприятие сопровождалось прекрасной погодой, вызванной непрерывным западным ветром; было тепло, как летом (+14 °R в тени). В реку и в оба озера, лежащие по сторонам, плыли стада больших тюленей (*Ph. nautica*), следующих за шедшей вверх рыбой: греясь на солнце, хрюкая и ворча, расположились сотни этих животных на островах и песчаных банках. Масса водяных птиц -- уток, гусей, гагар -- была необозрима. Невероятный шум тысяч голосов раздавался со всех сторон. На богатой рыбой реке не было недостатка и в медведях. Не обращая внимания на нас, немало этих животных ловили рыбу на отдаленном противоположном берегу реки. При довольно быстром течении, река, направляясь с запада по совершенно ровной голой местности, принимает в себя с южной стороны воду большого южного озера, равно, как и северного, и, повернув вдруг на север, изливается предварительно в небольшой морской залив, в котором серовато-желтую речную воду можно проследить на далекое расстояние в морской воде.

В самом устье лежит маленький, плоский песчаный остров. Западнее этого острова главная часть реки открывается в море, на восток от него находится мелкое и тихое место. На юг и восток от устья, отделяя южное озеро от моря, тянется длинная коса, которая состоит из четырех поросших березой и кедром, падающих в море крутыми скалами гор, соединенных друг с другом совсем низким, лишенным растительности, хрящеватым валом.

Карта устья реки Жупановой:
 а) скалы, б) береговая «кошка», с) горы с березой и кедром,
 d) палатка, е) песчаная банка, f) остров, g) морской залив перед
 устьем реки Жупановой, h) озеро, которое тянется к Малому
 Семячику, i) мой путь

В 7 часов утра мы приступили к переправе. Сначала мои трое спутников на веслах и шестах благополучно перевезли багаж, а я оставался при лошадях, затем они переправили меня и лошадей, которые плыли за плотом на длинных ремнях. При этом мы чуть было не потеряли двух лошадей, которые не отличались умением плавать. Их подхватило сильное течение и чуть-чуть не унесло в находившийся перед устьем бурун, где они погибли бы безвозвратно. Крепко налегая на весла, со всех сил мы тянули за ремни и поддерживали головы лошадей над водой. Таким образом, после многих усилий и большого труда нам удалось наконец вывести всех животных на сушу невредимыми. Сначала мы переправились через опасную часть реки к острову, а отсюда уже по тихой воде перебрались на материк. Благополучно кончена была переправа, и мы после легкого завтрака спешно направились на юг по косе от холма к холму и по лежащему между ними хрящеватому валу. На южном конце озера мы достигли прохода, который чрез низкий водораздел ведет к реке Халигеру, и здесь разбили свою палатку.

Карта озера и реки Халигер,
а также области истоков
р. Вахиль:

а) скалы, б) «кошка»,
с) гора, покрытая лесом,
д) палатка. е) мой путь

Западный берег большого южного озера не имеет ни одного залива; он тянется слабоизогнутой линией у подножия лесистого хребта гор. Выступающая на дневную поверхность горная порода сплошь носит вулканический трахитовый характер, и весь песок состоит собственно только из более или менее тонкого вулканического щебня и пепла. И отсюда нам видны были колоссальные клубы пара, которые выходили из кратера Малого Семячика и далеко в море выносили пепел.

Озеро содержало пресную воду и было необыкновенно богато рыбой, тюленями и водяной птицей. Всюду мы видели или наталкивались на большое количество медведей, которые бродили на берегу, ловили рыбу или пожирали добычу. Особенно велико было множество полевок. Нередко можно было видеть дорожки во много футов шириной, проведенные в высокой траве, которая была так гладко объедена, как будто ее косили, причем узлы стеблей были выбраны в качестве запаса на зиму и унесены прочь. Замечательно, что такие дорожки очень часто шли прямо от моря и вели внутрь страны. Камчадалам это служит поводом думать, что полевки во время своих периодических переселений приходят в Камчатку, переплывая море, и, выйдя на сушу, бывают так голодны, что коротко объедают всю траву, находящуюся на их пути.

13 сентября. Дул западный ветер и вместе с ним была хорошая погода. Мы перешли небольшой водораздел к реке Халигеру и направились по ней до большого озера того же имени. Всюду шныряли тысячи мышей, вместе с тем число медведей, которые встречались нам на каждом шагу, было столь необычайно, что это казалось удивительным даже камчадалам. По прекрасному березовому (*B. Ermani*) лесу, поросшему шиповником, мы поехали к озеру и затем направились вдоль его западного берега.

Оно имело почти четырехугольный вид и отделено было от моря низким хрящеватым валом. Выхода его в море я не заметил, если таковой и существует, то он должен быть очень маленьким или обнаруживается только временно. Остальные берега озера высоки, а у моря даже скалисты.

Северо-западный угол, принимающий в себя северный Халигер, вдоль берега которого мы сюда шли, равно, как и юго-западный угол, в который изливается южный Халигер, вдаются в материк в виде заливов.

Мы следовали берегом озера до реки южного Халигера, причем принуждены были идти частью по очень болотистой местности, частью чрез густейший ивовый кустарник; затем мы перешли реку и вдоль маленького, впадающего в нее ручья направились к ущелью и водоразделу, на южной стороне которого вытекает ручей -- исток реки Вахиль. Здесь наверху водораздела к Вахилию был разбит лагерь, для того чтобы после трудного перехода доставить нашим лошадям лучший отдых. Вся местность, непосредственно примыкающая к рекам, очень мокра и густо поросла ивой. Напротив того, более удаленные части прибрежной долины суше и покрыты березой. Все образцы горных пород, найденные на дневной поверхности, состояли из вулканических туфов и конгломератов. На юг и юго-восток тянется крутой горный хребет, который образует полуостров и мыс Шипунский и который на юге отделяет от озера Халигера Бичевинский залив, далеко врезающийся в полуостров. В версте от озера Халигера и реки того же имени возвышается другой высокий хребет, который, как кажется, направляется к Камчатской Вершине.

14 сентября. Ветер свернул на восток, и надежда на хорошую погоду сделалась слабее, однако было все еще сухо. От палатки мы поднялись немного в гору на невысокий, поросший кустами проход, откуда маленький ручей скоро привел нас в долину реки Вахилия. Главный Вахиль вытекает из гор мыса Шипунского. Вниз по течению берега реки представляют сухую ягодную тундру или покрыты густой ивовой зарослью, между тем более удаленные и возвышенные склоны, окаймляющие долину, поросли березой и кедром.

По истоку реки с севера мы вышли на главную реку и, вынуждаемые непроходимостью берегов, много раз ее перебрасывали. Затем мы сделали попытку достигнуть Островной чрез цепь гор, лежащую на запад от Вахилия. Попытка эта, однако, осталась бесплодной, так как склоны гор были слишком круты, и мы принуждены были вернуться к Вахилию. Здесь некоторое время мы шли по сухой травянистой местности вдоль левого берега, затем с трудом снова перешли на правый берег, откуда чрез проход мы рассчитывали достигнуть Островной. Наступил вечер, и мы заблаговременно разбили лагерь. И сегодня число замеченных медведей было чрезвычайно велико, но число мышей было еще более значительно, нежели вчерашний и позавчерашний дни.

15 сентября. Утром нас окружил густой туман. Мои охотники, отправившиеся за тем, чтобы пополнить наши запасы провизии, вышли рано утром и вернулись тяжело нагруженные утками. Про запас в дорогу быстро зажарили мы их на вертеле и затем снова тронулись в путь. Тюлень, вынырнувший поблизости из воды, показал нам, что мы были недалеко от места впадения реки в море. Погода сделалась яснее, и мы по правому берегу Вахилия направились к морю. По горной седловине мы свернули к юго-западу в примыкающую сюда долину и достигли по ней порядочной величины озера, принадлежащего к системе Островной. Озеро имело плоские берега и, как кажется, было богато рыбой: здесь мы опять нашли очень много водяных птиц и медведей. По хорошо протоптанной медвежьей тропе мы обогнули озеро, перешли чрез другую горную седловину и вышли на ближайшую долину, которая оказалась сухой и покрытой лесом. Затем мы перевалили чрез третью горную седловину, после чего подошли ко второму богатому рыбой озеру и вместе с тем к Островной, в которую вливаются оба озера. Река оказалась глубокой, и ее нельзя было перейти, так что не оставалось ничего другого, как снова строить плот. На Островной это было легко, потому что материал для постройки был в изобилии. Тотчас же мы приступили к работе, и к вечеру наше судно стояло готовым. Беспреданно нас окружали множество водяных птиц, тюленей и медведей. Вулкан Авача был здесь от нас очень близко и со своим высоким столбом пара стоял прямо перед нами на запад.

16 сентября. Утром опять был сильный туман. Наш плот немедленно мог быть употреблен в дело, и уже в 8 часов утра мы были на другом берегу со своей поклажей. С топором в руках шли мы отсюда сквозь густой кустарник береговой ивы, затем, двигаясь

в юго-западном направлении, мы прошли болото и, перейдя чрез седловину, поросшую березой, достигли, наконец, Налачевского озера. Вдоль его западного берега мы следовали до моря, где вблизи мыса Налачевского озеро кончается, и где оно отделено от моря низким хрящеватым валом. С мысом Налачевым для нас покончились все горные хребты, отдельные горы и даже холмы. Сделавшийся совершенно ровным берег моря очень постепенно возвышается к подножию вулкана Авача, становясь все выше и выше по направлению к западу. Мы остались в низменности и достигли здесь прежде всего маленького ручья Налачевского, который впадает в только что пройденное нами озеро и вместе с ним изливается в море. По ручью мы ехали сквозь березовый лес и по долгой, очень мокрой тундре, которая наконец привела нас к берегу реки Большой Налачевы. Было еще рано, и мы охотно поспешили бы дальше, но широкой и глубокой реке угодно было нас задержать. Идти в обход вверх по реке оказалось невозможным по причине очень большой болотистости почвы, и нам приходилось в третий раз строить плоты. Здесь опять трудно было добывать древесный материал. По отдельности и издалека натащали мы бревен, из которых сделали поистине жалкий плот; только в нужде можно было пользоваться таким сооружением. Печально выглядел наш лагерь: все запасы вышли, не оставалось больше даже ни чаю, ни табаку. Большим утешением служило для нас то обстоятельство, что теперь мы были очень недалеко от Петропавловского порта, и ни одна большая река не должна была нам встретиться по пути.

17 сентября. К большой нашей радости наступило прекрасное утро несмотря на сильный туман ночью. Нашему жалкому плоту мы не могли довериться все за один раз. Как на реке Жупановой, нам приходилось много раз переезжать туда и обратно, чтобы перевезти на тот берег самих себя, наш багаж и лошадей. Это было сделано вполне благополучно, однако не без того, чтобы нам основательно промокнуть. Вулкан Жупанов и сегодня, как все время, когда ежедневно он был у нас перед глазами, выпускал на своей вершине белые пары. Он, стало быть, несомненно, принадлежит к числу действующих еще и ныне огнедышащих гор полуострова.

Здесь, близ устья реки Налачевой, я получил при помощи компаса следующие углы: Мыс Налачев 86° O, вулкан Жупанов 348° NW, снежная гора близ него 330° NW, отдаленный вулкан в конце долины Налачева, вероятно Баккенинг, 315° NW, снежная гора в Авачинской цепи 295° NW, Авачинский вулкан 283° NW, Коряцкий вулкан 289° NW, Вилючинский вулкан 225° SW. Долина реки Налачевой широка, ровна и в устье влажна, почти болотиста. По реке растет ива, ольха, а в более высокой части ее также и береза (*B. Ermani*). Долина, делаясь все уже, на северо-запад тянется, как кажется, до Баккенинга, хотя главные истоки реки находятся в Коряцком вулкане, а с севера река получает другие притоки из Жупановских гор. От области Баккенинга, равно, как и от Камчатской Вершины, на восток к морю тянутся две явственных, покрытых снегом горных цепи. Северная кончается вулканом Жупановым, южная же ограничивается вулканами Коряцким и Авачинским. Жупанов вулкан находится дальше от моря, нежели два последних, и отделяет от себя в сторону по направлению к юго-востоку к мысу Шипунскому значительную гряду, которую мы прошли, направляясь от устья реки Жупановой. Между всеми этими возвышенностями и горными цепями тянутся долины с их реками Вахилем, Халигером, Островной и Налачевой.

В 11 часов мы были снова у моря и по твердому хрящеватому валу, находящемуся на берегу, направились на юг к Калахтырке. Прибрежный вал порос горошком, кустами, ягодой, мохом и кое-где даже кедром. Стаи гусей, кормившиеся ягодой, беспрестанно пролетали перед нами; немалым было и число медведей, которые кушали здесь ягодный десерт после обильного рыбного завтрака. Быстро шли мы по хорошей дороге. Сначала мы перебродили в устьях реки Мутную и Котельную. Здесь березовый лес подходит ближе к морю. Двигаясь все дальше на юг по хрящеватому валу, мы достигли Каменушки, а по ней Половинной и Тойонской, которые все три одним общим устьем

изливаются к морю, причем Каменушка и Тойонская, направляясь первая с севера, вторая с юга, на значительном протяжении перед устьем текут параллельно валу. Наконец мы оставили за собой низменный мыс Толстый и в 5 часов прибыли к хижинам в устье Калахтырки. После уединенной, продолжавшейся целые недели, жизни в глуши к нашей большой радости мы встретили здесь живших временно рыбаков из Петропавловского порта. К тому же, эти люди могли продать нам некоторые вещи, которых мы были лишены так долго, а именно хлеб, соль, чай и табак. Был приготовлен также давно не виданный нами обед, в котором были картофель, масло и молоко. Известия, полученные нами здесь из Петропавловского порта, были очень серьезные. Произошло нападение неприятеля, и было сражение, в котором пали многие мои знакомые. Мы уселись перед палаткой около большого костра и до поздней ночи слушали рассказы здешних обитателей. Подробности происшествия я мог узнать только в Петропавловском порте от участников.

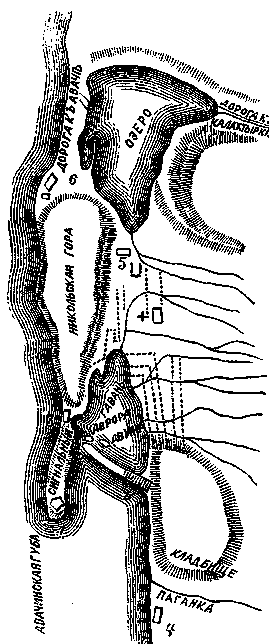
18 сентября. В последние дни путешествия стояла очень хорошая погода несмотря на густой туман, бывавший ранним утром. Мы спешили в недалеко уже находящийся Петропавловский порт, где нас ожидали столь важные и интересные известия. Через высокую Калахтырскую тундру мы шли к маленькому озеру Англичанскому, которое мы обошли по западному берегу, двигаясь через березовый лес, и перешли после того на слишком низкий лесистый проход к небольшому Молочному озеру, которое имеет сток к морю. Это озеро бывает озером только по временам, когда сток заносится волной; если же оно открыто, как это было теперь, то на его месте находится только ряд прудов и маленьких водоемов. На северном берегу этого озера мы повернули на запад и по береговому лесу через почти незаметный водораздел достигли Рачьей бухты и вместе с тем берега Авачинского залива. Быстро, без остановки двигались мы далее подле самого берега залива и около 2 часов пополудни вступили в Петропавловский порт.

Завойко принял меня очень любезно и снова пригласил меня столоваться у него на всю предстоящую зиму. Естественно, что первый разговор наш касался только блестящей победы. Моего верного спутника, именно старого, сделавшегося мне милым Чуркина, я наградил, как мог; для отдыха предложил ему на два дня свое гостеприимство и затем отпустил его на родину в Кирганик.

Прибавление. Пребывание в Петропавловске зимою 1854--1855 гг.

Завойко хорошо сделал, что позаботился по возможности укрепить Петропавловский порт. Предостережение Камегамеги III оказалось не ложным и не бесполезным. 18 сентября 1854 года, когда я вернулся в Петропавловский порт, меня очень удивили доходившие со всех сторон известия о важных событиях, которые совершились здесь во время моего последнего путешествия. Неприятель -- соединенные силы англичан и французов, удостоил своим недружелюбным посещением Петропавловский порт. Сражение было дано, и наш маленький отряд одержал славную победу. По обстоятельным рассказам многих очевидцев и участников столкновения, событие произошло в кратких чертах следующим образом. После того как с маяка дан был сигнал: о прибытии эскадры, 17 августа в 5 часов вечера в большую бухту вошел колесный пароход под американским флагом, но тотчас же, как только портовый бот вышел ему навстречу, вернулся и пошел назад в море. 18 августа в 3 часа пополудни тот же пароход с 5 парусными судами снова пришел в Авачинскую бухту и бросил якорь верстах в двух от Петропавловского порта; теперь уже они были под английским и французским флагами. Это были английские суда: 1. Фрегат "President" с 54 пушками, на нем адмирал Дэвис Прейс. 2. Фрегат "Pique" с 44 пушками. 3. Колесный пароход "Virago" с 4 мортирами и пушками и французские суда: 1. Фрегат "La Forte" с 62

пушками, на нем же был адмирал Феврие-де-Пуант. 2. Корвет "Euridice" с 32 пушками и 3. Бриг "Obligado" с 18 пушками, так что в общей сложности было 6 судов с 220 орудиями и очень многочисленным экипажем.

План Петропавловского
порта с батареями:

№ 1—6 батарей

С русской стороны немедленно был открыт огонь несколькими выстрелами, дабы показать, что не намерены сдаваться. Батарея № 2 (князь Максудов) начала сражение. Неприятель отвечал несколькими выстрелами, которые не причинили вреда, после чего на буксире парохода направился к батарее № 4 (лейтенант Попов). Во время этого движения на кожухе шедшего впереди парохода стоял высший офицер, оживленными движениями отдававший приказания, как вдруг с батареи № 4 пронесся картечный выстрел и снес с места названного офицера. Немедленно после этого происшествия неприятель отошел далеко от берега в залив и, сражение на сегодня закончилось. Убитый высший офицер был не кто другой, как адмирал Дэвис Прейс, о котором позже англичане распространяли слух, что он сам застрелился. Однако для самоубийства в то время не было еще ни малейшего основания, так как в самом начале действий чересчур превосходящего силами неприятеля нельзя еще было предвидеть позорного поражения, которое последовало позже.

19 августа наши батареи оставались без действия, так как неприятель стоял далеко в заливе и только от времени до времени по отдельности бросал в город бомбы, не причинявшие, однако вреда. Только один наш баркас, который, не предполагая опасности, хотел было вернуться из Таргинского залива, где невооруженные матросы рубили лес, был взят неприятелем.

20-го числа уже в 9 часов утра со всех неприятельских судов, которые снова подошли ближе, был открыт очень сильный огонь по батареям № 1, 2 и 4; множество бомб полетело в город, но и этот раз не загорелась ни одна соломенная крыша. Батарею № 1 очень скоро принудили к молчанию, за ней также и батарею № 4, куда на многочисленных лодках направился десант. Очень незначительная прислуга (25 человек) этой батареи № 4 заклепала свои пушки и скрылась в ближайшие кусты. Неприятель высадился на берег, взял заклепанную батарею, водрузил свое знамя и по берегу направился в город. Тогда-то скрывавшиеся в кустах 25 человек матросов, получивших

еще подкрепление от 20 дюжих защитников камчадалов, встретили неприятельский отряд настолько сильным и метким ружейным огнем, что он вскоре вернулся с большой потерей, забрал свое знамя и возвратился на суда. На батарею No 2 до 6 часов вечера ужаснейшим образом сыпался настоящий град ядер. Вечером из 20 пушек здесь осталось только 4, годных для употребления. Отсюда удалось пустить ко дну две лодки с неприятельским десантом.

21-го весь неприятельский флот подошел к Таринскому заливу, где под высокой березой был предан земле адмирал Дэвис Прейс; в это время суда со скрещенными реями салютовали выстрелами. Глубоко вырезанные в коре буквы D. P. и небольшой могильный холм указывали место погребения убитого адмирала.

Остаток дня неприятель провел в исправлении судов, что видели скрытые вблизи в засаде камчадалы. Ядра наших батарей, а также судов "Авроры" и "Двины", заграждавших вход в гавань, работали очень исправно. Также без нападения прошли 22 и 23-е числа, между тем работы на судах энергично подвигались вперед. В особенности пострадал пароход, неоднократно пытавшийся форсировать вход в гавань. Но и наши люди провели эти дни также не без пользы, так как вечером 23-го числа батареи NoNo 1 и 2 были вполне восстановлены и готовы к новому сражению.

24 августа было самое жаркое и вместе с тем самое решительное сражение. Уже в 7 часов утра неприятель открыл ужаснейший огонь. Повсюду летали бомбы, которые, однако, не попадали в дома. Батареи NoNo 1 и 2 были расстроены, точно так же, как и батарея No 3, где князь Максutow 1-й потерял руку, вследствие чего и умер. Все три батареи были вынуждены к молчанию. Пароход "Virago" сделал продолжительную попытку проникнуть в гавань, но благодаря сильному огню с "Авроры" и "Двины", наносившему значительные повреждения, должен был отказаться от этого намерения и уйти. В этом деле выстрелом был сбит флаг с парохода, выловлен из воды и впоследствии был отправлен государю в Петербург.

Когда батарея No 6, защищавшая дорогу в город с севера, была разрушена, многочисленный отряд, свыше 900 человек, на больших лодках направился к месту этой батареи. Неприятель высадился между северной стороной Никольской горы и озером и под предводительством капитана Паркера стал приближаться к городу в стройном порядке в обход названной горы. Здесь, у северного конца Петропавловского порта, неприятель, шедший на приступ по узкой дороге между горой и озером, был встречен убийственным картечным огнем с батареи No 5. Капитан Паркер и многие из его солдат остались на месте мертвыми. Изумленный существованием этой скрыто заложенной батареи, неприятель бросился на Никольскую гору, которую вскоре и занял во всю ее длину и открыл оттуда ружейный огонь по нашим, стоявшим под горой совершенно неприкрытыми.

Уже многие из наших лежали ранеными или мертвыми. Наступил критический момент, и положение дел было затруднительно. Тогда с русской стороны было сделано распоряжение взять штурмом гору, разбившись на маленькие отряды человек по 30 -- 35. Лейтенанты Анкудимов, Пилкин и Михайлов вместе со своими отрядами поднялись наверх первыми, а за ними последовали и другие. Сначала был дан меткий залп, затем ударили в штыки, так как заряжать ружья уже не было времени. По списку, найденному при капитане Паркере, на горе было 926 человек неприятельского войска, и против них-то пошли штурмом 347 человек русских. На горе разыгралась жестокая битва, и в скором времени исход сражения был решен. Неприятель потерял 9 офицеров и свыше 300 человек нижних чинов, которые остались на поле битвы ранеными или мертвыми или были сброшены с высоких крутых утесов. Между тем, с нашей стороны в продолжение всего этого дня убитых и раненых было немного, более 100 человек. В страшнейшем беспорядке неприятель бросился спасаться бегством на своих лодках, которые наши обстреливали еще сверху. В этом деле заранее собранные камчадалы из своих маленьких винтовок немало выпустили метких и смертельных пуль.

Хладнокровные и прекрасные охотники, рассчитывающие каждый выстрел, они, как потом сами рассказывали, искали случаев стрелять таким образом, чтобы по возможности одной пулей пронзить за раз двоих, стоящих один за другим, неприятелей. Это они называли "спаривать".

В 12 часов дня в крае уже не было ни одного неприятеля, и сражение было выиграно со славой.

Как только корабли приняли на борт поредевший бежавший отряд, они отошли далеко в Авачинскую бухту, где оставались еще 25 и 26-го числа и исправляли полученные повреждения. В Тарийском заливе опять было устроено погребение. Две огромные могилы подле могилы адмирала свидетельствовали, что здесь предано земле значительное количество убитых. И в Петропавловском порте у подножия Никольской горы появились две большие могилы друг около друга, одна -- наша, другая -- неприятельская.

27 августа рано утром ушла наконец в море так постыдно разбитая неприятельская флотилия и исчезла на горизонте, на юге. Маленький, плохо вооруженный Петропавловский порт с его крошечным, но поистине храбрым воинским отрядом ликовал и благодарил Бога в церкви и на поле битвы за удивительное избавление от гораздо более сильного неприятеля.

Прежде всего, мне хотелось в сопровождении очевидцев посетить все достопримечательные места. Батареи, снова приведенные в полный порядок, в состоянии были выдержать новое нападение. Могилы были уже украшены и даже неприятельская содержалась в почете. Поле битвы на Никольской горе представляло еще теперь картину полнейшего опустошения. Хотя здесь, само собой понятно, не валялось уже ни одного трупа, и многочисленное оружие всяких родов уже давно убрали, однако еще ясно можно было видеть следы разорения. Трава была вытоптана, с деревьев сорваны ветви, кусты поломаны, кругом валялись пестрые лоскутья обмундировки и патронов. Целый день после битвы вокруг горы летали вороны, желая насытиться в лужах крови. Прошло много времени, прежде чем для нас снова наступила обыкновенная и правильная жизнь. Население, и высшее и низшее сословие, были словно наэлектризованы славными августовскими днями 1854 года. Беспреданно, словно красная нить, проходило в их разговорах воспоминание о битве и об отдельных приключениях.

О дальнейшем путешествии этой осенью я не мог и думать, так как время года для горных путешествий было слишком поздним, вместе с тем к Завойко нечего было приступать с этими планами. Я снова устроился в своем помещении совершенно по-домашнему, питая втихомолку надежду, нельзя ли хоть зимой предпринять путешествие на собаках на юг полуострова к Явине и Курильскому озеру, план, в исполнении которого, к сожалению, я встретил препятствия.

Первое замечательное событие, которое я должен упомянуть, заключалось в том, что 29 сентября по сухопутной дороге из Большерецка сюда прибыли 12 лошадей. Животные были куплены в Сибири для казны и в Большерецк были спущены с транспортного судна "Байкал", пришедшего из Охотска. Для Камчатки, очень бедной этими домашними животными, эта доставка составляла превосходное прибавление, и можно было только пожалеть, что она не случилась еще раньше и в большем масштабе. Точно так же очень желательны были бы и могли принести неисчислимую пользу для всего края большие и частые транспорты рогатого скота, овец и свиней. Принесли бы большую пользу также образцовые фермы близ Петропавловского порта на Калахтырке, Паратунке и в других местах, если бы на этих фермах было рациональное разведение всякого рода скота, если бы он увеличивался в числе и постепенно распространялся бы по всему краю. На севере для подобных начинаний были бы подходящими местами Тигил и Нижнекамчатск, а в середине страны д. Милкова. Для учреждения ферм много

подходящих местностей нашлось бы также и на восточном, ныне населенном, берегу полуострова.

До второй половины октября приходили все принадлежащие к порту суда, доставившие зимние запасы; таковы суда Американской Компании, американского купца, который здесь торгует, и различные китоловные суда. Все вместе они привезли нам богатый запас провизии, так что наше существование казалось вполне обеспеченным. С одним из судов прибыла и почта с известиями с родины. Эта почта доставила нам также Высочайший манифест об объявлении войны с Англией и Францией с приказом всенародно прочесть этот манифест в церкви. Высочайший приказ должен был быть исполнен, что и произошло 1 октября. Странное впечатление производила эта церемония, когда на самом деле назад тому уже много недель здесь успело разыгаться сражение. Не слишком-то спешил прибыть сюда этот важный приказ. И в этом году 1 октября была открыта выставка овощей, как и раньше, помещавшаяся в саду губернатора. Опять за лучшие сорта были назначены награды в 5 и 3 рубля, и многие заслужили премию. Участие в выставке было очень деятельно и обнаружило утешительное развитие огородничества. Картофель, капуста, шинкованная капуста, репа и редька были выставлены поистине в великолепных образцах. Кроме того, оказались очень хорошими свекла, морковь и огурцы. Напротив того, совершенно отсутствовали все деликатные овощи и все стручковые. Во всяком случае, снова было дано доказательство, что Камчатка может похвалиться своим огородничеством, в особенности овощами грубых и прочных родов.

Небольшое каботажное судно, приписанное к здешнему порту, ходило этим летом в маленькое поселение Американской Компании на остров Шумшу, и от командира этого судна мы получили известие, что вулкан пик Фус на Парамушире, равно как и вулкан Алаид, 27 июня 1854 года находились в состоянии сильного извержения, вследствие чего далеко во все стороны падал очень большой дождь пепла. На Шумшу очень сильное землетрясение причинило при этом большое опустошение, именно морские волны затопили почти половину низменного острова. То же самое было в ноябре 1853 года на острове Симушире, где также при землетрясении волны проникали далеко внутрь острова.

10 октября Завойко послал большой палубный бот с несколькими лучшими охотниками и стрелками к мысу Шипунскому с тем, чтобы они настреляли по возможности больше медведей и аргали. Наступил большой недостаток в мясе, и эта охотничья экспедиция должна была устранить нужду. 25 октября бот вернулся, имея на борту 37 аргали и 11 больших медведей. Отсюда видно, насколько богатую добычу может доставить здесь хорошо организованная охота. К тому же, еще этот раз выбрана была такая местность, где нет ни одного северного оленя.

18 октября после многих прекрасных осенних дней была первая суровая снежная погода. При сильном восточном ветре разыгралась настоящая снежная буря (пурга). Земля покрылась снегом в 3 дюйма толщиной, снег, однако, в ближайшие дни совершенно растаял и образовал страшную грязь. Позже с западным ветром снова наступили ясные дни, однако теперь уже настолько холодные (--6 °R), что маленький залив и озеро с северной части города замерзли.

В ночь на 6 ноября жители городка очень быстро были разбужены довольно сильным землетрясением. Я еще не спал и сидел за своим письменным столом, как вдруг услышал быстро усиливавшийся треск балок дома. Мне показалось, как будто мой стул несколько сдвинулся. В то же время я увидел, что предметы, висящие на стене, качались как маятник. Вместе с тем, много раз слышны были удары колокола на деревянной колокольне церкви. Все колебание продолжалось только несколько секунд, в продолжение которых в глубине под ногами слышался сильный шум, как будто от кипящей жидкости. Слабые, едва заметные сотрясения бывали в Петропавловском порте

и раньше; они напоминали, что здесь живут на настоящей вулканической почве, но это сотрясение принадлежало к более сильным. Особого вреда, однако, не произошло.

Днем позже случилось другое, совсем особого рода происшествие. Рано утром был замечен большой медведь, совершенно добродушно лазивший на батарее. Тотчас множество охотников отправились туда и скоро с триумфом притащили большое животное к Завойко. Даже самые старые люди не могли припомнить, чтобы когда-нибудь медведь мог решиться войти внутрь города.

Как уже было сказано, благодаря постоянному западному ветру месяц сентябрь, а также, в общем, и октябрь были прекрасны. Такой же была и первая половина ноября; всякий раз, как вследствие усиления холода воды замерзали, лед скоро исчезал снова. Особенное явление представляли дувшие в высшей степени спорадически очень сильные, чрезвычайно недолго продолжавшиеся, порывистые ветры, которые вдруг задували с севера среди прекрасного ясного дня и часто уже чрез несколько секунд прекращались. Во второй половине ноября наступили снежные дни при восточном и юго-восточном ветрах, которые превращались в настоящие снежные бури. Именно 20 и 30 ноября была такая очень сильная буря. Срывало крыши, сбрасывало трубы и деревья вырывались с корнем. Декабрь был очень неприветлив. Восточный, юго-восточный ветры и бури приносили очень значительные массы снега при высшей температуре от --2 до --3 °R.

В воспоминание славной минувшей битвы и дорого доставшейся победы уже с осени и у жителей высшего и низшего сословия начался ряд празднеств; на святках было настоящее разливное море. Не проходило недели, чтобы не устроилось несколько празднеств: балы, театры, торжественные обеды, поездки и тому подобное. Друг перед другом соперничали в том, чтобы выдумать развлечение и всякий раз предложить что-нибудь новое. Завойко, как всегда, первый подавал добрый пример, и ему следовали более или менее все и каждый по мере сил и возможности. Такому образу жизни способствовало еще то обстоятельство, что благодаря осеннему подвозу мы обильно были снабжены всем необходимым. Даже предметы роскоши и такие вещи, каковы консервы, вина всяких сортов, были в большом выборе. Из Гонолулу прибыли прекраснейшие фрукты, как, например, ананасы, бананы, мандарины и кокосовые орехи; магазин американца снабжал всем, что только можно было пожелать. С установившейся в ноябре дорогой прибывали из внутренней части края большие транспорты мяса, дичи всяких родов и рыбы. Между прочим, приехали торговцы и из Нижнекамчатска, доставившие за один раз свыше 200 диких гусей. Только одно обстоятельство все время оставалось тяжелым -- это абсолютная отрезанность от внешнего мира и от родины.

17 ноября чрез Гижигинск ушла зимняя почта с нашими письмами, а 31 января 1855 года пришла другая почта к нам. Раньше, сейчас после сражения в августе, еще водным путем через Аян был послан в Петербург курьер. Помимо этих случаев мы были вполне изолированы.

Между многими жителями внутренней части страны, которые этой зимой точно так же часто приезжали в Петропавловский порт продавать продукты своей охоты, явился один из Олутора, бывавший здесь уже раньше; ему я обязан многими сообщениями о том отдаленном восточном берегу. Он рассказал мне, что река Тамлат, впадающая в Берингово море между реками Карагой и Кихтингой, берет начало из озера, в котором находятся много горячих ключей и которое содержит при этом соленую воду; точно так же горячие ключи текут и много дальше на северо-восток вблизи урочища Култужного у подножия горной цепи.

Гораздо более важны были для меня известия, полученные о вулканах южной оконечности страны, которые, к сожалению, я не имел случая самостоятельно исследовать; эти сведения я здесь и сообщаю. Хотя по существу дела эти известия и не устраняли ненадежности наших познаний о тамошней местности, но они вносили несколько большую ясность в наши сведения о многих находящихся там вулканах.

Главная причина неопределенности наших познаний заключается, очевидно, в многообразии имен, под которыми приводятся здесь одни и те же высокие точки, имен камчадалских, здешних русских, а также имен, которые совершенно произвольно давали шедшие мимо мореплаватели, и сделались теперь в Европе наиболее известными и употребительными, но остались совершенно неизвестными в самой стране.

Все, что я мог узнать о положении и названиях южных вулканов от мореплавателей, местных жителей и, наконец, из собственных исследований, когда я проплывал мимо, я излагаю здесь сжато в следующих замечаниях.

Яснее всего положение дела на восточном берегу Камчатки у Тихого океана. Здесь можно насчитать семь ясно выраженных, высоко выдающихся над окрестными гребнями гор, вулканических конусов, которые видели и сосчитали многочисленные и известнейшие мореплаватели и которые я достаточно хорошо наблюдал сам, когда проплывал мимо. От мыса Лопатки к северу они следуют друг за другом так, как я изображаю их на прилагаемом рисунке.

Первые четыре ясные конусовидные горы, которые становятся видимыми от мыса Лопатки, у мореплавателей часто обозначаются цифрами; с юга на север они называются Первая, Вторая, Третья и Четвертая сопки. В этом ряду первая сопка многими русскими моряками называется также Кошелева или Камбалиная. Второе название дается ей по имени маленького озера, лежащего между мысом Лопаткой и Большим Курильским озером и изливающегося чрез посредство небольшой прибрежной речки в Охотское море. И на карте Гидрографического департамента для первой сопки поставлены те же имена.

Этот самый южный, ныне, как кажется, совершенно погасший вулкан Камчатки представляет из себя очень значительный конус, сзади которого видны еще два остроконечия.

1. Кошелева, или Камбалиная сопка. 2. Ильина, или Озерная сопка. 3. Ходутка. 4. Хойохонген.
5. Авача. 6. Поворотная сопка.
7. Вилючинская сопка

Вторая сопка на карте называется Ильиной, или Озерной. От старожилов я не слышал никакого названия для этой конусовидной горы. Гора эта много меньше, нежели первая и, как кажется, точно так же совершенно прекратила свое действие.

Для третьей и четвертой сопки на карте не дается никакого названия, но камчадалы рассказывали здесь о двух высоких конусовидных горах. Третий конус был назван вулканом Ходутка, это несколько притуплённая недействующая конусовидная гора, а на месте четвертого обозначен также недействующий большой конус Хойохонген.

За этими четырьмя южными конусовидными горами восточного берега к северу следуют еще три вулкана, которые относительно места и названия определяются вполне согласно: Первый это -- Авача, находящийся при бухте того же имени под 52°2 с. ш.; раньше это была высокая конусовидная гора, которая в 1848 году при сильном землетрясении совершенно разрушилась. В течение 1852--1855 годов я видел, что из совершенно разрушившегося кратера беспрестанно поднимался величественный черный столб пара, из которого падал сильный дождь пепла. Ввиду того, что эта гора сделалась теперь очень низкой, с моря она не видна; замечен только ее высоко поднимающийся столб пара.

Рядом с предыдущей, на север от нее под 52°22' с. ш. возвышается большая, широкая, тупая, теперь недействующая конусовидная гора Поворотной сопки, высоту которой капитан Бичей определяет в 7442 парижских фута.

Наконец, сюда же принадлежит еще Вилучинский вулкан, находящийся одинаково на юг от Авачинского залива под $52^{\circ}52'$ с. ш. Это изборожденный, несколько притуплённый, средней высоты недействующий конус, высоту которого Бичей определяет в 6 918, а Литке в 6 330 парижских футов.

Между всеми этими конусовидными горами восточного берега на южной оконечности полуострова дальше во внутрь страны виднеются гребни разорванного хребта, вероятно края древних кратеров, и остатки старых разрушенных гор.

О вулканах западного берега Камчатки жители Большерецка, Апачи, Голыгиной и Явины сообщали мне, напротив того, очень согласные сведения, по которым я должен перечислить эти вулканы в следующем порядке с севера на юг.

1) Апачинская сопка (Опольная по Эрману, Опальская по Постелю) находится под $52^{\circ}30'$ с. ш., это -- колоссальный, изборожденный, остроконечный недействующий конус, который прежде служил маяком судам, идущим в Большерецк. По Стеллеру, эта гора в старое время должна была быть действующей, точно так же и два маленьких конуса на южной стороне ее подошвы раньше испускали пар.

2) От Большерецка и Большой реки, подобно предыдущей, на западе становится видимой конусовидная гора -- Голыгина сопка. Она принадлежит к числу недействующих и имеет умеренную высоту.

Вид Вилучинского вулкана со стороны
Петропавловского порта

3) На юг от Голыгиной следует вулкан Вине и далее на юг.

4) Вулкан Уташут, который в историческое время, должно быть, принадлежал к числу действующих.

Оба последних вулкана описывают теперь как низкие кратеры без признаков деятельности. Поэтому нельзя думать, чтобы эти вулканы могли быть видимыми с Тихого океана, да еще как высокие, стоящие близко от моря горы, как это справедливо для четырех южных вулканов, упомянутых для восточного берега. Я не могу, стало быть, считать эти горы (Вине и Уташут) идентичными с двумя первыми. С Уташута изливается в океан река Уташут, которая в своем устье соединяется с рекой Ходуткой, вытекающей севернее.

5) Приблизительно в 30 верстах от Голыгиной вверх по реке того же имени находятся горячие ключи и в реку впадают два ручья, из которых один вытекает из одиноко стоящего горного узла Ксудача. Ксудач, находящийся дальше внутрь страны и на восток от вулканов Вине и Уташута, согласно описанию, как кажется, представляет из себя также только огромный распавшийся кратер, имеющий теперь незначительную высоту. Вместе с тем, я не могу смешивать этот старый низкий кратер с четырьмя названными вулканами. На вершине этого кратера должны находиться многочисленные, маленькие, совершенно круглые озера без всякого стока. По берегам этих озер выделяется поваренная соль. Там должны также быть круглая сольфатара с фумаролами и очень чистая прекрасная сера.

На юг от этих вулканов (Вине, Уташута, Ксудача и Ильина) находится исполинское Курильское озеро. После Кроноцкого это самое большое озеро Камчатки, по своей величине только немного уступающее Авачинскому заливу. Курильское озеро при посредстве Озерной, на берегах которой должны находиться горячие ключи, изливается в Охотское море. Оно имеет продолговато-круглую форму, скалистые берега; на середине его торчит из воды очень твердая масса лавы, Каменное сердце, или также

Аландская пупка. Вся обстановка озера указывает на вулканический провал и напоминает исполинский кратер, который, будучи окружен вулканами, опустился и наполнился водой. Обвалившаяся при поднятии лава охладела и в старом провалившемся жерле кратера образовала твердую пробку лавы, которая теперь выдается в виде высокого острова, состоящего из лавовой скалы.

Здесь снова наблюдается то же самое, о чем я уже выше упоминал по поводу Баккенинга.

Древние, циркулирующие в стране сказания точно так же приводят в зависимость происхождение величайших озер края от поднятия вулканических гор. Так, камчадалы рассказывают: остров вулкан Алаид раньше будто бы находился на месте Курильского озера, вулкану сделалось настолько неприятным его местоположение, что он переселился отсюда в море, между тем, здесь его место заняло глубокое озеро с Сердцем или Пупом посередине.

Равным образом Шивелюч стоял прежде на месте Кроноцкого озера и лишь позднее будто бы передвинулся на свое теперешнее место, оставив позади себя озерное углубление.

б) Сейчас же на юг от Курильского озера тянется короткая горная цепь, Перешеек, на котором несколько внутрь страны возвышается вулкан Чаохч; из старого, совершенно осыпавшегося кратера его, подобно тому, как при Узоне, бьет множество горячих источников. Трудно допустить, чтобы при его незначительной высоте Чаохч был тождествен с каким-либо из четырех вулканов восточного берега, о которых упоминают моряки. Но очень возможно, конечно, что зубчатые вершины, возвышающиеся сейчас же подле Кошелевой сопки, составляют части краев кратера Чаохча. На юг от вулкана Чаохча и Кошелевой сопки страна становится очень узкой. Здесь лежит еще небольшое озеро Камбалиное со своим истоком, после чего земля, становясь все ниже и уже, переходит в мыс Лопатку, который, собственно говоря, представляет собою плотину из гравия между двумя морями, отложившуюся на выступающих вперед рифах. Сюда, отделенные полосой моря в 10 -- 12 верст, примыкают Курильские острова, на которых продолжается ряд камчатских восточных вулканов, переходящих затем и в Японию.

Для того чтобы возможно более разъяснить сложные вулканические отношения южной оконечности Камчатки, я хотел попытаться проехать на собаках до Асачи, а оттуда до Голыгиной. 25 февраля я с двумя хорошо знающими местность камчадалами оставил Петропавловск, чтобы достигнуть моей цели. По известной дороге я доехал до Паратунки, и хотя снег был глубок и рыхл, поездка шла еще сносно. Но когда мы пошли оттуда 26-го числа пешком к Вилучинскому вулкану, то рыхлые массы снега оказались настолько непреодолимыми, что, к сожалению, путешествие должно было прекратиться.

Продолжающаяся деятельность вулкана Асачи, т. е. сильное выбрасывание больших пепельных масс, послужила, кажется, к образованию нового конуса пепла; мне казалось, что край кратера, бывший настолько низким, что в 1852 году его вовсе не было видно из Петропавловска, теперь, в начале 1855 года, несколько повысился и уже немного выступал из-за гребня предлежащей горной цепи. Авачинский вулкан также, по-видимому, в первых месяцах года проявлял большую деятельность, так как столбы паров над ним были более значительны.

В начале 1855 года погода была очень изменчива. Прекрасные ясные дни при западном ветре сменялись сильным снегом при восточных и юго-восточных ветрах. Затишье и бури, явная оттепель и холода быстро следовали друг за другом. В начале января было как-то --13°, а на последних днях того же самого месяца наступил самый сильный холод (--17 °R). В наиболее морозные дни, когда температура спускалась до --10°, залив и озеро покрывались льдом, снова быстро исчезавшим вследствие оттепели или бури. Изнутри страны отовсюду приходили известия о громадных массах выпавшего снега. На улицах Петропавловска надуло снег до такой высоты, что мы могли смотреть лишь чрез верхние стекла окон, причем нам были видны одни ноги прохожих. Наибольшей

величины массы снега достигли в феврале, так как затем, особенно в марте, стали преобладать оттепели, снег, еще падая, таял, и половина его опускалась на землю уже в виде воды. Ясные дни в марте были приятны и мягки, как настоящая весна, а на солнце было даже тепло. Жители Петропавловска пользовались прекрасной снежной дорогой для частых увеселительных поездок и прогулок на лыжах; как раз к масленице волны общественных увеселений снова поднялись очень высоко. Маленькое общество предавалось радости без всякого предчувствия и не знало, что этому веселью скоро будет положен чрезвычайно неприятный конец.

3 марта 1855 года рано утром распространилась весть, что прибыл в качестве курьера адъютант генерал-губернатора Муравьева с очень важным циркуляром. Вскоре величайшая новость была на устах всех и каждого; повсюду виднелись испуганные лица, всякое веселье исчезло. Петропавловск как порт был упразднен и оставлен. Все военные и служащие, все суда и вообще все казенное имущество должно было быть переведено в Николаевск-на-Амуре.

Далее циркуляр извещал: так как неприятель возвратится сильно подкрепленным для того, чтобы загладить сделанные им ошибки, и так как совершенно невозможно прислать сколько-нибудь достаточную помощь, то все поэтому тотчас же должно быть перенесено на суда как можно скорее с тем, чтобы -- если это окажется исполнимым -- еще в марте отплыть на Амур. Необходимо было выполнить это приказание. Сначала все это подействовало на местных жителей ошеломляющим образом, затем они ободрились и принялись тотчас же за работу, чтобы поскорее исполнить то, что им неизбежно предстояло. Прежде всего начали оснащать все суда и почти одновременно с этим вооружать и грузить их. Пушки были вывезены из батарей, казенные склады опустошены, а их содержимое погружено на суда. Мужское население, состоявшее собственно только из матросов, было распределено на военные суда, фрегат "Аврору" и корвет "Оливуцу", а также и для службы на всех транспортных судах. На самом большом из последних, на "Двине", должны были отправиться жены и дети матросов, семьи офицеров и служащих и, наконец, все штатские служащие, к которым принадлежал также и я. Начальник Американской Компании вместе со своим семейством и с имуществом компании должен был отплыть на принадлежащем ей корабле "Турку" в Ситху. Одна только семья Завойко вместе с назначенным ей в помощь офицером и его семейством должны были пока остаться здесь с тем, чтобы впоследствии также выйти из Петропавловска. На случай неприятельского нападения для этих семейств было приготовлено пристанище в Старом Остроге. Местные казаки частью уходили с нами, другая же часть их оставалась здесь для охранения опустевшего Петропавловска; для подкрепления их было выписано из Ижигинска еще 30 казаков. В самом деле в марте эти люди пришли сюда, совершив длинное путешествие на собственных собаках.

Без отдыха шла работа днем и ночью, и все более пустело это маленькое местечко, еще недавно такое оживленное. Повсюду воцарялся настоящий хаос разрушения и беспорядка. Бедные жители понесли множество невознаградимых потерь. Места на судах были отведены чрезвычайно скупно, так что всякий мог взять с собой лишь самое необходимое. Так, кто имел дом, рогатый скот, собак, мебель и тому подобное, должен был просто оставить свою собственность или в лучшем случае продать ее за безделицу. Ежедневно изнутри страны прибывали люди, чтобы попрощаться со своими знакомыми. В отчаянии жаловались они на свою судьбу, думая, что теперь снова им придется попасть в разбойничьи руки купцов, попов и исправников, как в старое время. Завойко хотя защищал бы их, теперь же все погибло.

31 марта все было готово к отправлению: тяжело нагруженными вышли все суда из маленькой бухты Петропавловска на рейд в большую Авачинскую губу.

1 апреля "Турку" отправился к Ситхе. 2-го снова прибыл курьер из Иркутска с тем же приказанием торопиться как можно скорее. 3-го состоялся у Завойко большой

прощальный обед, а затем молебен и благословение судов. 5-го был поднят адмиральский флаг на "Авроре" и вышли в море небольшие транспортные суда "Иртыш", "Байкал" и бот No 1-й. 6-го "Аврора" и "Оливу-ца" также отправились в море. "Двина", с капитаном Чихачевым, должна была следовать за ними, но, к нашему счастью, села на мель. В тот же день вечером поднялась ужасная снежная буря, которую мы и переждали в защищенном месте, между тем как другие суда выдерживали сильную борьбу с бурей и волнами. В очень дождливую погоду прибыл я в 1851 году в Петропавловск и теперь, в 1855 г., должен был оставить Камчатку во время снежной метели. За эти годы я полюбил и страну эту, и ее исследование. Не без грусти поневоле прерывал я мою неоконченную работу с сердечным желанием как можно скорее получить преемника, которому лучше, чем мне, удалось бы исследование прекрасной страны.

Отдел VI

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ КАМЧАТКИ ДО АМУРСКОГО КРАЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТТУДА В С.-ПЕТЕРБУРГ

- 1) *Плавание от Камчатки до Амурского края (залива Де-Кастри).*
- 2) *Обратный путь от Николаевска вверх по реке Амуру и чрез Нерчинск и Иркутск в С. Петербург.*

1) Плавание от Камчатки до Амурского края (залива Де-Кастри)

Пустынной и покинутой лежала позади нас маленькая гавань Петропавловска. Кое-где виднелся еще человек, бродивший между пустыми, не обитаемыми теперь домами. Все суда с их многочисленным экипажем снялись с якоря и уже шли по морю. Только наша "Двина" еще стояла на месте и ждала первого благоприятного ветра, чтобы отправиться вслед за прочими вместе со своими многочисленными пассажирами преимущественно женского пола. Пространство между палубами (Zwischendeck) было переполнено женщинами и детьми, семействами отъезжавших мужчин, матросов и чиновников.

Многие из этих семей в короткое сравнительно время второй раз испытывали потерю всего своего недвижимого имущества. Немного лет назад им пришлось так же, по внезапному приказанию, покинуть Охотск и переселиться в Петропавловск. Тогда так же они должны были оставить дома и дворы без какого-либо вознаграждения за убытки. Тогда, как и теперь, они должны были просто покинуть с трудом и издержками построенные ими самими дома и огороженные заборами сады, потому что какие же могут быть покупатели там, где никого не остается. Тогда, как и теперь, пришлось выпустить на волю ездовых собак, чтобы они не умерли с голоду, а коров -- или убить, или точно так же выгнать из стойл. Могут ли при таких условиях возникнуть любовь и охота к оседлости? Могут ли при таких мероприятиях процветать и развиваться поселения? А между тем, именно возникновение и благоденствие таких мелких поселений и составляет самый жизненный вопрос для колонизации далеких окраин. В этом деле следовало бы кое-чему поучиться у далекой, лежащей на западе территории Северо-Американских Соединенных Штатов. Там поселенец свободен в выборе для себя места, а собственность его ограждена от посягательств властолюбивых чиновников. Как по мановению волшебства, там земли населяются людьми, возникают деревни и города, достигающие в короткое время процветания и богатства. Еще ближе нам пример

недавних владений Российско-Американской Компании. В течение столетия, за время управления этой компании, все хирело и совсем не развивалось; теперь же, под американским владычеством, в относительно короткое время все зажило самой деятельной жизнью даже в негостеприимных окрестностях реки Юкона и на Алеутских островах.

Ранним утром 10 апреля, при ясной погоде и благоприятном ветре, двинулась, наконец, и "Двина". Быстро вышла она теперь из Авачинской губы и миновала знакомые берега. Все более и более расплывались вдали очертания Петропавловска, ставшего мне столь дорогим, и места моей многолетней интересной работы. Теперь мы проходили чрез длинный, узкий пролив, ограниченный скалами в тысячу футов высоты, и выступали из большого защищенного бассейна Авачинского залива в открытое море; Камчатка же осталась у нас совсем позади. В виде последнего приветствия видели мы столбы дыма, высоко поднимавшиеся над берегами из вулканов Авачинского, Жупановского и Асачи. Берег лежал покрытый снегом со всеми своими горными хребтами и вершинами как величественная картина. В двадцати милях от земли и при слабом северо-западном ветре медленно пошло судно параллельно берегу к югу. Животный мир был еще как мертвый, береговые скалы возносились, безмолвны и недвижимы без своих обитателей -- разнообразных птиц, которые летом оглашают своим криком воздух или стаями носятся над волнами. Лишь одинокий кит выныривал то здесь, то там, спокойно продолжая свой путь к берегу. Вечером, при хорошем освещении далекого берега, вид его был поистине величествен.

Ночь была прекрасная, таким же наступил и следующий день, 11 апреля. Ветер был слабым, но благоприятным, и судно равномерно, как и вчера, шло к своей цели. Мы приближались к высоте мыса Лопатки. Все горные цепи страны с их прекрасными острыми вершинами были ясно и хорошо видны. Прежде мыса Лопатки, который благодаря своей низкой высоте был невидим, мы заметили высокий конус Кошелевой сопки, затем менее высокий острый пик Ильиной сопки; далее, после короткого гребня гор, следует третий конус -- высокая, широкая, как бы усеченная, гора -- вулкан Ходутка; за довольно длинным, равномерно высоким гребнем гор поднимается в виде четвертого конуса высокий остроконечный вулкан Хойохонген, а за ним, до самой Поворотной сопки, снова тянется длинный горный гребень. Тотчас на юг от него из низкого незаметного кратера Асачинского вулкана поднимаются темные клубы дыма. За ними следует Поворотная сопка -- широкая, округленная наверху конусообразная гора, стоящая близко к морю. Наконец, за вторичным горным гребнем возвышается сопка Вилучинская -- конус средней высоты, последняя перед Авачинской губой, заканчивающая собой весь длинный ряд вулканов, лежащих на восточном берегу Камчатки южнее названного залива. Все эти вулканы, за исключением Асачи, недействительны. Вилучинский вулкан лишь слабо виднелся на северной части горизонта, а Авача и Корьяка уже совершенно исчезли из поля зрения. Ветер сделался свежее, а наш ход быстрее. Ночью мы миновали оба северных Курильских острова, Шумшу и Парамушир, и утром 12 апреля находились перед четвертым проходом между Курильскими островами, лавируя и борясь с очень сильным, почти бурным, западным ветром, затруднявшим нам проход в Охотское море. Положение наше не изменилось и 13 апреля. Буря неистовствовала, осыпая нас снегом и крупой. Вблизи этих высоких островов, покрытых льдом и снегом, было холодно как зимой. Наконец в ночь на 14 апреля ветер принял более северное направление и тотчас же ослабел, благодаря чему и явилась для нас возможность войти в пролив. Мы вошли в проход между островами Парамуширом и Онекотаном, а затем, оставив Ширинки далеко на северо-западе, прошли между Онекотаном и Маканрушем в Охотское море. Путь наш лежал совсем поблизости последнего острова, находившегося вправо от нас, в то время как Онекотан высоко поднимался из моря несколько дальше, с левой стороны. При благоприятном ветре мы теперь быстро шли вперед в юго-западном направлении.

Маканруш -- маленький, круглый остров, состоит из крутых, средней высоты, округленных наверху скалистых масс, образованных, по-видимому, из конгломератов и лавы; мили на две южнее этого острова одиноко и круто подымается из моря колоссальная колоннообразная скала Авось. Влево от нас лежал теперь весь ряд прочих Курильских островов, тянувшихся к юго-западу; из них мало-помалу нашим глазам представились следующие.

Онекотан, по своим размерам почти в четыре раза превосходящий Маканруш, имеет удлинненную в направлении от севера к югу форму, дикие скалистые берега и увенчан тремя вулканическими вершинами. Северная и южная из них -- настоящие острые конусы, первый наиболее высокий. Третий конус возвышается посередине острова и сильно усечен. Остров Харамукотан -- мал, округл и состоит только из одной высокой конусообразной горы. По-видимому, такого же типа и острова Шияшкотан, Екарме и Чиринкотан, также состоящие каждый лишь из одного высокого пика.

Вулканы эти не проявляют, как кажется, никакой деятельности. Что касается растительности, то вследствие значительной отдаленности от островов, я вовсе не мог ее заметить, да и животная жизнь, несмотря на то, что мы находились под 49° с. ш., по-видимому, очень бедна. То здесь, то там показывался тюлень или проплывал мимо кит. Мертвенные, окутанные снегом возвышаются эти вулканы из холодных вод северного моря. По-видимому, здесь обитает вечная зима. Сегодня снова большие гряды туч со снегом и крупой тянутся от пика к пику, совершенно окутывая то один, то другой из них; внезапно и быстро отделяются они от одной горы и приближаются к соседнему конусу, способствуя повсюду продлению господствующей зимы.

С северо-запада повеял свежий ветер, и наше судно, сильно качаясь, спешило к юго-западу, в направлении, параллельном Курильским островам. Вечером мы заметили одного китолова, который скоро скрылся на северной части горизонта.

15 апреля. Утром был еще видим Чиринкотан, и вследствие неблагоприятного ветра мы лавировали перед этим красивым пиком. Затем нас окутал густой туман, прояснившийся лишь к вечеру и открывший нам высокие пики на Райкоке и пик Сарычова на Матуе, два совершенно острых, высоких, потухших конусообразных вулкана. В морской воде сегодня было только 1 $\frac{1}{2}$ ° тепла по Реомюру. К вечеру пошел дождь, ветер сделался благоприятнее и ход судна быстрее.

От 16 до 20 апреля были дурные дни нашего плавания. Бури, сопровождаемые сильнейшим снегом и градом со всех сторон, не только помешали нам держаться нашего настоящего курса, но и отнесли нас далеко назад, в Охотское море. Тяжело нагруженное судно летало, как волан, с одной волны, высокой, как башня, на другую. Все паруса, даже наиболее необходимые для управления кораблем, были совсем убраны или сильно зарифлены. Морская болезнь собрала обильную жатву с бедных женщин и детей, заточенных в тесном трюме. Варить нельзя было совсем, и нечистота превзошла все представления о ней. К этому прибавилось еще и то, что забили тревогу. Из тумана внезапно вынырнул большой трехмачтовый корабль, который шел у нас в кильватере и, казалось, преследовал нас. Наш молодой капитан, заподозрив неприятеля, уже велел готовиться к битве, как вдруг сигнал разъяснил все дело в благоприятном смысле. Это был наш корвет "Оливуца", потерявший во время бури фрегат, с которым он должен был вместе держаться, и принявший "Двину" за "Аврору". Лишь к вечеру 20-го успокоилась буря, и мы могли, сопровождаемые благоприятным ветром, снова направиться к Лаперузову проливу.

21 апреля. Уже ночью обстоятельства значительно изменились к лучшему. Волнение успокоилось, и при хорошем, благоприятном ветре мы делали до семи узлов в час. Утром мы так близко подошли к северному берегу Иессо, что можно было совершенно ясно различать не только его побережье, но и дома, и людей. Вечером мы шли по глубине в 25 сажень, знак того, что мы вошли в Лаперузов пролив; особенно же

убедительным доказательством в этом отношении было то, что юго-восточная оконечность Сахалина, мыс Анива, лежал теперь позади нас.

22 апреля. В четыре часа утра на юге показалась северная оконечность Иессо -- мыс Соя, бесснежная и невысокая холмистая местность, а на северном горизонте -- юго-западная оконечность Сахалина -- мыс Криллон; на дальнем же юго-западе виднелся высокий пик острова Лангль, красивый вулкан, совершенно окутанный снегом и вплоть до несколько разорванной вершины имеющий вид настоящего высокого конуса. Теперь из Лаперузова пролива мы вступали в Татарский залив и здесь были застигнуты сильным северо-западным ветром, погнавшим нас на юг, так что мы прошли очень близко мимо японского острова Рифунсири. Это -- маленький островок, состоящий из высокой горы, окруженной бесснежной холмистой местностью. Температура морской воды достигала +6°.

23 апреля. Погода была необыкновенно хороша и тепла. На палубе опять все оживилось, так как теперь бедные люди снова могли выйти на воздух из трюма, чтобы отдохнуть от морской болезни. Ветер был благоприятен, но слаб, и соответственно этому мы тихо подвигались к северо-северо-западу. В отдалении мы видели наши корветы и транспортное судно "Иртыш". После полудня на востоке показался остров Моннерон, маленький, круглый бесснежный клочок земли, состоящий, по-видимому, из массивных гор и холмов и лежащий не очень далеко от южной оконечности Сахалина. Теперь мы находились на 46° с. ш. и несмотря на то море было поразительно бедно животными. Водяные птицы, например, совершенно отсутствовали.

24 апреля очень слабый ветер мало способствовал нашему путешествию. Медленно пробирались мы далее по направлению к северу. Вечером было особенно красивое свечение моря.

25 апреля при ясном небе поднялся довольно свежий ветер. Утром мы увидели пик Ламанон на Сахалине, а также и большую часть берега этого острова. Горы Сахалина были глубоко окутаны снегом, который, особенно в густых хвойных лесах, покрывающих остров, достигал до самого моря. Горы этого острова имеют форму плоских конусов и куполов, что напоминает базальтовые и трахитовые возвышенности. В течение всего дня был виден берег Сахалина, а вечером очень далеко показался также и западный берег Татарского залива, именно мысы при Хаджи-Бае (у русских он носит название Императорской гавани, у англичан -- Барракуты).

26 апреля. Ночью мы значительно приблизились к нашей цели. Но густой туман принудил нас подвигаться с большой осторожностью здесь, где с обеих сторон берега все более и более сближались; лишь к вечеру мы остановились приблизительно в 8 милях перед заливом Де-Кастри.

27 апреля. Настал прекрасный, радостный день. Земля с заливом Де-Кастри ясно была видна. Отлогие холмы, покрытые густым хвойным лесом, тянулись по берегу и местами спускались к морю крутыми скалами. Несколько далее, внутри страны, возвышается трахитовая вершина средней высоты, плоско вытянутая и лишь на вершине не покрытая лесом, -- единственная примета залива Де-Кастри. Глаз видит только скалы, снег и густой, некрасивый хвойный лес. Пустынная и печальная картина.

Переждав в течение нескольких часов штиль, мы могли затем, лавируя, мало-помалу приблизиться и, наконец, при благоприятном ветре вошли в залив, где в четыре часа после полудня бросили якорь. Два вдающиеся в море скалистые, высокие мыса -- с севера мыс Д'Асса, а с юга мыс Клостер-Камп, образуют тесный вход в большой, глубоко врезающийся в сушу, кругловатый залив, который посередине разделяется на внутренний и наружный бассейны рядом островов, параллельных берегу. Это -- четыре скалистых островка, состоящих из базальтово-трахитовых горных пород и отчасти покрытых жалкими, кривыми деревьями. Что касается берегов залива, то на них замечаются лишь местами скалы из тех же горных пород, а самые берега почти вплоть до воды поросли лесом, состоящим из молодых лиственниц и сосен. Залив имел еще

совсем зимний вид, так как всюду лежало много снега, а внутренний бассейн был покрыт еще рыхлым льдом. "Двина" остановилась между островами Обсерватории и Устричным. Базальтовый и Южный острова лежали на север и на юг в том же самом ряду. У крайнего западного конца залива стояла на берегу пара очень жалких юрт орочей, местных аборигенов, а несколько поодаль от них -- два таких же несчастных домишки, построенных русскими. Здесь было место стоянки молодого офицера с 5 казаками, а самое место носило громкое имя Александровского поста. В тот же вечер прибыл транспорт "Иртыш" и остановился около "Двины".

28 апреля, равно как и следующие дни, было пасмурно и дождливо. 2 и 3 мая шел сильный снег, сопровождавшийся бурей. Так как нельзя было предпринять более далеких экскурсий, то пришлось ограничиться лишь небольшими поездками по заливу, которые мы делали для того, чтобы набрать с островов устриц, во множестве сидевших на скалах. Здешние устрицы больше фленсбургских и очень вкусны.

1 мая в заливе показался корвет с Завойко на борту. Он посетил Императорскую гавань и оставил там "Аврору", чтобы поспешить сюда на "Оливуце". 2 мая остававшийся еще лед вышел из внутреннего бассейна, так что теперь все обширное пространство залива было свободно ото льда. 3 мая последовал приказ о том, чтобы все женщины с детьми и своим багажом были высажены на берег, откуда их на другой день должны были отправить на озеро Кидзи, находящееся на расстоянии около 20 верст и вливающееся близ Мариинского поста в Амур. То же относилось и ко всем без исключения штатским лицам и чиновникам. Завойко снова ожидал неприятеля, вследствие чего все суда должны были, с экипажем исключительно военным, стать во внутреннем заливе, позади ряда островов, и там выстроиться для боя в длинную линию, защищенную ими.

4 мая ранним утром прибыли сюда фрегат "Аврора" и палубный бот I, а вечером также и транспортное судно "Байкал", так что теперь все суда, которые покинули Камчатку, после счастливо совершенного пути соединились в заливе Де-Кастри. Согласно состоявшемуся приказу, они заняли свои места. Впереди стояли "Аврора", "Оливуца" и "Двина", а позади них невооруженные транспорты "Иртыш" и "Байкал". Бот I Завойко послал на север для исследования фарватера Амурского лимана, имеющего при входе около двух верст в ширину. Высадка пассажиров производилась с величайшей поспешностью, так что уже к вечеру на берегу стояли длинные ряды палаток, освещенные множеством сторожевых костров. За последние дни сюда прибыла масса туземцев, даже тунгусов, с их небольшими стадами оленей. Все это вместе составляло пеструю и очень своеобразную картину. На темной, освещенной огнями стене леса живописно выделялись белые палатки и пестрые группы людей. Приамурские туземцы, гиляки, мангуны и орочи -- очень способные к торговле люди. Известие о нашем прибытии в Де-Кастри быстро распространилось между ними и привлекло их во множестве; они предлагали различные товары, в особенности рыбу, что было чрезвычайно охотно принято на стоянке. Быстро устроился импровизированный рынок, и дело прекрасно пошло на лад.

Ранним утром 5 мая при хорошей погоде большой женский лагерь снялся с места. Завойко прислал на помощь и для защиты всех мужей и, кроме того, еще нескольких мужчин из экипажа, и через короткое время длинный караван с тяжелым грузом тронулся пешком в путь. Еще ранее проложенная просека через лес обозначала дорогу на озеро Кидзи, откуда семьи в больших лодках должны были быть отправлены в Мариинск-на-Амуре. Через кучи снега, лужи, груды грязи, древесные корни и пни пришлось тянуться женщинам со своими семьями.

На прибрежном посту залива внезапно все стихло. Остались только один офицер и я с несколькими приставленными ко мне казаками. В случае неприятельского нападения я должен был доставить необходимые сведения в Мариинск, офицер же через мыс Лазарева в Николаевск, -- таков был приказ Завойко. Между тем, на судах делались самые серьезные приготовления к вероятному сражению. Все было готово, каждый

стоял на своем посту и знал, что он должен делать. Так прошли 6 и 7 мая -- в деятельности, но и в покое.

За эти дни сюда прибыло много мангунов, совершивших на своих легких лодках торговое путешествие гораздо южнее Хаджи-Бая. За свои меховые товары они получили манджурский табак, материи и металлические предметы и теперь плыли к устью Амура. Эти люди зачастую делают отдаленнейшие поездки вдоль берегов на юг почти вплоть до Кореи и к берегам Сахалина до японских поселений, чтобы возможно дороже сбывать свои товары.

Когда мы перед полднем 8 мая сидели без всякого предчувствия перед нашей палаткой, внезапно с адмиральского судна раздался выстрел к тревоге. Это был знак того, что каждый должен находиться на своем посту, так как неприятель уже подходит. И в самом деле, у мыса Клостер-Камп были видны три корабля. Один из них, паровой фрегат, развел сильные пары, прошел раза два взад и вперед перед заливом, внимательно наблюдая за нашим положением; затем повернулся ко входу в залив и два раза выстрелил в наши суда, не попав в них однако. Корвет тотчас же ответил также двумя выстрелами. После этого неприятель снова отодвинулся за мыс, и все успокоилось. Тогда Завойко решился на крайнее средство и, чтобы устранить все сомнения, первым делом дал приказ прибить наверху мачт у всех судов флаги, чтобы никому в минуту слабости не пришлось в голову их спустить. Затем оба транспортных судна, "Иртыш" и "Байкал", были снаряжены как брандеры (зажигательные суда); в случае приближения неприятеля они должны были воспламененные идти под его суда. Три других судна были готовы к борьбе на жизнь и смерть. Все ценные предметы, каковы казенная собственность, а также частные суммы, письма, драгоценности и т. д., были принесены ко мне, причем я получил в свое распоряжение 12 человек казаков, которые все это сложили в большой ящик, чтобы снести версты за две в лес, где и должны были охранять это имущество, пока я не прикажу под моим руководством доставить его на Кидзи. Я и офицер И. остались на берегу, чтобы наблюдать за положением вещей, ставшим очень серьезным, и чтобы получить еще некоторые приказания Завойко. Под руками у нас были два казака, которые могли нам понадобиться для каких-либо посылок. Таким образом, с нашей стороны все было готово. Но неприятель не возвратился сейчас же, и скоро мы узнали причину этого. Самое мелкое из неприятельских судов, бриг, пошел под парусами на юг, вероятно для того, чтобы привести сюда еще другие суда и затем уничтожить нашу эскадру, напав на нее силами, значительно ее превосходящими.

9 мая возвратилась на суда часть экипажа, провожавшая женщин до озера Кидзи. Нападения все еще не было. С лодок, сновавших туда и сюда, мы постоянно получали известия о наших, стоявших поблизости, судах, которые находились теперь в чрезвычайно критическом положении. Утром до нас дошло необычайное известие: Завойко задумал воспользоваться обычными в этой местности и почти непроницаемыми туманами, чтобы ускользнуть ночью незаметным образом и в полной тишине. Неприятель стоял на юге за мысом Клостер-Камп, Завойко же хотел, напротив, наши суда, уведенные весельными лодками на север, поставить в безопасность в лимане, за мысом Лазарева. На случай, однако же, если бы неприятель захватил их в этой отчаянной и рискованной вылазке, брандеры должны быть пущены, а военные суда сцепятся с неприятельскими. Цепи якорей и вальки весел должны быть обмотаны, чтобы избежать всякого шума. Все должно двигаться вперед совершенно беззвучно. Каждое судно должно буксироваться всеми своими лодками. Вот в крупных чертах план, который должен был быть выполнен при первом сильном тумане.

Дни проходили в тягостном ожидании и в самых старательных приготовлениях, между тем как неприятель стоял неподвижно на своем месте. Наконец, когда уже ранним вечером 14 мая особенно густой туман начал покрывать землю, Завойко дал нам знать, что наступающая ночь назначается для осуществления отважной выходки. Когда в 10

часов вечера туман сделался так густ, что на расстоянии нескольких шагов едва можно было различить предметы, мы слышали совсем особенный, тихий, мерный стук на том месте, где стояла наша эскадра. Никто, кроме нас, посвященных во все происходившее, не мог догадаться, что обозначал этот шум. Мы же знали, что это поднимают якоря с обмотанными цепями. Затем, после краткого затишья, последовал новый, иначе звучащий, но также тихий шум, и это были удары весел. Но вот все смолкло, и наступила мертвая тишина.

Для нас, стоявших на берегу, теперь настали моменты самого томительного ожидания. Каждую минуту могли начаться выстрелы пушек и смертельная борьба. Но в тумане, все более сгущавшемся, все оставалось спокойно. Часы проходили один за другим, и мы проводили их в лихорадочном возбуждении. Все было безмолвно и тихо.

Теперь стало ясным, что наши суда, в самом деле не будучи замеченными врагами, ушли и успели скрыться. С началом утреннего рассвета они, быть может, уже приблизились к мысу Лазарева или даже стояли за ним в полной безопасности. Завойко совершил такое смелое дело, которое вряд ли было когда-либо в истории войны. Тем самым он спас жизнь сотням людей и сохранил 5 судов.

Когда ранним утром 15 мая туман начал мало-помалу подниматься и вид в даль стал яснее, то наступил момент, когда неприятель внезапно увидел опустевшую гавань и должен был сознаться, что его одурачили. При помощи нашей зрительной трубы мы заметили испуг и смятение на ближайших судах, которых теперь было всего 6 больших пароходов. Тотчас же поднялись столбы дыма из их труб, и скоро один пароход вошел в залив сделать несколько выстрелов в лес, затем возвратился и пошел с целой флотилией дальше к востоку, прямо на Сахалин. Торопливо летели они туда и скоро на горизонте видны были от них только полосы дыма. Вход в лиман на севере был им, по видимому, неизвестен. У Сахалина они надеялись захватить русские суда.

Позади нас была замечательная ночь; мы пережили незабвенные часы. Но этим еще не закончились необычайные события дня. В то время как мы стояли на берегу и, обдумывая только что пережитое и едва ему веря, следили за неприятелем, уже ночью исчезнувшим на далеком горизонте, внезапно со свежим бризом прибыло еще одно судно и вошло в залив; это была маленькая шхуна с японскими такелажем и парусами. На ней был адмирал Путятин, потерявший во время землетрясения в Японии свой корабль, фрегат "Диану"; из обломков своего корабля он построил эту шхуну и теперь, ничего не зная о разразившейся войне, захотел пройти к устьям Амура. Получив от нас известия о происшедшем, он тотчас же повернул обратно и направился прямо к мысу Лазарева, чтобы соединиться с Завойко.

Таким образом, в течение каких-нибудь 12 часов уже второй русский адмирал ускользнул от неприятеля, в то время как последний яростно разыскивал наши суда вдоль всех берегов. 16 мая и мы покинули залив Де-Кастри. Я с моими казаками и доверенными мне ценностями пошел чрез просеку (ровно 21¹/₂ версты) по ужасной дороге к озеру Кидзи, между тем как мой товарищ в радости и несчастьи, офицер И., отправился прямо на мыс Лазарева к Завойко. 17 мая я переплыл на большой лодке через озеро в 40 -- 45 верст длиною в Мариинск (Кидзи), расположенный при слиянии этого озера с Амуром, и нашел пристанище и дружеский прием у доктора Вейриха, своего школьного товарища по Дерпту.

По мере моего приближения к Амуру ландшафт становился все более летним и зеленым, так что в несколько часов я от снегов морского берега перешел к настоящему лету. В тот самый день, как мы оставили залив Де-Кастри, туда вернулись неприятельские суда; так как они нашли это место совершенно пустым, то им не оставалось ничего иного, как только сжечь маленькую баню и пару других, грубо сколоченных домиков.

В ближайшие дни я имел удовольствие встретить в Мариинске моих друзей и товарищей по университету, ныне академиков, Л. фон Шренка и К. Максимовича, путешествовавших по Приморскому краю в качестве естествоиспытателей.

31 мая прибыл сюда из Забайкалья, направляясь вниз по течению Амура, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев. Он явился с громадным караваном из 101 большого крытого судна (называемых по-русски баржами), на которых были нагружены всевозможные запасы и, кроме того, находились 2 500 человек солдат. Каждая баржа имела груз в 3 500 пудов. В селении началось сильное возбуждение. Прибыл сюда властелин из Иркутска. Править всеми начали не рассудок и резоны, а страсти. Утром никто не знал, останется ли еще он на службе к вечеру. Каждый час безграничная милость сменялась диким, внезапным гневом. Перемены, преобразования, перемещения следовали одни за другими. Кто хотел и мог оставаться еще здесь при таком неверном положении вещей?

Для меня было большой радостью узнать, что и я также переведен и именно в Николаевск, куда я немедленно собрался и куда счастливо прибыл 13 июня. Мир и спокойствие господствовали здесь, а Завойко принял меня с тем же дружелюбием, какое он всегда оказывал мне в Камчатке. В ответ на мою просьбу он обещал мне отправить меня в Петербург, как только будет возможно это сделать; я объяснил ему, что с удалением из Камчатки я считаю свою задачу совершенно законченной и не желаю поступать ни на какую службу в Приамурском крае. Но, к сожалению, мне пришлось ждать целый год исполнения этого желания. Уже летом 1855 г. нас покинул целый ряд офицеров. Сначала уехал адмирал Путятин, первый отправившийся вверх по Амуру в маленькой лодке с двумя спутниками. Затем много офицеров направились сухим путем на тунгусских оленях через Удекой, по Мае и Алдану, в Якутск. Наконец и генерал-губернатор Муравьев со своей свитой отправился на судне в Аян, а оттуда в Якутск и Иркутск.

24 сентября супруга Завойко с семейством прибыла из Камчатки в залив Де-Кастри, а 2 октября она была уже в Николаевске. Она наняла судно торговавшего в Камчатке американца и таким образом под американским флагом счастливо пробралась между всюду сторожившими неприятельскими судами. От нее мы узнали, что уже очень скоро после нашего отъезда из Камчатки, в Авачинский залив прибыла очень сильная эскадра английских и французских судов; найдя Петропавловск совершенно покинутым и опустевшим, неприятель обратил в пепел все более значительные постройки и все вообще подверг возможному уничтожению.

В то же время получил я известие о том, что вскоре после нашего отъезда было сильное извержение Авачинского вулкана. Гора испускала спокойно, как всегда, свои облака дыма, как вдруг 28 мая, в 7 часов вечера, послышался внезапно страшный грохот, затем из кратера показались густые облака и к небу поднялся высокий огненный столб. В течение многих дней продолжалось сильное извержение при не переставшем громе и грохоте, и далеко вокруг разбрасывались пепел и другие продукты извержения. За этим первым энергичным извержением последовал более спокойный период, в продолжение которого, однако же, поднимались постоянно вверх темные клубы дыма и, не переставая, шел дождь из пепла. Эта стадия извержения еще продолжалась, когда в начале сентября судно оставило Камчатку.

В октябре же прибыл в Николаевск компанейский бриг "Охотск", капитан которого Юзелиус сообщил мне, как он в 1854 году шел на парусах к Курильским островам и наблюдал там следующее. Пик Фу с на Парамушире он видел с 10 до 12 июня 1854 г. сильно дымившимся. 24 июня 1854 года заметил он на Северном Чирпое (маленький остров на север от Урупа) извержение с огненными явлениями, а 29 июля этот остров сильно дымился. В начале июня он видел Алаид совершенно бездеятельным. На Шумшу он слышал от местных жителей, что какой-то вулкан на Парамушире (но не пик Фус, а другой) 3 декабря 1853 г. так сильно выбрасывал пепел, что им была покрыта вся

окрестность на далекое расстояние. На острове Уруп есть очень высокий пик, который был совсем бездействен в июне 1854 г. Дальше на этом острове находится прекрасная, совершенно круглая гавань для мелких судов; может быть, это не что иное, как обрушившийся кратер, лежащий у самого берега моря.

2) Обратный путь из Николаевска вверх по р. Амуру и чрез Нерчинск и Иркутск в С.-Петербург

Публикуя ныне, по прошествии столь многих лет, отчет о моих путешествиях по Камчатке, я нахожу себе оправдание в том, что со времени моего возвращения, т. е. почти за тридцать лет, мне не попало в руки почти ни одной строки об этой стране и до сих пор еще тому, кто хочет получить более подробные сведения о Камчатке, приходится обращаться к Штеллеру, Крашенинникову и Эрману. Иначе обстоит дело с Приамурским краем, по которому беспрестанно путешествуют и производят свои исследования множество ученых и относительно которого поэтому уже образовалась обширная литература. По той же причине я не буду подробно излагать мои устарелые путевые заметки и сведения о Приамурье, а лишь коротко опишу свой путь от Николаевска до С.-Петербурга.

После того как в течение лета 1855 г. и следовавшей за ним зимы я много раз предпринимал то небольшие, то более значительные экскурсии в области нижнего течения Амура, с начала весны 1856 года во мне зародилось сознание того, что я должен проехать вверх по Амуру к Иркутску, а затем уже отправиться далее в Петербург. Завойко вместе со своим семейством также должен был оставить Приамурский край, но он выбрал дорогу в Петербург через Аян, Якутск и Иркутск.

21 апреля 1856 г. появился официальный приказ губернатора относительно моего путешествия. Как только Амур освободится от своего ледяного покрова, я должен отправиться в путь, сопровождая большую почту, которую придется сдать в Нерчинске или в первой русской почтовой конторе, а затем, причислившись к путевой канцелярии Завойко, я поеду дальше через Иркутск в Петербург.

Для этого путешествия была куплена большая манджурская лодка, а мне предоставили выбор унтер-офицера с 12 забайкальскими казаками, очень хорошо вооруженными и прекрасно знавшими монгольский язык. Еще в первый раз приходилось почте идти вверх по Амуру, поэтому было необходимо приготовить ко всем случайностям, чтобы безопасно провести почту чрез незнакомую страну с чужим населением. Все было приготовлено и упаковано: съестные и военные припасы, а в особенности богатый выбор меновых товаров для приобретения во время пути жизненных припасов, лежали наготове, и только ледяной покров реки препятствовал еще отъезду.

Наконец утром 9 мая лед двинулся, а весь день и следующую ночь был сильный ледоход. С треском и грохотом ломались мощные глыбы на быстро несущейся воде могучего потока. Большие, вырванные с корнем деревья и массы леса всех сортов то всплывали, то исчезали в хаосе сталкивавшихся, вздымавшихся и обвалившихся ледяных глыб. Как необычайно яростен был ледоход, так поразительно быстро все кончилось. Казалось, что это был только лед нижнего течения, проходивший теперь у Николаевска, между тем как южная часть реки уже раньше сбросила свой ледяной покров.

После полудня 10 мая Амур у Николаевска освободился ото льда; тотчас же почта в семи больших чемоданах и наш багаж были уложены в лодку, и после короткого прощанья мы поплыли вверх по реке. Цель нашего путешествия лежала очень далеко, а большая, тяжело нагруженная лодка была очень неповоротлива. Приходилось поэтому пробовать и применять всевозможные способы передвижения. То гребли веслами, то

тянули лодку длинной бечевой, причем всегда шесть человек сходили для этого на берег и тащили судно. Реже, при благоприятном ветре, применялся также парус -- и тогда для всех наступал отдых. В начале путешествия совершались только небольшие дневные переезды, чтобы не слишком напрягать и изнурять силы людей, позднее же мы, где это было можно, подвигались вперед быстрее. По счастью, нам удавалось до самого конца нашего долгого путешествия добывать обильные и хорошие съестные припасы, так что все без исключения были здоровы и весело переносили часто немалые напряжение и труд.

Под Николаевском, вслед за тем, как река сбросила свой ледяной покров, все имело еще совершенно зимний вид. Единственную зелень ландшафта составляли темные хвойные леса окрестностей. Так пробирались мы вверх по мощной реке в западном направлении, пока она, у гиляцкой деревни Тебах, не поворачивает внезапно около выдающейся цепи высот под прямым углом на юг. Левый берег и до этого места, и далее низок и отличается многочисленными островами, рукавами реки, устьями ее притоков (самый большой из них Амгунь), а также малыми и большими озерами (Орел и Чля), между тем как правый берег, начинаясь против Николаевска прекрасными, совершенно конусообразными горами с плоской вершиной, и дальше за немногими исключениями остается гористым до Мариинска. Именно у помянутого Тебаха и у деревни Тыр этот высокий берег образован мощными массами трахита, а на вершине их у последней деревушки находятся старинные каменные памятники с высеченными китайскими надписями. Начиная с Тебаха, т. е. с поворота реки к югу, растительность заметно принимала весенний характер, так здесь уже была видна трава и почки листьев готовились распусться. Почти до самой деревни Пуль простирается страна гиляков, и правый берег Амура очень густо усеян деревнями этого племени, причем деревни Вайр, Магхо и Тебах выделяются как весьма значительные.

Начиная с деревни Пуль и деревни Монголэ, лежащей несколько дальше к югу, идет уже область мангунов, тунгусского племени. Тут вы тотчас как будто вступаете в совершенно новое царство, так как не только население, но и река, и сама природа принимают здесь совсем иной характер. Амур, текущий от Тыра одним руслом, здесь разделяется на несколько значительных рукавов, которые уже затем, сейчас к югу от многих устьев озера Кидзи, соединяются в нераздельную реку. Кидзи-озеро, которое, как уже было помянуто, идет, начиная с окрестностей залива Де-Кастри к Амуру на протяжении 40 верст, у Мариинска вливается в Амур целым лабиринтом рукавов между низкими речными островами. Почти с каждой верстой нашего пути вперед растительность становилась все более летней, так что у Мариинска, куда мы прибыли 18 мая, уже почти все кустарники были покрыты листвою.

В Мариинске из-за нашей лодки нам пришлось остановиться на два дня. Нужно было именно еще раз разгрузить лодку, хорошенько ее законопатить, защитить наш багаж верхом из бересты и затем снова нагрузить как можно практичнее. Кроме того, здесь же мы могли пополнить наши запасы провизии и меновых товаров.

20 мая мы продолжали наш путь. Сейчас же на юг от лабиринта островов при устье Кидзи озера мы у деревни Джаи (где позднее было построено местечко Софийск) вступили в соединенное русло Амура. Непосредственно у самой деревни стоит высокая плоская конусообразная гора, и отсюда оба берега реки становятся непрерывно возвышенными до устья реки Горин, впадающей в Амур с запада; этого места мы достигли 30 мая. Тот же характер речных берегов продолжается еще и до устья идущего с востока притока Хунгар, куда мы прибыли 3 июня. На этой части реки, приблизительно с Джаи, и животный, и растительный мир существенно меняются. Уже близ деревень Борби и Самахагду береговые жители много говорили о кабанах, лосях и благородных оленях. В большой деревне Ади еще раньше Шренком и Максимовичем были найдены идолы в виде тигров, что указывало на существование в здешней местности этого опасного хищника. Уже далеко позади, в окрестностях Мариинска и

Джаи, видели мы в последний раз большого северного белого дельфина, вынырнувшим из волн Амура. Несколько севернее помянутого Ади наткнулся я в первый раз на берегу на существование амурского винограда. Множество самых различных лиственных пород -- деревья и кустарники -- становились все разнообразнее, появился грецкий орех -- короче сказать, вся флора делалась решительно все более и более южною.

От Хунгара, источники которого находятся далеко на востоке, в прибрежных горах, откуда также вытекает Хаджи -- река, впадающая в Императорскую гавань (49° с. ш.), мы снова вступили в речную систему, богатую островами и широко раскинувшуюся благодаря своим рукавам с почти только низкими берегами, которые тянутся до устья Уссури. На этой общей низменности поднимаются на правом берегу отдельные плоские конусообразные горы, как, например, у Хунгара гора Бокка, у Джарэ и Дондона гора Геонг и вблизи Уссури гора Хехцир. Но и на западном берегу вдаль также видно несколько таких отдельных плоских конусов, возвышающихся над низменностью.

Всюду по берегам и островам Амура расположены деревни и жилища гольдов, также тунгусского племени, обитающего по берегам Амура от Горина до Зунгари. Здесь приходится миновать большие деревни, производящие уже некоторое впечатление китайской цивилизации. Между множеством мелких и средненаселенных, как особенно людные деревни, можно назвать: Хунгар, Мыльк, Онмой, Джарэ, Да, Бури и Имминда. Затем уже идет Турмэ близ устья Уссури. Между обоими большими устьевыми рукавами этого значительного притока Амура лежит большой, низменный, поросший ивовыми зарослями остров, на котором находятся поселения гольдов. Здесь, как уже и на нижнем Амуре, а также и дальше вверх по реке, все чаще встречаются суда занимающихся торговлей китайцев; в деревнях же живут богатые купцы из этой нации. При устье Уссури встретил я первый китайский военный пикет с мандарином во главе. Судя по его ранговому отличию, голубой пуговке на плоской шляпе, это был знатный господин, полковник по русской табели. Очень дружески, с большими церемониями принял он меня и пригласил на чай в свою палатку. Это был старый, добродушный и доверчивый человек, впадавший, однако, в невероятное хвастовство, как только он начинал говорить о величине и могуществе Китая.

Еще далеко отсюда, ниже по реке, я часто замечал, что наем проводников становится все затруднительнее, а скоро я узнал, что манджурами запрещено населению под угрозой тяжелых и мучительных наказаний сопровождать русские суда или сообщаться с ними. Всякий раз, как только мы встречали манджурскую лодку, мои проводники скрывались, чтобы не быть замеченными. Между тем, было очень важно иметь проводников в этом беспорядочном лабиринте рукавов и устьев, притоков и озер.

Здесь жители уже совершенно открыто говорили нам о подобном запрещении; лишь тайно могли они сообщаться с нами и тайно же предлагали и продавали нам жизненные припасы. Чем дальше вверх по реке, тем это становилось заметнее. Равным образом выше резче выражался подчиненный, даже рабский, быт жителей берегов Амура. Нередко видел я, что при нашем приближении жители какого-либо дома убегали в лес и возвращались, лишь узнав, что мы не манджуры. Тогда только и становилось для нас возможным выменять нужные жизненные припасы или нанять проводника. В то время как в области гиляков господствовала свободная, ничем не стесненная жизнь, деревни были полны людей, на реке замечалось оживленное движение многочисленных лодок, а само население вело до известной степени сознающее собственное достоинство существование, начиная с Горина деревни были зачастую пусты, а река -- мертва. Летом люди жили здесь по большей части у отдаленных рукавов реки, так как по ее главному руслу слишком часто ездят манджуры, которых они боязливо избегают. Но с другой стороны, гольды переняли много полезного от своих притеснителей. Они были решительно вежливее, обладали большими жизненными потребностями, дома их были в большем порядке и украшались некоторыми предметами роскоши. Гиляцкое собаачье хозяйство кончилось, и встречались другие домашние животные, как-то: лошади, свиньи

и куры. Все чаще также замечалось и садоводство: зачастую виделись различные овощи, а также насаждения конопли и табаку, которые можно было покупать, разумеется, в тех случаях, когда не присутствовали манджуры, так как, вообще говоря, здешние жители охотно берут европейские товары взамен жизненных припасов или как плату за проводников.

Под 48° с. ш., где мы достигли твердого берега, покинув ивовые заросли речных островов, нас встретила очень пышная растительность. Часто ходьба по берегу затруднялась множеством побегов виноградных лоз и плюща. Пробковый дуб, грецкий орех, множество цветущих и вьющихся кустарников, разнообразные виды клена и тому подобные растения придавали местности южный отпечаток. Часто слышались рассказы о тигре, внушающем сильный страх, упоминали также об антилопах, кабанах, оленях, а на песчаных берегах нередко можно было видеть следы черепах, яйца которых мне предлагали даже купить.

От Уссури до Зунгари Амур имеет приблизительно один и тот же характер. Он широк, изобилует большими островами, а по его берегам, особенно же по левому, простирается широкая низина. На равнине правого берега вдали кое где возвышаются группы низких гор. Из лежащих здесь деревень я назову некоторые самые большие, а именно: Гармахо, Ноа, Дырки, Гайдже и, наконец, при устье Зунгари, Джанг-Джу, которой мы достигли 23 июня. По мере приближения к Зунгари, уже за несколько верст, резко заметна вдоль правого берега беловатая глинистая вода этой, идущей из южной Манджурии, реки, между тем как светлая вода Амура течет у левого или северного его берега. Здесь, на левом берегу, стоял русский, а на правом китайский пикет. Деревня Джанг-Джу довольно велика и, по-видимому, имеет очень бойкое сообщение вверх по Зунгари с внутренней Манджурией и с ближайшим городом Сан-Син.

Из дальнейших событий во время нашего пути по реке, где позднее мы проходили обширные, совершенно безлюдные пространства, большое значение имела для нас встреча с судном одного русского купца, которое было нагружено всевозможными товарами. Здесь я мог снова и основательно пополнить наши съестные припасы и стать таким образом независимым от местного населения. Бросив взгляд назад от устья Зунгари, следовательно от самого южного почти колена Амура (48° с. ш.) до Николаевска, я получил следующую географическо-геологическую картину этой части страны: исполинская река, от самого своего устья до Зунгари и еще далее вверх, до Бурейского хребта, имеет вообще гористую или возвышенную местность только на правом берегу, что и заставляет реку, даже и всего более приближаясь к морю, держаться северо-восточного и северного направления, параллельного этой возвышенности. На левом берегу более высокие части выступают лишь в большом подчинении; только там и здесь виднеются в большой дали высоты, поднимающиеся из повсеместной низменности. Вот почему река лишь в виде исключения встречается заключенной в нераздельном ложе; почти везде она разбивается на несколько рукавов, охватывающих заросшие ивой низкие острова, а местами разветвляется даже в настоящий лабиринт водных протоков. Это мы видим при устьях больших озер Орел, Чля, Удыль и Кидзи, а также при устьях Горина, Уссури и Зунгари.

Как уже было сказано, все горы лежат на правом берегу. Сейчас против Николаевска возвышается прекрасная усеченная конусообразная гора, имеющая форму старой трахитовой горы. Начиная оттуда, тянутся хребты высот, падающие к Амуру высокими мысами у Тебаха и Тыра и еще раз выдающиеся в реку у Пуля. На юг от Кидзи-озера, у Джаи, снова поднимается прекрасная гора типичной древневулканической формы. Отсюда также тянутся теснящие Амур возвышенности, от Хыввунды через Ади к Цянке при устье Горина. Затем следует низкий бассейн Горина, а потом река Хунгар, на южном берегу которой возвышается гора Бокка. Этот горный массив, общие очертания которого представляют опять усеченный конус, ниспадает к Амуру мысом Майи, между тем как на противоположном, левом, берегу возвышаются мысы Онмой и Оджал. Затем идут на

далекое расстояние низменности, на которых вдаль то здесь, то там поднимаются плоские одинокие купы гор и возвышенностей. Ближе к Амуру, у Джаре и Дондона, поднимается только гора Геонг с мысом Ухсуми у реки, а на юг от Имминды и Бури, близ устья Уссури -- гора Хехцир. От Уссури до Зунгари идет опять низменность со многими речными рукавами, а к устью последней реки снова подходят купы гор от Гайдже.

Эти, равно как и некоторые другие, видные в отдалении, горные узлы, имеют все без исключения форму древних базальто-трахитовых изверженных образований; там же, где я имел возможность исследовать на берегах Амура самые горные породы, я находил постоянно базальты и трахиты, пористые камни с миндалинами, в которых сидели друзы цеолитов, а также конгломераты, очень поднятые и метаморфизированные глинистые и кремнистые сланцы и наконец песчаники, обнаруживающие опять-таки концентрически-раковистые шарообразования; поблизости их, например у нижнего Амура при гилицкой деревушке Чельмок, замечается выход на свет ископаемых стволов или же, у деревни Патт, вполне образовавшиеся слои бурого угля. Как на Тайгоносе, на всем западном берегу Камчатки и на Сахалине, точно так же и здесь, по-видимому, была отложена чрезвычайно распространенная третичная формация, которая была прорвана или в значительной степени метаморфизирована выдвинувшимися через нее базальто-трахитовыми массами.

Начиная от Уссури, следуя по реке, мы взяли западное направление, которого и держались до Зунгари и далее до самых Бурейских гор; сейчас же за этим хребтом мы достигли самого южного изгиба Амура под $47\frac{1}{2}^{\circ}$. Частые и сильные бури очень задерживали нас. Кроме того, многочисленные болотистые, покрытые ивняком острова на реке и густо заросшие виноградником и плющом берега чрезвычайно затрудняли тягу лодки. Дуб, образующий вместе с кленом, вязом и липой рощицы на равнине травянистых степей, составляет, по-видимому, главное дерево местных лесов. На берегах мы часто видели косуль и оленей и каждый вечер слышали рев последних; что же касается людей, то, начиная от Зунгари, мы вовсе не встречали их ни на воде, ни на суше; равным образом не приходилось нам проезжать и мимо человеческого жилья.

После полного труда движения вперед достигли мы 1 июля высокой скалистой массы, которой обозначено начало прорыва Амура через Бурейские горы. Часто называется эта горная цепь также Хинганом, но настоящий или большой Хинган лежит дальше на запад и образует водораздел между Аргунью и Нонни, притоком Зунгари. Со вступлением в Бурейские горы мы изменили направление нашего пути под острым углом к северо-северо-западу. Здесь Амур собрал свои многочисленные, богатые водою рукава в одно русло и с большой силой неся против нас. Ширину его соединенного потока я определил приблизительно в 200 сажень. Медленно и часто, не без опасности для нашей тяжелонагруженной и непрочной лодки, шли мы теперь по узкому протоку, с обеих сторон которого постоянно спускались к воде крутые скалистые мысы. С обеих сторон между продольными долинами, богато поросшими травой, возвышались мягкие очертания совершенно покрытых лесом вершин умеренной высоты. Сам по себе хребет не представляет ничего дикого, за исключением самой долины Амура, где крутые скалы врезаются в воду. Главная горная порода здесь -- мелкозернистый, светлый гранит и очень богатый слюдой слюдяной сланец, часто встречающийся в сильно выветрившемся и разрушенном состоянии. И здесь, в горах, все было также безлюдно. Показались опять береза, ольха, даже отдельные хвойные деревья и присоединились к дубовому лесу. Большого труда стоило моим людям бороться с порывистым течением. Наконец 5 июля снова достигли мы сперва на левом, а затем вскоре и на правом берегу плоской земли; как только горы остались позади нас, река снова явилась разделенной на многие рукава. Наше направление оставалось все же северо-северо-западным.

После того как мы целыми днями не замечали никакого следа туземцев и не видели их жилья, встретив только пару нагруженных рогатым скотом русских плотов,

направлявшихся в далекий Николаевск, наконец заметили мы на левом берегу группу остроконечных, сделанных их тростника и бересты шалашей, возле которых за большим забором находился табун лошадей. Это были уже не гольды или какое-либо другое племя нижнего Приамурья, а кочующие верхом на лошадях номады, по виду очень похожие на манджуров. Мои люди, все хорошо знавшие монгольский язык, сносно могли с ними объясняться, что было невозможно на востоке от Бурейских гор с живущими там племенами. Это были бирары, ведущие наездническую и охотничью жизнь в этих бесконечных травянистых степях, богатых оленями и лосями. Вскоре затем мы встретили на левом берегу русский пикет из офицера и 25 казаков, которые жили в жалком домишке, снабженные скудным провиантом, и это поблизости расположенного напротив китайского пикета, носившего все признаки благосостояния и избытка.

Вдали, совсем на горизонте, на правом берегу, параллельно Амуру тянется цепь возвышенностей, кое-где приближающихся к реке, и тогда берег ее становится несколько более высоким. В одном месте я заметил грубую гранитную гальку, а в другом -- распавшийся песчаник, который содержал в себе опять части растений в виде почти бесформенных осколков. Таким образом, и на запад от Бурейских гор находились следы великой третичной формации, имеющей столь широкое распространение на востоке.

Вся страна представляла необозримую травянистую степь с одинокими небольшими группами дуба. Почти ежедневно над нами проносились сильнейшие бури, что оказывало немалую помеху нашему путешествию; раза два буря разразилась даже над нами так внезапно, что нашей лодке грозила серьезная опасность. Далее вверх по реке мы дошли до зимних жилищ бираров, которые стояли по большей части пустыми, так как их обитатели находились на охоте. Тип постройки был манджурский, со многими окнами и перегородками внутри. Дома были постоянно окружены садами, в которых возделывались бобы, тыквы, просо и маис. Наконец 12 июля мы достигли на левом берегу холма средней высоты, поросшего дубом, а вслед за ним, к западу, широкого устья идущей с севера Буреи.

Начиная с Буреи, наш путь шел почти на северо-запад. В главных чертах Амур удерживает тот же самый характер. По правому берегу тянется цепь возвышенностей, сопровождая реку. Речные рукава становятся короче, а острова меньше; но по берегам тянутся все те же бесконечные ровные степи, покрытые травой. Здесь также встречаются отдельные небольшие дубовые лесочки; стала даже попадаться давно не виденная нами сосна. Вследствие сильных гроз с дождями вода в бурном подъеме своем гнала вниз по течению громадное количество плавучего леса, который везде, где только было человеческое жилье, очень старательно вылавливался и откладывался, как запас на зиму. В этой местности, очень бедной лесом, Амур оказывает таким образом своим обитателям весьма существенную помощь.

Начиная с Буреи, число деревень, равно как и их население, быстро увеличивалось. Китайским пикетом открылся также ряд деревень, мимо которых мы ежедневно проходили. Дома становились все красивее; они имели беленые наружные стены со многими окнами и были окружены насаженными деревьями, огороженными садами, даже полями. В садах возделывались бобы, тыква, маис, табак, огурцы и разного рода овощи; на полях виднелись пшеница, ячмень, особенно же гречиха и излюбленное просо (буда). Во дворах были устроены места для навоза и виднелись в большом количестве куры, гуси, свиньи, рогатый скот и лошади. В настоящее время главное занятие жителей состояло в вылавливании и собирании плавучего леса, что делалось с рвением. В более значительных деревнях нередко были видны домики, похожие на часовни; там стояли священные киоты, где перед изображениями богов и перед висящими молитвенными табличками дымились курения.

Между деревнями простирается все та же бесконечная травяная степь, на которой иногда по вечерам слышен был крик оленей. Цепь возвышенностей по правому берегу

тянулась непрерывно, а на берегу становилось все оживленнее. Видимо, мы приближались к единственному манджурскому городу на Амуре, резиденции китайского правительства в этой северной части Манджурии, прославляемому всем амурским населением Айхо (Айгуна).

Здесь мне удалось выменять большой запас пшена, яиц и кур, прежде чем строгим приказом было запрещено всякое общение с нами. Почтение к правительству здесь очень велико, так что только ночью и самым воровским образом были нам доставлены продукты обмена.

20 июля мы увидели в маленькой бухте 11 больших длинных китайских судов, конечно, речную правительственную флотилию. Теперь большие деревни так быстро следовали друг за другом, что, собственно говоря, по обоим берегам Амуре тянулся непрерывный ряд домов и садов. Наконец 21 июля, после короткого перерыва степью ряда домов на левом берегу показалось на правой стороне особенно большое количество строений, тянувшихся по несколько возвышенному берегу далеко вверх по реке и затем внутрь страны. Это был Айхо, до которого мы теперь добрались.

Недалеко от города мы остановились, чтобы привести себя в порядок, так как "платье красит человека", а у китайцев эта пословица имеет особенную силу. Затем мы направились к правому берегу прямо к городу. Прежде всего мы подошли к кварталу, состоявшему из длинных рядов больших, расположенных друг возле друга, магазинов. Все они вместе были окружены высоким частоколом с двумя заметными воротами, перед которыми стояли караулы. Спереди и сзади этого магазинного двора, принадлежавшего, конечно, правительству, находились отдельные дома, в которых, вероятно, жили солдаты и служащие на сторожевом посту. Затем начинался ряд частных домов, из которых я мог рассмотреть только стоящие ближе к берегу. Далее в маленькой бухте, образуемой речным берегом, была устроена гавань, к которой под прямым углом к берегу сбегала широкая улица; по обеим сторонам ее шли не дома, а крепкие заборы. На заднем плане этой короткой улицы, за очень высокой оградой с воротами, находился, по-видимому, большой сад, принадлежавший, как я узнал позднее, генерал-губернатору или амбе, где и жил этот главный начальник Айхо.

Еще в Николаевске меня предупреждали, что, имея дело с китайскими чиновниками, я ни в каком случае на должен допускать, чтобы ко мне относились с пренебрежением. Колоссальное высокомерие и гордость мандаринов очень опасны, если только им не противопоставить чувство собственного достоинства. Встретив же последнее, они по большей части становятся трусливы, и таким образом можно избежать по крайней мере множества неприятностей. Здесь мне предстояло испробовать это. Когда мы хотели пройти у маленькой гавани, я увидел на берегу одиноко стоящего старого человека, который с дружелюбной миной пригласил меня сойти на берег, что я и сделал. Но так как у старика на шляпе была медная пуговка (что обозначало унтер-офицера), то через моих людей, говоривших по-монгольски, я велел передать ему, что его чин слишком мал для моего приема. Язык этот был очень понятен китайцу. Он исчез в губернаторском саду, и тотчас же появился другой, с молочно-белой пуговкой, которого я также не принял. Затем пришел человек с пуговкой из прозрачного белого стекла, а там еще один, со светло-голубой пуговкой. Наконец появился чиновник с темно-голубой пуговкой (начальник), с которым я уже согласился разговаривать. Весь этот аппарат различных чиновников у китайцев всегда наготове, и посредством него они хотели только попробовать по возможности унижить меня общением с низко стоящими чинами. Мне было сделано лишь несколько вопросов о том, куда, откуда и зачем я еду. Китаец сказал мне, что все это он должен сообщить амбе, меня же просил тем временем не ехать дальше, а немного подождать, что я ему обещал.

Мы остались снова одни перед пустой улицей. Вдруг внезапно из боковой двери вышел совершенно голый человек, имевший ужасно дикий вид; на шее у него была надета большая тяжелая доска, так что из отверстия выходила одна только голова. Эту

толстую тяжелую доску он поддерживал плечами и руками, но не мог достать до головы, чтобы защитить себя от кусавших его паразитов. Это был преступник, приговоренный к подобному наказанию; на берег его выслали для того, чтобы напугать нас его видом. Этот несчастный так же скоро исчез, а затем снова появился мандарин с темно-голубой пуговкой; на этот раз за ним следовали секретари, со шляп которых свешивались красивые конские волосы. Те же самые вопросы и ответы были повторены и записаны. Вскоре затем у ворот сада началось большое движение -- показались многочисленные слуги, чиновники, секретари, а один из них выступил вперед, чтобы мне сообщить, что появился сам амба.

На оседланном муле ехал верхом маленький человек очень важного вида, окруженный многочисленным персоналом. На его остроконечной плоской шляпе блестела красная пуговка со свешивающимися павлиньими перьями как знак его высокого положения. Амба был одет в темно-серый шелковый кафтан, опоясанный кушаком, спереди которого виднелся очень большой, оправленный в серебро нефрит.

Сначала он представился, как будто случайно вышел на эту дорогу, -- совсем не замечая меня, он дружелюбно разговаривал со своими спутниками. Лишь совершенно приблизившись, он вдруг бросил на нас взгляд и совсем небрежно спросил секретаря, что означает эта чужая лодка. После обстоятельного ответа со стороны последнего, он со строгой миной обратился ко мне и очень кратко спросил, как это у меня хватило смелости прийти сюда, в чужую страну, и от кого получил я на то позволение. Я ответил ему, что ни одной минуты не сомневался в том, что если бы его император, богдыхан, велел ему путешествовать по России, то он непременно так и сделал бы; в данном случае я нахожусь в таком же положении и проезжаю здесь по велению моего императора, белого царя. По-видимому, этот ответ был придуман удачно. Он чрезвычайно понравился высокому лицу, так как с этих пор лед между нами растаял. Он несколько раз ласково кивнул мне головой и повторил слово "ая" (хорошо). Мне были предложены затем засахаренные фрукты и трубка, которую я получил даже совсем в подарок. Я со своей стороны поднес амбе большой стеклянный бокал с хересом, очень ему понравившимся; самый бокал он также милостиво принял. Но теперь я должен был немедленно ехать дальше. Осмотреть город я не получил разрешения, и мне оставалось только, подчиняясь требованию, отправиться в дальнейший путь.

Следующая часть города состояла, по-видимому, только из частных домов. Это были невзрачные домики, построенные в местном китайском стиле из дерева и покрытые соломой. Все они беспорядочно теснились по берегу реки. В одном месте, приблизительно посередине всего протяжения города, на берегу был выстроен из балок род бастиона (большая башня), возвышавшегося над водой в виде балкона. Таким образом, получилась маленькая платформа, позади которой возвышался храм, выкрашенный в красный цвет и богато украшенный резьбой. Здание было покрыто знаменами и колокольчиками, а вниз с него свешивались длинные полосы бумаги с изображениями драконов. Перед храмом стояли большие курильницы, около которых служили духовные лица в желтых и красных одеждах. Казалось, это было самое важное, но и единственное бросающееся в глаза здание всего Айхо. Как раз перед ним стояли 30 больших крытых лодок с мачтами, речной флот губернатора. Наконец город остался позади нас, и мы вышли на берег, чтобы сварить себе кушанье. Мимо нас к Айхо проплыл длинный ряд деревянных плотов, шедших с верхнего Амура и Дзеи. Они везли в город сосновые бревна как строевой материал и дуб для топлива.

После полудня при хорошем ветре мы пошли дальше. Вскоре мы снова увидели по обоим берегам большие деревни, но везде отказывались что-либо продать нам. Повсюду имелись в изобилии стада рогатого скота и лошадей, а также кур и свиней. Дома были окружены садами и полями, что придавало им привлекательный вид. Везде замечались порядок, прилежание и благосостояние. От Айхо мы шли в северном направлении; не очень далеко от города посередине реки стала заметна полоса пены, которая выделялась

тем резче, чем далее мы подвигались: мы приближались к текущей с севера Дзее, последнему большому притоку Амура. Вода Дзеи течет близ левого берега, между тем как течение самого Амура направляется вдоль правого берега, а между обоими потоками струится на протяжении нескольких верст пенная полоса. Большие деревни по берегам Амура идут до самой Дзеи и затем, как мне говорили, тянутся еще на некотором расстоянии вверх по этому притоку. Устьем реки Дзеи кончаются все поселения на левом берегу, да и на правом мы видели потом только одну деревню. Горы, которые до сих пор тянулись лишь вдали по правому берегу, теперь быстро приближаются к реке и, пересекая ее, образуют речную теснину. Здесь, в начале этой теснины, находился русский пикет Дзея, позднее Благовещенск, которого мы достигли 22 июля.

Очень усталые и изнуренные продолжительным путешествием, доставили мы себе здесь день отдыха. Мы находились в пути в тяжелом труде два с половиной месяца. Значительно большую часть Амура мы уже оставили за собой, однако же наиболее трудная часть поездки по Амуру нам предстояла еще впереди. Я думаю, это происходило оттого, что наше терпение истощилось. К счастью, в нашей маленькой компании вовсе не было заболеваний, но всеобщее изнурение было велико. Пустынные и безлюдные берега, простиравшиеся до русской границы, до Усть-Стрелки, не представляли собой ничего ободряющего, ландшафт становился все севернее и печальнее; притом еще не проходило почти ни одного дня без дождя, вследствие чего вода в реке достигла большой высоты и силы. Часто по реке неслись такие большие массы леса, что нам приходилось спасаться на берег. Тянуть лодку на лямке утомленным людям становилось все тягостнее и труднее. Вследствие всех этих обстоятельств наше путешествие подвигалось вперед чрезвычайно медленно.

Начиная с Благовещенска, вверх по реке все было совершенно мертво, лишь кое-где видели мы даурских дровосеков на берегу, сплавлявших в Айхо лес (здесь все еще много дуба). 28 июля достигли мы китайского поста Улуссу-Модон, а 31 июля -- жалкого пикета русских при устье идущего справа притока Комар, поблизости от которого я видел последних даурских дровосеков. Начиная отсюда нам стали попадаться кочевники манегиры, жены, дети и старики которых странствовали в лодках по верхнему Амуру и его притокам, между тем как мужчины блуждали верхами по степям, отыскивая наилучшие места для охоты. Только 17 августа достигли мы знаменитой старой крепости Албазин, валы которой, ныне поросшие травой, поднимаются на высоком делювиальном берегу левой стороны реки. Теперь на этом месте виден только окруженный валами четырехугольник с боковой поверхностью около 40 саженей. Со времени уступки этой местности Китаю по Нерчинскому трактату (1689 г.) и со времени разрушения крепости китайцами все здесь безжизненно и пусто.

19 августа мы прибыли на последний русский пост у Котоманги, где все лежали, больные лихорадкой, а 25-го числа достигли мы наконец Усть-стрелочного караула, где Амур образуется из слияния Шилки и Аргуни. Направление, в котором мы плыли по Амуру с Айгуна, было сначала северным, потом северо-западным почти до Албазина и наконец отсюда до Усть-Стрелки -- совершенно западным. От Айгуна, лежащего почти под 50° с. ш., до Усть-Стрелки ($53^{\circ}30'$ с. ш.) мы поднялись к северу почти на $3\frac{1}{2}^{\circ}$, что особенно было заметно по растительности. Кроме того, и время года значительно ушло вперед, так что близ Усть-Стрелки листва имела уже совершенно осенний вид.

На восток от Бурейских гор мы имели прекрасную листовую растительность -- виноградные лозы, южные деревья и кустарники, разнообразную фауну и густое население, которое еще увеличивалось до самой Дзеи. Начиная с Бурейских гор к дубовым лесам примешиваются также и северная береза, и сосна. Приблизительно до Комара дуб оставался главным деревом, хотя и сильно перемешанный с березой, сосной и лиственницей. Мало-помалу дуб исчез, появившись сперва в качестве подчиненной породы; наконец берега опять были покрыты хвойным лесом. От Бурейских гор и до Комара берега имеют характер травяных степей, которые лишь изредка перемежаются с

возвышенностями и скалистыми берегами. Река на этом протяжении широка, имеет много рукавов и островов. От Комара далее к западу высоты и скалы подступают к самому Амуру и образуют берега, между которыми река течет в широком русле. Выше устья Дзеи по берегам лежал светлый, сильно выветрившийся гранит. Еще дальше, именно поблизости небольшой конусообразной горы, на правом берегу встретились базальто-трахитовые горные породы. Затем показались плотные глинистые сланцы с ходами обломков кварца, а вместе с тем на берегах лежали большие глыбы светлого гранита. Близ Улуссу-Модона горные породы были разрушены и выветрены до неузнаваемости, а у Комара встречались миндалевидные породы с друзами цеолита. На запад от Комара, в сильном изгибе Амура, находился песчаник, в котором выступали залежи бурого угля. Эта угольная залежь как-то загорелась и почти вся уже выгорела. По восходившему дыму можно было распознать продолжавшуюся еще деятельность огня. Позднее и вплоть до Албазина я много раз замечал на берегу такие песчаные и глинистые породы с остатками растений. Наконец, уже вблизи Усть-Стрелки, удалось мне заметить обожженные докрасна песчаные и глинистые породы, опять-таки представлявшие следы выгоревших залежей бурого угля.

Усть-стрелочный караул виден уже из большей дали на возвышенном скалистом мысу между устьями Шилки и Аргуни; после утомительного путешествия в 3 ¹/₂ месяца мы пристали сюда к низкой косе, отходящей от скалы, 25 августа в пять часов пополудни. Около 25 домов, окруженных садами, стояли вдоль двух очень грязных улиц. Местечко это расположено более по высокому берегу Аргуни, нежели по плоскому берегу Шилки. Окрестность этого первого русского пограничного поста имела уже совершенно северный вид сравнительно с прекрасной южной растительностью Амурского края. На гранитной почве растут лиственницы, березы и осины. Для продолжения моего путешествия я имел следующий выбор: или идти по Шилке до города Нерчинска, или по Аргуни, образующей границу между Россией и Китаем, направиться к Нерчинским рудникам. Я выбрал последнее и уже 26 августа пустился в путь вверх по Аргуни.

Чтобы ускорить путешествие, я оставил в Усть-Стрелке часть моих людей, наиболее измученных тяготами нашей поездки по Амуру, и брал из аргунских деревень помощников, которые сопровождали меня от станции до станции.

Значительно меньшее количество воды в Аргуни не позволяло нам употреблять ни паруса, ни весел; скорее приходилось постоянно тащить лодку вверх бечевой; это делалось здесь сравнительно быстро и удобно, так как берега не представляли никаких препятствий. Аргунь, хотя она и протекает сначала по довольно высокой лесистой местности, а затем по безлесной степной холмистой стране, тем не менее не отличается слишком быстрым течением. Правда, то здесь, то там встречаются небольшие пороги или обломки скал, лежащие в фарватере; но они далеко не представляли непреодолимых препятствий на нашем пути. Глубина по большей части незначительна, для очень больших судов часто даже мала. В нижнем течении Аргуни встречаются еще леса из лиственниц, берез, осин, реже из сосен и черемухи, в верхнем же видны только безлесные травяные степи. Темный глинистый сланец, по большей части полный жил кварца, и гранитные горные породы образуют главный материал ее берегов, окрестные же горы имеют в большинстве случаев вид плоских куполов.

Климат здесь очень суров. Уже около двух недель тому назад начались ночные заморозки, ставшие теперь очень чувствительными; нередко падал дождь вперемежку со снегом.

Несмотря на это Аргунь по ее левому берегу очень населена. Правый берег, китайский, не может быть использован никоим образом; за этим строго наблюдают со стороны Китая. Совершенно своеобразное впечатление производит пустыньность и дикость правого берега, между тем как левая сторона реки и ее левые притоки усеяны многочисленными и по большей части значительными деревнями с их садами и полями. Разведение рогатого скота находится здесь, по-видимому, в зачаточном состоянии;

напротив, лошади, овцы, свиньи и куры встречаются в большом количестве. Еще недавно местные обитатели жили в немалом довольстве и, судя по числу и по величине их деревень, были многочисленны. Охота, рыболовство и торговля с кочующими манегирами и тунгусами составляли их очень прибыльные занятия. Торговые поездки свои они совершали далеко на юг в глубь китайских владений. Регулярно каждое лето появляется китайская пограничная комиссия для проверки границы; обыкновенно вместе с ней собирается большая толпа различных номадов для устройства кочующего рынка по всем деревням от Цурухайту до Усть-Стрелки. Производится обмен годичной добычи охоты на русские и китайские товары. Большую роль играют при этом меха лося, оленя и джигетая, а также рога оленей, убитых в июле, которые слывут в Китае за очень действующий конферватив и, вероятно, стоят колоссальных сумм.

При этом здешние крестьяне должны были платить лишь ничтожные подати и, кроме того, были обязаны к очень удобной для них работе на окрестных рудниках и горных заводах. Короче сказать, крестьяне жили здесь порядком позабытые и без помехи их занятиям, представленные собственным интересам, что, естественно, способствовало их благосостоянию. Но планы генерал-губернатора Муравьева положили конец этой беззаботной и патриархальной жизни. Присоединение Амурского края возбудило спешную нужду в военных силах. Одним почерком пера все население было обращено в казачьи полки, и большая часть его тотчас же была переведена на нижний Амур. Шахты и горные заводы, с углекислой свинцовой рудой, чрезвычайно богатой серебром, пришли в упадок. Хозяйства, лишившись наиболее сильного мужского населения, также ухудшились и обеднели. Охота не доставляла более никакой добычи, а торговля -- никакой выгоды. Благосостояние быстро уменьшалось, а вместе с тем росло недовольство и возбуждение населения.

Это было одно из нередких насильственных административных мероприятий, тех искоренений растущего и преуспевающего, которые так вредны для страны. Как может преуспевать страна, в которой ни личность, ни ее собственность не находятся в безопасности ни на одну минуту? Зажиточное и многочисленное, прекрасно развивавшееся население верхней части Амура должно, несомненно, сделаться очень счастливым и цветущим на новых поселениях в низовьях этой реки. Но для создания военного сословия можно и нужно было найти другие средства, чем уничтожение уже достигнутого благосостояния значительного населения (говорили о 30000 мужчинах, переселенных в Забайкалье). Муравьев же все сломал. Он не признавал сообразного с природой развития или здорового созревания. Он набрасывался на то, что ему казалось подходящим, так как все, им предпринятое, должно было получать самое быстрое осуществление.

Близ большого села Аргуньское Аргунь стала уже такой мелководной, что дальнейшее пользование лодкой сделалось невозможным. Я должен был отказаться от своих планов подняться вверх до Цурухайту, этого интересного торгового места. Поэтому я передал лодку местному военному начальнику, распустил большую часть своих людей и поехал дальше с моей тяжелой почтой в 6 телегах по скверной дороге. Первая станция нашего пути была на берегу Аргуни; затем, начиная с деревни Олоча, я покинул реку, а вместе с ней и китайскую границу и проехал еще 20 верст внутрь страны к главному пункту этой окрестности, Нерчинскому заводу, куда и прибыл 6 сентября. На хороших, бодрых лошадях быстро миновали мы безлесные, покрытые травой холмы и долины, равно как и много больших деревень.

В Нерчинском заводе я отправился прямо к императорскому почтамту, чтобы передать доверенную мне почту и удостоверить неприкосновенность печатей. После этого я отпустил всех своих людей, кроме одного казака, который ехал домой, в Иркутск. Хорошо вознагражденные, радостно отправились мои спутники после тяжелого путешествия по своим селениям. Исполнив свою служебную обязанность, я занял указанное мне жилище, чтобы отдохнуть и подкрепиться в течение одного-двух дней.

В глубокой долине притока Аргуни стоят, выровненные в улицы, очень опрятные дома этого маленького местечка, имеющего тип города. Вокруг домов и немощенных улиц тянутся засаженные деревьями сады, что увеличивает приветливый вид местечка. Частные дома построены большею частью из дерева, но содержатся опрятно и красиво; казенные же здания -- все каменные, как-то: церковь, горное управление, почта, обсерватория и химическая лаборатория. Население состоит из чиновников, купцов и в особенности из политических ссыльных, которые пользуются здесь большой вольностью и всюду ходят совершенно свободно.

8 сентября, освобожденный от тяжелого багажа и от моих спутников, я отправился по очень хорошей дороге в просторном тарантасе в Нерчинск, лежащий приблизительно за 300 верст отсюда. Быстро промелькнули мимо меня степная холмистая страна, а затем и гранитные лесистые горы. Сначала я проехал через более мелкие селения и мимо развалин и остатков горных заводов и копей, заброшенных ныне вследствие мероприятий Муравьева. Вдали к юго-западу видна возвышающаяся горная цепь Одон-Челон, богатое месторождение прекрасных минералов; на склоне этой цепи видны древние, чрезвычайно интересные развалины дворцов -- дворцов Чингисхана, как здесь их называет обыкновенно народ -- но скоро от них ничего уже не останется, так что историческое исследование лишится прекрасного поприща для своих работ. Эти древние руины насильственно разрушают, чтобы применять часто очень разукрашенный материал их для новых построек (так, например, церковь в селе Кондуйском вся построена из такого материала).

По мере приближения к Нерчинску селения становятся все больше и чаще, и ряд их замыкается большой, богатой, похожей на город деревней Бянкино на берегу Шилки. Две церкви и много каменных зданий украшают это местечко.

Нерчинск расположен не очень красиво, но широко раскинулся, со многими церквями у впадения Нерчи в Шилку, на обширной и плоской степной местности. Благодаря хорошим дорогам, быстрым лошадям и прекрасной сухой погоде я мог необычайно спешить со своей поездкой. День и ночь ехал я дальше. Скоро добрался до слияния Ингоды с Ононом, этих двух источников Шилки, а затем по долине Ингоды поехал дальше к Чите, новому городу Муравьева, будущей столице Забайкалья.

Начиная от Читы, дорога мало-помалу поднимается к Яблонову хребту, этой лесистой цепи средней высоты, и на другой стороне достигает бассейна Селенги. Здесь я перерезал часть бурятской степи и прибыл в очень красиво расположенный Верхне-Удинск, богатый торговый город, замечательный также и тем, что отсюда идет дорога на юг, к Селенгинску и Кяхте. После очень беглой поездки, сделанной мной в названные места, я вернулся в Верхне-Удинск и по долине Селенги направился по пути к Байкалу. От Посольского монастыря, расположенного на самом берегу озера, я переправился на пароходе на западный берег, в большое село Лиственничная. Байкальское озеро за свою величину получило от местных жителей название моря. Красота берегов его остается незабвенной для всякого, кто только видел это чудное альпийское озеро. Весь западный берег состоит из лесистых гор средней высоты, на востоке же вовсе не видно земли, но до самого горизонта простирается водная поверхность. Наоборот, с юго-запада возвышаются великолепные горные образования высокой и круто спускающейся в воду цепи Хамар-Дабан, через которую ведет к озеру крутая и очень опасная верховая дорога.

Пароход употребил около 6 часов на переход от Посольска до Лиственничной, откуда я через большие селения и фабрики поспешил в часто упоминавшийся главный город Восточной Сибири, лежащий отсюда на расстоянии около 60 верст. 28 сентября 1856 года прибыл я наконец в Иркутск, где мне было чрезвычайно кстати дать себе более продолжительный отдых после тягостей моего путешествия. В Иркутске мне все говорили, что октябрь месяц совершенно непригоден для путешествия по Сибири. Большие реки начинают замерзать, но лед еще недостаточно крепок, и повсюду приходится поэтому испытывать продолжительные и несносные задержки. Лишь в

ноябре можно с уверенностью предпринять поездку в Петербург, так как к этому времени установится настоящий санный путь и реки будет удобно переезжать.

Следуя этому чрезвычайно важному совету, я оставил Иркутск только 6 ноября и отправился по известной дороге в С. Петербург, куда прибыл 7 декабря 1856 г. и откуда я к Рождеству успел добраться на родину, к своей матери.

Примечание научного редактора

При чтении данного труда следует учесть: у Карла фон Дитмара говорится о вулкане Асача и горе Поворотной. В настоящее время -- это единый вулкан Мутновский.

Автор рассказывает о вулканах Большой Семячик и Малый Семячик. В настоящее время Большой Семячик -- это Малый Семячик, а Малый Семячик ныне называется вулкан Карымский.

|